

ВОЕННАЯ
БИБЛИОТЕКА,

СЪ

ВЫСОЧАЙШАГО СОНЗВОЛЕНІЯ

ПОСВЯЩЕННАЯ

РОССІЙСКОЙ АРМІИ.

ТОМЪ IV.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,

1839.

ВОЕННАЯ БИБЛИОТЕКА

СЪ

ВЫСОЧАЙШАГО СОИЗВОЛЕНІЯ

ПОСВЯЩЕННАЯ

РОССИЙСКОЙ АРМІИ.

ИЗДАВАЕМАЯ

И. И. Глазуновымъ

НА 1839 ГОДЪ.

ТОМЪ IV.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,

ВЪ ТИПОГРАФІИ Н. ГЛАЗУНОВА И К^О.

1839.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Санктпетербургъ, 1839 года, іюля 20-го дня.

Ценсоръ А. К р ы л о в ъ.

Войны среднихъ временъ.

ВОЕННОЕ ИСКУССТВО

соч. *Макіавелли.*

=

ПЕРЕВОДЪ КАПИТАНА

М. И. БОГДАНОВИЧА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,

1839.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Предисловіе переводчика.

ВОЕННОЕ ИСКУССТВО.

	Стран.
Къ Лоренцу Строцци, при посвященіи ему сочиненія о военномъ искусствѣ	1
Къ читателямъ	4
Книга первая	5
Книга вторая	35
Книга третія	79
Книга четвертая	108
Книга пятая	128
Книга шестая	149
Книга седьмая	181

ГУСТАВЪ АДОЛЬФЪ

король шведскій.

(Извлеч. изъ соч. *Lossau: Uebersicht der Kriegsführung.*)

	Стран.
Густавъ Адольфъ	215
Первый походъ 1612	218
Вторый походъ 1615	221
Третій походъ 1621	226
Четвертый походъ 1625	234
Пятый походъ 1626	236
Шестый походъ 1627	240
Седьмой походъ 1628	248
Осьмой походъ 1629	261
Первый походъ въ Германіи 1630	277
Вторый походъ въ Германіи 1631	301
Третій походъ въ Германіи 1632	353
Замѣчанія	404

=

Стратегическія замѣчанія генерала Клаузевица на походы Густава Адольфа (отъ 1630 до 1632 года)	427
--	-----

=

ПРЕДИСЛОВІЕ

ПЕРЕВОДЧИКА.

—

Сочиненіе Маккіавелли *о военномъ искусствѣ* пользуется большою славою и было переведено нѣсколько разъ на всѣ европейскіе языки.

Принимая во вниманіе — съ одной стороны — эпоху, въ которую писалъ Маккіавелли * и жалкое состояніе современнаго ему военнаго искусства **; а съ другой — что авторъ не былъ самъ военнымъ, нельзя не удивляться основательности его

* Въ началѣ XVI столѣтія.

** Чтобы получить о немъ понятіе, достаточно прочесть военно-историческія сочиненія Маккіавелли.

правиль, заключающихъ въ себѣ зародышъ всѣхъ основныхъ мыслей о войнѣ Ллойда, Жомини и Наполеона. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, предлагаемое нами сочиненіе содержитъ нѣкоторыя ложныя правила, бывшія неизбѣжнымъ слѣдствіемъ современныхъ понятій о военномъ дѣлѣ (какъ напримѣръ о необходимости принимать въ соображеніе, при расположеніи войскъ, вѣтеръ и свѣтъ солнца; о недѣйствительности артиллеріи, и т. под.). Такія правила любопытны только въ военно-историческомъ отношеніи; въ дидактическомъ же, не могутъ быть полезны.

По этому — переводчикъ считаетъ себя обязаннымъ передъ своими читателями — сослуживцами пояснить свой трудъ примѣчаніями и исключить нѣкоторыя подробности, не могшія имѣть большой занимательности, при настоящемъ состояніи военного искусства, для свидѣтелей великихъ событій нашего времени.

ВОЕННОЕ ИСКУССТВО.

Къ Лоренцу Строци, при посвященіи ему сочиненія
о военномъ искусствѣ.

Многіе утверждали, и утверждаютъ еще понынѣ, что нѣтъ ничего на свѣтѣ болѣе различнаго отъ общественной жизни, какъ быть военнаго человѣка. Вступая въ военное званіе, мы оставляемъ, вмѣстѣ съ прежнею одеждою, и всѣ прежнія наши привычки, измѣняемъ осанку, и самый звукъ голоса. И дѣйствительно, спокойная поступь мирнаго гражданина нейдетъ къ тому, кто обрекаетъ себя непрерывной дѣятельности, кто, по самому званію своему, иногда долженъ, не колеблясь, употребить насиліе. Невозможно военному человѣку сохранять изнѣженныхъ привычекъ общественной жизни, несовмѣстныхъ съ новыми его

Т. IV. — Военное искусство.

1

занятіями. Прилично ли придерживаться поступи, принятой въ гостиныхъ, и тихаго тона голоса тому, кто принужденъ устрашать другихъ рѣзкостью своихъ движеній, густою бородою и грубыми выраженіями? Рѣшеніе подобнаго вопроса совсѣмъ не затруднительно.

Но съ другой стороны, разсматривая общественныя учрежденія древнихъ, мы видимъ, что у нихъ состояніе гражданина было тѣсно связано съ военнымъ званіемъ, и что чувства взаимнаго благорасположенія сближали и одушевляли оба эти сословія. И нельзя не сознаться, что всѣ уставы, клонящіеся къ общему благосостоянію, всѣ постановленія, имѣющія цѣлью внушить благоговѣніе къ религій и законамъ, остались бы тщетными, если бы не было силы, назначенной для ихъ поддержанія, силы, которая, при надлежащемъ устройствѣ, можетъ замѣнить самый недостатокъ хорошихъ гражданскихъ уставовъ. Безъ этого средства, самое лучшее правленіе непрочно; государство безъ вооруженной силы можно сравнить съ великолѣпнымъ зданіемъ, которое изукрашено золотомъ и драгоценными камнями, но не защищено кровлею отъ вліянія непогоды. Оттого у древнихъ, и въ республикахъ, и въ монархіяхъ, старались внушить повиновеніе законамъ, миролюбіе, уваженіе къ религій, въ войскахъ, преимущественно передъ прочими сословіями. Въ самомъ дѣлѣ, не долженъ ли быть преданнѣйшимъ изъ всѣхъ гражданъ отечеству тотъ, кто далъ священную клятву не шадить, для защиты его, и самой жизни своей? Не долженъ ли высоко цѣнить спокойствіе человѣкъ, который болѣе всякаго страдаетъ отъ войны? Не долженъ ли благоговѣть передъ Богомъ тотъ, который, ежедневно подвергаясь опасностямъ, имѣетъ болѣе всякаго нужды въ покровительствѣ Всевышняго? И законодатели и полководцы древняго времени были убѣждены въ этихъ высокихъ истинахъ: всѣ они старались подавать войскамъ примѣры воздержанія и чистоты нравовъ, и возвысить въ общемъ мнѣніи сія необ-

ходимыя качества война. Впослѣдствіи, ослабилась военная подчиненность и преданы были забвенію древніе уставы; а ненависть и отвращеніе отъ военныхъ людей были плодами ихъ испорченности.

Впрочемъ, что касается до меня, то размышляя о всемъ, что удавалось мнѣ видѣть собственнымъ опытомъ и читать въ книгахъ, я почти убѣдился въ возможности возстановить военное званіе на прежнемъ его основаніи и возвратить ему хотя отчасти первобытное его достоинство. Эта мысль заставила меня употребить часть моего свободнаго времени для изложенія приверженцамъ древности, всѣхъ извѣстныхъ мнѣ правилъ, относительно военнаго искусства. Я очень хорошо знаю, до какой степени безразсудно разсуждать о такомъ ремеслѣ, которое не извѣдано на самомъ опытѣ: но при всемъ томъ мнѣ кажется, что я не заслуживаю упрека за то, что осмѣлился занять на бумагѣ званіе полководца, которое многіе, съ несравненно еще большею самонадѣянностью, возлагали на себя въ дѣйствительности. Ошибки мои легко могутъ быть исправлены; напротивъ того, ошибки неискusstныхъ полководцевъ тогда только обнаруживаются, когда ставятъ государство на край гибели.

Тебѣ, Лоренцо, предоставляю оцѣнить трудъ мой: тебѣ предоставляю рѣшить, что заслуживаетъ онъ: похвалу или порицаніе. Да будетъ онъ ничтожнымъ залогомъ той благодарности, которою одолженъ я за всѣ твои благодѣянія. Такія сочиненія обыкновенно посвящаются особамъ, отличающимся передъ прочими высокимъ происхожденіемъ, богатствомъ, талантами и великодушіемъ. Не многіе могутъ сравниться съ тобою знатностью рода и дарами фортуны; еще менѣе людей, которые равнялись бы съ тобою талантами; никто изъ нихъ не равенъ тебѣ великодушіемъ.

КЪ ЧИТАТЕЛЯМЪ.

Чтобы объяснить наилучшимъ образомъ расположе-
ніе частей войскъ, армій и лагерей, изложенное въ
этомъ сочиненіи, я счелъ нужнымъ присовокупить
къ нему нѣсколько чертежей, на которыхъ будутъ изо-
бражены различныя части войскъ слѣдующими знака-
ми :

- о. Пѣхота со щитами.
- h. Пиквиерная пѣхота (вооруженная пиками).
- х. Декуріоны (начальники надъ десятью человекъ-
ми).
- v. Дѣйствующіе Велиты (застрѣльщики).
- и. Запасные Велиты.
- С. Центуріоны (начальники надъ сотнями).
- Т. Баталіонные начальники.
- Д. Бригадные начальники.
- А. Главнокомандующій.
- в. Музыка.
- z. Знамена.
- г. Тяжелая кавалерія.
- е. Легкая кавалерія.
- о. Артиллерія.

=

КНИГА ПЕРВАЯ.

Безъ всякаго сомнѣнія, весьма позволительно хвалить человѣка послѣ смерти его, которая отклоняетъ отъ насъ не только упрекъ, но и самое подозрѣніе въ ласкательствѣ, и потому я осмѣливаюсь воздать справедливую дань похвалъ другу моему Козиму Ручелле, котораго имя и понынѣ воспоминаю со слезами. Этотъ человѣкъ соединялъ въ себѣ всѣ качества, которыя другъ желаетъ найти въ другѣ, которыя отечество требуетъ отъ сыновъ своихъ. Объявляю передъ лицомъ всего свѣта, что я никогда еще не встрѣчалъ человѣка, подобно ему одушевляемаго разсказомъ о великихъ и благородныхъ подвигахъ. Уже находясь на одрѣ смерти, онъ изъявлялъ сожалѣніе единственно о томъ, что умираетъ въ безвѣстности, не ознаменовавъ своей кратковременной жизни ни какимъ полез-

нымъ дѣломъ. Онъ очень хорошо чувствовалъ, что мы могли говорить только объ его вѣрности въ дружбѣ. Но за то, всѣ, которые, подобно мнѣ, знали моего друга, могутъ отдать должную справедливость его блестящимъ качествамъ. Судьба позволила ему оставить намъ вѣкоторыя воспоминанія, дѣлающія честь уму его: онъ написалъ многія сочиненія и между прочими собраніе эротическихъ стихотвореній, которыя были не выражениемъ дѣйствительной привязанности къ какому либо предмету нѣжной страсти, но плодомъ свободного времени, употребленнаго имъ на эти занятія, въ ожиданіи важнѣйшихъ. Эти сочиненія показываютъ, какъ хорошо умѣлъ онъ выражать свои мысли и какая слава ожидала его на литературномъ поприщѣ, если бы поэзія сдѣлалась исключительнымъ предметомъ его занятій.

Смерть, отнявшая у меня друга, оставила мнѣ единственнымъ утѣпленіемъ въ моей горести воспоминаніе о всемъ томъ, что показывало проницательность ума и зрѣлость разсудка его. Въ подобномъ родѣ, я могу привести въ примѣръ оставшійся у меня въ свѣжей памяти разговоръ его съ Фабриціемъ Колонною*. Въ этой бесѣдѣ, происходившей въ саду моего друга, Колонна въ кругу нѣсколькихъ молодыхъ людей разсуждалъ весьма обстоятельно о военномъ искусствѣ; а Козимо обратилъ на себя общее вниманіе своими дѣльными вопросами. Находясь въ числѣ присутствовавшихъ при этой бесѣдѣ, я тогда же рѣшился изложить письменно ея содержаніе, чтобы тѣ, которые были ея свидѣтелями,

* Фабриціо Колонна, главный изъ участвовавшихъ въ бесѣдахъ, описанныхъ авторомъ, былъ весьма опытный полководецъ, который, подобно другимъ частнымъ лицамъ, державшимъ готовое наемное войско (*condottieri*) предлагалъ свои услуги всякому, кто только могъ заплатить за нихъ. Сначала онъ держалъ сторону Франціи и получилъ отъ Карла VIII обширныя земли въ неаполитанскомъ королевствѣ; но потомъ замыслоразстройствомъ его для въ Италіи, перешелъ на сторону Испанцевъ. Онъ получилъ отъ Карла V достоинство коннетабля неаполитанскаго королевства, и умеръ въ 1520 году.

могли возобновить въ памяти воспоминаніе о нашемъ общемъ другѣ. Что же касается до прочихъ друзей его, то они вѣрно пожалѣютъ о томъ, что имъ не удалось быть тогда вмѣстѣ съ нами и извлекутъ хотя нѣкоторую пользу изъ мудрыхъ наставленій, данныхъ однимъ изъ просвѣщеннѣйшихъ людей своего времени, которыя относились не только къ военному искусству, но и вообще къ общественной жизни.

Фабриціо Колонна, по возвращеніи изъ Ломбардіи, гдѣ онъ долгое время служилъ со славою въ арміи короля Испанскаго, проѣзжая черезъ Флоренцію, остановился тамъ на нѣсколько дней, чтобы посѣтить великаго герцога и видѣться съ нѣсколькими вельможами, которые прежде были ему извѣстны. Пользуясь этимъ случаемъ, Козимо пригласилъ Колонну посмотрѣть сады его, не для того, чтобы изумить великолѣпіемъ ихъ своего знаменитаго гостя; но единственно съ тою цѣлю, чтобы имѣть возможность пользоваться продолжительное время его бесѣдою. Козимо не хотѣлъ упустить случая, подавшаго ему возможность приобрѣсти отъ такого человѣка различныя свѣдѣнія относительно многихъ важныхъ вопросовъ, бывшихъ постояннымъ предметомъ его размышленій. Фабриціо охотно принялъ его приглашеніе.

По окончаніи обѣда, когда столы уже были убраны и когда собесѣдники вполне насладились всѣми удовольствіями богатаго пира, — которымъ глубокомысленные люди обыкновенно удѣляютъ весьма ограниченное время, — Козимо, не упуская изъ вида главной цѣли своей, пригласилъ, подъ предлогомъ чрезмѣрнаго жара, все общество въ отдаленнѣйшую и самую тѣнистую часть садовъ своихъ. Одни изъ собесѣдниковъ сѣли тамъ на травѣ, другіе расположились на скамьяхъ, поставленныхъ подъ вѣтвистыми деревьями. Эта часть сада казалась очаровательною знаменитому гостю, который съ особеннымъ вниманіемъ смотрѣлъ на нѣкоторыя деревья; это не могло скрыться отъ Козима: «Можетъ статься, сказалъ онъ,

не всѣ роды этихъ деревъ извѣстны вамъ, и я не удивляюсь тому: они были въ большей цѣнѣ у древнихъ, нежели въ наше время.» Тогда онъ назвалъ ихъ и сталъ рассказывать, съ какою охотою занимался ихъ разведеніемъ дѣдъ его Бернардо. «Я уже догадывался о томъ, отвѣчалъ Фабриціо; это мѣсто и занятія вашего предка напомнили мнѣ нѣкоторыхъ вельможей страны моей, которые имѣютъ охоту къ такимъ же предметамъ и занимаются разведеніемъ садовъ въ подобномъ же вкусѣ.» Произнеся эти слова, онъ замолчалъ, какъ будто бы не рѣшаясь продолжать рѣчь свою. «Если бы я не опасался оскорбить кого-либо изъ присутствующихъ при нашей бесѣдѣ своимъ мнѣніемъ, то я не колебался бы сказать вамъ его.... Впрочемъ, чего могу я страшиться, говоря съ друзьями? Всѣ слова мои будутъ внушены желаніемъ продлить пріятную для меня бесѣду, а не оскорбить кого-либо. О! какъ бы хорошо сдѣлали мы, если бы подражали древнимъ въ ихъ мужественной крѣпости и воздержаніи, болѣе нежели въ ихъ изпѣженности и пышности; въ ихъ трудахъ, совершенныхъ подъ вліяніемъ зноя, — нежели въ отдохновеніи подъ тѣнью. Одна лишь древность, въ первобытной чистотѣ своей, можетъ быть источникомъ, изъ котораго мы должны почерпать полезные примѣры. Тогда только, когда противныя правила взяли верхъ въ Римѣ, тогда только пало мое отечество.» Козимо отвѣчалъ своему знаменитому гостю. Но чтобы избѣжать повтореній: *такой-то сказалъ; такой-то отвѣчалъ ему*, я ограничусь впередъ названіемъ бесѣдующихъ.

Козимо. Вы начали разговоръ о такомъ предметѣ, о которомъ давно уже я имѣлъ желаніе знать ваше мнѣніе. Убѣдительнѣйше прошу васъ говорить со мною откровенно и позволить мнѣ съ такою же откровенностью предлагать вамъ вопросы: ежели, въ продолженіе разговора, я буду оправдывать или об-

винять кого-либо, то слова мои должны быть приписаны единственно желанію узнать отъ васъ истину.

Фабрицію. Весьма охотно скажу вамъ все, что только мнѣ извѣстно, и предоставляю вамъ самимъ судить, справедливо ли мое мнѣніе. Ваши вопросы доставятъ мнѣ большое удовольствіе и будутъ для меня столь же полезны, сколько для васъ мои отвѣты. Умѣющій предлагать дѣльные вопросы, можетъ открыть намъ новыя точки возрѣнія на предметы, и чрезъ то, подать поводъ къ такимъ мыслямъ, которыя безъ того, можетъ быть, никогда не пришли бы намъ въ голову.

Козимо. Позвольте мнѣ обратиться къ собственнымъ словамъ вашимъ: вы сказали, что дѣдъ мой и нѣкоторые изъ неаполитанскихъ вельможей гораздо лучше сдѣлали бы, если бы подражали древнимъ въ ихъ мужественной крѣпости болѣе, нежели въ ихъ изнѣженности. Я хочу оправдать моего предка; до прочихъ мнѣ нѣтъ дѣла. Мнѣ кажется, что въ его время, ни кто не былъ бѣльшимъ врагомъ изнѣженности и бѣльшимъ приверженцемъ похваляемой вами суровости нравовъ: но, при всемъ томъ, ему было очень хорошо извѣстно, что онъ не могъ въ такомъ развращенномъ вѣкѣ, ни подавать собою примѣра этой добродѣтели, ни внушать ее своимъ дѣтямъ, тѣмъ болѣе, что въ наше время, всякое отступленіе отъ обычаевъ подвергается всеобщему посмѣянію. Пусть ктонибудь, по примѣру Діогена, станетъ валяться по песку въ знойный день, или по снѣгу въ жестокую стужу: его сочтутъ сумасшедшимъ; пусть послѣдователь спартанскихъ обычаевъ воспитываетъ дѣтей своихъ въ деревнѣ, приучая ихъ спать подъ голымъ небомъ, ходить босикомъ и купаться въ холодной водѣ зимою; пусть будетъ онъ имѣть въ виду приучить сыновей своихъ къ перенесенію страданій, ослабить въ нихъ малодушную привязанность къ жизни и поселить въ сердцахъ ихъ презрѣніе смерти: его не только будутъ осмѣивать, но представлять въ видѣ

лютаго звѣря. Если бы кто, въ нашъ вѣкъ, подражая Фабрицію, рѣшился довольствоваться одними овощами и презирать дары фортуны, то не многіе только люди отдали бы ему должную справедливость, и вѣрно никто не сталъ бы подражать ему. По этому-то самому и дѣдъ мой, уstraшенный господствомъ нынѣшнихъ обычаевъ, не осмѣлился вполне слѣдовать древнимъ и подражалъ имъ только въ такихъ вещахъ, которыя не могли возбудить всеобщаго негодованія его современниковъ.

Фабрицію. Вы совершенно оправдали своего предка и я съ вами вполне согласенъ: но по моему мнѣнію, слѣдовало бы не возстановить суровые обычаи древнихъ, но ввести обыкновенія болѣе сообразныя съ нашимъ бытомъ, что не представило бы затрудненія человѣку, облеченному нѣкоторою властью надъ прочими. Я долженъ опять привести въ примѣръ Римлянъ: мы будемъ не разъ обращаться къ нимъ. Рассматривая внимательно ихъ обычаи и гражданскіе уставы, мы находимъ, что многія изъ этихъ учрежденій легко могли бѣ быть возстановлены въ такомъ гражданскомъ обществѣ, которое было бы еще не совсѣмъ испорчено.

Козимо. Могу ли надѣяться узнать отъ васъ, въ какихъ именно предметахъ мы должны руководствоваться примѣромъ древнихъ?

Фабрицію. Должно, подобно имъ, почитать и награждать добродѣтельныхъ, не презирать бѣдныхъ, побуждать своихъ согражданъ къ согласію и заставлять ихъ предпочитать общее благо личнымъ выгодамъ, однимъ словомъ, должно подавать примѣръ добродѣтельныхъ поступковъ, которые весьма не трудно согласить съ настоящимъ порядкомъ вещей. Не трудно также возбудить подобныя чувства и въ другихъ, если мы, обдумавъ всѣ средства, для этого служащія, употребимъ ихъ надлежащимъ образомъ: самый обыкновенный умъ въ состояніи постигнуть ихъ. Счастливы тотъ, кто будетъ имѣть успѣхъ въ такомъ дѣ-

лѣ: онъ насадитъ деревья, которыхъ тѣнь будетъ для него пріятнѣе той, которою мы здѣсь наслаждаемся.

Козимо. Я не смѣю прекословить вамъ и представляю это тѣмъ, которые могли бы изложить собственное мнѣніе о такомъ важномъ предметѣ. Но желая объяснить сомнѣніе, которое самъ разрѣшить не въ состояніи, я опять обращаюсь къ вамъ. Вы обвиняете съ горячностью вашихъ современниковъ за то, что они, въ важнѣйшихъ обстоятельствахъ жизни, не подражаютъ древнимъ: какая же могла бѣ быть причина тому, что вы, зная истинный путь, отъ него уклоняетесь? И почему не старались вы возобновить нѣкоторыя изъ древнихъ учрежденій, относящихся къ военному искусству, которое было вашимъ постояннымъ ремесломъ и доставило вамъ такую извѣстность?

Фабрицію. Я ожидалъ отъ васъ этого вопроса. Всѣ прежнія мои рѣчи клонились единственно къ тому, чтобы вы мнѣ сдѣлали его. Не трудно было бы мнѣ отклонить отъ себя ваше обвиненіе; но я, пользуясь временемъ, хочу, для обоюднаго нашего удовольствія, поговорить съ вами обстоятельнѣе объ этомъ предметѣ. Я начну съ того, что всякой человѣкъ, обдумывающій какое либо предпріятіе, долженъ приготовиться къ нему всевозможными средствами, чтобы быть въ состояніи исполнить его, при первомъ къ тому удобномъ случаѣ; и какъ такія приготовленія, совершенныя съ должною осторожностью, остаются въ тайнѣ, то и нельзя обвинять въ перадѣіи того, кто не исполнилъ своего предпріятія потому только, что не имѣлъ на то удобнаго случая. Когда же такой случай представится и не будетъ по надлежащему употребленъ въ пользу, тогда лишь можно заключить, что средства къ успѣху были недостаточны, либо вообще не существовали. Что же касается до меня, то какъ мнѣ еще никогда не представлялось случаевъ наружить средства, приготовленныя мною для введенія въ войска древнихъ учрежденій, то никто не

можетъ справедливо обвинять меня за то, что я этого не исполнилъ. Мнѣ кажется, что такое извиненіе достаточно для оправданія меня въ глазахъ вашихъ.

Козимо. Безъ сомнѣнія, если бы я увѣрился, что вамъ не встрѣчалось удобнаго случая.

Фабрицио. Вы имѣете право сомнѣваться въ томъ, и потому я хочу переговорить съ вами подробно о предварительныхъ распоряженіяхъ, которыя надлежало мнѣ сдѣлать, о случаяхъ, которые должны были мнѣ встрѣтиться и о препятствіяхъ, которыя противятся успѣху распоряженій и уничтожаютъ самую вѣроятность благопріятныхъ случаевъ. Однимъ словомъ, я хочу объяснить вамъ, не смотря на противорѣчіе, которое вы найдете въ словахъ моихъ, почему именно подобное предпріятіе и весьма легко и весьма затруднительно.

Козимо. Вы доставите этимъ большое удовольствіе, какъ мнѣ, такъ и друзьямъ моимъ, и если только вы не устанете говоря, то мы вѣрно безъ утомленія будемъ слушать рассказъ вашъ. Но какъ я ласкаю себя надеждою, что эта бесѣда будетъ довольно продолжительна, то позвольте мнѣ пользоваться содѣйствіемъ гостей моихъ; мы всѣ убѣдительно просимъ васъ, чтобы намъ дозволено было обезпокоивать васъ вопросами и даже иногда мы осмѣлимся прервать....

Фабрицио. Всѣ эти вопросы, какъ собственные ваши, такъ и молодыхъ друзей вашихъ, мнѣ принесутъ большое удовольствіе: молодость ихъ должна внушить имъ страсть къ военному дѣлу и снисхожденіе къ словамъ моимъ. Пожилые люди, убѣленные сѣдинами, либо не любятъ разсуждать о войнѣ, либо напитапы предразсудками.

Они считаютъ причиною нашего настоящаго состоянія, не вредные наши обычаи, но общее развращеніе вѣка. И такъ, дѣлайте мнѣ вопросы: я самъ прошу васъ о томъ, какъ для того, чтобы рассказъ мой иногда прерывался краткимъ отдыхомъ, такъ и съ

тою цѣлю, чтобы не оставить въ вашихъ мысляхъ ни малѣйшаго сомнѣнiя.

Вы сказали, что я не ввелъ въ войска ни одного изъ учрежденiй, принятыхъ древними, не смотря на то, что война была постояннымъ ремесломъ моимъ. Скажу вамъ въ отвѣтъ, что военное ремесло, ни въ какое время, не можетъ быть приличнымъ занятiемъ для частнаго человѣка: война должна быть ремесломъ государства. Ни одно благоустроенное владѣнiе не позволяло вести войну части своихъ подданныхъ, по собственнымъ ихъ видамъ и выгодамъ; ни одинъ добродѣтельный человѣкъ не вступалъ въ военное званiе безъ призыва своего правительства. Никто, каково бы ни было впрочемъ его состоянiе, не можетъ служить въ такомъ войскѣ, которое не содержится правительствомъ. Во время мира, такой воинъ приужденъ самою необходимостью, для поддержанiя своего существованiя, поступать такъ, какъ и во время войны, ежели впродолженiе войны не успѣлъ онъ заготовить надлежащимъ образомъ, на случай мира. По истинѣ, эти средства не приличны добродѣтельному человѣку; отъ нихъ происходятъ грабительства, убiйства и всякаго рода насилiя, которыя производятся такими солдатами не только въ непрiтельской странѣ, но и въ собственномъ отечествѣ. Ихъ полководцы, находя личныя невыгоды въ мирѣ, изобрѣтаютъ тысячи различныхъ хитростей для продолженiя войны, и когда наконецъ заключенiе мира лишитъ ихъ жалованья и заставитъ ихъ отказаться отъ обычныхъ насилiй, тогда они набираютъ шайки удалцевъ и опустошаютъ цѣлыя области.

Безъ всякаго сомнѣнiя, вы помните время, столь ужасное для всей Италiи, когда по окончанiи войны, оставившей безъ пропитанiя множество солдатъ, они

* Въ то время, когда происходилъ предлагаемый разговоръ, почти вся италiянскiя войска содержались, не правительствами, а частными лицами (*condottieri*). Самъ Колонна былъ однимъ изъ этихъ лицъ; но несмотря на то, оуждалъ подобный родъ войскъ. Б. Н. М.

составили скопища, налагавшія дань на владѣльцевъ и безнаказанно грабившія страну свою? Развѣ вы позабыли, что вслѣдъ за первою Пуническою войною, Карфагенскіе наемники, избравъ самовольно изъ среды своей себѣ начальниками Матона и Спендіона, и ополчась противъ Карфагена, подвергли его большей опасности, нежели какою ему угрожали Римляне? А во времена болѣе къ намъ близкія, Франческо Сфорца, за тѣмъ, чтобы, въ продолженіе мирнаго времени, сохранить пристойное содержаніе, не только вооружился противъ Миланцевъ, державшихъ его во время войны на жалованьи, но посягнулъ на ихъ независимость и сдѣлался ихъ владыкою.

Такъ поступали и всѣ прочіе войны Италіи, считавшіе войну единственнымъ ремесломъ своимъ: правда, что не всѣмъ имъ удалось сдѣлаться герцогами Миланскими; но ихъ поведеніе тѣмъ болѣе заслуживаетъ порицаніе, что они, не имѣя въ виду столь важной цѣли, рѣшались на такія же преступленія. Отецъ Франциска Сфорцы, измѣнивъ королевѣ Іоаннѣ и предавъ ея въ жертву непріятелямъ, заставилъ ее прибѣгнуть къ помощи короля Фердинанда: единственнымъ къ тому поводомъ имѣлъ онъ ненасытное корыстолюбіе и желаніе овладѣть государствомъ, котораго защита была ему вѣрена. И Браччіо хотѣлъ, дѣйствуя такимъ же образомъ, овладѣть Неаполемъ, и вѣрно успѣлъ бы въ своемъ предпріятіи, если бы не былъ побѣжденъ и не потерялъ жизнь подъ Аквилію. Всѣ сіи безпорядки произошли отъ того, что эти войны считали войну ремесломъ, въ которомъ искали однѣ только собственные выгоды.

К о з и м о. Вы сдѣлали презрительнымъ въ глазахъ моихъ военное званіе, которое прежде считалъ я благороднѣйшимъ, нежели всѣ прочія. Признаюсь вамъ откровенно, что вы оставите во мнѣ непріятное впечатлѣніе, если не возвысите его хотя нѣсколько въ глазахъ моихъ: въ противномъ случаѣ для меня будетъ затруднительно признать истинно великими Юлія Ке-

саря, Помпея, Сципіона, Маркелла и другихъ римскихъ полководцевъ, которыхъ молва поставила, такъ сказать, на ряду съ небожителями.

ФАБРИЦІО. Позвольте мнѣ развить еще болѣе мои предложенія: во-первыхъ, что добродѣтельный человѣкъ долженъ смотрѣть на военное званіе, какъ на подвигъ, требующій отъ него всевозможныхъ пожертвованій, а не такъ какъ на ремесло, доставляющее ему средства къ существованію; во-вторыхъ, что ни одно изъ благоустроенныхъ государствъ не давало права частнымъ людямъ заниматься войною. Я уже все сказалъ вамъ, относительно перваго предложенія: перехожу ко второму.

Но прежде всего, хочу дать отвѣтъ на послѣднее ваше замѣчаніе. Помпей, Юлій Кесарь, и почти всѣ полководцы временъ, послѣдовавшихъ за Пуническими войнами, пріобрѣли большую славу, но не добродѣтельными дѣяніями, а единственно непоколебимостью и искусствомъ въ военномъ дѣлѣ; напротивъ того, предшественники ихъ заслужили всеобщее одобреніе, не только военною доблестью, но и добродѣтелями. Отъ чего же произошло такое различіе между ними? Не отъ того ли, что одни считали войну ремесломъ своимъ, а другіе были противнаго мнѣнія? Пока граждане республики сохраняли чистоту нравовъ, до тѣхъ поръ никто изъ знатныхъ не помышлялъ о томъ, чтобы посредствомъ оружія похитить власть надъ своими соотечественниками, низвергнуть законы, ограбить чуждыя области, поработить родину и все покорить своей волѣ; никто изъ Плебеянъ не осмѣливался нарушить священную клятву война, принять сторону какого либо частнаго человѣка, пренебречь власть сената и посягнуть на независимость республики, за тѣмъ только, чтобы во время мира пріобрѣсти пропитаніе военнымъ ремесломъ своимъ. Полководцы первоначальныхъ временъ Рима, вполнѣ довольствуясь честью триумфа, съ удовольствіемъ возвращались къ мирнымъ занятіямъ своимъ. Солдаты оставляли оружіе съ такою

же охотою, съ какою возлагали его на себя, и возвращался въ дома свои, не осмѣливаясь и помыслить о томъ, чтобы жить войною и военною добычею.

Я могу привести, въ подтвержденіе словамъ моимъ, въ видѣ великаго и достопамятнаго примѣра, поступокъ Аттилія Регула, который, начальствуя надъ всѣми Римскими войсками, дѣйствовавшими въ Африкѣ и побѣдивъ Карвагенцевъ, испрашивалъ у сената позволеніе возвратиться, для того, чтобы обрабатывать свою землю, остававшуюся безъ надлежащаго досмотра въ его отсутствіе. Изъ этого видно, что ежели бы онъ считалъ войну ремесломъ своимъ и старался извлечь изъ ней личную для себя пользу, то имѣя въ рукахъ столько богатыхъ областей, не сталъ бы хлопотать о скудномъ участкѣ своемъ и могъ бы въ одинъ день пріобрѣсти гораздо болѣе, нежели сколько стоило все его имущество.

Но эти великодушные люди, которые вовсе не считали войны ремесломъ своимъ, ничего не искали въ ней, кромѣ трудовъ, опасностей и славы, и обремененные этою благородною добычею, возвращались въ дома свои; по всему кажется, что и поведеніе простыхъ воиновъ было столь же благородно: они слагали съ себя оружіе безъ ропота, и вновь вооружались съ охотою; но по окончаніи войны, еще съ большею готовностью, возвращались къ мирнымъ занятіямъ.

Я могъ бы привести въ подтвержденіе этой истины многіе доводы; но я ограничусь только тѣмъ, что освобожденіе какого либо Римскаго гражданина отъ обязанностей воинской службы считалось величайшею и доступною только весьма немногимъ привилегіею. Во времена славы Рима, предшествовавшія Грекамъ, никто изъ солдатъ не считалъ войны постояннымъ ремесломъ своимъ, и при всемъ томъ тогда было въ войскахъ ихъ весьма мало негодяевъ, которые, замѣтимъ мимоходомъ, наказывались по всей строгости законовъ. По этому-то самому, всякое благоустроенное государство должно представлять своимъ гражданамъ военное

искусство, во дни мира, какъ полезное упражненіе, долженствующее входить въ объемъ постоянныхъ ихъ занятій; а въ военное время, какъ необходимость, подающую имъ средство къ приобрѣтенію славы: но никто не долженъ осмѣливаться считать войну ремесломъ своимъ, и только одни правительства имѣютъ неотъемлемое право подражать въ этомъ примѣру Римлянъ. Всякой частный человѣкъ, имѣющій такой образъ мыслей о военномъ званіи, есть недостойнымъ членомъ гражданскаго общества; всякое государство, въ которомъ терпимы подобныя превратныя понятія, клонится къ паденію. Эти истины слышались для васъ еще болѣе очевидными, ежели вы можете безъ утомленія выслушать разсказъ, въ которомъ я намѣренъ сравнить воинскіе уставы древнихъ съ новѣйшими учрежденіями по этой части.

Козимо. Ваши поучительныя наставленія еще болѣе усилили наше желаніе пользоваться вашею бесѣдою. Мы все изъявляемъ вамъ благодарность за это снисхожденіе и вмѣстѣ съ тѣмъ убѣдительно просимъ продолжать разсказъ вашъ.

Фабрицио. И такъ, пользуясь вашимъ вниманіемъ, я начну свое изслѣдованіе съ первоначальныхъ основаній и постараюсь вполне развить его, что безъ сомнѣнія послужитъ къ наилучшему объясненію предмета. Цѣль правительства, предпринимающаго войну, состоитъ въ томъ, чтобы противустоять непріятелю съ успѣхомъ въ полѣ, и одержать надъ нимъ побѣду въ день рѣшительнаго боя. Для этого необходимо имѣть армію, то есть набрать извѣстное число людей, раздѣлить ихъ на части, обучить ихъ дѣйствованію, какъ въ небольшихъ отдѣленіяхъ, такъ и въ значительныхъ массахъ, вывести ихъ въ лагерь, и показать имъ, какимъ именно образомъ должны они сопротивляться непріятелю, при неожиданной съ нимъ встрѣчѣ, или на заблаговременно занятой позиціи. Все это составляетъ основную часть искусства, самаго необходимаго въ военачальникѣ, искусства вести войну

Т. IV. — Военное искусство.

2

въ полѣ. Кто можетъ по надлежащему распорядиться въ бою, тому извинительны недостатки по другимъ частямъ военнаго дѣла; кто лишень таланта громить противника, тотъ никогда не можетъ окончить войну со славою, какими бы достоинствами ни обладалъ оный во всѣхъ другихъ отношеніяхъ. Не рѣдко побѣда поправляетъ ошибки, а проигранное сраженіе дѣлаетъ бесполезными самыя благоразумныя распоряженія.

Какъ первый предметъ, необходимый для веденія войны, состоитъ въ приисканіи людей для составленія изъ нихъ войскъ, то прежде всего должно обратить вниманіе на то, что обыкновенно называютъ *наборомъ*, и что я слѣдуя древнимъ, назову *выборомъ**. Военные писатели совѣтуютъ набирать войска въ странахъ, пользующихся умѣреннымъ климатомъ: въ этомъ, по мнѣнію ихъ, состоитъ единственное средство для пріобрѣтенія людей, одаренныхъ въ равной степени благоразуміемъ и мужествомъ, по той причинѣ, что въ странахъ жаркихъ, по большей части, люди благоразумны, но не мужественны; а въ странахъ холодныхъ, напротивъ того, храбры, но не одарены осторожностью.** Подобный совѣтъ можетъ принести пользу только такому правительству, которое, располагая средствами дѣлаго міра, можетъ набирать солдатъ вездѣ, гдѣ только ему заблагоразсудится; что же касается до меня, то какъ я хочу изложить такія правила, которыя были бы удобоисполнительны во всякомъ государствѣ, то ограничусь совѣтомъ, набирать войска въ собственной странѣ своей, въ какомъ бы климатѣ не находилась она. Мы находимъ у древнихъ многіе примѣры, весьма убѣдительно намъ показывающіе, что введеніе хорошей дисциплины способствуетъ къ образованію хорошихъ солдатъ, исправляетъ ихъ природные не-

* Delectus.

** Весьма замѣчательно, что Наполеонъ, въ запискахъ своихъ, говоря о качествахъ необходимыхъ для полководца, требуетъ, чтобы оный обладалъ въ равной степени благоразуміемъ и храбростію.

Павл. Паша.

достатки, и беретъ верхъ надъ самою природою. Набирая солдатъ изъ чужеземцевъ, невозможно имѣть отборныхъ солдатъ, потому что *выборъ* людей возможенъ только въ собственномъ государствѣ, гдѣ можно получить самыхъ способныхъ людей, не обращая вниманія на ихъ охоту къ военной службѣ; но не въ чужой странѣ, гдѣ нельзя никого приневолить къ службѣ, и гдѣ должно ограничиваться вербовкою людей, добровольно въ войска поступающихъ.

Козимо. Однакоже изъ числа этихъ людей, добровольно вступающихъ въ службу, можно выбрать лучшихъ, и потому вербовка можетъ назваться *выборомъ*.

Фабрицію. Ваше заключеніе съ перваго взгляда кажется справедливымъ; но разсматривая внимательно всѣ недостатки подобнаго набора войскъ, оказывается, что производя вербовку, не возможно дѣлать *выбора*. Всѣ чужеземцы, которые добровольно соберутся подъ ваши знамена, могутъ считаться худшею частью цѣлаго народонаселенія: всѣ они будутъ люди, потерявшіе доброе имя, неспособные къ трудамъ, не повинующіеся ни религіи, ни законамъ, непослушные своимъ родителямъ, преданные распутству, игрѣ и всѣмъ возможнымъ порокамъ, несомѣстнымъ съ истинною воинскою подчиненностію. Ежели такіе люди предложатъ вамъ услуги свои, и число ихъ будетъ болѣе того, въ которомъ имѣете нужду, то безъ всякаго сомнѣнія, вы можете выбрать изъ нихъ лучшихъ: но дѣлая выборъ изъ негодяевъ, вы вѣрно не получите *отборныхъ* людей. Если же, напротивъ того, число солдатъ, явившихся по вашему призыву, окажется недостаточнымъ, то вы будете принуждены принять ихъ всѣхъ безъ исключенія, и безъ всякаго выбора. Такими-то людьми наполнены, въ настоящее время, всѣ арміи Италіи и всѣхъ прочихъ государствъ, исключая Германіи, и причиною подобнаго неустройства не что иное, какъ добровольная вербовка. Теперь

*

спрошу васъ , возможно ли ввести дисциплину древнихъ въ такую армию ?

Козимо. И такъ , что же остается намъ дѣлать ?

Фабриціо. То , что я уже сказалъ вамъ : всякой владѣтель долженъ набирать войско изъ собственныхъ подданныхъ.

Козимо. И вы полагаете , что въ такія войска легко будетъ ввести древнюю дисциплину ?

Фабриціо. Безъ всякаго сомнѣнія ; но для этого необходимо , чтобы въ монархіяхъ , на челѣ войскъ были сами государи или особы , удостоенныя ихъ довѣренностью ; а въ республикахъ — граждане , облеченные званіемъ генераловъ : въ противномъ случаѣ , трудно будетъ достигнуть успѣха.

Козимо. Какая тому причина ?

Фабриціо. Я вамъ объясню ее въ свое время.

Козимо. И такъ , когда мы уже убѣдились въ томъ , что должно произвести *выборъ* вонновъ въ собственныхъ своихъ владѣніяхъ , то остается только рѣшить , — изъ городскихъ ли или изъ сельскихъ жителей мы составимъ свою армию ?

Фабриціо. Всѣ военные писатели предпочитаютъ поселянъ , считая ихъ болѣе крѣпкими , болѣе привычными къ перенесенію трудовъ и усталости и къ жизни подъ открытымъ небомъ : по мнѣнію военныхъ людей , они болѣе способны къ содержанію въ исправности своего оружія , къ землянымъ работамъ , къ форсированнымъ переходамъ , и несравненно менѣе испорчены въ нравственномъ отношеніи , нежели горожане . Но что касается до меня , то я считаю полезнымъ составлять пѣхоту изъ сельскихъ , а кавалерію изъ городскихъ обывателей . *

* Такое мнѣніе весьма удивительно въ устахъ Маккіавелли : не подожить сомнѣнію , что горожане , которые , болѣею частию , возрастаютъ , не имѣя случая ѣздить верхомъ , могутъ считаться несопоставившимъ изъ всѣхъ обывателей къ кавалерійской службѣ . Напротивъ того , сельскіе жители , пробученные необходимою , съ самаго малолѣтства , обращаться съ лошадьми и ѣздить верхомъ ,

Козимо. Какого возраста должны быть ваши новонабираемые люди?

Фабрицио. Если бы мнѣ пришлось формировать новую армію, то я набиралъ бы въ нее воиновъ отъ семнадцати до сорока пяти-лѣтняго возраста: но для укомплектованія арміи, я сталъ бы принимать только семнадцати-лѣтнихъ.

Козимо. Я не нахожу причины такого различія.

Фабрицио. Весьма охотно объясню вамъ ее. Набирая новую армію, я принималъ бы въ нее всѣхъ людей способныхъ къ войнѣ, т. е. способныхъ къ образованію, о которомъ я буду говорить вамъ въ послѣдствіи; для укомплектованія же арміи, я по необходимости довольствовался бы рекрутами семнадцати-лѣтняго возраста, потому что лучшіе изъ всѣхъ прочихъ людей уже прежде были бы выбраны въ армію.

Козимо. По всему видно, что ваши войска были бы сходны съ нашею Тосканскою милиціею.

Фабрицио. Такъ: но они были бы вооружены, обучены и устроены можетъ быть иначе, нежели войска вашего герцогства.

Козимо. И такъ вы отчасти одобряете нашу милицію?

Фабрицио. Почему же вы полагали, что я стану порицать ее?

Козимо. Потому, что многіе просвѣщенные люди были о ней самага невыгоднаго мнѣнія.

Фабрицио. Мнѣ кажется, что истинно просвѣщенный человекъ не можетъ порицать вашей милиціи.

Козимо. Ея неудачи совершенно оправдываютъ невыгодное мнѣніе, которое мы о пей имѣемъ.

Фабрицио. Можетъ быть, вы сами виноваты въ ея неудачахъ, и я надѣюсь въ томъ убѣдить васъ, въ продолженіе нашей бесѣды.

Козимо. Вы меня тѣмъ чрезвычайно обяжете; но

пріобрѣтаютъ въ домашнемъ быту способность къ верховой ѣздѣ и къ присмотру за лошадью. Б. Н. М.

чтобы подать вамъ еще большую возможность къ защитѣ нашей милиціи, объясню вамъ, какимъ обвиненіямъ она подвергается. Утверждаютъ, что она либо неспособна къ войнѣ, и потому не можетъ быть надежною опорою для государства, либо имѣя способность къ войнѣ, дѣлается въ рукахъ вождя, ею владѣющаго, орудіемъ притѣсненія. Примѣрами тому служатъ Римъ, порабощенный собственными войсками, и Венеція, принужденная, изъ опасенія собственныхъ гражданъ, нанимать чужеземцевъ. Но еще большей опасности подвергаетъ страну неспособность милиціи, которая, по общему мнѣнію, происходитъ отъ недостатка образованія и малой охоты къ службѣ.

Фабриціо. Такія сужденія весьма односторонни и безъ большаго труда могутъ быть опровергнуты. Напрасно упрекаютъ въ неспособности вашу милицію. Я убѣжденъ въ томъ, что войска, пабранныя въ собственной странѣ, всегда лучше, нежели чужеземныя; и что для сформированія арміи, нельзя найти никакихъ средствъ, кромѣ того, которое было мною предложено. Такія истины, подтвержденныя доводами, извлеченными изъ исторіи всѣхъ древнихъ народовъ, не подвержены сомнѣнію, и потому не стану останавливаться на этомъ предметѣ. Что же касается до упрековъ въ недостаткѣ военной опытности и доброй воли, то, безъ всякаго сомнѣнія, война способствуетъ пріобрѣтенію необходимой самоувѣренности; если солдаты вооружены, обучены и сформированы по надлежащему, то они мало по малу пріобрѣтаютъ опытность и дѣлаются храбрѣйшими. Что же касается до принужденія, то оно отчасти бываетъ необходимо, по недостаточному числу охотниковъ къ военной службѣ.

Я не говорю, чтобы такая армія могла считаться непобѣдимую: и римскіе легіоны, и даже войска Аннибаловы подвергались переворотамъ счастья, и возможно ли довести армію до такого совершенства, чтобы она никогда не подвергалась разбитію? А потому—то ваши ученые и не должны увѣрять, что милиція

бездельна, основываясь только на томъ, что она иногда подвергалась поражению: если бы они разсудили, что побѣдить столь же не трудно, какъ и быть побѣжденными, и старались найти настоящую причину неудачъ своихъ, то вѣрно стали бы обвинять въ нихъ не самую милицію, но несовершенство ея устройства.

Касательно же опасеній, ею внушаемыхъ, я могу сказать только то, что граждане, вооруженные законнымъ образомъ, на защиту общую, никогда не были опасны; и напротивъ того весьма часто предупреждали бѣдствія, угрожавшія ихъ отечеству; скажу еще, что вооруженныя государства болѣе прочны, нежели тѣ, которыя чужды военному дѣлу. Римляне болѣе тысячи лѣтъ были независимы; Спарта — восемь вѣковъ. Другія же государства, лишеныя подпоры оружія, не могли сохранить болѣе сорока лѣтъ свою независимость. Необходимо, чтобы государство имѣло войска: если оно не имѣетъ собственной арміи, то будетъ принуждено нанимать чужеземцевъ, которые опасны правительству, потому что наемниковъ легко привлечь на свою сторону всякому, кто только имѣетъ деньги. Чтобы убѣдиться въ томъ, до какой степени могутъ быть основательны подобныя опасенія, вспомните слышанное вами отъ меня на счетъ Франциска Сфорцы. Не распространяясь болѣе объ этомъ предметѣ, я скажу только, что не было еще ни одного основателя государства, который бы колебался ввѣрить защиту страны собственнымъ ея обитателямъ.

Если бы Венеціане были, въ этомъ отношеніи, столь же благоразумны, какъ въ прочихъ, то покорили бы, подобно Риму, весь міръ своей власти: но они добровольно сложили съ себя оружіе, имъ врученное первыми законодателями Венеціи. Не имѣя, въ началѣ, владѣній на твердой землѣ, они обратили всю свою дѣятельность на морскія силы и блестящими подвигами возвысили могущество своего отечества. Но когда они принуждены были, для защиты Вяченцы, вести войну на сухомъ пути, то вмѣсто того, чтобы ввѣ-

рять оборону республики собственнымъ войскамъ, наняли маркиза мантуанскаго. Эта пагубная помощь остановила ихъ дальнѣйшіе успѣхи, и не позволила имъ достигнуть цѣли, къ которой они стремились. Можетъ быть, что самые успѣхи Венеціанъ на морѣ поселили въ народѣ недовѣрчивость на счетъ способностей его къ войнѣ на сухомъ пути: такое заключеніе весьма неблагоприятно. Морскому полководцу, пріобыкшему къ войнѣ съ стихіями, бурями и людьми, не трудно сдѣлаться хорошимъ сухопутнымъ военачальникомъ, который сражается только съ людьми. Читая исторію, мы видимъ, что Римляне учились вести войну на сушѣ и на морѣ. Когда наступила первая война противъ Карфагенцевъ, которыхъ морскія силы были столь грозны, то Римъ не взялъ на жалованье ни Грековъ, ни Испанцевъ, не смотря на искусство этихъ народовъ въ морской войнѣ, но употребилъ для службы во флотѣ тѣхъ самыхъ гражданъ, которые сражались на сухомъ пути, и они побѣдили. Если же причина, заставившая Венеціанъ призвать въ защиту себѣ чужеземцевъ, состояла въ томъ, что они опасались покушеній своихъ соотечественниковъ на независимость республики, то такое опасеніе было весьма неосновательно. Не стану повторять того, что вы уже отъ меня слышали, относительно этого предмета: очевидно, что какъ никто изъ морскихъ военачальниковъ Венеціи не покушался сдѣлаться самовластнымъ, то и не было причины опасаться сухопутныхъ полководцевъ такому городу, который со всѣхъ сторонъ окруженъ водою. Не оружіе, возложенное на гражданъ, внушаетъ имъ вредные помыслы, но худые уставы: имѣя благодѣтельное правительство, Венеція не имѣла причины опасаться собственныхъ войскъ. Подобное опасеніе имѣло самыя пагубныя слѣдствія, какъ для славы ея, такъ и для истиннаго благосостоянія гражданъ. Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что и французское правительство поступаетъ весьма неосновательно, перадя о военномъ

образованіи своего народа. Нельзя не сознаться, что такое нерадѣніе есть однимъ изъ недостатковъ этого государства и одною изъ главныхъ причинъ его слабости.

Можетъ статья, я слишкомъ отдалился отъ моего предмета; но главною причиною, побудившею меня къ этому отступленію, было желаніе дать удовлетворительный отвѣтъ на ваши замѣчанія и убѣдить васъ въ томъ, что государство должно полагаться только на собственные войска, что эти войска могутъ быть хорошо устроены не иначе, какъ по образцу милицій*, и наконецъ, что нѣтъ инаго средства для образованія войскъ и для введенія въ нихъ воинской дисциплины. Разсматривая со вниманіемъ учрежденія первыхъ государей римскихъ, и въ особенности Сервія Туллія, вы убѣдитесь въ томъ, что раздѣленіе народа на классы было не что иное, какъ милиція, подававшая средство къ наискорѣйшему сформированію арміи. Но обратимся къ нашему *выбору*: я сказалъ, что для укомплектованія готовой арміи, я употребилъ бы только людей семнадцати-лѣтняго возраста; а въ случаѣ формировавія новой арміи, принималъ бы въ нее солдатъ отъ семнадцати до сорока лѣтъ, которые уже были бы въ состояніи исполнять обязанности военнаго званія.

Козимо. Должно ли, при выборѣ вашихъ рекрутъ, обращать вниманіе на прежній промыселъ ихъ?

Фабрицио. Военные писатели, говоря объ этомъ предметѣ, входятъ въ нѣкоторыя подробности. Они отвергаютъ рыбаковъ, поваровъ, людей, занимающихся безчестными промыслами, и тѣхъ, которыхъ труды посвящены богатству и роскоши. Въ составъ же войскъ назначаются ими, кромѣ земледѣльцевъ, еще кузнецы, плотники, мясники, охотники и тому подобные. Что же касается до меня, то я обращаю вниманіе на различныя ремесла, совсѣмъ не для того, чтобы основывать на нихъ заключенія о способностяхъ рекрутъ къ

* Во времена Маккіавелли, земскіе ополченіе имѣли то преимущество предъ наемными дружинами, что не переходили на сторону неприятеля изъ видовъ корысти.

Примъкъ.

военному дѣлу но единственно потому, что не всѣ эти ремесла равно полезны для службы. Такимъ образомъ, поселяне, пріобыкшіе къ земледѣлію и вообще къ землянымъ работамъ, которыхъ производство столь часто случается на войнѣ, должны быть предпочитаемы людямъ всѣхъ прочихъ сословій. Весьма полезно также имѣть, въ значительномъ числѣ, кузнецовъ, плотниковъ и каменосѣццевъ: такіе ремесленники весьма часто бываютъ необходимы и потому вдвойнѣ полезны для службы.

Козимо. Какимъ образомъ судить о способности людей къ военному званію?

Фабрицію. Я буду говорить теперь только о выборѣ солдатъ для образованія изъ нихъ новой арміи: но, при этомъ случаѣ, также объясню вамъ, на какихъ правилахъ должны быть избираемы *отборные* люди для укомплектованія арміи. Обыкновенно судятъ о способности солдатъ, либо изъ опыта, если они уже прежде находились на службѣ, либо по догадкамъ. Вообще весьма трудно судить о достоинствѣ людей, никогда не бывшихъ подъ ружьемъ, каковы напримѣръ всѣ вновь набираемыя милиціи. Въ такихъ случаяхъ, за недостаткомъ опыта, должно довольствоваться нѣкоторыми догадками, которыя выводятся изъ возраста, ремесла и физическихъ признаковъ. Мы уже говорили о первыхъ двухъ предметахъ, перейдемъ къ третьему. Основываясь на мнѣніи многихъ отличившихся военныхъ людей, и между прочимъ Пирра, я требую, чтобы воинъ былъ большаго роста. Другіе полководцы, и въ числѣ ихъ Юлій Цезарь, довольствуются тѣмъ, чтобы солдатъ былъ ловокъ, не обращающаго вниманія на ростъ его. Объ ловкости можно судить, какъ по тѣлесному сложенію, такъ и по осанкѣ. Глаза живые и чистые, крѣпкая шея, широкая грудь, жилистые руки, длинныя пальцы, небольшое брюхо, полныя бедра и не толстыя ноги: таковы качества, требуемыя отъ рекрутъ военными писателями. Всѣ онѣ суть въ нѣкоторой степени признаками ловкости и

крѣпости, составляющими главное условіе при такомъ выборѣ. Но должно обращать еще большее вниманіе на нравственность солдата. Необходимо, чтобы честность и благоразуміе были отличительными его качествами: въ противномъ случаѣ, онъ сдѣлается орудіемъ безпорядковъ и примѣромъ разврата. Нельзя ожидать ничего благороднаго, ничего добраго отъ человѣка, получившаго дурное образованіе и склонность къ порокамъ.

Желая показать вполне важность этого *выбора*, считаю неизлишнимъ объяснить вамъ, какимъ образомъ поступали римскіе консулы при наборѣ легіоновъ. Безпрестанныя войны, веденныя Римомъ, были причиною тому, что эти легіоны всегда состояли большею частію изъ солдатъ, уже служившихъ въ войскѣ. Это подавало консуламъ средства судить о достоинствѣ старыхъ солдатъ по опыту прежней ихъ службы; а о поступающихъ вновь — по догадкамъ. При этомъ нельзя оставить безъ замѣчанія, что римскіе легіоны немедленно отправлялись на войну, либо обучались и содержались въ готовности къ выступленію. Я буду говорить только о послѣднихъ, чтобы показать вамъ, какимъ образомъ устроивается совершенно новая армія въ такихъ государствахъ, въ которыхъ нѣтъ народныхъ ополченій. Во всѣхъ странахъ, гдѣ правительство устроиваетъ армію изъ собственныхъ подданныхъ, войска эти могутъ быть посланы на войну, безъ предварительнаго приуготовленія: такъ поступали Римляне; такъ поступаютъ еще и теперь Швейцары. Въ этихъ войскахъ, рекруты, поставленные въ ряды между старыми служивыми, составляютъ вмѣстѣ съ ними отличное войско. У Римлянъ, военныя упражненія производились не въ лагеряхъ, но въ самомъ городѣ. Молодые люди, посвящавшіе этимъ занятіямъ значительное время и безпрестанно имѣвшіе передъ собою образъ примѣрныхъ военныхъ дѣйствій, знакомились съ войною дѣйствительною. Теперь позвольте мнѣ перейти

къ объясненію порядка, который былъ введенъ при наборѣ легіоновъ.

Когда консулы, которымъ поручено было веденіе войны, вступали въ должность, то первую ихъ обязанностію было формированіе своихъ армій. Обыкновенно каждому изъ нихъ ввѣрялось начальство надъ двумя легіонами, набранными изъ римскихъ гражданъ, и составлявшими надежнѣйшую часть всего войска. Консулы, приступая къ набору, избирали для каждаго легіона, по шести военныхъ трибуновъ, которые по обязанностямъ своимъ были схожи съ нашими баталіонными командирами. За тѣмъ, собирали они всѣхъ гражданъ, бывшихъ въ состояніи носить оружіе, и распредѣляли по легіонамъ трибуновъ; жребіемъ рѣшалъ, въ какой трибѣ долженъ былъ начаться *выборъ*. Консулы избирали въ ней сами четырехъ лучшихъ воиновъ, изъ числа которыхъ, выборъ одного предоставлялся сперва трибунамъ перваго легіона; потомъ избирали трибуны втораго и третьяго; послѣдній же воинъ оставался на долю трибуновъ четвертаго легіона. Потомъ избирали консулы опять четырехъ воиновъ; но выборъ изъ нихъ предоставлялся сначала трибунамъ втораго легіона; потомъ дѣлали выборъ трибуны третьяго и четвертаго легіоновъ; послѣдній воинъ поступалъ въ первый легіонъ. За тѣмъ консулы избирали снова четырехъ воиновъ, изъ которыхъ дѣлали выборъ трибуны третьяго легіона, а потомъ прочихъ въ такомъ же порядкѣ, какъ и прежде, до окончанія набора и до укомплектованія легіоновъ. Новонабранныя войска, преимущественно состоявшія изъ людей, служившихъ въ кампаніяхъ и комплектованныя рекрутами, умѣвшими владѣть оружіемъ, могли, въ случаѣ надобности, немедленно выступить противъ непріятеля.

Такимъ образомъ у Римлянъ *выборъ* солдатъ производился, частью по опыту, частію же по догадкамъ избравшихъ; но при формированіи новой арміи, совершенно чуждой предварительнаго военнаго образованія, нельзя руководствоваться при выборѣ рекрутъ

ничѣмъ, кромѣ нѣкоторыхъ догадокъ, основанныхъ на возрастѣ и тѣлесномъ сложеніи людей, изъ числа которыхъ набирается армія.

Козимо. Я не могу не сознаться въ убѣдительности вашихъ предположеній; но прежде, нежели вы станете продолжать разсказъ свой, позвольте мнѣ сдѣлать только одинъ вопросъ, который мнѣ пришелъ въ голову тогда, когда вы сказали, что *выборъ*, производимый исключительно изъ людей, не бывшихъ на службѣ, можетъ быть сдѣланъ не иначе, какъ по догадкамъ. Главнѣйшій изъ упрековъ, которымъ подвергается наша милиція, имѣетъ основаніемъ ея многочисленность. Полагають, что слѣдовало бы уменьшить число этого войска, что послужило бы, само собою, къ улучшенію его качества. Многіе думаютъ, что черезъ это облегчились бы гражданскія повинности, и что войска, получая опредѣленное жалованье, были бы довольнѣе своимъ жребіемъ. Мнѣ хотѣлось бы знать, предпочтаете ли вы имѣть войска въ большомъ числѣ или въ маломъ, и какую систему набора вы приняли бы, если бы это отъ васъ зависѣло?

Фабрицио. Безъ всякаго сомнѣнія гораздо надежнѣе и полезнѣе имѣть большое число войскъ, нежели малое, или, лучше сказать, невозможно нигдѣ устроить хорошую милицію, не сдѣлавъ ее весьма многочисленною. Не трудно мнѣ опровергнуть доводы моихъ противниковъ. Небольшое число войскъ, набранное изъ народонаселенія значительнаго государства, подобно тому, какъ въ Тосканскихъ владѣніяхъ, не доставляетъ вамъ отличныхъ и надежныхъ солдатъ. Если въ выборѣ ихъ вы станете руководствоваться опытомъ, то мало найдете такихъ, которые бывъ знакомы съ войною, могутъ подвергнуться вашему сужденію; но еще гораздо менѣе найдется заслуживающихъ своимъ хорошимъ поведеніемъ предпочтеніе предъ прочими. Въ подобныхъ обстоятельствахъ, прійдется по неволѣ, отложивъ въ сторону опытность, довольствоваться догадками; но мнѣ хотѣлось бы знать,

на какомъ основаніи я долженъ дѣлать выборъ изъ двадцати молодыхъ людей хорошей наружности, и долженъ ли я, ограничась выборомъ нѣкоторыхъ, отказать отъ прочихъ, которые, легко можетъ стать-ся, лучше избранныхъ. Находясь въ невѣденіи на счетъ ихъ способностей, я полагаю, и надѣюсь въ томъ убѣдить и другихъ, что всего лучше будетъ для избѣжанія ошибокъ, принять всѣхъ этихъ людей и дать имъ военное образованіе: такимъ образомъ, узнавъ ихъ на опытѣ, легко будетъ отличить тѣхъ, которые одарены большею ловкостію и мужествомъ, и принявъ ихъ въ войска, распуścić прочихъ. Изъ этого явствуетъ, что весьма заблуждаются тѣ, которые, съ самаго начала, избирая рекрутъ, въ небольшомъ числѣ, надѣются черезъ то сдѣлать лучшей выборъ.

Что же касается до упрека въ отягощеніи страны, которому также подвергается милиція, то, по моему мнѣнію, какъ бы ни было несовершенно учрежденіе земскихъ войскъ, оно никогда не можетъ сдѣлаться тягостнымъ для граждапъ, которые, собираясь на ученья только въ праздничные дни, могутъ, во все остальное время, безпрепятственно упражняться обычными своими занятіями: такое учрежденіе, не нанося вреда никому вообще, принесетъ пользу молодымъ людямъ, которые, вмѣсто того, чтобы проводить досуги свои въ постыдной праздности, съ охотою участвовали бы въ военныхъ упражненіяхъ, представляющихъ прекрасное зрѣлище, и пріятныхъ для юношества.

Остается сказать нѣсколько словъ о предположеніи содержать земскія войска въ небольшомъ числѣ постоянно на жалованьи.

Что касается до меня, то по моему мнѣнію, вы не

* Весьма естественно, что дурное состояніе и продажность постоянныхъ войскъ, современныхъ автору, заставили его предпочитать имъ земскія ополченія и преувеличить выгоды этого военного устройства.
Прим. перек.

можете уменьшить число вашихъ земскихъ войскъ до такой степени, чтобы они не были въ тягость правительству. Ежели вы хотите имѣть только пятитысячную милицію и дать ей достаточное содержаніе, то на это нужно не менѣе десяти тысячъ червонцевъ въ мѣсяць. Очевидно, съ перваго взгляда, что такое число войскъ еще не заслуживаетъ громкаго названія арміи и что при всемъ томъ, нѣтъ ни одного изъ итальянскихъ владѣній, которое могло бы издерживать на этотъ предметъ такія огромныя суммы; съ другой стороны, нельзя не замѣтить, что ваша милиція, получая это содержаніе, не могла бы находиться во всегдашней готовности къ выступленію. И такъ, учрежденіе милиціи въ небольшомъ числѣ, на постоянномъ содержаніи, увеличило бы ваши расходы; но не доставило бы вамъ возможности къ оборонѣ собственныхъ границъ, либо къ какому либо важному наступательному предпріятію. Чѣмъ болѣе увеличили бы вы число войскъ, либо положенное имъ жалованье, тѣмъ тягостнѣе были бы ваши расходы; съ уменьшеніемъ же ихъ, вы сдѣлались бы еще слабѣе. И такъ, постоянное содержаніе на жалованьи земскихъ войскъ совершенно несбыточно, и придется содержать ихъ на счетъ правительства только въ военное время. Предполагая даже, что подобнымъ образомъ устроенныя войска нѣсколько потерпятъ въ мирное время, это частное неудобство вознаградится значительными выгодами всѣхъ вообще согражданъ, которыхъ безопасность, безъ этой милиціи, не можетъ быть обезпечена надлежащимъ образомъ.

Изъ всего мною сказаннаго, явствуетъ что весьма заблуждаются тѣ, которые предполагаютъ имѣть небольшое число земскихъ войскъ, за тѣмъ, чтобы пріобрѣсти возможность содержать ихъ постоянно на жалованьи; въ подтвержденіе же доводовъ моихъ, можетъ послужить и то, что число людей въ вашихъ земскихъ войскахъ, уменьшаясь безпрестанно отъ различныхъ случайностей, которыхъ нельзя подвести ни подъ какіе

расчеты, наконецъ дѣлается совершенно ничтожнымъ. Имѣя многочисленную милицію, вы можете, въ случаѣ надобности, усиливать ея войсками армію, дѣйствующую въ полѣ, и сверхъ того, она можетъ быть полезна не только матеріальною своею силою, но и нравственнымъ вліяніемъ, которому безъ всякаго сомнѣнія весьма много содѣйствуетъ многочисленность войска. Скажу еще вамъ, что набирая войска въ небольшомъ числѣ, невозможно будетъ собирать ихъ для ученій въ достаточной силѣ; если же вы не станете обучать милицію, то она сдѣлается бесполезною: я постараюсь убѣдить васъ въ томъ.

Козимо. Вы разрѣшили весьма удовлетворительно вопросъ, который я осмѣлился предложить вамъ; но я имѣю еще одно сомнѣніе, которое объяснить вы только одни въ состояніи. Противники милиціи полагаютъ, что это сборище вооруженныхъ людей можетъ быть поводомъ къ большимъ замѣшательствамъ и безпорядкамъ.

Фабриціо. Я докажу вамъ, что и это мнѣніе такъ же ошибочно. Вооруженные граждане могутъ произвести безпорядки не иначе, какъ вредя одни другимъ, либо нападая на безоружныхъ гражданъ. Но такія неурядица легко могутъ быть отвращены и самое учрежденіе земскихъ войскъ есть наилучшимъ средствомъ для охраненія внутренней безопасности. Что же касается до опасенія междоусобіи между вооруженными гражданами, то, по моему мнѣнію, нѣтъ лучшаго средства, для предупрежденія неурядицъ, какъ вооружить народъ и подчинить его власти начальниковъ. И дѣйствительно, ежели обитатели страны, въ которой учреждается милиція, вообще имѣютъ столь малую склонность къ войнѣ, что никто изъ гражданъ не носитъ оружія, и столь единоподушны, что они не раздѣлены на партіи, то учрежденіе земскихъ войскъ познакомитъ народъ съ войною, и возвыситъ его въ глазахъ сосѣдей, не наруша обычнаго порядка; благодѣтельные уставы внушатъ къ себѣ, какъ въ без-

оружныхъ, такъ и въ вооруженныхъ гражданахъ, уваженіе. Если же напротивъ того, страна, въ которой учреждается милиція, обитаема народомъ воинственнымъ и терзаемымъ междоусобіями, то въ ней можетъ возстановить порядокъ только милиція, съ учрежденіемъ которой, войска и военачальники, прежде ужасные соотечественникамъ своимъ и бесполезные прогивъ внѣшнихъ враговъ, могутъ послужить къ защитѣ отечества и къ возстановленію порядка. Прежде, гражданинъ, претерпѣвшій обиду, искалъ себѣ заступленія въ одномъ изъ начальниковъ народныхъ партій, который, для поддержанія къ себѣ довѣрія своихъ приверженцевъ, побуждалъ его не къ забвенію обиды, но къ мести. Напротивъ того, предполагаемые мною вожди будутъ поступать совершенно иначе, уничтожатъ раздоры въ самомъ зародышѣ и приуготовятъ средства къ возстановленію и поддержанію согласія въ народѣ. Такимъ образомъ государства, въ которыхъ жители были единоплеменны, но не воинственны, приобретутъ способность къ войнѣ, оставаясь по прежнему въ мирѣ; а жители странъ, бывшихъ позорищемъ замѣшательства и безпорядковъ, станутъ наслаждаться спокойствіемъ, и обратятъ на общую пользу суровость своихъ нравовъ, столь ужасно возмущавшую ихъ благосостояніе.

Козимо. Мнѣ кажется, что предложенные мною вопросы заставили васъ совершенно отступить отъ предмета вашихъ разсужденій. Мы оставили способъ производства *выбора*, и перешли къ изслѣдованію другихъ вопросовъ: если бы я въ томъ уже не извинился передъ вами, то заслуживалъ бы справедливые упреки.

Фабриціо. Ни мало: всѣ эти отступленія были необходимы. Желая показать выгоды, происходящія отъ учрежденія милиціи, я долженъ былъ сперва опровергнуть всѣ доводы ея противниковъ, тѣмъ болѣе, что я считаю милицію основаніемъ нашего набора или *выбора*. Но прежде всего позвольте мнѣ говорить въ особенности о *выборѣ* людей въ конницу. Древніе на-

бирали ее изъ богатѣйшихъ гражданъ, соединявшихъ въ себѣ и всѣ прочія необходимыя условія, относительно возраста и способностей. Во всякомъ легионѣ было триста кавалеристовъ: слѣдовательно число Римской конницы въ консульской арміи не превосходило шести сотъ человѣкъ.

Козимо. Вы предлагаете устроить конную милицію, обучаемую въ мирное время и употребляемую на службу во время войны?

Фабриціо. Безъ всякаго сомнѣнія, если правительство желаетъ имѣть войска, которыя принадлежали бы ему, а не такія, которыя считали бы войну единственнымъ ремесломъ своимъ.

Козимо. На какомъ основаніи вы станете выбирать людей въ конницу?

Фабриціо. Я послѣдую примѣру Римлянъ, и выберу ихъ изъ числа самыхъ зажиточныхъ гражданъ, назначу имъ начальниковъ и займусь вооруженіемъ и обученіемъ своей кавалеріи.

Козимо. Полезно ли было бы назначить имъ жалованье?

Фабриціо. Полезно, но съ тѣмъ, чтобы оно не превышало суммы, необходимой на содержаніе лошади. По этому-то самому и необходимо ограничиться покупкою и содержаніемъ на счетъ казны лошадей въ кавалеріи.

Козимо. Въ какомъ числѣ вы стали бы содержать свою конницу и какимъ образомъ вы вооружили бы ее?

Фабриціо. Вы переходите совершенно къ иному предмету, о которомъ я намѣренъ говорить въ послѣдствіи. Но прежде я хочу объяснить вамъ способъ вооруженія и образованія пѣхоты.

КНИГА ВТОРАЯ.

Фабрицію. Набравъ солдатъ , должно вооружить ихъ. Для этого мы рассмотримъ различные роды оружія, бывшіе въ употребленіи у древнихъ и постараемся выбрать изъ нихъ лучшій. У Римлянъ , пѣхота была раздѣлена на тяжело-вооруженную и легко-вооруженную : солдаты, служившіе въ послѣдней, назывались *велитами*, были вооружены пращами , луками и дротиками, и большею частью имѣли шлемы и небольшие круглые щиты, которые составляли все оборонительное оружіе легкой пѣхоты. Велиты обыкновенно сражались впереди тяжело вооруженныхъ солдатъ, на нѣкоторомъ отъ нихъ разстояніи. Тяжело-вооруженные воины имѣли шлемы, прикрывавшіе ихъ до самыхъ плечъ ; кирассы (латы) защищавшія ихъ до колѣнъ, наручники, наожники и щиты длиною въ два локтя и шириною въ локоть : на этихъ щитахъ, для лучшей защиты отъ ударовъ, находились желѣзные кружки, и сверхъ того , самый щитъ былъ окоеванъ обручемъ изъ того же металла, какъ для большей прочности, такъ и для того, чтобы щитъ не пришелъ въ негодность отъ тренія объ землю. Папалательное оружіе тяжелой пѣхоты состояло въ полтора-лактевомъ мечѣ, который воины носили у лѣваго бока, кинжалѣ, висѣвшемъ съ праваго бока и метательномъ копьѣ, называвшемся *pilus*, которое они бросали въ непріятеля въ началѣ боя. Такого было оружіе, которымъ Римляне покорили весь міръ своему владычеству.

Нѣкоторые древніе писатели говорятъ , что Римскіе воины имѣли, кромѣ исчисленнаго нами оружія , еще длинныя пики, въ видѣ рогатинъ ; но я не понимаю,

какимъ образомъ можно, держа въ рукѣ щитъ, дѣйствовать тяжелою пикою, по той причинѣ, что, неся щитъ, и имѣя такимъ образомъ одну изъ рукъ занятою, нельзя владѣть пикою, которая, по тяжести своей, требуетъ, чтобы воинъ ею дѣйствовалъ обѣими руками. Притомъ же, это оружіе приноситъ мало пользы, потому что только одни солдаты передней шеренги могутъ держать его надлежащимъ образомъ. Необходимо, (какъ будетъ мною доказано въ своемъ мѣстѣ), баталіону смыкать, по возможности плотнѣе, ряды свои; такое построеніе, не смотря на нѣкоторыя неудобства, подвергаетъ пѣхоту несравненно меньшей опасности, нежели дѣйствіе въ разомкнутомъ строѣ. По этому самому, всякое оружіе болѣе двухъ-лактевой длины бесполезно въ схваткѣ. Предположивъ, что вы вооружены пикою, и даже что щитъ не мѣшаетъ вамъ владѣть ею обѣими руками, къ чему послужитъ вамъ она въ рукопашномъ бою на близкомъ разстояніи? Если же вы, напротивъ того, захотите прикрыть себя щитомъ, и для этого возьмете пикю одною рукою, то будете принуждены держать ее на перевѣсѣ, оставя цѣлую половину сзади, причемъ сзади слѣдующая шеренга совершенно отниметъ у васъ возможность сражаться. Чтобы убѣдиться въ томъ, что Римляне не носили такихъ пикъ, или, по крайней мѣрѣ, не употребляли ихъ въ бою, достаточно прочесть со вниманіемъ описанія сраженій въ исторіи Тита Ливія, который нигдѣ не упоминаетъ о пикахъ; а напротивъ того говорить, при всякомъ случаѣ, что воины, бросивъ метательныя копья, вынули мечи свои. И такъ, оставляя безъ вниманія пикю, мы примемъ мечи за нападательное, а щиты, шлемы и латы за оборонительное оружіе древнихъ Римлянъ.

Оборонительное оружіе Грековъ уступало въ тяжести Римскому; что же касается до нападательнаго, то они полагались болѣе на копья, нежели на мечи, и въ особенности Македоняне, носившіе копья, длиною въ 10 лактей, называвшіяся *сарисами*, которыя способ-

ствовали имъ прорывать строй противника и смыкать плотно ряды своей фаланги. Нѣкоторые писатели утверждаютъ , что они также имѣли щиты, но принимая во вниманіе всѣ вышеизложенныя мною причины, я не полагаю , чтобы они могли носить въ одно время эти оба оружія. Притомъ же, сколько мнѣ помнится, то въ повѣствованіи сраженія Павла Эмілія противъ Персеп, ни слова не сказано о щитахъ, а говорится только о сариссахъ , бывшихъ чрезвычайнымъ препятствіемъ успѣху Римлянъ. Изъ этого я вывожу заключеніе, что Македонская фаланга была въ родѣ нашихъ Швейцарскихъ баталіоновъ , которыхъ вся сила заключается въ ихъ пикахъ.

Шлемы Римской пѣхоты украшены были перьями, которыя давали величественный и грозный видъ войнамъ. Въ началѣ, кавалерія имѣла единственнымъ оборонительнымъ оружіемъ щиты и шлемы; а изъ наступательнаго оружія, мечи и длинныя тонкія пики, съ одного только конца окованныя. Эти пики не позволяли кавалеристамъ прикрывать себя по надлежащему щитами и ломаясь въ бою , оставляли всадниковъ беззащитными. По этой причинѣ, кавалерія впоследствии вооружена была подобно пѣхотѣ, но съ тою разницею, что щиты ея были четверугольные и нѣсколько меньше пѣхотныхъ , а пики гораздо толше пѣхотныхъ дротиковъ , и съ обоихъ концовъ окованные, что самое подавало средства , въ случаѣ излома пики, употреблять , въ замѣнъ ея, отломокъ оставшейся въ рукѣ кавалериста. Таково было оружіе, еще разъ повторю я , которымъ Римляне покорили весь міръ своей власти: подобные успѣхи всего убѣдительно говорятъ въ его пользу. Титъ Ливій никогда не упускаетъ изъ виду этого важнаго предмета, и сравнивая войска Римлянъ съ ихъ противниками , всегда оканчиваетъ свое сужденіе, говоря: «Но Римляне имѣли большое преимущество въ мужествѣ , вооруженіи и дисциплинѣ.» По этой-то самой причинѣ , я счелъ нужнымъ распространиться подробнѣе объ оружіи по-

бѣдителей, нежели о томъ , которое было въ употребленіи у побѣжденныхъ.

Остается мнѣ говорить о нашемъ : оборонительное оружіе пѣхоты состоитъ изъ желѣзныхъ латъ , а нападательное изъ копья или пика , длиною въ девять лактей и изъ меча съ округленнымъ концемъ : таково обыкновенное оружіе нашей пѣхоты ; только немногіе солдаты имѣютъ полныя латы и наручники , но никто не носитъ шлемовъ . Имѣющіе превосходѣйшее оборонительное оружіе вооружены , вмѣсто пикъ , алебардами , которыхъ древки длиною въ три локтя , а желѣзо сдѣлано въ видѣ сѣкиры . Въ числѣ пѣхотинцевъ , находятся также и фузелеры , которые , огнемъ своимъ , замѣняютъ дѣйствіе прежнихъ пращъ и арбалетовъ .

Первые народы , вооружившіе такимъ образомъ свою пѣхоту , были Германцы и въ особенности Швейцары , которые , обитая въ бѣдной странѣ и дорожа своею независимостью , безпрестанно принуждены были сопротивляться властолюбію владѣтельныхъ князей Германіи , имѣвшихъ возможность содержать многочисленную конницу . Бѣдность Швейцаровъ не позволяла имъ употребить также же средство къ защитѣ : они принуждены были сражаться пѣшкомъ противъ всадниковъ , и для этого , по необходимости , прибѣгнули къ военной системѣ древнихъ , которая , по мнѣнію всѣхъ свѣдущихъ людей , одна лишь въ состояніи доставить пѣхотѣ средство сражаться съ выгодною . Желая имѣть оружіе , способное къ защитѣ противъ стремительнаго нападена конницы , Швейцары вооружились пиками , которыя могутъ служить лучше всякаго другаго оружія , не только къ отпору кавалерійскихъ атакъ , но и къ приведенію въ разстройство конницы . Превосходство оружія и строя Германцевъ поселили въ нихъ такую увѣренность , что пятнадцать или двадцать тысячъ пѣхоты ихъ могутъ вступить въ бои съ многочислѣннѣйшею конницею и послѣднее двадцатилѣтіе представляетъ тому много примѣровъ . Эти нововведе-

нія доставили имъ такія очевидныя выгоды, что, со времени вторженія Карла VIII въ Италию, всѣ прочія націи нанерерывъ стали подражать имъ, и въ числѣ прочихъ испанскія войска, которыя чрезъ то пріобрѣли большую славу.

Козимо. Но, сравнивая германскія войска съ римскими, какимъ отдадите вы преимущество?

ФАБРИЦІО. Безъ сомнѣнія, римскимъ. Я постараюсь объяснить вамъ выгоды и недостатки обѣихъ военныхъ системъ. Пѣхота германская можетъ остановить и побѣдить кавалерію, и не бывъ обременена тяжелыми латами, удобнѣе къ походнымъ движеніямъ и къ скорѣйшему построенію въ боевой порядокъ; но за то, почти вовсе не имѣя оборонительнаго оружія, болѣе подвержена непріятельскимъ ударамъ и совершенно бесполезна, какъ въ осадной войнѣ, такъ и въ сраженіяхъ, гдѣ непріятель защищается съ большимъ упорствомъ. Римляне могли не хуже Германцевъ отражать напоръ кавалеріи, и бывъ съ головы до ногъ покрыты латами, были, какъ издали, такъ и вблизи, прикрыты отъ непріятельскихъ ударовъ, а щиты увеличивали силу ихъ патиска и способствовали имъ отразить ударъ противника. Когда же дѣло доходило до рукопашнаго боя, то они могли въ немъ дѣйствовать съ болшею выгодною своими мечами, нежели Германцы пиками, да если бы послѣдніе и имѣли мечи, то это оружіе безъ щитовъ не много бы принесло имъ пользы. Римляне, покрытые латами и защищенные отъ непріятельскихъ ударовъ щитами, нападали на укрѣпленные города, не подвергаясь большой опасности. Тяжесть оружія была единственнымъ неудобствомъ, которому подвергались Римскіе воины; но они были нечувствительны къ усталости и заблаговременно закалены къ перенесенію тяжкихъ трудовъ и всевозможныхъ невыгодъ: привычка дѣлаетъ все сноснымъ.

Не упускайте изъ виду и того, что пѣхота должна быть равно способна къ бою, какъ противъ пѣхоты,

такъ и противъ конницы , и что она бесполезна не только тогда , когда находится не въ состояніи противиться конницѣ ; но и въ такомъ случаѣ , когда , сопротивляясь ей съ выгодною , уступаетъ въ вооруженіи и образованіи непріятельской пѣхотѣ . Если мы станемъ разсматривать , въ этомъ отношеніи , войска Германцевъ и Римлянъ , то убѣдимся , что первыя , имѣя средства отражать напоръ кавалеріи , не могутъ сражаться съ выгодною противъ пѣхоты , устроенной подобно имъ и вооруженной , подобно Римлянамъ . И такъ , сравнивая между собою эти два рода пѣхоты , находимъ , что Римляне могли побѣждать и пѣхоту и кавалерію , а Германцы одну только кавалерію .

Козимо . Желательно мнѣ , чтобы вы , въ подтвержденіе своихъ мыслей , привели какіе либо примѣры , которые могли бы еще болѣе убѣдить насъ въ истинѣ .

Фабрицио . Вы найдете ихъ весьма много въ исторіи , гдѣ мы видимъ , что Римская пѣхота часто побѣждала превосходную въ силахъ конницу , и что , сражаясь съ пѣхотою , она никогда не подвергалась пораженію отъ недостатковъ своего оружія , въ сравненіи съ непріятельскимъ . Если бы это оружіе имѣло какія либо несовершенства , то превосходство непріятельскихъ войскъ , въ этомъ отношеніи , остановило бы рядъ завоеваній Римлянъ , либо Римляне , оставя свою военную систему , приняли бы ту , которая была введена въ войскахъ непріятельскихъ ; но какъ ничего подобнаго не случилось , то и должно полагать , что они въ этомъ имѣли преимущество надъ всѣми прочими народами .

Совсѣмъ другое видимъ въ Германской пѣхотѣ , которая претерпѣвала пораженіе вездѣ , гдѣ только случалось ей сражаться съ другою пѣхотою , не уступавшею ей въ дисциплинѣ и въ мужествѣ : такія неудачи не могутъ быть приписаны ни чему , кромѣ недостатковъ ея оружія . Филиппъ Висконти , герцогъ Миланскій , угрожаемый наступленіемъ Швейцарской пѣхотѣ , въ числѣ осемнадцати тысячъ , послалъ ей на

встрѣчу своего полководца, графа Карманьолу, который, двинувшись противъ Швейцаровъ съ шестью тысячами кавалеріи и съ небольшимъ числомъ пѣхоты, вступилъ въ бой и былъ опрокинутъ съ значительною потерею. Искусство Карманьолы въ военномъ дѣлѣ немедленно показало ему превосходство непріятельскаго оружія при дѣйствіяхъ противъ конницы и недостатки его въ бою съ пѣхотою; устроивъ свои войска, онъ снова двинулся противъ Швейцаровъ; но при сближеніи съ ними, спѣшилъ своихъ жандармовъ (тяжелую кавалерію), и повелъ ихъ въ пѣшемъ строю на встрѣчу непріятелю: слѣдствіемъ такого искуснаго дѣйствія было совершенное истребленіе Швейцаровъ, за исключеніемъ остатковъ ихъ войскъ, въ числѣ трехъ тысячъ человѣкъ, которые, видя угрожающую имъ гибель, положили оружіе.

Козимо. Какая же могла быть причина этого необыкновеннаго пораженія?

Фабрицію. Я уже говорилъ вамъ о ней; а теперь постараюсь изложить этотъ предметъ еще обстоятельнѣе. Мы замѣтили, что германская пѣхота почти вовсе не носитъ оборонительнаго оружія; а изъ нападательнаго имѣетъ только мечи и копья. Съ такимъ то оружіемъ и находясь въ обыкновенномъ своемъ стѣсненномъ строю, она встрѣчаетъ противника, который, бывъ покрытъ латами, подобно спѣшеннымъ эскадрамъ Карманьолы, врывается съ мечемъ въ ряды ея,

* Карманьола былъ одинъ изъ лучшихъ полководцевъ своего времени. Сначала онъ находился въ службѣ Филиппа Висконти и дѣйствовалъ въ его пользу съ большимъ успѣхомъ; но его откровенный характеръ не могъ нравиться герцогу, и потому онъ перешелъ въ службу Венеціанской республики. Тогда Висконти, побуждаемый досадою и завистью, велѣлъ отравить его; Карманьола избѣгнувъ этой опасности, но герцогу удалось, посредствомъ золота и проищковъ, сдѣлать его подозрительнымъ въ глазахъ Венеціанъ, и эта отравка удалась ему лучше первой. Карманьола былъ умерщвленъ въ Венеціи, которой служилъ съ такимъ усердіемъ и успѣхомъ. Это происшествіе послужило сюжетомъ извѣстному Маврони къ одной изъ лучшихъ драмъ его.

и сойдясь грудь съ грудью, имѣетъ большое преимущество. Въ подобныхъ случаяхъ, самая длинная пикъ препятствуетъ Германцамъ употребить это оружіе съ удобностью противъ непріятелей, тѣсплящихъ ихъ сблизка, и заставляетъ ихъ, брося пики, вынуть мечи; но въ ручномъ бою, всѣ выгоды будутъ на сторонѣ ихъ непріятелей, покрытыхъ желѣзомъ и поражающихъ ихъ безнаказанно. И такъ, сравнивая преимущества и недостатки обѣихъ разсмотрѣнныхъ нами системъ, убѣждаемся, что воинъ, не покрытый латами, сражаясь противъ латника, подвергается неминуемой гибели, между тѣмъ какъ противникъ его, выдержавъ первоначальный ударъ, и отклонивъ отъ себя только пики людей, стоящихъ въ первой шеренгѣ, не подвергается болѣе никакой опасности. И это для него совсѣмъ не трудно: войска обѣихъ сторонъ двигаются, одно другому на встрѣчу, съ чрезвычайною стремительностью, (о чемъ впоследствии я буду говорить обстоятельнѣе, при изложеніи предлагаемаго мною боеваго порядка); отъ этого самаго, они вмгъ сойдутся грудь съ грудью, и если, при столкновеніи, нѣкоторые изъ латниковъ будутъ убиты, или опрокинуты пиками, то слѣдующіе за ними ворвутся въ ряды непріятельскіе: такимъ точно образомъ и Карманьола, съ весьма небольшою потерю собственнаго войска, истребилъ значительныя силы Швейцаровъ.

Козимо. Принимая въ соображеніе, что это войско состояло изъ спѣшенныхъ жандармовъ, покрытыхъ желѣзомъ, что доставило ему побѣду, я полагалъ бы полезнымъ, для достиженія подобныхъ успѣховъ, вооружить такимъ же образомъ и нашу пѣхоту.

Фабрицио. Вы перемѣните свое мнѣніе, вспомнивъ сказанное мною объ оружіи Римлянъ: пѣхотный солдатъ, котораго голова защищена желѣзнымъ шлемомъ, тѣло прикрито латами и щитомъ, а руки и ноги столь же хорошо обезпечены отъ непріятельскихъ ударовъ, можетъ съ болѣющимъ успѣхомъ защищаться отъ удара пикою и прорывать непріятельскій строй, нежели спѣшенный

жандармъ: въ подтвержденіе того, я приведу еще одинъ примѣръ, извлеченный изъ новѣйшей военной исторіи. Въ то время, когда Гонзалльвъ былъ осажденъ Французами въ Барлеттѣ, нѣсколько испанскихъ пѣхотныхъ отрядовъ, посланные ему въ помощь, произвели высадку изъ Сициліи въ Неаполитанское королевство. Добиньи двинулся противъ Испанцевъ съ своими жандармами, при которыхъ находилось около четырехъ тысячъ германской пѣхоты. Въ началѣ боя, Германцамъ удалось прорвать своими пиками ряды непріятельскіе; но ловкіе Испанцы, прикрытые небольшими щитами, вступили въ схватку сблизы и поражая противниковъ мечами, одержали надъ ними совершенную побѣду. Такія же были причины извѣстнаго всѣмъ пораженія Германцевъ подъ Равенною: Испанцы, въ самомъ началѣ боя, атаковали съ стремительностію германскую пѣхоту и совершенно ее уничтожили бы, если бы не подоспѣла къ ней въ помощь французская конница, что однако же не помѣшало Испанцамъ отступить въ наилучшемъ порядкѣ безъ урона. Изъ этого я могу заключить, что хорошая пѣхота должна быть способна къ отраженію пѣхотныхъ и кавалерійскихъ атакъ, и что она можетъ того достигнуть не иначе, какъ посредствомъ превосходнаго оружія и отличной дисциплины.

Козимо. Какимъ образомъ вы вооружили бы пѣхоту?

Фабриціо. Какъ вооружали ее Римляне и Германцы: половину, по образцу первыхъ; а другую, подобно послѣднимъ. Если бы пѣхота моя была въ числѣ шести тысячъ, то тремъ тысячамъ человекъ я далъ бы Римскіе щиты и мечи, двѣ тысячи были бы вооружены пиками, а остальная тысяча — ружьями. Пикинеры стояли бы въ головѣ баталіоновъ, либо съ той стороны, откуда преимущественно ожидалъ бы я кавалерійскихъ атакъ; а солдаты вооруженные мечами сзади, для поддержанія пикинеровъ и для рѣшенія участи боя: я постараюсь въ послѣдствіи объяснить все это гораздо подробнѣе, а теперь скажу только,

что подобнымъ образомъ устроенная пѣхота имѣла бы, въ наше время, несомнѣнное превосходство надъ всѣми прочими.

Козимо. Вы дали намъ достаточное понятіе о вооруженіи пѣхоты; но мнѣ хотѣлось бы знать и вразсужденія кавалеріи, не предпочитаете ли вы нашего вооруженія тому, которое было въ употребленіи у древнихъ?

Фабриціо. Наши сѣдла и стремена, которыя не были въ употребленіи у древнихъ, доставляютъ всаднику несравненно надежнѣйшую посадку, нежели прежнія сѣдла; самое оружіе нашей кавалеріи превосходитъ прежнее, и даже я полагаю, что гораздо труднѣе выдержать ударъ тяжелаго эскадрона жандармовъ, нежели древней конницы. Но не смотря на все то, по моему мнѣнію, кавалерію не должно цѣнить выше того, какъ ее цѣнили древніе. Всѣ приведенные мною примѣры показываютъ, что и въ наше время, не смотря на превосходиѣйшее свое устройство, она подвергалась постыдному пораженію, и такая участь будетъ и впредь для ней неизбѣжною всегда, когда только придется ей вступить, въ бой съ пѣхотою, вооруженною и устроенною сообразно съ предложенными мною правилами.

Тигранъ, государь Арменійскій, вѣдя войну противъ Римлянъ, имѣлъ полтора ста тысячъ кавалеріи, которой большая часть, подъ названіемъ катафрактъ, была вооружена подобно нашимъ жандармамъ; со стороны же Лукулла, командовавшаго римскими войсками, находилось въ строю пятнадцать тысячъ пѣхоты и только шесть тысячъ кавалеріи. Тигранъ, видя малочисленность непріятельскихъ войскъ, сказалъ въ насмѣшку своимъ приближеннымъ: «Какое множество всадниковъ при римскомъ посольствѣ!» Но когда онъ вступилъ съ ними въ дѣло, то претерпѣлъ совершенное пораженіе. Историкъ, передавшій намъ описаніе этого сраженія, отзывается весьма невыгодно о катафрактахъ: «Они были совершенно бесполезны, по

словамъ его. Забрала, совершенно покрывавшія ихъ лица, не позволяли имъ ни видѣть непріятеля, ни наносить вѣрныхъ ударовъ; когда же они падали съ лошадей, то тяжесть ихъ вооруженія не давала имъ подняться на ноги, и они погибали безъ сопротивленія.»

И такъ я утверждаю, что тѣ правительства, которыя обращаютъ болѣе вниманія на кавалерію, нежели на пѣхоту, выказываютъ несовершенство своей военной системы и подвергаются всевозможнымъ злоупотребленіямъ. Италія, въ послѣднее время, узнала на опытѣ эту истину, подвергаясь грабительствамъ, разоренію и опустошенію чужеземцевъ, только отъ того, что, ни въ одномъ изъ ея владѣній, не обращено было ни малѣйшаго вниманія на пѣхотныя милиціи; а напротивъ того, правительства возлагали всѣ надежды свои на конныя войска. Безъ всякаго сомнѣнія, должно имѣть кавалерію, но не главнымъ, а вспомогательнымъ родомъ войска. Она весьма полезна и даже необходима для рекогносцировокъ, для опустошенія непріятельской страны, обезпечиванія противника и перехвачиванія его подвозовъ; но въ сраженіяхъ и вообще въ полевой войнѣ (составляющей важнѣйшую часть военного дѣла), она не можетъ принести значительной пользы и служить только для преслѣдованія опрокинутаго непріятеля; а потому и не должна считаться однимъ изъ важнѣйшихъ родовъ войскъ, наряду съ пѣхотою.

Козимо. Объясните, прошу васъ, нѣкоторыя изъ моихъ недоразумѣній. Какимъ образомъ удалось Пароянамъ, исключительно дѣйствовавшимъ конницею, оспаривать у Римлянъ всемірное владычество? Какія средства должна употребить пѣхота для отраженія кавалеріи? И какая причина превосходства первой надъ послѣдней?

Фабрицію. Я уже говорилъ, или по крайней мѣрѣ, намѣревался сказать вамъ, что моя военная система ограничивается предѣлами Европы, и потому

имѣлъ бы право умолчать о томъ, что происходило въ Азій; но пользуясь этимъ случаемъ, желалъ бы, чтобы вы обратили вниманіе на существенное различіе Парояпекскихъ войскъ съ Римскими легіонами. Первые сражались верхомъ, нападая на противника вразсыпную и въ безпорядкѣ; нельзя ничего придумать болѣе разнообразнаго и подверженнаго случайностямъ, какъ такой образъ дѣйствія. Напротивъ того, Римляне почти все сражались пѣшкомъ и встрѣчали противника въ правильномъ сомкнутомъ порядкѣ. И тѣ и другіе побѣждали, смотря потому, стѣснено или обширно было мѣсто сраженія: въ первомъ случаѣ оставались побѣдителями Римляне, а въ послѣднемъ Парояпекцы, которыхъ войска сражались съ большою выгодною въ собственной странѣ, представляющей пространныя равнины, отдаленныя отъ моря болѣе тысячи миль, и орошаемыя рѣками, которыя раздѣлены одна отъ другой, на разстояніи трехъ или четырехъ переходовъ, безводными пространствами, въ странѣ, гдѣ встрѣчаются не многіе города и гдѣ вообще народонаселеніе незначительно. Въ такихъ степяхъ, обороняемыхъ весьма дѣятельною конницею, которая, встрѣтивъ противника, на другой день неожиданно появлялась въ разстояніи пятидесяти миль * отъ прежняго своего мѣста, легіоны, замедляемые тягостью оружія и самымъ порядкомъ обыкновеннаго походнаго движенія, подвергались на каждомъ шагу величайшей опасности. Таковы причины превосходства Парояпекской конницы, истребленія Крассовой арміи и гибельнаго положенія войскъ Марка Антонія.

Впрочемъ, я уже сказалъ вамъ, что все мое изслѣдованіе будутъ ограничиваться предѣлами Европы, и потому ограничусь сравненіемъ воинскихъ учрежденій Греціи и Рима съ тѣми, которыя введены въ войска

* Здѣсь сочинитель разумѣетъ древнія Римскія либо новыя Италійскія мли: въ первомъ случаѣ, помянутое разстояніе равняется 70, а во второмъ 80 верстѣ. Б. Н. М.

Германцевъ. Перехожу къ другому вашему вопросу: вы хотите знать, чему обязана пѣхота превосходствомъ своимъ надъ конницею. Во-первыхъ кавалерія не можетъ дѣйствовать на всякомъ мѣстѣ, подобно пѣхотѣ, и не столь способна къ скорой перемѣнѣ своего боеваго порядка; весьма часто бываетъ нужно, двигаясь впередъ, перемѣнить дирекцію, повернуться кругомъ, либо, стоя на мѣстѣ, произвести внезапно быстрое движеніе, и потомъ столь же внезапно остановиться: всѣ эти передвиженія могутъ быть исполнены гораздо правильнѣе пѣхотою, нежели конницею. Кавалерія, при встрѣчѣ съ непріателемъ, даже при самомъ успѣхѣ отчасти приходитъ въ разстройство и не вдругъ восстанавливаетъ прежній порядокъ: такого неудобства не существуетъ въ пѣхотѣ. Случается также, что мужественный всадникъ имѣетъ лѣнливую лошадь, а трусъ сидитъ на горячемъ конѣ, что также не мало содѣйствуетъ къ безпорядку строя и къ нарушенію равненія.

По этому, если видимъ пѣхоту въ незначительномъ числѣ весьма часто отражающую съ успѣхомъ ударъ кавалеріи, то не должны удивляться, принявъ во вниманіе, что лошадь есть животное, одаренное превосходнымъ инстинктомъ, которое понимаетъ опасность и неохотно ей подвергается. Разсматривая объ взаимно противныя силы, которыя дѣйствуютъ на лошадь при атакѣ, вы убѣдитесь въ томъ, что сила побудительная гораздо слабѣе силы удерживающей и что если съ одной стороны всадникъ побуждаетъ къ движенію свою лошадь шпорами, то въ замѣнъ такого побужденія, ее останавливаетъ грозный видъ непріятельскихъ мечей и копій. По этой причинѣ, и въ повѣйшее время, не рѣдко горсть пѣхоты отражала съ успѣхомъ стремительнѣйшія атаки кавалеріи. Не думайте, чтобъ быстрота движенія усиливала ударъ и не позволяла лошадямъ видѣть опасность: какъ только направятъ ихъ на ряды, усаженные копьями, то онѣ замедляютъ свой ходъ, и если всадники станутъ побуждать ихъ шпорами къ дальнѣйшему движенію,

то сворачиваютъ въ сторону. Чтобы убѣдиться въ томъ, достаточно пуститься верхомъ прямо противъ стѣны: весьма мало найдется такихъ лошадей, которыя, выполнѣ повинуясь своимъ сѣдокамъ, прямо ударятся въ стѣну. По этому-то самому, Юлій Кесарь, готовясь сражаться съ Гельветійцами въ Галліи, сошелъ съ коня, спѣшилъ всю свою кавалерію и приказалъ отвести всѣхъ лошадей назадъ, считая ихъ болѣе способными къ бѣгству, нежели къ бою.

Но кромѣ всѣхъ этихъ невыгодъ, затрудняющихъ дѣйствіе конницы, должно замѣтить еще, что начальникъ пѣхотнаго отряда долженъ преимущественно избирать для движенія своихъ войскъ такіе пути, которые представляютъ кавалеріи большія препятствія, и, что по свойствамъ обыкновенной мѣстности, только въ рѣдкихъ случаяхъ это бываетъ невозможно. Пѣхота, двигаясь по гористымъ мѣстамъ, совершенно безопасна отъ стремительныхъ кавалерійскихъ нападений; если же она дѣйствуетъ въ равнинахъ, то почти всегда можетъ пользоваться для обороны небольшими лѣсами и селеніями; всякій кустарникъ, всякій ровъ, можетъ остановить стремительность конницы; а виноградники и фруктовые сады, обнесенные заборами, представляютъ ей непреодолимые препятствія. Подобнымъ образомъ и въ бою малѣйшее препятствіе можетъ остановить самую стремительную кавалерійскую атаку. Впрочемъ, считаю не излишнимъ напомнить вамъ, какъ думали Римляне объ этомъ предметѣ: они имѣли столько увѣренности въ превосходствѣ своего оружія и тактическаго образованія, что когда могли избирать для боя мѣсто непроходимое для кавалеріи, но стѣснявшее ихъ собственные маневры, либо другое болѣе открытое, но доставлявшее имъ необходимую свободу въ движеніяхъ, то, не смотря на малочисленность своей конницы, они всегда предпочитали послѣднее.

Мы вооружили нашу пѣхоту по примѣру древнихъ и нынѣшнихъ войскъ; перейдемъ къ образованію на-

шихъ воиновъ и разсмотримъ ученія, которыми упражняли Римляне свою пѣхоту, приготавливая ее къ дѣйствительной войнѣ. Какого бы совершенства ни достигли вы въ наборѣ и вооруженіи солдатъ, всѣ ваши попеченія останутся втунѣ, ежели главнымъ предметомъ ихъ не будетъ обученіе войска. Военное образованіе состоитъ: 1) въ приобученіи солдатъ къ трудамъ и недостаткамъ и въ доставленіи имъ проворства и ловкости; 2) въ умѣньѣ владѣть оружіемъ; 3) въ привычкѣ сохранять порядокъ на походѣ, въ лагерѣ и въ бою. Таковы три главныя условія, требуемыя отъ хорошаго войска. Если оно на маршѣ, на отдыхѣ и въ боевомъ расположеніи, всегда сохраняетъ порядокъ и устройство, то начальникъ его, при самой неудачѣ, не можетъ подвергнуться постыдному пораженію.

Подобныя упражненія были введены законами и обычаями во всѣхъ древнихъ государствахъ, которыя постоянно обращали на нихъ особенное вниманіе. Для доставленія юношамъ проворства, заставляли ихъ бѣгать; для сдѣланія ловкими, упражняли ихъ въ прыганіи; для увеличенія силы, занимали борьбою. Всѣ эти качества необходимы для воина: проворство способствуетъ ему предупредить непріятеля на важномъ посту, напасть на него неожиданно и преслѣдовать бѣгушихъ съ настойчивостью; ловкость доставляетъ ему возможность отвращать отъ себя удары противника, переходить черезъ рвы и врываться въ непріятельскія укрѣпленія; наконецъ сила облегчаетъ ему перенесеніе трудовъ и дѣлаетъ опаснѣйшими удары его. Для сдѣланія войскъ еще болѣе способными къ усиленнымъ трудамъ, древніе заставляли своихъ воиновъ переносить съ мѣста на мѣсто значительныя тяжести. Такая привычка весьма полезна: не рѣдко въ важнѣйшихъ военныхъ экспедиціяхъ, солдатъ, двигаясь форсированными маршами, долженъ нести на себѣ, кромѣ оружія, еще и съѣстные припасы на продолжительное время, и ежели заблаговременно не приобрѣлъ привычки къ перенесенію трудовъ, то изнурится совершенно и не будетъ въ со-

стоянии, ни избѣгнуть отъ угрожающей ему опасности, ни довершить побѣды надъ противникомъ.

Что же касается до дѣйствія оружіемъ, то древніе обучались ему слѣдующимъ образомъ: юноши возлагали на себя латы, которыхъ тяжесть была двойная въ сравненіи съ обыкновенными и вооружались, вмѣсто мечей, палицами, налиты мисвинцемъ, также имѣвшими значительную тяжесть: всякой изъ этихъ молодыхъ людей вбивалъ въ землю колъ, вышиною въ три локтя и такой толщины, чтобы онъ могъ выдержать сильнѣйшіе удары. Воины, прикрытые щитами и вооруженные палицами, дѣйствовали противъ этихъ кольевъ, подобно тому, какъ они должны были дѣйствовать въ бою противъ непріятеля, то напоя удары примѣрно въ голову и другія части тѣла своего противника, то отскакивая назадъ и нападаая снова. Поражая противника, воинъ не упускалъ изъ вида собственной защиты, и какъ примѣрное его оружіе было весьма тяжело, то, въ дѣйствительномъ бою, настоящее казалось ему легкимъ. Римляне требовали, чтобы солдаты ихъ кололись, а не рубились, считая удары, наносимые остриемъ меча, гораздо болѣе дѣйствительными и опаснѣйшими всѣхъ прочихъ; и притомъ же, такіе удары способствуютъ воину прикрывать себя и могутъ одинъ за другимъ слѣдовать гораздо чаще, нежели удары, наносимые рубкою.

Не удивляйтесь тому, что древніе входили въ такіа мелочи: въ рѣшительномъ бою, не должно пренебрегать никакою выгодною, какъ бы она съ перваго взгляда ни казалась маловажною: замѣтимъ мимоходомъ, что ихъ военные писатели еще несравненно болѣе меня распространялись объ этомъ предметѣ. Древніе полагали, что нѣтъ ничего выгоднѣйшаго для правительства, какъ имѣть большое число людей знакомыхъ съ употребленіемъ оружія. Не золото, не драгіе камни покоряютъ непріятеля: его можетъ покорить только ужасъ, внушаемый вооруженною силою. Притомъ же ошибки всякаго рода могутъ почти всегда быть пе-

правлены, но ошибки на войнѣ непосредственно влекутъ за собою пагубныя слѣдствія. Искусство фехтовальное, которымъ съ такою рачительностію занимались древніе, дѣлаетъ солдата весьма отважнымъ, внушая въ него самоувѣренность — слѣдствіе долговременнаго упражненія. Древніе требовали, чтобы граждане были приобучены ко всѣмъ военнымъ упражненіямъ. Они метали въ коль, подобный тому, о которомъ я уже говорилъ вамъ, дротики, превосходившіе тяжестью обыкновенное оружіе: это упражненіе, доставлявшее имъ способность наносить меткіе удары, укрѣпляло ихъ мышцы и увеличивало ихъ силу. Кроме того, они обучались стрѣлять изъ лука и метать камни пращею. Всѣ эти занятія производились подъ надзоромъ искусныхъ учителей. Такимъ образомъ, когда юноши были избираемы въ войска, они уже и по храбрости, и по искусству, могли считаться настоящими воинами. Оставалось имъ только приобрѣсти привычку сохранять равеніе въ строю, на походѣ и во время боя, и они, бывъ поставлены въ ряды старыхъ служивыхъ, издавна къ тому привыкшихъ, весьма скоро дѣлались способными ко всему, что требовалось отъ воина.

Козимо. Какія ученія производились бы въ войскахъ вашихъ?

Фабриціо. Почти тѣ же самыя о которыхъ я говорилъ вамъ. Я заставлялъ бы солдатъ бѣгать, бороться и прыгать; я утомлялъ бы ихъ подъ бременемъ оружія болѣе тяжелаго, нежели обыкновенное; я обучалъ бы ихъ стрѣльбѣ изъ лука, изъ арбалетовъ и ружей, которыя, не смотря на свою новизну, составляютъ одно изъ необходимѣйшихъ оружій. Я приучилъ бы ко всему этому всѣхъ молодыхъ людей страны моей, и въ особенности обратилъ вниманіе на тѣхъ, которые были бы *отборными*: для такихъ занятій, опредѣлены были бы всѣ дни праздничныя. Я хотѣлъ бы также, чтобы мои солдаты были искусны въ плаваніи. Это упражненіе весьма полезно воину: не вездѣ встрѣтат-

ся готовые мосты или суда, для переправъ черезъ рѣки, и если войска ваши не умѣютъ плавать, то потеряютъ много благопріятныхъ случаевъ. По этой причинѣ, и Римляне производили ученія свои на Марсовомъ полѣ, близъ Тибра; когда они приходили въ утомленіе, то для отдыха бросались въ рѣку и переплывали на противоположный берегъ. Но кромѣ всего этого, слѣдуя примѣру древнихъ, я завелъ бы особенныя ученія для тѣхъ людей, которые были бы назначены въ кавалерію, не только для обученія ихъ верховой ѣздѣ, но и для доставленія имъ средства ѣздить такимъ образомъ, чтобы они могли въ бою свободно развить всѣ свои силы. Древніе употребляли для этихъ ученій деревянныхъ лошадей, на которыя прыгали молодые люди, не только безъ оружія, но и въ полномъ вооруженіи, не требуя помощи и съ перваго раза. Отъ этого самаго, и въ дѣйствительной войнѣ, по знаку, поданному начальникомъ, вся кавалерія въ одинъ мигъ спѣшивалась; а по другому знаку, столь же быстро опять была на конѣ.

Всѣ эти упражненія производились безъ затрудненія у древнихъ, да и теперь нѣтъ ни одной страны, гдѣ бы нельзя было приучить къ нимъ столь же легко юношей. Примѣромъ тому служатъ нѣкоторые прибрежные города Сѣверной Италіи, которыхъ жители ими постоянно занимаются: для этого они раздѣлены на нѣсколько дружинъ, изъ которыхъ каждая вооружена однообразно: пиками, алебардами, луками и ружьями, отъ чего самаго принадлежащіе къ ней люди называются: пикинерами, алебардіерами, лучниками и фузелерами. Всякой изъ городскихъ жителей обязанъ вступить въ одну какую либо изъ помянутыхъ дружинъ; но какъ, по старости и по другимъ причинамъ, они не всѣ способны къ войнѣ, то во всякой дружинѣ назначаются отборные люди, подъ названіемъ присяжныхъ, которые обучаются владѣть оружіемъ, присвоеннымъ ихъ дружинѣ. Во всякомъ городѣ, для ученій отводится мѣсто; издержки же, которыхъ они требу-

ютъ, уплачиваются ѣми гражданами, которые уволены отъ личнаго отправления службы. Неужели то, что производится въ этихъ городахъ, для насъ недоступно? Наша безпечность не позволяетъ намъ видѣть собственной пользы. Подобныя упражненія доставляли древнимъ средство имѣть превосходную пѣхоту, да и теперь еще составляютъ главную причину превосходства генуезскихъ ополченій надъ прочими италіянскими войсками.

Древніе обучали своихъ воиновъ, либо на городскихъ площадяхъ, подобно тому, какъ въ тѣхъ городахъ, о которыхъ я говорилъ вамъ, либо въ лагеряхъ, какъ это было введено въ употребленіе у императоровъ. Напротивъ того, мы не хотимъ обучать своихъ солдатъ въ городахъ, и не можемъ этого дѣлать въ лагеряхъ, потому что эти войска состоятъ не изъ нашихъ подданныхъ * и могутъ быть занимаемы ученьями не иначе, какъ по собственному своему произволу. Такова причина неустройства армій, ослабленія уставовъ и слабости италіянскихъ монархій и республикъ. Возвратимся къ нашему предмету.

Я уже говорилъ вамъ о различныхъ упражненіяхъ, необходимыхъ для образованія воина, о приученіи его къ трудамъ и усталости, о доставленіи ему средствъ приобрести силу, проворство и ловкость, но всего этого еще не достаточно: необходимо, чтобы онъ, кромѣ того, зналъ свое мѣсто во фронтѣ, умѣлъ отличать свои знамена отъ прочихъ и понималъ, какъ всѣ различные музыкальные сигналы, такъ и команду своихъ начальниковъ; наконецъ, чтобы онъ исполнялъ все мною сказанное подлежащимъ образомъ, на мѣстѣ, при отступленіи и наступленіи, въ бою и на походѣ. Если военное образованіе людей не будетъ доведено до возможнаго совершенства, то нельзя будетъ сформировать

* Не должно упускать изъ вида, что Фабриціо Колонна былъ полководецъ нанимавшійся, съ небольшимъ числомъ собственныхъ солдатъ, въ службу италіянскихъ владѣній, поручавшихъ ему начальство надъ своими войсками.

изъ нихъ благоустроенной арміи, и нѣтъ никакого сомнѣнія, что храбрые люди, дѣйствующіе въ безпорядкѣ, слабѣе малодушныхъ, но по надлежащему устроенныхъ: дисциплина заглушаетъ понятіе объ опасности; а отсутствіе воинской подчиненности дѣлаетъ бесполезными самыя геройскія усилія. Чтобы изложить вамъ, какъ можно яснѣе, подробности, въ которыя долженъ войти я, при дальнѣйшемъ развитіи этого предмета, я, прежде всего, долженъ сказать, какимъ образомъ въ различныхъ государствахъ составляемы были арміи изъ частей войскъ, носившихъ различныя названія, но почти равносильныхъ по числу людей, въ нихъ заключающихся. Эти части именовались: у Римлянъ *легіонами*, у Грековъ *фалангами*, у Французовъ *полками*; въ Швейцаріи же, гдѣ сохранились еще нѣкоторыя слѣды древней дисциплины, подобныя части войскъ имѣютъ названіе, соответствующее на ихъ языкѣ слову: *бригада*. Они во всѣхъ арміяхъ раздѣляются на другія меньшія части, или на такъ называемыя *баталіоны*, устроенныя многоразличнымъ образомъ. При дальнѣйшемъ изложеніи моего предмета, я стану употреблять послѣднее названіе, употребительнѣйшее, нежели первое; сверхъ того, для вѣрнѣйшаго достиженія предположенной мною цѣли, считаю полезнымъ руководствоваться какъ древними, такъ и новыми учрежденіями и правилами. Подобно тому, какъ Римляне раздѣляли свои легіоны, изъ пяти или шести тысячъ человѣкъ состоявшіе, на десять когортъ, и я раздѣлю свою шестысячную пѣхотную бригаду на десять баталіоновъ. Всякой баталіонъ будетъ числомъ въ четыреста пятьдесятъ человѣкъ, изъ числа которыхъ, четыреста тяжелой пѣхоты и пятьдесятъ легковооруженныхъ. Въ составѣ тяжелой пѣхоты, будутъ триста человѣкъ, которыхъ вооруженіе будетъ состоять изъ щита и меча, называемые *щитоносцами* или *пѣхотою со щитами*, в сто человѣкъ съ никамп, подъ названіемъ *дѣйствующихъ пикинеровъ*. Легкая пѣхота моя, вооруженная ружьями, арбалетами, бердышами

и небольшими щитами, получить древнее названіе *дѣйствующихъ велитовъ*. Такимъ образомъ, во всѣхъ десяти баталіонахъ будетъ три тысячи щитоносцевъ, тысяча дѣйствующихъ пикинеровъ и пятьсотъ велитовъ, всего же четыре тысячи пятьсотъ человѣкъ. Для дополненія комплектнаго числа людей въ бригадѣ, слѣдуетъ присоединить еще къ ней полторы тысячи солдатъ, изъ числа которыхъ двѣ трети будутъ состоять изъ *запасныхъ пикинеровъ*, а остальная треть изъ *запасныхъ велитовъ*; такимъ образомъ явствуетъ, что половина моей пѣхоты будетъ прикрыта щитами, и вооружена мечами, а остальная половина получитъ пики и метательное оружіе. Баталіоны будутъ состоять подъ начальствомъ баталіонныхъ командировъ: въ каждомъ изъ нихъ будетъ четыре центуріона и сорокъ декуріоновъ, и сверхъ того начальникъ дѣйствующихъ велитовъ и пять декуріоновъ въ легкой пѣхотѣ; запасныхъ пикинеровъ я подчиню тремъ баталіоннымъ командирамъ, десяти центуріонамъ и ста декуріонамъ; а запасныхъ велитовъ двумъ баталіоннымъ командирамъ, пяти центуріонамъ и пятидесяти декуріонамъ. Начальство надъ всею бригадою будетъ ввѣрено бригадному командиру; всякой баталіонъ получитъ знамя и музыку. Такимъ образомъ, бригада будетъ состоять изъ десяти баталіоновъ, въ числѣ трехъ тысячъ щитоносцевъ, двухъ тысячъ дѣйствующихъ и запасныхъ пикинеровъ и тысячи дѣйствующихъ и запасныхъ велитовъ, всего же шести тысячъ человѣкъ, при которыхъ состоитъ шестьсотъ декуріоновъ, и сверхъ того пятнадцать баталіонныхъ командировъ, такое же число баталіонныхъ знаменъ и музыкъ, пятьдесятъ пять центуріоновъ, десять начальниковъ дѣйствующихъ велитовъ, и наконецъ бригадный командиръ, бригадное знамя и особая бригадная музыка. Я повторилъ нѣсколько разъ этотъ счетъ для того, чтобы вы, удержавъ его въ памяти, не затруднялись впоследствии, когда я буду говорить о расположеніи бригадъ и пѣлыхъ армій.

Всякой государь, желающій дать военное образованіе своимъ подданнымъ, долженъ вооружить и устроить ихъ подобнымъ образомъ; потомъ, составя изъ нихъ столько бригадъ, сколько ихъ въ состояніи выставить страна, обучать войска побаталіонно. Хотя число войскъ въ баталіонѣ весьма незначительно, однако же войска, такимъ образомъ обученныя, могутъ узнать все, что потребуется отъ нихъ въ военное время.

Вообще всѣ построенія войскъ можно отнести къ двумъ главнымъ родамъ: 1) дѣйствія каждаго изъ солдатъ, составляющихъ баталіонъ; 2) дѣйствія каждаго баталіона въ соединеніи съ другими. Если люди хорошо обучены первымъ, то послѣднія не будутъ для нихъ затруднительны; напротивъ того, не зная основныхъ правилъ одиночнаго ученія, нельзя успѣшно производить маневровъ цѣлыми баталіонами. Всякой баталіонъ можетъ, отдѣльно отъ прочихъ, выучиться сохраненію равненія во всѣхъ родахъ маршей и на всякой мѣстности, построеніямъ въ боевые порядки и всѣмъ сигналамъ, замѣняющимъ командныя слова въ сраженіи. Необходимо, чтобы полковая музыка, подобно свистку моряковъ, извѣщала солдатъ о всемъ, что только они должны дѣлать: остановиться ли на походѣ, двигаться впередъ или назадъ, либо повернуться въ какую бы то ни было сторону*. Ежели войска сохраняютъ равненіе и порядокъ при всѣхъ эволюціяхъ и на всякой мѣстности, если, повинаясь сигналамъ, могутъ исполнять команду своего начальника и перестраиваться мгновенно, то они весьма скоро выучатся всѣмъ маневрамъ, производимымъ различными частями многочисленной арміи.

Но какъ эти маневры также имѣютъ большую важность, то въ мирное время можно собирать войска

* Подобнаго рода сигналы употребляются у насъ при всѣхъ движеніяхъ и дѣйствіяхъ въ разсыпномъ строю производимыхъ.

Прим. перва.

одинъ или два раза въ годъ, побригадно, и давъ каждой бригадѣ организацію цѣлой арміи, разставитъ въ сообразномъ тому порядкѣ всѣ части ея и производить, въ продолженіе нѣсколькихъ дней, примѣрныя сраженія. Полководецъ всегда старается расположить свою армію такимъ образомъ, чтобъ быть въ состояніи сопротивляться какъ явному, такъ и внезапному нападенію, и потому войска должны быть всегда готовы къ дѣйствію въ обоихъ этихъ случаяхъ; находясь въ движеніи, они всегда должны находиться въ готовности къ бою; необходимо, чтобы всякой солдатъ умѣлъ дѣйствовать, въ случаѣ нападенія, съ какой бы стороны оно ни послѣдовало, чтобы онъ умѣлъ вступить въ бой съ непріятелемъ, отступить въ порядкѣ, замѣнить своего товарища, чтобы умѣлъ различить свое знамя и голосъ своего начальника, чтобы онъ зналъ сигналы, наконецъ, чтобы, ознакомясь совершенно съ практическими маневрами, онъ съ нетерпѣніемъ желалъ побывать въ дѣйствительныхъ сраженіяхъ. Не храбрость воиновъ, но превосходная дисциплина есть господствующимъ качествомъ благоустроенной арміи. И дѣйствительно, если, находясь впереди, я знаю навѣрно, куда должно отступить мнѣ, въ случаѣ неудачи, и кому поручено меня поддерживать, то надѣясь на скорую и вѣрную помощь, стану сражаться съ отличнымъ мужествомъ; а находясь въ заднихъ рядахъ, не буду утрашенъ разбитіемъ впереди стоящихъ войскъ, потому что я не только былъ приготовленъ къ подобному случаю, но даже отчасти желалъ его, чтобы смѣнить товарищей и быть участникомъ побѣды.

Подобные маневры для стараго войска полезны, для вновь сформированнаго необходимы. Хотя Римляне были приучены къ нимъ отъ самой колыбели, однако же полководцы ихъ всегда обучали свои войска готовясь къ дѣйствительному бою. Юсіфъ Флавій говоритъ, что эти маневры были столь часты и сдѣлались столь обыкновенными, что даже маркитанты, слѣдовавшіе въ значительномъ числѣ за войсками, вы-

учились соблюдать равеніе на походѣ и сражаться, принося своимъ содѣйствіемъ въ бою весьма важную пользу. Ежели вы сформировали армію изъ повобранцевъ, имѣя въ виду немедленно отправить ихъ на войну, или держать ихъ въ готовности на всякой случай, то вы не достигнете ни какого успѣха, если не займетесь непрерывнымъ обученіемъ войскъ, какъ побаталіонно, такъ и въ совокупности. Подобное образованіе необходимо для арміи, и потому должно употребить всевозможное стараніе для доставленія его рекрутамъ и для усовершенствованія старыхъ солдатъ: лучшіе полководцы не жалѣли труда для достиженія этой двойкой цѣли.

Козимо. Миѣ кажется, что ваши изслѣдованія заставили насъ нѣсколько отступить отъ главнаго предмета: вы говорите о цѣлой арміи и о сраженіяхъ, не сказавши ни слова о способахъ, служащихъ для предварительнаго обученія отдѣльныхъ баталіоновъ.

Фабрицію. Вы совершенно правы: пристрастіе къ учрежденіямъ древнихъ и скорбь, которую причиняетъ миѣ ихъ уничтоженіе, заставили меня уклониться отъ цѣли. Возвращаюсь къ нашему предмету: я уже сказалъ вамъ, что въ баталіонномъ ученіи нѣтъ ничего важнѣйшаго, какъ соблюденіе равенія фронта. Для этого должно строить баталіонъ, какъ можно чаще, въ видѣ такъ называемой *улитки*. Предполагаемый мною баталіонъ состоитъ изъ четырехъ сотъ человекъ тяжелой пѣхоты, и потому будемъ соображаться съ этимъ числомъ при всѣхъ нашихъ построеніяхъ. Поставя людей въ пять рядовъ и въ осемдесятъ шеренгъ, я приучу ихъ свертываться и развертываться, какъ на тихомъ, такъ и на скоромъ шагу, не нарушая порядка; считаю излишнимъ распространяться объ этомъ ученіи: довольно видѣть его одинъ разъ для полученія о немъ достаточнаго понятія; при всемъ томъ, оно доставляетъ большую пользу, приучая солдатъ къ соблюденію равенія во фронтѣ.

Теперь перейдемъ къ построенію баталіона въ бое-

вой порядокъ, которое можетъ быть сдѣлано тремя различными образами: 1) давъ ему значительную глубину, такъ, чтобы построение имѣло фигуру двухъ соединенныхъ квадратовъ; 2) строя баталіонъ въ видѣ квадрата, съ выдавшимися впередъ частями фронта; 3) оставляя въ срединѣ баталіона, построеннаго въ каре, пустое пространство, называемое *мѣстомъ*.

Первое изъ этихъ построений дѣлается двумя способами; первый состоитъ въ удвоиваніи числа рядовъ: для этого вторая шеренга входитъ въ интервалы, оставленные между людьми первой; четвертая въ интервалы третьей; шестая въ промежутки пятой, и такъ далѣе. Такимъ образомъ, вмѣсто построенія въ пять рядовъ и восемьдесятъ шеренгъ, составитъ другое въ десять рядовъ и сорокъ шеренгъ. Перестроясь вторично, точно такимъ же образомъ, будемъ имѣть строй въ двадцать шеренгъ и во столько же рядовъ, въ видѣ прямоугольника, имѣющаго высоту вдвое болѣе основанія, по той причинѣ, что хотя число людей въ ряду и шеренгѣ одинаково, однако же при всемъ томъ, солдатъ, стоя локтемъ къ локтю своего товарища, занимаетъ въ шеренгѣ менѣе мѣста, нежели въ ряду, гдѣ онъ находится отъ впереди стоящаго около двухъ локтей: отъ этого происходитъ, что баталіонъ, имѣющій число шеренгъ одинаковое съ числомъ рядовъ, занимаетъ въ глубину вдвое большее пространство, нежели во фронтѣ. Само собою разумѣется, что, подъ словомъ головы или фронта, я разумѣю переднюю сторону войскъ; подъ словомъ хвоста или тыла, заднюю, и наконецъ подъ названіемъ фланговъ, боковыя стороны. Пятьдесятъ дѣйствующихъ велитовъ не смѣшиваются съ тяжело вооруженными, но располагаются по флангамъ баталіона, устроеннаго въ боевой порядокъ. Но можно дать подобную же фигуру баталіону, построенному въ боевой порядокъ инымъ способомъ, который несравненно выгоднѣе предъидущаго, и потому требуетъ подробнѣйшаго разсмотрѣнія (смотри планъ I). Надѣюсь, что вы удержали въ памяти число сол-

дать различнаго рода войскъ и начальниковъ ихъ, въ нашемъ баталіонѣ. Цель этого другаго способа состоитъ также въ построении баталіона въ двадцать шеренгъ и во столько же рядовъ, но такимъ образомъ, чтобы головныя пять шеренгъ состояли изъ пикинеровъ, а прочія пятнадцать изъ людей со щитами. Два центуріона должны находиться въ головѣ колонны; другіе два въ хвостѣ ея, подобно офицерамъ, называвшимся у Римлянъ *tergi ductores**; а баталіонный командиръ въ срединѣ баталіона, между пикинерами и щитоносцами. По сторонамъ каждой шеренги, должны стоять декуріоны, которые, находясь на этихъ мѣстахъ, удобно могутъ командовать своими капральствами: право-фланговый, десятью человекъ, стоящими съ праваго фланга шеренги; а лѣво-фланговый, прочими. Полусотня велитовъ расположена по флангамъ и въ тылу баталіона. Для построения въ такой боевой порядокъ баталіона, двигающагося въ походной колоннѣ, во фронтѣ имѣющей пять рядовъ, должно сдѣлать слѣдующія распоряженія: велиты становятся въ головѣ, либо въ хвостѣ колонны, особо отъ прочихъ войскъ. Всякой центуріонъ, при движеніи баталіона въ походной колоннѣ, имѣетъ за собою двадцать шеренгъ, изъ которыхъ первыя пять состоятъ изъ пикинеровъ, а остальные изъ щитоносцевъ; баталіонный же командиръ, вмѣстѣ съ знаменемъ и съ музыкою своего баталіона, находится между пикинерами и щитоносцами второй центуріи (сотни), занимая въ глубину колонны мѣсто трехъ шеренгъ. Двадцать декуріоновъ идутъ на лѣвыхъ флангахъ шеренгъ первой центуріи; а другіе двадцать — на правыхъ флангахъ послѣдней центуріи. Не должно упускать изъ вида, что декуріоны, командующіе пикинерами, должны быть вооружены пиками; а командующіе щитоносцами имѣютъ щиты. Изъ этого походнаго порядка можно перейти въ боевой, слѣдующимъ образомъ:

* А въ наше время — офицерами въ эдикль. Прим. перев.

первый центуріонъ останавливаетъ свою сотню; второй продолжаетъ движеніе и, принявъ вправо, пристроивается къ правому флангу первой сотни; третія центурія подобнымъ же образомъ пристроивается къ правому флангу второй, а четвертая — къ третьей: какъ только головы центурій выравниются, два центуріона переходятъ съ фронта колонны въ замокъ, велиты рассыпаются по флангамъ, и баталіонъ находится въ боевомъ порядкѣ.

Первую изъ предложенныхъ мною эволюцій можно назвать *построеніемъ боевой колонны по рядамъ*; вторую — *построеніемъ боевой колонны по центуріямъ*. Первая проще, вторая безопаснѣе вблизи непріятеля, правильнѣе и можетъ быть удобнѣе примѣнена въ различныхъ обстоятельствахъ. Въ первомъ случаѣ, вы непременно выстроиваетесь постепенно въ десять, двадцать и сорокъ рядовъ, и такимъ образомъ, удвоивая число ихъ, не можете противопоставить непріятелю фронтъ въ пятнадцать, двадцать пять, тридцать либо тридцать пять рядовъ, а будете принуждены соображаться съ числомъ, происходящимъ отъ удвоенія рядовъ, и если понадобится вамъ, — какъ весьма часто случается въ бою, — выстроить фронтъ въ шестьсотъ или восемьсотъ человѣкъ, то построеніе ихъ *по рядамъ* не можетъ быть сдѣлано въ надлежащемъ порядкѣ. По этому самому, я предпочитаю вторую эволюцію, которой трудности могутъ быть побѣждены постояннымъ обученіемъ войска.

Повторяю вамъ еще разъ: ничего нѣтъ необходимѣе, какъ приучить солдатъ къ равненію въ рядахъ и къ постоянному сохраненію порядка, какъ на ученіяхъ, такъ и при форсированныхъ маршахъ, при наступленіяхъ и отступленіяхъ, какія бы затрудненія тому не представляла мѣстность. Хорошо образованный, въ этомъ отношеніи, солдатъ можетъ назваться старымъ служивымъ, хотя бы онъ ни одного разу не былъ въ сраженіи, и напротивъ того, солдатъ, неприученный къ этимъ необходимымъ дѣйствіямъ,

есть рекрутъ, хотя бы онъ уже находился во многихъ сраженіяхъ. Я объяснилъ вамъ способъ *строить для боя* баталіонъ, двигающійся въ правильномъ походномъ порядкѣ: но миѣ осталось еще говорить о предметѣ несравненно важнѣйшемъ, болѣе затруднительномъ и требующемъ постояннаго изученія и практики, о предметѣ, на который обращали особенное вниманіе древніе, словомъ сказать, о способахъ, служащихъ для немедленнаго построенія войскъ, приведенныхъ въ разстройство непріателемъ, либо неблагопріятствующими свойствами мѣстности, на которой они дѣйствуютъ. Для этого необходимо: во 1-хъ, чтобы въ баталіонахъ было какъ можно болѣе отличительныхъ знаковъ, способствующихъ солдатамъ находить мѣста свои во фронтѣ; во 2-хъ, чтобы солдаты постоянно находились въ однихъ и тѣхъ же рядахъ. Такъ на примѣръ, ежели какой либо солдатъ, сначала его службы, былъ поставленъ во вторую шеренгу, то онъ долженъ не только оставаться въ ней, но и сохранять мѣсто своего ряда въ шеренгѣ. Весьма также полезны, для скорого сбора войскъ, различныя знаки, тому способствующіе: каждое баталіонное знамя должно быть столь отлично отъ прочихъ, чтобы можно было безъ труда распознать его. Въ третьихъ, какъ баталіонный командиръ, такъ и центуріоны каждаго баталіона должны имѣть различныя украшенія на шлемахъ, по которымъ легко было бы отличить ихъ отъ офицеровъ прочихъ баталіоновъ; но всего необходимѣе различать декуріоновъ: Римляне считали сіе столь важнымъ, что каждый изъ ихъ декуріоновъ носилъ особый номеръ на шлемѣ, почему и называли ихъ: первымъ *, вторымъ, и такъ далѣе. Но сверхъ того, у нихъ, каждый рядовой имѣлъ на щитѣ номеръ своей шеренги и ряда.

Такимъ образомъ, давъ отличительные знаки войнамъ и приучивъ ихъ сохранять свои мѣста въ строю,

* *Primus pilus.*

не трудно будетъ, въ какое бы разстройство ни приведено было войско, мгновенно возстановить порядокъ. Какъ только указано мѣсто для знамени, то центуріоны и декуріоны выходятъ на линію, и соблюдая надлежащія дистанціи, занимаютъ мѣста свои; а рядовые, руководимые спаровкою и отличительными значками своихъ начальниковъ, немедленно устроиваются въ обыкновенномъ своемъ порядкѣ. Въ этомъ отношеніи, вы дѣйствуете подобно бочарю, который съ легкостью сколачиваетъ разбитый боченокъ, если всѣ части его нумерованы, и который, напротивъ того, долженъ бы употребить много трудовъ для подобной работы, ежели бы не было принято этой предосторожности. Вообще военное образование, подобное тому, о которомъ я говорилъ вамъ, весьма легко пріобрѣтается и долго удерживается въ памяти, по той причинѣ, что старые солдаты обучаютъ новобранцевъ и такимъ образомъ вскорѣ все народонаселеніе осваивается съ военнымъ дѣломъ.

Весьма полезно обучать баталіонъ различнымъ поворотамъ, такъ чтобы фланги или тылъ колонны дѣлались головою ея, и на оборотъ, голова колонны, флангомъ или хвостомъ ея. Для этого довольно, чтобы каждый человекъ повернулся лицомъ въ ту сторону, гдѣ будетъ голова баталіона; но должно замѣтить, что при поворотѣ направо, или налево, образуются значительные интервалы между рядами въ шеренгахъ. При поворотѣ налево—кругомъ, не произойдетъ чувствительнаго измѣненія въ строю; но при поворотѣ всторону, солдаты будутъ разомкнуты, что весьма невыгодно, при обыкновенномъ расположеніи баталіона; и потому самая опытность и здравый разсудокъ заставляютъ солдатъ сомкнуться, и такимъ образомъ исправить это неудобство. Гораздо важнѣе, и гораздо болѣе требуетъ опытности, искусство перемѣнять направленіе цѣлымъ баталіономъ, какъ одною массою: для этого необходимы привычка и особая смѣтливость. Такъ напримѣръ, если вамъ понадоби-

лось бы зайти баталіономъ налѣво, то вы должны остановить лѣво-фланговаго человѣка первой шеренги и укоротить шагъ въ срединѣ ея, чтобы правый флагъ не принужденъ былъ догонять бѣгомъ прочія части баталіона; безъ этой сноровки, ряды ваши непременно разстроятся.

При походномъ движеніи арміи, часто случается, что она бываетъ атакована съ фланга или съ тыла; въ этомъ случаѣ, атакованный баталіонъ немедленно выстраиваетъ фронтъ въ ту сторону, съ которой послѣдовало нападеніе. Для такого построенія, необходимо, чтобы баталіонъ сохранилъ принятый нами боевой порядокъ, то есть, чтобы всѣ пикинеры его находились на сторонѣ обращенной къ непріятелю; а декуріоны, центуріоны и баталіонный командиръ, въ обыкновенныхъ мѣстахъ своихъ. Приготовляясь къ отраженію непріятельскаго нападенія съ фланга, баталіонъ, находящійся въ пятирядной колоннѣ, строится такимъ образомъ, что всѣ пикинеры идутъ впередъ, составляя двадцать шеренгъ, и имѣя въ головѣ и въ хвостѣ по пяти декуріоновъ, ими начальствующихъ. Прочія же шестьдесятъ шеренгъ, состоящія изъ щитопосцевъ, раздѣлены на три центуріи, въ головѣ и хвостѣ которыхъ также идутъ декуріоны. Баталіонный командиръ, знамя и музыка находятся въ срединѣ первой центуріи щитопосцевъ; а центуріоны впереди своихъ сотенъ. Находясь въ подобномъ порядкѣ, и желая перестроиться изъ него въ такой порядокъ для боя, въ которомъ всѣ пикинеры находились бы на лѣвомъ флангѣ, вы останавливаете ихъ центурію и выдвигаете прочія вправо* (планъ II); если же вы хотите имѣть пикинеровъ на правомъ флангѣ баталіона, то строитесь влѣво: такимъ образомъ, баталіонъ будетъ двигаться, имѣя всѣхъ пикинеровъ на одномъ изъ фланговъ, декуріоновъ и центуріоновъ въ головѣ и хвостѣ колонны, а баталіоннаго командира въ сере-

* Смотри ниже.

линѣ ея. Какъ только покажется неприятель, то баталіонъ поворачивается къ той сторонѣ, гдѣ находятся пикинеры, и черезъ то самое будетъ находиться въ изложенномъ нами боевомъ порядкѣ, потому что всѣ чины находятся въ своихъ мѣстахъ, исключая центурионовъ, которые могутъ безъ затрудненія немедленно стать впереди и сзади вновь выстроеннаго фронта.

Ежели находясь съ баталіономъ въ походѣ, вы преимущественно опасаетесь нападенія съ тыла, то должно построить войско такъ, чтобы перестроивъ его въ боевой порядокъ, имѣть всѣхъ пикинеровъ въ хвостѣ колонны: для этого, достаточно размѣстить ихъ по всѣмъ центуриямъ, составя изъ нихъ пять послѣднихъ шеренгъ каждой. Остальное все исполняется точно такъ же, какъ объяснено прежде.

Козимо. Вы говорили, помнится мнѣ, что цѣль предложенныхъ вамъ ученій состоитъ въ образованіи баталіоновъ, такъ, чтобы они могли дѣйствовать въ совокупности въ видѣ арміи. Но если бы случилось, что ваши четыреста пятьдесятъ пѣхотинцевъ готовились вступить въ бой, отдѣльно отъ прочихъ войскъ, то какимъ образомъ вы расположили бы ихъ?

Фабрицію. Въ такомъ случаѣ, я предоставилъ бы рѣшить начальнику ихъ, гдѣ выгоднѣе поставить пикинеровъ, не нарушая ни сколько принятаго нами порядка. Хотя цѣль нашихъ ученій дѣйствительно состоитъ въ образованіи баталіона для совокупнаго дѣйствія съ прочими, однакоже они не менѣе полезны для приуготовленія войскъ къ отдѣльнымъ дѣламъ противъ неприятеля. Но я могу отвѣчать еще удовлетворительнѣе на предложенный вами вопросъ тогда, когда буду говорить о прочихъ двухъ боевыхъ порядкахъ, тѣмъ болѣе, что они употребляются только при отдѣльномъ дѣйствіи въ бою одного баталіона.

Для построенія баталіона въ колонну съ выступами, должно расположить пятирядную (походную) колонну слѣдующимъ образомъ: за первымъ центуриономъ слѣдуетъ двадцать пять шеренгъ, въ которыхъ два ряда

съ праваго фланга состоятъ изъ пикиперовъ, а прочіе изъ людей со щитами; въ послѣднихъ двадцати шеренгахъ, находится въ каждой по одному декуріону, которые въ пяти шеренгахъ вооружены пиками и стоятъ во второмъ ряду; а въ послѣднихъ пятнадцати шеренгахъ составляютъ средніе ряды. За этими двадцатью пятью шеренгами слѣдуютъ: 1) центуріонъ съ пятнадцатю шеренгами людей со щитами; 2) баталіонный командиръ съ музыкою и знаменемъ, за которымъ идутъ пятнадцать шеренгъ людей со щитами; 3) третій центуріонъ съ двадцатью пятью шеренгами, въ которыхъ два ряда съ лѣваго фланга состоятъ изъ пикиперовъ, а остальные изъ пѣхоты со щитами; въ послѣднихъ же двадцати шеренгахъ, находится въ каждой по одному декуріону, которые расположены подобно тому, какъ и въ первой центуріи * между пикиперами и щитоносцами; четвертый центуріонъ находится въ замкѣ за послѣднею центуріею. Для построения изъ этой походной колоны баталіона съ двумя выступами, первый центуріонъ останавливаетъ свою команду; второй принимаетъ влѣво и пристраиваетъ свою центурію къ лѣвому флангу послѣднихъ пятнадцати шеренгъ первой центуріи. Баталіонный командиръ съ пятнадцатю шеренгами также принимаетъ влѣво отъ предъидущихъ пятнадцати шеренгъ, пристраиваетъ сзади идущихъ людей къ лѣвому флангу второй центуріи и становится нѣсколько шаговъ впереди фронта; наконецъ третій центуріонъ съ своими двадцатью пятью шеренгами и съ замыкающимъ центуріономъ пристраивается къ щитоносцамъ подобнымъ же образомъ, но не останавливаетъ наравнѣ съ ними головныхъ рядовъ своихъ, а продолжаетъ идти впередъ, пока задніе ряды его центуріи поравняются съ задними рядами прочихъ. Какъ только весь баталіонъ выстроится, то центуріонъ, шедшій въ головѣ второй центуріи, переходитъ въ замокъ. Такимъ образомъ будетъ построена колонна въ

* Занимал во фронтѣ мѣста рядовыхъ.

пятнадцать шеренгъ и двадцать рядовъ, съ двумя выступами на каждой изъ сторонъ фронта, составленными изъ десяти пятирядныхъ шеренгъ. Между этими выступами, останется пространство, на которомъ легко могутъ быть помѣщены десять рядовъ, и гдѣ будетъ находиться баталіонный командиръ. Центуріоны разставлены такъ, что по одному изъ нихъ находится впереди каждаго выступа, и по одному въ зѣмкѣ за фланговыми рядами колонны. Въ промежутокъ между выступами, въ случаѣ необходимости, могутъ вѣхаться артиллерія и обозъ. Велиты разсыпаются на флангахъ баталіона, по сторонамъ пикинеровъ.

Для построения баталіона изъ колонны съ выступами въ колонну съ пустымъ внутри пространствомъ, должно, изъ числа пятнадцати заднихъ шеренгъ, перевести восемь на концы выступовъ. Во внутреннемъ пространствѣ помѣщаются обозы, баталіонный командиръ и знамя; артиллерія же выѣзжаетъ впередъ, или располагается на флангѣ баталіона: это построение можетъ принести пользу только тогда, когда мы должны находиться во всегдашней готовности къ отраженію непріятеля; но и въ такомъ случаѣ, гораздо выгоднѣе строиться въ простую колонну безъ *выступовъ* и безъ *пустаго внутри пространства*. При всемъ томъ, для прикрытія безоружныхъ людей, иногда бываетъ необходимо строить баталіонъ съ выступами.

Швейцары употребляютъ многіе другіе боевые порядки, и въ числѣ прочихъ, *крестовое каре*, помѣщая своихъ фузелеровъ въ промежуткахъ, образуемыхъ его сторонами. Но какъ всѣ эти построения могутъ принести пользу только въ нѣкоторыхъ исключительныхъ случаяхъ, то я, ограничиваясь построениемъ въ обыкновеннѣйшіе изъ боевыхъ порядковъ нѣсколькихъ баталіоновъ, считаю излишнимъ распространяться объ этомъ предметѣ.

Козимо. Мнѣ кажется, что я совершенно понялъ систему вашихъ баталіонныхъ ученій; но помните мнѣ, вы предполагали, свхъ деэтихъ десяти баталіо-

новъ, имѣть въ бригадѣ еще тысячу запасныхъ пикинеровъ и пятьсотъ запасныхъ велитовъ. Должны ли они обучаться наравнѣ съ другими солдатами?

Фабриціо. Безъ всякаго сомнѣнія, и съ такимъ же тщаніемъ. Я обучалъ бы этихъ пикинеровъ по ротно, подобно тому какъ другихъ по баталіонно, и употреблялъ бы ихъ на войнѣ преимущественно передъ прочими для всѣхъ дѣйствій небольшими отрядами, какъ то: прикрытія обоза, сбора контрибуціи и тому подобное. Что же касается до велитовъ, то я ограничился бы обученіемъ ихъ по мѣстамъ жительства, не собирая въ значительныхъ силахъ: какъ исключительнымъ ихъ назначеніемъ есть бой врасыпную, то и имѣть никакой надобности собирать ихъ для совокупнаго обученія. Весьма достаточно, если они хорошо обучены одиночному дѣйствию.

Не сочту себѣ въ трудъ еще разъ повторить вамъ, что войска должны быть обучены со всевозможнымъ стараніемъ сохранять порядокъ и равненіе строя, умѣть находить свое мѣсто во фронтѣ, и прійдя въ разстройство отъ дѣйствія въ бою, либо отъ мѣстныхъ затрудненій, снова устроиваться въ прежнемъ порядкѣ. Какъ только они обучены всему этому, то легко уже будетъ приучить баталіонъ къ сохраненію надлежащаго мѣста въ боевомъ порядкѣ цѣлой арміи и къ дѣйствию въ совокупности съ прочими.

Всякой государь, употребившій всевозможное попеченіе для учрежденія въ своей землѣ такимъ образомъ устроенной и обученной арміи, будетъ постоянно имѣть отличныхъ солдатъ, превосходнѣйшихъ надъ прочими и способныхъ поддержать права своего правительства, а не покориться власти сильныхъ сосѣдей. Но, какъ я уже замѣтилъ, неустройство нынѣшнихъ уставовъ внушаетъ равнодушіе и презрѣніе къ полезнымъ учрежденіямъ, а потому наши италіянскія владѣнія имѣютъ весьма плохія войска; а если и есть въ нихъ нѣкоторые полководцы и воины, дѣйствительно способные къ своему дѣлу, то они не имѣютъ ни малѣйшей возмож-

ности показать на самомъ опытѣ свои достоинства.

Козимо. Позвольте мнѣ узнать ваше мнѣніе объ устройствѣ баталіонныхъ обозовъ.

Фабриціо. Скажу вамъ прежде всего, что у меня никто изъ центуріоновъ или изъ декуріоновъ не ѣхалъ бы верхомъ, да и самъ баталіонный командиръ имѣлъ бы не лошадь, а лошака, если бы не предпочиталъ итти пѣшкомъ наравнѣ съ своими подчиненными. Я далъ бы ему двѣ фуры, по одной каждому центуріону, и по двѣ на три декуріона съ ихъ командами, которыя, какъ вамъ объясню впослѣдствіи, были бы соединены по три въ одну общую часть войскъ. * Такимъ образомъ я предполагаю имѣть въ каждомъ баталіонѣ тридцать шесть фуръ съ палатками, котлами для варенія пищи, шанцевымъ инструментомъ и кольями для разбивки лагеря. Весь же прочій багажъ будетъ носиться моими солдатами, если это не будетъ для нихъ слишкомъ обременительно.

Козимо. Я совершенно убѣжденъ въ пользѣ частныхъ начальниковъ предполагаемыхъ въ вашихъ баталіонахъ: но не можетъ ли самая многочисленность ихъ быть причиною замѣшательства?

Фабриціо. Безъ всякаго сомнѣнія, если бы они всѣ не были подчинены одному общему начальнику; но эта зависимость поддерживаетъ сохраненіе порядка. Имѣя офицеровъ въ меньшемъ числѣ, невозможно управлять баталіономъ: это стѣна, которая отвсюду угрожая паденіемъ, имѣетъ болѣе нужды во многихъ небольшихъ стойкахъ, нежели въ нѣсколькихъ прочныхъ подпорахъ, не могущихъ, какъ бы онѣ впрочемъ ни были крѣпки, предохранить стѣны отъ разрушенія. А потому и необходимо имѣть въ войскахъ, на каждые десять человекъ, одного, который превосходя прочихъ дѣятельностью, мужествомъ, или по-крайней-мѣрѣ, властью, управляя бы ими и поощряя бы ихъ въ бою словами и собственнымъ примѣромъ. Необходи-

* Въ видѣ нашей артиллеріи.

Прим. перев.

мость такихъ начальниковъ, а равно офицеровъ, знаменъ и музыки, всего убѣдительно доказывается тѣмъ, что они были введены во всѣ благоустроенныя войска и даже въ наши; но мы не умѣемъ извлечь изъ нихъ пользы. Декуріоны (начальники десятковъ) тогда лишь могутъ исполнять свое настоящее назначеніе, когда они совершенно знаютъ своихъ солдатъ, когда живутъ, отправляютъ обязанности службы и сражаются вмѣстѣ съ ними. Такимъ только образомъ, частные начальники могутъ служить для сохраненія порядка фронта и для возстановленія его, въ случаѣ разстройства рядовъ; въ настоящее же время, наши унтеръ-офицеры, получая большее жалованье, нежели рядовые, умѣютъ только являться на ординарцы; подобнымъ образомъ и знамена не приносятъ никакой пользы сообразно истинному своему назначенію, а только выносятся на показъ. Напротивъ того, у древнихъ, они служили для указанія войскамъ пути и сборнаго мѣста: каждый воинъ выступалъ и останавливался вмѣстѣ со знаменемъ своего баталіона, занимая, сообразно съ нимъ, свое мѣсто въ боевомъ порядкѣ; а потому и необходимо, чтобы армія была раздѣлена на многія части, имѣющія особыхъ вождей и особыя знамена, которые будутъ, такъ сказать, душою всего войска.

Войска должны слѣдовать за знаменемъ, а знамя за музыкою, которая, бывъ по надлежащему устроена, служить для передачи приказаній начальника; притомъ же, каждый солдатъ, соображая скорость своего шага съ темпомъ музыки, легче сохрпляетъ равненіе въ ряду своемъ. По этому самому, древніе имѣли въ войскахъ своихъ флейты и другіе нструменты, совершенно соответствовавшіе такой цѣли. Подобно танцующему, который, соображаясь съ тактомъ, не ошибается въ тѣлодвиженіяхъ, войска, соблюдая должное вниманіе къ музыкѣ, сохраняютъ устройство. Древніе употребляли въ военной музыкѣ различныя тоны для возбужденія и укрощенія храбрости своихъ воиновъ: до-

рической тонъ внушалъ непоколебимость, а фригійскій немцовство. Историки пишутъ, что будтобы Александръ, услышавъ, во время пиршества, музыку во фригійскомъ тонѣ, воспламенился ею такъ, что выхватилъ мечъ свой. Не худо бы возобновить всѣ эти различные роды военной музыки, или по-крайней мѣрѣ, устроить ее такъ, чтобы она могла передавать войскамъ приказанія начальника. Подобные сигналы могутъ быть весьма многообразны: но необходимо, чтобы солдатъ умѣлъ различать ихъ. Въ настоящее же время, музыка употребляется только для шума.

Козимо. Я очень желалъ бы, чтобы вы сказали мнѣ, почему, въ настоящее время, обращаютъ такъ мало вниманія на воицкія учрежденія и почему нѣтъ въ войскахъ нашихъ надлежащаго устройства?

Фабрицио. Съ большою охотою. Безъ сомнѣнія уже извѣстно вамъ, что изъ числа славнѣйшихъ полководцевъ, большая часть находилась въ Европѣ, гораздо меньшая въ Африкѣ, и еще менѣе въ Азіи. Причиною такого различія есть то, что послѣднія части свѣта никогда не заключали въ себѣ болѣе одной или двухъ обширныхъ монархій; напротивъ того въ Европѣ всегда находилось нѣсколько значительныхъ государствъ. Никогда люди не могутъ вполне развить своихъ талантовъ, если правительство не обращаетъ на нихъ вниманія и тѣмъ самымъ не поощряетъ ихъ къ новымъ усиліямъ.

Въ странахъ, подвластныхъ скипетру могущественныхъ государей, великіе люди являются во множествѣ, въ противномъ случаѣ, не видно ихъ. Что касается до Азіи, то за исключеніемъ Нина, Кира, Артаксеркса и Митридата, не много можемъ найти въ ней великихъ полководцевъ. Оставляя безъ вниманія покрытыя завѣсою неизвѣстности времена славы Египта, мы находимъ въ Африкѣ только Массиниссу, Югурту и нѣсколькихъ карфагенскихъ военачальниковъ, которыхъ число весьма незначительно въ сравненіи со множествомъ Европейскихъ полководцевъ. Наша часть свѣта произ-

вела тьму людей, которыхъ число было бы еще значительнѣе, если бы мы могли увеличить его именами всѣхъ тѣхъ, которые, заслужа своими подвигами безсмертіе, обречены забвенію. Отличные таланты встрѣчаются тѣмъ чаще, чѣмъ болѣе есть государствъ, принужденныхъ необходимостью, либо какою другою важною причиною, ободрять ихъ справедливымъ поощреніемъ.

Такимъ образомъ въ Азіи встрѣчаемъ весьма мало великихъ людей: причиною тому было почти постоянное соединеніе большей части ея въ одну имперію, которое, способствуя продолжительному спокойствію, удерживало усилія предпримчивыхъ геніевъ*. То же самое находимъ и въ Африкѣ, за исключеніемъ Карфагена, гдѣ мелькнули нѣкоторые славные люди.

Напротивъ того, Европа, наполненная республиками и монархіями, изъ которыхъ каждая должна была принимать мѣры предосторожности противъ своихъ сосѣдей, — Европа по необходимости сохраняла свои воинскія учрежденія и отдавала справедливую дань уваженія своимъ полководцамъ. Греція, кромѣ Македонскаго государства, заключала въ себѣ большое число республикъ: всѣ они произвели многихъ великихъ военачальниковъ. Италія, обитаемая Римлянами, Самнитами, Этрусками и цизальпинскими Галлами, Галлія, Германія и Испанія, содержавшія въ себѣ множество отдѣльныхъ владѣній, были отечествомъ многихъ героевъ, и если число этихъ великихъ людей весьма ограничено въ сравненіи съ римскими, то единственною тому причиною можно поставить пристрастіе историковъ, которые, большею частью раболѣпствуя фортуѣ, прославляли только однихъ побѣдителей. Когда же древняя доблесть, такъ сказать, сосредоточившаяся въ стѣнахъ всемірной столицы, исчезла, то возвращеніе нравовъ, ее замѣнившее, неизменно должно было

* Нельзя не замѣтить, что Россія представляетъ разительное опроверженіе сему выводу автора. Прим. перъ.

разлиться по всему свѣту, и варвары безъ труда растерзали имперію, которая, уничтоживъ добрыя качества прочихъ народовъ, не умѣла сохранить собственной добродѣтели.

Раздѣленіе Римской имперіи варварами не могло возратить Европѣ древнихъ воинскихъ доблестей: главными причинами тому можно поставить отвращеніе отъ забытыхъ уставовъ, столь сродное людямъ, и перемѣну въ нравахъ бывшую слѣдствіемъ введенія христіанской религіи. Внѣшніе непріатели сдѣлались менѣе страшными: до введенія христіанской религіи, побѣжденные предавались смерти или владели остальные дни свои подъ игомъ жесточайшаго рабства. Завоеванные города предавались грабежу; ихъ обитатели, лишенные всего своего имущества и роднаго крова, разсѣвались по всему свѣту: однимъ словомъ, побѣжденные претерпѣвали всѣ возможныя злополучія. Но это имѣло благопріятное вліяніе на успѣхи военнаго искусства: всякое государство, страшась подобныхъ бѣдствій, постоянно содержало свою армію на военномъ положеніи и вполне награждало подвиги каждаго заслуженнаго воина. Въ настоящее же время, совсѣмъ другое дѣло: жизнь побѣжденных не подвержена опасности, ихъ плѣнъ продолжается весьма не долго и они безъ большаго затрудненія могутъ получить свободу. И даже жители городовъ, за неоднократные мятежи не подвергаются истребленію, а сохраняя свои имущества, принуждены бываютъ только заплатить контрибуцію. По этой самой причинѣ, никто не хочетъ подчинить себя строгой воинской подчиненности и подвергаться необыкновеннымъ трудамъ и всевозможнымъ лишеніямъ, за тѣмъ только, чтобы избѣжать опасностей уже болѣе несуществующихъ. Притомъ же, Европа нынѣ раздѣлена на меньшее число государствъ, нежели прежде: вся Франція повинуется одному монарху; вся Испанія другому, да и самая Италия не раздроблена на мелкіе участки. Небольшія владѣнія пристають по неволѣ къ сторонѣ

сильнѣйшаго; а могущественныя государства, какъ мы уже видѣли, не имѣютъ причины опасаться совершеннаго уничтоженія.

Козимо. Однако же, въ продолженіе послѣдняго двадцати - пятилѣтія, мы видѣли довольно опустошенныхъ городовъ и уничтоженныхъ владѣній: такіе примѣры должны бы послужить въ пользу сосѣдямъ ихъ и дать имъ почувствовать необходимость возобновленія прочныхъ воинскихъ учрежденій.

Фабрицио. Вы совершенно правы: но не должно упускать изъ вида, что всѣ опустошенныя мѣста были не столицы, но второстепенные города, что этой участи не подверглись Миланъ, Неаполь, Римъ, либо Венеція; а испытали ее Тортона, Капуя, Равенна и Бресція. Такіе примѣры не могутъ измѣнить системы правительствъ, а только внушаютъ имъ охоту вознаграждать контрибуціями свои потери. Они не хотятъ подчинить себя заботамъ, сопряженнымъ съ воинскими занятіями, почитая военное дѣло бесполезнымъ и превышающимъ ихъ способности. Что же касается до тѣхъ владѣтелей, которые, потерявъ прежнее могущество, испытали горькимъ опытомъ необходимость благоустроенныхъ войскъ, то они не имѣютъ средствъ поправить свои ошибки. И такъ, одни изъ государствъ не вводятъ у себя древнихъ воинскихъ учрежденій по неимѣнію къ тому способовъ, а другіе по невѣденію либо по недостатку твердой воли.

Въ доказательство истины словъ моихъ, могу еще привести Германію. Воинская доблесть поддерживается въ этой странѣ единственно многими значительными владѣніями, въ ней заключающимися, которыя подали поводъ ко всему, что только находимъ хорошаго въ нашихъ арміяхъ. Эти владѣтели, опасаясь своихъ сосѣдей и дорожа независимостью, умѣютъ сохранять, какъ могущество, такъ и вѣсь свой въ общей политической системѣ.

Таковы причины равнодушія нынѣшнихъ правителей къ воинскимъ талантамъ. Не знаю, найдете ли

вы ихъ удовлетворительными и не имѣете ли еще ка-кого сомнѣнія на счетъ этого предмета.

Козимо. Ни какого: я убѣжденъ совершенно. Те-перь прошу васъ обратиться къ прежнимъ словамъ вашимъ и сказать, какимъ образомъ должна быть устроена кавалерія при войскахъ нашихъ, въ какомъ числѣ будетъ она, какое получить оружіе, и нако-нецъ какихъ дадите ей начальниковъ?

Фабрицио. Не удивляйтесь тому, что я упустилъ изъ вида эту часть излагаемаго мною предмета; я предполагаю ограничиться бѣглымъ обзоромъ ея, во первыхъ потому, что главная сила войскъ заключается въ пѣхотѣ, а во вторыхъ по той причинѣ, что, въ настоящее время, кавалерія устроена нѣсколько лучше пѣхоты, и даже можетъ выдержать сравненіе съ кон-ницею древнихъ. Впрочемъ, я уже говорилъ, ка-кимъ образомъ должно обучать ее. Что же касается до вооруженія конницы, то я ни сколько не измѣнилъ бы его ни въ легкой кавалеріи, ни въ жандармахъ, но считаю полезнымъ вооружить всю легкую кавалерію арбалетами, придавъ ей самое небольшое число людей съ ружьями, которыя хотя приносятъ не много пользы въ бою, однако же могутъ служить для нрав-ственного вліянія на народныя войска, которыя опа-саются одного ружья болѣе, нежели двадцати дру-гихъ какихъ либо оружій.

Остается опредѣлить число нашей кавалеріи. Под-ражая устройству римскихъ легионовъ, я придамъ каждой бригадѣ не болѣе трехъ сотъ всадниковъ, изъ которыхъ половина состояла бы изъ жандармовъ, а другая изъ легкой кавалеріи; какъ тѣ, такъ и другіе будутъ имѣть особаго эскадроннаго командира, знамя и музыку. На каждыхъ двухъ жандармовъ и на каж-дые пять человекъ легкой кавалеріи будетъ состоять по одной фурѣ, для возки палатокъ, котловъ для варенія пищи, шанцеваго инструмента и прочаго багажа. Не удивляйтесь малочисленности моего обоза. Я очень хорошо знаю, что наши жандармы имѣютъ каждый

по четыре вьючныя лошади: по считаю это весьма вреднымъ. Въ Германіи, жандармы имѣютъ только однѣхъ верховыхъ лошадей и по одной фурѣ на двадцать человѣкъ, для возки поклажи. Подобнымъ образомъ и римская конница не имѣла ни какой прислуги, кромѣ триаріевъ *, которые помогали ей убирать лошадей. Мы можемъ безъ затрудненія подражать имъ, и въ этомъ я постараюсь убѣдить васъ въ послѣдствіи, говоря о лагеряхъ. Во всякомъ случаѣ, мы поступаемъ весьма неосновательно, оставляя безъ вниманія примѣры, поданныя въ древности Римлянами, и въ настоящее время Германцами.

Два эскадрона, принадлежащіе къ пѣхотной бригадѣ, могутъ собираться въ одно время съ баталіонами и обучаться дѣйствіямъ малой войны въ совокупности, единственно съ тою цѣлью, чтобы умѣть различать въ бою одинъ другаго. Но довольно объ этомъ: перейдемъ къ расположенію арміи для боя и къ дѣйствію ея противъ непріятеля: побѣда надъ нимъ должна быть цѣлью всѣхъ мѣръ, принимаемыхъ для образованія благоустроеннаго войска.

=

КНИГА ТРЕТЬЯ.

Козимо. Мы переходимъ къ другому предмету, и потому, опасаясь навлечь на себя упрекъ въ самона-

* Отборнѣйшіе изъ пѣхотныхъ солдатъ, составлявшіе резервъ и располагавшіеся, въ римскихъ лагеряхъ, въ соседствѣ конницы.

Ир. Перев.

дѣяности, я требую, чтобы кто либо другой предлагалъ вопросы нашему знаменитому гостю. Оставляя добровольно это право, уступаю его тому, кто пожелаетъ занять мое мѣсто.

Заноби. Мы очень хотѣли бы, чтобы вы продолжали свои вопросы; но какъ это несогласно съ собственнымъ вашимъ желаніемъ, то просимъ васъ самихъ назначить себѣ преемника.

Козимо. Позвольте мнѣ предоставить такой выборъ нашему посѣтителю.

Фабрицио. Съ большою охотою. И такъ предлагаю вамъ послѣдовать примѣру Венеціанъ, у которыхъ въ совѣтѣ голоса всегда подаются, начиная съ младшаго. Война сродна молодымъ людямъ, которые могутъ столь же хорошо говорить о ней, какъ и вести ее.

Козимо. И такъ, теперь ваша очередь, Луиджи. Я чрезвычайно радъ, что вы заняли мое мѣсто: надѣюсь, что всѣ останутся довольными вашимъ назначеніемъ. Но чтобы не терять напрасно времени, возвратимся къ нашему предмету.

Фабрицио. Чтобы пріискать наилучшія правила для построенія арміи въ боевой порядокъ, должно, прежде всего, размотрѣть, какимъ образомъ поступали въ этомъ случаѣ Греки и Римляне. Древніе писатели даютъ намъ весьма удовлетворительное понятіе объ ихъ военныхъ системахъ, и потому, оставая безъ вниманія многія подробности, преимущественно займусь тѣми учрежденіями, которыя будучи введены въ войска наши, могли бы послужить къ ихъ усовершенствованію. И такъ, всѣ мои предположенія состоятъ въ томъ, чтобы показать вамъ, какимъ образомъ должно строить армію въ боевой порядокъ, сдѣлать ее способною къ бою и обучить примѣрными сраженіями.

При устроеніи арміи для боя, нѣтъ ничего вреднѣе, какъ располагать ее въ одну линію, предоставляя такимъ образомъ судьбу войскъ успѣху едипственнаго

нападенія. Совсѣмъ не такъ дѣйствовали древніе у которыхъ обыкновенно одна линія проходила чрезъ другую, подкрѣпляя переднія войска, прикрывая ихъ отступленіе и возобновляя бой свѣжими силами. Римляне весьма хорошо понимали выгоды такого расположенія и всегда ими пользовались. Они раздѣляли свои легіоны на три линіи, изъ которыхъ одна была составлена изъ *гастатовъ*; другая изъ *принциповъ*, а третія изъ *тріаріевъ*. Всѣ онѣ были устроены такъ, что вторая линія, чрезъ оставленные въ ней промежутки, могла пропустить первую; а третія, обѣ переднія шеренги. Сверхъ того, въ римской арміи находились пращники, стрѣльцы изъ луковъ и другіе легко вооруженные воины, которые располагались не въ одной линіи съ тяжелою пѣхотою, но впереди всего войска, либо занимали промежутки между пѣхотою и конницею. Эти воины завязывали бой, и если удавалось имъ опрокинуть непріятеля, что впрочемъ случалось очень рѣдко, то они довершали одержанную побѣду. Если же они были отражены, то очищали фронтъ сомкнутыхъ войскъ, обходя ихъ фланги, либо проходя чрезъ интервалы, нарочно для того оставленные, и располагались сзади арміи. Тогда двигались впередъ *гастаты*, которые нападали на непріятеля и, въ случаѣ неудачи, отступали медленно въ промежутки, оставленные въ линіи принциповъ, и соединясь съ ними, опять наступали, и если были вторично опрокинуты, то входили въ интервалы между тріаріями и снова нападали на противника: эта атака была самая рѣшительная, и въ случаѣ неудачи ея, почти уже нельзя было надѣяться на успѣхъ боя. Кавалерія находилась на флангахъ арміи, уподобляясь крыльямъ ея: она приучена была сражаться, и верхомъ, и спѣшившись. При такомъ порядкѣ боя, войска Римлянъ были почти непобѣдимы, потому что противники ихъ не иначе могли одержать верхъ надъ ними, какъ побѣдивъ ихъ три раза сряду, либо, говоря другими словами, имѣя значительное преимущ-

щество падъ нимъ, какъ въ числѣ, такъ и въ мужествѣ. Напротивъ того, греческая фаланга не имѣла возможности возобновлять боя свѣжими войсками; и хотя она строилась въ значительное число шеренгъ, однако же, не смотря на то, всегда располагалась въ одну линію. Различныя части ея не входили одна въ другую подобно римскимъ манипуламъ, по солдаты замѣняли по одиночкѣ одинъ другаго слѣдующимъ образомъ: когда фаланга, построенная примѣрно въ пятьдесятъ шеренгъ, встрѣчалась съ противникомъ, то изъ всѣхъ этихъ шеренгъ, только переднія шесть могли сражаться, по той причинѣ, что несмотря на значительную длину ихъ копій (сариссъ), острія пикъ шестой шеренги едва лишь выходили изъ за переднихъ рядовъ фаланги. И такъ, когда въ сраженіи какой либо изъ воиновъ передней шеренги былъ убитъ или раненъ, то на его мѣсто становился сзади стоявшій человекъ второй шеренги, котораго мѣсто занималъ солдатъ третьей шеренги, и такъ далѣе: изъ сего явствуетъ, что переднія шеренги всегда имѣли полное число рядовъ, а терпѣли убыль только заднія шеренги, которыя постепенно истощались, сообразно съ общемою потерю въ людяхъ. Разсматривая расположеніе фаланги, находимъ, что по значительной глубинѣ ея, дѣлавшей ее почти неподвижною, гораздо легче было совершенно уничтожить, нежели прорвать густые ряды ея.

Сначала — Римляне образовали свои легіоны по примѣру фаланги; но вскорѣ оставили военную систему Грековъ и раздѣлили свои легіоны на части, называвшіяся когортами и манипулами. Они полагали, какъ я уже прежде замѣтилъ, что главная сила войска заключается въ подвижности отдѣльныхъ частей его, изъ которыхъ каждая должна составлять особенное стройное цѣлое.

Нынѣшнія швейцарскія войска устроены по образцу греческой фаланги: они располагаются для боя и сражаются, построясь въ густые глубокіе баталіоны, постав-

ленные въ одну линію. Иногда же Швейцары располагаютъ части своихъ войскъ въ видѣ эшелоновъ; но не для того, чтобы одни баталіоны входили въ промежутки другихъ, а для поддержанія переднихъ частей сзади стоящими: для этого, они ставятъ послѣдующіе баталіоны за флангами предидущихъ, на разстояніи ружейнаго выстрѣла, такимъ образомъ, что второй стоитъ за флангомъ перваго, третій за флангомъ втораго, и то далѣе. Такое значительное разстояніе необходимо, чтобы доставить средство проходить назадъ разстроеннымъ баталіонамъ и двигаться впередъ войскамъ, идущимъ къ нимъ въ помощь: но при семъ необходимо принять въ соображеніе, что значительныя массы войскъ, приведенныя въ безпорядокъ, не могутъ быть приняты въ интервалы сзади стоящихъ линій, подобно не большимъ частямъ римскихъ легионовъ, которыя легко проходили одиѣ черезъ другія и взаимно одиѣ другихъ поддерживали. Впрочемъ ни что не показываетъ столь явно превосходства римской военной системы надъ боевымъ порядкомъ Швейцаровъ, какъ постоянное превосходство римскихъ легионовъ надъ греческими фалангами. И не должно удивляться тому: возможность возобновлять бой нѣсколько разъ свѣжими войсками и совершенство оружія Римлянъ должны были доставить гораздо удовлетворительнѣйшіе результаты, нежели мертвая плотность фаланги.

Имѣя въ виду образовать армію по образцу древнихъ, я воспользуюсь оружіемъ и маневрами, какъ греческой фаланги, такъ и римскаго легиона. Для этого, въ составѣ моей бригады находятся двѣ тысячи пикинеровъ подобныхъ македонскимъ фалангистамъ и три тысячи воиновъ, вооруженныхъ мечами, подобно Римлянамъ. Я раздѣлилъ бригаду на десять баталіоновъ, по примѣру Римлянъ, раздѣлявшихъ легионъ на десять когортъ; я имѣю также, подражая имъ, велитовъ или легковооруженныхъ воиновъ для открытія боя. Боевой порядокъ мой составленъ изъ

*

боевыхъ порядковъ обонхъ войскъ: всякой баталіонъ имѣетъ въ головѣ пять шеренгъ пикинеровъ, въ видѣ фаланги, а за ними остальную пѣхоту со щитами, подобную римскимъ воинамъ. Такое построение даетъ имъ средство отражать атаки непріятельской кавалеріи и прорывать пѣхоту противника, останавливая ихъ пиками и довершая поражение непріятели мечами.

Разсматривая внимательно этотъ боевой порядокъ, вы увидите, что оба главныя оружія моея пѣхоты распределены наилучшимъ образомъ: пикинеры необходимы противъ кавалеріи и даже противъ пѣхоты до тѣхъ поръ, пока дѣло дойдетъ до схватки: но вблизи они бесполезны. Чтобы отвратить это неудобство, Швейцары располагаютъ, чрезъ каждыя три шеренги пикинеровъ, одну составленную изъ алебардировъ: но такое средство не совсѣмъ достаточно. Наши пикинеры, стоящіе въ переднихъ рядахъ, служатъ для отраженія кавалеріи и для прорванія густыхъ рядовъ непріятельской пѣхоты, въ началѣ боя; но когда обѣ противныя стороны сойдутся грудь съ грудью, и когда пикинеры уже не могутъ дѣйствовать, то они уступятъ мѣсто воинамъ, вооруженнымъ мечами, которые могутъ удобно сражаться въ самой близкой схваткѣ.

Луиджи. Мы съ нетерпѣніемъ желаемъ узнать, какимъ образомъ вы расположите вооруженную и устроенную вами армію въ боевой порядокъ.

Фабриціо. Я буду говорить подробно объ этомъ предметѣ. И такъ, прежде всего, скажу, что обыкновенная или консульская римская армія заключала въ себѣ два легіона, составленные изъ римскихъ гражданъ, въ числѣ шестисотъ человекъ кавалеріи и одиннадцати тысячъ пѣхоты, и столько же союзныхъ войскъ, которыя были раздѣлены на двѣ части, называвшіяся правымъ и лѣвымъ крылами арміи. Число союзной пѣхоты никогда не превышало силы римскихъ легіоновъ; но союзная конница иногда была вдвое

многочисленнѣ римской. Такимъ образомъ консулъ, съ двадцатью двумя тысячами пѣхоты и двумя тысячами кавалеріи, долженъ былъ противиться всѣмъ усиліямъ непріятельской арміи и совершать всѣ свои предпріятія. Но когда необходимо было противостоять опасному врагу, то оба консулы соединяли свои арміи и дѣйствовали ими въ совокупности.

Невозможно оставить безъ вниманія, что Римляне всегда располагали собственные легіоны въ центрѣ арміи, во всѣхъ обстоятельствахъ: въ походѣ, въ лагерѣ и для боя. Цѣлью того было (какъ я постараюсь доказать впоследствии) содержаніе въ совокупности надежнѣйшихъ войскъ. Впрочемъ союзная пѣхота, постоянно находясь съ легіонами и соблюдая такую же дисциплину и боевые порядки, почти не уступала въ достоинствѣ собственнымъ войскамъ Римлянъ. Боевой порядокъ одного легіона можетъ дать понятіе о боевомъ порядкѣ цѣлой римской арміи: такимъ образомъ, объяснивъ раздѣленіе легіона на три линіи, взаимно смѣнявшіе одна другую, я изложу вамъ вполне военную систему Римлянъ.

Имѣя намѣреніе построить свой боевой порядокъ по образцу Римлянъ, я составлю его изъ двухъ бригадъ, которыя, въ принятомъ мною боевомъ порядкѣ, будутъ занимать мѣсто двухъ легіоновъ: ихъ расположеніе будетъ одинаково съ боевымъ порядкомъ цѣлой арміи, который будетъ различенъ отъ боеваго расположенія бригады только большимъ своимъ протяженіемъ. Не стану повторять, изъ какого числа людей и баталіоновъ состоитъ наша бригада; сколько въ ней находится офицеровъ, какимъ образомъ вооружена она и что должно разумѣть подъ названіемъ дѣйствующихъ и запасныхъ пикинеровъ и велитовъ: это было вамъ объяснено въ подробности, и я надѣюсь, что вы удержали въ памяти всѣ эти предметы, необходимые для полученія яснаго понятія о нашихъ маневрахъ. И такъ не останавливаясь на нихъ, стану продолжать далѣе (см. пл.).

Каждые десять баталіоновъ, принадлежащіе къ одной

бригадѣ, составятъ крыла арміи: правое и лѣвое. Баталіоны составляющіе лѣвое крыло, будутъ расположены слѣдующимъ образомъ: впереди, пять баталіоновъ, имѣющихъ головы колоннъ на одной линіи, на разстояніи четырехъ локтей одинъ отъ другаго, занимая такимъ образомъ протяженіе на сто сорокъ одинъ локоть во фронтѣ и на сорокъ локтей въ глубину. Во второй линіи, на разстояніи сорока локтей отъ первой, будутъ поставлены три баталіона, изъ которыхъ крайніе выравниваются по фланговымъ баталіонамъ первой линіи; а средній станеть въ интервалѣ между крайними: такимъ образомъ вторая линія будетъ занимать одинакое протяженіе съ первой, имѣя между своими баталіонами промежутки въ тридцатьтри локтя. Наконецъ въ третьей линіи, на разстояніи сорока локтей отъ второй, расположатся остальные два баталіона за фланговыми баталіонами переднихъ линій, на разстояніи одинъ отъ другаго девяносто одного локтя. Слѣдовательно всѣ десять баталіоновъ вмѣстѣ занимаютъ во фронтѣ сто сорокъ одинъ локоть; а въ глубину двѣсти локтей. Лѣвый флангъ всего построения прикрывается частью запасныхъ пикинеровъ, построенныхъ въ семь рядовъ, остальная же часть ихъ служитъ для прикрытія обозовъ и нестроевыхъ слѣдующихъ за войсками. Декуріоны и центуріоны находятся на обыкновенныхъ мѣстахъ своихъ; изъ числа же начальниковъ запасныхъ пикинеровъ, одинъ будетъ находиться въ головѣ, другой въ серединѣ, а третій въ замкѣ колонны: послѣдній будетъ исполнять обязанности римскаго *tergiductor*, находившагося сзади войска.

Влѣво отъ запасныхъ пикинеровъ будутъ стоять запасные пятьсотъ велитовъ, которые займутъ въ ширину пространство сорока локтей; еще лѣвѣе стануть жапдармы и наконецъ на оконечности лѣваго крыла кавалерія, которая займетъ въ ширину пространство въ полтора ста локтей. Что же касается до дѣйствующихъ велитовъ, то они будутъ разсыпаны, смотря по обстоятельствамъ, въ промежуткѣ баталіоновъ, при-

крывая ихъ фланги, либо на флангахъ запасныхъ пикнеровъ. Подобнымъ же образомъ, бригадный командиръ займетъ мѣсто между первою и второю линіею, либо въ головѣ войскъ, между лѣвофланговымъ баталіономъ и запасными пикнерами. При немъ должны находиться отъ тридцати до шестидесяти отборныхъ воиновъ, имѣющихъ достаточную смѣтливость для передачи приказаній начальника и отличныхъ мужествомъ. Сверхъ того, при бригадномъ командирѣ находятся знамя и музыка.

Такимъ-то образомъ будетъ построена въ боевой порядокъ моя лѣвая бригада, или половина арміи, занимающая пространство, въ ширину пятьсотъ сорокъ одинъ локоть, а въ глубину двѣсти локтей, не считая части запасныхъ пикнеровъ охраняющей багажи и занимающей въ глубину до ста локтей. Совершенно также расположится правая бригада: между обѣими останется промежутокъ въ тридцать локтей, гдѣ станутъ артиллерійскія орудія; а за ними главнокомандующій съ музыкою и главнымъ знаменемъ: при немъ будетъ свита, состоящая по крайней-мѣрѣ изъ двухъ сотъ отборныхъ воиновъ, въ числѣ которыхъ будетъ до десяти человѣкъ способныхъ къ исполненію приказаній начальника*. Главнокомандующій долженъ быть вооруженъ такимъ образомъ, чтобы онъ могъ, смотря по обстоятельствамъ, ѣхать верхомъ или идти пѣшкомъ на челѣ своего войска.

Для атаки крѣпостей, весьма достаточно имѣть при арміи десять осадныхъ орудій, не болѣе пятидесяти фунтоваго калибра, которыя могутъ служить въ полѣ для обороны лагерей, но не въ обыкновенныхъ сраженіяхъ. Полевая же артиллерія можетъ быть составлена преимущественно изъ десяти-фунтовыхъ орудій, которыя, по моему мнѣнію, полезнѣе пятнадцати-фунтовыхъ. Ежели свойство мѣстности недостаточно обезпечиваетъ наши фланги отъ непріятельскаго нападенія,

* Генеральный штабъ. Прим. переводч.

то всего лучше будетъ поставить артиллерію передъ серединою арміи.

Этотъ боевой порядокъ соединяетъ въ себѣ всѣ выгоды греческой фаланги и римскаго легіона: фронтъ его, усаженный пиками, составленъ изъ густо сомкнутыхъ рядовъ, въ которыхъ подобно фалангѣ, можно замѣнять убылыхъ людей переднихъ шеренгъ стоящими сзади; если же бы первая линія была опрокинута и приведена въ разстройство, то она отступить въ интервалы баталіоновъ второй линіи, и снова устроясь, возобновитъ бой, и даже, въ случаѣ вторичной неудачи, войдетъ въ промежутки третьей линіи и опять сразится: слѣдовательно войска наши могутъ дѣйствовать въ бою подобно обоимъ лучшимъ войскамъ древнихъ, греческому и римскому.

Впрочемъ какое войско можетъ быть сильнѣе нашего, огражденнаго со всѣхъ сторонъ оружіемъ, имѣющаго во множествѣ начальниковъ представляющаго слабѣйшую часть расположенія только съ тыла, гдѣ находятся обозы, обезпеченные при всемъ томъ частью запасныхъ пикинеровъ? Съ какой бы стороны непріятель не атаковалъ насъ, вездѣ найдетъ нашу армію въ готовности отразить его удары, и даже мы не подвергаемся большой опасности въ случаѣ нападенія со стороны тыла: непріятель никогда не можетъ быть столь превосходнымъ въ силахъ, чтобы атаковать насъ со всѣхъ сторонъ; въ противномъ случаѣ, мы не стали бы дѣйствовать противъ него въ полѣ. Предположивъ даже, что онъ сильнѣе насъ втрое, и имѣетъ столь же хорошо устроенныя войска, какъ и наши, мы можемъ сопротивляться ему съ фронта; если же онъ предприметъ обойти насъ съ фланговъ, то тѣмъ неминуемо ослабитъ себя и подастъ намъ возможность, прорвавъ его линію на какомъ либо одномъ пунктѣ, уничтожить всѣ его покушенія. Ежели превосходнѣйшая въ числѣ непріятельская кавалерія опрокинетъ нашихъ всадниковъ, то пикинеры, окружающіе со всѣхъ сторонъ нашъ боевой порядокъ остановятъ ея дальнѣйшіе успѣхи.

Офицеры наши размѣщены такимъ образомъ, что легко могутъ, какъ слышать команду высшихъ начальниковъ, такъ и передавать ее своимъ подчиненнымъ. Наконецъ промежутки, оставленные между баталіонами и между шеренгами, не только способствуютъ движенію частей войскъ, однихъ черезъ другія, но и позволяютъ проходить воинамъ, посылаемымъ съ приказаніями начальниковъ.

Я уже сказалъ вамъ, что римская консульская армія была числомъ около двадцати четырехъ тысячъ. Наша армія будетъ ей равносильною; прочія же войска, ей приданныя, должны соображаться съ ея построеніемъ, подобно *вспомогательнымъ* войскамъ римской арміи. Для этого можетъ служить руководствомъ предположенный мною боевой порядокъ: такимъ образомъ, имѣя двойное число войскъ, вы можете по произволу увелчить протяженіе фронта либо глубину боеваго порядка, что будетъ зависѣть отъ качества противныхъ войскъ и отъ свойства мѣстности.

Луиджи. Ну, право, мнѣ кажется, что ваша армія уже расположена передъ моими глазами; но я желалъ бы посмотреть на нее въ бою, и ни за что въ свѣтѣ не хотѣлъ бы, чтобы вы, подобно Фабію, оставались въ оборонительномъ положеніи, выжидая удобнаго времени для дѣйствій. Я думаю даже, что если бы это случилось, то вы подвергнулись бы отъ меня еще большимъ упрекамъ, нежели тѣ, которые древній Фабій принужденъ былъ сносить отъ своихъ соотечественниковъ.

Фабриціо. Ваши опасенія напрасны. Прислушайтесь къ грому пушекъ: артиллерія наша открыла огонь, но не причинила значительнаго вреда противнику: Запасные велиты и легкая кавалерія быстро выносятся впередъ, разсыпаются какъ можно шире, и съ громкимъ крикомъ бросаются на непріятеля. Артиллерія его успѣла сдѣлать только по одному выстрѣлу; всѣ ея снаряды перелетѣли черезъ голову нашихъ легкихъ войскъ, не причинивъ имъ никакого урона: но чтобы

не позволить неприятелю выстрѣлить снова, наши велиты и жандармы быстро идутъ въ атаку; неприятель двигается имъ на встрѣчу: съ обѣихъ сторонъ артиллерія лишается возможности дѣйствовать*. Посмотрите, съ какимъ мужествомъ идутъ въ дѣло наши легкія войска, приученныя къ бою долговременнымъ обученіемъ и увѣренныя въ пособіи слѣдующей за ними арміи. Смотрите: вотъ она двинулась мѣрнымъ шагомъ въ одно время съ жандармами; артиллерія, чтобы очистить ей мѣсто, отступила въ интервалы, изъ которыхъ вышли велиты. Полководецъ ободряетъ воиновъ и общааетъ имъ побѣду. Между тѣмъ велиты и легкая кавалерія, очистя фронтъ, располагаются по сторонамъ войскъ, для обезпечиванія неприятеля съ фланговъ. Войска сошлись: съ какою непоколебимостью, въ какомъ безмолвіи, мы выдержали напоръ противника! Полководецъ нашъ приказалъ тяжелой кавалеріи ограничиваться поддержаніемъ пѣхоты и не отдаляться отъ первой боевой линіи. Замѣтили ли вы, какъ наша легкая кавалерія атаковала неприятельскихъ стрѣлковъ, зашедшихъ намъ во флангъ, какъ неприятельскіе эскадроны, пришедшіе къ нимъ въ помощь, смѣшались съ нашими и какъ разсыпная пѣхота принуждена была отступить во вторую линію? Пикинеры произвели стремительный натискъ, и когда противные ряды сблизились, то отступили за пѣхоту, вооруженную мечами. Но между тѣмъ значительный отрядъ неприятельскихъ жандармовъ опрокинулъ нашу тяжелую кавалерію, которая, слѣдуя въ точности предложеннымъ мною правиламъ, отступила за одно изъ отдѣленій запасныхъ пикинеровъ, и снова устроясь, опять атаковала неприятеля и опрокинула его съ значительнымъ урономъ. Какъ только дѣйствующіе пикинеры прошли назадъ сквозь ряды пѣхоты, вооруженной мечами, то сія послѣдняя приняла на себя ударъ противника. Смо-

* Это описаніе боя весьма ясно показываетъ жалкое состояніе артиллеріи въ эпоху Макіавелли. Прим. перья.

трите, какъ смѣлы, какъ вѣрны удары монхъ воиновъ! Ряды сошлись столь близко, что едва можно дѣйствовать мечами. Непрiятель сражается отчаянно, но войска его, вооруженныя пиками и мечами и немнѣющія оборонительнаго оружія, не могутъ нанести большаго вреда моимъ солдатамъ, которые наконецъ обратили въ бѣгство противника: лѣвое крыло его приведено въ безпорядокъ; правое колеблется; мы побѣдили. Не правда ли, что это дѣло очень удачно? Но оно было бы еще удачнѣе въ дѣйствительности. Вы, конечно, замѣтили, что мы не имѣли нужды вводить въ бой заднія наши линіи; побѣда одержана одною первою линіею. Остается мнѣ узнать, не имѣете ли вы надобности въ какихъ либо объясненіяхъ?

Луиджи. Вы одержали побѣду съ такою стремительностью, что я еще не пришелъ въ себя отъ удивленія, и потому не могу сказать вамъ, имѣю ли я какія либо сомнѣнія на счетъ изложеннаго вами предмета. При всемъ томъ, бывши вполне увѣреннымъ въ вашихъ глубокихъ свѣдѣніяхъ, осмѣлюсь предложить вамъ нѣкоторые вопросы. И такъ, прежде всего скажите, почему ваша артиллерія дѣйствовала только въ началѣ боя, а потомъ отступила назадъ и не участвовала въ побѣдѣ? Мнѣ кажется также, что вы слишкомъ произвольно располагаете непріятельскими батареями, заставляя ихъ выстрѣлить черезъ голову вашихъ войскъ; безъ всякаго сомнѣнія, это возможно; но предположивъ противное, когда орудія противника станутъ сѣять смерть въ рядахъ вашихъ, какимъ образомъ вы уничтожите ихъ губительное дѣйствіе? И какъ я уже началъ говорить объ артиллеріи, то позвольте мнѣ сдѣлать еще одно замѣчаніе: нерѣдко случалось мнѣ слышать, что боевые порядки и вооруженіе древнихъ недостаточны и даже вовсе бесполезны противъ артиллеріи, которой снаряды пробиваютъ самыя прочныя латы и опрокидываютъ глубочайшіе строи. И такъ, повидимому, весьма неосновательно, какъ употребляютъ боевой порядокъ, представляющій непріате-

лю средство поражать значительное число людей наших, такъ и обременять себя предохранительнымъ оружіемъ, которое не можетъ служить защитою.

Фабриціо. Ваши разсужденія относятся ко многимъ предметамъ, изъ которыхъ каждый требуетъ обстоятельнаго разсмотрѣнія. Правда, что мои орудія выстрѣлили только по одному разу и что я даже вовсе не хотѣлъ изъ нихъ дѣйствовать: гораздо важнѣе предохранять себя отъ непріятельскихъ снарядовъ, нежели наносить поражение собственными выстрѣлами.* Чтобы достигнуть первой цѣли, нѣтъ ни какого другаго средства, какъ располагать свои войска внѣ пушечнаго выстрѣла, либо укрывать ихъ за прочнымъ валомъ или стѣною. Но полководецъ, дѣйствующій рѣшительно въ полѣ, не можетъ употребить ни одного изъ этихъ средствъ, и потому, находясь не въ состояніи предохранить свои войска отъ артиллерійскихъ выстрѣловъ, долженъ стараться уменьшить по возможности ихъ дѣйствие: для этого нѣтъ лучшаго способа, какъ захватить, наипоспѣннѣйшимъ образомъ, непріятельскія орудія, бросаясь на нихъ со всевозможною стремительностію въ разсыпномъ порядкѣ. Быстрота движенія и употребленіе разсыпнаго порядка ослабятъ уронъ, наносимый непріятельскими снарядами. Но войска, находящіяся въ боевыхъ линіяхъ, не могутъ такимъ образомъ дѣйствовать, по той причинѣ, что быстрота движенія можетъ нарушить порядокъ ихъ и подать возможность противнику опрокинуть безъ труда разстроенные ряды наши**.

При расположеніи арміи, я имѣлъ въ виду избѣжать этихъ неудобствъ и съ такою цѣлью поставилъ на флангахъ ея велитовъ, которымъ вмѣстѣ съ легкою

* Теперь мы думаемъ нѣсколько иначе.

Прим. перев.

** Все это относится къ эпохѣ Маккіавелли: въ наше время сомкнутыя войска двигаются весьма быстро, и хотя весьма часто удалось застрѣльщикамъ овладѣть орудіями, однако же еще чаще для этого употреблялись колонны.

Прим. перев.

конницею приказано броситься на непріятельскую артиллерію, какъ только наши орудія успѣютъ выстрѣлить. Я не продолжалъ канонады, потому что не могъ этого сдѣлать, не подавъ непріятелю возможности вредить мнѣ такимъ же средствомъ. Одна и та же причина заставила меня колебаться въ началѣ боя на счетъ производства стрѣльбы, и прекратить ее. Единственное средство уничтожить дѣйствіе непріятельской артиллеріи состоитъ въ томъ, чтобы атаковать ее: ежели противникъ отступитъ, то его орудія сдѣлаются вашею добычею; если же онъ двинется впередъ для прикрытія своей артиллеріи, то заслонитъ ее и приведетъ въ бездѣйствіе.

Такія заключенія весьма убѣдительны и безъ подтвержденія ихъ примѣрами; но мы приведемъ нѣкоторыя событія, извлеченныя изъ древней исторіи. Вентидій, готовясь сразиться съ Парфянами, которыхъ главное оружіе состояло въ стрѣлахъ, допустилъ ихъ къ самому валу своего лагеря, и вступилъ въ рукопашный бой не давъ непріятелямъ времени выстрѣлить. Въ запискахъ Юлія Кесаря, находимъ, что въ одномъ изъ сраженій его противъ Галловъ, онъ былъ атакованъ съ такою стремительностью, что солдаты его не успѣли бросить въ непріятеля своихъ дротиковъ. И такъ очевидно, что единственное средство предохранить себя отъ метательныхъ либо огнестрѣльныхъ орудій состоитъ въ овладѣніи ими со всевозможною быстротою.

Но кромѣ этой причины, заставившей меня двигаться на встрѣчу непріятелю, не продолжая канонады, я имѣлъ въ виду еще и другое обстоятельство, которое, съ перваго взгляда, вамъ покажется маловажнымъ, но заслуживаетъ особенное вниманіе. Ничто не поселяетъ такого безпорядка въ войскахъ, какъ пыль, солнечный блескъ, и тому подобное, препятствующіе имъ видѣть противника и дѣйствовать съ увѣренностью, и ничто не производитъ столь густаго мрака, какъ дымъ изъ

артиллерійскихъ орудій^{*}. И потому я полагаю, что гораздо лучше предоставитъ противнику полную свободу ослабить собственныя войска, нежели подражая ему, идти на встрѣчу врагамъ, не видя ни зги передъ собою. И такъ, я оставилъ бы въ бездѣйствіи свою артиллерию, либо принимая во вниманіе всеобщее уваженіе, которымъ пользуется это оружіе, я дѣйствовалъ бы имъ, изъ опасенія нареканія, но не иначе, какъ поставя орудія по флангамъ арміи, чтобы мои солдаты не были ослаблены дымомъ собственной своей артиллеріи. Чтобы доказать важность этого обстоятельства, мы можемъ привести въ примѣръ Эпаминонда, который, желая привести въ разстройство непріятельскія войска, послалъ впередъ всю легкую кавалерію, которая поднявъ густое облако пыли, ослабила ею Лакедемонянъ и доставила побѣду своему полководцу.

Вы упрекаете меня въ томъ, что я направляю произвольно выстрѣлы непріятельской артиллеріи черезъ голову моей пѣхоты: скажу вамъ на то, что выстрѣлы тяжелой артиллеріи, безъ всякаго сомнѣнія, большею частью имѣютъ мало дѣйствительности^{**}. Пѣхота составляетъ такой не высокій предметъ прицѣливанія, что при самомъ небольшомъ излишкѣ въ углѣ возвышенія орудій, снаряды перелетаютъ черезъ нее; а при незначительнѣйшемъ уменьшеніи угла возвышенія, падаютъ въ землю впереди войскъ и сдѣлавъ рикошетъ, летятъ надъ ними. Не оставляйте безъ вниманія также и того, что малѣйшее неравенство грунта, мелкіе кусты, самыя отлогія возвышенія, и прочіе предметы, находящіеся впереди артиллеріи, уменьшаютъ вѣрность ея выстрѣловъ. Что же касается до ка-

^{*} Известно, что въ XV и въ XVI столѣтіяхъ, полководцы, при расположеніи войскъ, постоянно обращали вниманіе на солнечный блескъ, вѣтеръ и тому подобныя обстоятельства.

Прим. перв.

^{**} Маккиавелли представляетъ состояніе современной ему артиллеріи въ весьма жалкомъ видѣ; но всѣ современные ему военные писатели говорятъ тоже самое.

Прим. перв.

валеріи, и въ особенности до жандармовъ, которые дѣйствуютъ въ болѣе густомъ строю, нежели легкая конница, то артиллерія дѣйствуетъ противъ нихъ съ болѣею вѣрностью; но можно предохранить всадниковъ отъ этой опасности, расположивъ ихъ сзади пѣхоты и оставляя ихъ тамъ до тѣхъ поръ, пока замолчитъ артиллерія.

Правда, что ручное огнестрѣльное оружіе и небольшія орудія (фалкопеты) причиняютъ значительнѣйшій уронъ: но можно избѣгнуть его, вступивъ какъ можно скорѣе въ рукопашный бой съ противникомъ. И во всякомъ случаѣ, ежели при встрѣчѣ будетъ убито нѣсколько воиновъ, то эта неизбежная потеря ничего не значитъ. Хорошій полководецъ, имѣющій подъ начальствомъ своимъ благоустроенную армію, долженъ заботиться о достиженіи главной цѣли войны, не обращая вниманія на частныя потери. Примѣръ тому видимъ въ Швейцарахъ, которыхъ никогда не останавливаетъ опасеніе непріятельской артиллеріи и которые наказываютъ смертью своихъ воиновъ за малѣйшій признакъ малодушія и даже за несохраненіе равенія и порядка во фронтѣ. И такъ моя артиллерія отъѣхала назадъ послѣ первыхъ своихъ выстрѣловъ, чтобы открыть дорогу пѣхотнымъ войскамъ, которымъ содѣйствовать она совершенно не въ состояніи; а потому я и счелъ бесполезнымъ упоминать о ней при описаніи моего примѣрнаго сраженія.

Еще замѣтили вы, что многіе считаютъ оружіе и боевые порядки древнихъ бесполезными противъ губительнаго дѣйствія артиллеріи. Такое замѣчаніе невольно можетъ подать поводъ къ заключенію, что въ наше время были пріисканы новыя построенія войскъ и оружія, превосходнѣйшія прежнихъ для противодѣйствія артиллеріи: если вы можете научить меня чему либо подобному, то тѣмъ окажете немаловажную услугу. Что же касается до меня, то я ничего такого еще не видалъ, да и сомнѣваюсь, чтобы подобное изобрѣтеніе было возможно. Но я хотѣлъ бы знать, почему

наша пѣхота и поныиѣ прикрыта латами и желѣзными нагрудниками, а кавалерія такъ сказать залита въ желѣзо; почему Швейцары, подражая древнимъ, строятся въ густыя массы, числомъ въ нѣсколько тысячъ человекъ, и почему прочія націи послѣдовали ихъ примѣру, несмотря на то, что принятый ими боевой порядокъ подвергаетъ войска дѣйствию непріятельской артиллеріи гораздо болѣе, нежели боевые порядки, бывшіе въ употребленіи у древнихъ. Всякой военный человекъ, имѣющій основательныя понятія о ремеслѣ своемъ, услышавъ подобныя сужденія, скажетъ въ отвѣтъ, что предохранительныя оружія назначены совсѣмъ не для того, чтобы прикрывать воина отъ артиллерійскихъ сварядовъ, а служатъ для защиты его отъ стрѣлъ, пикъ, мечей, камней и прочая, что мы строимся въ густыя ряды, подобно Швейцарамъ, несмотря на невыгоды этого строя противъ артиллеріи, за тѣмъ, чтобы съ большею силою проламывать пѣхотный строй противника, надежнѣе удерживать его кавалерію и противопоставлять наибольшее затрудненіе его усиліямъ.

Словомъ сказать, войска подвергаются поражению, не отъ одной только артиллеріи: для этого непріятель имѣетъ и другія средства, противъ которыхъ могутъ послужить въ пользу боевые порядки и вооруженіе мною предложенные. Слѣдовательно, чѣмъ лучше вооружены войска, — чѣмъ плотнѣе и гуще ряды ихъ, тѣмъ надежнѣе могутъ они противостоятъ непріятелю. И такъ заключенія, о которыхъ упоминали вы, по всей вѣроятности, сдѣланы людьми неопытными, либо неосновательными. — И дѣйствительно, ежели, въ настоящее время, слабѣйшее изъ оружіи древнихъ, пика и самый недостаточный изъ ихъ строевъ, фаланга или боевой порядокъ Швейцаровъ, усиливаютъ до такой степени наши войска и доставляютъ имъ такое превосходство надъ другими арміями, то возможно ли считать бесполезными всѣ прочія оружія и воинскія учрежденія древнихъ? И если вредъ, наносимый артиллеріею, не препятствуетъ намъ употреб-

лять, подобно Швейцарамъ, глубокой строй, который больше всѣхъ прочихъ терпитъ урона отъ артиллеріи, то какой другой изъ боевыхъ порядковъ древнихъ можетъ подвергнуть насъ большей опасности?

Ежели непріятельская артиллерія не можетъ препятствовать намъ располагаться подъ крѣпостными стѣнами, не смотря на то, что она находится за ними въ совершенной безопасности отъ нападенія, то какую можемъ имѣть причину опасаться ея дѣйствія въ полѣ, гдѣ весьма легко овладѣть орудіями противника въ самомъ началѣ боя? * И потому, я полагаю, что артиллерія не можетъ считаться препятствіемъ введенію въ войска древнихъ уставовъ и древней воинской доблести: я изложилъ бы вамъ гораздо подробнѣе мои мысли относительно этого предмета, если бы предъидущія наши разсужденія не заключали въ себѣ всего того, что я могъ бы теперь сказать вамъ.

Луиджи. Мы совершенно поняли ваши мысли, относящіяся къ артиллеріи: изъ всего сказаннаго вами можно заключить, что въ полевыхъ сраженіяхъ должно стараться, въ самомъ началѣ боя, овладѣть непріятельскими орудіями; но позвольте замѣтить, что непріятель можетъ поставить свою артиллерію прикрывъ ее съ фланговъ другими родами войскъ, такимъ образомъ, что она будетъ поражать васъ, не подвергаясь опасности быть захваченною. Помнится мнѣ, въ вашемъ боевомъ порядкѣ, оставлены четырехъ-лактевые интервалы между баталіонами и двадцати-лактевые между наружнымъ флангомъ крайняго баталіона и запасными пикинерами. Если бы вздумалось непріятелю расположить войска въ такомъ же порядкѣ, и поставить артиллерію въ интервалы между пѣхотою, то мнѣ кажется, что онъ могъ бы безъ

* Дѣйствительно, весьма легко, во времена Маккіавелли; но при настоящемъ устройствѣ артиллеріи это сдѣлалось гораздо труднѣе, хотя военная исторія представляетъ намъ примѣры взятія батарей въ самомъ началѣ сраженій, и между прочими въ вандейскихъ войнахъ. Блестательнѣйшій примѣръ въ Русской Военной Исторіи — подъ Бріенномъ.

Прим. перев.

наказанно поражать васъ , не подвергая опасности своихъ орудій.

Фабрицію. Ваше возраженіе совершенно справедливо; но я постараюсь доказать , что такое неудобство не можетъ оказать вліянія на успѣхъ боя. Баталіоны , находящіеся въ движеніи , какъ на походѣ , такъ и въ бою , всегда стѣсняють интервалы между ними оставленные : по этому самому , если промежутки , въ которыхъ расположена ваша артиллерія , не велики , то баталіоны , пройдя самое небольшое пространство , стѣсняются до такой степени , что войска не будутъ въ состояніи дѣйствовать съ надлежащею свободою , либо закроютъ артиллерію ; если же , для избѣжанія сего неудобства , вы разширите интервалы между частями войскъ , то непріятель , ворвавшись въ нихъ , не только захватитъ артиллерію , но и разстроитъ вашъ боевой порядокъ. Впрочемъ , позвольте мнѣ замѣтить , что артиллерія вообще , и въ особенности та , которая возится на колесахъ , не можетъ находиться въ бою наряду съ прочими войсками , потому что она для дѣйствія должна поворотиться кругомъ. И такъ , если вамъ придется стрѣлать и двигаться попеременно , то вы станете дѣлать такіе большіе заѣзды , что достаточно будетъ пятидесяти артиллерійскихъ повозокъ для приведенія въ безпорядокъ цѣлой вашей арміи. А потому и должно ставить артиллерію внѣ линіи , занимаемой прочими войсками , что неминуемо подвергаетъ ее непріятельскимъ атакамъ*.

Предположивъ даже , что непріятель избѣжитъ обѣихъ этихъ крайностей и поставитъ артиллерію наравнѣ съ прочими войсками , легко будетъ намъ предохранить себя отъ вреда , наносимаго снарядами , оставя между частями войскъ интервалы достаточныя для ослабленія дѣйствія непріятельской артиллеріи ,

* Все это относится къ состоянію артиллеріи въ XV и XVI столѣтіяхъ и любопытно для насъ только въ военноисторическомъ отношеніи
Прим. верев.

которая, чтобы не нанести вреда собственному прикрытію, принуждена будетъ дѣйствовать прямо передъ собою, постоянно по одному направленію. Замѣтивъ его, легко будетъ избѣжать непріятельскихъ ударовъ, оставя между войсками интервалы на пространствѣ, подверженномъ паденію снарядовъ. И вообще, можно принять за непремѣнное правило: оставлять свободный проходъ всему тому, чего удержать мы не въ состояніи, подобно тому, какъ древніе пропускали сквозь войска свои непріятельскихъ слововъ и военныя колесницы.

Мнѣ кажется, и даже я убѣжденъ, что вы считаете рассказанное мною сраженіе не имѣющимъ никакого основанія, кромѣ самопроизвольныхъ моихъ предположеній. Но повторяю вамъ еще разъ, если прежніе мои доводы не могли убѣдить васъ, что армія, вооруженная и расположенная по предложеннымъ мною правиламъ, непремѣнно должна опрокинуть, при первой встрѣчѣ, всякую другую армію, устроенную подобно нашимъ войскамъ, которыя, большею частью, не имѣя резервовъ и не бывъ прикрыты никакимъ предохранительнымъ оружіемъ, не могутъ противиться тѣснящему ихъ сблизка противнику. Боевые наши порядки весьма невыгодны: расположивъ, сообразно имъ, войска въ одну линію, мы ослабляемъ нашу армію; если же, для избѣжанія этого неудобства, мы поставили бы баталіоны, въ нѣсколько линій, то они не могутъ проходить одни черезъ другіе, и потому весьма легко могутъ смѣшаться и придти въ совершенное разстройство. Правда, что, въ наше время, арміи раздѣляются на три отдѣльныя части, *авангардъ*, *главныя силы* и *аррьергардъ*; но это раздѣленіе соблюдается только на походѣ и въ лагерѣ, а въ сраженіи, войска располагаются въ совокупности и судьба ихъ рѣшается однимъ ударомъ.

Въ эпоху Маккіавелли, не умѣли употреблять резервовъ для рѣшенія участи сраженій; мы видимъ даже, что и во времена Фридриха II, резервы были весьма малозначительны. Прим. перев.

★

Луиджи. Позвольте мнѣ слѣловать еще одно замѣчаніе: въ предположенномъ вами бою, ваша кавалерія, опрокинутая непріятельскою, устроилась за запасными пикинерами, и съ пособіемъ ихъ, отразивъ противника, заставила его обратиться въ бѣгство. Я совершенно убѣжденъ въ томъ, что пикинеры могутъ отразить кавалерію, но только тогда, когда они построены въ густыя глубокія массы, подобно швейцарской пѣхотѣ. Ваши пикинеры могутъ противопоставить непріятелю только пять шеренгъ, при нападеніи съ фронта, и семь шеренгъ, при нападеніи съ фланга; а потому и не вѣроятно, чтобы они могли отразить кавалерійскую атаку.

Фабриціо. Я уже сказалъ вамъ, что, въ македонской фалангѣ, могли дѣйствовать только шесть шеренгъ: скажу вамъ еще, что и въ швейцарскихъ баталіонахъ, хотя бы они были построены въ нѣсколько сотъ шеренгъ, могутъ дѣйствовать только четыре или пять переднихъ. Ихъ пики обыкновенно бываютъ длиною въ девять локтей; чтобы удобно владѣть ими, необходимо держать ихъ такъ, чтобы часть ихъ древка, около полутора локтя длиною, оставалась сзади фронта: слѣдовательно, острія пикъ первой шеренги будутъ выходить изъ рядовъ только на семь съ половиною локтей; острія пикъ второй шеренги, находящейся на полтора локтя отъ первой, будутъ выходить изъ за первой шеренги только на шесть локтей; третьей на четыре съ половиною; четвертой на три; а пятой, на полтора локтя. Прочія же шеренги не могутъ участвовать въ бою; а служатъ только для замѣны и подкрѣпленія впереди стоящихъ людей. И такъ, если эти пять шеренгъ швейцарской пѣхоты останавливаютъ напоръ кавалеріи, то почему же не могутъ отразить ее наши пикинеры, поддержанные сзади другими войсками? Что же касается до запасныхъ пикинеровъ моихъ, расположенныхъ на флангахъ арміи, которыхъ строй вамъ кажется слишкомъ растянутымъ, то весьма легко перестроить ихъ въ густое каре, и расположивъ ихъ

на ви́шнихъ флангахъ крайнихъ баталіоновъ задней линіи , двигать оттуда по усмотрѣнію къ головѣ или къ тылу арміи для отраженія кавалеріи.

Луиджи. Всегда ли вы будете употреблять для боя одинаковый порядокъ ?

Фабриціо. Напротивъ того , я предполагаю измѣнять его , сообразно съ свойствами мѣстности , а равно съ силою и качествомъ непріятельскихъ войскъ : я объясню вамъ это подробнѣе въ послѣдствіи ; а теперь скажу только то , что предложенный мною боевой порядокъ , не смотря на всѣ его выгоды , не можетъ считаться превосходнѣйшимъ во всѣхъ возможныхъ случаяхъ ; а долженъ служить только основаніемъ для многоразличныхъ построеній сообразныхъ съ обстоятельствами , въ которыхъ будетъ находиться армія. Всякая наука имѣетъ нѣкоторыя общія правила , которыя составляютъ начала ея примѣненія къ различнымъ случаямъ , могущимъ встрѣтиться въ практикѣ. Но нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ , что не должно никогда приводить войска заднихъ линій въ бездѣйствіе , потому что такая ошибка дѣлаетъ большую часть вашей арміи бесполезною и не позволяетъ вамъ употребить всѣ ваши средства для одержанія побѣды надъ противникомъ.

Луиджи. Позвольте мнѣ изложить мысль , которой послужили поводомъ послѣднія ваши замѣчанія. Вы располагаете въ первой линіи пять баталіоновъ , во второй три , и въ третьей два баталіона : по моему мнѣнію , слѣдовало бы поступить совершенно на оборотъ и построить войска въ боевой порядокъ такъ , чтобы непріятелю , по мѣрѣ движенія его впередъ , можно было противопоставить сильнѣйшій отпоръ : но у васъ , напротивъ того , армія расположена такъ , что дѣйствіе ея будетъ слабѣе , по мѣрѣ успѣховъ непріятельскаго нападенія.

Фабриціо. Вспомните ограниченное число триаріевъ , составлявшихъ третію линію римскаго легіона , которое не превышало шестисотъ человѣкъ , и примите

во вниманіе, какимъ образомъ они были расположены у Римлянъ: это послужитъ наилучшимъ отвѣтомъ на ваше замѣчаніе. Подражая Римлянамъ, я расположилъ въ резервѣ меньшее число войскъ, нежели въ переднихъ линіяхъ; но, при всемъ томъ, третія линія моей бригады состоитъ изъ двухъ баталіоновъ, въ числѣ девяти сотъ человѣкъ, и потому мнѣ кажется, что я сдѣлалъ ее сильнѣе нежели слѣдовало. Я могъ бы ограничиться этою причиною; но хочу изложить вамъ, почему именно было необходимо принять употребленное мною расположеніе. Я долженъ былъ сдѣлать первую линію какъ можно плотнѣе и придать ей какъ можно болѣе силы, потому что она назначена для отраженія непріятельскаго натиска и что, не имѣя впереди себя другихъ сомкнутыхъ войскъ, которыя должны были бы черезъ нее отступать, она можетъ обойтись безъ интерваловъ, которые неминуемо уменьшили бы ея силу. Вторая линія, до встрѣчи съ противникомъ, принимаетъ въ ряды свои первую линію: по этой причинѣ, она должна имѣть промежутки, и слѣдовательно — состоять изъ меньшаго числа войскъ, нежели впереди стоящая. Если же бы мы сдѣлали вторую линію равносильною, или даже сильнѣйшею, нежели первая, то поставили бы себя въ необходимость построить войска, въ ней находящіяся безъ интерваловъ, (что, въ случаѣ отступленія первой линіи, причинило бы безпорядокъ), либо выдвинуть войска второй линіи въ сторону изъ за фланговъ переднихъ войскъ, что сопряжено было бы съ подобнымъ же неудобствомъ*.

Притомъ же, я не могу согласиться въ томъ, чтобы непріятель, по мѣрѣ успѣховъ его атаки, встрѣтилъ слабѣйшее сопротивленіе: не возможно ему атаковать второй линіи, прежде присоединенія къ ней

* Въ наше время, присканы средства избѣгать этихъ неудобствъ: въ нашихъ боевыхъ порядкахъ (пѣхотной дивизіи) вторая линія равносильна первой; а въ одномъ изъ нихъ (въ усилenomъ), вторая линія вдвое сильнѣе первой. Прим. перев.

первой; слѣдовательно, онъ будетъ имѣть дѣло въ одно время съ обѣими линіями. Подобнымъ же образомъ, при встрѣчѣ съ третьею линіею, онъ долженъ будетъ сражаться, не съ одними только двумя баталіонами, еще не бывшими въ дѣлѣ, но со-всегою бригадою. Само собою разумѣется, что въ третьей линіи находится меньшее число войскъ и оставлены большіе интервалы между баталіонами потому, что она должна вмѣстить въ себя значительныя силы обѣихъ переднихъ линій.

Луиджи. Ваше объясненіе весьма удовлетворительно, но позвольте мнѣ сдѣлать еще одинъ вопросъ: какимъ образомъ, на протяженіи фронта пяти баталіоновъ, стоящихъ одинъ возлѣ другаго въ первой линіи, могутъ помѣститься сперва осемь баталіоновъ обѣихъ переднихъ линій, а потомъ всѣ десять составляющіе вашу бригаду?

Фабриціо. Въ послѣднихъ случаяхъ, войска располагаются на большемъ пространствѣ, потому что они могутъ занять интервалы, оставленные между баталіонами первой линіи, промежутки между бригадами и пустыя пространства, оставленные между крайними баталіонами и запасными пикинерами: всѣ эти интервалы въ совокупности составляютъ довольно значительное протяженіе. При томъ же самыя баталіоны, при встрѣчѣ непріятеля со второю линіею, занимаютъ совсѣмъ не то пространство, какое занимали они въ началѣ боя, какъ по причинѣ неизбѣжной убыли въ людяхъ, такъ и потому, что для сильнѣйшаго отпора, ряды смыкаются гуще, нежели при обыкновенномъ построеніи войскъ въ боевой порядокъ. Не упускайте изъ вида такъ же и того, что почти въ самомъ началѣ боя, первые пять рядовъ пикинеровъ должны отступить за третью линію, чтобы очистить мѣсто пѣхотѣ, вооруженной мечами; впрочемъ, если бы переднія линіи не могли помѣститься въ интервалахъ заднихъ, то войска на флангахъ арміи не должны, подобно стѣнамъ, стоять неподвижно; а могутъ раз-

двинутся въ обѣ стороны, и черезъ то, очистить для расположенія войскъ необходимое пространство.

Луиджи. Скажите еще, прошу васъ, должны ли при отступленіи первой линіи запасные пикинеры, поставленные на флангахъ арміи, оставаться на своемъ мѣстѣ, образуя выдающіяся изъ фронта части войскъ, либо отступить вмѣстѣ съ передними баталіонами? И какимъ образомъ могутъ отступить они, не имѣя сзади себя интерваловъ во второй линіи?

Фабрицио. Если непріятель, заставляя отступить баталіоны первой линіи, не поведетъ атаку на пикинеровъ, то они могутъ, оставаясь на своемъ мѣстѣ, ударить во флангъ противнику; если же онъ атакуетъ ихъ, что всего вѣроятнѣе, то они должны отступить; и въ этомъ они не встрѣтятъ ни малѣйшаго затрудненія, *вз dvoieвъ ряды*, подобно тому, какъ я говорилъ прежде *.

Впрочемъ, желая предупредить всѣ возраженія, которыя вы можете сдѣлать на счетъ предположеннаго мною сраженія, я повторю вамъ, что единственною моею цѣлію было показать вамъ, какимъ образомъ должно располагать и обучать армію. Что касается до моего боеваго порядка, то въ немъ нѣтъ для васъ ничего затруднительнаго; въ отношеніи же къ образованію войскъ, должно содержать ихъ по возможности вмѣстѣ, чтобы частные начальники пріобыкли и пріучили солдатъ своихъ ко всѣмъ маневрамъ, бывшимъ предметомъ нашей бесѣды. Для солдата весьма довольно знать баталіонное ученіе; но офицеръ долженъ имѣть понятіе о всѣхъ маневрахъ цѣлой арміи, чтобы исполнять по надлежащему распоряженія высшаго начальника: онъ долженъ умѣть дѣйствовать одновременно нѣсколькими баталіонами, избирая, для расположенія ихъ, мѣста безъ потери времени. Для этого, каждый баталіонъ долженъ имѣть знамя съ особымъ нумеромъ, что доставляетъ генеральскимъ

* Книга II.

ординарцамъ средство передавать безъ затрудненія приказанія полководца, а солдатамъ, звать свое мѣсто и находить его въ общемъ боевомъ порядкѣ. Подобнымъ же образомъ и каждая бригада должна имѣть особый нумеръ на своемъ знамени. Но необходимо, чтобы всякой воинъ въ точности зналъ номера бригадъ, занимающихъ правое и лѣвое крыло арміи и номера баталіоновъ, расположенныхъ въ первой линіи, во второй, и такъ далѣе.

Подобнымъ образомъ различные чины войска должны быть означены нумерами, которые, служа отличительными значками, могутъ въ то же время показывать степень старшинства ихъ: такъ напримѣръ первый нумеръ будетъ означать декуріона; второй, начальника пятидесяти *двѣстающихъ* велитовъ; третій центуріона; четвертый, начальника перваго баталіона; пятый, начальника втораго баталіона, и такъ далѣе до начальника десятаго баталіона, вслѣдъ за которымъ будетъ мѣсто бригаднаго командира, которое можно будетъ занять не иначе, какъ заслуживъ постепенно всѣ нисшія степени. Что же касается до трехъ начальниковъ запасныхъ пикинеровъ и двухъ начальниковъ запасныхъ велитовъ, то они будутъ въ чинѣ командира перваго баталіона: такимъ образомъ, шесть офицеровъ одной бригады, служащіе въ одномъ чинѣ, безъ всякаго сомнѣнія, постараются наперерывъ заслужить мѣсто начальника втораго баталіона. Каждый офицеръ, зная мѣсто свое, займетъ его, какъ только указано будетъ мѣсто для знамени, и по первому сигналу, всѣ войска немедленно построятся въ боевой порядокъ. Но необходимо приучить къ тому армію, упражняя ее каждый день и даже нѣсколько разъ въ день: таково должно быть первое ученіе.

Луиджи. Какіе знаки, исключая нумеровъ, будутъ на вашихъ знаменахъ?

Фабриціо. На главномъ знамени будетъ государственный гербъ; на прочихъ, можетъ быть тотъ же гербъ въ другомъ *полѣ*, либо какой другой знакъ,

такимъ образомъ, чтобы каждое изъ нихъ могло служить отличительнымъ знакомъ для сбора войскъ. Но обратимся ко второму роду ученій: они должны состоять въ томъ, чтобы армія, построенная въ боевой порядокъ, могла двигаться мѣрнымъ шагомъ, сохраняя порядокъ и равеніе.

Предметомъ третьяго рода ученій должны быть боевые маневры. Пусть артиллерія, сдѣлавъ по выстрѣлу изъ своихъ орудій, отъѣдетъ назадъ; пусть запасные велиты выбѣгутъ передъ фронтъ, примѣрно вступятъ въ бой и произведутъ отступленіе; пусть передніе баталіоны войдутъ въ промежутки заднихъ линій и опять выстроятся въ прежнемъ порядкѣ. Необходимо, чтобы войска были приучены ко всѣмъ подобнымъ маневрамъ до такой степени, чтобы всѣ войны совершенно съ ними ознакомились, и это при постоянномъ занятіи не представитъ большаго затрудненія.

Четвертый родъ ученій состоитъ въ томъ, чтобы войска умѣли распознавать сигналы, подаваемые военною музыкою и знаменами, по той причинѣ, что такіе сигналы съ наибольшею пользою могутъ служить для передачи приказаній начальника. Въ особенности же важны музыкальные сигналы, и потому я намѣренъ сказать нѣсколько словъ о военной музыкѣ древнихъ. По свидѣтельству Фукидида, Лакедемоняне употребляли въ войскахъ своихъ флейту, которой звуки казались имъ способнѣйшими для движенія арміи въ тишинѣ и порядкѣ. Карфагеняне, съ такою же цѣлью, употребляли бубны. Въ арміи короля ливійскаго Алиатеса, были введены оба эти рода инструментовъ; но Александръ Великій и Римляне предпочитали рога и трубы, полагая, что звуки ихъ могутъ возбудить мужество въ войнахъ и воспламенить ихъ отвагу. Что же касается до насъ, то какъ мы уже приняли оружіе и Грековъ и Римлянъ, то я намѣренъ такъ же заимствоваться музыкою обоихъ этихъ народовъ. И такъ, при главнокомандующемъ

моей арміи будутъ находиться всѣ трубы, которыхъ голосъ слышанъ на большое разстояніе и способнѣе всѣхъ прочихъ инструментовъ для возбужденія мужества въ войскѣ. Бригадныя же и баталіонныя музыки будутъ у меня составлены изъ флейщиковъ и барабанщиковъ, которые будутъ играть не такъ, какъ это введено въ нашихъ войскахъ; но подобно тому, какъ они играютъ для танцевъ. Главнокомандующій, посредствомъ сигналовъ на трубахъ, даетъ знать, когда должно будетъ остановиться, идти впередъ, либо отступить; когда стрѣлять артиллеріи, выбѣжать впередъ запаснымъ велитамъ, и вообще когда именно производить всѣ различные маневры арміи. Барабанщики и флейщики повторяютъ сію команду: по важности этого упражненія, должно заниматься имъ какъ можно чаще. Кавалерія будетъ имѣть трубачей, но ихъ инструменты должны быть меньше, а потому и менѣе звучны, нежели трубы музыкантовъ, состоящихъ при главнокомандующемъ. И такъ, вотъ все, что могу я сказать вамъ въ разсужденіи боеваго порядка и ученій арміи.

Луиджи. Я осмѣлюсь сдѣлать еще одно замѣчаніе: ваша легкая конница и запасные велиты вступаютъ въ бой стремительно съ шумомъ и крикомъ; напротивъ того, всѣ остальные войска идутъ на встрѣчу противнику въ глубочайшемъ безмолвіи: объясните мнѣ причину этого различія въ ихъ дѣйствіи.

Фабриціо. Древніе полководцы несогласны въ томъ: должно ли, вступая въ бой, бѣжать на встрѣчу неприятелю съ громкимъ крикомъ, либо двигаться медленно въ молчаніи? Первый образъ дѣйствія возбуждаетъ мужество въ войнахъ; второй способствуетъ сохраненію порядка и исполненію команды начальниковъ: чтобы соединить по возможности всѣ эти выгоды, я дѣйствую одною частью войскъ стремительно; а другою, мѣрнымъ шагомъ. Впрочемъ, я совсѣмъ не думаю, чтобы безпрестанный крикъ могъ быть полезенъ, по той причинѣ, что заглушая команду,

онъ лишаетъ начальниковъ возможности управлять войсками. По всей вѣроятности, Римляне, послѣ первой встрѣчи съ непріятелями, продолжали сражаться въ безмолвіи. Исторія представляетъ намъ многіе примѣры воззваній, произнесенныхъ полководцами въ тылу сраженія къ воинамъ, обращеннымъ въ бѣгство, и перемѣнъ боеваго порядка, въ самомъ бою произведенныхъ: все это было бы невозможно, если бы восклицанія цѣлой арміи заглушали голосъ главнокомандующаго.

—

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

Луиджи. И такъ начальство мое надъ войсками ознаменовалось славною побѣдою: я поступилъ бы весьма неосновательно, если бы сталъ еще испытывать фортуна, которой непостоянство столь извѣстно всему свѣту. И потому, отказываясь отъ предоставленнаго мнѣ права, и слѣдуя въ точности нашимъ постановленіямъ, передаю власть предлагать вопросы младшему изъ товарищей моихъ и прошу Занобіа занять мое мѣсто. Эту честь, или, лучше сказать, этотъ трудъ не будетъ ему въ тягость, какъ потому, что Занобію пріятно исполнять желаніе друзей своихъ, такъ и по врожденной ему смѣлости, которая заставитъ его принять на себя обязанность военачальника, не смотря на то, что, исполняя ее, столь же легко быть побѣжденнымъ, какъ и одержать побѣду.

Занобій. Съ охотою, хотя для меня было бы гораздо пріятнѣе быть слушателемъ, нежели участникомъ раз-

говора, тѣмъ болѣе, что твои вопросы гораздо основательнѣе всѣхъ мыслей, приходившихъ мнѣ въ голову въ продолженіе предъидущаго разсужденія. Но мы утруждаемъ нашего гостя своими учтивыми фразами и теряемъ драгоцѣнное время.

Фабриціо. Напротивъ того, вы мнѣ доставляете большое удовольствіе, участвуя по очереди въ общей бесѣдѣ: черезъ это, я имѣю случай узнать ваши склонности и короче съ вами познакомиться. Не сдѣлаете ли и вы, Занобій, какихъ либо замѣчаній на счетъ прежняго нашего разсужденія?

Занобій. Я желалъ бы, прежде нежели вы станете продолжать разсказъ, получить болѣе обстоятельныя свѣденія только на счетъ двухъ предметовъ, а именно: не знаете ли вы еще какого либо другаго боеваго порядка, и какія предосторожности должны войти въ соображенія полководца, какъ въ началѣ, такъ и въ продолженіи боя, въ случаѣ неожиданнаго какого либо событія?

Фабриціо. Я постараюсь исполнить ваше желаніе; но предупреждаю васъ, что не считаю нужнымъ отвѣчать особо на каждый изъ предложенныхъ вами вопросовъ: мое объясненіе будетъ относиться къ обоимъ. Я уже говорилъ вамъ, что мой боевой порядокъ допускаетъ всѣ возможныя измѣненія, которыхъ требуютъ свойства мѣстности и образъ дѣйствій противника. Но во всякомъ случаѣ, должно принять за неизмѣнныя правила, что не можетъ быть ничего болѣе вреднаго, какъ слишкомъ большое протяженіе боеваго порядка, что длина фронта войскъ всегда должна быть соразмѣрна съ числомъ и качествомъ ихъ, и что глубокой порядокъ надежнѣе растянутаго. Въ случаѣ же превосходства силъ противника, можно обезпечить фланги своей арміи отъ обхода, примкнувъ ихъ къ рѣкѣ, или къ болоту, либо прикрывъ ихъ искусственными средствами, какъ напимѣръ рвами, подобно тому, какъ поступилъ Юлій Кесарь, ведя войну въ Галліи.

И вообще протяженіе линіи должно быть растяги-

ваемо, либо уменьшаемо, сообразно съ числомъ войскъ, какъ собственныхъ, такъ и непріятельскихъ. Въ случаѣ превосходства въ силахъ надъ противникомъ, и въ особенности — когда мы имѣемъ хорошо образованная войска, полезно избирать для дѣйствія обширныя равнины, гдѣ можно охватывать непріятели со всѣхъ сторонъ и имѣть достаточно мѣста для введенія въ дѣло значительной арміи. Въ мѣстахъ затруднительныхъ для движенія, не допускающихъ употребленія сомкнутаго строя, превосходство въ образованіи войскъ не даетъ столь рѣшительнаго перевѣса надъ противникомъ, какъ на равнинахъ: по этой причинѣ, Римляне избѣгали дѣйствій на пересѣченной мѣстности и всегда старались сражаться въ открытыхъ мѣстахъ. Но имѣя войска малочисленныя, либо составленныя изъ новобранцевъ, необходимо избирать для боя такія позиціи, которыя, свойствами мѣстности, вознаграждали бы недостатокъ въ числительной силѣ и въ опытности. Весьма полезно занимать господствующіе пункты, съ которыхъ можно вести самыя стремительныя атаки на противника, и напротивъ того, должно избѣгать расположенія войскъ въ долины, либо въ сосѣдствѣ господствующихъ пунктовъ, нами не занятыхъ, по той причинѣ, что непріятели, поставя на нихъ артиллерію, можетъ безнаказанно нанести намъ значительный вредъ. Не должно также располагать арміи фронтомъ въ ту сторону, гдѣ солнце, либо откуда вѣтеръ, что въ обоихъ случаяхъ, мѣшая видѣть противника, затрудняетъ дѣйствіе; сверхъ того противный вѣтеръ ослабляетъ дальность брошенныхъ нами снарядовъ. И не довольно того, чтобы эти выгоды были на вашей сторонѣ въ началѣ боя: должно стараться удержать ихъ за собою во все время сраженія, и сообразить, при расположеніи арміи, куда впослѣдствіи перейдетъ солнце. Эти предосторожности были приняты Аннибаломъ при

* Эти мысли изложены подъ вліяніемъ предрассудковъ современныхъ автору.
Прим. перев.

Каннахъ и Маріемъ, въ сраженіи противъ Кимвровъ. Имѣя малочисленную конницу, располагайте армію въ лѣсахъ и кустарникахъ, подобно тому, какъ поступили Испанцы при Сериньолѣ, въ королевствѣ Неаполитанскомъ, гдѣ они разбили Французовъ. Измѣняя такимъ образомъ боевой порядокъ и поле сраженія, побѣжденные могутъ сдѣлаться побѣдителями. Въ примѣръ тому, можно поставить Карфагенянъ, которые, бывъ разбиты нѣсколько разъ сряду Регуломъ, наконецъ одержали надъ нимъ побѣду только черезъ то, что, по совѣту начальствовавшего ими Лакедемонянина Ксантиппа, сразились на равнинѣ, гдѣ превосходство ихъ кавалеріи и бывшіе въ ихъ арміи слопы привели въ беспорядокъ Римлянъ.

Читая со вниманіемъ исторію, я убѣдился, что величайшіе изъ полководцевъ древняго времени, узнавши сильнѣйшую сторону непріятельской арміи, почти всегда противопоставляли ей свою слабѣйшую, и слѣдовательно на оборотъ, дѣйствовали противъ слабѣйшей части главными силами. Въ началѣ боя, они ограничивались удержаніемъ непріятеля усиленнымъ своимъ флангомъ, между тѣмъ какъ слабѣйшее крыло постепенно отступало; такое дѣйствіе было вдвойнѣ не выгодно для противника: во-первыхъ потому, что сильнѣйшее его крыло, подавшееся впередъ, подвергалось обходу съ двухъ сторонъ; во-вторыхъ, по той причинѣ, что непріятель, ободренный первоначальною удачею, упускалъ изъ вида сохраненіе порядка. Сципіонъ, ведя войну въ Испаніи противъ Аздрубала, обыкновенно ставилъ въ центрѣ своей арміи римскіе легіоны, составлявшіе надежнѣйшую часть его войска, но узнавши, что Аздрубаль принялъ такое же расположеніе, римскій полководецъ, передъ самымъ сраженіемъ, измѣнилъ свой боевой порядокъ и расположилъ лучшія войска по флангамъ, а худшія въ центрѣ; когда же началось дѣло, то онъ приказалъ центру идти какъ можно медленнѣе, а обоемъ крыламъ быстро атаковать непріятеля; такимъ образомъ, сраженіе ограни-

чилось боемъ фланговыхъ войскъ, которыя рѣшили дѣло прежде, нежели средины армій успѣли сойтиться, и какъ лучшіе воины Сципіоновы сражались съ худшими Аздрубаловыми, то Римляне одержали совершенную побѣду. Такая военная хитрость, въ то время, могла принести большую пользу; но теперь она была бы пагубна, по причинѣ находящейся при войскахъ артиллеріи, которая, пользуясь большимъ промежуткомъ, оставленнымъ въ центрѣ армій, расположилась бы на немъ и нанесла бы значительный вредъ войскамъ, дѣйствующимъ на флангахъ. Мы уже видѣли, до какой степени она опасна, и потому, въ этомъ отношеніи, не подражая древнимъ, ограничимся предложеннымъ мною способомъ и введемъ въ дѣло всю армію, уклоняя мало по малу назадъ слабѣйшее крыло ея.

Если полководецъ, имѣя превосходство въ силахъ надъ противникомъ, желаетъ неожиданно охватить его съ фланговъ, то для этого всего лучше построить армію въ боевой порядокъ, такимъ образомъ, чтобы протяженіе ея фронта было одинаково съ непріятельскимъ; а потомъ, вступя въ бой, осадить свой центръ и растянуть оба крыла боеваго расположенія, что подаетъ возможность окружить непріятеля, который тогда только замѣтитъ опасность своего положенія, когда ему уже нельзя будетъ избѣжать гибели.

Полководецъ, имѣющій надобность, по какимъ бы то ни было причинамъ, дѣйствовать осторожно, долженъ располагать свои войска на такомъ мѣстѣ, въ соседствѣ котораго было бы можно укрыть ихъ за болотами, въ горахъ, либо въ крѣпости; такое расположеніе войскъ предохраняетъ ихъ отъ противника, не отнимая возможности переходить къ наступательнымъ дѣйствіямъ. Примѣръ тому находимъ въ походахъ Аннибала, когда онъ, испытавъ превратность счастья, уклонился отъ встрѣчи съ Марцелломъ.

Многіе полководцы, желая привести въ безпорядокъ непріятельскую армію, завязывали съ нею дѣло легкими войсками, которыя, потомъ очистя фронтъ, оста-

вались въ бездѣйствіи за прочими войсками, до тѣхъ поръ, пока дѣло доходило до упорнѣйшаго рукопашнаго боя; а въ послѣдствіи, собравшись за флангами арміи, охватывали съ боковъ и съ тыла непріятельскія войска, и тѣмъ поселяли въ нихъ замѣшательство. Въ случаѣ превосходства непріятеля въ кавалеріи, можно подкрѣпить свои эскадроны пикинерами, сзади расположенными, которые, въ продолженіе боя, пройдя черезъ интервалы, оставленные между частями конницы, атакуютъ непріятельскихъ всадниковъ, что почти всегда будетъ имѣть удачу. Но можно также приучить легкую пѣхоту къ дѣйствию между конными войсками, которыя, черезъ то, получаютъ значительный перевѣсъ надъ противникомъ.

Изъ всѣхъ боевыхъ расположеній арміи, въ различныхъ сраженіяхъ, наибольшую похвалу заслуживаютъ тѣ, которые были употреблены Аннибаломъ и Сципіономъ при Цамѣ. Аннибалъ, котораго армія состояла изъ Карфагенянъ и изъ вспомогательныхъ войскъ различныхъ націй, поставилъ въ первой линіи осемдесятъ слоновъ; за ними часть вспомогательныхъ войскъ, сзади которыхъ стояли Карфагеняне; а въ самомъ тылу Италіянцы, которыхъ преданность была подвержена сомнѣнію. Причинами такихъ распоряженій были: во-первыхъ то, чтобы вспомогательныя войска, стоявшія въ передней линіи, находясь между Римлянами и Карфагенянами, не могли искать спасенія въ бѣгствѣ и принуждены были сражаться упорно; во вторыхъ то, чтобы непріятель, опрокинутый, или по-крайней-мѣрѣ утомленный напоромъ передней линіи, не могъ выдержать удара свѣжихъ и лучшихъ войскъ, стоявшихъ за нею. Сципіонъ, не слѣдуя обыкновенному расположенію, въ шахматномъ порядкѣ, *гастатовъ*, *принциповъ* и *триаріевъ*, поставилъ манипулы одиѣ за другими въ видѣ колоннъ, оставя между ними значительные интервалы: но чтобы непріятель не могъ замѣтить этого распоряженія, то всѣ интервалы между колоннами были замѣщены *велитами*, которые получили приказаніе, въ са-

момъ началъ боя, отступить назадъ и очистить мѣсто для прохода слоновъ черезъ линіи: такимъ образомъ, эти огромныя животныя прошли, не причинивъ вреда римскимъ войскамъ, которыя одержали совершенную побѣду.

Занобій. Этотъ примѣръ привелъ мнѣ на память, что въ продолженіи боя, Сципіонъ не приказалъ гастатамъ отступать въ интервалы линіи принциповъ; а велѣлъ имъ, раздаваясь въ обѣ стороны, расположиться на флангахъ арміи. Я желалъ бы, чтобы вы привяли на себя трудъ объяснить, по какой причинѣ онъ отступилъ, въ этомъ случаѣ, отъ обыкновеннаго образа дѣйствій?

Флериціо. Съ охотою. Вы видѣли, что Аннибалъ расположилъ главныя силы своей арміи во второй линіи. Сципіонъ, желая противооставить ему столь же надежныя войска, соединилъ *принциповъ* съ *триаріями*, и какъ во второй линіи уже не оставалось мѣста для *гастатовъ*, то самая необходимость заставила римскаго полководца отослать ихъ на фланги арміи. Впрочемъ не оставляйте безъ вниманія, что первая линія можетъ очистить фронтъ и дать мѣсто второй, только въ случаѣ успѣха; но при неудачѣ, такой образъ дѣйствія подвергнулъ бы войска вѣрной гибели: по этому вторая линія должна быть расположена такъ, чтобы первая могла проходить черезъ ея интервалы. Но возвратимся къ нашему предмету.

Древніе азійскіе народы употребляли, въ числѣ прочихъ средствъ для нанесенія вреда противнику, колесницы съ косами по сторонамъ: ихъ стремительное движеніе разрывало ряды непріятельскаго войска; а прикрѣпленныя къ нимъ косы истребляли все, что только онѣ встрѣчали на пути своемъ. Для защиты же отъ колесницъ и для уменьшенія вреда, ими наносимаго, употребляли различныя способы, какъ на примѣръ строились въ глубокія непроницаемыя массы, либо нарочно пропускали ихъ черезъ войска, подобно тому, какъ и слоновъ. Силла, готовясь къ бою противъ Архелаа,

имѣвшаго значительное число колесницъ, вооруженныхъ косами, приказалъ вбить, впереди фронта своей арміи, рядъ кольевъ, которые остановили бѣгъ колесницъ и не позволили имъ разорвать ряды римскаго войска. Невозможно оставить безъ вниманія, что, въ этомъ сраженіи, армія Силлы была расположена совершенно особеннымъ образомъ: впереди стояла тяжелая пѣхота, имѣя между своими частями большіе интервалы; а сзади велиты и кавалерія, которая, въ самомъ бою, проскакала черезъ первую линію и рѣшила дѣло въ пользу Римлянъ.

Ежели вы хотите, въ продолженіе боя, привести въ замѣшательство непріятельскія войска, то старайтесь устроить ихъ ложнымъ извѣстіемъ о прибытіи подкрѣпленій къ вашей арміи, либо употребите такую военную хитрость, которая ввела бы въ заблужденіе противника, и поразивъ его ужасомъ, заставила уступить побѣду: такія средства послужили въ пользу консуламъ Минуцію Руфу и Ацилію Глабриону. Сульпицій, съ подобнымъ же успѣхомъ, посадилъ нестроевыхъ чиновъ на вьючныхъ лошадяхъ, и расположивъ ихъ въ видѣ кавалерійскаго отряда, приказалъ имъ взлѣзть на высоты, находившіяся въ сосѣдствѣ мѣста, гдѣ онъ сражался съ Галлами. Марій употребилъ такое же средство, воюя съ Тевтонами.

Фальшивыя (ложныя) атаки могутъ принести въ бою большую пользу; еще полезнѣе настоящія атаки, если онѣ производятся внезапно, и въ особенности, ежели можно напасть на непріятеля съ фланга или съ тыла; но должно замѣтить, что не всегда мѣстность способствуетъ такимъ дѣйствіямъ. Въ открытой странѣ они невозможны, потому что непріятель, замѣтя наше намѣреніе, найдетъ средство предупредить его. Атаки съ фланга и съ тыла могутъ быть произведены только въ лѣсистыхъ и горныхъ странахъ, способствующихъ засадамъ и нечаяннымъ нападеніямъ, которыя почти всегда сопровождаются вѣрнымъ успѣхомъ.

Весьма также выгодно распустить, во время боя,

слухъ о смерти непріятельскаго полководца. либо о разбитіи какой либо части войскъ противника. * Кавалерія можетъ легко быть приведена въ разстройство всякою неожиданностію и даже громкимъ крикомъ: такимъ образомъ Крезъ употребилъ съ пользою своихъ верблюдовъ, въ сраженіи подъ Тимврою; а Пирръ обратилъ въ бѣгство римскую кавалерію однимъ видомъ слоновъ своихъ. Въ наше время, ** Турки одержали побѣды надъ войсками персидскаго шаха и сирійскаго султана громомъ ружейнаго огня, который изумилъ и привелъ въ безпорядокъ непріятельскую кавалерію. Испанцы, готовясь къ бою противъ Амилкара, расположили, впереди своего фронта, повозки, запряженныя быками и нагруженныя паклею, которая была зажжена въ самомъ началѣ боя; тогда быки, избѣгая угрожавшей имъ опасности, бросились на Каррагенянъ и разстроили ряды ихъ. Многіе полководцы, въ пересѣченныхъ и закрытыхъ странахъ, устраиваютъ засады; въ открытыхъ же и равныхъ мѣстахъ, для этого полезно выкапывать глубокіе рвы, оставляя между ними небольшіе проходы, и прикрывая ихъ слегка хворостомъ и землею. Когда же завяжется дѣло, то можно будетъ провести, черезъ оставленные интервалы, собственныя войска, и заманить, на устроенные рвы, увлеченнаго преслѣдованіемъ непріятеля, что неминуемо приведетъ его въ безпорядокъ ***.

Ежели, впродолженіе боя, произойдетъ какой либо случай, могущій утратить вашихъ воиновъ, то старайтесь его скрыть, либо обратитъ въ собственную выгоду, подобно тому, какъ поступили Туллъ Гостилій и Силла. Послѣдній изъ сихъ полководцевъ, замѣтя,

* Иногда бываетъ возможно привести непріятеля въ смятеніе истиннымъ свидѣніемъ: подобнымъ образомъ поступилъ въ кампанію 1829 года, графъ Паскевичъ-Эриванскій, послѣ разбитія при Камили главной турецкой арміи, передъ сраженіемъ при Милле-Дюзе.

Прим. перев.

** То есть, во времена Маккіавелли.

Прим. перев.

*** Во времена Маккіавелли, такія стратагеми не казались страшными.

Прим. перев.

что часть его войск перешла на сторону противника, и что вся его армія, уstraшенная этою измѣною, колебалась и пришла въ замѣшательство, приказалъ провозгласить, что передавшіяся войска дѣйствовали по его повелѣнію, для вовлеченія въ обманъ непріятели: тогда прочія войска, ободренныя полученнымъ извѣстіемъ, сразились столь отважно, что одержали совершенную побѣду. Подобнымъ же образомъ, Силла, узнавши объ истребленіи одного изъ отдѣльныхъ отрядовъ своихъ, и желая предупредить неблагопріятное впечатлѣніе, которое могъ имѣть на прочія войска этотъ случай, приказалъ объявить, что истребленный отрядъ состоялъ изъ измѣнниковъ, нарочно имъ самимъ посланныхъ на вѣрную гибель. Серторій, въ одномъ изъ сраженій, имъ данныхъ въ Испаніи, убилъ собственноручно одного изъ своихъ воиновъ, принесшаго ему неблагопріятное извѣстіе, имѣя въ виду, чтобы оно не сдѣлалось извѣстнымъ въ его арміи и не поселило въ ней унынія.

Всего затруднительнѣе возстановить порядокъ въ опрокинутыхъ войскахъ и снова ввести ихъ въ дѣло. Ежели вся армія приведена въ безпорядокъ, то невозможно устроить ее; если же только часть войскъ обращена въ бѣгство, то еще не должно терять надежды. Многіе изъ римскихъ полководцевъ, желая остановить бѣгущія войска свои, бросались имъ на встрѣчу, упрекая ихъ въ постыдномъ малодушіи. Въ сраженіи при Орхоменѣ, Силла, видя нѣкоторые изъ своихъ легионовъ опрокинутыми Митридатовою арміею, остановилъ ихъ, съ мечемъ въ рукѣ, воскликнувъ: «Римляне! Если спросятъ васъ о вашемъ полководцѣ, то отвѣчайте: мы оставили его въ бою, на поляхъ Орхоменскихъ.» Аттилій Регулъ остановилъ бѣгущихъ солдатъ своихъ другою частью войскъ и объявилъ, что если они не пойдутъ снова въ дѣло, то будутъ истреблены имъ, какъ враги Рима. Филиппъ, государь Македонскій, замѣтя, что его воины были приведены въ ужасъ появленіемъ Сквевовъ, поставилъ въ задней

лині своего боеваго расположенія кавалерійскій отрядъ, состоявшій изъ надежныхъ войскъ, и приказалъ имъ убивать бѣгущихъ, что заставило его армию предпочесть побѣду постыдной смерти. Наконецъ многіе изъ римскихъ военачальниковъ, для возбужденія отваги въ своихъ воинахъ, бросали въ ряды противника собственныя знамена, предлагая награду тому, кто могъ принести ихъ обратно.

Не излишнимъ также считаю сказать, по-крайней-мѣрѣ, нѣсколько словъ о слѣдствіяхъ боя, которыя заслуживаютъ особенное вниманіе, и тѣсно связаны съ предметомъ нашей бесѣды. Въ концѣ сраженія, побѣждаютъ, либо претерпѣваютъ поражение: въ первомъ случаѣ, должно пользоваться одержаннымъ успѣхомъ и дѣйствовать со всевозможною быстротою, слѣдуя примѣру Юлія Кесаря и избѣгая ошибки, слѣзанной Аннибаломъ послѣ сраженія при Каннахъ, гдѣ онъ побѣдилъ, но не воспользовался побѣдою, и упустилъ случай овладѣть Римомъ. Напротивъ того, Кесарь, одержавъ побѣду, не давалъ отдыха своимъ войскамъ, не довершивъ ее, и дѣйствовалъ еще съ большею быстротою и настойчивостью при преслѣдованіи чепрїателя, нежели въ самомъ бою. Въ случаѣ же неудачи, полководецъ долженъ сообразить, нѣтъ ли какого средства поправить дѣло, и въ особенности, если ему удалось сохранить въ порядкѣ хотя часть своей арміи. Въ подобныхъ обстоятельствахъ, весьма часто бываетъ возможно воспользоваться оплошностью противника, который, одержавъ побѣду, обыкновенно предается излишней самопадѣянности, подающей средства атаковать его съ успѣхомъ. Такимъ образомъ Марцій истребилъ карфагенскія войска, которыя, послѣ смерти Сципіоновъ и разбитія римскихъ армій, пренебрегая ихъ остатками, не принимали ни какихъ предосторожностей; но вскорѣ были атакованы Марціемъ и испытали непостоянство фортуны. Ничего нѣтъ легче, какъ исполненіе такого предпрїятія, которое противникъ считаетъ невозмож-

нымъ, потому что внезапные удары вѣрѣе предвидѣнныхъ.

Если же обстоятельства не позволяютъ перейти въ наступательное положеніе, то должно, по крайней-мѣрѣ, употребить всевозможное стараніе, чтобы уменьшить потери, обыкновенно бывающія слѣдствіемъ проиграннаго дѣла: для этого необходимо лишить противника средствъ къ настойчивому преслѣдованію и затруднить, какъ можно болѣе, его движеніе. Нѣкоторые полководцы, предвидя пораженіе своихъ войскъ, предписывали имъ отступить съ быстротою въ различныя стороны и собраться на условленномъ пунктѣ, что приводило въ недоумѣніе противника, на счетъ пути, избраннаго отступавшею арміею, и заставляло его прекратить преслѣдованіе, либо ограничиться движеніемъ за одною какою либо частью отступавшаго; другіе бросали на пути драгоцѣнную добычу, чтобы тѣмъ задержать преслѣдующаго и выиграть время. Титъ Димій употребилъ слѣдующую хитрость: удержавъ непріятеля до вечера, хотя и съ большею потерею собственныхъ войскъ, онъ воспользовался темнотою ночи для скрытія значительной части своихъ убитыхъ: на слѣдующее утро, непріятель возобновилъ нападентіе; но замѣтя важную убыль въ рядахъ своихъ, между тѣмъ, какъ Римляне, судя по числу труповъ, оставшихся на полѣ сраженія, претерпѣли небольшой уронъ, совершенно потерялъ бодрость и обратился въ бѣгство*.

И такъ, мнѣ кажется, что я отвѣчалъ довольно удовлетворительно на всѣ ваши замѣчанія: остается мнѣ сказать, въ какомъ видѣ должна быть располагаема армія для боя. Многіе полководцы строили войска свои *клиномъ*, надѣясь черезъ то, съ большею удобностью, проламывать непріятельскую армію; другіе противопоставляли клину вогнутое расположеніе, въ видѣ *клещей*, стараясь охватить непріятеля съ фланговъ и съ тыла и поражать его со всѣхъ сторонъ. Вразсуж-

* Само собою разумѣется, что въ наше время не много бы принесла пользы подобныя военныя хитрости. Прим. перев.

деніи этого предмета, я могу дать вамъ общее правило: дѣлать добровольно все то, къ чему непріятель желаетъ принудить васъ, и извлекая изъ своего расположенія всевозможныя выгоды, стараться сдѣлать тщетными покушенія противника; ежели вы станете употреблять чрезвычайныя усилія для предупрежденія его замысловъ, то истощите всѣ свои средства для достиженія пассивной цѣли и потомъ уже не будете въ состояніи одержать значительныя успѣхи надъ непріателемъ. Въ подтвержденіе этого правила, приведу тѣ же самые примѣры, которые прежде были предложены мною. Ежели непріятель построился клиномъ, желая прорвать ряды ваши, то оставьте промежутокъ въ боевой линіи: такое расположеніе приведетъ въ недоумѣніе противника и доставитъ вамъ средство дѣйствовать по собственному усмотрѣнію *. Когда Аннибалъ поставилъ на челѣ своей арміи слоновъ, желая прорвать Сципіоновы легіоны, то римскій полководецъ выстроилъ свои войска, оставляя промежутки между частями ихъ, и черезъ то одержалъ побѣду. Подобнымъ же образомъ Сципіонъ, замѣтя, что Аздрубаль расположилъ въ центрѣ своей арміи лучшія войска, для прорванія ими центра римскихъ войскъ, осадилъ его и выдвинулъ фланги, чѣмъ разрушены были покушенія непріятеля. Однимъ словомъ, всякое расположеніе, неожиданное для противника, можетъ быть залогомъ успѣха.

Имѣя въ виду привести вамъ на память всѣ предосторожности, которыя должны быть приняты полководцемъ въ день рѣшительнаго боя, скажу прежде всего, что сраженія даются благоразумными военачальниками, только тогда, когда они обѣщаютъ полезныя результаты, либо когда къ нимъ понуждаетъ самая необходимость. Они представляютъ почти вѣрную надежду на успѣхъ, при выгодной позиціи и при перевѣсѣ въ числѣ и качествѣ войскъ. Необходимы же бываютъ они въ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ бездѣйствіе мог-

* Initiative.

Прим. перев.

ло бы сдѣлаться для насъ пагубнымъ, по причинѣ недостатка въ деньгахъ или въ продовольствіи (что бываетъ причиною побѣговъ)*, либо когда непріятель ожидаетъ прибытія значительныхъ подкрѣпленій. Находясь въ подобныхъ обстоятельствахъ, полководецъ необходимо долженъ искать рѣшительнаго боя, хотя бы даже съ явною для себя невыгодою, потому что все таки лучше испытать счастье, съ нѣкоторою вѣроятностью успѣха, нежели, оставаясь въ бездѣйствіи, подвернуться вѣрной гибели** : въ такихъ случаяхъ, нерѣшительность была бы столь же пагубна и предосудительна, какъ малодушіе или недостатокъ въ способностяхъ.

Иногда ошибка противника подаетъ способы атаковать его съ выгодою; въ другихъ случаяхъ бываетъ необходимо предуготовить успѣхъ и воспользоваться моментомъ благоприятнымъ для дѣйствій. Церѣдко войска подвергались поражению на переправахъ черезъ рѣки, отъ того только, что бдительный противникъ умѣлъ искусно уловить то время, когда части ихъ были раздѣлены рѣкою; подобнымъ образомъ, Кесарь истребилъ значительную часть гельветійской арміи. Ежели непріятель преслѣдовалъ васъ съ излишнею настойчивостію и привелъ въ изнеможеніе войска свои, то вы можете сами атаковать его. Весьма часто случается, что назначенныя для атаки войска противника строятся въ боевой порядокъ на самомъ разсвѣтѣ: замѣтивъ сіе, оставайтесь въ своемъ лагерѣ какъ возможно долѣе, и когда непріятель, утомленный продолжительнымъ стояніемъ подъ ружьемъ, потеряетъ первоначальную бодрость, начинайте дѣло: такимъ образомъ дѣйствовали въ Испаніи — Сципіонъ противъ Аздубала и Метелъ противъ Серторія. Ежели непріятель ослабилъ свою армію, раздѣливъ ее, подобно тому, какъ поступили

* Эти слова Маккіавелли весьма хорошо показываютъ характеръ ласменныхъ войскъ его эпохи. Прим. перев.

** Въ примѣръ тому, можно привести почное нападеніе, произведенное генераломъ Гейсмаромъ при Баллепгтн. Прим. перев.

Сципіоны въ Испаніи, либо сдѣлавъ какую другую ошибку, то также не должно упускать случая атаковать его.

Осторожнѣйшіе изъ полководцевъ считали болѣе выгоднымъ выжидать на мѣстѣ нападеніе противника, нежели атаковать его, полагая, что если обороняющіяся войска непоколебимо выдержатъ непріятельскій натискъ, то наступающій лишится всей своей первоначальной отваги: такимъ образомъ дѣйствуя, Фабій побѣдилъ Самнитянъ и Галловъ, между тѣмъ какъ, дѣйствуя противно, Децій подвергся гибели. Другіе полководцы, не вполне надѣясь на собственныя войска, вступали въ бой при концѣ дня, чтобы имѣть возможность, въ случаѣ неудачи, отступить безъ большихъ потерь, пользуясь темнотою ночи. Наконецъ были и такіе военачальники, которые, зная, что непріятель, по суевѣрному предразсудку, избѣгалъ сраженія въ какой либо день, нападали на него въ это самое время: подобнымъ образомъ дѣйствовали Кесарь противъ Аріовиста въ Галліи и Веспасіанъ противъ Іудеевъ въ Сиріи.

Весьма полезно и даже необходимо, чтобы полководецъ имѣлъ при себѣ нѣсколько человекъ, просвѣщенныхъ и опытныхъ, которые вполне будучи достойны его довѣренности, участвовали въ его совѣтѣ, и совершенно знали состояніе войскъ, какъ собственныхъ, такъ и непріятельскихъ. Они обязаны изслѣдовать въ точности: съ которой стороны находится перевѣсъ въ числѣ войскъ, въ качествѣ оружія, въ кавалеріи и въ образованіи арміи; какія войска болѣе привычны къ трудамъ и недостаткамъ; которыя изъ нихъ надежнѣе прочихъ; каково свойство мѣстности, занимаемой нами и непріятелемъ, и какой изъ сторонъ она представляетъ большія выгоды; чье продовольствіе болѣе обезпечено; полезно ли намъ дѣйствовать рѣшительно, либо выжидать удобнѣйшаго времени; не опасно ли для насъ бездѣйствіе (по той причинѣ, что, въ подобныхъ обстоятельствахъ, солдаты, наскуча тягостными работами, теряютъ бодрость и самовольно оставляютъ свои зна-

мена*. Но всего важнѣе имѣть вѣрныя свѣдѣнія о характерѣ непріятельскаго полководца и его окружающихъ: весьма полезно знать, отваженъ ли онъ или робокъ; остороженъ либо предпримчивъ, и прочая. Наконецъ необходимо знать достоверно, до какой степени можемъ полагаться на вспомогательныя войска и на союзниковъ нашихъ.

Вообще должно принять за неизмѣнное правило, чтобы никогда не вступать въ сраженіе, ежели войска имѣютъ хотя малѣйшее сомнѣніе въ успѣхѣ. Кто не увѣренъ въ побѣдѣ, тотъ, вступя въ бой, навѣрно претерпитъ поражение. Въ такихъ обстоятельствахъ, всего лучше избѣгать рѣшительныхъ дѣйствій, подражая Фабію, занимавшему непреступныя позиціи, которыхъ сила обезпечивала его отъ непріятельскихъ атакъ; если же мѣстность, служащая поприщемъ войны, не можетъ совершенно обезопасить насъ, то придется отказаться отъ дѣйствій въ полѣ, разсѣять войска по укрѣпленнымъ мѣстамъ и ограничиться крѣпостною войною.

Зановій. Неужели нельзя избѣжать боя, не разсѣвая по крѣпостямъ своей арміи?

Фабрицію. Я уже сказалъ вамъ, сколько мнѣ помнится, что, ведя войну въ полѣ и имѣя дѣло съ противникомъ, который желаетъ сражаться во что бы то ни стало, почти невозможно избѣжать боя: для этого остается единственнымъ средствомъ, всегда находясь на разстояніи пятидесяти миль отъ непріятельской арміи, что заставить васъ, при всякомъ извѣстіи о ея приближеніи, немедленно отступать. Нельзя не замѣтить, что Фабій совсѣмъ не избѣгалъ боя съ Аннибаломъ; а только хотѣлъ вступить въ бой, имѣя на своей сторонѣ всѣ выгоды мѣстности: слѣдовательно Аннибалъ не рѣшался напасть на него, не по невозможности къ тому, а единственно по той причинѣ, что не надѣялся побѣдить его, въ занятыхъ Римлянами

* Это показываетъ свойства и характеръ наемныхъ войскъ эпохи современнои аятору.

Прим. издвв.

позиціяхъ; если же карфагенскій полководецъ рѣшился бы дать сраженіе, то Фабій нашелся бы въ необходимости вступить въ бой, либо предпринять отступленіе. Филиппъ II, король Македонскій, ведя войну противъ Римлянъ, расположилъ свою армію на весьма высокой горѣ, надѣясь черезъ то уклониться отъ боя; но Римляне атаковали избранную имъ позицію и совершенно разбили войска его. Винценгеториксъ, полководецъ гальскій, желая избѣжать боя съ Кесаремъ, переправившимся черезъ рѣку, которая раздѣляла противныя арміи, принужденъ былъ отступить на значительное разстояніе. Въ ближайшее къ намъ время*, Венеціане, желавшіе уклониться отъ рѣшительнаго боя, должны были поступать точно такимъ же образомъ, а не оставаться въ бездѣйствіи, пока французская армія перешла черезъ Адду; но они потеряли драгоценное время, и не умѣли, ни встрѣтить непріятеля на переправѣ, ни отступить заблаговременно, что подало Французамъ возможность атаковать и совершенно разбить ихъ. Повторяю вамъ еще разъ: невозможно избѣжать боя, когда непріятель желаетъ сразиться, во что бы то ни стало. Не приводите мнѣ въ примѣръ противному Фабія: онъ столько же уклонялся отъ боя, какъ и его противникъ.

Иногда ваши воины горятъ желаніемъ сражаться; но вы принуждены дѣйствовать осторожно и уклоняться отъ боя, превосходствомъ въ числѣ непріятельскихъ войскъ и выгодными свойствами ихъ позиціи: бываетъ также, что обстоятельства, въ которыхъ вы находитесь, даютъ вамъ несомнѣнный перевѣсъ надъ противникомъ, и самая необходимость побуждаетъ васъ дѣйствовать рѣшительно; но ваши воины не имѣютъ самоувѣренности и охоты къ бою: въ первомъ случаѣ должно умѣрять; а во второмъ, возбудить духъ вашей арміи. Ежели однихъ словъ недостаточно для охлажденія горячности ея, то пожертвуйте небольшою частью

* То есть, въ концѣ XV столѣтія.

Прим. перев.

войскъ, посланныхъ на вѣрную гибель, что заставитъ прочихъ слѣпо вѣрить словамъ вашимъ. Для этого можно подражать нарочно тому, что было дѣломъ случая въ арміи Фабія: войска его, какъ вамъ извѣстно, имѣли чрезвычайное желаніе сразиться съ Кароагенянами; начальникъ римской кавалеріи * также съ нетерпѣніемъ искалъ боя; но Фабій считалъ опрометчивымъ рѣшительное дѣйствіе: когда такое различіе во мнѣніяхъ сдѣлалось поводомъ къ раздѣленію арміи на двѣ отдѣльныя части, то Фабій по прежнему остался въ лагерѣ; а начальникъ кавалеріи вступилъ въ неравный бой, въ которомъ подвергся опасности быть совершенно разбитымъ, что непременно случилось бы, если бы Фабій не пришелъ къ нему въ помощь и не выручилъ его: это убѣдило, не только Минуція, но и все войско, въ благоразуміи Фабія. Если же, напротивъ того, вы желаете поселить въ своей арміи жажду къ бою, то должно раздражать воиновъ противъ непріятели, повторяя ругательства, имъ произнесенныя, либо увѣрять солдатъ, что вы вошли въ тайныя сношенія съ кѣмъ либо изъ противной арміи, и что часть ея готова передаться на вашу сторону; должно расположиться вблизи непріятели, завязывая съ нимъ ежедневно стычки, чтобы пріучить воиновъ къ бою; должно, наконецъ, съ гнѣвомъ упрекать ихъ въ малодушіи, увѣрять, что если они не стыдятся избѣгать встрѣчи съ противникомъ, то вы сами безъ нихъ пойдете искать вѣрной гибели. Обратите вниманіе также и на то, что не должно позволять солдатамъ отправлять пріобрѣтенную ими добычу въ безопасное отъ непріятели мѣсто: зная, что бѣгство, сохранивъ жизнь, можетъ лишить имущества, воины будутъ сражаться съ бѣдльшимъ упорствомъ, нежели тогда, когда шло бы дѣло о самомъ ихъ существованіи.

Зановій. Вы говорите, что можно возбудить армію къ бою: объясните, прошу васъ, долженъ ли

Минуцій.

полководецъ обращать свои рѣчи ко всему войску, или только къ однимъ начальникамъ его?

Фабриціо. Весьма не трудно увѣрить въ чемъ либо не большое число людей. Если однихъ словъ для этого недостаточно, то стоитъ только употребить для убѣжденія силу; но совѣмъ другое дѣло, разсѣять вредное заблужденіе, противное общей пользѣ и намѣреніямъ вождя, когда оно уже овладѣло всею арміею: такая цѣль можетъ быть достигнута не иначе, какъ посредствомъ воззванія къ войскамъ; но при этомъ необходимо имѣть въ виду, чтобы всякой солдатъ былъ въ состояніи понять слова военачальника. Въ древности, всѣ великіе полководцы должны были обладать даромъ витійства; кто не умѣлъ одушевить словомъ своего войска, тотъ не могъ надѣяться одержать большіе успѣхи: но въ наше время, военное краснорѣчіе пришло въ совершенный упадокъ. Читая жизнь Александра Великаго, мы видимъ, какъ часто онъ долженъ былъ говорить рѣчи своей арміи: если бы онъ не обладалъ этимъ талантомъ, то никогда не удалось бы ему провести войско свое, со всѣми пріобрѣтенными имъ сокровищами, черезъ знойныя пустыни Аравіи и Индіи и преодолѣть столько трудовъ и опасностей. На войнѣ безпрестанно встрѣчаются случаи, которые могутъ привести армію на край гибели, ежели военачальникъ не обладаетъ талантомъ, либо привычкою, говорить языкомъ понятнымъ солдату*. Слова полководца разсѣваютъ робость, возбуждаютъ мужество, усугубляютъ рвеніе, открываютъ замыслы противника, показываютъ опасность и средства предупредить ее, служатъ лестною наградою и горькимъ упрекомъ, убѣждаютъ, грозятъ, вселяютъ надежду и опасеніе: словомъ сказать, слова военачальника подаютъ надежнѣйшія средства для возбужденія и укрощенія всѣхъ страстей сродныхъ военнымъ людямъ. И потому государства, желающія имѣть благоустроенную

* Обыкновенно обращать словесно къ войскамъ было полезно и удобно только при небольшомъ числѣ ихъ. Прим. пегив.

армію и возвратить войскамъ древнюю доблесть ихъ, должны стараться, чтобы воины могли понимать слова своего полководца; а полководецъ умѣлъ говорить съ своими воинами.

У древнихъ, религія и клятва въ вѣрности, которую приносили воины передъ отправленіемъ ихъ въ армію, служили весьма хорошимъ средствомъ для удержанія войскъ въ предѣлахъ строжайшей дисциплины: каждый проступокъ воина влекъ за собою, не только неминуемое наказаніе, но и опасеніе гнѣва боговъ. Это средство, поддержанное многими обрядами, облегчало древнимъ полководцамъ затруднительнѣйшія предпріятія; оно могло бы и въ настоящее время принести столь же большую пользу вездѣ, гдѣ еще сохранились страхъ Божій и уваженіе къ религіи. Подобнымъ образомъ, Серторій увѣрялъ свои войска, что лань, впушенная богами, обѣщала ему несомнѣнную побѣду; а Силла пользовался совѣтами статуи, похищенной имъ изъ Аполлонова храма. Многіе полководцы утверждали, что самъ Богъ явился имъ во снѣ, убѣждая сражаться; а въ наше время*, Карль VII, король Французскій, ведя войну противъ Англичанъ, повиновался во всемъ, по словамъ его, совѣтамъ юной дѣвы, свѣше вдохновенной, которая, по мнѣнію народа, была причиною всѣхъ успѣховъ, одержанныхъ Французами.

Весьма также полезно внушить въ воинахъ презрѣніе къ непріятелю: такимъ образомъ Агезилай показалъ нѣсколько нагихъ Персовъ своимъ солдатамъ, стараясь этимъ зрѣлищемъ убѣдить ихъ въ томъ, что изнѣженные Азіятцы не могли сопротивляться мужественнымъ сынамъ Спарты. Другіе полководцы ставили своихъ солдатъ въ необходимость сражаться, не оставляя имъ ни какой надежды къ спасенію, кромѣ побѣды: такое средство можетъ считаться надежнѣйшимъ всѣхъ прочихъ. Обыкновенно мужество бываетъ

* Во времена предшествовапія Макіавелли. Прич. перев.

внушаемо довір'ємъ къ себѣ и привязанностью къ военачальнику, либо любовью къ отечеству. Самоувѣренность имѣеть основаніемъ предшествовавшія побѣды, превосходство въ оружіи и военномъ образованіи и уваженіе къ вождю. Привязанность къ полководцу обыкновенно бываетъ слѣдствіемъ его личныхъ качествъ. Любовь къ отечеству внушается самою природою. Таковы причины, которыя поддерживаютъ и усиливаютъ мужество въ войскахъ; но ни что не возвышаетъ его такъ, какъ необходимость побѣдить или умереть.

КНИГА ПЯТАЯ.

Фабрицію. Я показалъ вамъ, какимъ образомъ должно располагать армію въ боевой порядокъ; какія должно принимать мѣры для одержанія побѣды и какія случайности могутъ встрѣтиться въ сраженіи: теперь настало время объяснить вамъ распоряженія, принимаемыя военачальникомъ, въ такомъ случаѣ, когда, находясь на нѣкоторомъ разстояніи отъ противника, вы должны быть во всегдашней готовности къ бою, то есть, когда вы двигаетесь въ землѣ непріятельской и вообще вблизи непріятельской арміи.

Римскія войска всегда были охраняемы на походѣ отъ внезапнаго нападенія нѣсколькими эскадронами легкой кавалеріи, шедшими въ головѣ арміи; за ними слѣдовало правое крыло (одинъ изъ союзныхъ легіоновъ) и принадлежавшій къ нему обозъ; потомъ, два римскіе легіона съ своими обозами, лѣвое крыло, (другой союзный легіонъ) съ принадлежавшимъ къ нему обозомъ, и наконецъ остальная конница. Въ случаѣ нападе-

пія непріятельскихъ войскъ спереди или съ тыла, всѣ обозы отъѣзжали въ сторону, очищая мѣсто войскамъ, которыя немелленно строились въ боевой порядокъ. Въ случаѣ нападена съ фланга, обозы выѣзжали въ противоположную сторону той, на которую была ведена атака, а войска отражали противника. Такой походный порядокъ мнѣ кажется весьма основательнымъ и достойнымъ подражанія, и потому, я вышлю впередъ легкую кавалерію, для развѣдыванія о мѣстности и о непріятелѣ; за нею двинутся мои четыре бригады, одна за другою, имѣя каждая въ хвостѣ, какъ бригадный обозъ, служащій для перевозки солдатскихъ вещей, такъ и повозки, принадлежащія вообще къ арміи, которыя должны быть рассчитаны на четыре отдѣленія, слѣдующія за бригадами; подобнымъ же образомъ, артиллерія и всѣ нестроевые чины, находящіеся при войскахъ, должны быть размѣщены по бригадамъ, чтобы одна какая либо часть арміи не была ими отягощена болѣе прочихъ.

Находясь съ войскомъ въ непріятельской странѣ, гдѣ должно быть ежечасно въ готовности къ отпору непріятельскихъ нападений, необходимо устроить походный порядокъ такимъ образомъ, чтобы быть въ состояніи, въ случаѣ пужды, встрѣтить, въ порядкѣ удобномъ къ бою, войска противника, либо вооруженныхъ жителей страны. Въ подобныхъ обстоятельствахъ, арміи древнихъ двигались въ *каре*, которыя были называемы такъ, не потому, чтобы это построение имѣло въ дѣйствительности фигуру квадрата, а по той причинѣ, что оно было равно удобно къ движению и къ бою во всѣ стороны и могло отсюду противопоставить отпоръ противнику. Находя весьма полезнымъ это построение, я расположу, по образцу его, двѣ бригады, составляющія мою армію.

Предпринимая движеніе въ непріятельской странѣ и желая быть готовымъ къ отпору внезапныхъ нападений, съ какой бы стороны они не послѣдовали, я построю армію въ большое *каре*, котораго стороны

имѣли бы внутри протяженіе двухъ сотъ двѣнадцати локтей. Для этого, я, прежде всего, поставлю головы двухъ баталіоновъ на линіи, такъ, чтобы внутренніе ихъ фланги имѣли между собою разстояніе двухъ сотъ двѣнадцати локтей; послѣ того, по этимъ баталіонамъ, выстрою, съ каждой стороны, по четыре баталіона, одинъ за другимъ, такъ, чтобы они занимали въ глубину протяженіе въ сорокъ локтей и отстояли одинъ отъ другаго на три локтя: слѣдовательно, всѣ баталіоны вмѣстѣ займутъ съ промежутками въ глубину двѣсти двѣнадцать локтей. Между этими баталіонами (образующими фланговые фасы каре), будутъ размѣнены, въ головѣ и въ хвостѣ, по пяти баталіоновъ слѣдующимъ образомъ: четыре баталіона пристроятся къ головному баталіону лѣваго фланга, оставляя между собою интервалы въ четыре локтя; а по одному баталіону пристроятся къ головѣ лѣваго и къ хвосту праваго фланга.

Такимъ образомъ расположенные баталіоны займутъ съ своими интервалами только сто сорокъ четыре локтя, между тѣмъ какъ интервалъ между фланговыми фасадами имѣетъ протяженіе въ двѣсти двѣнадцать локтей: слѣдовательно, въ переднемъ и заднемъ фасахъ останутся промежутки M и M' , въ шестьдесятъ восемь локтей каждый, которыя въ головномъ фасѣ будутъ заняты тысячею дѣйствующихъ велитовъ, а въ заднемъ фасѣ, такимъ же числомъ запасныхъ велитовъ. Я уже говорилъ вамъ, что внутреннее пространство моего каре должно быть въ двѣсти двѣнадцать локтей, и потому головной фасъ подастся впередъ на столько, чтобы задняя его шеренга выровнялась съ переднею шеренгою фланговъ; а задній фасъ будетъ осажень, такъ, чтобы передняя его шеренга стояла наравнѣ съ заднею шеренгою фланговъ. Такимъ образомъ, въ каре образуются *входящіе углы*, гдѣ расположатся четыре баталіона запасныхъ пикинеровъ, по одному въ каждомъ углѣ; остальные же два баталіона пикинеровъ станутъ внутри каре, гдѣ также

будетъ находиться главнокомандующій съ своею отборною дружиною. Войска въ баталіонахъ должны быть размѣщены такимъ образомъ, чтобы прикрыть всѣ части арміи, наиболѣе подверженныя нападенію. Головные баталіоны, обезпеченные со всѣхъ сторонъ, кромѣ фронта, будутъ имѣть, сообразно съ нашимъ боевымъ порядкомъ, всѣхъ пикинеровъ въ переднихъ шеренгахъ; задніе баталіоны, подверженныя нападенію только съ тыла, построятся такъ, чтобы пикинеры стояли въ послѣднихъ шеренгахъ. Фланговые же баталіоны, которые могутъ быть атакованы только съ наружныхъ фланговъ, должны быть прикрыты своими пикинерами со стороны, подверженной нападенію. При объясненіи способовъ, служащихъ для построенія войскъ къ бою, я уже говорилъ вамъ, какимъ образомъ должно располагать декуріоновъ, для указанія всѣмъ частямъ баталіона ихъ мѣсть въ общемъ боевомъ порядкѣ.

Артиллерія будетъ расположена, частью на правомъ, частью же на лѣвомъ флангѣ арміи. Легкая кавалерія должна слѣдовать впереди, для развѣдыванія о мѣстности и о непріятелѣ; а жандармы за флангами, на разстояніи сорока локтей отъ хвоста послѣднихъ баталіоновъ. Вообще необходимо принять за правило, чтобы, при расположеніи арміи въ боевой порядокъ, кавалерія всегда находилась на флангахъ или въ тылу пѣхоты. Если же вы заблагоразсудите выслать кавалерію впередъ, то должно выдвинуть ее на такое разстояніе, чтобы она могла, въ случаѣ неудачи, отступить, не разстроивая прочихъ войскъ, либо можно также оставить между частями пѣхоты значительные интервалы для проѣзда всадниковъ. Не пренебрегайте этимъ правиломъ: многіе полководцы были разбиты, потому только, что не приняли подобной предосторожности. Наконецъ, обозы и всѣ нестроевые чины арміи будутъ расположены въ срединѣ каре, оставляя интервалы, для прохода войскъ отъ головы къ хвосту и отъ одного фланга къ другому.

Всѣ эти войска, не считая артиллеріи и конницы, занимають внаружу пространство двухъ сотъ восьмидесяти двухъ локтей. Каре наше состоитъ изъ двухъ бригадъ, и потому необходимо опредѣлить мѣсто для каждой бригады, состоящей, какъ мы уже видѣли, изъ десяти баталіоновъ, соединенныхъ подъ начальствомъ бригаднаго командира: и такъ первая бригада займетъ собою передній и лѣвый фасы, а начальникъ ея станетъ на лѣвомъ углѣ передняго фаса; вторая бригада составитъ задній и правый фасы; начальникъ этой бригады станетъ на правомъ углѣ задняго фаса, занимая мѣсто римскаго *tergiductor* (офицера въ замкѣ.)

Такимъ образомъ построенная армія можетъ двигаться, не измѣняя своего боеваго порядка, въ которомъ нестройныя нападенія вооруженныхъ крестьянъ не нанесутъ ей ни малѣйшаго вреда, и всегда могутъ быть отражены легкою конницею, либо частью велитовъ. Никогда иррегулярныя войска не сойдутся лицомъ къ лицу съ благоустроенною арміею, которой самое появленіе непременно должно поражать ихъ ужасомъ: они приблизятся съ дикимъ крикомъ, но не дерзнутъ вступить въ схватку, подобно тому, какъ мелкія шавки лають, бѣгая около сильной собаки, но не отваживаются напасть на нее. Исторія показываетъ намъ, что Анцибаль, двигаясь въ Италію, прошелъ черезъ всю Галлію, не обративъ ни малѣйшаго вниманія на нестройныя полчища Галловъ.

При движеніи въ подобномъ порядкѣ, необходимо готовить и исправлять пути, посылая для того впередъ піонеровъ, либо другія какія команды съ шанцевымъ инструментомъ, и прикрывая ихъ отъ неприятельскаго нападенія легкою конницею, высланною для развѣдыванія. Принимая въ соображеніе, что войска, въ обыкновенномъ походномъ строю, могутъ проходить по двадцати миль въ сутки, очевидно, что армія, построенная въ каре, можетъ дѣлать переходы * Италиискихъ, то есть, около 30 верстъ.

по десяти миль * и будетъ имѣть еще довольно времени для устроения лагеря и для отдыха.

Если же атакуеть васъ цѣлая армія, то вы безъ всякаго сомнѣнія заблаговременно получите извѣстіе о ея приближеніи, по той причинѣ, что и непріятельскія войска, подобно вашимъ, должны двигаться, соблюдая порядокъ и принимая предосторожности отъ нечаяннаго нападенія: слѣдовательно, во всякомъ случаѣ вы будете имѣть возможность построиться въ боевой порядокъ сообразно вышеизложенной мною системѣ.

Предположимъ, для примѣра, что вы атакованы спереди: артиллерія, находящаяся по флангамъ, и конница, слѣдующая сзади, выѣзжаютъ впередъ и занимаютъ обыкновенное свое мѣсто. Велиты, идущіе въ переднемъ фасѣ, раздѣляются на два отряда, по пяти сотъ человѣкъ въ каждомъ, и располагаются, какъ предложено мною, между фланговыми баталіонами и конницею; а прежнее мѣсто велитовъ занимаютъ два баталіона запасныхъ пикинеровъ, стояшіе внутри каре. Велиты же, шедшіе въ заднемъ фасѣ, разсыпаются по флангамъ баталіоновъ; а обозъ и нестроевые чины проходятъ назадъ въ интервалъ, оставшійся на томъ мѣстѣ, которое прежде занимали велиты. Какъ только внутреннее пространство будетъ совершенно очищено, то пять баталіоновъ задняго фаса подаются впередъ, такимъ образомъ, чтобы изъ числа ихъ три стали на разстояніи сорока локтей отъ первой линіи, сохраняя между собою равные интервалы; а прочіе два на разстояніи сорока локтей отъ второй линіи за фланговыми ея баталіонами. Такое построение не требуетъ продолжительнаго времени и почти совершенно сходствуетъ съ первымъ изъ предложенныхъ мною боевыхъ порядковъ. Правда, что протяженіе фронта его нѣсколько менѣе, но за то войска болѣе обезпечены съ фланговъ, что не менѣе важно, какъ и достаточное протяженіе боевой линіи.

* Около 15 верстъ.

При этомъ, невозможно оставить безъ вниманія, что въ пяти баталіонахъ, составлявшихъ задній фасъ, пикинеры стоятъ въ заднихъ шеренгахъ, и потому должно сдѣлать по баталіонно контр-маршъ, либо провести пикинеровъ впередъ черезъ интервалы, оставленные между людьми со щитами. Послѣдній способъ короче и малосложнѣе перваго; но какой бы изъ нихъ употребленъ ни былъ, во всякомъ случаѣ пикинеры должны быть выдвинуты въ переднія шеренги.

Ежели непріятель атакуетъ васъ съ тыла, то поверните всѣ войска на лѣво-кругомъ: тогда задній фасъ сдѣлается переднимъ и всѣ ваши распоряженія будутъ подобны предъидущимъ; ежели вы атакованы съ праваго фланга, то вся армія поворачивается на право и атакованный флангъ, сдѣлавшійся фронтомъ, обеспечивается надлежащимъ образомъ; само собою разумѣется, что кавалерія, велиты и артиллерія соображаются съ перемѣною расположенія арміи. Необходимо замѣтить, что, при такой перемѣнѣ фронта, нѣкоторыя части войскъ должны ускорить, а другія замедлить обыкновенную скорость движенія. Велиты передняго фаса, находяшіеся ближе прочихъ къ лѣвому флангу, расположатся между крайними баталіонами передней линіи и конницею; а на ихъ мѣсто станутъ два баталіона запасныхъ пикинеровъ, стоявшіе внутри каре, пропустивъ сперва обозы, которые отъѣзжаютъ за лѣвый фасъ, сдѣлавшійся тыломъ арміи. Велиты задняго фаса остаются на прежнемъ мѣстѣ, чтобы не оставить незанятаго промежутка въ хвостѣ арміи, сдѣлавшемся правымъ крыломъ ея. Прочее же все исполняется по прежнему.

Всѣ изложенныя мною правила, въ отношеніи къ атакѣ съ праваго фланга, могутъ быть примѣнены и къ тому случаю, когда армія будетъ атакована съ лѣваго фланга. Ежели непріятель, въ превосходныхъ силахъ, нападетъ на васъ съ двухъ сторонъ, то подкрѣпите войска, тамъ стоящія, баталіонами неатако-

ванныхъ фасовъ, удвойте число шеренгъ и расположите на сторонахъ, подвергнутыхъ непріятельскому нападению, кавалерію, артиллерію и вѣлитовъ. Если же наконецъ, противникъ атакуетъ васъ съ трехъ или четырехъ сторонъ, то это не иначе можетъ случиться, какъ ежели кто либо изъ васъ сдѣлаетъ большую ошибку. И дѣйствительно, вы не можете похвалиться большимъ искусствомъ въ военномъ дѣлѣ, если подвергнете свою армію нападению со всѣхъ сторонъ многочисленными и благоустроенными войсками, по той причинѣ, что непріятель не иначе можетъ безнаказанно рѣшиться на такое дѣйствіе, какъ имѣя значительное превосходство въ силахъ: слѣдовательно, ежели вы безразсудны до такой степени, что вступаете въ дѣло съ несравненно сильнѣйшими войсками противника, то и некому пенять, кромѣ васъ самихъ, въ случаѣ гибельныхъ послѣдствій вашей неосторожности. Если же вы дѣйствуете благоразумно и гибель вашихъ войскъ есть дѣло превратнаго случая, то вы потеряете все, кромѣ чести, подобно Сципіонамъ въ Испаніи и Аздубалу въ Италіи. Предположивъ, что противникъ вашъ, не имѣя значительнаго превосходства въ числѣ войскъ, атакуетъ васъ съ нѣсколькихъ сторонъ, такая атака непременно обратится вамъ въ пользу, по той причинѣ, что нападаая раздѣленными силами, непріятель ослабитъ себя на всѣхъ пунктахъ и подастъ вамъ возможность, удерживая небольшими отрядами разобшенныя части его арміи, обратиться съ главною массою войскъ противъ одной изъ атакующихъ частей и подавить ее превосходными силами.

Изложенный мною способъ расположенія арміи противъ непріятеля, находящагося хотя и не въ виду, однако жъ въ незначительномъ разстояніи, можетъ принести весьма большую пользу. Полководецъ долженъ приучить солдатъ своихъ къ движенію въ подобномъ порядкѣ, къ построенію изъ него на походѣ расположенія для боя, въ различныя стороны, сообразно предложеннымъ нами правиламъ, и къ переходу обратно въ походный

порядокъ. Всѣ эти упражненія необходимы для образованія благоустроенной арміи, способной къ дѣйствительной войнѣ, и потому, какъ высшіе начальники, такъ и всѣ вообще офицеры должны заниматься ими со всевозможнымъ усердіемъ, да и вообще, все воинское образованіе есть не что иное, какъ искусство производить съ точностью подобные маневры. Армія можетъ считаться хорошо обученною только тогда, когда она приучена къ нимъ долговременнымъ упражненіемъ, по той причинѣ, что войска, умѣющія хорошо маневрировать, почти обезпечены отъ превратностей неразлучныхъ съ войною. Правда, что построение въ каре, о которомъ я говорилъ вамъ, нѣсколько труднѣе прочихъ эволюцій; но частыя упражненія могутъ ознакомить съ нимъ войска и сдѣлать его столь же легкимъ, сколь затруднительнымъ оно кажется съ перваго взгляда.

Занобій. Я совершенно съ вами согласенъ на счетъ важности этого построения и нахожу совершенно удовлетворительными всѣ ваши объясненія; но позвольте сдѣлать вамъ еще два вопроса: во 1-хъ, словесно ли, или посредствомъ музыкальныхъ сигналовъ, вы передаете команду войскамъ. въ то время, когда, для отраженія непріятельской атаки, съ фланга или съ тыла вы поворачиваете армію къ атакованной сторонѣ? во 2-хъ, должно ли наряжать рабочихъ, высылаемыхъ впередъ, для приуготовленія путей, изъ числа строевыхъ солдатъ, либо изъ людей исключительно назначенныхъ для этой работы?

Фабриціо. Первое изъ вашихъ замѣчаній весьма важно. Случалось часто, что отъ неправильной передачи приказаній войска подвергались поражению: по этому, всѣ командные сигналы въ бою должны быть ясны и точны. Ежели вы употребите, для передачи воли начальника, музыкальные инструменты, то старайтесь сдѣлать звуки ихъ столь внятными, чтобы войска могли легко отличить всякой сигналъ отъ прочихъ; если же вы предпочитаете словесную

команду, то старайтесь избѣгать общихъ выраженій, и употребляйте только такія слова, которыя выражали бы опредѣленную идею, и ни подъ какимъ видомъ не заключали въ себѣ недоразумѣній.

Что же касается до земляныхъ работъ, то онѣ должны производиться строевыми солдатами, подобно тому, какъ у древнихъ. Черезъ это, вы избѣгнете невыгодъ, сопряженныхъ съ большимъ числомъ нестроевыхъ чиновъ и съ огромнымъ обозомъ. Всего лучше наряжать изъ всякаго баталіона нѣкоторое число людей, снабдивъ ихъ шанцевымъ инструментомъ и отдавъ ихъ оружіе войскамъ, идущимъ въ головѣ прочихъ, которыя, въ случаѣ приближенія непріятеля, могутъ съ поспѣшностью вооружить пионеровъ и дать имъ мѣсто въ боевомъ расположеніи.

Зановій. Но кто же тогда будетъ нести шанцевые инструменты?

Фабриціо. Они будутъ положены на особыя повозки.

Зановій. Я не могу понять, какимъ образомъ вы заставите нашихъ солдатъ упражняться земляными работами?

Фабриціо. Позвольте мнѣ отвѣчать впоследствии на ваше замѣчаніе, а теперь перейти къ другому предмету, продовольствію арміи: мы такъ утомили нашихъ солдатъ, что время уже подумать объ ихъ подкрѣпленіи съѣстными принасами. Каждый владѣтель страны долженъ стараться, чтобы войска его были какъ можно способнѣйшими къ движенію; а для этого лучшимъ средствомъ будетъ облегченіе ихъ отъ всѣхъ тягостей бесполезныхъ и замедляющихъ быстроту военныхъ дѣйствій. Всего затруднительнѣе безпрестанное снабженіе арміи виномъ и хлѣбомъ. Древніе не заботились о винѣ и замѣняли его водою съ уксусомъ: по этому, однимъ изъ необходимѣйшихъ предметовъ продовольствія древнихъ войскъ былъ уксусъ; напротивъ того, безъ вина они легко могли обходиться. Древніе не довольствовались своихъ

войскъ хлѣбомъ, подобно тому, какъ водится въ нашихъ арміяхъ, а заасались мукою и приготавливали изъ нее родъ тѣста, приправляемаго саломъ и свинымъ жиромъ, что придавало вкусъ и питательность грубой солдатской пищѣ. Такимъ образомъ, всѣ съѣстные припасы войска ограничивались мукою, саломъ, уксусомъ для людей и ячменемъ для лошадей; сверхъ того, стада рогатаго скота слѣдовали за арміею, не затрудняя ни мало быстроты ея движенія. Войска могли производить марши нѣсколько дней сряду черезъ необитаемыя степи, не претерпѣвая недостатка въ жизненныхъ запасахъ и продовольствуясь собственными средствами, слѣдовавшими за арміею.

Но въ наше время, совсѣмъ другое дѣло. Войска наши приучены къ вину и къ хлѣбу, которые не могутъ быть возимы вслѣдъ за арміею въ значительномъ количествѣ: отъ этого самаго, весьма часто мы терпимъ недостатокъ въ продовольствіи и бываемъ принуждены возобновлять наши запасы съ чрезвычайными затрудненіями и издержками. Я хотѣлъ бы приучить войска мои къ образу жизни древнихъ солдатъ, и заставить ихъ довольствоваться хлѣбомъ, ими самими испеченнымъ. Что же касается до вина, то хотя я и не намѣренъ запрещать его употребленіе, однако же вовсе не считаю его необходимою потребностью; остальные запасы будутъ у меня такіе же, какъ и у древнихъ. Если вы обратите надлежащее вниманіе на мои предположенія, то убѣдитесь, что они отстраняютъ множество затрудненій и способствуютъ успѣху военныхъ дѣйствій, облегчая, какъ главнокомандующаго, такъ и войска, отъ многихъ заботъ въ отношеніи къ продовольствію арміи.

Зановій. Побѣдивъ непріятеля въ генеральномъ сраженіи и пройдя вооруженною рукою черезъ его владѣнія, мы, безъ всякаго сомнѣнія, приобрѣтемъ добычу, соберемъ контрибуціи съ городовъ и будемъ имѣть плѣнныхъ. Я хотѣлъ бы, чтобы вы объя-

снили мнѣ, какимъ образомъ, въ этомъ отношеніи, поступали древніе?

Фабриціо. Постараюсь удовлетворить ваше любопытство. Я уже замѣтилъ, сколько мнѣ помнится, въ одномъ изъ предъидущихъ нашихъ разсужденій, что новѣйшія войны столь же тягостны для побѣдителя, сколь и для побѣжденнаго: правда, что послѣдній теряетъ свои владѣнія; за то, противникъ его, не смотря на благосклонность фортуны, разстроиваетъ финансы и истощаетъ средства своего государства. Совсѣмъ другое находимъ у древнихъ: у нихъ война всегда обогащала побѣдителя: причиною такого различія есть то, что въ наше время, правительства не обращаютъ никакого вниманія на правильный сборъ добычи; а предоставляютъ ее алчности воиновъ. Такое обыкновеніе, кромѣ разоренія казны, влечетъ за собою еще и другое неудобство: солдаты получаютъ болѣе охоты къ приобрѣтенію добычи, нежели къ ревностному исполненію своихъ обязанностей, и даже были примѣры, что войска, желая сохранить награбленныя ими сокровища, теряли случай къ одержанію несомнѣнной побѣды.

У Римлянъ, по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока войска ихъ могли служить образцемъ для всѣхъ прочихъ армій, были предупреждены подобныя неудобства. Вся добыча, собранная легіонами, принадлежала государству, которое располагало ею по своему усмотрѣнію. Римляне имѣли въ арміяхъ такъ называемыхъ *Квесторовъ*, исполнявшихъ должность нашихъ казначеевъ, которые обязаны были вести счетъ контрибуціямъ и добычѣ. Пользуясь этимъ средствомъ, консулы могли выплачивать жалованье войскамъ, содержать госпитали и удовлетворять всѣмъ прочимъ потребностямъ арміи; впрочемъ они имѣли право располагать, и весьма часто располагали, добычею въ пользу войскъ. Такое снисхожденіе не влекло за собою ни малѣйшаго безпорядка, по той причинѣ, что войска, обративъ въ бѣгство непріятеля,

собирали всё сокровища и дѣлили ихъ на части, сообразно званію каждаго изъ воиновъ. Отъ этого самаго, солдаты заботились о побѣдѣ, а не о грабежѣ; легіоны, опрокинувъ непріятеля, оставались въ полномъ устройствѣ, предоставляя преслѣдованіе непріятеля кавалеріи велитамъ и вспомогательнымъ войскамъ. Если бы добыча была предоставлена тому, кто успѣлъ захватить ее, то было бы невозможно, и даже несправедливо, удерживать въ порядкѣ легіоны, которые разсыпавшись, подвергнулись бы большой опасности. Такимъ то образомъ, въ древности, всякая побѣда увеличивала общественную казну и обогащала государство, котораго главнѣйшіе доходы состояли изъ контрибуцій и добычи. Римляне имѣли, въ подобномъ же родѣ, и другія столь же благоразумныя постановленія. Всякой солдатъ былъ обязанъ отдать третію часть своего жалованья знаменосцу когорты, въ которой находился на службѣ, и не прежде получалъ обратно эти деньги, какъ по окончаніи войны. Такія учрежденія клонились къ достиженію двухъ цѣлей: во первыхъ, чтобы солдатъ имѣлъ какую либо сумму въ запасѣ; извѣстно каждому, что тѣмъ болѣе даютъ денегъ солдатамъ, (которые преимущественно бываютъ молоды и безпечны), тѣмъ они дѣлаются болѣе расточительными. Сверхъ того, воинъ, зная, что все его имущество находится у знамени, охраняетъ его съ большимъ усердіемъ и защищаетъ упорнѣе въ бою. Такимъ то образомъ, Римляне умѣли возбуждать въ войскахъ своихъ бережливость и храбрость: имѣя въ предметѣ возстановить духъ военнаго званія, мы непременно должны слѣдовать ихъ примѣру.

Знаюбій. Не возможно, чтобы войска, въ продолженіе похода, не подверглись различнымъ неблагоприятнымъ случайностямъ, въ которыхъ они могутъ быть спасены только искусствомъ главнокомандующаго и мужествомъ подчиненныхъ. Ежели вы можете привести себѣ на память какія либо изъ этихъ затрудни-

тельныхъ обстоятельствъ, то тѣмъ сдѣлаете намъ большее удовольствіе.

ФАБРИЦІО. Съ охотою. Имѣя намѣреніе дать вамъ полное понятіе о военномъ искусствѣ, не могу оставить безъ вниманія столь важную часть его. Находясь въ походѣ, главнокомандующій долженъ остерегаться всего болѣе засадъ, въ которыя онъ можетъ попасть двумя различными образами: 1) двигаясь неосмотрительно вблизи непріятеля; 2) будучи увлеченъ въ обманъ какою либо воинскою хитростію. Перваго изъ этихъ случаевъ можно избѣгнуть посредствомъ тщательнаго развѣдыванія мѣстности передовыми войсками: эта предосторожность тѣмъ болѣе необходима, чѣмъ болѣе страна, служащая поприщемъ дѣйствій, способна къ нечаяннымъ нападеніямъ; таково свойство лѣсистыхъ и горныхъ мѣстъ, которыя служатъ исключительно для укрытія войскъ, назначенныхъ въ засаду. Подобныя нападенія тогда только могутъ быть успѣшны, когда они производятся неожиданно; но это весьма трудно, тѣмъ болѣе, что иногда достаточно было стаи птицъ, либо облака пыли, чтобы открыть наилучшимъ образомъ устроенную засаду. Непріятель, устремясь противъ васъ, подниметъ пыль, которая откроетъ его приближеніе, либо стая птицъ, кружась въ воздухѣ надъ войсками противника, расположенными въ засадѣ, остережетъ главнокомандующаго, который, принявъ надлежащія мѣры предосторожности, обратитъ противъ врага собственную его хитрость и нанесетъ ему пораженіе.

Что же касается до возможности быть увлеченнымъ въ засаду дѣйствіями непріятеля, то, для предупрежденія этой опасности, должно быть какъ можно менѣе довѣрчиву: такъ напримѣръ, ежели непріятель допускаетъ васъ пріобрѣсть безъ затрудненія какую либо добычу, то не увлекайтесь этою приманкою въ разставленные вамъ сѣти. Ежели противникъ, имѣя превосходство въ числѣ войскъ, отступаетъ, либо, если, напротивъ того, атакуетъ васъ весьма слабыми

силами, ежели онъ ускоряетъ отступленіе бозъ всякой причины: во всѣхъ этихъ случаяхъ, остерегайтесь обмана и никогда не предполагайте, что непріятель дѣйствуетъ безъ намѣренія. Чтобы избѣжать подобныхъ опасностей, или, лучше сказать, чтобы предупредить ихъ, всего лучше усугублять принятыя вами мѣры предосторожности, по мѣрѣ оплошности непріятельскихъ дѣйствій: по вмѣстѣ съ тѣмъ, должно показывать наружно презрѣніе къ противнику, чтобы поселить увѣренность въ собственномъ войскѣ.

Не упускайте изъ вида, что вы подвергаетесь большей опасности, производя походное движеніе черезъ непріятельскую страну, нежели въ день самаго боя; а потому, главнокомандующій, двигая войска вблизи непріятели, долженъ быть весьма предусмотрителенъ: необходимо, чтобы онъ имѣлъ хорошія карты страны, на которыхъ означены были бы самымъ точнымъ образомъ всѣ пункты, разстоянія между ними, пути, горы, рѣки, болота и по возможности показано было свойство всѣхъ этихъ предметовъ, въ отношеніи къ военному дѣлу. Чтобы удостовѣриться въ справедливости упомянутыхъ свѣдѣній, должно также ему имѣть при себѣ нѣсколько человекъ различнаго званія, знакомыхъ съ мѣстными свойствами и языкомъ страны, которыхъ показанія, взаимно сличенныя, послужатъ ему свѣдѣніемъ истины. Легкая кавалерія, высьмаемая въ авангардъ, должна имѣть при себѣ нѣсколько искусныхъ офицеровъ, не только для развѣдыванія о непріятелѣ, но и для собранія объ мѣстности различныхъ свѣдѣній, которыя потомъ сличаются съ картами и съ прочими предварительными пособіями. Впереди войскъ будутъ двигаться, подъ присмотромъ стражи, вожатые, которыхъ усердіе должно быть возбуждено какъ обѣщаніемъ наградъ за ихъ услуги, такъ и угрозами жесточайшаго наказанія, въ случаѣ измѣны ихъ. Всего же болѣе необходимо скрывать свои намѣренія: нѣтъ никакой надобности, чтобы войска знали цѣль дѣйствій; но должно, чтобы они

всегда были готовы къ бою, и чтобы никакая атака непріятеля не могла быть для нихъ неожиданною.

Многіе полководцы, для избѣжанія замѣшательства въ походѣ, раздѣляли обозъ на небольшія части, изъ которыхъ каждая находилась при знамени своего баталіона: такія распоряженія весьма полезны въ случаѣ отдыха, либо отступленія войскъ, и потому я выполнѣ одобряю ихъ. Необходимо также, на походѣ, имѣть въ виду, чтобы части колонны не отдалялись слишкомъ одна отъ другой и соблюдали равномерное движеніе: по той причинѣ, что, въ противномъ случаѣ, разрываются ряды и разстроивается порядокъ. Для избѣжанія этого важнаго неудобства, будутъ поставлены на флангахъ различныхъ частей войска офицеры, которые, двигаясь равномернымъ шагомъ, не позволяютъ никому изъ солдатъ ни опереживать колонны, ни отставать отъ ней; но еще лучше можно достигнуть такой цѣли посредствомъ военной музыки.

Дороги должны быть разчищены такимъ образомъ, чтобы можно было по нимъ проходить по крайней мѣрѣ фронтомъ одного баталіона.

Необходимо изучить привычки и образъ дѣйствій противника: въ какое время обыкновенно производитъ онъ атаки, утромъ, въ полдень, либо вечеромъ; какой родъ войскъ, пѣхота, или кавалерія, составляетъ главную силу его арміи, и прочая, на основаніи такихъ свѣдѣній, дѣлаются распоряженія. Но время уже пояснить наши правила нѣкоторыми примѣрами.

Весьма часто, при перевѣсѣ непріятеля въ силахъ, когда избѣгая съ нимъ встрѣчи, вы отступаете, а противникъ преслѣдуетъ васъ, вы можете быть оставлены на пути широкою рѣкою, черезъ которую не имѣете времени переправиться, что подвергнетъ васъ опасности сражаться противъ превосходныхъ силъ непріятельскаго войска. Въ такихъ случаяхъ, многіе полководцы окапывали свою армію ровомъ, наполняли его паклею, и потомъ разведя во рву огонь, перепра-

влялись, между тѣмъ какъ непріятель, удерживаемый пламенемъ, не могъ атаковать ихъ.

Занобій. Признаюсь вамъ, я не могу допустить, чтобы такое пламя могло быть большою преградою, и вы будете такого же мнѣнія, приведя себя на память, что кареагенскій полководецъ Ганнионъ, желая обмануть непріятелей, на счетъ пути, имъ избраннаго для отступленія, приказалъ развести рядъ огней, съ той самой стороны, куда хотѣлъ двигаться; когда же Римляне обратили всѣ свои силы на прочіе пункты его лагеря, то онъ провелъ войска черезъ огни, приказавъ солдатамъ своимъ прикрыться щитами отъ дыма и пламени.

Фабрицію. Ваше замѣчаніе справедливо; но приведенный вами примѣръ не совсѣмъ сходствуетъ съ тѣмъ случаемъ, о которомъ я говорилъ вамъ. Полководцы, для задержанія противника, употребляли не огни, разведенные на поверхности земли, но рвы, наполненные горящею паклею, что заставляло наступающаго превозмогать два препятствія; напротивъ того, Ганнионъ ограничился разведеніемъ огня, который, по всей вѣроятности былъ недовольно силенъ: въ противномъ случаѣ, Кареагеняне не прошли бы черезъ него. Развѣ вы позабыли, что лакедемонскій царь Набисъ, осажденный въ Спартѣ Римлянами, которымъ удалось ворваться въ ограду, зажегъ нѣкоторую часть города, и черезъ то не только остановилъ непріятеля, но и заставилъ его отступить. Но возвратимся къ нашему предмету. Когда К. Лутаций, преслѣдуемый Кимврами, подошелъ къ рѣкѣ, то, желая выиграть время для переправы, остановился, приказалъ разбить лагерь, окопался, разставилъ палатки и выслалъ кавалерію на фуражировку въ окрестныя селенія. Всѣ эти распоряженія заставили непріятеля полагать, что Римляне, готовясь къ бою, остановились лагеремъ; а потому Кимвры также расположились для отдыха и для удобнѣйшаго продовольствія арміи, раздѣлили ее на нѣсколько отрядовъ. Лутаций

воспользовался этимъ обстоятельствомъ и переправился безъ затрудненія. Нѣкоторые изъ военачальниковъ, не имѣя средствъ къ устройству мостовъ, отводили теченіе рѣки, и раздѣливъ русло ея на нѣсколько рукавовъ, переправлялись черезъ нее въ бродъ. При переходахъ въ бродъ черезъ весьма быстрыя рѣки, необходимо, для обезпеченія пѣхоты, послать часть кавалеріи нѣсколько выше, для замедленія стремительности теченія; а другую часть ниже, для спасенія пѣхотныхъ солдатъ, увлеченныхъ быстрою водою. Что же касается до такихъ рѣкъ, которыя непроходимы въ бродъ, то черезъ нихъ можно переправляться посредствомъ мостовъ, судовъ, бурдюковъ и другихъ средствъ, которыя всегда должны находиться при арміи.

Иногда приходится переправляться черезъ рѣку въ виду непріятеля, занимающаго противоположный берегъ: въ такихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ всего лучше слѣдовать примѣру Юлія Кесаря. Ведя войну въ Галліи, онъ необходимо долженъ былъ переправиться черезъ рѣку, которой противоположный берегъ занимали войска Верцингеторикса. Напрасно онъ переходилъ вдоль по берегу изъ одного мѣста въ другое: вездѣ встрѣчалъ онъ противника; наконецъ, дойдя до весьма лѣсистой и закрытой мѣстности, Кесарь взялъ по три когорты изъ каждаго легіона, и расположивъ ихъ скрытно въ этомъ мѣстѣ, приказалъ имъ, спустя нѣкоторое время по уходѣ прочихъ войскъ, навести мосты и прикрыть ихъ укрѣпленіями; а самъ, со всею остальною арміею, продолжалъ двигаться по прежнему направленію; Верцингеториксъ, видя предъ собою такое же число легіоновъ, какое было и прежде, не проникъ хитрости своего противника и продолжалъ идти параллельно римскому войску. Но Кесарь, пройдя нѣкоторое пространство, и рассчитавъ время, необходимое для устройства и обезпеченія переправы, возвратился по слѣдамъ

своимъ къ оставленнымъ для устроенія моста когортамъ и переправился безъ затрудненія.

Занобій. Не знаете ли вы какого либо средства находить мѣсто бродовъ?

Фабрицію. Это вовсе нетрудно: если на поверхности воды, вдоль по теченію, проходить черта, въ видѣ полосы, то вы можете быть увѣрены, что въ этомъ мѣстѣ, на которомъ обыкновенно бываетъ наносъ песку, рѣка довольно мелка и представляетъ возможность къ переходу. Подобное средство находить броды основано на многократномъ опытѣ, котораго успѣхъ не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію.

Занобій. Ежели бродъ имѣетъ столь вязкій грунтъ, что нельзя по немъ проходить всадникамъ, то какимъ образомъ станемъ переправлять ихъ?

Фабрицію. Въ подобныхъ случаяхъ бросаютъ въ воду фашины и переправляются по нимъ.

Иногда войска, вошедшія въ тѣснину между неприступными горами, могутъ быть заперты въ ней непріателемъ, занявшимъ оба выхода. Въ подобныхъ случаяхъ должно поступать, какъ мы уже прежде видѣли, то есть перекопать тѣснину глубокимъ рвомъ, и обратить всѣ свои усилія въ противную сторону. Непріатель, обманутый этою атакою, сосредоточитъ туда всѣ свои войска, оставляя безъ вниманія противоположную сторону дефиле, прегражденную перекопомъ, что подастъ вамъ возможность набросить черезъ ровъ деревянный мостъ (заблаговременно приготовленный) и пройдя по немъ, избѣжать угрожавшей вамъ опасности. Миуцій, въ должности консула, командуя римскою арміею въ Лигуріи, допустилъ окружить себя въ горныхъ тѣснинахъ. Желая, во чтобы то ни стало, выйти изъ этого опаснаго положенія, онъ послалъ на встрѣчу непріателю, охранявшему проходы, нумидійскихъ всадниковъ, худо вооруженныхъ и имѣвшихъ маленькихъ и весьма топкихъ лошадей. Непріатели сначала хотѣли остановить ихъ; но видя ихъ жалкое состояніе, не обратили на нихъ вниманія.

Тогда Нумидійцы, пользуясь такою оплошностью, быстро атаковали противника, пробились через войска его, и разсыпавшись по окрестной странѣ, разоряли ее до тѣхъ поръ, пока лигурійскія войска принуждены были пропустить Минуція.

Весьма часто, полководецъ, имѣя дѣло съ превосходными силами противника, допускалъ окружить себя съ нѣсколькихъ сторонъ и, замѣтивъ слабѣйшій пунктъ непріятельской линіи, сосредоточивалъ противъ него свои войска, нападалъ на него со всевозможною стремительностью и пробивался, опрокинувъ непріятеля. Антоній, преслѣдуемый Парөянами, замѣтивъ, что они постоянно начинали атаки, во время выступленія его, на разсвѣтѣ и не переставали тревожить Римлянъ во весь день, выступилъ въ полдень. Парөяне, полагавшіе, что онъ простоятъ на мѣстѣ цѣлыя сутки, разсѣялись по окрестной странѣ и Антоній двигался безъ урона до самаго вечера. Этотъ же самый полководецъ, желая предохранить свои войска отъ стрѣлъ, бросаемыхъ Парөянами, приказывалъ своимъ воинамъ, при сближеніи съ ними, становиться на колѣна, такимъ образомъ, чтобы вторая шеренга прикрывала своими щитами первую; третія — вторую, и такъ далѣе, составляя изъ щитовъ родъ кровли, совершенно защищавшей войска отъ стрѣлъ непріятельскихъ. Вотъ все, что могъ я сказать о случайностяхъ, которыя могутъ встрѣтиться арміи во время похода. Если вы не потребуете отъ меня никакихъ объясненій, то я перейду къ другому предмету.

КНИГА ШЕСТАЯ.

Зановѣй. И такъ мы будемъ разсуждать о другихъ вопросахъ: мнѣ кажется, что теперь было бы очень кстати Баптисту занять мое мѣсто. Такимъ образомъ, мы послѣдовали бы примѣру великихъ полководцевъ, которые, по свидѣтельству нашего знаменитаго гостя, ставятъ лучшихъ солдатъ въ головѣ и въ хвостѣ своихъ войскъ, чтобы встрѣтить врага и довершить побѣду сильнѣйшими ударами. Баптистъ можетъ окончить разговоръ нашъ съ такимъ же успѣхомъ, какъ началъ его Козимо; что же касается до Лудовика и меня, то мы исполнили свою обязанность, какъ умѣли: каждый изъ насъ по очереди съ удовольствіемъ участвовалъ въ общей бесѣдѣ, и потому я увѣренъ, что Баптистъ не откажется послѣдовать нашему примѣру.

Баптистъ. Я всегда считалъ пріятнымъ исполнять желаніе друзей моихъ, и теперь исполню его. Остается намъ просить нашего достойнаго посѣтителя о продолженіи разсказа, столь некстати нами прерваннаго.

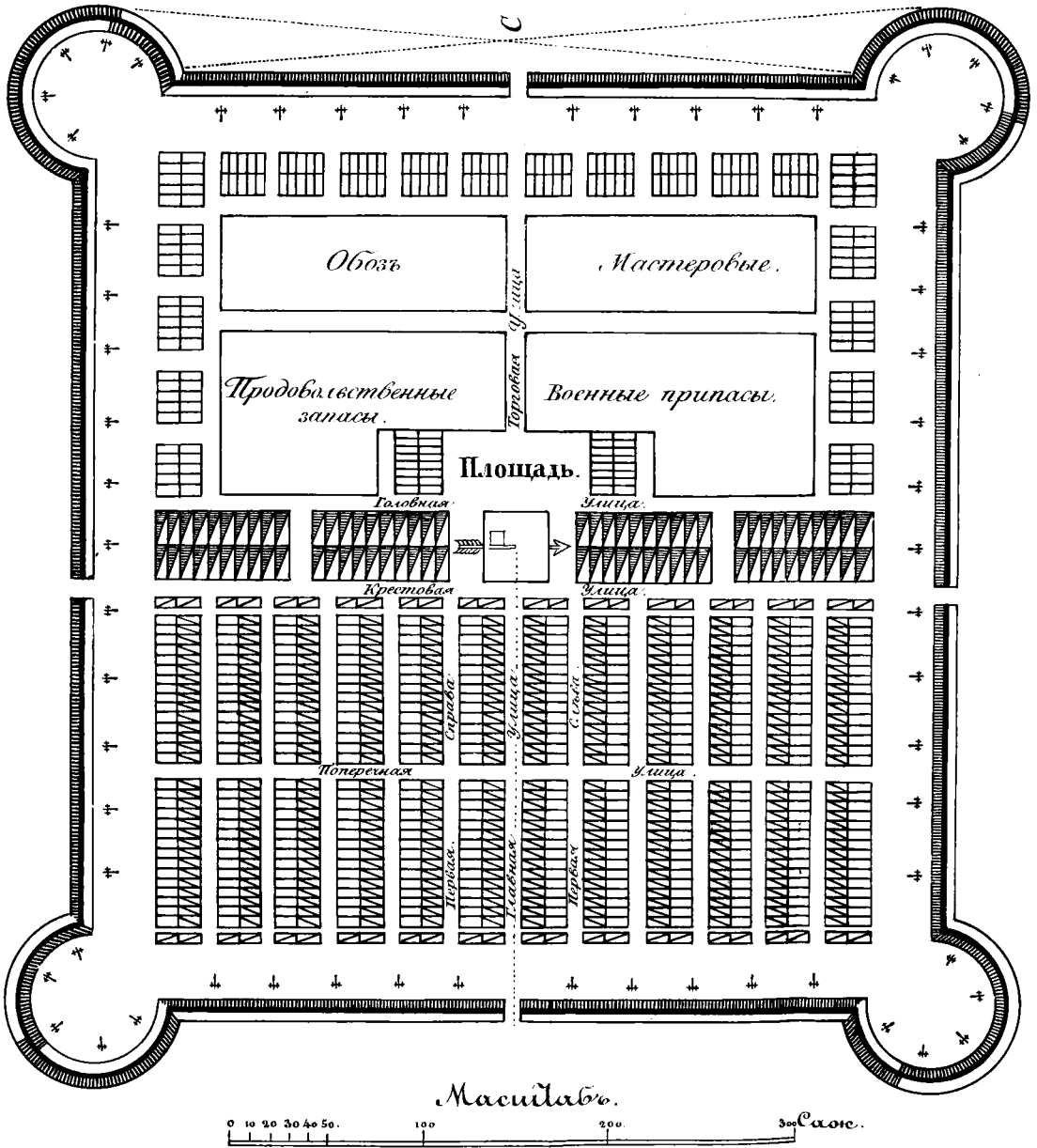
Фабриціо. Я уже говорилъ вамъ, что принятый вами образъ объясненія предмета приносить мнѣ большое удовольствіе и, не прерывая ни сколько порядка моихъ мыслей, оживляетъ разсказъ мой. Теперь настало время расположить лагеремъ нашу армію; всѣ одушевленные существа требуютъ отъ времени до времени спокойствія, которымъ они вполнѣ наслаждаются только тогда, когда обезпечена ихъ безопасность. Вы вѣрно полагаете, что я долженъ былъ, для правильнѣйшаго изложенія предмета, сперва расположить войска лагеремъ, потомъ двинуть ихъ на встрѣчу про-

тивнику, и наконецъ, ввести ихъ въ дѣло; но я слѣдовала совершенно обратному порядку, по той причинѣ, что желая показать вамъ переходъ арміи изъ походнаго строя въ боевой порядокъ, я принужденъ былъ прежде всего ознакомить васъ съ расположеніемъ мною предложеннымъ для боя.

Для обезпеченія войскъ отъ непріятеля, необходимо, чтобы лагерь былъ хорошо расположенъ и имѣлъ достаточную силу. Первое изъ этихъ условій зависитъ отъ искусства полководца; второе находится въ одинаковой зависимости, какъ отъ искусства, такъ и отъ природы. Греки всегда пріискивали крѣпкія позиціи, избирая для лагерей мѣста, обезпеченныя горами, рѣкою, лѣсомъ, и тому подобными естественными прикрытіями. Напротивъ того, Римляне, при выборѣ мѣстъ для лагерей, полагались болѣе на пособіе искусственныхъ средствъ, нежели на естественную силу мѣстности, и никогда не выбирали стѣсненной позиціи, которая не позволяла бы имъ развернуть войска и производить маневры. По этому самому, римскіе лагери постоянно были располагаемы одинаковымъ образомъ, и даже можно сказать, что они никогда не принаравливались къ мѣстности. Совсѣмъ не то видимъ у Грековъ, которые, соображаясь, во всякомъ случаѣ, съ многоразличными измѣненіями мѣстности, измѣняли фигуру лагерей и самый образъ расположенія въ нихъ войска. Римляне употребляли пособія искусства для замѣны естественной силы позицій, и какъ мы, до этихъ поръ, преимущественно слѣдовали во всемъ ихъ примѣру, то и теперь примемъ систему ихъ лагернаго расположенія, но не подражая раболѣпно древнимъ учрежденіямъ, а заимствуясь только тѣми изъ нихъ, которыя, въ наше время, могутъ принести наибольшую пользу.

И уже сказалъ вамъ, что въ составѣ консульскихъ арміи обыкновенно находились два римскіе легіона, въ числѣ одиннадцати тысячъ пѣхоты и шестисотъ всадниковъ, и сверхъ того одиннадцать тысячъ союз-

Планъ Лагера.

ной пѣхоты; что въ этихъ арміяхъ сила союзныхъ пѣхотныхъ войскъ никогда не превосходила числа римской пѣхоты, и что наконецъ во всѣхъ сраженіяхъ, собственно римскія войска находились въ центрѣ, а союзники по флангамъ. Въ такомъ же точно порядкѣ они располагались и въ станѣ: не стану распространяться о способѣ устройства римскихъ лагерей, тѣмъ болѣе, что при изложеніи предлагаемой мною системы, вы увидите сами, до какой степени я руководствовался примѣромъ древнихъ.

Извѣстно уже вамъ, что сообразно съ силою двухъ римскихъ легионовъ, я предположилъ имѣть, въ составѣ нашей арміи, двѣ пѣхотныя бригады, числомъ въ шесть тысячъ пѣхоты и триста всадниковъ каждую. Вы помните также число баталіоновъ въ бригадѣ, вооруженіе и различныя названія войскъ. Я ограничился двумя бригадами, при изложеніи походнаго и боеваго порядковъ, которые, какъ я уже замѣтилъ, легко могутъ служить руководствомъ и при двойномъ числѣ войскъ; но переходя къ объясненію устройства лагерей, считаю необходимымъ принять для примѣра такое число войскъ, которое равнялось бы силою обыкновенной арміи: по этой причинѣ, подражая Римлянамъ, мы устроимъ лагерь для двухъ бригадъ и для равносильнаго имъ вспомогательнаго корпуса. Я не находилъ нужнымъ употребить такое число войскъ для поясненія предъидущихъ военныхъ дѣйствій; но въ настоящемъ случаѣ, оно необходимо и можетъ послужить къ показанію правилъ для правильнаго расположенія лагерей.

И такъ дѣло состоитъ въ томъ, чтобы расположить лагерьмъ армію, въ числѣ двадцати четырехъ тысячъ пѣхоты и двухъ тысячъ кавалеріи, состоящую изъ двухъ собственныхъ и двухъ иностранныхъ бригадъ.

Избравши позицію и поставя въ срединѣ избраннаго мѣста главное знамя, я прикажу разбить вокругъ него квадратъ, котораго стороны были бы обращены къ четыремъ странамъ свѣта, сѣверу, югу, востоку и

западу, и отстояли бы на пятьдесят локтей от знамени: въ этомъ пространствѣ будетъ находиться ставка главнокомандующаго. Для сохраненія порядка въ арміи, я отдѣлю отъ войскъ нестроевыхъ чиновъ; первыя будутъ расположены на восточной сторонѣ лагерь, составляющей фронтъ его, а послѣднія на западной.

Сообразно тому, я проведу черту, длиною въ шесть сотъ осемдесятъ локтей, по направленію отъ главнаго знамени къ востоку, и двѣ параллельныя къ ней линіи, въ разстояніи пятнадцати локтей отъ средней черты, конецъ которой означитъ мѣсто восточныхъ воротъ; а пространство между параллельными линіями, въ шестьсотъ тридцать локтей длиною и въ тридцать шириною, составитъ улицу, ведущую отъ восточныхъ воротъ къ ставкѣ главнокомандующаго: эта улица будетъ называться *главною*. Другая улица, ведущая отъ сѣверныхъ воротъ къ южнымъ, въ концѣ *главной*, мимо ставки военачальника, пройдетъ черезъ весь лагерь, на протяженіи тысячи двухъ сотъ пятидесяти локтей: эта улица, называемая *перекрестною*, шириною также въ тридцать локтей. Означивъ мѣсто ставки главнокомандующаго и двѣ главныя улицы, приступлю къ расположенію, по сторонамъ главной улицы, двухъ бригадъ, состоящихъ изъ собственныхъ войскъ.

Для этого расположу съ каждой стороны главной улицы тридцать двѣ ставки, оставя между шестнадцатою и семнадцатою ставкою пространство въ тридцать локтей для *поперечной* улицы, которая будетъ проходить черезъ лагерь всей бригады. Первыя ставки съ обѣихъ сторонъ перекрестной улицы назначены для помѣщенія начальниковъ тяжелой кавалеріи; а слѣдующія пятнадцать, съ каждой стороны предъидущихъ, для ихъ жандармовъ, по десяти человекъ въ каждой ставкѣ. Начальничьи ставки будутъ длиною въ десять, а шириною въ сорокъ локтей (подъ названіемъ *длины*, я разумѣю здѣсь, какъ и вездѣ, протяженіе отъ востока къ западу; а подъ названіемъ *ширины*, протяженіе отъ сѣвера къ югу). Ставки жандармовъ будутъ

длиною въ пятнадцать, а шириною въ тридцать локтей. Въ пятнадцати же слѣдующихъ отдѣленіяхъ, по другую сторону поперечной улицы, имѣющихъ одинаковую величину съ жандармскими, расположится легкая кавалерія бригады, по десяти человекъ въ каждой ставкѣ; шестнадцатая же ставка, одинаковаго размѣра съ назначенною для начальника жандармовъ, будетъ занята начальникомъ легкой кавалеріи. Такимъ образомъ, вся конница обѣихъ бригадъ расположится по обѣ стороны главной улицы и послужитъ, такъ сказать, основаніемъ для разбивки пѣхотнаго лагеря.

Я уже сказалъ вамъ, что триста всадниковъ каждой бригады размѣщены въ тридцати двухъ ставкахъ на главной улицѣ, и что между средними ставками (16 и 17-ю), оставлено пространство въ тридцать локтей для поперечной улицы. Теперь приступимъ къ размѣщенію двадцати баталіоновъ, составляющихъ мои двѣ бригады.

Для этого, поставлю по одному баталіону съ каждой стороны главной улицы непосредственно за тяжелою конницею. Пѣхотныя ставки будутъ одного размѣра съ кавалерійскими, то есть, пятнадцать локтей въ длину и тридцать въ ширину; первое отдѣленіе, начиная отъ перекрестной улицы, на одномъ ряду со ставкою начальника жандармовъ, назначается для помѣщенія баталіоннаго командира: протяженіе его въ длину десять, а въ ширину двадцать локтей; въ прочихъ же пятнадцати отдѣленіяхъ расположится пѣхотный баталіонъ, изъ четырехъ сотъ человекъ состоящій, по тридцати человекъ въ каждой ставкѣ. По другую сторону поперечной улицы будутъ находиться пятнадцать отдѣленій, занятыхъ другимъ пѣхотнымъ баталіономъ; а послѣднія ставки, на ряду съ помѣщеніемъ начальника легкой кавалеріи, назначаются для баталіонныхъ командировъ: онѣ будутъ длиною въ десять, а шириною въ двадцать локтей. Такимъ образомъ, въ первомъ ряду ставокъ расположится кавалерія и часть пѣхоты: извѣстно уже вамъ, что

я не хочу имѣть въ кавалеріи никакихъ прислужниковъ, для чистки и присмотра за ея лошадьми; а потому, подражая Римлянамъ, заставлю пѣхотныхъ солдатъ, расположенныхъ сзади конницы, помогать всадникамъ, и въ замѣнъ того, освобожу эти баталіоны отъ всей прочей лагерной службы.

За первыми двумя рядами ставокъ, съ каждой стороны главной улицы, будетъ оставлено незанятое пространство въ тридцать локтей для улицъ, изъ которыхъ одна получитъ названіе *первой улицы справа*; а другая — *первой улицы слева*. По другую сторону этихъ улицъ, расположу другіе двойные ряды ставокъ, одинаковые съ первыми, и раздѣленные, подобно имъ, *поперечною* улицею, проходящею между шестнадцатою и семнадцатою ставкою. Въ этихъ рядахъ будетъ помѣщено, съ каждой стороны главной улицы, по четыре баталіона съ ихъ начальниками, подобно тому, какъ я уже прежде объяснилъ вамъ. За ними оставилъ съ каждой стороны пространство въ тридцать локтей, для *вторыхъ улицъ справа и слева*; а далѣе расположу, въ двойномъ ряду, по тридцати по двѣ ставки, для помѣщенія, съ каждой же стороны, четырехъ баталіоновъ съ ихъ начальниками. Такимъ образомъ три двойныхъ ряда ставокъ, съ каждой стороны главной улицы, будутъ заняты конницею и пѣхотою двухъ обыкновенныхъ бригадъ.

Вспомогательныя же бригады, въ такомъ же составѣ находящіяся, также расположатся въ двойныхъ рядахъ ставокъ. Первые ряды, назначенные для помѣщенія кавалеріи съ пѣхотою, отдѣлятся отъ послѣднихъ рядовъ обыкновенныхъ бригадъ, пространствами въ тридцать локтей шириною, которыя получаютъ названіе *третьихъ улицъ справа и слева*; а сзади этихъ рядовъ, другіе совершенно такого же устройства, отдѣленные отъ впереди стоящихъ улицами, называемыми слѣдующимъ нумеромъ: слѣдовательно вся армія будетъ размѣщена въ двѣнадцати двойныхъ рядахъ ставокъ, раздѣленныхъ тринадцатью улицами,

считая въ томъ числѣ *главную* и *перекрестную*. Наконецъ, между крайними ставками, съ наружныхъ сторонъ и валомъ, я оставлю пространство во сто локтей, которое, вмѣстѣ съ занятымъ войсками, составитъ шестьсотъ восемьдесятъ локтей, считая отъ середины ставки главнокомандующаго до восточныхъ воротъ лагера.

Остаются у насъ два незанятыхъ пространства, отъ ставки главнокомандующаго до сѣверныхъ и южныхъ воротъ, въ шестьсотъ тридцать пять локтей каждое, считая отъ середины лагера; но изъ этого протяженія должно исключить: 1) пятьдесятъ локтей, занимаемыхъ ставкою главнокомандующаго; 2) площадь въ сорокъ пять локтей, оставленную съ каждой стороны главной ставки; 3) улицу въ тридцать локтей, раздѣляющую по поламъ каждое пространство; 4) сто локтей, оставляемыхъ незанятыми у вала: такимъ образомъ останутся съ каждой стороны главной ставки помѣщенія, въ четыреста локтей шириною и во сто локтей длиною. Раздѣливъ ихъ пополамъ чертою, проходящею отъ сѣвера къ югу, я размѣшу, съ каждой стороны, по сорока ставокъ, длиною въ пятьдесятъ, а шириною въ двадцать локтей: эти восемьдесятъ ставокъ назначаются для бригадныхъ командировъ, казначеевъ, квартирмистровъ, и прочая. Нѣкоторыя изъ нихъ будутъ оставлены незанятыми, для помѣщенія чужеземцевъ пріѣзжающихъ въ армию и волонтеровъ, въ ней служащихъ.

Сзади ставки главнокомандующаго и осьмидесяти помянутыхъ помѣщеній, я проведу, по направленію отъ сѣвера къ югу, улицу, шириною въ тридцать локтей, подъ названіемъ *головной*: слѣдовательно, всѣ эти помѣщенія будутъ находиться между перекрестною и головою улицами. Отъ этой улицы, насупротивъ ставки главнокомандующаго, проложена будетъ, къ западнымъ воротамъ, другая улица, шириною въ тридцать локтей, служащая продолженіемъ главной, которая получитъ названіе *торговой*. Назна-

чивъ эти улицы, я расположу въ началѣ торговой улицы, близъ ставки главнокомандующаго, *площадь* для рынковъ, въ видѣ квадрата, во сто двадцать одинъ локоть стороною; а по сторонамъ площади устрою по двойному ряду помѣщеній, въ двѣнадцать локтей длиною и въ тридцать шириною; въ этихъ тридцати двухъ ставкахъ расположится часть сверхкомплектной кавалеріи вспомогательныхъ бригадъ; если же эти войска не могутъ быть тамъ помѣщены всѣ, то остальные всадники займутъ, по сторонамъ главнокомандующаго, ставки ближайшія къ валу.

Остается размѣстить запасныя войска, въ числѣ которыхъ, какъ вамъ извѣстно, находится по тысячѣ пикинеровъ и по пятисотъ велитовъ; всего же при двухъ моихъ бригадахъ, двѣ тысячи пикинеровъ и тысяча велитовъ, и такое же число при вспомогательныхъ бригадахъ. И такъ я долженъ расположить всего шесть тысячъ запасной пѣхоты. Ихъ ставки будутъ находиться на западной половинѣ лагеря, вдоль вала: начиная отъ сѣвернаго конца *головой* улицы, я поставлю въ двойномъ ряду десять ставокъ, оставя вдоль вала незанятое пространство шириною во сто локтей: эти ставки будутъ занимать всѣ вмѣстѣ пространство въ семьдесятъ пять локтей длиною и въ шестьдесятъ локтей шириною: слѣдовательно каждая ставка будетъ имѣть въ длину пятнадцать, а въ ширину тридцать локтей. Въ этихъ десяти ставкахъ я помѣщу по тридцати человекъ въ каждой, всего триста; послѣ того, оставя незанятое пространство въ тридцать локтей, расположу точно такой же двойной рядъ ставокъ, и такъ далѣе; всего же будетъ пять двойныхъ рядовъ, поставленныхъ на одной линіи, фронтомъ къ сѣверу, въ разстояніи ста локтей отъ вала, заключающихъ въ себѣ пятьдесятъ ставокъ, занимаемыхъ тысячею пятьюстами человекъ пѣхоты. Потомъ, слѣлавъ поворотъ на лѣво, къ сторонѣ западныхъ воротъ, расположу, между этими воротами и угломъ лагеря, другіе пять двойныхъ рядовъ

ставокъ, одинаковаго пространства съ первыми, исключая того, что промежутки между рядами будутъ, не въ тридцать, а въ пятнадцать локтей: въ этихъ ставкахъ расположатся также тысяча пятьсотъ человѣкъ. Слѣдовательно, устроивъ между сѣверными и западными воротами, вдоль вала, сто ставокъ, въ десяти двойныхъ рядахъ, я могу помѣстить въ нихъ всѣхъ запасныхъ пикинеровъ и велитовъ, принадлежащихъ къ моимъ собственнымъ бригадамъ. Подобнымъ же образомъ, между западными и южными воротами, вдоль вала, на разстояніи отъ него ста локтей, будутъ устроены десять рядовъ ставокъ, для запасныхъ пикинеровъ и велитовъ вспомогательныхъ бригадъ. Начальники запасныхъ войскъ займутъ удобнѣйшія ставки къ сторонѣ вала; наконецъ артиллерія будетъ разставлена вдоль всего окопа.

Все же пространство, остающееся свободнымъ на западной половинѣ лагеря, будетъ занято *нестроевыми* чинами арміи. Вы знаете, что подъ названіемъ *нестроевыхъ*, древніе разумѣли всѣхъ людей необходимыхъ въ арміи, за исключеніемъ находившихся во фронтѣ, какъ напримѣръ: плотниковъ, кузнецовъ, каменщиковъ, инженеровъ, артиллеристовъ, (хотя они по всей справедливости могутъ считаться строевыми чинами), пастуховъ при стадахъ назначенныхъ для продовольствія арміи, наконецъ всякаго рода мастеровыхъ, находившихся при обозѣ съ военными и съѣстными припасами. Не входя въ подробности на счетъ опредѣленія мѣстъ для различныхъ родовъ нестроевыхъ людей, ограничусь вообще соблюденіемъ порядка въ обозѣ: все свободное пространство будетъ раздѣлено улицами на четыре части, изъ которыхъ въ одной помѣстятся стада; въ другой, мастеровые; въ третьей, повозки съ продовольствіемъ; въ четвертой, повозки съ военными припасами. оставляя незанятыми улицы: торговую, головную и еще одну, подъ названіемъ *средней*, которая будетъ проведена по направленію отъ сѣвера къ югу, пересѣкая пополамъ

торговую улицу, подобно тому, какъ поперечная улица пересѣкаетъ главную. Сверхъ того, всѣ пространства, занимаемая обозомъ и нестроевыми чинами, будутъ отдѣлены отъ помѣщеній запасныхъ войскъ особыми улицами, въ тридцать локтей шириною; артиллерія же, какъ я уже говорилъ вамъ, будетъ разставлена со внутренней стороны вала.

Баптистъ. Признаюсь откровенно, что я не весьма свѣдуущъ въ военномъ дѣлѣ, которое никогда не было ремесломъ моимъ, но сколько въ состояніи судить я, ваши распоряженія столь основательны, что я совершенно убѣжденъ въ ихъ пользѣ, и осмѣлюсь сдѣлать только два замѣчанія: 1) почему вы дѣлаете такъ обширными улицы и свободныя пространства вашего лагеря, и 2) (что меня затрудняетъ несравненно болѣе) какимъ образомъ размѣшены будутъ люди въ опредѣленныхъ для нихъ пространствахъ?

Фабриціо. Я дѣлаю улицы въ тридцать локтей шириною, по той причинѣ, чтобы баталіоны могли по нимъ проходить въ боевомъ порядкѣ, въ которомъ, какъ уже извѣстно вамъ, фронтъ баталіона имѣетъ протяженіе отъ двадцати пяти до тридцати локтей. Что же касается до пространства во сто локтей шириною, отдѣляющаго войска отъ вала, оно необходимо для того, чтобы можно было съ удобностью двигаться войскамъ и артиллеріи, провозить добычу, и, въ случаѣ надобности, устроить новый окопъ сзади прежняго; сверхъ того, чѣмъ далѣе ставки отстоятъ отъ вала, тѣмъ менѣе они терпятъ вреда отъ огнестрѣльнаго дѣйствія войскъ непріятельскихъ.

Что же касается до другаго вашего замѣчанія, то я совѣмъ не предполагалъ занять одною ставкою каждое изъ назначенныхъ мною помѣщеній; всякая часть войскъ можетъ поставить такое число ставокъ, какое окажется нужнымъ, не выходя однако же изъ предѣловъ пространства, для ней назначеннаго.

Чтобъ сдѣлать разбивку лагеря, необходимо имѣть привычныхъ къ тому искусныхъ инженеровъ, кото-

рые, по выборѣ главнокомандующимъ мѣста для лагерьа, опредѣляютъ объемъ его, раздѣляютъ его, прокладываютъ улицы, и означаютъ помѣщенія, посредствомъ веревокъ и кольевъ, исполняя все это со всевозможною поспѣшностью. Для избѣжанія замѣшательства, необходимо, чтобы помѣщенія были разбиты всегла одинаковымъ образомъ, чтобы всякой солдатъ могъ тотчасъ отыскать свою ставку, однимъ словомъ, чтобы лагерь представлялъ подвижной городъ, сохраняющій, на каждомъ мѣстѣ, свои улицы, ставки и наружный видъ свой. Этой важной выгоды лишаются тѣ, которые, избирая сильныя естественныя позиціи, поставляютъ себя въ необходимость примѣнять расположеніе своего лагерьа къ мѣстности.

Разсматривая военныя учрежденія Римлянъ, мы видимъ, напротивъ того, что они не заботятся объ естественной неприступности лагерьей, довольствовались обнесеніемъ ихъ рвами и палисадами; они обыкновенно вырывали, кругомъ лагерьа, ровъ шириною въ шесть локтей, а глубиною въ три локтя, и усиливали его профиль, въ случаѣ долговременнаго пребыванія на одномъ мѣстѣ, либо имѣя дѣло съ опаснымъ противникомъ. Что касается до меня, то я предполагаю устроить палисады только въ такомъ случаѣ, если бы пришлось стѣять въ лагерьѣ цѣлую зиму; а въ обыкновенныхъ обстоятельствахъ, считаю достаточнымъ имѣть ровъ съ валомъ, подобнымъ тому, который окружалъ римскіе лагери, но въ большемъ размѣрѣ. Сверхъ того, на углахъ лагерьа, устрою окопы въ видѣ полукруга, чтобы доставить артиллеріи возможность поражать анфиладными выстрѣлами непріятеля, атакующаго укрѣпленія. Необходимо, чтобы войска были заблаговременно приучены ко всѣмъ работамъ, которыя требуются при устройствѣ лагерьа; а также, чтобы офицеры умѣли поспѣшно трасировать его, а солдаты находить мѣста своихъ ставокъ. Все это не представить ни малѣйшаго затрудненія, (какъ я постараюсь объяснить вамъ впоследствии). Но прежде

буду говорить о часовыхъ, потому что упустивъ ихъ изъ вида, мы сдѣлали бы напрасными всё наша попеченія.

Баптистъ. Позвольте мнѣ прежде, нежели вы перейдете къ другому предмету, спросить, какія предосторожности необходимы при расположеніи войска вблизи непріятели? Мнѣ кажется, что въ такомъ случаѣ было бы весьма опасно предпринимать предложенныя вамъ работы.

Фабриціо. Искусный полководецъ тогда только располагается вблизи непріятели, когда намѣренъ принять сраженіе, и потому подойдя къ противнику, будетъ держать готовыми къ бою по крайней мѣрѣ двѣ трети своихъ войскъ, между тѣмъ какъ остальная треть займется устройствомъ лагеря для всей арміи. Въ подобныхъ обстоятельствахъ, Римляне поручали эту работу *тріаріамъ*, подъ прикрытіемъ *гастатовъ* и *принциповъ*, по той причинѣ, что *тріаріи*, обыкновенно стоявшіе въ задней линіи боеваго порядка, всегда могли успѣть, въ случаѣ настушенія непріятелискихъ войскъ, оставить работы, вооружиться и стать въ свое мѣсто. Мы можемъ, слѣдуя примѣру Римлянъ, поручить устройство лагеря баталіонамъ, стоящимъ, подобно *тріаріамъ*, въ третьей линіи. Но возвратимся къ лагерному караулу.

Читая древнихъ военныхъ писателей, я нигдѣ не находимъ, чтобы Греки и Римляне высылали ночью, на нѣкоторое разстояніе отъ лагеря передовые посты, въ родѣ нашихъ *ведетовъ*. По всей вѣроятности, они полагали, что такіе посты легко могли быть захвачены или истреблены непріятеlemъ, либо передаться на его сторону, и что весьма неосновательно было бы поручить ихъ бдительности судьбу цѣлой арміи. По этому, у древнихъ, часовые находились внутри лагеря, гдѣ всё обязанности карауловъ исполнялись въ точности съ большою строгостью, такимъ образомъ, что всякое нарушеніе ихъ наказывалось смертью. Не стану испытывать ваше терпѣніе мелочнымъ исчи-

слепіемъ обязанностей ихъ лагерной службы, которыя вы уже знаете, либо можете узнать сами впоследствии; но объясню вамъ, въ короткихъ словахъ, тѣ правила, которыя намѣренъ я ввести въ мою армію. Ночью, третія часть войскъ будетъ находиться подъ ружьемъ, во всегдашней готовности къ бою: изъ этой трети, четвертая часть будетъ распредѣлена по валу, содеража какъ часовыхъ по всему его протяженію, и пикеты по угламъ лагеря, такъ и безпрестанные патрули, высылаемые по различнымъ направленіямъ. Такой же точно порядокъ лагерной службы будетъ соблюдаться и днемъ, въ случаѣ расположенія войскъ вблизи непріятеля.

Не стану распространяться объ *лозунгахъ* и *отзывахъ*, о необходимости перемѣнять ихъ ежедневно и о прочихъ распоряженіяхъ, относящихся къ содержанію лагерныхъ карауловъ; но полагаю неизлишнимъ упомянуть объ одной весьма важной предосторожности, которой соблюденіе можетъ предохранить войско отъ многихъ опасностей: она состоитъ въ томъ, чтобы наблюдать, со всевозможною внимательностью, за всѣми людьми, которые, въ продолженіе ночи, отлучаются изъ лагеря, либо прибываютъ въ оный. Такое наблюденіе весьма не затруднительно при заведенномъ мною лагерномъ порядкѣ: всякое помѣщеніе заключаетъ въ себѣ опредѣленное число людей, которымъ ведя счетъ, можно тотчасъ видѣть, всѣ ли они палицо, либо нѣтъ ли кого лишняго. Самовольно отлучившіеся солдаты должны быть наказываемы, наравнѣ съ бѣглецами; а люди, прибывающіе въ лагерь, подвергаться допросу объ ихъ званіи, и о всемъ прочемъ, до нихъ касающемся. Такой бдительный надзоръ не позволить непріятелю завести сношенія съ кѣмъ либо изъ вашей арміи и узнавать ваши намѣренія. Безъ этого, никогда не удалось бы Клавдію Нерону скрытно выступить изъ своего лагеря, находившагося въ виду Аннибала, въ Луканіи, и дойдя до Пипенума, возвратиться по слѣдамъ своимъ, между тѣмъ какъ

противникъ его оставался въ совершенномъ невѣдѣніи объ его отсутствіи.

Недовольно того, чтобы постановить эти полезныя правила: еще должно строго наблюдать за ихъ исполненіемъ, потому что ни въ какомъ другомъ случаѣ не требуется столь строгой точности. Всѣ правила, имѣющія цѣлью охраненіе безопасности войскъ, должны быть исполняемы безусловно и всякое нарушеніе ихъ безжалостно наказываться. Мы видимъ, что у Римлянъ постановлена была смертная казнь за отлучку съ часовъ и за оставленіе мѣста въ боевомъ порядкѣ во время боя, за всякую кражу, учиненную въ лагерѣ, за самохвальство, за вступленіе въ бой противъ воли начальника и за потерю оружія въ бѣгствѣ отъ непріятеля. Ежели когорта или цѣлый легионъ былъ виновенъ въ какомъ либо изъ этихъ преступленій, то десятый солдатъ по жребію предавался смерти. Такимъ образомъ, хотя въ этомъ случаѣ наказаніе и не постигало всѣхъ, однакоже угрожало всякому.

Чѣмъ строже наказанія, тѣмъ щедрѣе должны быть награды, чтобы надежда была такъ сказать въ равновѣсіи со страхомъ: по этой причинѣ, у Римлянъ никакой подвигъ не оставался безъ награды: кто въ бою спасалъ отъ гибели своего сослуживца; кто врывался первый въ осажденный городъ либо въ непріятельскій лагерь; кто убивалъ непріятеля, тотъ получалъ награду отъ консула и одобреніе отъ всѣхъ согражданъ своихъ. Воинъ, получившій подарокъ, въ ознаменованіе блистательнаго подвига, не только пользовался уваженіемъ своихъ товарищей, но имѣлъ право, по возвращеніи на родину, выставить на показъ данныя ему награды роднымъ и друзьямъ своимъ. Возможно ли удивляться могуществу народа, у котораго воздавались, съ такою точностію, какъ награжденія за заслуги, такъ и наказанія за преступленія.

У Римлянъ существовало, въ числѣ наказаній, одно, которое заслуживаетъ особое замѣчаніе. Когда

консулъ или трибунъ былъ убѣжденъ въ дѣйствительности преступленія подсудимаго, то собиралъ войско и подавалъ ему знакъ, ударяя слегка своею тростью преступника, который имѣлъ право искать спасенія въ бѣгствѣ отъ угрожавшей ему гибели, между тѣмъ какъ всякому изъ его сослуживцевъ позволено было убить его, бросая въ виновнаго камни и стрѣлы и нанося ему удары какимъ бы то ни было оружіемъ. Весьма не многіе изъ подвергавшихся этому наказанію спасались отъ гибели, да и тѣхъ ожидала самая жалкая участь, влачить остатокъ дней своихъ въ позорномъ униженіи, которое было неспособно смерти. Это наказаніе перенято у Римлянъ Швейцарцами, которые заставляютъ солдатъ убивать своихъ сослуживцевъ, подвергающихся осужденію на смертную казнь. Что касается до меня, то я нахожу это обыкновеніе весьма основательнымъ. Лучшее средство, для уничтоженія въ людяхъ сожалѣнія къ преступнику, состоитъ въ томъ, чтобы предоставить имъ самимъ его наказаніе, по той причинѣ, что въ такомъ случаѣ они гораздо менѣе принимаютъ участія въ своемъ товарищѣ и дѣлаются хладнокровнѣе къ его страданіямъ. Мы видимъ также, что древніе умѣли употреблять въ пользу вліяніе религій, заставляя присягать своихъ солдатъ, самымъ торжественнымъ образомъ, на вѣрность службы и на соблюденіе воинской дисциплины и что они пользовались всѣми возможными средствами для возвышенія въ войскахъ религіознаго страха, чтобы каждый солдатъ, посягающій нарушить священный долгъ свой, опасался не только наказанія отъ людей, но и гнѣва боговъ, всегда готовыхъ поразить преступника.

Баптистъ. Скажите мнѣ, прошу васъ, позволено ли было у Римлянъ имѣть въ арміи женщинъ и забавляться игрою, подобно тому, какъ водится въ наше время?

Фабрицію. И то и другое запрещено было строжайшимъ образомъ: такое запрещеніе соблюдалось въ

точности, тѣмъ болѣе, что древніе имѣли много занятій по службѣ и виѣ оной, которыя не давали имъ времени и помыслить о прекрасномъ полѣ, объ игрѣ, и о всѣхъ прочихъ забавахъ нашихъ солдатъ, предающихся праздности и необуздываемыхъ дисциплиною.

Баптистъ. Это очень естественно. Скажите намъ еще, какимъ образомъ они обыкновенно выступали изъ лагеря?

Фабриціо. Для этого у нихъ трубили три раза: по первому сигналу, снимали шатры и укладывали ихъ на повозки; по второму выючили животныхъ; по третьему выступали въ походъ, въ томъ самомъ порядкѣ, который я объяснялъ вамъ, то есть, имѣя римскіе легіоны въ центрѣ всей арміи, а обозы въ хвостѣ колонны. Подобно тому и въ нашей арміи, сперва выступитъ одна изъ вспомогательныхъ бригадъ, за нею бригадный обозъ и четвертая часть общаго обоза, которые въ лагерѣ должны располагаться вмѣстѣ, въ одномъ изъ четырехъ пространствъ, назначенныхъ для повозокъ и нестроевыхъ. Для избѣжанія безпорядка, необходимо опредѣлить пространство для обоза каждой бригады, чтобы, при выступленіи, онъ могъ слѣдовать въ совокупности за войсками, имѣющими въ немъ свою поклажу; слѣдовательно каждая бригада, съ своимъ багажемъ и съ частью общаго обоза, будетъ двигаться въ такомъ самомъ порядкѣ, въ какомъ двигались легіоны римской арміи.

Баптистъ. Не было ли у Римлянъ какихъ другихъ правилъ относительно расположенія войскъ въ лагеряхъ?

Фабриціо. Я уже сказалъ вамъ, что Римляне постоянно сохраняли фигуру своего лагеря, оставляя безъ вниманія всѣ прочія обстоятельства. Но они всегда имѣли въ виду располагаться на мѣстахъ, благопріятствовавшихъ сохраненію здоровья и устраивали лагерь такъ, чтобы непріятель не могъ ни обложить ихъ, ни отрѣзать отъ воды, либо отъ тѣхъ пунктовъ, изъ которыхъ они получали продовольствіе. Для предупрежде-

нія повальныхъ болѣзней, они всегда избѣгали мѣстъ сосѣдственныхъ болотамъ и подверженныхъ вліянію заразительныхъ вѣтровъ, которыхъ признаками служили имъ, какъ свойство грунта, такъ и здоровье жителей окрестной страны; а чтобы обезпечить себя отъ обложенія, они обращали особенное вниманіе на тѣ пути, которые вели къ сторонѣ непріятеля и въ собственныя области. Полководецъ обязанъ совершенно ознакомиться съ страной, служащею поприщемъ войны и имѣть при себѣ людей, обладающихъ столь же основательными свѣдѣніями.

Для избѣжанія болѣзней и голода и для сохраненія здоровья солдатъ, должно имѣть неослабное наблюденіе за ихъ образомъ жизни: они должны всегда ночевать въ лагерѣ; лучшія мѣста для лагерей находятся тамъ, гдѣ деревья доставляютъ убѣжище отъ зноя и гдѣ есть лѣсъ годный для варенія пищи. Чтобы предохранить войска отъ зноя на походѣ, полезно въ лѣтнее время выступать до разсвѣта. Зимой, на привалахъ и ночлегахъ, должны быть приготовлены средства къ разведенію большихъ огней, и вообще во всякое время года необходимо, чтобы солдаты были снабжены надлежащею одеждою; не менѣе важно наблюдать, чтобы вода, ими употребляемая, была хорошаго качества. Должно всегда имѣть при себѣ врачей для присмотра за больными: нельзя ожидать никакихъ хорошихъ распоряженій отъ полководца, который въ одно и то же время принужденъ сражаться съ непріателемъ и съ болѣзнями собственного войска. Но самымъ дѣйствительнымъ средствомъ для сбереженія здоровья солдатъ есть содержаніе ихъ въ безпрестанномъ движеніи: по этой причинѣ древніе ежедневно упражнялись эволюціями, которыя въ мирное время поддерживаютъ здоровье войскъ, а въ войнѣ доставляютъ имъ побѣду.

Для предупрежденія голода, не довольно того, чтобы пути, по которымъ доставляется продовольствіе, были обезпечены отъ непріятеля: должно, сверхъ то-

го, озаботиться заготовленіемъ въ лагерѣ значительнаго количества запасовъ и расчетливою ихъ выдачею. Необходимо, чтобы армія всегда имѣла при себѣ мѣсячный запасъ продовольствія, которое можетъ быть пополняемо, отъ времени до времени, изъ собственныхъ и союзныхъ областей; сверхъ того полезно учредить значительные магазины въ ближайшей крѣпости: всѣ эти запасы должны выдаваться съ бережливостью, такимъ образомъ, чтобы войска получали только необходимое количество продовольствія. Вообще эта часть военнаго управленія требуетъ особеннаго вниманія, по той причинѣ, что нѣтъ ничего непреодолимаго на войнѣ, кромѣ голода, который можетъ сдѣлать тщетными самыя основательныя распоряженія. Ежели непріятель можетъ взять верхъ надъ вами голодомъ, то онъ не станетъ дѣйствовать желѣзомъ и непремѣнно побѣдитъ васъ: такой успѣхъ, безъ всякаго сомнѣнія, не принесетъ ему большой славы, но за то и не будетъ стоить никакихъ жертвовацій. Всякая армія, въ которой доставка и выдача продовольствія производятся безъ опредѣленныхъ правилъ, подвергается неминуемой гибели. Лихоимство затрудняетъ привозъ запасовъ; а злоупотребленія истощаютъ магазины. У древнихъ, всякой солдатъ получалъ въ опредѣленное время положенную ему дачу и всѣ воинскіе чины отъ главнокомандующаго до послѣдняго солдата подкрѣпляли себя пищею въ одно время. Въ настоящее же время, арміи, вмѣсто того, чтобы, слѣдуя примѣру древнихъ, служить примѣромъ бережливости и воздержанія, могутъ считаться школами распутства*.

Блаптистъ. Вы сказали намъ, въ началѣ настоящей бесѣды, что для лучшаго объясненія устройства лагерей, мы расположимъ не двѣ бригады, которыми довольствовались мы при всѣхъ предъидущихъ нашихъ дѣйствіяхъ, а четыре. И такъ позвольте мнѣ предло-

* Авторъ разуметь подъ названіемъ настоящихъ армій несобуданныя шайки Кондоттиеровъ. Прим. перев.

жить вамъ нѣкоторые вопросы: какимъ образомъ долженъ быть устроенъ лагерь при значительнѣйшемъ либо меньшемъ числѣ войскъ? И въ какомъ числѣ полезно имѣть дѣйствующую армію?

Фабриціо. На первый изъ этихъ вопросовъ скажу вамъ, что при увеличеніи либо уменьшеніи числа войскъ, легко измѣнить устройство лагеря, прибавляя либо убавляя число рядовъ, въ которыхъ размѣщаются ставки. Впрочемъ, когда случалось Римлянамъ соединять двѣ консульскія арміи, то они обыкновенно располагали ихъ въ двухъ отдѣльныхъ лагеряхъ, примыкавшихъ одинъ къ другому своими задними фасадами. Что же касается до другаго вашего вопроса, то позвольте мнѣ замѣтить, что римская армія, состоявшая постоянно въ числѣ около двадцати четырехъ тысячъ человекъ, никогда не была усиливается въ чрезвычайныхъ случаяхъ, какая бы впрочемъ опасность ни угрожала государству, болѣе пятидесяти тысячъ. Подобныя силы были противопоставлены двумъстамъ тысячъ Галловъ, наводнившимъ Италію послѣ первой пунической войны, и Аннибалу, угрожавшему римской республикѣ вѣрною гибелью. Невозможно оставить безъ вниманія, что Греки и Римляне всегда вели войну небольшими арміями, въ которыхъ господствовали искусство и воинская подчиненность; напротивъ того другіе народы (какъ восточные, такъ и западные) всегда дѣйствовали многочисленными полчищами, которыхъ главными побужденіями были, на западѣ, врожденная стремительность: а на востокѣ безусловное повиновеніе властителямъ. Такія побужденія не всегда существовали въ Греціи и въ Италиі, и потому самая необходимость требовала замѣнить ихъ дисциплиною, которой могущество столь непреодолимо, что небольшія силы, подчиненныя ея вліянію, побуждали безчисленныя полчища свирѣпыхъ варваровъ. Подражая по возможности, и въ этомъ отношеніи, примѣру Грековъ и Римлянъ, мы не станемъ увеличивать числа нашихъ войскъ болѣе пятидесяти ты-

сять, и даже ограничимся меньшими силами. Нерѣдко Пирръ говорилъ, что съ пятнадцатю тысячами хорошаго войска можно подчинить весь мѣръ своему владычеству. Но обратимся къ другому предмету.

Одержавъ побѣду и объяснивъ различные случаи, которые могутъ встрѣтиться въ продолженіе боя, совершивъ походъ и припавъ всѣ нужныя мѣры для обезпеченія на маршѣ нашей арміи, мы наконецъ расположились лагеремъ, въ которомъ позволивъ войскамъ отдохнуть нѣкоторое время послѣ всѣхъ подвиговъ, ими совершенныхъ, займемся пріисканіемъ средствъ, служащихъ для окончанія съ успѣхомъ войны: теперь настало время подумать о томъ, и въ особенности, ежели непріятельская армія, дѣйствующая въ полѣ, еще не совсѣмъ уничтожена, и ежели часть страны, нами занятой, еще находится во власти противника, либо готова принять его сторону: въ подобныхъ случаяхъ, должно, не довольствуясь пріобрѣтенными успѣхами, довершить пораженіе непріятельскихъ войскъ и занятіе областей его. Необходимо нѣсколько распространиться объ этихъ предметахъ, для того, чтобы показать вамъ и новыя затрудненія, насъ ожидающія, и средства преодолѣть ихъ съ такою же славою, съ какою мы совершили всѣ прежнія наши дѣйствія. И такъ разсмотримъ нѣкоторые изъ этихъ частныхъ случаевъ.

Ежели жители какой либо страны рѣшаются на такое предпріятіе, которое, нанося имъ вредъ, можетъ обратиться въ вашу выгоду (какъ на примѣръ, если они предають изгнанію значительную часть согражданъ своихъ, либо уничтожаютъ крѣпости, обезпечивающія ихъ отъ чужеземнаго нашествія), то должно, не вмѣшиваясь въ дѣла ихъ, предоставить ихъ гибель междоусобию, либо въ одно и то же время предложить отдѣльно самыя тяжкія условія обѣимъ противнымъ сторонамъ, которыя, не имѣя между собою сношеній, не будутъ въ состояніи оказать сопротивленія и покорятся вашей волѣ. Ежели вы подозрѣваете въ не-

пріязненныхъ замыслахъ жителей какой либо страны, и намѣреваетесь подавить возстаніе ихъ въ самомъ зародышѣ, то лучшее средство для приведенія въ исполненіе вашего намѣренія состоитъ въ томъ, чтобы потребовать содѣйствія ихъ въ какомъ либо постороннемъ предпріятіи, и отвлекши такимъ образомъ вниманіе своихъ непріятелей, внезапно поразить ихъ рѣшительнымъ ударомъ.

Ежели вы подозреваете, что въ вашей арміи есть измѣнникъ, находящійся въ сношеніяхъ съ непріателемъ, то можно извлечь изъ этого пользу, распуская ложные слухи о какомъ либо предпріятіи и храня въ тайнѣ дѣйствительные свои замыслы, либо показывая ложныя опасенія и скрывая настоящія: такія средства легко могутъ ввести въ заблужденіе противника, который, надѣясь имѣть вѣрныя свѣдѣнія о вашихъ намѣреніяхъ, будетъ, напротивъ того, дѣйствовать такъ, какъ бы заблаговременно предвидѣли и подасть вамъ возможность извлечь изъ того большія выгоды.

Ежели вы желаете, подражая Клавдію Нерону, отдѣлать часть своей арміи для дѣйствія на какомъ либо другомъ пунктѣ, такимъ образомъ, чтобы скрыть отправленіе этихъ войскъ отъ непріятеля, то не уменьшайте объема своего лагеря; пускай всѣ части арміи и всѣ знамена остаются на прежнихъ мѣстахъ своихъ; не должно также уменьшать числа, ни часовыхъ, ни огней въ лагерѣ. Ежели вы имѣете намѣреніе скрыть прибытіе въ армію подкрѣпленій, то также не измѣняйте объема своего лагеря. Очевидно, что для всѣхъ подобныхъ военныхъ хитростей, необходима привычка къ сохраненію тайны. Когда одинъ изъ приближенныхъ Метелла, въ то время дѣйствовавшего въ Испаніи, спросилъ у него, что будетъ онъ дѣлать на слѣдующій день, то военачальникъ отвѣчалъ ему: «Я сжегъ бы самую рубашку свою, если бы она знала о томъ.» Когда мы выступимъ изъ лагеря? спросилъ у Красса одинъ изъ его воиновъ. «Неужели ты опа-

саешься не услышать трубы? » отвѣчалъ полководецъ.

Для узнанія намѣреній и распоряженій непріятельскаго военачальника, нѣкоторые полководцы посылали къ нему, подъ предлогомъ переговоровъ, чиновниковъ, при которыхъ находились искусные офицеры, въ видѣ служителей: эти офицеры высматривали со тщаніемъ устройство непріятельской арміи, узнавали ея слабую сторону и черезъ то подавали средства побѣдить ее. Другіе полководцы отдаляли отъ себя нѣкоторыхъ изъ своихъ приближенныхъ, которые, передавшись противнику, служили для открытія его намѣреній; подобную же услугу иногда могутъ оказать плѣнные. Когда Марій, ведя войну противъ Кимвровъ, желалъ испытать приверженность нѣкоторыхъ гальскихъ племенъ, находившихся въ союзѣ съ Римлянами, то послалъ къ нимъ нѣсколько писемъ, въ числѣ которыхъ одни были запечатаны, а другія открыты: въ послѣднихъ содержалось приказаніе, не распечатывать писемъ прежде назначеннаго срока. Но еще прежде истеченія этого времени, Марій потребовалъ назадъ свои письма, и, видя ихъ распечатанными, убѣдился, что Галлы не заслуживали его довѣренности.

Нѣкоторые полководцы, вмѣсто того, чтобы итти на встрѣчу противнику, переносили войну въ страну его, что заставляло его отказаться отъ наступательныхъ дѣйствій, и поспѣшить на защиту собственныхъ областей своихъ. Такое дѣйствіе внушаетъ въ войска самоувѣренность и обогащаетъ ихъ добычею*, поселяя, напротивъ того, въ непріятелѣ боязнь и уныніе. Но необходимо замѣтить, что подобныя диверсіи могутъ быть полезны только тогда, когда собственная наша страна обезпечена крѣпостями надежнѣе, нежели непріятельская; въ противномъ же случаѣ, такое дѣй-

* Странно, что Маккіавелли заботится о надѣленіи добычею войскъ, которые, по собственному его сознанию, преданы были распуству.

Прим. перекл.

ствіе весьма опасно. Иногда полководецъ, обложенный въ лагерѣ, заводилъ переговоры и заключалъ перемиріе на нѣсколько дней, въ продолженіе которыхъ находилъ возможность воспользоваться оплошностью противника и спасти свою армію отъ вѣрной гибели. Подобное средство послужило въ пользу Силлѣ, два раза сряду, и Аздрубалу, который обманулъ такимъ же образомъ Клавдія Нерона, окружившаго со всѣхъ сторонъ его армію. Весьма полезно можетъ также быть, въ подобныхъ обстоятельствахъ, атаковать непріятеля частью войскъ, и привлеки на нее всю массу непріятельской арміи, отступить со всѣми остальными силами, либо поразить непріятеля какою либо неожиданностью, которая привела бы его въ недоумѣніе и заставила бы его оставаться въ бездѣйствіи: такое средство было употреблено Аннибаломъ, который, бывши окруженъ войсками Фабія, приказалъ привязать зажженные связки хвороста къ рогамъ нѣсколькихъ сотъ воловъ и погнать ихъ на встрѣчу непріятелю: это необычайное зрѣлище привело въ такое изумленіе Римлянъ, что они оставили нѣкоторые проходы незанятыми.

Но главное вниманіе полководца должно быть обращено на то, чтобы поселить несогласіе въ непріятельской арміи, возбудивъ въ начальникѣ ея подозрѣніе на счетъ приближенныхъ къ нему особъ, либо заставя его, какимъ бы то ни было средствомъ, раздѣлить силы и тѣмъ ослабить свое войско.

Въ первомъ случаѣ весьма полезно показать видъ доброжелательства къ приверженцамъ непріятельскаго военачальника, сохраняя, въ продолженіе войны, ихъ имущества и возвращая безъ выкупа изъ плѣна ихъ дѣтей и родственниковъ. Аннибалъ, предавши пламени всѣ окрестности Рима, пощадилъ только однѣ земли Фабія. Коріоланъ, двигаясь къ Риму, предавалъ грабежу жилища плебеянъ, и оставлялъ въ цѣлости имущества патриціевъ. Метеллъ, ведя войну противъ Югурты, убѣждалъ всѣхъ приближенныхъ его, посы-

лаемыхъ для переговоровъ въ римскій лагерь , чтобы они предали своего властителя, и потомъ , ведя переписку съ ними, склонялъ ихъ къ тому же письменно: эта хитрость поселила въ Югуртѣ недовѣрчивость ко всѣмъ его окружавшимъ и заставила его погубить вѣрнѣйшихъ своихъ подданныхъ. Когда Аннибалъ, принужденный удалиться изъ Карфагена, нашелъ убѣжище при дворѣ Антиоховомъ, тогда римскіе посланные притворно вошли съ нимъ въ тѣсныя связи, и возбудили черезъ то въ Антиохѣ къ нему недовѣрчивость.

Я уже сказалъ вамъ, что, для ослабленія непріятельской арміи, дѣйствующей наступательно, лучшее средство состоитъ въ томъ, чтобы произвести вторженіе въ собственныя его земли: такое средство заставить его отказаться отъ всѣхъ пріобрѣтенныхъ имъ выгодъ и поспѣшить на защиту страны своей: подобнымъ образомъ дѣйствовалъ Фабійъ противъ соединенныхъ силъ Галловъ, Этрусковъ, Самнитянъ и Умбрійцевъ. Титъ Димій, находясь въ виду превосходнѣйшей въ числѣ непріятельской арміи, ожидалъ легіонъ себѣ въ помощь: получа свѣдѣніе, что непріятель намѣревался напасть на эти войска, и желая обезпечить ихъ присоединеніе, онъ распустилъ слухъ въ арміи о намѣреніи своемъ атаковать противника въ слѣдующее утро, и далъ возможность уйти нѣкоторымъ изъ плѣнныхъ; эти люди распустили слышанныя вѣсти въ своемъ лагерѣ, что заставило непріятеля отказаться отъ прежняго плана своихъ дѣйствій и держать все свои силы въ лагерѣ. Тогда Димій присоединилъ къ римской арміи ожидаемый легіонъ, и такимъ образомъ достигъ цѣли своей, состоявшей не въ ослабленіи противника, но въ увеличеніи собственныхъ силъ своихъ.

Многіе полководцы допускали противника углубиться въ страну ихъ и овладѣть нѣсколькими крѣпостями, что заставляло его ослабить себя отдѣленіемъ гарнизоновъ и отнимало у него возможность дѣйствовать

съ выгодною въ полѣ *. Другіе военачальники, предпринимая вторженіе въ непріятельскую страну, притворно показывали намѣреніе дѣйствовать противъ какой либо другой области, и потомъ внезапно производили нашествіе, которому непріятель былъ не въ состояніи противиться, тѣмъ болѣе, что онъ не могъ узнать навѣрное, какое изъ этихъ предпріятій было истинное, и потому находясь въ необходимости развлечь свое вниманіе на два различные пункта, не имѣлъ средствъ оборонять каждый изъ нихъ достаточными силами.

Весьма также важно для полководца искусство подавить возмущеніе, происшедшее въ войскахъ его. Для этого необходимо наказывать зачинщиковъ мятежа, столь быстро и неожиданно, чтобы они не имѣли времени избѣжать угрожающей имъ гибели. И потому, въ этомъ случаѣ должно призвать къ себѣ не однихъ только виновныхъ, но цѣлыя части войскъ, къ которымъ принадлежатъ они, такимъ образомъ, чтобы не возбуждая опасеній мятежниковъ, предать ихъ заслуженной казни. Окружите себя воинами, не участвовавшими въ преступленіи, и съ помощью ихъ карайте виновныхъ. Если же вы замѣтите духъ раздора въ войскахъ вашихъ, то лучшее средство для прекращенія безпорядка состоитъ въ томъ, чтобы послать ихъ противъ непріятели, и заставя ихъ раздѣлять опасности, убѣдить ихъ на самомъ дѣлѣ въ необходимости согласія.

Впрочемъ ничто не можетъ поддержать устройства въ войскахъ такъ, какъ уваженіе, внушаемое главнымъ начальникомъ, уваженіе, основанное не на высокомъ его происхожденіи, но на личной доблести. Полководецъ долженъ заботиться, чтобы жалованье войскъ выдавалось имъ въ опредѣленные сроки: не обезпечивъ солдатъ на счетъ необходимѣйшихъ потребно-

* Это есть не что иное, какъ отступленіе во внутрь страны, предложенное генераломъ Клаузевицемъ. Прим. перед.

стей, не возможно наказывать ихъ за грабительство. По удовлетворяя войска опредѣленнымъ содержаніемъ, необходимо соблюдать въ нихъ строжайшую дисциплину: съ ослабленіемъ ея, раждается дерзость и неуваженіе къ начальству, которое, потерявъ средства поддерживать власть свою въ войскѣ, по необходимости предаеть его всѣмъ гибельнымъ слѣдствіямъ безначалія.

Древніе военачальники должны были превозмогать еще одно затрудненіе, котораго въ наше время уже не существуетъ: оно состояло въ томъ, чтобы объяснять въ свою выгоду неблагопріятныя предзнаменованія. Стрѣла, упавшая въ лагерь, затмѣніе луны либо солнца, землетрясеніе, паденіе начальника, всѣ эти случаи считались залогомъ будущихъ золъ и поселяли въ войскахъ такую робость, что ихъ заранѣе можно было считать побѣжденными. Для уничтоженія вліянія этихъ случаевъ на духъ войска, полководцы принуждены были объяснять ихъ своимъ солдатамъ, либо представлять ихъ въ видѣ благопріятныхъ предзнаменованій. Когда Кесарь упалъ, выходя на африканскій берегъ, то произнесъ громко: «Теперь ты въ рукахъ моихъ, Африка!» Другіе полководцы старались объяснить своимъ воинамъ причины затмѣній и другихъ естественныхъ событій. Хотя, въ наше время, уже не встрѣчается надобности въ подобныхъ средствахъ, какъ по причинѣ успѣховъ просвѣщенія, такъ и по духу нашей религіи, столь противному суевѣрнымъ предразсудкамъ, однако же если бы, паче чаянія, случилось что либо въ этомъ родѣ, то должно подражать примѣру древнихъ военачальниковъ.

Ежели непріятель, доведенный до крайности голодомъ, либо побужденный слѣпою яростью, стремится противъ васъ, то не выходите изъ своего лагеря * и уклоняйтесь отъ боя какъ можно долѣе: такимъ обра-

* Въ то время, когда писалъ Маккіавелли, лагери всегда обносились украшеніями. Печм. перекв.

зомъ дѣйствовали Лакедомоняне противъ Мессенянъ и Кесарь противъ Афанія и Петрея. Консулъ Фулвій, ведя войну противъ Кимвровъ, ежедневно заводилъ съ ними кавалерійскія стычки: замѣтя, что непріятель, подъ конецъ каждаго дѣла, выходилъ изъ лагеря и преслѣдовалъ римскую конницу, Фулвій приутоговилъ засаду, въ сосѣдствѣ лагеря Кимвровъ, и снова атаковалъ ихъ своею конницею. Непріятель опять преслѣдовалъ Римлянъ; но въ то время, когда онъ отдалился отъ своихъ окоповъ, римскія войска, бывшія въ засадѣ, вторгнулись въ непріятельскіи станъ и разграбили его.

Весьма часто полководецъ, находясь съ арміею въ виду противника, посылалъ часть войскъ, снабженную знаменами подобными непріятельскимъ, разорять собственную страну; непріятель, обманутый этою хитростью, смѣшивался съ грабившими войсками, чтобы получить участіе въ добычѣ, и прійдя въ безпорядокъ, подвергался поражению: такое средство часто было употреблено съ успѣхомъ, и въ особенности Александромъ, царемъ Эпирскимъ, въ войнѣ противъ Иллирійцевъ, и Лептеномъ, полководцемъ Сиракузскимъ, противъ Кароагенянъ.

Другіе военачальники, притворясь уstraшенными, оставляли свой лагерь, наполненный значительными запасами вина и съѣстныхъ припасовъ, и подавъ черезъ то непріятелямъ возможность пресытиться ими и придти въ безчувствіе, возвращались неожиданно и предавали враговъ истребленію *; подобнымъ образомъ дѣйствовали Томириса противъ Кира и Гракхъ противъ Испанцевъ. Были и такіе полководцы, которые, желая получить большую увѣренность въ побѣдѣ надъ противникомъ, отравляли съѣстные припасы **.

* Въ наше время, мы были бы очень признательны противнику за такую стратагему. Прим. перев.

** Такой примѣръ могъ придти въ голову только соотечественнику Борги. Прим. перев.

Я уже сказалъ вамъ, что, сколько мнѣ помнится, древніе никогда не выставляли внѣ лагерь передовыхъ постовъ своихъ: при этомъ, по моему мнѣнію, они имѣли въ виду предупредить всѣ опасности, которыхъ могутъ быть поводомъ посты, отдаленные на большое разстояніе отъ охраняемаго ими войска. И дѣйствительно, такіе ведеты весьма часто, не только днемъ, но и въ ночное время, попадали въ руки непріятелю, и были принуждены имъ подать сигналъ, условленный для вызова изъ лагерь части войскъ, которая, не принявъ надлежащихъ предосторожностей, была захвачена въ плѣнъ, либо подвергалась совершенному истребленію.

Весьма полезно приводить какъ можно чаще въ недоумѣніе противника, пзмѣняя привычки и образъ жизни своего войска. Такимъ образомъ одинъ полководецъ, имѣвшій обыкновеніе подавать знакъ о приближеніи непріятеля большими огнями, которые и днемъ были весьма замѣтны по густому дыму, отъ нихъ происшедшему, приказалъ потушить всѣ огни, какъ только станетъ приближаться непріятельское войско. Тогда противникъ, не видя обычныхъ сигналовъ, и надѣясь имѣть возможность приблизиться скрытно, двинулся безъ всякихъ военныхъ предосторожностей и подвергся пораженію. Мемпонъ, полководецъ Родосскій, желая побудить непріятеля спяться съ весьма сильной позиціи, послалъ въ его станъ, въ видѣ перемѣтника, одного изъ своихъ воиновъ, которому приказано было распуснуть слухъ о мятежѣ въ Мемноновой арміи; но чтобы еще вѣрнѣе вовлечь непріятеля въ заблужденіе, Мемпонъ подалъ поводъ своимъ войскамъ къ нѣкоторымъ неважнымъ несогласіямъ. Непріятель, увлеченный самонадѣянностью, произвелъ рѣшительную атаку и былъ разбитъ.

Никогда не должно приводить противника въ отчаяніе; сообразно этому правилу дѣйствовалъ Юлій Цезарь въ одномъ изъ своихъ сраженій противъ Германцевъ: замѣтя, что крайность заставляла ихъ сопротив-

латься съ необыкновенною рѣшительностью, Кесарь открылъ имъ путь отступленія, и предпочелъ преслѣдованіе побѣдѣ, купленной цѣною значительныхъ жертвованій. Лукуллъ, замѣтя, что нѣкоторые изъ македонскихъ всадниковъ, служившихъ въ его войскѣ, перешли на сторону противника, приказалъ подать сигналъ къ атакѣ и пошелъ со всею арміею вслѣдъ за переметчиками: тогда непріятель, полагая, что эти люди были посланы Лукулломъ для завязки дѣла, атаковалъ ихъ съ стремительностью, и черезъ то поневолѣ заставилъ ихъ остаться вѣрными своему долгу и сражаться уперно въ рядахъ римскаго войска.

Необходимо также принять надлежащія мѣры предосторожности въ отношеніи къ жителямъ городовъ, которыхъ вѣрность подвержена сомнѣнію. Въ подобныхъ обстоятельствахъ, можно подражать какому либо изъ слѣдующихъ примѣровъ. Помпей, не довѣряя приверженности жителей Катины (Катаны), просилъ ихъ принять къ себѣ небольшое число больныхъ воиновъ римской арміи, и вмѣсто того, послалъ къ нимъ отрядъ лучшихъ своихъ войскъ, который овладѣлъ городомъ. Публий Валерій, сомнѣваясь въ вѣрности жителей Епидавра, пригласилъ ихъ участвовать въ религіозномъ обрядѣ, происходившемъ внѣ города, и когда граждане прибыли въ храмъ, гдѣ отправлялось празднество, то Римляне задержали всѣхъ подозрительныхъ людей и позволили возвратиться только тѣмъ изъ гражданъ, которые не подали имъ повода къ недовѣрчивости. Александръ Великій, отправляясь въ Азію, и желая обезпечить себя на счетъ Фракіи, взялъ съ собою всѣхъ почетнѣйшихъ обывателей страны, поручивъ имъ различныя должности въ своей арміи: такимъ образомъ, знатнѣйшіе граждане были удержаны въ предѣлахъ повиновенія уваженіемъ и выгодами, имъ присвоенными; а всѣ прочіе жители — отсутствіемъ безпокойнѣйшихъ людей изъ числа своихъ соотечественниковъ.

Впрочемъ нѣтъ лучшихъ средствъ для пріобрѣтенія привязанности какого либо народа, какъ умѣренность

и справедливость. Сципионъ, ведя войну въ Испаніи, возвратилъ прекраснѣйшую дѣвицу ея семейству: такой благородный поступокъ содѣйствовалъ ему въ покореніи Испаніи несравненно болѣе силы самаго оружія. Юлій Кесарь, приказавъ заплатитъ за деревья, срубленныя для палисадовъ его лагеря, въ Галліи, приобрѣлъ чрезъ то большую славу, облегчившую ему покореніе края. Я не числилъ вамъ почти всѣ возможныхъ обстоятельства, въ которыхъ можетъ находиться армія. Остается мнѣ объяснить средства, служащія для атаки и обороны крѣпостей: если рассказъ мой не показался вамъ слишкомъ длиннымъ, то я стану излагать во всей обширности эту часть военнаго искусства.

Блаптистъ. Ваше снисхожденіе къ намъ столь неограниченно, что, не оставляя возможности быть нескромными въ изъявленіи нашихъ желаній, вы предлагаете намъ болѣе, нежели мы смѣли надѣяться. Позвольте мнѣ увѣрить васъ, отъ имени всѣхъ друзей моихъ, что вы доставите намъ чрезвычайное удовольствіе и большую пользу продолженіемъ вашего разсказа. Но прежде, нежели перейдете къ другому предмету, примите на себя трудъ объяснить одно изъ моихъ сомнѣній: должно ли вести войну цѣлый круглый годъ, подобно тому, какъ водится въ наше время, либо только въ продолженіе лѣта, по примѣру древнихъ?

Фабриціо. Вы предложили весьма дѣльный вопросъ, безъ котораго я вѣрно упустилъ бы изъ вида весьма важное обстоятельство. Повторяю вамъ еще разъ, что древніе поступали во всемъ съ большею основательностью, нежели мы, и ежели правда, что мы ошибаемся во всѣхъ нашихъ дѣйствіяхъ, то еще справедливѣе, что наши воинскія учрежденія составляютъ рядъ самыхъ грубыхъ ошибокъ. Ничего нѣтъ безразсуднѣе и опаснѣе, какъ вести войну въ зимнее время; но во всякомъ случаѣ, такія дѣйствія, по моему мнѣнію, болѣе невыгодны для наступающаго, нежели для обороняющагося, и вы согласитесь со мною,

принявъ во вниманіе , что образованіе войскъ имѣеть единственною цѣлью одержаніе побѣды въ бою , котораго слѣдствія не рѣдко рѣшаютъ участь цѣлой войны. По этому самому , полководецъ , который довель образованіе своей арміи до высшей степени совершенства , имѣеть значительный перевѣсъ и большую вѣроятность побѣды , въ день боя. Съ другой стороны , ничего не можетъ быть затруднительнѣе для движенія войскъ , какъ пересѣченная мѣстность , и въ особенности въ ненастное время , по той причинѣ , что неровныя мѣста не позволяютъ развертываться и маневрировать по правиламъ тактики ; въ дождливую же и холодную погоду , не возможно держать войска въ совокупности и дѣйствовать ими въ массѣ ; а придется , напротивъ того , располагать ихъ на значительномъ пространствѣ , по квартирамъ въ деревняхъ и мызахъ , что само собою разстроитъ войска и сдѣлаетъ бесполезными всѣ попеченія , употребленныя для образованія арміи. Не должно впрочемъ увлываться тому , что теперь ведутъ войну въ зимнее время : войска наши дурно обучены и не имѣють понятія о настоящей дисциплинѣ ; а потому едва ли могутъ сдѣлаться еще худшими . Но при всемъ томъ , нельзя не замѣтить , что такія зимнія кампаніи весьма опасны , и что въ 1503 году , Французы были истреблены на Гарильянь , не Испанцами , но неблагопріятнымъ вліяніемъ зимняго времени. При такихъ дѣйствіяхъ , какъ я уже сказалъ вамъ , наступающій подвергается большимъ невыгодамъ , которыя увеличиваются постепенно , соразмѣрно съ углубленіемъ его въ страну непріятельскую.

Если для обезпеченія себя отъ противника , онъ станетъ держать войска въ совокупности , то подверг-

* Неровныя мѣста столь же удобны , какъ и ровныя для дѣйствія войскъ , и даже въ нѣкоторыхъ обстоятельствахъ представляютъ большія выгоды : все дѣло состоитъ въ томъ , что правила тактики должны изменяться сообразно мѣстности. Прим. перев.

** Кондоттиери.

Прим. перев.

летъ ихъ стужѣ и ненастью; если же, для избѣжанія этихъ неудобствъ, раздѣлить армію на части, то обороняющійся, который болѣе ознакомленъ съ мѣстностью, можетъ внезапно сосредоточить значительное число свѣжихъ войскъ и разбить отдѣльно отряды наступающаго. Таковы были причины пораженія Французовъ и подобная же участь будетъ удѣломъ всякаго полководца, который станетъ дѣйствовать въ зимнее время противъ искуснаго непріятеля. Пускай воюетъ зимою тотъ, кто считаетъ ни во что дисциплину, воинское образованіе и храбрость войска. Напротивъ того Римляне, весьма дорожившіе этими качествами, которыхъ приобрѣтеніе было постояннымъ предметомъ ихъ заботливости, не хотѣли добровольно отказываться отъ нихъ, и потому избѣгали зимнихъ кампаній, горной войны, и вообще всѣхъ такихъ дѣйствій, которыхъ не позволяли имъ показать, въ полной мѣрѣ, искусство въ военномъ дѣлѣ и храбрость, одушевлявшую ихъ легіоны. Я ничего болѣе не могу сказать вамъ относительно этого предмета, и потому, для объясненія моей фортификаціонной системы, перейду къ изложенію обороны и атаки крѣпостей и укрѣпленныхъ пунктовъ.

КНИГА СЕДЬМАЯ.

Фабрицио. Извѣстно уже вамъ, что города и крѣпости могутъ быть сильны естественнымъ своимъ положеніемъ, либо усилены пособіемъ искусства : они бываютъ сильны по положенію своему, когда окружены водами, либо болотами, подобно Феррарѣ и Мантуѣ, или когда построены на утесѣ, либо на весьма крутой горѣ, подобно Монако и Санъ-Лео. Крѣпости, построенныя на удобоприступныхъ высотахъ, оказываютъ наименьшее сопротивленіе артиллеріи и подкопамъ осаждающаго. По этой причинѣ, въ настоящее время, преимущественно располагаютъ крѣпости на равнинахъ, стараясь по возможности усиливать ихъ помощью искусства.

Каждый инженеръ старается дать крѣпостному валу видъ *ломаной линіи*, увеличивая, какъ можно болѣе, число исходящихъ и входящихъ угловъ. Такое расположеніе подаетъ средства препятствовать подходу непріятеля, который, приближаясь къ крѣпости, подвергается поражению съ фронта и съ фланга. Весьма высокіе валы могутъ быть разрушены дѣйствіемъ осадной артиллеріи, скорѣе, нежели низкія стѣны, которыя, въ замѣнъ того, болѣе подвержены эскаладѣ. Если же вы, для отвращенія этого неудобства, устроите впереди крѣпостнаго вала ровы, то осаждающій, имѣя значительныя силы, безъ большаго труда, засыплетъ ихъ и овладѣетъ крѣпостью. И такъ лучшее средство противъ эскалады, сколько могу судить я, состоитъ въ томъ, чтобы соорудивъ валъ достаточной высоты, устроить ровъ, не съ наружной, но со внутренней стороны его : такая система укрѣпленій,

по моему мнѣнію, весьма выгодна, какъ въ отноше-
ніи къ дѣйствию непріятельской артиллеріи, такъ
и противъ эскалады, тѣмъ болѣе, что непріятель не
имѣетъ никакого средства засыпать рвы со внутренней
стороны вала устроенные. И такъ валъ нашей
крѣпости будетъ имѣть, при достаточной высотѣ *,
ширину не менѣе трехъ локтей, чтобы непріятель не
могъ безъ большаго труда разрушить его. По всему
протяженію крѣпостныхъ стѣнъ, будутъ устроены баш-
ни, одна отъ другой въ разстояніи двухъ сотъ лок-
тей. Ширина рва должна быть по крайней мѣрѣ
тридцать локтей, а глубина — двѣнадцать. Вся земля,
изъ него вынутая, будетъ насыпана къ сторонѣ горо-
да и поддержана каменною одеждою, которая, начи-
наясь отъ самой подошвы рва, возвысится въ ростъ
человѣка надъ горизонтомъ, что послужитъ къ увели-
ченію глубины рва. Въ этой насыпи должны быть
устроены казематы въ разстояніи двухъ сотъ локтей
одна отъ другой, которыя будутъ вооружены артил-
леріею, для удержанія непріятеля, въ случаѣ поку-
шенія его спуститься въ ровъ. Мы поставимъ всѣ
орудія большаго калибра сзади стѣны, служащей про-
долженіемъ одеждѣ рва, по той причинѣ, что передній
валъ, имѣя значительную высоту, можетъ быть удоб-
но обороняемъ только небольшими орудіями **. Еже-
ли осаждающій покунется на эскаладу, то высота пе-
редоваго вала противопоставитъ ему почти непреодоли-
мое затрудненіе; если же онъ, жемая облегчить себѣ
всходъ, употребитъ сперва свою артиллерію, то встрѣ-
титъ большую трудность для сдѣланія удобовосходи-
мой брши, нежели при обыкновенной фортификаціон-
ной системѣ, потому что обломки стѣнъ всегда пада-

* Маккиавелли не опредѣляетъ высоты вала, вѣроятно имѣя въ виду зависимость ея отъ мѣстности, окружающей крѣпость.

Прим. перев.

** Авторъ, по всей вѣроятности, считаетъ непреодолимымъ неудобствомъ трудность взвозить на валъ орудія большаго калибра.

Прим. перев.

ютъ къ сторонѣ атакующаго и образуютъ близъ нашего вала груду развалинъ, которой совершенно некуда осыпаться. И такъ непріятель будетъ остановленъ сперва развалинами вала, а потомъ широкимъ ровомъ, обороняемымъ сзади его стояшею артиллеріею. Атакующій долженъ засыпать ровъ; но это весьма трудно по значительной ширинѣ и глубинѣ его; къ тому же артиллерія, поставленная во входящихъ углахъ, не позволитъ спуститься въ ровъ непріятелю, уже приведенному въ разстройство переходомъ черезъ развалины вала. И такъ мнѣ кажется, что подобнымъ образомъ устроенная крѣпость будетъ въ состояніи оказать почти непреодолимое сопротивленіе.

Блаптистъ. Но если кромѣ рва, устроеннаго со внутренней стороны вала, мы выкопали бы другой ровъ снаружи, то не увеличилась ли бы черезъ то еще болѣе сила нашей крѣпости?

Фабриціо. Безъ всякаго сомнѣнія, она сдѣлалась бы еще большею; но я предполагалъ, что вы ограничитесь однимъ ровомъ, и потому совѣтовалъ вамъ выкопать его со внутренней стороны вала.

Блаптистъ. Какіе рвы лучше, сухіе или наполненные водою?

Фабриціо. На этотъ счетъ трудно сказать что либо опредѣлительнаго. Водяные рвы обезпечиваютъ отъ подземныхъ работъ осаждающаго; за то сухіе доставляютъ надежную оборону во всякое время года. Принимая въ соображеніе выгоды обонхъ, я предпочитаю послѣдніе. Были многіе примѣры, что рвы, наполненные водою, замерзая въ зимнее время, облегчали атакующему овладѣніе городомъ; подобнымъ образомъ воинственный Папа Юліи II овладѣлъ Мирандолою. Но чтобы соединить по возможности всѣ возможныя выгоды, я намѣренъ выкопать столь глубокіе рвы, что непріятель, остановленныйъ грунтовою водою, не будетъ имѣть возможности провести ниже подошвы рва свои подземныя работы.

Всѣ мои крѣпости будутъ устроены сообразно съ

этою системою, и потому всё онѣ окажутъ атакующему достаточное сопротивленіе. Необходимо замѣтить: во 1-хъ, что не должно сооружать отдѣльныхъ бастіоновъ внѣ главнаго вала; во 2-хъ, что весьма вредно устраивать внутри крѣпости ретраншаменты, служащіе убѣжищемъ войскамъ, защищающимъ переднюю ограду. Первое изъ данныхъ мною правилъ основано на томъ, что нѣтъ ничего вреднѣе, какъ неудача въ самомъ началѣ осады, могущая поселить недоувѣренность къ начальникамъ и боязнь въ крѣпостномъ гарнизонѣ. Но вы непременно подвергнетесь этому неудобству, располагая, внѣ главнаго вала, отдѣльные бастіоны, которые бывъ постоянно подвержены разрушительному дѣйствію артиллеріи, не могутъ противиться продолжительное время. Когда Генуезцы вооружились противъ короля Французскаго Людовика XII-го, тогда они построили на высотахъ, окружающихъ городъ, нѣсколько бастіоновъ; эти укрѣпленія были взяты Французами въ продолженіе нѣсколькихъ сутокъ, что имѣло слѣдствіемъ сдачу города.

Касательно же другаго моего правила, могу сказать утвердительно, что нѣтъ ничего опаснѣе, какъ имѣть ретраншаменты, для доставленія убѣжища въ случаѣ неудачи войскамъ, обороняющимъ переднюю ограду: коль скоро солдаты увѣрены, что они могутъ укрыться, предоставя непріятелю обороняемыя ими укрѣпленія, то крѣпостной гарнизонъ окажетъ самое слабое сопротивленіе, сойдетъ съ главнаго вала и позволитъ противнику, безъ большаго труда, овладѣть крѣпостью. Такова была участь укрѣпленнаго города Форли, который былъ защищаемъ его владѣтельницею противъ сына Папы Александра VI, Цезаря Боргія, производившаго осаду войсками короля Французскаго. Этотъ городъ былъ загроможденъ укрѣпленіями, которыя доставляли возможность производить постепенную оборону. Внутри крѣпости находилась цитадель, обнесенная ровомъ, для перехода черезъ который былъ устроенъ подъемный мостъ; самая же крѣпость состоя-

ла изъ трехъ частей , одна отъ другой отдѣленныхъ водяными рвами. Когда Боргія, обративъ огонь своей артиллеріи противъ одной изъ этихъ частей, сдѣлалъ проломъ въ крѣпостномъ валѣ; то де Казаль, бывшій въ то время комендантомъ въ городѣ , вмѣсто того, чтобы оборонять брешь , отступилъ въ другую часть крѣпости. Но Боргія умѣлъ воспользоваться первоначальнымъ успѣхомъ и, овладѣвъ переходами черезъ рвы, раздѣлявшіе различныя части крѣпости, сдѣлался властителемъ всего города. Такимъ-то образомъ была взята крѣпость, до того времени считавшаяся непреодолимою: главными тому причинами, по всей справедливости, можно считать ошибки строившаго ее инженера, который нагромоздилъ много безполезныхъ укрѣпленій и устроилъ мосты такъ, что осажденнымъ невозможно было въ время поднять ихъ. Эти ошибки и невѣжество въ военномъ дѣлѣ коменданта сдѣлали тщетнымъ великодушное самопожертвованіе владѣтельницы, которая рѣшилась сопротивляться арміи, паразившей ужасомъ короля Неаполитанскаго и герцога Миланскаго. Но не смотря на то , что услія этой великой женщины не были увѣнчаны заслуженнымъ успѣхомъ, она приобрѣла большую славу , что всего убѣдительнѣе доказывается множествомъ стихотвореній, въ похвалу ей написанныхъ.

И такъ, если бы мнѣ довелось устроить крѣпость, то я довольствовался бы обнесеніемъ ея снаружи прочнымъ валомъ и глубокимъ рвомъ; внутри же соорудилъ бы только непрочныя и маловозвышенныя постройки, которыя не препятствовали бы коменданту обзрѣвать изъ середины крѣпости все пространство, обнимаемое ея стѣнами. Такимъ образомъ, онъ не лишился бы возможности видѣть всѣ пункты городскаго вала и подкрѣплять ихъ защитниковъ; а гарнизонъ былъ бы твердо убѣжденъ въ необходимости защищать со всевозможною упорностью окопы и рвы крѣпости. Да если бы обстоятельства и заставили меня отступить отъ этихъ правилъ и устроить внутреннюю

оборону, то я расположилъ бы мосты такимъ образомъ, чтобы каждая часть крѣпости могла, во всякое время, независимо отъ прочихъ прервать ближайшія къ ней сообщенія. Для этого подъемные мосты должны состоять изъ двухъ отдѣльныхъ частей, спускаемыхъ съ краевъ рва на столбы, во рву устроенные.

Баптистъ. Вы говорили намъ, что небольшія крѣпости не имѣютъ возможности, въ настоящее время, выдерживать продолжительную осаду; но мнѣ, напротивъ того, случилось слышать, что тѣмъ менѣе пространны крѣпости, тѣмъ большее могутъ они оказать сопротивленіе непріятелю.

Фабриціо. Вы не совершенно поняли мысль мою: я хотѣлъ убѣдить васъ только въ томъ, что не должно отнимать у войскъ возможности отступить, въ случаѣ необходимости, за другія стѣны и рвы, ими устроенные во время самой осады. Въ настоящее время, сила артиллеріи столь разрушительна, что весьма неосновательно было бы полагать всю свою надежду на сопротивленіе, оказываемое однимъ какимъ либо валомъ. Обыкновенные бастіоны не могутъ имѣть двойнаго вала и потому не представляютъ возможности оказать продолжительное сопротивленіе. По этой причинѣ, всего основательнѣе, не полагаясь слишкомъ на оборону, доставляемую бастіонами, усиливать профиль крѣпостныхъ построекъ, прикрывать ворота равелинами, такимъ образомъ, чтобы непріятель не могъ ворваться въ крѣпость, и отдѣлять равелинъ отъ главнаго вала рвомъ съ подъемнымъ мостомъ. Но можно еще болѣе обезпечить входы опускными рѣшетками. служащими въ случаѣ неудачной вылазки крѣпостнаго гарнизона, для удержанія непріятельскаго преслѣдованія. Эти рѣшетки, которыя могутъ быть спущены во всякое время, представляютъ гораздо надежнѣйшее средство, нежели ворота и подъемный мостъ, которые, бывъ загромождены толпою людей ищущихъ убѣжища въ стѣнахъ крѣпости, большею частью ни къ чему не служатъ во время приступа.

Блаптисть. Я видѣлъ въ Германіи опускающія рѣшетки, сдѣланныя изъ отдѣльныхъ брусевъ; у насъ же, напротивъ того, ихъ дѣлаютъ изъ толстыхъ досокъ на глухо связанныхъ. Я очень желалъ бы знать, отъ чего происходитъ такое различіе и какой изъ этихъ способовъ выгоднѣе?

Фабриціо. Повторяю вамъ еще разъ, что всѣ повѣйшія военскія учрежденія весьма недостаточны, въ сравненіи съ древними, и въ особенности у насъ, въ Италіи, гдѣ все, что есть лучшаго, перенято у народовъ средней Европы. Извѣстно уже вамъ, въ какомъ жалкомъ состояніи находились наши крѣпости до вторженія Карла VIII въ Италію, въ 1494 году. Зубцы городскихъ стѣнъ были толщиною не болѣе полулоктя, амбразуры весьма узки съ наружной стороны и широки со внутренней: однимъ, словомъ крѣпостная наша система представляла множество недостатковъ, которыхъ исчисленіе вовлекло бы насъ въ самыя бесполезныя подробности. Ничего не было легче, какъ сбить эти слабыя зубцы и разрушить мерлоны при такомъ устройствѣ амбразуръ; напротивъ того, въ настоящее время, мы научились у Французовъ дѣлать прочныя зубцы на валѣ; наши амбразуры устроены такъ, что наименьшее ихъ протяженіе находится въ срединѣ вала, откуда оно расширяется въ обѣ стороны: такимъ образомъ наша артиллерія обезпечена отъ дѣйствія непріятельскихъ орудій несравненно лучше, нежели прежде. Но у Французовъ есть много другихъ военныхъ учрежденій, на которыя, у насъ, въ Италіи не обращаютъ вниманія. Такова, между прочимъ, опускающія рѣшетка изъ отдѣльныхъ брусевъ, которая несравненно выгоднѣе сплошной, у насъ употребляемой. Наша опускающія дверь не позволяетъ осажденнымъ дѣйствовать противъ атакующаго, который, подъ прикрытіемъ ея, можетъ смѣло приблизиться къ крѣпости. Напротивъ того, опускающія дверь, въ видѣ рѣшетки изъ отдѣльныхъ брусевъ, можетъ быть обо-

роняема всѣми возможными родами холоднаго и метальнаго оружія.

Баптистъ. Я замѣтилъ въ Италіи еще одинъ иностранный обычай, состоящій въ томъ, что у лафетовъ спицы колесъ обыкновенно вставляются въ наклонномъ положеніи къ ступицѣ. Хотѣлось бы мнѣ знать причину тому: мнѣ кажется, что лафетныя колеса могли бы оказывать большее сопротивленіе, если бы спицы ихъ вдѣлывались въ перпендикулярномъ положеніи, подобно колесамъ обыкновенныхъ повозокъ.

Фабриціо. Не думайте никогда, чтобы вещи, которыя вамъ кажутся необыкновенными, были дѣломъ случая. Несомнительно было бы также предположить, что Французы имѣли притомъ въ виду единственно наружную красу своихъ лафетныхъ колесъ, по той причинѣ, что она не принимается въ соображеніе тамъ, гдѣ дѣло идетъ о прочности. Эти колеса въ дѣйствительности прочиѣе и надежниѣ обыкновенныхъ. Когда лафеть двигается на передкѣ, то тяжесть его раздѣлена поровну между обоими колесами, либо лежитъ преимущественно на одномъ изъ нихъ: въ первомъ случаѣ, каждое изъ колесъ легко выдерживаетъ часть тяжести, на немъ лежащую; во второмъ, вся тяжесть упирается на одномъ изъ колесъ, и ежели спицы вдѣланы перпендикулярно къ ступицѣ, то, при наклонномъ положеніи колеса, центръ тяжести падаетъ внѣ спицъ и колесо подвергается ломкѣ. И такъ обыкновенныя колеса представляютъ наибольшее сопротивленіе тогда, когда грузъ раздѣленъ между ними поровну, и оказываются слабѣе, при наклонномъ положеніи лафета, когда на одномъ изъ колесъ лежитъ вся тяжесть. Напротивъ того, при лафетахъ съ наклонными спицами, когда вся тяжесть падаетъ на одно изъ колесъ, то спицы становятся въ перпендикулярномъ положеніи и выдерживаютъ наилучшимъ образомъ давленіе груза; когда же лафеть двигается по ровной мѣстности, то спицы находятся въ наклонномъ положеніи; но тяжесть раздѣлена по ровну между ко-

лесами, отъ которыхъ тогда не требуется столь сильнаго сопротивленія, какъ при наклонномъ положеніи лафета. Но возвратимся къ нашей крѣпостной системѣ.

Для удобнѣйшаго производства вылазокъ и для обезпеченія обратнаго отступленія войскъ въ крѣпость, Французы употребляютъ слѣдующій способъ, котораго мы еще никогда не удавалось видѣть въ Италиі. На концѣ подъемнаго моста ставятъ два столба со шлагбаумами, соединенными въ верхней части рѣшеткою, которая можетъ быть опускаема и подымаема посредствомъ цѣпей на произвольную высоту. Подобнаго рода механизмъ гораздо надежнѣе обыкновенныхъ опускаемыхъ воротъ, по той причинѣ, что непріятель не можетъ ни остановить движенія шлагбаумовъ, ни подпереть рѣшетки во время ея спуска.

При сооруженіи крѣпостей необходимо соблюдать всѣ эти правила. Не должно также позволять строиться ближе одной мили отъ укрѣпленій, чтобы вся окрестность ихъ представляла мѣстность непрерывную ни деревьями и кустарниками, ни домами и насыпями, которыя могли бы служить для прикрытія непріятельскихъ войскъ во время осады. Самый гласисъ, по моему мнѣнію, приноситъ болѣе пользы осаждающему, нежели осажденному, по той причинѣ, что, покрывая подступы перваго къ крѣпости, ни мало не препятствуетъ дѣйствию осадной артиллеріи. Остается мнѣ сказать о нѣкоторыхъ распоряженіяхъ, служащихъ для сохраненія порядка во внутренности города.

Не стану распространяться о необходимости заготовленія въ значительномъ количествѣ военныхъ и съѣстныхъ припасовъ. Такія предосторожности очевидны для каждаго, по той причинѣ, что, упустивъ ихъ изъ вида, всѣ прочія наши мѣры остались бы тщетными. Должно обращать вниманіе: во 1-хъ, на собраніе запасовъ въ изобиліи и во 2-хъ, на отнятіе у противника возможности пользоваться средствами края: для исполненія этихъ условій, необходимо уничтожить

всѣ предметы продовольствія, которыхъ невозможно употребить въ свою пользу.

Комендантъ осажденной крѣпости долженъ употребить всѣ зависящія отъ него средства для сохраненія порядка и для точнаго опредѣленія обязанностей каждаго изъ своихъ подчиненныхъ, во всѣхъ возможныхъ случаяхъ. Для этого требуется, чтобы женщины, старики, дѣти и вообще всѣ люди, не могущіе владѣть оружіемъ, находились въ домахъ своихъ, не мѣшая дѣйствию прочихъ, которые должны быть раздѣлены на части: одни могутъ защищать городскія стѣны; другіе займутъ важнѣйшіе посты во внутренности крѣпости, либо будутъ находиться во всегдашней готовности идти въ помощь туда, гдѣ въ томъ окажется надобность. Такія распоряженія могутъ предупредить всѣ возможные безпорядки.

Касательно же атаки и обороны крѣпостей, необходимо замѣтить, что наименьшее сопротивление обыкновенно оказываютъ тѣ изъ нихъ, которыхъ жители никогда не подвергались осадѣ. Въ подобномъ случаѣ, для овладѣнія городомъ, бываетъ достаточно однихъ демонстрацій. А потому комендантъ такой крѣпости долженъ поручить защиту всѣхъ пунктовъ, угрожаемыхъ противникомъ. Людямъ испытанной храбрости, на которыхъ было бы можно вполне положиться. Какъ только первыя атаки осаждающаго останутся безуспѣшными, то осажденные приобрѣтутъ такую нравственную силу, что непріятель безъ чрезвычайныхъ усилій не будетъ въ состояніи покорить ихъ.

Военныя машины, бывшія въ употребленіи у древнихъ, при оборонѣ крѣпостей, состояли изъ *баллистовъ, онагровъ, скорпионовъ, аркбаллистовъ, пращей*, и прочая. Для атаки крѣпостей также служили многія машины, какъ то: *тараны, башни, косы, крытыя галлерей, черпахи*, и прочая. Въ настоящее же время, всѣ эти средства замѣнены артиллерійскими орудіями, равно служащими, какъ для обороны, такъ и для атаки; не имѣя въ виду входить въ подробности на счетъ

артиллеріи, я намѣренъ ограничиться изложеніемъ средствъ, употребляемыхъ для покоренія крѣпости. Осажденные обыкновенно имѣютъ въ виду двѣ цѣли, то есть, предохранить себя отъ голода и отъ непріятеля. Достиженіе перваго изъ сихъ предметовъ возможно посредствомъ скопленія значительныхъ запасовъ до начатія осады; но когда эти запасы истощатся, то должно будетъ озаботиться пріисканіемъ другихъ способовъ для снабженія крѣпости продовольствіемъ: это не представитъ большихъ затрудненій въ такихъ случаяхъ, когда черезъ городъ проходитъ значительная рѣка: во время осады Казилинума Аннибаломъ, Римляне, не имѣя возможности снабдить продовольствіемъ эту крѣпость, набросали въ рѣку Вултурну множество орѣховъ, которые, бывъ сплавлены по теченію рѣки, послужили гарнизону въ большую пользу. Иногда осажденные, желая увѣрить непріятеля въ изобиліи своихъ запасовъ и лишить его надежды овладѣть крѣпостью посредствомъ голода, бросали хлѣбъ за городской валъ, либо накормивъ вола до сыта хлѣбомъ въ зернѣ, позволяли поймать его непріятелямъ, которые, убивъ вола, находили въ немъ хлѣбъ въ большомъ количествѣ, и черезъ то могли быть вовлечены въ заблужденіе на счетъ изобилія съѣстныхъ припасовъ въ крѣпости*.

Осаждающіе, съ своей стороны, употребляли различныя хитрости для истощенія запасовъ гарнизона. Такимъ образомъ Фабій нарочно допустилъ жителей Кампаніи окончить посѣвъ хлѣба, чтобы лишить ихъ части зерноваго запаса. Діонисій, обложивъ Реджію, завелъ переговоры съ гражданами, уговорилъ ихъ отпустить, въ ожиданіи мира, продовольствіе для его арміи, и когда запасы ихъ были истощены, стѣснилъ обложеніе города и принудилъ жителей къ сдачѣ голодомъ. Александръ Великій, имѣя намѣреніе осадить

* Довольно странныя стратагемы.

Левкаду, началъ дѣйствія взятіемъ всѣхъ сосѣдственныхъ крѣпостей, которыхъ гарнизоны ушли въ Левкаду и истощили въ короткое время всѣ собраныя тамъ запасы.

Что же касается до атаки открытою силою, то, какъ я уже сказалъ вамъ, всего болѣе должно остерегаться перваго приступа. Римляне весьма часто употребляли этотъ способъ атаки, нападая на крѣпость со всѣхъ сторонъ: такимъ образомъ была взята Сципіономъ Карвагена, одна изъ важнѣйшихъ крѣпостей въ Испаніи. Но ежели осажденнымъ удастся отразить первое нападеніе, то послѣдующія усилія атакующихъ войскъ вѣроятно останутся тщетными. Если бы даже удалось имъ ворваться въ городъ, то гарнизонъ и граждане не должны терять бодрость: весьма часто случалось, что непріятельскія войска, вошедшія въ средину крѣпости, были прогнаны съ значительнымъ урономъ. Въ подобныхъ случаяхъ, осажденные должны стараться удержать за собою господствующіе пункты, поражая противника съ вершины домовъ и башенъ. Съ своей стороны атакующіе могутъ ослабить сопротивленіе гарнизона, отворивъ всѣ городскія ворота и предоставляя непріятелю свободное отступленіе, либо обнародовать воззваніе къ жителямъ, объявляя, что тѣ изъ числа ихъ, которые положатъ оружіе, будутъ помилованы: подобныя средства весьма часто облегчали овладѣніе важными городами.

Еще можно безъ большаго труда овладѣть крѣпостью посредствомъ неожиданной атаки. Для этого должно расположить войска въ нѣкоторомъ разстояніи отъ города, и когда жители его, успокоенные этою демонстраціею, предадутся безпечности, тогда, подойдя скрытно къ крѣпости, весьма легко овладѣть ею. Признаюсь вамъ, что я не люблю разсуждать о современныхъ происшествіяхъ: говоря о себѣ, легко можно увлечься пристрастіемъ; а говоря о другихъ, не трудно впасть въ заблужденіе. При всемъ томъ считаю неизлишнимъ привести въ примѣръ Цезаря Боргія, герцога Вален-

тивуаскаго, который, находясь съ своею арміею въ Ночерѣ, направился къ Камерино; по потомъ, внезапно обратясь къ Урбино, овладѣлъ этимъ городомъ безъ сопротивленія въ однѣ сутки, не смотря на то, что другой полководецъ, для достиженія подобной цѣли, безъ всякаго сомнѣнія, употребилъ бы много времени и усилій.

Но нѣтъ ничего опаснѣе для осажденныхъ, какъ различныя военныя хитрости, которыя можетъ употребить непріятель для овладѣнія крѣпостью. Ежели осаждающіе постоянно производятъ какое либо дѣйствіе, то, какъ бы оно ни казалось маловажнымъ, не должно гарнизону оставлять его безъ вниманія. Домиціи Кальвинусъ, осаждая крѣпость, ежедневно производилъ движенія вокругъ стѣнъ ея съ частью своего войска, и наконецъ, когда жители города, считая эти движенія учебнымъ маневромъ, не обращали уже на нихъ вниманія, осаждавшіе пошли на приступъ и овладѣли крѣпостью. Нѣкоторые полководцы, получивъ свѣдѣніе, что гарнизонъ ожидалъ прибытія подкрѣпленій, давали части своего войска одежду по образцу непріятельской, и черезъ то вводили въ заблужденіе осажденныхъ. Кимонъ, военачальникъ афинскій, зажегъ ночью храмъ, находившійся въ сосѣдствѣ осажденной имъ крѣпости, и когда граждане бросились тушить пожаръ, овладѣлъ городомъ. Другіе полководцы, захвативъ непріятельскихъ фуражировъ, переодѣвали въ ихъ платье собственныхъ солдатъ, которые входили въ крѣпость и впускали въ нее осаждающихъ.

Древніе полководцы употребляли различныя средства для ослабленія крѣпостей, которыя осаждаютъ они были намѣрены. Сципіонъ, ведя войну въ Африкѣ, и желая овладѣть нѣкоторыми крѣпостями, занятыми непріятелемъ, нѣсколько разъ подступалъ къ нимъ и удалялся обратно. Аннибалъ, обманутый этими демонстраціями, присоединилъ къ своей арміи, дѣйствовавшей въ полѣ, всѣ крѣпостныя гарнизоны, чтобы

съ большею удобностью побѣдить Римлянъ; но какъ только Сципiонъ узналъ объ этой ошибкѣ, то немедленно отрядилъ Масиниссу, который овладѣлъ всѣми крѣпостями, оставленными безъ защиты. Подобнымъ образомъ, Пирръ, осаждая столицу Иллирии, обороняемую многочисленнымъ гарнизономъ, притворился потерявшимъ терпѣніе и снявъ осаду города, двинулся противъ другихъ крѣпостей, что заставило Иллирійцевъ подкрѣпить гарнизоны ихъ войсками, оборонявшими столицу; но какъ только Пирръ узналъ о томъ, то возвратился по слѣдамъ своимъ, и овладѣлъ главнымъ городомъ Иллирии.

Случалось также, что для овладѣнія городомъ, осаждающей отравлялъ воды*, либо отводилъ ихъ теченіе, но такое средство весьма не надежно. Еще можно побудить осажденныхъ къ сдачѣ, сообщивъ имъ свѣдѣніе о пораженіи ихъ войскъ, дѣйствующихъ въ полѣ, либо о прибытіи подкрѣпленій къ осадному корпусу. Древніе полководцы весьма часто прибѣгали къ привлеченію на свою сторону нѣкоторыхъ изъ числа жителей, которыхъ измѣна открывала имъ входъ въ городъ. Но въ этомъ отношеніи были употребляемы и другія средства: весьма часто переметчикъ, нарочно подсланный полководцемъ, пріобрѣталъ въ городѣ такую довѣренность, что могъ облегчить осаждавшимъ войскамъ достиженіе ихъ цѣли, открывъ расположеніе непріятельскихъ карауловъ, либо загромоздивъ ворота какою либо повозкою, не позволявшею во время запереть ихъ. Аннибалъ, осаждая римскую крѣпость, привлекъ на свою сторону одного изъ городскихъ жителей, который сначала ходилъ нѣкоторое время на охоту, въ ночное время, какъ будто бы опасаясь непріятеля; а потомъ, пользуясь оплошностью своихъ согражданъ, привелъ съ собою отрядъ карагенскихъ войскъ, ко-

* Возможно ли повѣрить въ наше время, чтобы подобныя средства были въ дѣйствительности употребляемы. Пряма перекъ.

торый истребилъ гарнизонъ и отворилъ ворота Аннибаловой арміи.

Ежели гарнизонъ сдѣлаеть вылазку, то осаждающей можетъ притворно обратиться въ бѣгство, чтобы увлечь за собою непріятельскія войска и отрѣзавъ ихъ отъ крѣпости, овладѣть ею: въ подобныхъ случаяхъ, Аннибалъ и нѣкоторые другіе полководцы жертвовали своимъ лагеремъ. Весьма можетъ также быть полезно притворное снятіе осады: такимъ образомъ военачальникъ аенпскій Форміонъ, разоривъ халкидскую область, допустилъ къ себѣ ея посланныхъ, обманулъ ихъ бдительность самыми благосклонными обѣщаніями, и пользуясь ихъ слѣпою довѣрчивостью, овладѣлъ главнымъ городомъ Халкиды.

Осажденные должны неусыпно наблюдать за подозрительными людьми, находящимися въ городѣ; но иногда бываетъ возможно привлечь ихъ къ себѣ кроткими мѣрами. Маркеллъ былъ совершенно убѣжденъ, что Люцій Бранцій, гражданинъ города Нолы, держалъ сторону Аннибала; но не обращая на то вниманія, обходился съ нимъ столь милостиво и великодушно, что заставилъ его дѣйствовать въ пользу Римлянъ.

Военныя предосторожности должны быть усугубляемы не только тогда, когда мы находимся вблизи отъ непріятеля, но и въ то время, когда онъ, отдалясь отъ насъ, можетъ усыпить нашу бдительность; подобнымъ же образомъ должно обращать наибольшее вниманіе на тѣ пункты, которые намъ кажутся наилучше обезпеченными отъ нападенія, по той причинѣ, что многіе города были атакованы и взяты съ той стороны, откуда вовсе нельзя было ожидать непріятеля. Такія нечаянныя нападенія почти всегда удаются потому, что осажденные, считая какой либо постъ неприступнымъ, не охраняютъ его надлежащимъ образомъ, либо по той причинѣ, что атакующій, отвлекши вниманіе гарнизона въ другую сторону фальшивою атакою, производитъ скрытно настоящее нападеніе. Осажденные должны принять всевозможныя

*

мѣры предосторожности для предупрежденія этой опасности, охраняя валъ во всякое время, и въ особенности ночью; для чего съ пользою могутъ служить не только люди, но и различныя животныя, какъ на примѣръ собаки. Извѣстно каждому, что Римъ былъ одоженъ спасеніемъ гусямъ во время осады Капитоліи Галлами. При осадѣ Аѳинъ лакедемонскими войсками, Алкивиадъ, желая усугубить бдительность стражей, приказалъ, подъ опасеніемъ строжайшаго наказанія, чтобы всякой часовой отвѣчалъ на знаки, подаваемые огнями въ ночное время, такими же сигналами. Ифигратъ, нашедши одного изъ часовыхъ спящимъ, убилъ его, говоря: «Я оставилъ его въ такомъ же положеніи, въ какомъ онъ былъ и прежде.»

Осажденные употребляютъ различныя средства для сохраненія сообщеній съ окрестною странюю, передавая всѣ свѣдѣнія въ условленныхъ цифрахъ, чтобы неприятель не могъ узнать ихъ содержанія. Дешеша могутъ быть пересылаемы въ ножнахъ оружія, или запечены въ хлѣбномъ тѣстѣ, либо наконецъ скрыты въ ошейникѣ собаки, находящейся при посылаемомъ курьерѣ. Еще можно помѣстить важнѣйшее содержаніе посылаемыхъ бумагъ въ промежуткахъ строкъ, заключающихъ въ себѣ какое либо пустое извѣстіе: такіа секретныя свѣдѣнія должны быть написаны симпатическими чернилами, которыя выходятъ наружу посредствомъ нагрѣванія либо смачиванія водою депеша. Это средство, въ повѣйшее время, весьма часто приносило большую пользу. Случалось также, что для передачи осажденнымъ извѣстій, употреблялись объявленія объ отлученіи отъ церкви, прибываемыя къ церковнымъ воротамъ и заключавшія въ промежуткахъ между строками какое либо важное свѣдѣніе, написанное симпатическими чернилами; осажденные же всегда могли узнать такую бумагу по заблаговременно условленному знаку, на ней поставленному, и снявъ ее, читали всѣ заключавшіяся въ ней свѣдѣнія. Такое средство надежнѣе и безопаснѣе всѣхъ прочихъ, потому,

что самъ посланный съ депешами не можетъ догадаться о важности ихъ содержанія.

Но кромѣ этого способа, есть много другихъ, которыхъ пріисканіе предоставляю собственной вашей изобрѣтательности. Впрочемъ — гораздо легче пересылать свѣдѣніе извнѣ въ осажденную крѣпость, нежели доставлять ихъ изъ крѣпости, для чего нѣтъ ни какихъ средствъ, кромѣ отправленія нарочныхъ, притворяющихся переметчиками; но этотъ способъ весьма не надеженъ и опасенъ, и въ особенности имѣя дѣло съ неусыпнымъ противникомъ. Напротивъ того, весьма не затруднительно писать извнѣ въ крѣпость, и для этого стѣнитъ только послать подъ какимъ либо предлогомъ въ непріятельскій лагерь нарочнаго, который, найдя удобный случай, можетъ пробраться въ городъ и сообщить осажденнымъ посылаемыя свѣдѣнія*.

Теперь приступаю къ изложенію настоящаго способа атаки крѣпостей и обороны ихъ. Ежели обороняемый городъ не обнесенъ ровомъ снаружи, то для удержанія непріятеля на бреши, которая непременно будетъ пробита въ валу осадными орудіями, необходимо устроить, какъ я уже сказалъ прежде, сзади вала, ровъ шириною въ тридцать локтей и выбросить всю вынутую изъ него землю къ сторонѣ города, что образуетъ вторую насыпь и увеличиваетъ глубину рва. Эти работы должны быть начаты заблаговременно, чтобы въ то время, когда осаждающій сдѣлаетъ проломъ въ переднемъ валѣ, глубина рва уже была не менѣе пяти или шести локтей. Необходимо также, чтобы этотъ ровъ былъ обнесенъ каменною одеждою. Ежели передній валъ можетъ удержать атакующаго до тѣхъ поръ, пока будетъ готовъ ровъ, то пробитіе бреши не проложитъ входа непріятелю въ крѣпость; если же валъ не довольно проченъ и вы не успѣете окончить своихъ работъ прежде пробитія бреши, то должно про-

* По видимому столь же трудно пробраться въ крѣпость, осаждаемую непріятелемъ, какъ и выйти изъ крѣпости. Прим. перек.

тивопоставить непріятелю какъ можно болѣе войскъ и дѣйствовать ими со всевозможнымъ упорствомъ. Подобнаго устройства второй валъ былъ сооруженъ безъ затрудненія жителями Пизы при осадѣ этого города нашими войсками ; необыкновенная прочность передняго крѣпостнаго вала способствовала осажденнымъ замедлить ходъ атаки, и сверхъ того, всѣ работы производились ими въ глинистой землѣ, которой вязкость облегчала сооруженіе вала : безъ этихъ выгодъ , они подверглись бы вѣрной гибели. И такъ , очевидно , что не можетъ быть ничего полезнѣе для гарнизона , какъ сообразно съ предложенными мною правилами, заблаговременно выкопать ровъ и устроить второй валъ, которые лишь одни могутъ совершенно обезпечить осажденныхъ отъ непріятеля.

Древніе брали довольно часто города посредствомъ подкоповъ. Иногда они выкапывали скрытно подземные ходы , которые вели во внутрь города и способствовали овладѣть имъ : такимъ образомъ Римляне взяли Веію. Въ другихъ случаяхъ , осаждавшіе подрывали стѣны, чтобы обрушить ихъ : послѣднее средство весьма употребительно и въ настоящее время *. Крѣпости, построенныя на высотахъ, слабѣе всѣхъ прочихъ, потому что при нихъ удобнѣе устраивать подкопы, которые, бывъ наполнены порохомъ, не только опрокидываютъ взрывомъ своимъ крѣпостныя стѣны , но обрушаютъ сосѣдственную мѣстность, со всѣми на ней построенными укрѣпленіями. Лучшее средство , для предохраненія себя отъ этой опасности , состоитъ въ томъ , чтобы располагать крѣпости на равнинахъ и обносить ихъ ровомъ такой глубины, чтобы атакующей, углубившись ниже подошвы рва , былъ остановленъ грунтовою водою, которая лишь одна можетъ уничтожить разрушительное дѣйствіе подкоповъ. Но если бы необходимость заставила васъ расположить крѣпость на высотѣ, то нѣтъ лучшаго средства предохра-

* Во времена Макіавелли.

Прим. перев.

нить себя отъ минъ , какъ открыть подземные ходы атакующаго , выкапывая во внутренности города , во многихъ мѣстахъ , глубокія ямы. Ежели расположеніе непріятельскихъ подземныхъ ходовъ вамъ извѣстно , то всего лучше употребить контрмины; но должно замѣтить, что имѣя дѣло съ искуснымъ противникомъ, весьма трудно открыть его подземныя работы.

Всего же болѣе остерегаться должны осажденные, чтобъ непріятель не могъ застать ихъ врасплохъ во время отдыха войскъ , какъ напрямѣръ послѣ отбитаго приступа передъ смѣною часовыхъ , то есть , на разсвѣтѣ и въ сумерки , и въ особенности въ то время, когда они себя подкрѣпляютъ пищею: непріятель весьма часто пользовался этимъ временемъ для овладѣнія городомъ и для истребленія гарнизона; и потому должно всегда соблюдать какъ можно большую осторожность и держать значительную часть силъ въ готовности къ бою. Впрочемъ нельзя не замѣтить, что оборона крѣпости всего болѣе ослабляется необходимостью разсѣивать силы гарнизона по всему протяженію обороняемыхъ укрѣпленій, между тѣмъ какъ наступающій можетъ сосредоточивать свои войска на любомъ пунктѣ: изъ этого выходитъ, что тамъ , гдѣ атакующій дѣйствуетъ всѣми силами , обороняющійся противопоставляетъ ему только часть войска. Нельзя не замѣтить также, что при неудачѣ, первый подвергается только снятію осады, между тѣмъ какъ послѣднему угрожаетъ гибель. По этимъ причинамъ, нѣкоторые полководцы, осажденные въ городѣ, либо въ укрѣпленномъ лагерѣ, выходили оттуда въ поле и вступали въ рѣшительное сраженіе, не смотря на превосходство въ числѣ непріятельскаго войска: такимъ образомъ дѣйствовали Маркеллъ подъ Нолою и Юлій Кесарь въ Галліи. Послѣдній, бывши атакованъ въ своемъ лагерѣ несмѣтными полчищами Галловъ, сообразилъ, что, оставаясь въ укрѣпленіяхъ, онъ нашелся бы въ необходимости, для защиты ихъ, разсѣять свои войска и дѣйствовать безъ надлежащей энергіи

И потому, устроив удобные выходы въ лагерьъ, онъ устремился противъ непріятеля со всею массою своихъ силъ, атаковалъ его рѣшительно и одержалъ совершенную побѣду.

Весьма часто постоянство и непоколебимость осажденныхъ поселяютъ отчаяніе и боязнь въ рядахъ осаждающей арміи. Войска Юлія Кесаря, находясь въ виду Помпеевой арміи, въ Фессалии, претерпѣвали чрезвычайный недостатокъ въ продовольствіи. Въ это время принесли на показъ Помпею одинъ изъ хлѣбовъ, спеченный непріятельскими воинами изъ мякины; тогда Помпей запретилъ показывать этотъ хлѣбъ, чтобы не утратить своей арміи самоотверженіемъ непріятеля. Ни что столько не принесло чести Римлянамъ въ продолженіе борьбы ихъ съ Аннибаломъ, какъ ихъ непоколебимое постоянство. Ни опасность ихъ положенія, ни несчастія, ихъ постигавшія, не могли побудить ихъ къ миру. Когда Аннибалъ находился подъ стѣнами Рима, тогда поля, на которыхъ стояло его войско, продавались дороже, нежели прежде. Непреклонное постоянство Римлянъ простиралось до такой степени, что они, осаждая Капую, въ то самое время, когда Аннибалъ угрожалъ Риму, не сняли осады враждебнаго города и не поспѣшили на защиту собственной столицы.

Извѣстно мнѣ вполне, что разсуждая съ вами о военномъ искусствѣ, я могъ войти въ такія подробности, которыя вамъ совершенно извѣстны; но я не пропускалъ ихъ для того, чтобы убѣдительно показать всѣ выгоды предлагаемыхъ мною учрежденій, и притомъ же, эти мелочи могутъ принести пользу тѣмъ изъ васъ, которые не имѣли случая ознакомиться съ военнымъ дѣломъ. Остается мнѣ изложить нѣкоторыя общія правила, которыхъ изученіе можетъ быть весьма полезно:

1) Все, что полезно вашему противнику, вамъ вред-

но, и на оборотъ, все что ему вредно, можетъ клониться къ вашей пользѣ.

2) Чтобы избѣжать многихъ опасностей и получить большую вѣроятность успѣха, необходимо, какъ возможно тщательно наблюдать за непріятелемъ и постоянно заниматься образованіемъ своего войска.

3) Не вводите никогда въ дѣло своихъ войскъ, не обучивъ ихъ по надлежащему и не поселивъ въ нихъ самонадѣянности: не вступайте въ бой, если они не увѣрены въ побѣдѣ.

4) Гораздо вѣрнѣе можно побѣдить врага голодомъ, нежели желѣзомъ; успѣхъ въ войнѣ зависитъ отъ счастья болѣе, нежели отъ храбрости.

5) Наилучшими соображеніями по всей справедливости должны считаться тѣ, которыя сохраняются въ тайнѣ до времени, назначеннаго для ихъ исполненія.

6) Нѣтъ ничего важнѣе въ военномъ дѣлѣ, какъ умѣнье оцѣнять удобнѣйшія обстоятельства и не пропускать ихъ.

7) Храбрость не всегда бываетъ врожденною; но преимущественно приобрѣтается военнымъ образованіемъ и привычкою.

8) Дисциплина важнѣе храбрости.

9) Весьма полезно переманить на свою сторону приверженцевъ противника, если только можно полагаться на ихъ вѣрность. Потеря въ бѣглыхъ чувствительнѣе для непріятеля, нежели потеря въ убитыхъ, потому что первая усиливаетъ противника; но можно ли ему быть увѣрену въ переметчикахъ?

10) Располагая армію въ боевой порядокъ, гораздо выгоднѣе оставить, сзади первой линіи, часть войскъ въ резервѣ, нежели употребить ихъ для увеличенія длины фронта.

11) Трудно побѣдить того, кто умѣетъ оцѣнять, какъ свои, такъ и непріятельскія силы*.

* И Наполеонъ говоритъ: «всега важнѣе знать, съ кѣмъ и противъ кого идете дѣло.» Прим. перекл.

12) На войнѣ мужество войскъ важнѣе, нежели многочисленность ихъ; но всего болѣе оказываетъ вліянія на успѣхъ дѣйствій умѣнье пользоваться мѣстностью.

13) Ни что не устрашаетъ войска такъ, какъ предметы, поражающіе ихъ своею новостью и неожиданностью. По этой причинѣ, ведя войну въ первый разъ противъ какой либо арміи, должно вводить войска въ стычки, прежде вступленія въ рѣшительное дѣло.

14) Кто преслѣдуетъ опрокинутого противника, не сохраняя порядка въ собственныхъ войскахъ, тотъ добровольно уступаетъ врагу побѣду.

15) Полководецъ, не заботящійся о продовольствіи своихъ войскъ, подвергается несомнѣнному поражению.

16) При выборѣ мѣста для боя необходимо обращать вниманіе на составъ и свойства различныхъ родовъ войскъ, какъ своей, такъ и непріятельской арміи.

17) Чтобы удостовѣриться, нѣтъ ли шпионовъ въ лагерѣ, должно отправить солдатъ въ назначенныя для нихъ помѣщенія: тогда шпионамъ не будетъ мѣста.

18) Ежели вы полагаете, что непріятель проникъ ваши намѣренія, то всего лучше будетъ перемѣнить ихъ.

19) Совѣтуйтесь со многими; ввѣряйтесь избраннымъ.

20) Полководецъ долженъ рѣшаться на сраженіе только въ случаѣ необходимости, либо тогда, когда бой обѣщаетъ ему вѣрныя выгоды.

21) Для избѣжанія замѣшательства, не должно, въ продолженіе боя, измѣнять безпрестанно назначенія частей войска.

22) Весьма легко поправить заранѣе предусмотрѣнные случаи; но нѣтъ ничего труднѣе, какъ превозмочь неожиданныя препятствія.

23) Война требует солдатъ, оружія, денегъ и хлѣба.

24) Истинный воинъ не долженъ высоко цѣнить, ни вкусной пищи, ни богатой одежды.

Излагая вамъ всѣ важнѣйшія правила военнаго искусства, я могъ бы войти въ несравненно большія подробности, и въ особенности на счетъ организаціи, одежды и образованія различныхъ родовъ древнихъ войскъ; но считаю это излишнимъ, тѣмъ болѣе, что вы сами можете съ ними познакомиться, и притомъ же главною моею цѣлью было не объясненіе военнаго искусства древнихъ, но приисканіе средствъ, служащихъ къ образованію лучшей и надежнѣйшей арміи въ настоящее время. По этимъ причинамъ я говорилъ о древнихъ воинскихъ учрежденіяхъ только для поясненія предложенныхъ мною правилъ.

Вы, можетъ быть, желали, чтобы я нѣсколько болѣе распространялся о кавалеріи и о войнѣ на морѣ, по той причинѣ, что къ военнымъ силамъ государства равно относятся, какъ сухопутныя войска, такъ и флотъ, какъ пѣхота, такъ и кавалерія. Я умолчалъ о морскихъ силахъ, потому что эта часть мнѣ совершенно неизвѣстна: объ этомъ предметѣ могутъ судить основательнѣе всѣхъ Генуэзцы и Венеціане, которые, постоянно занимаясь возвышеніемъ своего флота, совершили столь славные подвиги. Что же касается до кавалеріи, то я не распространялся о ней потому, что она, въ настоящее время, устроена лучше прочихъ родовъ войскъ. Но считаю не излишнимъ замѣтить, что для увеличенія числа хорошихъ лошадей, могутъ принести пользу два средства: 1) заводы хорошихъ породъ и 2) торговля жеребятами. Чтобы увеличить число покупателей, необходимо постановить закономъ, чтобы ни кто не смѣливался держать лошака, не имѣя лошади.

Вы, можетъ быть, также хотѣли бы, чтобы я исчи-

слилъ необходимѣйшія качества великаго полководца: постараюсь удовлетворить въ короткихъ словахъ ваше любопытство. Полководецъ долженъ не только обстоятельно знать всѣ изложенныя мною военныя правила; но умѣть приискать и другія средства, въ случаѣ надобности, потому что безъ изобрѣтательнаго ума, нельзя выйти изъ тѣснаго круга посредственности. Способность къ изобрѣтенію весьма важна во всѣхъ искусствахъ и въ особенностяхъ въ военномъ дѣлѣ, въ отношеніи къ которому самыя неважныя выдумки заслужили мѣсто въ лѣтописяхъ исторіи. Такимъ образомъ многіе хвалили Александра Великаго за то, что, желая выступить скрытно изъ своего лагеря, онъ, вмѣсто обыкновеннаго трубнаго сигнала къ выступленію, подалъ къ тому знакъ, приказавъ ударить коньемъ по шлему. Въ другомъ случаѣ, онъ заставилъ своихъ воиновъ, передъ самымъ вступленіемъ въ бои, стать на лѣвое колѣно, чтобы надежде встрѣтить первоначальный натискъ противника. Это ничтожное средство увѣчило его побѣдою и доставило ему такую славу, что почти во всѣхъ памятникахъ, ему воздвигнутыхъ, онъ изображаемъ былъ стоящимъ на лѣвомъ колѣнѣ.

Но пора мнѣ окончить разсказъ мой и возвратиться къ началу его, чтобы избѣгнуть наказанія, постигающаго у насъ въ Италіи тѣхъ, которые оставляютъ свою страну безвозвратно. Вы сказали мнѣ, Козимо, что для васъ казалось страннымъ, почему я, бывши такимъ почитателемъ древнихъ, и обвиняя съ такимъ жаромъ тѣхъ, которые не слѣдуютъ ихъ примѣру, не старался подражать имъ въ учрежденіяхъ, относящихся къ военному дѣлу, всегда бывшему постояннымъ моимъ занятіемъ. Я отвѣчалъ вамъ, что всякой человѣкъ, имѣющій въ виду какое либо предпріятіе, долженъ заблаговременно къ нему приуготовиться, чтобы быть въ состояніи привести его въ исполненіе при удобномъ къ тому случаѣ. Въ продолженіе нашей бесѣды, я старался развить подробно свои мысли о воен-

помъ искусствѣ; предоставляю вамъ самимъ судить, способенъ ли я или нѣтъ возстановить въ войскахъ пришедшіе въ забвеніе уставы древнихъ: ласкаю себя надеждою, что вы теперь можете понимать, сколько времени употреблено мною на этотъ единственный предметъ всѣхъ моихъ размышленій, и съ какимъ жаромъ я приступилъ бы къ самому дѣлу. Не трудно вамъ также обсудить, имѣлъ ли я къ тому необходимыя средства и благопріятный случай. Но чтобы разсѣять и самую тѣнь сомнѣній и совершенно оправдать себя въ глазахъ вашихъ, я постараюсь объяснить, какія именно обстоятельства могутъ благопріятствовать успѣху моего предпріятія, и черезъ то покажу вамъ, какъ средства къ возобновленію древнихъ учрежденій, такъ и препятствія, не позволяющія совершить такого преобразования.

Военные уставы древнихъ, преимущественно передъ всѣми прочими учрежденіями ихъ, могутъ быть возобновлены въ настоящее время; но подобное преобразование удобоисполнительно только для такого владѣтеля, который въ состояніи набрать въ своей землѣ отъ пятнадцати до двадцати тысячъ рекрутъ. Чтобы объяснить эту мысль, я напому вамъ, что полководцы достигаютъ славы двумя совершенно различными путями: одни совершаютъ великіе подвиги, начальствуя надъ благоустроенными и хорошо образованными войсками; примѣръ тому представляютъ намъ полководцы Рима и вообще всѣ тѣ, которыхъ всѣ заботы ограничивались поддержаніемъ издавна введеннаго порядка и обычной дисциплины; другіе же военачальники, прежде встрѣчи съ противникомъ, должны образовать свою армію и завести въ ней воинскій порядокъ; нѣтъ никакого сомнѣнія, что сіи послѣдніе заслуживаютъ большую славу, нежели тѣ, которые дѣйствуютъ за благовременно устроенными войсками. Въ числѣ полководцевъ, превозмогшихъ подобныя затрудненія, были: Пелопидъ и Эпаминондъ, Тулль Гостилій, Фи-

липпъ Македонскій, отецъ Александра Великаго, Киръ и Гракхъ*. Всѣ они принуждены были формировать войска свои, и успѣли въ этомъ важномъ предпріятіи только потому, что, обладая необыкновенными способностями, могли располагать такимъ числомъ людей, которое требовалось для приведенія въ исполненіе ихъ замысловъ. Но можно сказать утвердительно, что всѣ ихъ таланты не доставили бы имъ ни малѣйшаго успѣха въ чужой странѣ, населенной людьми, преданными разврату и не имѣющими понятія ни о чести, ни о воинской подчиненности.

И такъ, въ настоящемъ положеніи Италіи недовольно того, чтобъ быть въ состояніи начальствовать надъ совершенно готовою арміею: необходимо еще умѣть образовать ее. Но исполненіе такого предпріятія возможно только для государей, обладающихъ значительными владѣніями, недоступно для меня, никогда не командовавшаго арміею и имѣвшаго подъ своимъ начальствомъ только чужеземцевъ, совершенно не признававшихъ моей власти: предоставляю вамъ судить, возможно ли подчинить такихъ людей строгой воинской дисциплинѣ? Гдѣ можемъ мы найти солдатъ, которые были бы согласны обременять себя оружіемъ болѣе тяжелымъ, нежели обыкновенное, и носить на себѣ, какъ трехъ-дневный запасъ продовольствія, такъ и шанцевые инструменты? Гдѣ найдемъ мы воинствъ, способныхъ къ земляной работѣ и къ производству ежедневныхъ ученій, которыя одни лишь могутъ сдѣлать ихъ способными къ успѣшному отраженію непріятельскаго нападена? Кто можетъ отучить войска наши отъ развратной жизни, отъ игры, богохумства и дерзости? Кто можетъ подчинить ихъ стро-

* После сраженія при Каннахъ, Римляне сформировали армію изъ невольниковъ; командованіе ею поручено было Гракху, который образовалъ эти войска и начальствуя надъ ними, побѣдилъ Аннибала.

гой дисциплинѣ и поселить въ нихъ до такой степени уваженіе къ властямъ, чтобы дерево, украшенное плодами, оставалось не тронутымъ въ лагерѣ, подобно тому, какъ водилось у древнихъ? Какимъ образомъ я могу внушить уваженіе, привязанность и страхъ въ солдатахъ, которые, по окончаніи войны, совершенно сдѣлаются мнѣ чуждыми? Устыдятся ли чего либо такіе люди, которые родились и возрасли, не имѣя ни малѣйшаго понятія о чести? Могутъ ли почитать меня тѣ, которые меня совсѣмъ не знаютъ? Какимъ святымъ я потребую отъ нихъ клятвы? Тѣмъ ли, которымъ они поклоняются, либо тѣмъ, которыхъ поносятъ? Самое понятіе о божествѣ выражается у нихъ единственно богохульствомъ. Возможно ли вѣрить клятвамъ тѣхъ, которые ставятъ ни во что Бога, призываемаго ими во свидѣтели ихъ обѣщаній? И если они потеряли уваженіе къ самому Богу, то что должны ожидать отъ нихъ люди? Могутъ ли самыя благодѣтельные учрежденія быть дѣйствительными въ такихъ обстоятельствахъ? Но, скажете вы, Швейцары и Испанцы имѣютъ хорошее войско. Я совершенно согласенъ, что ихъ арміи несравненно лучше итальянскихъ; но при всемъ томъ, если вы по надлежащему сообразили мои военныя правила и поняли военную систему этихъ народовъ, то вамъ очень хорошо извѣстно, до какой степени они отстали отъ древнихъ. Швейцары одарены врожденною способностью къ военному дѣлу; Испанцы были приучены къ войнѣ самую необходимостью: находясь въ чужой странѣ, гдѣ ничего не оставалось имъ, кромѣ славной побѣды, либо вѣрной гибели, они принуждены были обнаружить вполнѣ все свои способности. Но войска обонхъ этихъ народовъ весьма еще далеки отъ совершенства, и все ихъ достоинство ограничивалось стойкостью. Да и какимъ образомъ могли усовершенствовать образованіе сихъ войскъ полководцы, не знавшіе языка ихъ? Но обратимся къ нашимъ соотечественникамъ, которые, по имѣя врожденныхъ талантовъ, и

не быть побуждаемы необходимостью, отстали къ стыду своему отъ всѣхъ прочихъ націй*.

Это непростительное пераѣніе имѣло слѣдствіемъ то, что многіе италіянскіе владѣтели потеряли самымъ безславнымъ образомъ свои земли. Хотите ли убѣдиться въ истинѣ словъ монахъ? Вспомните всѣ происшествія, случившіяся въ Италіи со времени нашествія Карла VІІІ. Война обыкновенно содѣлываетъ народъ храбрѣйшимъ и доставляетъ ему уваженіе сосѣдей; напротивъ того, въ нашей странѣ, самыя дѣятельныя и кровопролитныя войны покрывали безславіемъ, какъ войска наши, такъ и полководцевъ, ими начальствовавшихъ. Отъ чего же произошла такая невзгода? Не отъ того ли, что наши воинскія учрежденія находились въ жалкомъ состояніи и что мы не умѣли перенять ничего лучшаго у другихъ народовъ. Чтобы возвратить хотя часть прежней славы нашего оружія, необходимо содѣйствіе главнѣйшихъ италіянскихъ владѣтелей, по той причинѣ, что, для введенія предложенной мною дисциплины, должно составить армию изъ людей, сохранившихъ простоту нравовъ и покорныхъ властямъ, а не изъ распутныхъ бродягъ, не имѣющихъ отечества. Искусный скульпторъ не станетъ изсѣкать своего лучшаго произведенія изъ неудавшейся статуи какого либо другаго художника, и всегда предпочтетъ ей необтесанный кусокъ мрамора.

Когда бѣдствія, бывшія слѣдствіемъ войнъ съ народами средней Европы, уже готовились постигнуть Италію, тогда наши италіянскіе владѣтели считали коварство и клятвопреступничество единственными средствами для успѣха. Украшая себя и чертоги свои золотомъ и драгими камнями, они ни о чемъ не думали, кромѣ роскоши, утопали въ праздности и развратѣ, презирали истинные таланты, и удостоивали награда-

* Все это показываетъ бѣдственное состояніе италіянскихъ республикъ во времена Маккіавелли.

Прим. перев.

ми только тѣхъ , которые умѣли имъ нравиться. Такимъ то образомъ , они были совершенно готовы сдѣлаться добычею своихъ непріятелей и въ 1494 * представили намъ неслыханные примѣры малодушія, неудачъ и бѣдствій.

Такимъ то образомъ , три могущественнѣйшія государства Италіи многократно были опустошены и разграблены. Но не смотря на то, и настоящіе наши владѣтели ведутъ такую же жизнь, какую вели ихъ предки, не помышляя о томъ, что, у древнихъ, государи постоянно обращали вниманіе на пріученіе себя къ трудамъ и опасностямъ. Александръ, Юлій Кесарь и всѣ великіе люди этого времени всегда сражались въ первыхъ рядахъ, совершали походы пѣшкомъ, нося на себѣ оружіе, и не уступали своихъ владѣній до послѣдней минуты своей жизни, умирая съ такою же славою, которая сопровождала всѣ ихъ подвиги. Можетъ быть, нѣкоторые изъ нихъ подверглись справедливому упреку въ властолюбію; но за то, никто не могъ укорять ихъ ни въ малодушіи, ни въ другихъ порокахъ, унижающихъ человѣческое достоинство. Ежели бы наши италіянскіе государи умѣли воспользоваться этими примѣрами, то вѣрно приняли бы совершенно иной образъ жизни и возвысили бы, какъ себя, такъ и свои владѣнія.

Вы говорили, въ началѣ нашей бесѣды, съ невыгодной стороны о своей милиціи. Если бы она была устроена по предложеннымъ мною правиламъ, и при всемъ томъ, не удовлетворяла бы вашимъ требованіямъ, то вы имѣли бы полное право порицать ее; но ежели, напротивъ того, она вами дурно устроена, то не имѣютъ ли ваши земскія войска причины обвинять васъ въ томъ, что вы не обратили должнаго попеченія на ихъ образованіе. И венеціанское правительство, и герцогъ феррарскій занимались преобразованиемъ своихъ войскъ;

* Эпоха нашествія Карла VIII.

но не смѣли терпѣнія окончить начатое дѣло: кого же мы станемъ обвинять въ томъ? Впрочемъ, я убѣжденъ, что тотъ изъ нашихъ владѣтелей, который рѣшится принять предлагаемую мною военную систему, непременно сдѣлается обладателемъ всей Италіи, подобно тому, какъ Филиппъ Македонскій, владѣя небольшою странною, покорилъ подъ власть свою всю Грецію. Этотъ государь, заимствовавшій правила военнаго искусства отъ Эпаминонда, искусно воспользовался временемъ, когда вся Греція, утопая въ праздности, не обращала вниманія ни на что, кромѣ театральныхъ зрѣлищъ, образовалъ свои войска, и сдѣлался столь могущественнымъ, что, покоривъ Грецію, оставилъ своему сыну средства достаточныя для необъятныхъ завоеваній, имъ совершенныхъ. И такъ кто не обращаетъ вниманія на воинскія учрежденія, тотъ равнодушенъ къ сохраненію своей власти и ко благу своего отечества.

Что же касается до меня, то не имѣю ли я справедливой причины жаловаться на судьбу, которая должна была, либо оставить меня въ невѣдѣніи на счетъ этихъ важныхъ правилъ, либо дать мнѣ средства къ приведенію ихъ въ исполненіе? Достигнувъ старости, могу ли имѣть надежду исполнить когда либо столь обширное предпріятіе? И такъ одною изъ главныхъ причинъ, заставившихъ меня сообщать слѣдствія моихъ размышленій вамъ, которые находитесь въ цвѣтушихъ лѣтахъ и занимаете высокія степени въ обществѣ, одною изъ этихъ причинъ было то, что вы, признавъ въ душѣ пользу совѣтовъ моихъ, можете быть воспользуетесь благоприятѣйшимъ временемъ для присоветованія своимъ государямъ этого необходимаго преобразования и для исполненія его на самомъ дѣлѣ. Ни какія затрудненія не должны останавливать васъ: наше отечество предназначено для того, чтобы показать примѣръ возрожденія древности, и это убѣдительно доказывается твореніями нашихъ поэтовъ, ваятелей и живописцевъ. Находясь въ преклонныхъ лѣтахъ, не ос-

мѣливаюсь питать себя надеждою видѣть исполненіе моихъ предначертаній; но если бы фортуна дала мнѣ владѣніе достаточное для этого важнаго предпріятія, то я показалъ бы на опытѣ, въ самое непродолжительное время, все достоинство древнихъ уставовъ и возвысилъ бы владѣнія свои на высокую степень, либо, цо крайней мѣрѣ, погибъ со славою.

Конецъ.

★

ГУСТАВЪ АДOLFЪ

КОРОЛЬ ШВЕДСКИИ.

ГУСТАВЪ АДОЛЬФЪ.

Трудно изобразить отличительныя качества Густава Адольфа и не казаться предубѣжденнымъ похвалами, которыми такъ щедро превозносили его и современники и потомство. Духъ политики его, образъ веденія войны, достоинства полководца и любимаго народомъ монарха, благородство и твердость души, питаемая истиннымъ благочестіемъ, словомъ всѣ главныя черты характера, были въ немъ такъ слиты, что дѣянія его должно считать выраженіемъ совокупности всѣхъ его качествъ. Страсти и непостоянство оставались ему чуждыми даже въ случаяхъ, въ которыхъ онъ могъ ошибаться, и трудно рѣшить, измѣнилъ

ли бы онъ когда нибудь своему образу дѣйствию, если бы жизнь его и болѣе продлилась.

Припомнимъ, въ какихъ обстоятельствахъ находилась Швеція во время рожденія Густава Адольфа. Отецъ его Карлъ IX, сынъ Густава Вазы, былъ избранъ на царство государственными сословіями, когда царствовавшій король Сигисмундъ, сынъ старшаго его брата, бывшій въ то же время королемъ польскимъ, былъ низведенъ съ престола по приверженности къ католицизму. Огрѣшеніе Сигисмунда воспослѣдовало послѣ многолѣтнихъ споровъ и даже войны, и по единодушному опредѣленію сейма, однако жъ Сигисмундъ тѣмъ не менѣе почиталъ своего преемника и его наслѣдниковъ похитителями трона, и старался вредить имъ всѣми средствами.

Густавъ Адольфъ при избраніи отца на царство былъ 10-ти лѣтъ и получилъ тщательное воспитаніе. На 12-мъ году онъ могъ, кромѣ отечественнаго языка, говорить на пяти иностранныхъ и имѣлъ свѣдѣнія во многихъ наукахъ. Къ хорошимъ его способностямъ присовокуплялось и крѣпкое тѣлосложеніе, на развитіе котораго, кажется, было обращено особенное вниманіе. Не подлежитъ сомнѣнію, что Карлъ IX готовилъ себѣ преемника способнаго охранить неприкосновенность и достоинство отечества отъ многочисленныхъ враговъ, въ числѣ которыхъ главнѣйшими были Данія, Польша и Россія. Дарованія наслѣдника, казалось, вполне соответствовали великимъ ожиданіямъ короля, выражавшагося нерѣдко, когда рѣчь была о какихъ либо великихъ предпріятіяхъ, «что онъ не желаетъ себя надеждою успѣть въ дѣлѣ, но что сынъ совершитъ его.» Естественно, что подобные отзывы усугубляли надежду и уваженіе подданныхъ къ будущему монарху, оправдавшему впоследствии ожиданія своего народа.

Когда Густаву Адольфу минуло 17 лѣтъ, король объявилъ его совершеннолѣтнимъ и поручилъ ему начальствованіе корпусомъ въ открывшейся тогда войнѣ съ Давіею.

Война приняла невыгодный оборотъ для Швеціи: Датчане взяли Кальмаръ. Но Густавъ Адольфъ переправился съ небольшимъ отрядомъ на Эландъ, и овладѣлъ какъ островомъ, такъ и замкомъ Боргхольмомъ. На обратномъ пути было перехвачено письмо, въ которомъ датскій комендантъ Христіанополя просилъ своего короля о подкрѣпленіи городскаго гарнизона пятьюстами всадниковъ. Густавъ Адольфъ воспользовался случаемъ, одѣлъ пятьсотъ всадниковъ въ датскіе мундиры, повелъ ихъ лично, подошелъ ночью, былъ впущенъ и овладѣлъ городомъ. Этотъ первый подвигъ обнаруживаетъ уже предпримчивость и рѣшимость пользоваться обстоятельствами.

Вскорѣ потомъ скончался Карлъ IX, и говорятъ, что получивъ на смертномъ одрѣ важное извѣстіе, онъ сказалъ: «свѣтскія дѣла до меня болѣе не касаются, я оставляю ихъ въ рукахъ болѣе достойныхъ.»

Особенно замѣчательна осторожность Карла IX. Не взирая на высокое мнѣніе о сынѣ своемъ, Карлъ учредилъ регентство, потому что по шведскимъ законамъ король не могъ вступить въ управленіе государствомъ, пока не исполнится ему двадцати трехъ лѣтъ. Нѣсколько недѣль однако жъ послѣ кончины Карла IX, государственныя сословія рѣшились отступить отъ непримѣнимаго къ настоящему случаю закона, и предложили королю Густаву Адольфу неограниченно управлять государствомъ. Добровольное и совершенно единодушное предложеніе было новымъ доказательствомъ довѣрія, которое юный монархъ уже успѣлъ приобрести въ народѣ. Родной братъ Сигисмунда, не раздѣлявшій впрочемъ его образа мыслей, и остававшійся спокойно въ Швеціи, охотно отказался отъ всѣхъ правъ на корону. Все благоговѣло предъ воцарившимся, и замѣчательно, что это чувство не измѣнилось въ теченіе всего царствованія Густава Адольфа, продолжавшагося двадцать одинъ годъ.

Любопытно обратить нѣсколько болѣе вниманія на

особу гениальнаго короля, котораго способности вскорѣ должны были обнаружиться.

Одною изъ первоначальныхъ его заботъ было замѣщеніе упраздненныхъ должностей въ различныхъ отрасляхъ государственнаго управленія. При этомъ случаѣ Густавъ Адольфъ назначилъ уже славнаго въ послѣдствіи Уксеншерну * канцлеромъ и правителемъ внутреннихъ и иностранныхъ сношеній. Успѣхъ вполнѣ оправдалъ выборъ и истинно царскую проницательность короля. Уксеншерна былъ одинъ изъ отличнѣйшихъ офицеровъ въ арміи, и имѣлъ способности полководца, какъ доказали послѣдствія; онъ же нѣкогда былъ руководителемъ при образованіи короля.

Весьма счастливо, если семнадцати-лѣтній самодержецъ, при восшествіи на престолъ, имѣетъ уже рѣдкій даръ предузнавать способности людей и по примѣру всѣхъ великихъ государей, считаетъ возвышеніе свое не только преимуществомъ передъ прочими, но и обязанностью, налагающею на него обязанности, тѣмъ болѣе священныя, что нѣтъ ему другаго судьи, кромѣ Всевышняго. Преисполненный этою истиною и сознававшійся съ благоговѣніемъ въ бремени короны, Густавъ Адольфъ шелъ твердо, смѣло и вѣрно.

=

1 ПОХОДЪ 1612.

Война съ Даніею продолжалась и крѣпость Кальмаръ еще находилась въ рукахъ непріятеля, распространившаго и усилившаго ея укрѣпленія. На осаду

* *Oxeastjerna* произносится по-шведски Уксеншерна.

крѣпости потребовалось бы много времени, и можно было предвидѣть, что непріятель будетъ мѣшать сему предпріятію. А между тѣмъ было средство возратить ее Швеціи и легчайшимъ способомъ; вѣроятно это побудило короля начать походъ диверсіею въ непріятельскія владѣнія. Поручивъ герцогу Остготландскому прикрывать Эльфсборгъ противъ датскаго флота, онъ вступилъ въ Скоцію, гдѣ король датскій оставилъ корпусъ подъ командою герцога Георга Люнебургскаго.

Сообразно такому плану дѣйствій, отличавшемуся уже отъ обыкновенныхъ понятій того времени, Густавъ Адольфъ предпринялъ осаду Гельсингборга, но не имѣлъ успѣха. Датчане печальнымъ нападеніемъ вынудили Шведовъ снять осаду, при чемъ едва не погибъ и самъ король. Неудача въ началѣ предпріятія убиваетъ духъ и у обыкновенныхъ людей считается худымъ предзнаменованіемъ, но истинный геній рѣдко предается надеждамъ, полагается болѣе на свои средства, нежели на одну удачу, и ограждаясь противъ всѣхъ случайностей, старается, чтобы мѣры его увѣчались успѣхомъ.

Такъ можетъ быть думалъ Густавъ Адольфъ, предпринимая вторичную диверсію въ Норвегію, которая хотя и не была успѣшнѣе первой, но также ни сколько не поколебала его рѣшимости, какъ вскорѣ и обнаружилось.

Датчане, подъ личнымъ предводительствомъ короля Христіана IV, намѣревались взять Эльфснабенъ и пограничную крѣпость, того времени, Іенчепингъ (Jönköping), надѣясь обезпечить тѣмъ дальнѣйшее вторженіе въ Швецію. Густавъ Адольфъ, стоявшій близъ Іенчепинга для прикрытія сего важнаго пункта, не имѣлъ достаточныхъ силъ, чтобы на сушѣ и на морѣ успѣшно противодѣйствовать Датчанамъ.

Эльфсборгъ покорился и Христіанъ IV, пользуясь отсутствіемъ шведскаго короля и въ надеждѣ незапно овладѣть Стокгольмомъ, подступилъ къ Ваксгольму,

что въ двухъ миляхъ отъ столицы. Но Густавъ Адольфъ, прибывъ съ небольшимъ отрядомъ въ Стокгольмъ, и вооруживъ тамъ всѣхъ, бывшихъ въ состояніи владѣть оружіемъ, выступилъ на встрѣчу датскому королю. Быстротою своею онъ спасъ столицу и принудилъ отступить непріателя, неожиданнаго личнаго его присутствія. Недовольный оборотомъ дѣлъ, Христіанъ IV склонился къ миру, и въ замѣнъ нѣкотораго вознагражденія отдалъ обратно обѣ крѣпости Эльфсборгъ и Кальмаръ. Густавъ Адольфъ, рассчитывая, что король датскій, какъ сильнѣйшій, имѣлъ средства исполнять честолюбивые свои замыслы противъ дома Вазы, избѣгалъ малѣйшаго повода къ ссорѣ и старался заключить съ Данією миръ (1613); но помышлялъ притомъ вознаградить свои потери на счетъ другой сосѣдственной страны; къ чему и представили случай тѣ права, которыя Швеція полагала имѣть на Россію.

Извѣстно, что Карлъ IX получилъ за вспомога- тельныя дѣйствія Карелію, и охранялъ свое приобрѣ- теніе оружіемъ. Въ наступившее смутное для Россіи время междуцарствія, Россіяне просили себѣ въ госу- дари принца Карла Филиппа, меньшаго брата Густава Адольфа, но выборъ не былъ утвержденъ Карломъ IX-мъ. Заключивъ миръ съ Данією, Густавъ Адольфъ началъ искать удовлетворенія требованій брата своего, и рѣшился ввести его въ Россію вооруженною силою. Это предпріятіе значительно замедлилось обстоятель- ствомъ, остановившимъ на время дѣятельность Густа- ва Адольфа, но доказавшимъ также, какую онъ имѣлъ власть надъ самимъ собою. Онъ предался страсти, весьма опасной для людей слабыхъ, въ молодыхъ лѣтахъ*. Но онъ превозмогъ себя и возвратился къ высокому своему призванію, рѣшась лично управлять военными дѣйстви- ями въ предполагаемой имъ войнѣ съ Россією въ 1614 году.

* См. *Gesch. G. A. aus den Archenscholischen Handschriften*, I В. р. 18, молодая графиня Браэ приобрѣла, кажется, уваженіе даже самой королевы матери, безъ возраженій которой она въротно была бы возведена на престолъ шведскій.

Прежде однако жъ занялся онъ внутреннимъ устройствомъ Швеции , и начертавъ многія важныя положенія касательно мореплаванія , торговли , судопроизводства и обороны государства , однимъ тѣмъ приобрѣлъ уже достаточное право , стоять на ряду съ мудрѣйшими государями.

Между тѣмъ Россіане избрали себѣ Царя изъ Дома Романовыхъ , противъ чего протестовалъ командовавшій въ завоеванныхъ провинціяхъ шведскій генералъ де ла Гарди . Густавъ Адольфъ послалъ принца Карла Филиппа съ отрядомъ въ Выборгъ , и военныя дѣйствія начались между генераломъ де ла Гарди и высланными противъ него російскими войсками . Швеція по весьма вѣрному расчету , и по обоюдному желанію заключила на два года перемиріе съ Польшею .

2 ПОХОДЪ 1615.

Король вошелъ въ Ингерманландію со стороны Финляндіи , взялъ штурмомъ Ангдомъ и завладѣлъ всею провинціею . Потомъ онъ обложилъ сильную въ то время крѣпость Псковъ и предложилъ Россіи , черезъ посредничество Англіи , миръ , который однакожъ не былъ принятъ . Псковъ покорился .

Слава о воинскихъ подвигахъ Густава Адольфа распространилась . Многіе ученые вызывались быть его исторіографами ; но король , не имѣвшій еще двадцати двухъ лѣтъ , отвергъ ихъ услуги . Въ этомъ походѣ генералъ де ла Гарди былъ весьма полезенъ королю , служивъ ему въ некоторомъ образѣ наставникомъ . Скоро однако жъ собственный опытъ показалъ Густаву Адольфу , въ чемъ

заклнчается сущность дѣла, и тогда онъ уже положилъ основаніе той дисциплинѣ, которою впоследствии такъ отличались его арміи, и вліянію которой должно приписать успѣшное дѣйствіе и примѣрное самоотверженіе его войскъ. По окончаніи кампаніи король возвратился въ Швецію.

Около того времени гейдельбергскій университетъ просилъ его о посредничествѣ въ спорахъ между Кальвинистами и Лютеранами; обѣ стороны, ненавидя другъ друга, позволяли себѣ все возможное и ссора могла погубить ихъ обѣихъ.

Сколь ни лестно было довѣріе гейдельбергскаго университета, однако жъ король не принялъ его просьбы, потому что въ тѣ времена нельзя было еще надѣяться на примиреніе обѣихъ сектъ, и этотъ случай приводится здѣсь только въ доказательство высокаго мнѣнія, какое имѣли, даже въ отдаленнѣйшихъ странахъ, о мудрости молодаго сѣвернаго монарха. Онъ не принялъ также предложенія ландграфа Морица Гессенскаго, вступить въ союзъ протестантовъ для ихъ защиты, хотя вѣроятно не былъ равнодушенъ къ своимъ единовѣрцамъ. Собственныя обстоятельства не позволяли ему въ то время (1615) думать о дѣлахъ постороннихъ. Густавъ Адольфъ не могъ предвидѣть будущаго; но видна уже проникательность, съ которою онъ каждому предпріятію умѣлъ выбирать и время и мѣсто. Мы увидимъ еще впоследствии, что онъ вторично отложилъ дѣйствія въ Германіи и предпочелъ лучше медлить, нежели начать ихъ при неблагоприятныхъ обстоятельствахъ. Онъ ограничился совѣтомъ ландграфу Морицу, сохранять по возможности согласіе между протестантами.

Сигисмундъ король польскій, считавшій Густава Адольфа похитителемъ трона, былъ его главнѣйшимъ непріателемъ, и искалъ всѣми средствами умножить число враговъ его и вредить ему не только за границею, но и въ самой Швеціи; Густавъ Адольфъ долженъ былъ помышлять идти войною на него и стараться

сдѣлать его безвреднымъ, но для того надобно было заключить миръ съ Россіею до истеченія срока перемирія съ Польшею, и упрочить сношенія съ Давіею. Этотъ затруднительный вопросъ былъ разрѣшенъ слѣдующимъ образомъ :

Государственныя сословія уже передъ тѣмъ доказали совершенную свою преданность королю, принявъ строгія мѣры противъ тайныхъ дѣйствій Сигисмунда; по сему Густавъ Адольфъ и могъ полагаться на ихъ помощь во всѣхъ своихъ предпріятіяхъ. Въ Копенгагенѣ былъ отправленъ государственный совѣтникъ Шютте (Skytte), искусный посолъ, который возвратился съ торжественнымъ увѣреніемъ дружбы короля Христіана IV. Онъ успѣлъ въ порученіи своемъ, предложивъ королю датскому бокалъ братства, по древнему обычаю сѣверныхъ народовъ, отъ имени своего государя и на латинскомъ языкѣ. Христіанъ IV принялъ братство, отвѣчая также по латыни. Обычай этотъ можетъ быть непонятенъ въ нашемъ вѣкѣ; но тогда въ немъ заключался важный актъ, нарушить который считалось недостойнымъ. Довольно того, что Густавъ Адольфъ могъ быть спокоенъ въ отношеніи къ Даніи.

Тогда король поѣхалъ въ Финляндію, чтобы своимъ присутвіемъ въ арміи дать болѣе вѣса переговорамъ съ Россіею; но какъ состоялось перемиріе, то онъ занялся внутренними дѣлами края: въ Финляндіи крылось много приверженцевъ Сигисмунда. Король созвалъ сеймъ, и открывъ засѣданіе рѣчью, изобразилъ положеніе государства и желаніе прекратить войну, не скрывая притомъ неизбѣжности войны съ Польшею.

Хотя рѣчи, считаясь простымъ обрядомъ, рѣдко имѣютъ историческую важность, однако жъ рѣчь Густава Адольфа, кажется, не принадлежитъ къ числу обыкновенныхъ. Исчисливъ всѣ современныя событія, начиная съ отрѣшенія Сигисмунда отъ престола шведскаго, онъ не утаилъ самыхъ сокровеннѣйшихъ при-

чинъ, вынуждавшихъ его поднять оружіе, чтобы опредѣлить и упрочить отношенія съ Польшею выгоднымъ образомъ для Швеціи. Прямодушіе и простота, съ которыми изложены были въ сей рѣчи важнѣйшія государственныя дѣла и злые происки противника, убѣждаютъ въ великомъ довѣрїи его къ подданнымъ. Вѣроятно, Густавъ Адольфъ успѣлъ убѣдить слушателей, согласившихся на всѣ его требованія, съ изъявленіемъ истинно патріотической преданности и полной къ нему довѣренности. Между тѣмъ положеніе Финляндцевъ было бѣдственное: долго уже на нихъ тяготѣли военныя повинности; но они несли ихъ съ бодростью и охотою: представители ихъ понимали необходимость и знали, что мудрый монархъ видитъ свои выгоды, только въ выгодахъ народа. Послѣ умицительнаго изъявленія взаимныхъ чувствованій, король съ благодарностью распустилъ собраніе и занимался нѣкоторое время (1616) благоустройствомъ Финляндіи. Россія, тѣснимая съ двухъ сторонъ Польшею и Швеціею, заключила наконецъ миръ, заплатила издержки войны и уступила Густаву Адольфу часть новгородскаго княжества. Раздраженный этимъ Сигисмундъ возобновилъ свои злоумышленныя дѣйствія; здѣсь надобно замѣтить, что великій его соперникъ не отвѣчалъ Сигисмунду, и что его низкія внушенія были отвергнуты всѣми Шведами.

Густавъ Адольфъ короновался по существовавшему въ то время въ Швеціи обряду въ 1617 году, и имѣлъ случай вновь удостовѣриться въ преданности народа и государственныхъ сословій. Почти всѣ изъявленія чувствъ должны царямъ казаться сомнительными: истинная любовь народа познается лишь въ воспоминаніяхъ, а обыкновенныя изъявленія ничего не доказываютъ; но за Густава Адольфа говорили дѣянія его и благія ихъ послѣдствія, обнаружившіяся въ первыхъ годахъ его царствованія, а потому изліянія народныхъ къ нему чувствъ не могли быть смѣшиваемы съ обыкновенными выраженіями,

долею государей конхъ имена блестятъ только въ родовыхъ спискахъ. Густавъ Адольфъ, съ юныхъ лѣтъ чувствовавшій эту разницу, умѣлъ цѣнить приносимую ему дань сердечныхъ изліяній и умѣлъ обратною благосклонностію счастливить своихъ подданныхъ.

Желая кончить съ Сигисмундомъ миролюбиво, онъ хотѣлъ достигнуть цѣли переговорами, между тѣмъ усиливалъ армію и флотъ, держа ихъ въ готовности. Надежды однако жъ заключить сколько нибудь выгодный миръ или продолжительное перемиріе, остались тщетными. Густавъ Адольфъ бралъ въ соображеніе не только правое свое дѣло съ непримиримымъ врагомъ, но и вообще свое политическое положеніе. Онъ хотѣлъ опровергнуть навѣтъ, будто желаетъ войны изъ страсти къ завоеваніямъ, и хотѣлъ, дѣйствуя открыто, убѣдить цѣлый свѣтъ въ несправедливости Сигисмунда.

Политика Густава Адольфа, небоявшагося войны, напротивъ готоваго къ ней, тогда уже заключала въ себѣ всѣ начала, способствовавшія ему впослѣдствіи, сдѣлаться спасителемъ Германіи и вписать имя свое въ лѣтописи преимущественно передъ другими современными государями.

Одно обстоятельство казалось особенно благопріятствующимъ предпріятію шведскаго короля; семиградскій князь Бетлемъ Габоръ, мстя за поданную императору помощь противъ него, ввелъ сорока тысячную армію въ принадлежавшую тогда Польшѣ Молдавію. На этотъ разъ Сигисмундъ былъ самъ вынужденъ искать, отвергнутаго имъ, продолженія перемирія, и прибѣгнулъ къ посредничеству Даніи. Чтобы сохранить дружескія сношенія съ сею послѣднею, имѣвшею, въ случаѣ внѣшней войны, всѣ средства сдѣлаться опасною для Швеціи, и чтобы обязать короля Христіана IV, Густавъ Адольфъ согласился на предложенія Польши и снова отложилъ исполненіе своихъ намѣреній до благопріятнѣйшаго времени. Онъ воспользовался обстоятельствами, продолжилъ съ Польшею перемиріе еще на два года, выплатилъ остальной долгъ

Христіану IV, старался, искоренивъ въ немъ недовѣрчивость, склонить его къ дружескому расположенію, и успѣлъ въ томъ посредствомъ личнаго свиданія, при которомъ имѣлъ случай объяснить свои виды и настоящія отношенія къ Сигисмунду, и условиться, чтобы въ случаѣ войны съ Польшею, Дашія оставалась неутраальною. Послѣ того продолжалъ онъ обширныя свои приготовленія къ войнѣ противъ Польши, отъ которыхъ не отвлекли его ни путешествія въ 1619 и 1620 годахъ, ни даже бракосочетаніе съ сестрою курфирста Бранденбургскаго *.

Въ 1621 году оканчивался срокъ перемирія съ Польшею; въ Швеціи все было готово къ войнѣ, но Густавъ Адольфъ рѣшился еще разъ предложить королю Сигисмунду перемиріе или миръ, собралъ въ то же время государственныя сословія, чтобы возбудить въ нихъ соревнованіе и вновь убѣдился, что можетъ полагаться на своихъ Шведовъ.

3 ПОХОДЪ 1621.

Переговоры съ Сигисмундомъ остались тщетными; Густавъ Адольфъ съѣлъ на суда съ арміею въ двадцать четыре тысячи человекъ, большею частию пѣхоты, и вышелъ на берегъ, около устья Двины, претерпѣвъ въ тѣхъ странахъ сильную бурю. Онъ намѣренъ былъ завладѣть Лифляндіею: извѣстно, что Шведы имѣли права на сію страну послѣ короля Эрика, сына Густава Вазы, служившія поводомъ къ частымъ войнамъ.

Густавъ Адольфъ сначала атаковалъ динаминдскій шанецъ, который сопротивлялся не долго; труднѣе

* Отъ сего брака родилась въ 1626 году королева Христина.

была осада Риги. Крѣпость, защищаемая храбрымъ и многочисленнымъ гарнизономъ, находилась въ хорошемъ состояніи, а жители, не взирая на претерпѣваемыя притѣсенія за вѣру и права, были вѣрны своему королю и не обращали вниманія на обстоятельство, что осаждавшій былъ государь протестантскій. Сигисмундъ не могъ подать помощь городу: триста тысячъ Турокъ вторгнулись въ Польшу, что весьма благопріятствовало предирітію Густава Адольфа.

Король обещъ городъ контрвалационною линіею и расположился за оною четырьмя не равными корпусами. Онъ былъ чрезвычайно дѣятеленъ, какъ и нельзя полагать иначе и поощрялъ войска собственнымъ примѣромъ, наблюдая притомъ за точнымъ исполненіемъ службы и всѣхъ мѣръ, посредствомъ которыхъ армія въ рукахъ искуснаго генерала можетъ сохранить свое достоинство. Онъ смѣло подвергался опасностямъ, и можетъ быть не довольно щадилъ себя.

Три раза онъ тщетно требовалъ сдачи крѣпости. Сначала ему давали обыкновенные отвѣты, а наконецъ вовсе не отвѣчали. Тогда онъ приказалъ бомбардировать ее. Подошедшій десяти-тысячный непріятельскій корпусъ князя Христофора Радзивила, былъ отраженъ; Шведы взяли отдѣльное укрѣпленіе и вскорѣ потомъ еще люнетъ, заложили мины и построили по способу, изобрѣтенному самимъ королемъ, галерею черезъ водяной ровъ и пошли на приступъ, который однако жъ не удался. Другой приступъ на люнетъ былъ то же отбитъ съ величайшимъ мужествомъ; тяжело ранены генералы Горнъ и Баншеръ получили ордена, отличіе, которое по рѣдкости въ то время цѣнилось высоко.

Четыре недѣли продолжалась осада, пока наконецъ кончили мины, завалили ровъ и можно было предпринять рѣшительный приступъ. Король, досадуя на долгое сопротивленіе, хотѣлъ взорвать вдругъ всѣ мины, взять городъ приступомъ и дать его на разхищеніе своимъ войскамъ. Но его упростили предувѣдо-

*

мить о томъ осажденныхъ, давъ имъ на размышленіе хотя шесть часовъ. Послѣдствіемъ сего было, что Рига сдалась, не имѣя ни какой надежды на помощь ея; гарнизонъ и стѣны значительно пострадали. По заключеніи капитуляціи, довольно выгодной для покоренныхъ, Шведы вошли въ крѣпость 16 сентября. Густавъ Адольфъ обошелся съ жителями великодушно, оставилъ имъ прежнія права и нѣсколько дней спустя принималъ отъ нихъ присягу. Только іезуиты должны были выѣхать изъ города въ теченіи осьми дней; во время осады и ранѣе они позволяли себѣ предосудительныя дѣйствія противъ короля.

Изъ Риги, Густавъ Адольфъ пошелъ въ Митаву и занялъ городъ двумя тысячами войскъ. Герцогъ курляндскій давно былъ ему преданъ, и потому усиленное занятіе его владѣній было только для вида. Король намѣревался идти въ Польшу и тамъ заключить миръ, но хотѣлъ сначала попытаться достигнуть своей цѣли переговорами, и первый сдѣлалъ предложеніе о мирѣ. Въ этомъ случаѣ Густавъ Адольфъ миролюбивымъ своимъ противъ озлобленнаго противника, сходствовалъ съ Цезаремъ въ дѣйствіяхъ послѣдняго противъ Помпея. Сигисмундъ былъ столько же непримиримъ, какъ Помпей; но не имѣлъ съ нимъ равныхъ силъ и не былъ равно обезпеченъ отъ другихъ зраговъ. Онъ и не спѣшилъ принять предложеніе Густава Адольфа, избѣгалъ по крайней мѣрѣ заключенія мира, хотя и соглашался на продолженіе перемирія до конца 1622 года; что и состоялось: Швеція удержала за собою занятую часть Лифляндіи, но вывела войска изъ Курляндіи. Сдѣлавъ все нужныя распоряженія и выждавъ исполненія ихъ, король возвратился въ Стокгольмъ.

Вскорѣ потомъ скончался братъ его Карлъ Филиппъ; смерть его тѣмъ болѣе опечалила Густава Адольфа, не имѣвшаго наследниковъ, что давала новый поводъ притязаніямъ Сигисмунда на шведскій престолъ.

Сигисмундъ имѣлъ дальновидные замыслы, въ ко-

торыхъ поддерживалъ его связанный съ нимъ близкимъ родствомъ императоръ Фердинандъ II; болѣе всего его занимала мысль объ обратномъ приобрѣтеніи шведскаго престола и о средствахъ вести войну въ самой Швеціи. Чтобы составить себѣ флотъ, нужный для такого предпріятія, Сигисмундъ отправился въ Данцигъ, которому богатства, торговля и связи съ ганзейскими городами давали средства снабдить его судами. Поѣздка Сигисмунда во время перемирія не обратила бы на себя вниманія монарха менѣе бдительнаго, но Густавъ Адольфъ, предувѣдомленный можетъ быть, немедленно отправился съ флотомъ къ Данцигу, (въ концѣ іюня).

На рейдѣ передъ Данцигомъ Густавъ Адольфъ требовалъ, чтобы городъ объявилъ, будетъ ли онъ въ предстоящихъ обстоятельствахъ въ союзѣ съ нимъ или съ его противникомъ. Городской совѣтъ послѣ совѣщанія выслалъ депутата съ просьбою, предоставить городу оставаться нейтральнымъ; съ чѣмъ и обязывался соображать свои дѣйствія, обѣщаясь во время перемирія не выпускать ни одного корабля съ непріязненнымъ намѣреніемъ. Сигисмундъ изъявилъ согласіе; но Густавъ Адольфъ не довольствовался условіемъ, а требовалъ, чтобы Данцигъ оставался нейтральнымъ не только въ продолженіе перемирія, но и во время войны. Посланному по сему дѣлу, Густавъ Адольфъ поручилъ привѣтствовать короля польскаго и королеву супругу его. Городъ счелъ благоразумнѣйшимъ согласиться на требованіе Густава Адольфа, и тотъ же посланный возвратился съ удовлетворительнымъ отвѣтомъ и съ обратнымъ привѣтствіемъ короля Сигисмунда, предлагавшаго вмѣстѣ съ тѣмъ продолжить перемиріе, которое и было утверждено. Густавъ Адольфъ, довольный успѣхомъ, возвратился въ Швецію.

Существовавшіе въ то время раздоры въ дѣлахъ религиозныхъ, имѣли большое вліяніе на всѣ политическія дѣла; партіи наблюдали съ недоувѣрчивостію за каждымъ шагомъ своихъ противниковъ, и отношенія,

которыя въ другое время были бы ничтожны, отдаляли теперь людей другъ отъ друга, въ кабинетахъ, въ народномъ быту и въ тѣснѣйшихъ общественныхъ связяхъ. Въ такомъ же положеніи находились дѣла и въ Польшѣ, гдѣ государственное устройство благопріятствовало всевозможнымъ раздорамъ между аристократією и трономъ. Густавъ Адольфъ, какъ государь протестантскій, имѣлъ въ Польшѣ приверженцевъ, противудѣйствовавшихъ на сеймахъ предложеніямъ Сигисмунда, коего собственныя дѣйствія служили часто основательнымъ поводомъ къ роноту, такъ напримѣръ, черезъ данную императору помощь, король навлекъ войну на Польшу. Между тѣмъ помощь эта основывалась на обѣщаніяхъ Австріи и Испаніи, дѣятельно помогать въ дѣйствіяхъ противъ Швеціи; оба двора отклоняли Сигисмунда отъ мира съ симъ государствомъ и оба предпочитали видѣть на шведскомъ престолѣ Сигисмунда католика и родственника, нежели Густава Адольфа, ревнителя новаго исповѣданія, считаемаго ими похитителемъ престола. По сей причинѣ они не признавали его королемъ и опасались, что Густавъ Адольфъ, утвердись разъ на тронѣ, присоединится къ нѣмецкимъ протестантамъ и за нихъ подниметъ оружіе. Главнымъ же основаніемъ австрійской политики въ то время было укрощеніе протестантовъ и удержаніе ихъ въ зависимости императора. Прочіе католическіе владѣтели соображались съ видами вѣнскаго кабинета. А какъ власть Густава Адольфа пріобрѣтала уже твердое основаніе, и слава его болѣе и болѣе распространялась, то и усугублялись опасенія настоящихъ его противниковъ, нерасположенныхъ къ нему по причинамъ политическимъ, и тѣхъ, которыхъ онъ имѣлъ впослѣдствіи.

Вотъ, кажется, причина, почему война съ Сигисмундомъ не могла иначе кончиться, какъ съ совершеннымъ пораженіемъ или истощеніемъ силъ одной изъ противныхъ сторонъ. На прочный миръ между двумя монархами нельзя было и надѣяться.

Совершенная непокорность Поляковъ Сигисмунду давала выгодный перевѣсъ Густаву Адольфу, пользовавшемуся всею преданностію Шведовъ и довершавшему неравенство гениемъ своимъ. Король шведскій обращалъ свою дѣятельность на многоразличные предметы, и свободное отъ войны время было имъ посвящено благу страны, осчастливленной его правленіемъ. Исторія свидѣтельствуетъ, какъ поощрялъ онъ искусства и науки, и сколько ему обязано государство и узаконеніями и благоденствіемъ. Шведы съ благодарностію благословляютъ его память. Обладая обширнымъ умомъ, онъ не могъ искать войны изъ тщеславія, но былъ увлекаемъ обстоятельствами; и не соответственно было бы попечительности его объ отечествѣ, ни высокому его призванію, жертвовать всѣми выгодами Швеціи для сохраненія спокойствія. Коварство, въ которомъ не безъ причины обвиняли короля польскаго и его совѣтниковъ, подпора, которую сей послѣдній имѣлъ въ Вѣнѣ, и личныя къ Сигисмунду отношенія не позволяли Густаву Адольфу надѣяться на продолжительный покой. Затруднительность обстоятельствъ побудила его созвать сеймъ, дабы сообщить вѣрнымъ представителямъ сословіи о настоящемъ положеніи государства и дабы водворить тѣмъ большее согласіе въ народѣ.

Не всегда удавалось монархамъ передать подданнымъ основныя свои понятія о выгодахъ и нуждахъ государства и дать желаемое направленіе общественному мнѣнію. Какъ видно, Густавъ Адольфъ обладалъ этимъ искусствомъ въ высокой степени; ему, однако жъ, способствовало общее убѣжденіе въ опасности положенія Швеціи; въ счастливомъ согласіи умовъ, онъ нашелъ средства достигнуть почти невозможнаго въ воинственномъ устройствѣ своего государства, и возвысить Швецію на степень, какой она до него никогда не занимала между европейскими державами. Онъ предложилъ сейму 1625 года нѣсколько учрежденій, по которымъ шведская армія должна была

состоять изъ осмидесяти тысячъ постоянныхъ войскъ и такого же числа резервныхъ ; назначеніе послѣднихъ было заступать мѣсто первыхъ въ случаѣ заграничныхъ дѣйствій. Хотя такое предположеніе не могло исполниться вдругъ во всѣхъ частяхъ, но оно исполнялось въ теченіи времени и осталось даже послѣ смерти Густава Адольфа памятникомъ его генія и того неограниченнаго довѣрія, съ которымъ принимались его предложенія. Это учрежденіе, въ подробное изслѣдованіе котораго мы здѣсь не можемъ входить, походило на родъ военныхъ поселеній и не влекло за собою ни малѣйшаго неудобства ; люди также мало утрачивали способность свою отъ ослѣлости, какъ и въ нынѣшнихъ ландверахъ отъ водворенія (Eilbürgern).

Кромѣ сего основнаго устройства Густавъ Адольфъ преобразовалъ всю военную часть и сдѣлался основателемъ нынѣшняго ея вида ; онъ первый отмѣнилъ тяжелыя латы въ конницѣ, опредѣлилъ эскадронамъ состоять изъ ста пятидесяти лошадей, раздѣлилъ пѣхотные полки на баталіоны отъ семи до осьми сотъ человекъ и старался примѣнить тактику древнихъ къ огнестрѣльному оружію. Онъ ввелъ въ употребленіе интервалы между полками и баталіонами, измѣнилъ боевой порядокъ : вмѣсто прежняго обычая строиться въ одну линію, имѣя конницу въ среднѣ, онъ опредѣлилъ строиться въ двѣ линіи съ резервомъ, имѣя триста шаговъ разстоянія между линіями и конницу на флангахъ. Онъ отмѣнилъ конныхъ мушкетеровъ и тѣмъ уже указалъ, что сила конницы состоитъ преимущественно въ блѣзомъ оружіи ; конница въ то время, чтобъ имѣть опору, должна была вмѣцать въ интервалахъ своихъ пѣхоту ; съ ея усовершенствованіемъ такой способъ сдѣлался лишнимъ. Густавъ Адольфъ еще многое улучшилъ, въ своей арміи, чтобъ сдѣлать приемы болѣе ловкими, облегчить употребленіе оружія и упростить построенія, и чтобы тѣмъ самымъ дать войскамъ большую подвижность, которая въ скоромъ времени и приобрѣла имъ большое преимущество передъ другими ар-

міями *. Такъ образовались мало по малу наши нынѣшнія, правила построений, движеній и боевыхъ порядковъ

Густавъ Адольфъ обращалъ постоянно вниманіе на строгое сохраненіе порядка, дисциплины и чинопочитанія; онъ опредѣлялъ наказанія преступленіямъ всѣхъ родовъ, въ особенности тяжело наказывались, весьма обыкновенные въ тѣ времена въ арміяхъ, грабежъ, смертоубійство и развратъ. Военная іерархія, или власть каждой степени начальства получила развитіе, какого до тѣхъ поръ не знавали; на ней основывался духъ, оживлявшій шведскую армію. Учреждено было постоянное богослуженіе и король много споспѣшествовалъ благочестію личнымъ своимъ примѣромъ. Всѣмъ этимъ шведская армія приобрѣла осанку строгаго приличія, отличавшую ее отъ всѣхъ современныхъ войскъ; въ ея квартирахъ и лагеряхъ царствовали тишина и порядокъ.

Густавъ Адольфъ ненавидѣлъ поединки, запретилъ ихъ подъ смертною казнію и учредилъ судъ для рѣшенія спорныхъ дѣлъ между офицерами; онъ надѣялся искоренить предосудительный обычай, однако жъ тщетно; иначе не сохранился бы обычай до нашихъ временъ. Изслѣдованіе, почему нельзя такимъ средствомъ уничтожить поединки, выходитъ изъ нашего предмета, хотя и есть возможность доискаться причинъ, разобравъ всѣ случаи, въ которыхъ великій сей монархъ и полководецъ отступалъ отъ своего правила, хотя и подъ тяжкими условіями.

* Подробнѣе о тогдашнемъ состояніи шведской и имперской арміи можно прочесть въ помѣщенномъ въ *Histoire militaire des dernieres campagnes de G. A. traduit de l'italien par Francheville, сочиненіи Tableau militaire etc. par un offic. prussien, писанномъ, какъ полагають, бывшимъ прусскимъ, а потомъ голландскимъ полковникомъ Штампортомъ.*

4 ПОХОДЪ 1625.

Когда наконецъ всѣ новыя учрежденія были кончены и исчезли надежды на мирные переговоры, тогда Густавъ Адольфъ съ двадцатью тысячами чело­вѣкъ отплылъ на семидесяти шести корабляхъ къ устью Двины. Прибывъ туда въ началѣ іюля 1625, онъ немедленно атаковалъ Кокенгузенъ, по взятіи кото­раго, всѣ города, имѣвшіе гарнизоны, подверглись той же участи и вся Лифляндія покорилась.

Одинъ изъ польскихъ полковниковъ, бывшій въ связяхъ съ жителями Риги, хотѣлъ незапно овладѣть крѣпостію, но король, узнавъ о покушеніи, распорядился такъ, что отрядъ сей въ двѣ тысячи чело­вѣкъ былъ обойденъ и истребленъ. Также не успѣшно было дѣйствіе литовскаго маршала Станислава Сапеги, подошедшаго къ Ригѣ съ двумя тысячами конницы и одной тысячею пѣхоты; у него отбили всю артилле­рію, потомъ открыли и наказали сообщавшихъ ему свѣдѣнія.

Густавъ Адольфъ, сосредоточивъ наконецъ армію близъ Риги, двинулся въ Курляндію и занялъ Митаву и Баускъ. Левъ Сапега, отецъ предыдущаго, поспѣшая на помощь Бауску, прибылъ въ окрестности сего города съ корпусомъ, состоящимъ изъ двухъ тысячъ шести сотъ конницы и одной тысячи трехъ сотъ чело­вѣкъ пѣхоты. Густавъ Адольфъ выступилъ ему на встрѣчу намѣре­ваясь принудить его къ сраженію, потому говоритъ Архенгольцъ, исторіографъ его, что до того времени королю еще не удавалось видѣть настоящаго сраженія. Сапега, какъ полагаютъ, полагаясь на преимущество сво­ей конницы, надѣялся ея уничтожить шведскую армію.

Густавъ Адольфъ напротивъ того основательнѣе полагался на стройную пѣхоту; онъ умѣлъ цѣнить ее важность и былъ первымъ, который призналъ пѣхоту за главнѣйшую основную часть въ арміи. Не имѣя средствъ снабжать кавалерію достаточнымъ числомъ годныхъ лошадей, потому что шведскія малорослы, а доставка изъ за границы была сопряжена съ большими затрудненіями и обходилась дорого, Густавъ Адольфъ обращалъ все вниманіе на усовершенствованіе пѣхоты, пока война не открыла способовъ ремонтировать бѣльшаго числа конницы.

При Вальгофѣ въ Семгаліи 7 января 1826, король встрѣтился съ непріятелемъ и разбилъ его. Поляки потеряли тысячу шесть сотъ человѣкъ убитыми, множество плѣнныхъ, артиллерію, обозъ и много штандартовъ; урокъ съ шведской стороны былъ сравнительно очень не великъ. Обстоятельнѣйшихъ извѣстій нельзя собрать о семъ первомъ сраженіи. Густавъ Адольфъ преслѣдовалъ Сапегу въ Литву и овладѣлъ двумя изъ сильнѣйшихъ непріятельскихъ крѣпостей, въ томъ числѣ крѣпостью Биржами, взятою приступомъ.

Такой успѣхъ далъ поводъ королю шведскому, снова предложить миръ, почему истребовавъ паспорта, онъ отправилъ Уксеншерну и другихъ въ Варшаву; однако жъ посланные возвратились безуспѣшно; двое изъ нихъ: Горнъ, братъ генерала, и Сальвиусъ, бывшій потомъ гофъ-канцлеромъ королевы Христины, были даже задержаны, и хотя вскорѣ опять освобождены по представленію Уксеншерны, но поступокъ съ ними былъ причиною, что король не возобновлялъ болѣе мирныхъ предложеній и подвергнулъ Литву сильной контрибуціи. Оставя гарнизоны въ главнѣйшихъ городахъ, онъ возвратился въ Стокгольмъ.

Около того времени послѣдовало бракосочетаніе князя семиградскаго Бетлема Габора, избраннаго королемъ венгерскимъ, съ принцессою Екатериною Бранденбургскою, сестрою королевы шведской. Обстоятель-

ство это однако жъ не принесло большихъ выгодъ Густаву Адольфу, потому что Бетлемъ Габоръ въ 629 году уже скончался.

5 ПОХОДЪ 1626.

Весною 1626 года король шведскій отплылъ изъ Стокгольма съ флотомъ во сто пятьдесятъ вымпеловъ и съ арміею въ дватцать шесть тысячъ человекъ. Онъ направился къ берегамъ Пруссіи и овладѣлъ крѣпостью Пиллау, переправился потомъ черезъ Фришъ Гафъ и вошелъ въ епископство Эрмеландское. Желая утвердиться въ Пруссіи, онъ хотѣлъ, чтобы бранденбургскія владѣнія были объявлены нейтральными, но курфирстъ, по отношеніямъ къ Польшѣ, не могъ дать своего согласія; почему король, обратясь къ земскимъ сословіямъ, склонилъ ихъ, послѣ нѣкотораго сопротивленія, согласиться на его требованія. Только такою мѣрою можно было избѣжать нарушенія пріятыхъ формъ. И надобно сожалѣть, что и впоследствии не всегда можно было прибѣгать къ подобному средству.

Вскорѣ потомъ покорились города Браунсбергъ и Фрауенбургъ, изъ которыхъ король велѣлъ изгнать Іезуитовъ, злѣйшихъ своихъ враговъ, вмѣшивавшихся по своему обычаю во всѣ дѣла и дѣйствовавшихъ неуспѣшно противъ такъ называемыхъ ими еретиковъ.

Городъ Эльбингъ, намѣревавшійся сначала обороняться, также сдался, когда получилъ отъ короля письмо съ объявленіемъ, «что онъ не желаетъ ни ихъ деуегъ, ни ихъ несчастія, ведя войну только для пріобрѣтенія мира; что Густавъ Адольфъ довольствуется»

«ся правомъ имѣть въ городѣ свой гарнизонъ, для обезпеченія себя съ тыла; что освобождаетъ жителей отъ контрибуціи, но требуетъ, чтобы они рѣшились на предлагаемыя условія въ двадцать четыре часа.»

Шведы заняли потомъ Маріенбургъ и всѣ города западной Пруссіи, исключая Диршау, имѣвшаго достаточный гарнизонъ, и Данцига, отказавшагося принять нейтралитетъ; почему Густавъ Адольфъ велѣлъ считать его непріятельскимъ городомъ. Производя лично рекогносцировку окрестности Данцига и крѣпости Вейксельмюнде, онъ захватилъ близъ Гребина двѣсти восемьдесятъ два человѣка городскихъ войскъ.

Близъ Данцига король стоялъ лагеремъ въ называемой равнинѣ, въ такъ называемомъ Вердерѣ; здѣсь присоединились къ его арміи рекруты, набранные вербовкою въ завоеванныхъ провинціяхъ и въ Германіи; потомъ перешелъ онъ черезъ Вислу при Лиссау посредствомъ моста на судахъ, и покорилъ Меве и Диршау. Въ это время прибылъ король Сигисмундъ къ Грауденцу съ тридцатью тысячами войскъ и Густавъ Адольфъ долженъ былъ обратиться противъ него и отложить на время намѣреніе покорить Данцигъ: чѣмъ онъ хотѣлъ нанести сильный ударъ польской торговлѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ пріобрѣсть крѣпкій пунктъ, имѣвшій всѣ средства служить опорой дѣйствій и обезпечить снабженіе арміи. Хотя Меве и Диршау въ тѣ времена и считались крѣпостями способными къ оборонѣ, но они не были довольно значительны, чтобы удержать польскую армію, а потому не подлежить сомнѣнію, что надобно было двинуться ей на встрѣчу, хотя бъ даже только съ тѣмъ, чтобы предупредить взятіе Меве. Къ шведской арміи, кромѣ рекрутовъ, пополнившихъ убыль въ рядахъ ея, прибылъ еще изъ Германіи графъ Турнь съ подкрѣпленіемъ, однако жъ болѣзни и оставленные въ пріобрѣтенныхъ городахъ гарнизоны, были причиною, что она была слабѣе непріятельской тысячею человѣками. Польская армія состояла подъ главнымъ предводительствомъ самого Си-

гисмунда, опытнаго полководца; непосредственно же командовалъ ею сынъ его Владиславъ, любившій войну изъ честолюбія.

Поляки двинулись впередъ до Мариенбурга, но послѣ нѣсколькихъ незначительныхъ стычекъ отступили и перешли черезъ Вислу противъ Нейенбурга, съ намѣреніемъ овладѣть крѣпостью Меве. Не имѣя достаточнаго гарнизона, Меве едва ли могъ выдержать сильный приступъ, однако жъ комендантъ приготовился къ упорной оборонѣ и не принялъ перваго предложенія о сдачѣ. Густавъ Адольфъ, опасаясь, что гарнизонъ попадетъ въ бѣдственное положеніе, если не получитъ подкрѣпленія и окажется недостатокъ въ запасахъ, вознамѣрился, съ тремя тысячами пѣхоты и съ тремя стами конныхъ, лично провести въ городъ большой транспортъ. По мѣсту расположенія непріятельской арміи, предпріятіе сіе было сопряжено съ большими затрудненіями.

Поляки, не взирая на всѣ предосторожности Шведовъ, открыли ихъ движеніе и съ разсвѣтомъ послали противъ нихъ легкія войска и нѣсколько орудій. Опрокинуть эти войска или атаковать армію въ ея позиціи было опасно. Желая, кажется, дать предпріятію своему видъ усиленной рекогносцировки, король старался отвлечь вниманіе Поляковъ, и такимъ образомъ ввести въ городъ подкрѣпленіе и продовольствіе. Дѣло могло окончиться удачно только при оплошности осаждающихъ, но король рѣшился испытать. Поручивъ графу Турну съ частью отряда занимать непріятели, онъ самъ старался приблизиться къ городу, прикрывая конницею транспортъ.

Безпечность Поляковъ, или неопытность ихъ въ обложениі крѣпостей, увѣнчали предпріятіе сіе полнымъ успѣхомъ. Послѣ боя, продолжавшагося около часа, графъ Турнъ находился въ затруднительномъ положеніи и долженъ былъ нѣсколько отступить, чтобы не отдѣлиться вовсе отъ короля. Это былъ моментъ, въ который Полякамъ слѣдовало усилить отрядъ посла-

ныхъ ими легкихъ войскъ, чѣмъ сраженіе непременно рѣшилось бы въ ихъ пользу; но кажется Сигизмундъ или генералы его не поняли намѣреніе Густава Адольфа, полагая вѣроятно, что онъ желаетъ выманить ихъ изъ занимаемой ими выгодной позиціи, они забыли наблюдать за крѣпостью. Какъ бы то ни было, главныя силы польской арміи не трогались съ мѣста, Шведы отразили всѣ атаки польской конницы, а Поляки и не старались обойти который либо изъ ихъ фланговъ. Между тѣмъ транспортъ вошелъ въ крѣпость: графу Турну надлежало отступать, король прикрывалъ его конницею и отступление совершенно было въ величайшемъ порядкѣ до Диршау.

Потеря Шведовъ всѣми показывается согласно весьма незначительною, со стороны же Поляковъ она простиралась до пятисотъ человекъ. Густаву Адольфу совершенно удалось обмануть Поляковъ и достигнуть своей цѣли. Слѣдствіемъ сего дѣла было снятіе осады или лучше сказать обложеніе Меве. Король шведскій подвергался лично всѣмъ опасностямъ, былъ въ рукопашномъ бою и, какъ говорятъ, былъ два раза въ плѣну; онъ имѣлъ случай убѣдиться въ храбрости своихъ войскъ и въ способности ихъ начальниковъ, а равно и узнать своего противника, который при всей храбрости Поляковъ не обладалъ тою прозорливостью и смѣлливостью, которая могла бы озаботить Густава Адольфа. Если съ огромнымъ перевѣсомъ въ силахъ, подобнымъ тому, какой имѣла тридцати тысячная польская армія надъ слабымъ шведскимъ отрядомъ, генералъ уже теряетъ изъ вида главную цѣль дѣйствій и не знаетъ отражать атаки, иначе какъ только фронтально, то нѣтъ надежды, чтобъ онъ остался побѣдителемъ; способы его недостаточны противъ средствъ, употребляемыхъ болѣе искуснымъ противникомъ и храбрость его ни къ чему не послужитъ. Первый бой служилъ слѣдовательно нѣкоторымъ образомъ опытомъ и долженъ былъ обнадежить шведскаго короля. На

слѣдующій день онъ перевелъ главную свою квартиру въ Меве.

Казалось, что неудача склонила короля Сигисмунда къ миру. Онъ предложилъ вступить въ переговоры, но приказалъ своимъ посланнымъ войти съ такими высококомѣрными предложеніями, что дѣло тотчасъ разстроилось. Расположивъ войска на зимнія квартиры, Густавъ Адольфъ возвратился въ Швецію, гдѣ требованія Сигисмунда возбудили общее негодованіе. Слѣдствіемъ того было, что государственныя сословія согласились на всѣ предложенія короля, объявили принцессу Христину наслѣдницею престола и опредѣлили предложить королю Сигисмунду такія условія мира, которыя весьма мало соотвѣтствовали его требованіямъ. Одушевленные преданностью къ монарху, они не только готовы были содѣйствовать ему всѣми силами, но и предавались лично въ полную его власть. Столь возвышенное чувство, заставившее всѣхъ забыть о тягостяхъ войны, свидѣтельствуетъ о власти, которую Густавъ Адольфъ болѣе и болѣе пріобрѣталъ надъ сердцами подданныхъ.

В ПОХОДѢ 1627.

Король польскій не отвѣчалъ на предложенныя ему предварительныя статьи договора, а между тѣмъ наступило время къ открытію кампаніи. Главнокомандующимъ польскою арміею былъ назначенъ коронный

гетманъ Конецпольскій; Сигисмундъ приказалъ ему подать помощь Данцигу, который былъ обложенъ Шведами со стороны сухаго пути; главные опорные пункты обложенія были укрѣпленные города Пиллау, Диршау, Меве и Пуцигъ; послѣдній былъ слабѣ прочихъ. Гетманъ, обратясь къ послѣднему городу, овладѣлъ имъ и тѣмъ возстановилъ прерванное сообщеніе Данцига съ Германіею. Комендантъ Пуцига, нуждаясь въ боевыхъ и продовольственныхъ запасахъ, былъ вынужденъ сдать городъ на капитуляцію, по которой гарнизонъ получилъ свободу. Конецпольскому также удалось обезоружить восемь тысячъ человѣкъ подкрѣпленія, слѣдовавшаго къ шведской арміи черезъ Помереленъ. Этотъ отрядъ, состоявшій изъ новонабранныхъ людей, только что выступилъ изъ Гаммерштейна, какъ былъ опрокинутъ и сдался (15 апрѣля) на довольно постыдную капитуляцію. Конецпольскій удержалъ плѣнными только начальствовавшихъ полковниковъ Штрейфа, Тейфеля и офицеровъ, людей же отпустилъ, объявивъ въ теченіи года не служить противъ Польши.

Густавъ Адольфъ, задержанный противными вѣтрами въ Швеціи, принималъ извѣстія о неудачахъ съ равнодушіемъ и старался по возможности уничтожать вредныя ихъ послѣдствія. Онъ надѣялся со временемъ вознаградить утраченное, и дѣйствительно имѣлъ нѣкоторый успѣхъ, когда прибылъ наконецъ съ значительнымъ подкрѣпленіемъ въ Пруссію.

Вышедши на берегъ, король нашелъ армію, собранную при Диршау; съ присоединеніемъ значительнаго числа набранныхъ войскъ, она состояла изъ тридцати пяти или тридцати шести тысячъ человѣкъ. Желая болѣе всего покорить Данцигъ, Густавъ Адольфъ лично произвелъ рекогносцировку обширнымъ укрѣпленіямъ сего города. Противники укрѣпили между прочимъ и Данцигергауптъ, выдавшійся мысъ острова, раздѣляющій лѣвый рукавъ Вислы или такъ называемую Старую Вислу, вторично на два рукава, изъ которыхъ одинъ течетъ въ заливъ Фришгафъ, а другой

мимо Данцига и Вейксельмюнде. Построенное на мысѣ укрѣпленіе обороняло фарватеры обоихъ рукавовъ; желая осмотрѣть мѣстность, король сѣлъ въ лодку, но только приблизился къ укрѣпленію, какъ изъ онаго былъ раненъ пулею въ верхнюю часть правой бедра, однако жъ безъ поврежденія кости. Рана, хотя не опасная, была причиною нѣкотораго замедленія и Поляки выиграли время для сбора своихъ войскъ, что до того времени ими было упущено. Въ тотъ же день по утру, выѣхавъ на пригорокъ, король едва уже не былъ взятъ въ плѣнъ двумя наскакавшими Поляками. Уксеншерна, видя два такихъ случая, представлялъ королю объ опасностяхъ, которымъ онъ подвергнетъ и армію и отечество, если не будетъ болѣе щадить себя.

Густавъ Адольфъ ненавидѣлъ льстецовъ, но былъ доступенъ вѣрнымъ испытаннымъ людямъ, въ особенности генералу канцлеру, которому онъ сообщалъ о предпріятіяхъ своихъ, и который находился къ нему, кажется, въ такихъ же отношеніяхъ, въ какихъ былъ Сюлли къ Генриху IV. Уксеншерна могъ говорить мнѣніе свое и тогда, когда предвидѣть можно было, что оно не понравится королю; онъ имѣлъ основательныя причины опасаться за него: Архенгольцъ рассказываетъ, что уже нѣсколько недѣль прежде описаннаго случая въ кавалерійскомъ дѣлѣ король подвергался очевидной опасности, быть изрубленнымъ однимъ Полякомъ. Въ оправданіе свое, Густавъ Адольфъ ставилъ въ примѣръ Александра при Граникѣ и Цезаря, который никогда не былъ раненъ, и говорилъ, что, «если онъ неустрашимъ, то и солдаты забудутъ объ опасности.» Правило справедливое, но которое должно быть съ разборчивостію, примѣняемо главнокомандующимъ, особенно, если въ немъ соединится и лице монарха.

Конецпольскій приблизился къ расположенной при Диршау шведской арміи на разстояніи двухъ миль и 18 августа предпринялъ усиленную рекогносцировку; король опрокинулъ Поляковъ нѣсколькими эскадронами

и заставилъ ихъ въ безпорядкѣ отступать къ деревнѣ Рокиткенъ, которая была занята польскою пѣхотою и артиллеріею. Высоты и лощины около деревни способствовали прикрытію отступленія, и для такой цѣли пунктъ былъ выбранъ Поляками искусно.

Король приказалъ дѣйствовать артиллеріи, а самъ, желая разсмотрѣть непріятельское расположеніе, едва успѣлъ подняться на высоту близъ Рокиткенъ, какъ опять былъ раненъ пулею въ правое плечо около шеи. Съ тѣмъ вмѣстѣ прекратилось преслѣдованіе непріятеля, которому слѣдовало бы лишиться по-крайней-мѣрѣ оставленной имъ въ деревнѣ пѣхоты. Войска обѣихъ сторонъ возвратились въ свои лагери; нанесенная королю рана произвела глубокое и прискорбное впечатлѣніе на шведскую армію.

Рана казалась опасною. Лейбъ-медикъ, замѣтившій: «что можно было ожидать такого несчастія, потому что король не щадитъ себя», получилъ въ отвѣтъ: «*Ne sutor ultra crepidam*». Вошедшую глубоко пулю нельзя было вынуть. Больной не покидалъ комнаты три мѣсяца; однако жъ потеря времени не имѣла дальнѣйшихъ послѣдствій.

Сначала король самъ считалъ рану опасною и помышлялъ о смерти; шейная жила казалась поврежденною, кровь шла сильно изъ поздравей и рта. Можно представить себѣ, каковы были опасенія приближенныхъ, въ особенности Уксеншерны. Изрѣченія короля въ эти минуты доказывали чрезвычайную твердость духа и вполне оправдались послѣдовавшими годами жизни его. Не излишне будетъ упомянуть объ нихъ, хотя вкратцѣ.

Будучи убѣжденъ въ пользѣ своихъ предпріятій, Густавъ Адольфъ не думалъ считать себя необходимымъ для довершенія ихъ, или незамѣнимымъ въ случаѣ смерти. Такія чувства рождало въ немъ благочестіе его; исполненіе обязанности считалъ онъ высшимъ закономъ и имѣя единственно его въ виду, онъ не заботился о послѣдствіяхъ. Выслушивая увѣщеванія, какъ доказа-

тельства истинной къ нему преданности, онъ говорилъ: «Богъ наложилъ на меня достоинство, моя обязанность поддержать его мужествомъ и дѣятельностію, и что можетъ быть для меня лестнѣе того, какъ умереть за дѣло Всевышняго и благоденствіе подданныхъ?» О монархѣ, одушевленномъ такими чувствами, не должно судить съ обыкновенной точки зрѣнія. Изліянія великой души его драгоцѣнны: онѣ свидѣтельствуютъ о его характерѣ, и остальные дни жизни его доказали, какъ онъ строго держался своихъ правилъ. Въ стремленіи къ высшей цѣли забывать собственныя выгоды, мы видимъ черту, возвышавшую Густава Адольфа надъ обыкновенными смертными; правда, что въ этомъ сходствовали съ нимъ всѣ полководцы, извѣстные какъ великіе люди, но только не многіе были такъ убѣждены въ началахъ, на которыхъ основывались ихъ сужденія.

По выздоровленіи своемъ, король снова покорилъ городъ Пуцигъ и тѣмъ пресѣкъ опять сообщеніе съ Данцигомъ со стороны сухаго пути, со стороны же моря шведская эскадра, подъ командою вице-адмирала Шерншельда (Stiernskjöld), запирала гавань. Также и осажденные снарядили эскадру, подчинивъ ее Дикману, офицеру датскаго флота; вышедъ на встрѣчу шведскимъ кораблямъ, Дикманъ атаковалъ ихъ и обратилъ въ бѣгство. Шерншельдъ, окруженный непріятельскими судами, взорвалъ свой корабль; но и Дикманъ не пережилъ побѣды.

Морское сраженіе происходило 28 ноября 1627, нѣсколько миль отъ данцигскаго рейда и дорого обошлось городу; отъ четырехъ до пятисотъ лучшихъ матросовъ и начальникъ эскадры были убиты; трофеями же достался городу одинъ только изстрѣленный шведскій корабль.

Неудача досадовала короля, помышлявшаго о сред-

* Geschichte G. A. aus den Arkenholzischen Handschriften, I Bd. § 244.

ствахъ сооружить болѣе грозный флотъ; между тѣмъ Густавъ Адольфъ тѣснѣе обложилъ Данцигъ со стороны сухаго пути, и отнялъ у непріятеля городъ Вормдигъ, предводительствуя лично приступомъ, хотя еще и былъ слабъ здоровьемъ. Городъ Гутштатъ былъ въ то же время взятъ полковникомъ Тотомъ. Въ началѣ декабря король возвратился въ Швецію для лучшаго пользованія себя и чтобы заняться устройствомъ флота.

Этотъ походъ надобно считать неудачнымъ; причины тому были частью позднее выступленіе и частью двукратныя раны короля. Противныя вѣтры препятствовали переправиться изъ Швеціи ранѣе конца іюня или начала іюля. Можетъ быть произошло и отъ того нѣкоторое замедленіе, что король хотѣлъ начать кампанію осадю Данцига, а потомъ обратиться противъ польской арміи, слѣдовательно требовались большія приготовленія. Поляки, казалось, спокойно ждали ихъ окончанія, потому что они даже не были собраны до конца іюля. Имѣя дѣло съ извѣстнымъ уже ему противникомъ, Густавъ Адольфъ могъ считать возможнымъ успѣшное окончаніе осады большой крѣпости; но Сигисмундъ съ своей стороны имѣлъ всѣ причины не оставаться спокойнымъ зрителемъ покоренія столь важнаго города. Слѣдовательно можно усомниться: могла ли бы осада дѣйствительно привелепа быть къ окончанію при такихъ обстоятельствахъ? Король шведскій не имѣлъ достаточныхъ силъ, чтобы въ одно время: держать обширную крѣпость въ обложеніи, отражать вылазки осажденныхъ и еще отстранять польскую армію, если бы Конецпольскій, какъ отъ него и можно было ожидать, догадался наконецъ двинуться противъ шведской арміи, занятой осадю; правда, что укрѣпленія при Данцигѣ, Бишофсбергъ и Гагельсбергъ, постройка которыхъ началась только за годъ передъ тѣмъ, еще не были совершенно окончены, но взять ихъ приступомъ было не легко, да и овладѣніе ими еще не вело къ покоренію города; осажденные, сражаясь за свободу и имущество, которое было значительно, мо-

гли долго сопротивляться, имѣя средство перейти въ болѣе отдаленныя части города, которыя едва ли могла раззорить худая артиллерія тѣхъ временъ. Слѣдовательно, не входя въ подробнѣйшее разсмотрѣніе мѣстныхъ обстоятельствъ, можно кажется заключить, что трудно предпринять осаду Данцига съ тридцатью шестью тысячами, которыя еще должны были раздѣлиться, чтобы отражать виѣшняго непріятеля. Вѣрнѣе, кажется, было бы, если бъ король шведскій обратился на Поляковъ, которыхъ ему, можетъ быть, удалось бы разбить въ распахъ въ началѣ іюля, удерживая между тѣмъ крѣпость въ блокадѣ, сколько можно, какъ то и случилось.

По-крайней-мѣрѣ Шведы давно уже были собраны въ Диршау, а Поляки, сколько извѣстно, оставались спокойно въ квартирахъ. Если бы дѣйствія противъ польской арміи увѣнчались успѣхомъ, тогда бы можно было предпринять осаду и продолжать ее до послѣдней крайности, или что еще вѣроятнѣе: Данцигъ, утративъ надежду на скорую помощь, и опасаясь за свои богатства и за свою самостоятельность, сдался бы, хотя бъ даже на столько же невыгодныя условія, на какия сто семь лѣтъ спустя онъ сдался фельдмаршалу Миниху.

Въ подтвержденіе нашего замѣчанія, разсмотримъ, въ какое опасное положеніе попали бы осаждающіе, если бъ они претерпѣли пораженіе отъ польской арміи во время осады.

Не считая потери артиллеріи и матеріальной части, отступленіе ихъ, при нѣкоторомъ искусствѣ противника, было бы сопряжено съ великою опасностью, въ чемъ каждый согласится, кто знаетъ ту страну. Конечно много зависитъ отъ того, въ какомъ мѣстѣ арміямъ случилось бы сразиться между Диршау и Данцигомъ. Но если шведская армія не нашла бы средствъ, послѣ проиграннаго сраженія, удержать натискъ преслѣдующаго непріятеля въ разстояніи немногихъ миль отъ поля сраженія, то она могла быть отброшена къ Помераніи и нашлась бы вынужденною отступать стра-

ною Кассубовъ, бѣднѣйшею изъ окрестныхъ провинцій. Дальнѣйшія послѣдствія такого движенія очевидны; такимъ невыгодамъ не могла бы подвергнуться шведская армія, если бы она претерпѣла пораженіе, слѣдуя отъ Диршау вдоль Вислы на встрѣчу Полякамъ.

Густавъ Адольфъ избѣжалъ всѣхъ бѣдъ тѣмъ, что былъ два раза раненъ, и если судить по ходу самыхъ событій, то весь упрекъ долженъ пасть единственно на гетмана Конецпольскаго: онъ, кромѣ одной рекогносцировки, оставался во все остальное время въ совершенномъ бездѣйствіи. Простоявъ четыре мѣсяца послѣ того, какъ король былъ раненъ, онъ далъ ему только случай хорошо извѣдать воинскую свою способность. Сколько по преданіямъ извѣстно, онъ не избѣгалъ боя и доказалъ бы противное, если бъ къ тому представился случай, но онъ находился, такъ сказать, въ состояніи совершеннаго безстрастія, въ которое впасть можно только съ приступленіемъ тѣлесныхъ или душевныхъ силъ, или съ истощеніемъ тѣхъ и другихъ.

Причины политическія, составляющія всегда исключеніе, не могли существовать для Поляковъ, а если и имѣлись, то Конецпольскому приличнѣе было вложить мечъ въ ножны и совѣтовать къ миру, нежели оставаться въ бездѣйствіи, что никогда не можетъ быть оправдано, или что по-крайней-мѣрѣ не даетъ права на признательность.

7 ПОХОДЪ 1628.

Весною Густавъ Адольфъ переплылъ море на тридцати корабляхъ и присталъ къ берегу вѣроятно въ окрестности Пуцига. При устьѣ Вислы онъ встрѣтилъ семь датскихъ кораблей и приказалъ ихъ атаковать: три изъ нихъ были взяты, одинъ потопленъ, пятый ушелъ въ Кольбергъ, но былъ выданъ, а еще два сильно поврежденные подтянулись къ стѣнамъ крѣпости Вейксельюнде. Присутствіе шведской эскадры не воспрепятствовало нѣсколькимъ польскимъ кораблямъ пробраться въ Данцигъ съ жизненными припасами. Встрѣчающееся всегда затрудненіе совершенно закрыть доступъ къ крѣпости со стороны моря, доказываетъ пользу, которую доставляютъ прибрежнымъ крѣпостямъ вооруженныя суда; онѣ, пользуясь обстоятельствами, могутъ всегда способствовать сношеніямъ города и привозить запасы въ городъ, когда облегчающій не можетъ находиться на пунктахъ способныхъ для прохода. Французы въ 1813 году пользовались этимъ удобствомъ.

Шведская армія собралась въ прежнемъ лагерѣ при Диршау. Король взялъ семь тысячъ отборныхъ людей и перешелъ, совершенно неожиданно, посредствомъ летучаго моста, на малый Вердеръ вблизи самаго Данцига и занялъ его. Въ эту кампанію были употреблены взвѣстные кожаныя пушки, испытанныя въ первый разъ подъ Вормдитомъ*.

Конецпольскому пришло на мысль начать свои дѣй-

* Изобрѣтателемъ ихъ считается Г. Вурибрантъ, офицеръ шведской службы, служившій сперва въ имперской арміи.

ствія диверсією; атаковавъ Меве, а потомъ Пуцигъ, онъ взялъ оба города; можетъ быть онъ опасался прежде атаковать непосредственно шведскую армію; шелъ однако жъ мало-по-малу впередъ, чтобы совершенно снять блокаду Данцига.

Густавъ Адольфъ выслалъ полковника Тота съ кавалерією для наблюденія за непріятелемъ. Храбрый офицеръ не предостерегся засады и при деревнѣ Гребинѣ неожиданно былъ окруженъ въ трое многочисленнѣйшимъ числомъ непріятелей. Рѣшась тотчасъ на вѣрнѣйшее средство въ такихъ случаяхъ, онъ пробился, взялъ нѣсколько плѣнныхъ, четыре штабдарта, и возвратился съ извѣстіемъ о приближеніи непріятельской арміи и взятіи Поляками города Пуцига. Полагаютъ, что Конецпольскій, при великомъ перевѣсѣ силъ, надѣялся безъ большаго труда остаться побѣдителемъ, но во всякомъ случаѣ, надлежало бы ему спѣшить; онъ же, кажется, шелъ медленно, а Густавъ Адольфъ, оставя необходимое число войскъ передъ Данцигомъ, съ остальными двинулся ему на встрѣчу и напалъ на него неожиданно. Въ окрестности Данцига произошло сраженіе (гдѣ именно не извѣстно), въ которомъ храбрыя и искусныя шведскія войска нанесли Полякамъ уронъ, состоявшій изъ трехъ тысячъ выбывшихъ изъ фронта, четырнадцати штабдартовъ и четырехъ орудій; самъ Конецпольскій былъ раненъ; польская армія должна была отступать и направилась вдоль Вислы. Паденіе Данцига казалось неизбѣжнымъ; ему оставалась одна надежда на помощь императора.

Послѣ отступленія Поляковъ, Шведы обложили Данцигъ какъ съ моря, такъ и со стороны сухаго пути; претерпѣвая недостатокъ въ продовольствіи, городъ наконецъ нашелся бы вынужденнымъ сдать и безъ дѣйствительной осады. Но особенное обстоятельство спасло его. Тогда не имѣлось еще нынѣшнихъ средствъ, удерживать рѣку въ ея берегахъ. Висла вдругъ потопила всѣ низменныя равнины; самый Данцигъ лежитъ въ долинѣ Вислы и у нагорныхъ ея береговъ высоты Би-

шофсбергъ и Гагельсбергъ вошли въ систему укрѣпленія города. Облегающіе должны были отступить и Данцигъ освободился отъ обложенія. Кромѣ того прибылъ король Сигисмундъ съ подкрѣпленіемъ и присоединился къ Конецпольскому.

Освобожденіе Данцига положило новыя препятствія миру, къ которому склоняли короля польскаго нидерландскіе генеральныя штаты изъ политическихъ видовъ. Сигисмундъ, надѣясь на скорое появленіе испанскаго флота въ Балтійскомъ Морѣ и на прибытіе императорскаго вспомогательнаго корпуса, замышлялъ, покоривъ съ помощію ихъ непріятели, перенести военныя дѣйствія въ Швецію. Онъ получилъ отъ обоихъ дворовъ габсбургскаго дома займы денежныхъ суммъ, а польскій сеймъ опредѣлилъ значительныя суммы на продолженіе войны; надежды возрастали, потому что дѣло болѣе и болѣе становилось общимъ для всѣхъ католическихъ державъ.

Польскіе паны желали мира, но не хотѣли, чтобъ уступлена была Лифляндія, а Густавъ Адольфъ вовсе не намѣренъ былъ отдать оной.

Разборъ политическихъ отношеній государствъ и ихъ видовъ, обнзружившихся событіями, принадлежитъ исторіи. Однако жъ надобно обозначить главнѣйшія обстоятельства, служившія поводомъ къ дѣйствіямъ Густава Адольфа, иначе нельзя дать яснаго понятія о величій и важности судьбою возложенной на него обязанности.

Несогласіе въ религіозныхъ мнѣніяхъ, о которомъ уже было говорено, и столкновеніе интересовъ дворовъ вооружили двѣ партіи, католическую противъ протестантской. Тридцати-лѣтняя война, начавшаяся въ 1618 году, уже продолжалась 10 лѣтъ, когда Густавъ Адольфъ воевалъ въ Пруссіи съ Сигисмундомъ. Во все это время Австрія оставалась побѣдительницею и писала законы противникамъ; всякое заступничество постороннихъ державъ удачно было устраниваемо и католическіе священники проповѣдывали, «для блага христіанства по-

«лезно, чтобы народы были управляемы однимъ лицомъ: ибо тогда прекратятся всѣ расколы; что съ «католицизмомъ тѣсно связано благоденствіе австрійскаго дома и что наконецъ, если этотъ домъ будетъ «одинъ царствовать, то водворится и одна Вѣра.»»

Не взявъ на себя изслѣдованіе австрійской политики, можно однако жъ утвердительно сказать, что со времени императора Карла V стеченіе обстоятельствъ никогда не благоприятствовало столько утвержденію самодержавія въ Германіи и можетъ быть распространенію власти габсбургскаго дома, какъ въ это время: Германія находилась въ совершенномъ безсиліи. Австріи же могли содѣйствовать Испанія, Польша, а впоследствии, можетъ быть, и почти покоренная Данія. Англія не брала ни въ чемъ участія.

Несогласія и религіозные споры Кальвинистовъ съ Лютеранами, послѣдствія отрѣшенія Фридриха V курфюрста пфальцскаго, навлекшаго на себя грозу могущества императорскаго и впоследствии незнавшаго помочь себѣ, давъ тѣмъ самымъ первый случай къ насильствамъ вѣйскаго кабинета, къ чему присоединилось летаргическое бездѣйствіе тестя его Якова I; успѣхъ дѣйствій Австріи противъ своихъ протестантскихъ подданныхъ и противъ Бетлема Габора; ничтожество Франціи въ то время, и наконецъ несчастное окончаніе предпріятія датскаго короля — все клонилось къ совершенному пораженію Германіи, и австрійскія арміи не находили себѣ болѣе противниковъ. Слѣдовательно нельзя удивляться, что Австрія желала продолжать дѣйствовать въ томъ же духѣ и что большая часть германскихъ владѣтелей, не заблуждавшихся какими либо посторонними видами, искали себѣ спасителя.

Король Датскій, находясь въ родственныхъ связяхъ съ домомъ пфальцскимъ, уже прежде ходатайствовалъ передъ императоромъ за курфюрста Генриха V, но

* См. Geschichte G. A. aus den Archencholzischen Handschriften I B. 1 Abth. p. 252.

старанія его остались тщетными. Послѣ отрѣшенія Генриха V отъ достоинства курфирста и лишенія его всѣхъ владѣній, оскорбительнаго для всѣхъ нѣмецкихъ протестантскихъ государей, всѣ поняли, что для Германіи необходимъ защитникъ. Выборъ къ тому могъ пасть на одного изъ двухъ протестантскихъ государей, на Христіана IV короля датскаго, или на Густава Адольфа; первый при другихъ достоинствахъ имѣлъ владѣнія въ Германіи, а за послѣдняго говорили дѣянія и способность его. Польза обоихъ требовала не дать распространиться владѣніямъ императора до береговъ Балтійскаго Моря.

Курфирстъ бранденбургскій стоялъ за короля шведскаго зятя своего и отправилъ посла Беллица въ Англію для заключенія союза между всѣми протестантскими державами и Густавомъ Адольфомъ. Беллицъ вошелъ въ сношеніе съ посланниками пфальцскимъ Русдорфомъ и шведскимъ Спенсомъ; переговоры начались весьма успѣшно. Но какъ датскій дворъ дѣйствовалъ противъ нихъ и требованія Христіана IV были гораздо легче исполнимы, то выборъ и палъ на сего послѣдняго.

Густавъ Адольфъ требовалъ для дѣйствія въ Германіи, чтобы города Бременъ и Верденъ были даны ему какъ плацдармы, иначе, не имѣя собственныхъ земель въ Германіи, онъ не могъ основаться надлежащимъ образомъ и обезпечить себя съ тыла. Кромѣ того онъ требовалъ выполненія нѣкоторыхъ условій, въ основательности которыхъ также нельзя не созпаться. Когда же ожиданія его не сбылись, то онъ по свойственному ему образу воззрѣнія на предметы, легко успокоился и отвѣчалъ англійскому королю Карлу I, извѣстившему его объ утвержденіи Христіана IV, можетъ быть съ ироніею, «что ему пріятно поздравить союзниковъ съ предводителемъ, который способнѣе его къ столь важному предпріятію, и которому онъ желаетъ успѣха.»

Если разсмотрѣть положеніе Густава Адольфа съ 1626

года, то не подлежит сомнѣнію, что онъ въ то время не могъ предпринять похода въ Германію. Въ теченіи многихъ лѣтъ тщетно старались заключить продолжительное перемиріе, а на миръ нельзя было и надѣяться. Кто же бы защитилъ Густава Адольфа противъ непріязненныхъ замысловъ Сигисмунда, если бы онъ удалился съ большею частью арміи и не могъ бы самъ защищать Лифляндіи и Швеціи. Правда, что онъ предвидѣлъ такой случай и оговорилъ его въ предложеніяхъ къ лондонскому кабинету. Но утвержденіе условій даже во всей ихъ силѣ могло ли служить достаточнымъ ручательствомъ въ томъ, что король польскій, предпринявъ диверсію въ пользу императора, не заставитъ Густава Адольфа обратиться противъ него, бросивъ дѣла германскія, которыя черезъ то приняли бы пагубнѣйшій оборотъ, а Швеція лишилась бы, можетъ быть, навсегда средствъ явиться заступницею. Какое было счастье слѣдовательно, что Христіана IV предпочли Густаву Адольфу, который тѣмъ выигралъ время, устранить, такъ сказать, дѣла польскія. Мысль дать участвовать обоимъ королямъ, была вовсе неудобносполнима, потому что одинъ не могъ быть подчиненъ другому, а оба не могли также выполнять одного общаго плана дѣйствій; что между тѣмъ необходимо бы требовалось. Такого рода мѣры принадлежатъ къ дипломатическимъ, и вредятъ часто лучшимъ военнымъ соображеніямъ.

Когда счастье въ военныхъ дѣйствіяхъ уже совершенно покинуло Христіана IV, когда Тилли оттѣснилъ его въ Голштинію и Валленштейнъ преслѣдовалъ его, тогда обратились къ королю шведскому иѣмецкіе владѣтели и умоляли его убѣдительно вступить за Германію и за протестантскую вѣру. Но этого не возможно было исполнить, пока продолжалась польская война; вѣискіи же дворъ поддерживалъ Сигисмунда новыми надеждами, обѣщая ему прислать помощь, какъ скоро Данія будетъ совершенно усмирена. Впрочемъ владѣтели иѣмецкихъ земель не имѣли лица, около котораго они могли бы сосредоточиться для внутреннихъ нуждъ Германіи: два глав-

нѣйшія государства оставались въ бездѣйствіи и были покорны Фердинанду II. Курфирсть бранденбургскій слѣдовалъ видамъ своего министра Шварценберга, преданнаго императору, а курфирсть саксонскій утѣшался тщетными надеждами на приращеніе своихъ владѣній.

Говорятъ и, судя по событіямъ, почти нельзя сомнѣваться, что около того времени Валленштейнъ составилъ планъ, чтобъ принудить датскій дворъ соединиться съ Австрійцами, дабы общими силами покорить Швецію. Австрійскій кабинетъ хотѣлъ такимъ образомъ вознаградить Данин потерп въ послѣдней войнѣ въ Германіи, и можетъ быть Христіанъ IV воспользовался бы случаемъ, удовлетворить старымъ требованіямъ и прежней своей ненависти. По-крайней-мѣрѣ онъ долженъ былъ довольствоваться тѣмъ, что какимъ либо способомъ приобрѣтетъ миръ. Валленштейнъ, обладая мекленбургскими портами, собралъ корабли изъ ганзейскихъ городовъ и ожидалъ изъ Дюнкирхена испанскаго флота. Король польскій, въ надеждѣ на покореніе Швеціи, согласился отпрavitъ свой флотъ въ Висмаръ. Валленштейнъ получилъ званіе великаго адмирала всѣхъ сѣверныхъ морей. Зловѣщій титулъ, обнаруживавшій дальновидные замыслы!

Въ такихъ предположеніяхъ Штральзундъ казался Валленштейну удобнѣйшимъ пунктомъ для пріуготовленія переправы въ Швецію. Крѣпость эта могла не только удобнѣе другихъ прибрежныхъ мѣстъ быть главнымъ плацдармомъ, но она находилась и ближе къ австрійскимъ военно-складочнымъ мѣстамъ и имѣла удобнѣйшее сообщеніе съ ними. Однако жъ Штральзундъ пользовался особыми правами и рѣшительно отказывался принять имперскій гарнизонъ.

Сохраненіе правъ Штральзунда, одного изъ первыхъ ганзейскихъ городовъ, было равно важно для Швеціи, какъ и для Данин; оба государства должны были опасаться, что, допустивъ занять его имперскими войсками, они нанесутъ ударъ собственной независимости.

сти. По этому Густавъ Адольфъ предложилъ королю датскому прежде, нежели Валленштейнъ могъ оружіемъ поддержать требованіе, заключить трактатъ для охраненія свободнаго плаванія въ Балтійскомъ Морѣ, и оба согласились, соединивъ флоты свои, дѣйствовать совокупными силами противъ власти, которая вознамѣрилась бы нарушить свободу плаванія или хотѣла бы высадить войска на шведскіе или датскіе берега.

Христіанъ IV превозмогъ свое нерасположеніе къ Густаву Адольфу, потому что оба чувствовали угрожающую имъ опасность, и хотя на немъ первомъ могли оправдаться опасенія, онъ при всемъ томъ отправился лично въ Штральзундъ, снабдилъ городъ запасами и оставилъ въ немъ столько войскъ, сколько нужно было для упорной защиты. Также удалось датскому флоту потопить нѣсколько военныхъ кораблей, посланныхъ Валленштейну королемъ польскимъ. Городъ Любекъ совершенно отказался давать впредь корабли свои въ распоряженіе Валленштейна, и великій адмиралъ не могъ набрать столько военныхъ судовъ, чтобы надлежащимъ образомъ запереть Штральзундъ со стороны моря.

Однако жъ, онъ при всемъ томъ обложилъ эту строптивую, по его выраженію, крѣпость, и именно въ то самое время, когда Густавъ Адольфъ облегалъ Данцигъ. Исторія обложенія Штральзунда и непокорность Валленштейна своему государю, запрещавшему продолжать осаду, извѣстны; остается только сказать, что когда датскій гарнизонъ оказался недостаточнымъ, то городъ обратился съ просьбою къ шведскому королю и получилъ отъ него болѣе значительный отрядъ пѣхоты, который, съ согласія датскаго короля, и вступилъ въ Штральзундъ на мѣсто датскаго гарнизона. Шведскій комендантъ Лесли отлично защищался, и Валленштейнъ, потерявъ двѣнадцать тысячъ человѣкъ, былъ вынужденъ снять осаду 24 іюля 1628. Осада Штральзунда была непростительная ошибка, и одна уже лишаетъ Валленштейна права считаться искуснымъ полководцемъ.

Сдѣлавшись обладателемъ крѣпости на нѣмецкомъ берегу Балтійскаго Моря, Густавъ Адольфъ старался всѣми средствами сохрѣпить это важное пріобрѣтеніе, и для того заключилъ, еще мѣсяцемъ раньше снятія осады, договоръ съ городомъ на двадцать лѣтъ, съ единственною цѣлью, чтобы защитить городъ и права его. Стараясь избѣгать обремененія города, король требовалъ помѣщенія его флота и войскъ только въ случаѣ надобности. Относительно свободы плаванія на Балтійскомъ Морѣ къ союзу съ датскимъ королемъ, могли присоединиться всѣ державы и республики, изъ чего и составилаь наконецъ конфедерація.

Густавъ Адольфъ, бывъ вынужденъ снять обложеніе Данцига, намѣревался оставить гарнизоны въ главнѣйшихъ городахъ Пруссіи, и перенести военныя дѣйствія въ Литву, однако жъ непріятель не далъ исполнить сего намѣренія. Политическія дѣла приняли тогда странное направленіе, не имѣвшее, однако жъ, рѣшительнаго вліянія: Бранденбургскій и Голландскій кабинеты согласились быть посредниками между Польшею и Швеціею, желая вѣроятно удалить Шведовъ изъ Пруссіи. Австрія, напротивъ, желала продолженія войны на сѣверѣ, но не довольно поддерживала Сигисмунда; средства сего послѣдняго должны были наконецъ истощиться, въ противномъ случаѣ онъ бы еще долго могъ занимать Густава Адольфа и отвлекать его отъ другихъ предпріятій. Императоръ, кажется, не обращалъ должнаго вниманія на дѣйствія Густава Адольфа, имѣя весьма умѣренныя понятія о его средствахъ. Между тѣмъ это было время развитія шведскаго могущества; король и подданные равно были одушевлены рвеніемъ къ новой вѣрѣ; монархъ молодой, одаренный способностями, боготворимый Шведами, могъ рѣшиться на многое, и можно ли было предсказать, на чемъ ограничится его предпріимчивость. Странно, что Валленштейнъ не видѣлъ этого и не принялъ нѣкоторыхъ зависящихъ отъ него мѣръ предосторожности, напро-

тивъ, онъ говорятъ, относился съ пренебреженіемъ о королю шведскомъ, надѣясь съ нимъ управиться.

Шведскій король получилъ еще подъ Данцигомъ значительное подкрѣпленіе, пополнившее убыль въ рядахъ и двѣ тысячи конницы съ рейнграфомъ Отто Людвигомъ. Однако жъ онъ не могъ заставить Поляковъ принять сраженія. Конецпольскій ограничивался малою войною; въ такомъ родѣ дѣйствіи Поляки лучше могли противиться Шведамъ. Городъ Нейенбургъ былъ взятъ графомъ Турномъ въ распахъ. Шведы взяли Штрасбургъ и захватили много привезенныхъ туда вещей королевы польской и разныя суммы денегъ, но и шведская армія, вѣроятно предавшись непростительной безпечности, подверглась неожиданному нападенію. Городъ Швець былъ взятъ приступомъ Шведами, а шведскій генералъ Баудиссвиъ ходилъ партизаномъ даже до Варшавы, гдѣ причинивъ большое смятеніе, возвратился съ выгодною; этотъ способный генералъ былъ потомъ взятъ въ плѣнъ при неожиданномъ нападеніи на Штрасбургъ. Всѣ эти частныя дѣйствія, между которыми въ особенности отличалась экспедиція генерала Врангеля, ходившаго изъ Эльбинга для собранія продовольствія для города и арміи, хотя были полезны, но не вели ни къ чему; наконецъ произошла остановка, которую пояснить можно только медленностію политическихъ сношеній тѣхъ временъ и продолжительностію сопровождавшихъ ихъ всегда переговоровъ; всѣ другія догадки, коль скоро онѣ не основаны на событіяхъ, бесполезны.

Когда Густавъ Адольфъ стоялъ въ бездѣйствіи противъ польской арміи, а Валленштейнъ послѣ неудачи отступалъ отъ Штральзунда, тогда сей послѣдній поручилъ находившемуся въ Копенгагенѣ графу Шаумбургу, стараться склонить датскаго короля къ заключенію отдѣльнаго мира на выгодныхъ условіяхъ. Очевидно, что цѣль была разрознить обоихъ сѣверныхъ монарховъ и лишить ихъ возможности препятствовать дальнѣйшимъ его предпріятіямъ совокупными силами.

Т. IV. — Густавъ Адольфъ.

17

Уже прежде было упомянуто, что король датскій заключилъ трактатъ съ Густавомъ Адольфомъ, по которому онъ не могъ безъ согласія его ни заключить мира ни перемирія; Христіанъ IV кромѣ того убѣждалъ герцоговъ мекленбургскихъ быть участниками въ войнѣ съ императоромъ, въ которой они лишились своихъ владѣній; наконецъ онъ же взялся быть защитникомъ несчастнаго курфирста пфальцскаго. То хотя онъ и находился самъ въ весьма невыгодномъ положеніи и желалъ возвратить потерянные земли, но слѣдовало ему помнить свои обязательства и не избирать образа дѣйствій, на который онъ рѣшился, кажется, не спросясь совѣсти.

Въ началѣ 1629 года отправлены были съ обѣихъ сторонъ повѣренные въ городъ Любекъ, которые послѣ нѣкоторыхъ преній заключили миръ на довольно выгодныхъ для Даніи условіяхъ. Христіанъ IV обязался не вмѣшиваться въ дѣла Германіи и не давать помощи тѣмъ державамъ, которыя будутъ находиться въ войнѣ съ императоромъ. На счетъ Мекленбургіи Валленштейнъ успокоилъ совѣсть Христіана IV тѣмъ, что обѣщалъ единственную свою дочь отдать въ супружество принцу Ульриху. О Швеціи и курфирстѣ пфальцскомъ не упоминалось ни словомъ въ договорѣ.

Таковъ былъ союзникъ Густава Адольфа! Провѣдавъ о любскомъ съѣздѣ, король шведскій рѣшился и отъ себя послать повѣренныхъ; но конгрессъ съ самаго начала объявилъ, что не можетъ допустить ихъ къ совѣщаніямъ. Валленштейнъ, говорятъ, сердился за поданную Густавомъ Адольфомъ помощь Штральзунду. Не довольствуясь отказомъ шведскимъ повѣреннымъ, конгрессъ вознамѣрился оскорбить ихъ, и посланный впередъ для предварительнаго соглашенія касательно допущенія повѣренныхъ, секретарь посольства Легаузенъ, не только получилъ отказъ безъ дальнихъ объясненій, но не могъ даже вручить императорскому комиссару данной ему ноты. Тщетно онъ ѣздилъ два

раза въ Любекъ, его не приняли и встрѣчали даже неприличнымъ образомъ.

Густавъ Адольфъ не могъ оставить оскорбленія безъ взысканія; онъ писалъ императору выраженіями сильными, но умѣренными, предоставляя времени и себѣ довершеніе дѣла. Императоръ мало обращалъ вниманія на жалобу короля, полагая вѣроятно, что польская война заставитъ его забыть о ней. Можетъ быть надѣялся Валленштейнъ, желавшій продолженія войны, неуваженіемъ, оказаннымъ Густаву Адольфу, споспѣшествовать личнымъ своимъ видамъ.

Не допустить Швецію къ любскому конгрессу, была большая ошибка; требованія ея могли быть устранимы безъ оскорбленія; но такимъ образомъ императоръ пріобрѣлъ новаго непріятеля и удаливъ Данію отъ дѣлъ германскихъ, далъ Протестантамъ другаго защитника. Вѣискій кабинетъ, полагаясь болѣе, нежели слѣдовало, на императорское могущество, кажется, считалъ всѣ прочія сношенія маловажными, а потому пренебрегая достигать цѣли миролюбиво убѣжденіемъ или соглашеніемъ, дѣйствовалъ повелительно. Правда, что Протестанты находились почти въ совершенномъ изнеможеніи; разсѣянные, безъ предводителя они были оставлены сильнѣйшими государями Германіи. Но угнѣтая людей, находящихся въ крайности, мы часто заставляемъ ихъ рѣшаться на дѣйствія, которыя можетъ быть никогда бы не были предприняты. Вѣискій кабинетъ разсуждалъ иначе: тотчасъ послѣ заключенія мира съ Даніею онъ обнародовалъ реституціонный эдиктъ, заключавшій въ себѣ все, что могло встревожить народы Германіи и ихъ государей. Ихъ выгоды и самостоятельность, завися теперь отъ преданности къ протестантизму, они по совѣсти должны были сопротивляться. Угнѣтенные должны были прибѣгнуть къ оружію и недостойное обращеніе съ монархомъ, котораго все еще не признавали королемъ, указало имъ предводителя. Эти двѣ современные ошибки не могли не имѣть рѣшительныхъ послѣдствій. Реституціонному

*

эдикту предшествовало изгнаніе всѣхъ Протестантовъ изъ императорскихъ наслѣдственныхъ владѣній и вовлекло въ несчастіе неисчислимое множество людей, болѣе же всего императоръ вредилъ этимъ самому себѣ.

Даже Католики считали эдиктъ приуготовленіемъ къ единодержавію въ Германіи и къ утверженію наслѣдственности императорскаго достоинства; Баварія вошла въ переговоры съ Франціею; Протестанты просили тщетно отмѣнить столь насильственную мѣру, а курфирста саксонскаго не могли успокоить и самыя общанія Фердинанда II, освободить его отъ выдачи церковныхъ имѣній. Протестантскіе владѣтели и вольные города обращались теперь нѣсколько разъ къ Густаву Адольфу и просили о помощи. Выше было уже упомянуто о подобныхъ просьбахъ въ годахъ 615, 19, 21 и 22; Густавъ Адольфъ обѣщалъ дать помощь, но не прежде окончанія польской войны. Понятіе о важности вліянія обстоятельствъ сдѣлалось тогда столь общимъ, даже и внѣ Германіи, что Франція, озабоченная укрощеніемъ Гугенотовъ, вознамѣрилась соединиться* съ протестантскимъ королемъ для охраненія древняго учрежденія Германіи. Всѣ эти обстоятельства объясняютъ истинное положеніе дѣлъ того времени, въ которое Густавъ Адольфъ сдѣлался столь замѣчательнымъ явленіемъ. Не изъ самолюбивыхъ, мелочныхъ видовъ вмѣшался онъ въ дѣла Германіи, но сплетеніемъ внѣшнихъ побужденій онъ невольно былъ увлеченъ въ обстоятельства, которыхъ вліяніе простирается и до нашихъ временъ и въ которыхъ дѣйствія его сдѣлались достопамятными на многія столѣтія. Слѣдовательно не должно удивляться, что заботливость Густава Адольфа о поддержаніи протестантской партіи и о благоденствіи своего государства, простиралась въ послѣдствіи еще и на другіе предметы, къ которымъ

* Союзъ сей имѣлъ рѣшительнѣйшее вліяніе до самаго вестфальскаго мира.

онъ какъ монархъ не могъ оставаться равнодушнымъ, особенно при его пылкости. Предполагать же, что онъ впередъ уже помышлялъ о завоеваніяхъ было бы весьма неосновательно. Могъ ли онъ льстить себя надеждами при своихъ недостаточныхъ средствахъ и могъ ли онъ предвидѣть благопріятный оборотъ, который обстоятельства дѣйствительно приняли; безусловно же предположить такой оборотъ и начать дѣйствовать, онъ не могъ какъ искусный полководецъ.

Послѣдствіемъ обнаруженія реституціоннаго эдикта было, что кардиналъ Ришелье поручилъ французскому посланнику въ Копенгагенъ, барону Шарнасе отправиться въ Пруссію и употребить возможное стараніе заключить миръ или по-крайней-мѣрѣ долговременное перемиріе между Густавомъ Адольфомъ и Сигисмундомъ, съ тѣмъ, чтобы дать Швеціи средство участвовать въ дѣлахъ Германіи.

8 ПОХОДЪ 1629.

Во время пребыванія Густава Адольфа въ Стокгольмѣ, въ Пруссіи съ весны 1629 года кампанія началась тѣмъ, что генералъ Врангель выступилъ противъ Поляковъ, когда они еще не покидали зимовыхъ квартиръ; Поляки успѣли отступить, однако жъ Врангель настигъ и разбилъ ихъ при деревнѣ Гурзно, что близъ Штрасбурга въ нынѣшней западной Пруссіи, Поляки продолжали отступать къ Торну, Врангель пытался овладѣть сею крѣпостью, но долженъ былъ отказаться отъ предпріятія.

Успѣхъ шведскаго оружія и тягость войны, которая тщетно изнуряла Польшу, заставили Поляковъ искренно желать мира. Но Сигисмундъ надѣялся на императорскую помощь и согласился потому, по настоятельнымъ искамъ пословъ бранденбургскаго и голландскаго, только на непродолжительное перемиріе, во время котораго должно было стараться заключить миръ. По истинѣ же онъ искалъ только выиграть время.

Назначили съѣзды, при первомъ изъ которыхъ уже обнаружилось, что польское правительство не имѣло искреннихъ намѣреній. Съ начала отказывали Густаву Адольфу въ королевскомъ титулѣ; канцлеръ Уксеншерна устраивалъ препятствіе, тогда опять поднялись споры за слово «могущественный» входящее въ титулъ шведскаго короля. Переговоры потому прекратились.

Между тѣмъ приближался къ Пруссіи императорскій вспомогательный корпусъ, состоявшій изъ семи тысячъ пѣхоты, двухъ тысячъ конницы и значительной артиллеріи, подъ начальствомъ фельдмаршала Арнима, котораго современные писатели называютъ Арнимбомъ или Аригеймомъ. Говорятъ, что Валленштейнъ, поручая ему экспедицію, сказалъ «чтобъ онъ изгналъ сибѣжнаго короля изъ Пруссіи, если же не успѣетъ въ томъ, то чтобъ объявилъ ему, что самъ Валленштейнъ скоро придетъ и выгонитъ его.» Такое понятіе составилъ себѣ горделивый генералиссимусъ о Густавѣ Адольфѣ.

Король шведскій, прибывъ въ самое то время въ Пруссію, когда отрядъ Арнима присоединился въ Грауденцѣ къ Коцеполюскому, взялъ немедленно восемь тысячъ пѣхоты и пять тысячъ конницы и двинулся на встрѣчу непріятелю до Маріенвердера. Изъ дѣйствій видно, что онъ не хотѣлъ маневрировать, а искалъ боя, чтобы однимъ рѣшительнымъ ударомъ окончить кампанію. Надобно было дорожить временемъ и дѣйствовать, не взирая на силу непріятеля: уже іюнь мѣсяцъ былъ въ исходѣ.

При всемъ томъ король не счелъ излишнимъ отпра-

вить, тогда же, своего камергера къ Валленштейну съ жалобой, что не предпринимавъ съ своей стороны ничего противъ императора, тѣмъ не менѣе присоединенъ вспомогательный отрядъ къ арміи Поляковъ. Валленштейнъ отвѣчалъ лаконически: «Императоръ имѣетъ въ излишествѣ войскъ и долженъ уступить нѣсколько своимъ друзьямъ». Такой отвѣтъ и другія причины неудовольствія должны были совершенно раздражить короля.

Концпольскій получилъ или другія приказанія или прибытіе вспомогательнаго корпуса сдѣлало его предпримчивѣе, не избѣгая сраженія, онъ рѣшился даже атаковать Шведовъ. Планъ къ тому былъ не дурно соображенъ и могъ бы сдѣлаться опаснымъ менѣе опытному и рѣшительному противнику.

Концпольскій двинулся изъ Грауденца вправо, обошелъ лѣвый флангъ короля и взялъ направленіе на Штумъ. Густавъ Адольфъ, какъ скоро замѣтилъ это движеніе, отправилъ тотчасъ графа Отто Людвигъ, съ однимъ кирасирскимъ и однимъ драгунскимъ полками (около осми сотъ лошадей), чтобы занять дефилеи, которыя образуются озерами близъ Штума и заставить противника итти большими обходами; притомъ было приказано графу, на случай, если бы онъ былъ предупрежденъ непріателемъ, не вступать въ бой, пока самъ король не подоспѣетъ съ арміею. Поляки дѣйствительно успѣли запясть дефилеи, графъ же опрометчиво атаковалъ ихъ и попалъ въ расположенную за лѣскомъ засаду. Положеніе Шведовъ сдѣлалось весьма затруднительнымъ, имъ должно было прорубиться; при чемъ они утратили до двухъ сотъ человекъ. Въ это время прибылъ король съ частью войскъ и завязалось упорное дѣло, которое тѣмъ замѣчательно, что Густавъ Адольфъ въ рукопашномъ бою дважды съ трудомъ избѣжалъ пѣна: польскій кавалеристъ ухватился за его перевѣсъ; чтобы освободиться, король сбросилъ ее черезъ голову, утративъ притомъ шляпу; второй же разъ спасъ его шведскій кавалеристъ. Во

второмъ этомъ дѣлѣ Поляки однако жъ были опрокинуты, хотя и отбили у графа пять штандартовъ. Съ своей стороны Шведы взяли столько же штандартовъ и семнадцать знаменъ; въ донесеніи генерала Арнима къ Валленштейну, причемъ препровождалась королевская шляпа, убыль Шведовъ показана состоявшею изъ нѣсколькихъ офицеровъ, трехъ сотъ плѣнныхъ и десяти кожаныхъ орудій. Поляки удержались въ позиціи, а Густавъ Адольфъ отступилъ въ слѣдующую ночь къ Мариенбургу. Неоспоримо слѣдовательно, что сраженіе было проиграно Шведами.

Король спѣшилъ загладить неудачу и потому вскорѣ атаковалъ неприятельскую армию, двинувшуюся кажется впередъ къ рѣкѣ Ногатъ, отразилъ ее и нанесъ ей уронъ въ четыре тысячи человѣкъ. Надобно сожалѣть, что объ этомъ дѣлѣ нѣтъ извѣстій, ни Архенгольцъ, ни Мовильонъ «*Histoire de G. A.*» не говорятъ объ немъ подробнѣе.

Въ упомянутомъ передъ симъ дѣлѣ король опять подвергся опасности, болѣе нежели слѣдовало. Мы видимъ, что онъ далъ обойти позицію свою при Мариенвердерѣ и допустилъ вовлечь себя въ невыгодное дѣло; былъ ли причиною тому недостатокъ бдительности его кавалеріи или неправильное употребленіе оной, или невыгодное мнѣніе, которое Конецпольскій далъ о себѣ Густаву Адольфу, опредѣлить трудно. Съ другой стороны мы видимъ рѣшимость короля быстро слѣдовать за отрядомъ графа къ Штуму и вскорѣ потомъ поспѣшность его вознаградить понесенный уронъ. Примѣръ этотъ доказываетъ, что и полководцы, подобные Густаву Адольфу, могутъ быть приведены въ затрудненіе нечаянною, но что въ такихъ случаяхъ не должно упадать духомъ и не думать собственно о защитѣ, но отваживаться на какія либо рѣшительныя пред-

* Французъ по имени Сироть, выхваляя свою храбрость, помѣстилъ описаніе этому сраженію въ мемуарахъ, изданныхъ имъ въ 1683 году; оно тѣмъ замѣчательно, что не содержитъ единого справедливаго слова, однако жъ біографъ Др. Гарте былъ имъ вовлеченъ въ заблужденіе.

пріятія. Такая твердость духа необходима, чтобы переносить всѣ перемѣны судьбы, оставаться самостоятельнымъ въ несчастія и господствовать надъ обстоятельствами.

Выгоды побѣды, одержанной Густавомъ Адольфомъ впоследствии, далеко превосходили первоначальную потерю его. Проигранное сраженіе, неудовольствіе въ Польшѣ, недостатокъ средствъ, незначительность помощи вѣнскаго двора, необузданность присланнаго имъ вспомогательнаго отряда, видимое превосходство въ искусствѣ противника, все склоняло Сигисмунда къ миролюбію; наконецъ чума, показавшаяся въ польскихъ и австрійскихъ войскахъ и устранившая обывателей привозить продовольствіе, почему армія подвергалась голодной смерти, довершила необходимость прекратить военныя дѣйствія. Французскій посланникъ Шарнасе, прибывшій наконецъ къ Густаву Адольфу, не встрѣтилъ большихъ затрудненій и былъ хорошо принятъ Сигисмундомъ. Онъ объяснилъ ему истинные виды вѣнскаго кабинета; изложилъ причины, почему не возможно было ему занять шведскій престолъ, вмѣсто противника, боготворимаго подданными. Также не трудно было посланнику доказать необходимость прекратить войну: неудачныя дѣйствія и охлажденіе народа къ войнѣ были извѣстны.

Полномочные обѣихъ сторонъ собрались въ палаткахъ, которыя для того были раскинута при деревнѣ Альтмаркѣ между Штумомъ и Христбургомъ и совѣщанія начались 9 августа 1629. Наконецъ 16 сентября заключили перемиріе на шесть лѣтъ съ условіемъ обоюднаго права, продлить оный, если надобность окажется. Заключить рѣшительнаго мира, французскому посреднику при всемъ томъ не удалось; виновникомъ того не могъ быть Густавъ Адольфъ, но Сигисмундъ опасался, вѣроятно, лишиться себя свободы, пользоваться обстоятельствами, хотя для исполненія его желанія и нужно было совершенное порабоженіе Швеція. Вотъ почему ему стоило такого труда подписать договоръ,

которымъ Густавъ Адольфъ признавался королемъ шведскимъ и уступались на время перемирія Лифляндія и города Эльбингъ, Мемель, Пиллау и Браунсбергъ; прочія же завоеванія должно было отдать обратно королю польскому и курфирсту браунденбургскому. Мариенбургъ опредѣлено было занять бранденбургскими войсками, но всѣ доходы доставлять королю польскому; замокъ же и городъ уступить Шведамъ, если впослѣдствіи не состоится миръ.

Теперь только могъ Густавъ Адольфъ съ нѣкоторою положительностію заняться многократно повторенными къ нему требованіями и помышлять о спасеніи Германіи. Еслибы онъ отклонилъ отъ себя германскія дѣла, то онъ не только подвергъ бы опасности благоденствіе своего государства, которому одному трудно бы противостоять несоразмѣрнымъ силамъ враговъ; но поступилъ бы и противъ своего убѣжденія, слѣдовательно, по его правиламъ, противъ склонности. То и другое налагало на него обязанность поспѣшать на помощь угнѣбленнымъ Протестантамъ прежде, нежели они подвергнутся такому же истребленію, какое постигло ихъ въ австрійскихъ владѣніяхъ. Слѣдовательно не изъ честолюбія вступилъ онъ на новое важнѣйшее его поприще и не изъ постороннихъ видовъ, которыхъ удовлетворить не предвидѣлось возможности. Напротивъ онъ былъ руководимъ необходимостію, основывался на важнѣйшихъ соображеніяхъ и былъ движимъ чистѣйшимъ рвеніемъ къ дѣлу.

Нѣтъ, слѣдовательно, надобности защищать дѣянія великаго Густава Адольфа или писать ему похвальнаго слова, стѣитъ только показать истинное положеніе обстоятельствъ, и само собою объяснится, почему его должно считать мудрѣйшимъ, рѣшительнѣйшимъ и храбрѣйшимъ полководцемъ и монархомъ; онъ отказался бы какъ и въ годахъ 1615 и 628 отъ одушевлявшаго его желанія, охранять религію, еслибы препятствія были столь велики, что прешепречь ими было бы опасно. Слѣдовательно онъ соображалъ дѣло міра съ

хладнокровіємъ полководца и видѣлъ , что если быть защитникомъ его , то надобно сперва привести собственныя дѣла въ надежное положеніе ; въ противномъ случаѣ , не устранивъ могущей встрѣтиться надобности отражать природнаго своего врага Сигисмунда , могла бы произойти остановка въ дѣйствіяхъ . Наконецъ наступило благопріятное время обнажить мечъ на собственную защиту , а еще болѣе на защиту вѣры и свободы Германіи . Время важнѣйшее въ жизни Густава Адольфа и одно изъ замѣчательнѣйшихъ въ исторіи : безъ Густава Адольфа существующія нынѣ отношенія германскихъ земель были бы иныя и менѣе выгодныя для благоденствія народовъ .

Восемь походовъ , въ которыхъ Густавъ Адольфъ предводительствовалъ своими арміями , усовершенствовали его воинскій талантъ ; и сраженія , являвшіяся до того времени простымъ испытаніемъ силъ двухъ противодействующихъ армій , получили другое значеніе , когда основатель новѣйшей тактики , началъ показывать искусство въ движеніяхъ и въ употребленіи войскъ .

Разсматривая предшествовавшія дѣянія Густава Адольфа какъ приуготовленіе къ большимъ , важнѣйшимъ предпріятіямъ , онѣ конечно были полезны и полководцу и войскамъ . Цесарь испытывалъ себя въ войнахъ въ Галліи , а Густаву Адольфу довелось надъ Датчанами и Поляками учиться искусству вывѣдывать особенности въ образѣ дѣйствій противника и пользоваться ими . Пѣхота научилась дѣйствовать противъ храброй , многочисленной конницы и привыкла хладнокровно отражать запальчивыя атаки польской кавалеріи ; а кавалерія , сначала неисправная лошадьми и малочисленная , усовершенствовалась и ознакомилась

съ истиннымъ духомъ дѣйствій сего оружія. Частыя стычки, въ родѣ встрѣтившейся отряду рейнграфа Отто Людвигъ подѣ Штумомъ, были весьма полезны, и въ первомъ большомъ сраженіи въ Германіи Густавъ Адольфъ уже могъ противопоставить огромнымъ непріятельскимъ эскадронамъ достаточное число хорошей кавалеріи, обученной отлично, даже превосходившей непріятельскую въ подвижности. Шведская армія не имѣла бы сихъ преимуществъ, еслибы ей довелось сражаться съ Имперіями, не испытавъ себя предварительно въ войнахъ въ Лифляндіи и Пруссіи.

Другая и великая польза предшествовавшихъ походовъ заключалась въ томъ, что король на самомъ опытѣ удостовѣрился въ качествахъ своихъ войскъ и предводительствовавшихъ ими. Въ военное время исчезаетъ искусство, которымъ люди часто безъ личныхъ достоинствъ лучше другихъ успѣваютъ расположить начальника въ пользу свою. Война, въ особенности нѣсколько продолжительная, выказываетъ людей, одаренныхъ способностями, отъ которыхъ преимущественно зависитъ развязка событій; на это особенное свойство войны не обращается должнаго вниманія, между тѣмъ есть качества необходимыя всѣмъ чинамъ въ военной службѣ, которыя только въ походахъ и могутъ быть обнаружены и испытаны: соображеніе и находчивость въ трудныхъ обстоятельствахъ, рѣшимость, неустрашимость, храбрость и непоколебимость суть качества, которыя въ мирное время остаются скрытыми или могутъ проявляться только въ видѣ случайностей, по которымъ нельзя съ достовѣрностію судить о характерѣ чловѣка.

Изъ сего слѣдуетъ, что главнокомандующій, испытавшій армію въ походахъ и не находящійся въ необходимости заключать о достоинствахъ своихъ подчиненныхъ по однимъ, часто обманчивымъ предположеніямъ, обладаетъ преимуществомъ, приобретаемымъ единственно самою войною. Густавъ Адольфъ находился въ семъ выгодномъ положеніи; сверхъ того

войска его могли, въ продолжительныхъ походахъ, лучше нежели въ мирное время убѣдиться въ его личныхъ достоинствахъ. Зная, сколь мало онъ щадилъ себя, они видѣли, чего отъ нихъ можно было требовать; зная его попечительность, его состраданіе къ каждому изъ нихъ; зная его привязанность къ испытаннымъ лицамъ, даже нижнихъ чиновъ. Они чувствовали къ своему монарху, главнокомандующему, довѣріе неограниченное, можетъ быть безпримѣрное: одушевленные, по духу времени, теплымъ усердіемъ къ вѣрѣ, они почитали дѣло, на которое подвизались дѣломъ священнымъ, а предводителя орудіемъ въ рукахъ Всевышняго. Съ такою арміею тридцатисести лѣтній полководецъ, одаренный великими способностями, могъ предпринять и исполнить недостижимое для другихъ армій.

Небольшое число походовъ, которыми Густавъ Адольфъ достигъ столь великихъ результатовъ, заслуживаютъ болѣе вниманія, нежели другія его войны.

Приступая къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ, Густавъ Адольфъ хотѣлъ знать мнѣніе нѣкоторыхъ лицъ о своемъ предпріятіи, надѣясь такимъ образомъ рассмотреть со всѣхъ сторонъ трудность дѣла и сообразить необходимыя мѣры. Помѣстимъ здѣсь мнѣніе канцлера Уксеншерны и опроверженіе на оное Густава Адольфа.

Уксеншерна полагалъ, что королю выгоднѣе выжидать императора въ Пруссіи и въ Швеціи, нежели идти ему на встрѣчу въ Германію. Онъ сравнивалъ ограниченныя средства Швеціи съ средствами императора, имѣвшаго, по его мнѣнію, въ распоряженіи сто шестьдесятъ тысячъ старыхъ войскъ, и спрашивалъ,

откуда возмутся суммы, нужныя для войны противъ такихъ силъ? Утверждая, что томящаяся подъ тяжелымъ игомъ Германія такъ истощена, что не имѣетъ средствъ содѣйствовать своему освобожденію, онъ считывалъ, что Швеціи одной нельзя несть тягости войны; для обезпеченія же береговъ Швеціи онъ считалъ полезнѣйшимъ имѣть сильныя флоты и полагалъ, что королевской арміи достаточно для защиты Пруссіи. По симъ уваженіямъ Уксеншерна совѣтовалъ не предпринимать наступательной войны.

Король, сознаваясь въ несоразмѣрности силъ, не утравившей его впрочемъ, огорчался единственно, что не могъ облегчить налоговъ своихъ подданныхъ, и былъ того мнѣнія, что не взирая на огромность суммъ, взимаемыхъ императоромъ въ Германіи, ганзейскіе города, остававшіеся неприкосновенными, могли значительными займами споспѣшествовать предпріятію его и что они, равно какъ и многіе владѣтели, опасались только обнаружить истинныя свои виды. Онъ надѣялся, что найдутся державы, которыхъ собственныя выгоды заставятъ содѣйствовать ему. За Данію онъ ружался; ей какъ и Швеціи опасно было допустить распространеніе императорской власти до береговъ Балтійскаго Моря. Густавъ Адольфъ предвидѣлъ, что король польскій не упуститъ случая пойти Шведамъ въ тылъ, но зналъ также, что Сигисмундъ рѣшится на такое дѣйствіе только въ томъ случаѣ, если предпріятіе въ началѣ не будетъ имѣть хорошаго успѣха. Пруссія, по мнѣнію короля, не имѣла надобности въ арміи, бывъ неурожаемъ и голодомъ достаточно обезпечена. По его мнѣнію все зависѣло отъ первоначальной удачи. Оборону пространныхъ береговъ Швеціи считалъ король дѣломъ весьма труднымъ и утверждалъ, что легче атаковать непріятеля въ его странѣ, нежели обороняться въ собственной; онъ былъ увѣренъ, что все будетъ выиграно съ первымъ успѣхомъ и что напротивъ все будетъ потеряно съ выжиданіемъ непріятеля въ Швеціи. Штральзундъ король считалъ весь-

ма важнымъ какъ для занятія окрестныхъ провинцій и закрытія сосѣдственныхъ гаваней, такъ и для обезпеченія сообщенія съ Швеціею. Но чтобы воспользоваться такими выгодами, надобно было дѣйствовать въ Германіи, а не оставаться въ Швеціи. Въ заключеніе Густавъ Адольфъ писалъ, что посольствами, миссіями и переговорами, къ которымъ прибѣгаютъ одни слабые умы, тратится только время, и что съ императоромъ нельзя иначе дѣйствовать, какъ съ оружіемъ въ рукахъ.

Конечно, король судилъ совершенно справедливо. Въ случаѣ несчастнаго оборота обстоятельствъ въ Германіи, отступленіе, при надлежащей осторожности, не было дѣломъ невозможнымъ, ни даже чрезмѣрно труднымъ, а по прекращеніи дѣйствій въ Германіи всегда еще можно было приступить къ защитѣ Швеціи. По совѣту же Уксеншерны надлежало начать съ ней, упустивъ всѣ выгоды наступательныхъ дѣйствій. Простительно, если дипломатъ, рассчитывая неравносильно боя, требуетъ, чтобы связи съ высшими державами вознаграждали недостаточность средствъ. Король же не имѣлъ почти никакихъ связей съ Германіею, даже просьбы и призванія поступали къ нему не отъ первыхъ членовъ имперіи; одни переговоры съ Франціею давали нѣкоторую надежду. Но непонятна невѣрность Уксеншерны, который если былъ великимъ дипломатомъ, то вмѣстѣ былъ не менѣе искуснымъ генераломъ, и зналъ притомъ хорошо короля. Надобно полагать, что онъ не имѣлъ достаточныхъ свѣдѣній о настоящемъ расположеніи умовъ германскихъ протестантовъ. Примѣръ несчастной войны короля датскаго могъ конечно утратить его. Но могъ ли онъ сравнивать Густава Адольфа съ Христіаномъ IV: обстоятельства были совершенно иныя. Король датскій не имѣлъ равныхъ съ Густавомъ Адольфомъ причинъ ополчаться за благо собственное и чужое, и если не брать въ соображеніе дѣйствительныхъ преимуществъ шведской арміи и тѣхъ ручательствъ, ко-

торыя давали образъ мыслей и характеръ Густава Адольфа, то одно уже географическое положеніе Швеціи разрушало всякое сравненіе. Уксеншерна кажется многого не сообразилъ или можетъ быть полагалъ онъ избѣжать отвѣтственности, предпочитая вѣрное настоящее сомнительному будущему. Но могъ ли онъ въ какомъ либо случаѣ отвѣчать за дѣйствія короля, какъ бы они отважны ни были. Его можно нѣсколько извинять тѣмъ, что со стороны, при всей близости личныхъ отношеній никогда нельзя видѣть дѣла такъ, какъ оно представляется самому дѣйствователю; а чѣмъ важнѣе дѣло, тѣмъ и труднѣе дать совѣтъ (1).

Между тѣмъ король продолжалъ разныя свои распоряженія; развѣдывалъ объ истинныхъ видахъ короля датскаго и другихъ германскихъ владѣтелей и посылалъ въ Голландію вербовать рекрутовъ.

Изъ Копенгагена получены были весьма благопріятныя извѣстія; герцоги люнебургскіе, ландграфъ гесенскій и нѣкоторые имперскіе вольные города объявляли, что они объяснятся, коль скоро король шведскій будетъ находиться въ довольно близкомъ разстояніи, чтобъ поддержать ихъ. Голландцы предлагали оборонительный и наступательный союзъ. Франція предлагала такого же рода союзъ со вносомъ ежегодной вспомогательной суммы, давая замѣтить, что курфирстъ баварскій ищетъ сблизиться съ нею; но какъ эти слухи были съ умысломъ распускаемы баварскимъ кабинетомъ, то не обращая на нихъ вниманія, Густавъ Адольфъ обѣщалъ отвѣчать французскому посланнику Шарвасе, когда будетъ въ Стокгольмѣ.

Король весьма желалъ склонить на свою сторону Саксонію и Баварію, но казалось, что къ тому не наступило еще благопріятнаго времени. Реституціонный эдиктъ былъ чрезвычайно тягостенъ для курфирста саксонскаго, который по встрѣтившемуся вскорѣ случаю, едва вовсе не разсорился съ императоромъ; магдебургскій капитулъ избралъ сына курфирста Іоанна Августа въ архіепископы (по случаю отлученія отъ

церкви администратора бранденбургскаго Христиана Вильгельма), на этотъ выборъ императоръ не согласился, а требовалъ въ силу папской буллы, чтобы сопряженные съ тѣмъ званіемъ огромные доходы, были предоставлены его сыну, Леопольду Вильгельму. Курфирстъ саксонскій тогда уже возсталъ бы противъ императора, но онъ не имѣлъ нужныхъ къ тому силъ. По истинѣ же оба курфирста не имѣли надлежащей твердости духа.

Отчаяніе германскихъ протестантовъ достигло высшей степени, когда императоръ вознамѣрился силою привести въ исполненіе реституціонный эдиктъ и эта мѣра расположила ихъ еще болѣе къ содѣйствію Густава Адольфу. Строгость мѣръ содѣлалась причиною большихъ несчастій; примѣръ тому участь города Аугсбурга. Валленштейнъ, злѣйшій врагъ императора, довершалъ бѣдствія, потому что соображалъ дѣйствія всегда съ личными своими выгодами; войска его грабили друга и недруга и безчинствовали не подвергаясь никакой отвѣтственности.

Здѣсь надобно замѣтить, что не обширность генія Валленштейна расположила дворъ и министровъ облечь его высокою властью; возвеличеніе его должно приписать недостатку въ достойнѣйшихъ людяхъ или худому выбору; онъ умѣлъ скоро набирать арміи, но не былъ способенъ сохранить ими спокойствіе въ Германіи; а тѣмъ менѣе споспѣшествовать дѣйствіями своими выгодамъ императора, къ чему неоспоримо болѣе требовалось, нежели мгновенная власть и перевѣсъ силъ. Наконецъ не умѣлъ ли онъ или не хотѣлъ умѣть, все равно. Современнымъ низкимъ состояніемъ военнаго искусства, нельзя оправдать его дѣйствій.

По заключеніи перемирія Густавъ Адольфъ, поручивъ армію въ Пруссіи Уксеншернѣ, вскорѣ отправился въ Швецію и предложилъ Христиану IV свиданіе, которое, состоявшись въ Маркередѣ, увѣчалось союзомъ на обоюдную защиту. Король датскій взялся быть посредникомъ между императоромъ и Густавомъ

Адольфомъ, послѣдній однакожъ не выслалъ даже полномочныхъ къ назначенному въ Данцигъ конгрессу (въ апрѣль 1630.)

Желая убѣдить въ осторожности своей и оградиться отъ всякаго упрека и стараясь склонить общее мнѣніе въ пользу свою и возбудить энтузіазмъ въ народѣ, Густавъ Адольфъ уже въ 629 году собиралъ въ Упсалѣ опытибѣйшихъ сенаторовъ для разсмотрѣнія важнаго своего предпріятія. Онъ письменно сообщилъ имъ причины неизбѣжности войны съ императоромъ и спрашивалъ: «что лучше: ограничиваться ли защитою береговъ Швеціи, или встрѣчать императора въ Германіи?» Сенаторы, отвѣчая, что честь и безопасность Швеціи, равно какъ и поддержаніе религіи и достоинства короны требуютъ наступательной войны, просили короля перевести войска при первой возможности въ Германію и обѣщали возбудить общее соучастіе, представя націи важность дѣла въ истинномъ ея видѣ. Государственные чины были того же мнѣнія и обѣщали всякое содѣйствіе «въ столь справедливой войнѣ.» Народъ не остался равнодушнымъ и дѣятельно приступлено было къ приуготовленію арміи, флота, запасовъ и проч.

Вскорѣ разнесся слухъ о вооруженіи Швеціи и возникли разнороднѣйшіе толки. Страннѣе всѣхъ было мнѣніе надменнаго Валленштейна, писавшаго императору: «я розгами выгоню Густава Адольфа изъ Германіи» — изрѣченіе, доказывающее, что Валленштейнъ * былъ изъ числа весьма обыкновенныхъ людей.

Чувствуя, что титулъ великаго адмирала въ лицѣ его дѣлается смѣшнымъ, онъ принялъ не менѣе странное званіе «верховнаго обладателя всѣхъ сѣверныхъ морей» **, не имѣя одинаго корабля въ своемъ распоряженіи.

* Примѣчательнъ онъ единственно несмѣтнымъ богатствомъ и скорымъ формированіемъ цѣлыхъ армій.

** См. Histoire de G. A. Roi de Suede par M. D. M. (Manvillon) Amst 714 p. 213.

Первыя дѣйствія Шведовъ были обращены противъ Рюгена, продававагося, съ согласія императора, герцогомъ померанскимъ Датчанамъ; императоръ предпочиталъ, чтобъ островъ принадлежалъ Даніи, нежели Швеціи. Шведамъ же, владѣвшимъ Штральзундомъ и намѣревавшимся оттуда начинать дѣйствія, необходимо было владѣть Рюгеномъ; къ счастью вѣремя узнали объ этой уступкѣ въ Стокгольмѣ, король приказалъ штральзундскому коменданту вытѣснить Имперцевъ съ острова и послѣ непродолжительнаго сопротивленія сіи послѣдніе переправились на судахъ въ Штетинъ.

Въ слѣдъ за симъ возобновилъ французскій посланникъ Шарнасе предложеніе о заключеніи союза со вносомъ Франціею четырехъ сотъ тысячъ талеровъ ежегодной вспомогательной суммы. Король не хотѣлъ рѣшить дѣла безъ сената: по носившимся слухамъ объ угнѣтеніи протестантовъ во Франціи, могли найтись люди, которые усомнились бы въ намѣреніи короля, еслибы онъ безъ надлежащей осторожности вступилъ въ союзъ съ державою, отъ которой можно было ожидать, что, какъ союзница, будетъ мѣшать въ дѣйствіяхъ противъ германскихъ католиковъ. Слѣдствіемъ того было, что переговоры, которыхъ окончанія Франція ожидала съ нетерпѣніемъ, шли весьма медленно. Шарнасе дѣйствовалъ искусно, показывая притворное равнодушіе и отъѣхавъ даже въ Копенгагенъ, онъ вскорѣ возвратился съ объявленіемъ, что получилъ точное приказаніе извѣстить короля своего о средствахъ, которыми Франція можетъ содѣйствовать пріятію Швеціи.

Между тѣмъ получался изъ Германіи болѣе и болѣе благопріятныя извѣстія: герцоги померанскій и мекленбургскіе, маркграфъ баденскій, администраторъ магдебургскій, ландграфъ Вильгельмъ гессенскій и другіе ожидали только прибытія короля шведскаго, чтобы присоединиться къ нему. Города Любекъ и Гамбургъ вызвались содѣйствовать займами въ сере-

брѣ, въ уплату которыхъ соглашались принимать шведскую мѣду. Также и голландскіе генеральныя штаты были расположены въ пользу предпріятія; король датскій сохранялъ дружескія сношенія. Густавъ Адольфъ, стараясь всѣми мѣрами приобрѣсть себѣ союзниковъ, склонялъ даже князя семиградскаго къ содѣйствію.

Наконецъ Густавъ Адольфъ, приступая рѣшительно къ дѣйствию, изложилъ письменно курфирстамъ причины жалобы своей противъ императора, и требовалъ должнаго удовлетворенія.

Коллегія курфирстовъ, боясь прогнѣвить императора, не дала рѣшительнаго отвѣта, не смѣла даже именовать Густава Адольфа королемъ. Судить по ея отзыву, Густавъ Адольфъ не имѣлъ повода оскорбляться и никто не нуждался въ щедрыхъ его предложеніяхъ; курфирсты брали на себя видъ, будтобы пользуясь полною свободою, сами могли помочь несчастью Германіи, тогда какъ въ самомъ дѣлѣ они находились подъ игомъ верховнаго владычества и были лишены всякой власти. Раздраженный высококомѣріемъ коллегіи, король шведскій отвѣчалъ: что, защищавъ уже болѣе двадцати лѣтъ права Богомъ дарованной ему короны, онъ и впредь будетъ умѣть защитить ихъ, и что слагая съ себя вину послѣдующихъ несчастій, онъ на будущее время однимъ мечемъ будетъ искать удовлетворенія и дѣйствовать единственно по правиламъ, которыя ему внушены будутъ высшими соображеніями, ибо совершенно убѣжденъ въ справедливости своего дѣла.

Для защиты Швеціи были оставлены нѣсколько регулярныхъ войскъ и сильный корпусъ милиціи, который, пополняя убыль арміи, самъ комплектовался новыми наборами. Уксеншерна имѣлъ въ Пруссіи десять тысячъ войска. Во время отсутствія короля, Швеція управлялась Совѣтомъ, въ которомъ, однако жъ, не участвовала королева: Густавъ Адольфъ, сколько ни

уважалъ супруги своей, считалъ бремя правленія превышающимъ ея силы.

=

1 ПОХОДЪ ВЪ ГЕРМАНИИ 1630.

Наконецъ всѣ приуготовленія были окончены, и 30 мая 1630 года государственные чины присягали малолѣтней Христинѣ, какъ будущей своей королевѣ; по совершеніи обряда, Густавъ Адольфъ, взявъ на руки дочь, поручалъ ее покровительству народа, потомъ, сообщивъ чинамъ еще о разныхъ предметахъ, увѣщевалъ ихъ жить въ добромъ согласіи и закрылъ засѣданіе привѣтствіемъ, одушевленнымъ истиннымъ благочестіемъ.

Посаженная на корабли въ Эльфснабенѣ, армія состояла изъ девяноста двухъ ротъ пѣхоты и ста шестнадцати ротъ или полускадроновъ кавалеріи, съ нужнымъ числомъ полевой артиллеріи. Войска плыли на двухъ стахъ транспортныхъ судахъ, и конвоировались флотомъ, состоявшимъ подъ начальствомъ адмирала Гюльденгіелма, побочнаго брата короля; 13 іюня 1630 армія снялась съ якоря, но противные вѣтры, заставившіе ее опять приставать близъ Стокгольма, были причиною, что послѣ счастливаго плаванія она не прежде 24 іюля могла пристать къ острову Рудену, близъ померанскаго берега. Ровно сто лѣтъ послѣ Аугсбургскаго Собора, на которомъ Протестанты представили правила ихъ вѣроисповѣданія.

Король, выскочивъ изъ лодки прежде всѣхъ, первый ступилъ на нѣмецкую землю и тотчасъ преклонивъ колѣно, благодарилъ въ слухъ Всевышняго. Замятивъ же, что окружающіе прослезнились отъ умиленія, онъ сказалъ: «Не плачьте, а молитесь и побуждайте! Въ комъ болѣе благочестія, тотъ и лучшій солдатъ»*. Внутренній гласъ въ человѣкѣ, опредѣляющій волю его, заслуживаетъ во всякомъ отношеніи наше вниманіе. Въ семъ смыслѣ, первое изрѣченіе Густава Адольфа по выходѣ на берегъ замѣчательно; оно знакомитъ насъ съ благодѣтелемъ Германіи.

По занятіи перваго острова, надобно было помышлять объ устраненіи или покореніи размѣщенныхъ во всѣхъ городахъ имперскихъ гарнизоновъ. Противники, кажется, не имѣли опредѣленнаго плана дѣйствій**. Въ тѣ времена, по недостатку въ артиллеріи, рѣдкому отряду можно было придавать орудія и каждый обнесенный стѣною городъ могъ считаться крѣпостью, потому требовалось для завоеванія страны гораздо болѣе времени, нежели нынѣ бываетъ нужно. Припомнивъ къ тому малочисленность шведской арміи, то объяснится, почему дѣйствія противъ генерала Торквато-Конти въ Помераніи, при всей дѣятельности Густава Адольфа, кажутся медленными; по объясненнымъ обстоятельствамъ ему еще довольно скоро удалось завладѣть главнымъ городомъ и провинціею.

Защавъ вскорѣ потомъ, почти безъ сопротивленія, острова Узедомъ и Воллинъ, король тотчасъ видѣлъ (2), что для дальнѣйшихъ дѣйствій необходимо владѣть городомъ Штетиномъ, который, по значительности своей, могъ служить удобнымъ плацдармомъ.

Непростительно, что Торквато-Конти оставилъ Штетинъ незанятымъ. Хотя герцогъ померанскій и не

* Этотъ случай описанъ подробно въ упомянутой исторіи Мовильона, также въ Гемница *Geschichte des Krieges in Deutschland*; въ *Histoire de G. A. de Prades* и въ *Soldat Svedois*.

** Имперскія войска были собраны въ двухъ мѣстахъ, въ Штолпне близъ Анклама и близъ города Гарца (см. *Chemnitz, I Th. p. 59*).

былъ расположенъ къ Имперцамъ, однако же, забоясь, что противникъ догадается и поспѣшитъ исправить ошибку свою, Густавъ Адольфъ торопился предупредить его. Посадивъ достаточное число войскъ на суда, онъ подошелъ подъ самую крѣпость; этимъ движеніемъ онъ пресѣкъ сообщеніе между Даммомъ и Штетинномъ, обошелъ расположенныя при рѣкѣ Певенѣ имперскія войска, и облегчилъ своимъ слѣдованіемъ по лѣвому берегу Одера. Штетинъ не могъ выдержать осады; но занятіемъ равнины Одеръ-Нидерунгъ городъ былъ вынужденъ сдаться и безъ дальнихъ переговоровъ, а герцогъ, расположенный въ пользу Густава Адольфа, избавился надобности притворнаго приуготовленія къ оборонѣ, безъ котораго онъ подвергался ответственности.

Комендантъ крѣпости, полковникъ Дамиць, выслалъ барабанщика съ объявленіемъ, что будетъ стрѣлять, если войска и флотъ еще приблизятся. Король велѣлъ ему отвѣчать, что онъ не привыкъ вести переговоры черезъ такихъ посланныхъ съ людьми его званія, и требовалъ, чтобы онъ самъ явился. Комендантъ вышелъ въ сопровожденіи нѣсколькихъ герцогскихъ депутатовъ, просившихъ избавить ихъ страну отъ бѣдствій войны и не подвергать герцога неприятели ссориться съ императоромъ.

Густавъ Адольфъ, завѣривъ ихъ въ добромъ расположеніи къ герцогу, обѣщалъ не начинать непріятельскихъ дѣйствій, если его не вынудятъ, требовалъ, однако жъ, сдачи города; когда самъ герцогъ прибылъ, то принявъ его благосклонно и объяснивъ ему обширные свои виды и необходимость занятія Штетина, Густавъ Адольфъ требовалъ, чтобы онъ и прибывшіе съ нимъ совѣтники и городскіе депутаты рѣшились до заката солнца. Герцогъ представлялъ, что подвергается, подобно герцогамъ мекленбургскимъ, опасности лишиться своихъ владѣній; но король доказывалъ, что опасенія неосновательны; наконецъ видя трату времени, онъ съ нетерпѣніемъ требовалъ немедленнаго рѣшенія и, обратясь къ герцогу, сказалъ:

«Повѣрьте, я не Фабій, хотя и медлю». Слова, поясняющія многое: ими высказанъ образъ дѣйствія сего великаго полководца.

По свидѣтельству исторіографа Гемница, Шведы тотчасъ заняли городъ, вступивъ въ него не воротами, а узкою тропинкою и черезъ два неоконченные рва и валъ. Можетъ быть, что наступающая ночь требовала поспѣшности. Десятаго іюля вступили первыя войска, а на другой день прибыли и достальшыя долженствовавшія поступить въ составъ штетинскаго гарнизона. Въ теченіи четырехъ дней крѣпостныя верки были исправлены; надобно было слѣшнить, потому что имперскія войска сосредоточивались изъ разныхъ мѣстъ и присоединялись къ расположеннымъ при городѣ Гарцѣ.

Герцогъ померанскій заключилъ съ Густавомъ Адольфомъ оборонительный и наступательный трактатъ, и искалъ письменно оправдаться передъ императоромъ, что разумѣется ни къ чему не служило. Отрядъ непріятельскихъ войскъ при Гарцѣ, имѣвшій назначеніе не дать Шведамъ утвердиться въ Помераніи, видя себя предупрежденнымъ въ занятіи Штетина, оставался спокойно на мѣстѣ.

Густавъ Адольфъ издалъ манифестъ и обнародовалъ причины, побудившія его вступить въ Германію; въ этомъ актѣ еще не упоминается ни словомъ о вооруженіи за вѣру, сказано только, что императоръ присвоиваетъ себѣ чужія права и стремится къ единодержавію.

Такого рода манифестъ, кажется, можно было считать объявленіемъ войны, однако жъ императоръ обвинялъ Густава Адольфа въ письмѣ, что изъ честолюбія и безъ объявленія войны вступилъ въ Германію, и вмѣшивается въ чужія дѣла, почему и совѣтовалъ ему немедленно удалиться, грозя, въ противномъ случаѣ, обратить на него всѣ свои арміи. Трудно понять цѣль письма; оно могло только раздражить, а не устрашить Густава Адольфа; императоръ не давалъ ему да-

же королевскаго титула. Въ отвѣтъ своемъ, Густавъ Адольфъ, избѣгая также именовать Фердинанда императоромъ, исчислялъ причиненныя ему притѣсненія, но писалъ съ умѣренностью, достоинствомъ и даже учтиво. Между тѣмъ возрастали ежедневно силы шведской арміи; въ службу Густава Адольфа переходили офицеры и нижніе чины графа Мансфельта, претерпѣвшаго неудачи въ битвахъ, равно какъ и люди, уволенные изъ службы администратора гальберштатскаго и короля датскаго. Приращеніе это было весьма значительно и увеличивалось съ каждымъ днемъ, потому что и въ другихъ странахъ Германіи положеніе поселянъ было то же бѣдственное и имъ выгоднѣе было итти въ солдаты на готовую пищу, нежели искать пропитанія мирнымъ промысломъ.

Все роптало противъ своеволія и необузданности имперскихъ солдатъ; Бранденбургію разграбили и опустошили зимовавшіе тамъ четырнадцать полковъ. Самъ курфирстъ едва находилъ чѣмъ про довольствоваться свой дворъ. Можно представить себѣ, что и прочія части Германіи были равно ожесточены, потому что страдали одинаково. Даже курфирсты негодовали на правленіе императора, а противъ общаго притѣснителя Валленштейна были озлоблены рѣшительно всѣ состоянія.

Императоръ не могъ болѣе отлагать общимъ голосомъ требуемаго сейма, и былъ вынужденъ собрать его въ самыхъ невыгодныхъ обстоятельствахъ, когда Густавъ Адольфъ переправлялся въ Германію.

Курфирсты саксонскій и бранденбургскій не были на сеймѣ; помня дѣло магдебургскаго архіепископства, они помышляли о мщеніи. Сеймъ и множество поступившихъ на генералиссимуса жалобъ были причиною увольненія Валленштейна *; на мѣсто его курфирстъ баварскій предложилъ своего Баварца Тилли,

* Подробнѣе объ этомъ сеймѣ, которымъ многіе изъ главнѣйшихъ вопросовъ были до времени оставлены не рѣшенными, можно читать въ современныхъ и другихъ сочиненіяхъ.

котораго императоръ и принялъ въ службу. Въ наши времена кажется страннымъ, что съ отставкою Валленштейна и въ самое время появленія новаго непріятели было сопряжено и увольненіе состоявшей подъ начальствомъ его арміи. Но надобно знать, что Валленштейнъ, какъ шефъ многихъ частей войскъ, заключалъ при формированіи ихъ по обычаю того времени контракты съ начальниками и нижними чинами, обязательства сихъ людей прекращались съ его удаленіемъ. Потому надобно полагать, что съ Валленштейномъ получили отставку и разошлись по домамъ или перешли бѣльшею частью въ шведскую службу имъ набранные люди, но остались и служили кадрами новой арміи люди, уже прежде находившіеся въ имперской службѣ.

Сии послѣдніе были подчинены, по требованію государственныхъ чиновъ, болѣе строгой дисциплинѣ, изъ чего однакъ ожъ произошло другое зло: людей, привыкшихъ къ своевольству, нельзя было удержать отъ побѣговъ, сдѣлавшихся весьма обыкновенными. Этимъ доказывается, какъ трудно водворить порядокъ въ войскѣ, которое съ самаго начала не приучено къ дисциплинѣ.

Уменьшеніе имперской арміи и въ особенности отставка Валленштейна были обстоятельства весьма счастливыя для Густава Адольфа. Говорятъ, что онъ чрезъ графа Турна самъ искалъ тогда сойтись съ Валленштейномъ, но не видно, чтобы это оправдывалось послѣдствіями. Императоръ, согласившись противъ воли на удаленіе Валленштейна, поступилъ неосторожно; правда и самъ Валленштейнъ не считалъ Густава Адольфа врагомъ опаснымъ.

Въ числѣ офицеровъ, перешедшихъ къ Густаву Адольфу изъ имперской службы, находились подполковникъ Квинти-дель-Понте и ротмистръ Іоаннъ Баптиста; Гемницъ пишетъ, что оба покушались на жизнь короля шведскаго. Первому удалось бѣжать, а послѣдній, по уличеніи, былъ повѣшенъ. Оба были католики.

Также было получено извѣстіе изъ Регенсбурга, что монахъ въ одѣлннн протестантскаго священника, явится и будетъ искать случая отравить короля ядомъ, но извѣстіе не оправдалось. Надобно было опасаться фанатиковъ тѣхъ временъ и нельзя не удивляться, что не отыскивается никакихъ слѣдовъ принятыхъ Густавомъ Адольфомъ мѣръ осторожности.

Сеймъ объявилъ, чрезъ императора и курфирстовъ, формальнымъ образомъ войну Густаву Адольфу. Торквато-Контти, собравъ около шестнадцати тысячъ войска, приблизился было къ Штетину, но вскорѣ опять отступилъ и пошелъ въ западную Померанію, гдѣ началъ раззорять города и опустошать страну, мстя герцогу за присоединеніе къ Густаву Адольфу. Такого рода мѣры были совершенно противоположны образу дѣйствій короля шведскаго, старавшагося всѣми силами ищадить край и даже облегчать участь жителей. Чтобы имѣть къ тому средства, онъ наблюдалъ за бережливымъ расходованіемъ мѣстныхъ способовъ, не дозволяя ихъ злонамѣренно истреблять. Армія шведская получала исправно жалованье, и по обстоятельствамъ довольно хорошее продовольствіе, и была тепло одѣта даже на случай суровой зимы. Слѣдствіемъ того было, что въ случаѣ надобности Шведы могли оставаться въ сборѣ и стоять лагеремъ, когда непріятель уже былъ вынужденъ искать убѣжища по кантопирь-квартирамъ. Въ шведской арміи каждая вина подвергалась взыскаінію. Чинопочитаніе соблюдалось строго даже въ мелочахъ службы. Власть начальства была велика, потому что послушаніе младшаго къ старшему было безусловное. Изнѣженность искоренялась; роскошь считалась постыдною; напротивъ всякій попесенный по службѣ трудъ почитался отличіемъ. Этими средствами возвышался воинственный духъ, который, распространяясь и на молодыхъ солдатъ, внушалъ имъ любовь къ порядку. Подобное вліяніе на понятія солдата, достижимое всегда при неослабномъ стараніи, увеличивъ славу арміи шведской, должно было слу-

жить ручательствомъ въ безобидномъ обхожденіи съ жителями и не могло не имѣть выгиднѣйшихъ послѣдствій въ рѣшительныя минуты войны. Дисциплина всегда давала вѣрныя средства къ доведенію арміи до той высокой степени совершенства, которой ни тѣмъ другимъ нельзя достигнуть. Войска Густава Адольфа имѣли суровую осанку и грозный видъ, между тѣмъ онѣ неволью всѣмъ нравились, оживлявшимъ ихъ духомъ и благонамѣренностью распоряженій. Они сражались въ столь отвлеченномъ смыслѣ за отечество, что не многіе развѣ могли тѣшить себя этою мыслью и охотники толковать всякій успѣхъ оружія народностью войны, удивились бы, еслибы хотѣли вникнуть основательнѣе. Также мало они могли быть одушевляемы мыслью, что сражаются за вѣру, хотя ихъ и приучали къ благочестію, не многіе только понимали болѣе, нежели что противники были иной вѣры; многіе изъ вновь набранныхъ были даже католическаго исповѣданія. Но положивъ, что часть войскъ считала защиту протестантизма цѣлью войны, то все же не въ этомъ заключалось условіе дружнаго ихъ единодушія. Любовь къ вѣрѣ могла только освящать обязанности ихъ, которыя всѣ безъ исключенія были согласованы съ волею короля и происходили изъ общаго всѣмъ чувства долга, которое въ свою очередь рождалось изъ ненарушимости закона послушанія. Дѣйствіе могущества дисциплины до такой степени распространилось, что между солдатами послушаніе сдѣлалось преступленіемъ nelостойнымъ, а въ офицерахъ, и еще болѣе въ начальникахъ, укоренилось убѣжденіе лестнаго въ поручаемой имъ власти. Такимъ кажется образомъ могущество дисциплины сдѣлалось изобрѣтеніемъ Густава Адольфа безъ того, чтобы онъ приводилъ ее первоначально въ систему, а удивительное вліяніе дисциплины на самое достоинство армій сохранило ее до новѣйшихъ временъ.

Офицеры получали постепенно высшія должности соотвѣтственно ихъ чинамъ, или если они оказывали

особое отличіе въ дѣлахъ. Никто не получалъ командованіе и надъ малѣйшею частью, кто не служилъ съ низшихъ чиновъ и не привыкъ къ послушанію. Этимъ искоренились искательства и покровительства * и утвердилась надлежащимъ образомъ власть военной іерархіи. Офицерамъ предстоялъ одинъ только способъ быть награжденнымъ; онъ заключался въ строгомъ исполненіи обязанности въ кругу дѣйствія опредѣленномъ чиномъ ихъ, а надежда на блистательную каріеру могла основываться только на счастіи при встрѣтившемся случаѣ отличиться подвигомъ, выходящимъ изъ мѣры обыкновенной обязанности, и тѣмъ удостоиться повышенія. Продолжительныя войны Густава Адольфа представляли обильный случай отличиться, и людямъ дѣйствительно способнымъ не было надобности искать другихъ дорогъ.

Овладевъ Штетиномъ, Густавъ Адольфъ приказалъ тотчасъ занять Даммъ; имѣвшійся въ семь городѣ гарнизонъ имперскихъ войскъ отступилъ на отрядъ шестисотъ человекъ полковника Пиколомини, находившійся въ Штаргардѣ. Пиколомини, напавъ нечаянно на Штаргардъ, овладѣлъ имъ и требовалъ контрибуціи шесть тысячъ талеровъ и хорошее продовольствіе своему отряду. Городъ просилъ короля о помощи; въ слѣдствіе чего и былъ посланъ полковникъ Дамицъ съ его въ Помераніи вновь набраннымъ полкомъ. Дамицъ успѣшно выполнилъ порученіе. Штаргардъ былъ взятъ приступомъ, гарнизонъ частью побитъ, частью взятъ въ плѣнъ, запасы достались побѣдителямъ. Равной участи подвергся занятый непріателемъ городъ Каминъ. Торквато-Коцци, сожалея весьма о потеряхъ, устремлялъ вниманіе свое единственно на приведеніе въ оборонительное положеніе города Гарца на Одерѣ, подъ стѣнами котораго онъ и расположился лагеремъ. Говорятъ, что онъ намѣренъ былъ дѣйствовать оборонительно, надѣясь занимаемою позиціею пресѣчь путь

* См. *Histoire de G. A. par Mauvillon*, p. 232.

Густаву Адольфу вверхъ по рѣкѣ Одеру, и прикрыть Франкфуртъ, онъ хотѣлъ выждать время прибытія арміи главнокомандующаго графа Тилли для совокупнаго дѣйствія противъ Шведовъ. Густавъ Адольфъ съ своей стороны хотѣлъ атаковать непріятеля въ расположеніи его при Гарцѣ и произвелъ для того лично рекогносцировку. Взявъ съ собою не болѣе двадцати человѣкъ конвоя, за которымъ приказано было слѣдовать семидесяти человѣкамъ, также конныхъ, въ видѣ подкрѣпленія; король опять подвергся было великой опасности, проѣзжая узкимъ дефилеемъ; вѣроятно безъ надлежащей предосторожности онъ былъ незапно атакованъ значительнымъ отрядомъ конницы, конвой долженъ былъ уступить превосходству силъ и король былъ взятъ въ плѣнъ; къ счастью подоспѣло случайно подкрѣпленіе, которое опять освободило его. Мовильонъ рассказываетъ, будто эта засада была умышенная и въ связи съ измѣною Квинти-дель-Понте, о чемъ однако жъ въ исторіи Гемница вовсе не упоминается. Довольно того, короля едва не постигло великое несчастіе въ самомъ началѣ важнѣйшаго періода его жизни. Можно ли не желать, чтобъ этотъ примѣръ излишней отважности былъ послѣднимъ. Король подвергалъ опасности жизнь свою такъ легкомысленно, что единственно уваженіе къ памяти избавителя Германіи удерживаетъ насъ болѣе распространиться.

Предпримчивость шведскихъ офицеровъ внушила мысль одному ихъ полковнику, надѣявшемуся на знаніе мѣстности, захватить непріятельскій постъ при Гарцѣ; онъ рассказалъ о своемъ намѣреніи товарищамъ, которые, какъ обыкновенно бываетъ, пересказали другимъ; почему и случилось, что когда приступили къ дѣлу, то непріятель уже былъ предупрежденъ и предпріятіе не только не удалось, но Шведы еще съ урономъ должны были отступить. Хотя командовавшій экспедиціею и представилъ два взятые штандарта, но король весьма былъ не доволенъ, въ особенности за несохраненіе тайны намѣренія. Онъ говорилъ, что не

умѣющаго молчать начальника не могут оправдать ни искусное отступленіе ни храбрость. Вотъ въ чемъ заключается сущность дѣла, о которомъ авторами столь различно было толковано, и должно замѣтить, что въ словахъ короля заключается важное наставленіе. Дѣйствительно, если тайна извѣстна двоимъ, то уже вѣрность въ сохраненіи ея, если не потеряна, то по крайней мѣрѣ сомнительна. Надобно желать, чтобъ начальники, которымъ поручаются отряды и преимущественно командующіе генералы пріучали себя къ нѣкоторой скрытности, съ тѣмъ, чтобы и приближенные къ нимъ привыкали укрощать любопытство и болтливость. Были великіе полководцы, которые даже въ обыкновенныхъ случаяхъ всегда дѣйствовали таинственно и осмотрительно, и нельзя ихъ въ томъ осуждать. Опытнѣйшіе полководцы новѣйшихъ временъ Фридрихъ II и Наполеонъ держались того жъ правила. Вотъ почему предосудительны шумныя главныя квартиры и блистательныя собранія у главнокомандующихъ; въ одушевленныхъ гостинныхъ разговорахъ всѣ стараются разгадать мысли начальника и толковать самое выраженіе его лица; слѣдовательно ему должно обладать искусствомъ иногда принимать притворную наружность, что всегда трудно и не каждому удастся, а потому лучше устранить отъ себя надобность притворствовать, тѣмъ болѣе, что въ военномъ дѣлѣ много имѣется другихъ предметовъ, требующихъ нашего вниманія и упражненія.

Если неудачно было описанное нами покушеніе снять непріятельскій постъ, то напротивъ случилось, что около того же времени, семьсотъ Шотландцевъ, подъ командою полковника Роберта Монро, бывъ посажены на корабль въ Пиллау, для присоединенія въ Помераніи къ шведской арміи, претерпѣли кораблекрушеніе близъ занятаго имперцами города Рюгенвальда. Судно сѣло на мель, люди хотя спаслись, но лишились всего, даже аммуниціи, только пятьдесятъ ружей, нѣсколько шкѣ и шпагъ уцѣлѣли. Страна была за-

нята непріятелемъ, а до короля надобно было пробиться не менѣе шестнадцати миль. Въ такомъ затруднительномъ положеніи полковникъ Монро узналъ, что бывшій померанскій комендантъ Рюгенвальда находился еще въ городѣ съ небольшою командою, подчинивъ себя притворно имперскому начальнику. Монро далъ ему знать, что онъ его освободитъ, если получить отъ него пятьдесятъ ружей съ аммуниціею и откроются ему ночью условенныя ворота. Предпріятіе увѣчалось полнымъ успѣхомъ. Нѣсколько дней спустя присоединились къ Шотландцамъ четыреста нѣмецкихъ солдатъ, слѣдовавшихъ къ шведской арміи, а въ слѣдъ за тѣмъ и еще цѣлый полкъ пѣхоты, шедшій изъ Пруссіи; такимъ образомъ Монро собралъ отрядъ въ нѣсколько тысячъ человѣкъ. Похвальныя дѣйствія его не остались безъ должнаго возмездія. Между тѣмъ генералъ Книппгаузенъ, по приказанію короля, взялъ городъ Вольгастъ, котораго гарнизонъ, однако жъ, укрывшись въ замокъ, оборонялся еще семнадцать дней.

Менѣе счастливо дѣйствовали триста Шведовъ въ Пасевалькѣ, бывъ атакованы тремя тысячами Имперцевъ; они были всѣ побиты и городъ подвергся ужаснымъ бѣдствіямъ. Событіе это не совсѣмъ понятно. Пасевалькѣ, находясь въ равномъ почти разстояніи отъ Гарца и Штетина, составляетъ выдавшійся постъ, сохраненіе котораго не могло быть обеспеченнымъ безъ расположенія въ окрестной странѣ нѣсколькихъ отдѣльныхъ отрядовъ, о которыхъ, однако жъ, не упоминается; одинъ только Гемницъ пишетъ, что пасевалькскій отрядъ прибылъ отъ генерала Книппгаузена, о чемъ король вѣроятно не зналъ. Слѣдовательно и нельзя винить его въ напрасномъ пожертвованіи тремястами человѣкъ.

Торквато-Конти оставался спокойно въ лагерѣ при Гарицѣ, но тѣмъ злѣе разорялъ страну. Всѣ лѣтописи полнятся описаніемъ лютаго обращенія, которому подвергъ онъ Померанію и ненасытности, съ которою онъ

грабилъ жителей для обогащенія собственной казны. Не могъ Густавъ Адольфъ оставаться равнодушнымъ къ бѣдствіямъ преданныхъ ему жителей; онъ душевно желалъ имъ помочь, но бывъ вынужденъ оставлять за собою многіе гарнизоны въ городахъ, армія его весьма уменьшилась, почему онъ и ждалъ подкрѣпленія. Непріятель напротивъ пріобрѣталъ болѣе и болѣе силъ: разграбивъ совершенно города, гарнизоны дѣлались лишними и Торквато-Конти присоединялъ ихъ къ себѣ.

Шведы однако жъ заняли Анкламъ и проходъ при Штольпѣ и хотѣли осадить укрѣпленный Демминъ, но король опасался, что это замедлитъ другое важнѣйшее предпріятіе: онъ хотѣлъ, двинувшись съ арміею въ мекленбургское герцогство, возстановить тамъ законную династію. Это удостовѣрило бы Германію, что онъ прибылъ на защиту угнѣтенныхъ и водворило бы общее довѣріе къ нему. Между тѣмъ онъ желалъ освободить и Померанію отъ ея притѣснителей, почему и намѣревался идти сначала прямо на Торквато-Конти и попытаться, не приметъ ли онъ сраженія.

Согласно съ этимъ шведская армія двинулась къ Гарцу и подступила къ непріятельскому лагерю столь близко, сколько обстоятельства могли позволить. Но затрудненія были непреодолимы; непріятеля не возможно было вытѣснить изъ позиціи, которой онъ съ своей стороны не покидалъ, боясь выйти на встрѣчу Шведамъ. Король принужденъ былъ отказаться отъ предпріятія и рѣшился немедленно начать движеніе въ Мекленбургію (3). Въ то же время приказалъ онъ генераламъ Книпгаузену и Монро идти въ восточную Померанію очистить страну отъ непріятеля и осадить Кольбергъ.

Шведская армія шла въ Мекленбургію черезъ опустошенную страну, представлявшую всѣ ужасы войны того времени. Густавъ Адольфъ помогалъ несчастнымъ жителямъ по возможности, приказалъ съ флота до-

ставлять имъ хлѣбъ и изъвляя въ привѣтствіяхъ сердечное соболѣзнованіе. Всѣ потребности Шведы покупали на наличныя деньги.

Король намѣренъ былъ завладѣть небольшими городами Рибницемъ и Дамгартенемъ, на берегу рибницкаго озера, чтобы обезпечить сообщеніе арміи съ флотомъ и доставку продовольствія, котораго въ разоренномъ краѣ нельзя было получать. Чтобы этимъ успѣшнѣе распорядиться, отправился онъ въ Штетинъ и далъ должныя приказанія касательно дѣйствій флота, который однако жъ, бывъ задержанъ противными вѣтрами, не могъ вскорѣ достигнуть мекленбургскихъ береговъ, вдоль которыхъ ему слѣдовало плыть по мѣрѣ движенія арміи. По сему случаю король ѣздилъ въ Штральзундъ. Народъ на семъ пути встрѣчалъ его какъ благодѣтеля и избавителя.

По взятіи Рибница Шведы атаковали Дамгартенъ, коего гарнизонъ занялъ укрѣпленную башню и два редута; самый же городъ, не представлявшій выгодъ къ оборонѣ, былъ оставленъ не занятымъ. Мѣры эти походятъ нѣсколько на способъ новѣйшихъ временъ, обороняться посредствомъ отдѣльныхъ укрѣпленій. Шведы скоро успѣли пробить брешь въ стѣнахъ башни и взяли приступомъ сперва башню, а потомъ редутъ, послѣ чего другой редутъ самъ сдался; почему оборонявшіе его и были пощажены. Доказательство отличной дисциплины Шведовъ, бывшихъ въ этомъ дѣлѣ чрезвычайно разъярены.

Король вступилъ въ Мекленбургію и объявлялъ воззваніемъ къ народу намѣреніе свое возстановить законную династію. При семъ случаѣ въ первый разъ упоминалось всенародно о лютеранскомъ исповѣданіи, на защиту котораго Густавъ Адольфъ побуждалъ народъ поднять оружіе и присоединиться къ его арміи. Валленштейнъ, новый герцогъ сей страны, именовался въ воззваніи просто генераломъ.

Все казалось благопріятствовало предпріятію, когда обстоятельства опять заставили короля отказаться отъ

едва открытыхъ дѣйствій. Дѣло заключалось въ томъ, что непріятель нашелъ средство овладѣть Ростокомъ, охранявшимся по особымъ своимъ правамъ только собственною стражею. Имперскія войска, вошедшія подъ предлогомъ пройти, завладѣли городомъ и укрѣпили его.

Ростокъ важенъ положеніемъ своимъ при морскомъ заливѣ. Предпринять осаду замедлило бы чрезвычайно всѣ дѣйствія и неизвѣстно имѣлъ ли Густавъ Адольфъ нужныя къ тому средства; обстоятельства же напротивъ требовали всевозможной быстроты, чтобы поспѣть въ среднюю Германію *, для рѣшенія тамъ важнѣйшихъ дѣлъ, или возвратиться въ Померанію съ значительными подкрѣпленіями. Разсчитанное на быстрое движеніе въ Мекленбургію не могло уже быть исполнено, тѣмъ болѣе что въ противоположномъ концѣ театра дѣйствій оставались главныя силы противника, начинавшаго уже трогаться. Хотя взять Штетинъ Торквато-Конти, какъ увидимъ, и не удалось; но онъ при всемъ томъ могъ въ тылу арміи сдѣлаться опаснымъ; и слѣдовало ли Густаву Адольфу для герцоговъ мекленбургскихъ упустить изъ виду важнѣйшія выгоды? Тяжело ему было рѣшиться оставить Мекленбургію и только въ началѣ октября онъ отбѣхалъ въ Рибницъ, чтобы тамъ расположить лагеремъ свою армію.

Дѣйствія Густава Адольфа въ этой кампаніи кажутъ

* На вопросъ: могъ ли Густавъ Адольфъ изъ Мекленбургіи идти въ Мархію вверхъ по Эльбѣ, оставя Торквато-Конти въ Помераніи, можно отвѣчать, что если бы сей послѣдній пошелъ въ слѣдъ за Шведами, то этимъ исполнилось бы желаніе короля: Померанія освободилась бы отъ враговъ, и представился бы случай, при обратномъ движеніи непріятеля въ Померанію настичь его на Одерѣ и заставить принять сраженіе. Движеніе впередъ усилило бы Густава Адольфа; Ростокъ и Висмаръ сдѣлались бы его плацдармами; въ Штетинѣ и въ Штральзундѣ оставались бы его гарнизоны, а кромѣ того онъ имѣлъ войска въ восточной Помераніи для размеченія вниманія непріятеля и резервную армію въ Пруссіи.

*

ся посредственными, но надобно припомнить, что Торквато-Конти своимъ бездѣйствіемъ оправдывалъ ихъ. Имѣя перевѣсъ силъ, сему послѣднему слѣдовало дѣйствовать съ неутомимою дѣятельностью, онъ же окопался въ позиціи и довольствовался опустошеніемъ страши. Съ такимъ противникомъ каждая экспедиція въ сторону могла казаться возможною, и надобно согласиться, что не имѣвъ средствъ ни заставить противника принять сраженіе, ни вытѣснить его изъ Помераніи, слѣдовательно не имѣя надежды начать походъ блестящимъ дѣломъ, Густавъ Адольфъ не могъ ничего лучшаго предпринять, какъ стараться возстановить герцоговъ мекленбургскихъ, чтобы тѣмъ самымъ увеличивъ свои силы, вытѣснить потомъ врага изъ Помераніи; этимъ онъ не только возвысилъ бы славу своего оружія, но и ознаменовалъ бы появленіе свое въ Германіи наивыгоднѣйшимъ образомъ.

Нельзя возразить, что вѣриѣ было направить дѣйствія сначала противъ Торквато-Конти, мы уже упоминали, что Густавъ Адольфъ не имѣлъ нужнаго для того числа войскъ. Но силы его были достаточны, чтобы войти въ Мекленбургію, гдѣ изъ разныхъ мѣстъ король надѣялся получить значительныя подкрѣпленія, и воротясь тогда съ надлежащимъ числомъ войскъ, онъ могъ бы рѣшительно вытѣснить противника изъ Гарца. Эти слегка набросанныя сужденія уже доказываютъ, что Густавъ Адольфъ дѣйствовалъ совершенно правильно, тѣмъ болѣе что и безъ движенія въ Мекленбургію онъ нашелся бы вынужденнымъ времени, не имѣя средствъ предпринять что либо въ Помераніи.

Когда же цѣль дѣйствія не могла болѣе быть достигнута, то безъ сомнѣнія лучше было, какъ противъ того ни возражаютъ, поспѣшать обратно въ Померанію, потому что Торквато-Конти послѣ неудачнаго покушенія на Штетинъ, стоявшаго ему, говорятъ, до трехъ сотъ человѣкъ, обнаруживалъ намѣреніе снять обложеніе Кольберга (4).

Король сперва приказалъ флоту возвратиться изъ

окрестности Висмара въ Штральзундъ, куда и самъ прибылъ, съ тѣмъ, чтобы распорядиться изъ центра своего основанія дѣйствій, какъ нынѣ выражаются. Армію въ Мекленбургіи онъ поручилъ генералу Баннеру *.

Облегавшія Кольбергъ войска были несравненно слабѣе многочисленнаго гарнизона, и непріятель, выходя сильными отрядами даже до Трептова, что на Регѣ, имѣлъ средства получать изъ окрестной страны продовольствіе и фуражъ. Чтобы прекратить это, Густавъ Адольфъ послалъ съ генераломъ Баудиссиномъ небольшое подкрѣпленіе блокирующимъ войскамъ. Непріятель, узнавъ о томъ, съ своей стороны послалъ изъ Гарца четыре тысячи человѣкъ въ прикрытіе транспорту, слѣдовавшему въ Кольбергъ. За этимъ отрядомъ выслалъ фельдмаршалъ Горніъ изъ Штетина тысячу пятьсотъ человѣкъ пѣхоты и тысячу человѣкъ конницы съ приказаніемъ присоединиться къ генералу Баудиссину или къ Книппгаузену, что и удалось. Послѣ того имперскія войска атаковали при Кольбергѣ генерала Книппгаузена, къ которому наконецъ присоединился Баудиссинъ. Послѣ жаркаго сраженія припалъ командованіе прибывшій фельдмаршалъ; что и заставило непріятели отступить къ Шифельбейну **. Остается еще замѣтить, что шведская армія въ Помераніи была усилена значительными отрядами, прибывшими изъ Пруссіи.

Король переводилъ всѣ войска изъ Рибница въ Померанію, во время когда Тилли отправлялъ значительныя подкрѣпленія въ Мекленбургію. Намѣреніе короля было совершенно очистить Померанію отъ не-

* По словамъ Мовильона «генералу Поммеру»; но какъ такого имени нѣтъ въ сообщенномъ имъ же спискѣ шведскаго генералитета (см. Hist. de G. A. par M. . . . стр. 220), то и надо полагать, что это искаженное имя Баннера (см. тамъ же стр. 252).

** Въ исторіи Мовильона нѣтъ ни одного мѣста, правильно названнаго и вообще сказано, будто во время сраженія была изъ Кольберга сдѣлана вылазка, о чемъ ни слова не упоминаетъ Гемпницъ.

пріятеля, чтобы потомъ направиться вверхъ по Одеру въ Мархію. Для того прибывъ въ Грейфенбергъ, потребовалъ онъ къ себѣ фельдмаршала Горна и генераловъ Клиппгаузена и Баудиссиа и далъ имъ нужныя наставленія. Направилъ большую часть кавалеріи изъ Рибница къ Кольбергу и приказалъ, чтобы прибывающія изъ Пруссіи войска всѣ присоединялись къ блокадному отряду. Находившаяся при Рибницѣ пѣхота была употреблена частью на обложеніе Деммина, частью отправлена въ Штетинъ, куда король перевелъ главную квартиру.

Положеніе имперскихъ войскъ въ Помераніи было по собственной винѣ, самое бѣдственное, онѣ нуждались въ продовольствіи, въ одеждѣ и въ деньгахъ; это весьма благопріятствовало дѣйствіямъ Густава Адольфа, къ тому же наступила холодная зима; болѣзни, убыль людей усилились, побѣги умножились. Въ такихъ обстоятельствахъ Торквато-Конти былъ вынужденъ просить перемиріе. Но не нуждавшіеся въ отдыхѣ Шведы отвергли предложеніе, они были хорошо продовольствованы, тепло одѣты и получили подкрѣпленіе, могли слѣдовательно съ достаточнымъ числомъ войскъ въ одно время дѣйствовать въ разныхъ пунктахъ. Шведы укрѣпили Дамгартенъ и Рибницъ, чтобы затруднить поиски непріятельской кавалеріи изъ Мекленбургіи въ Померанію и обложили тѣсно Демминъ.

Торквато-Конти усилилъ отрядъ командовавшаго въ Грейфсвальдѣ герцога Савелли и приказалъ освободить Демминъ. Густавъ Адольфъ лично поспѣшилъ къ блокадному отряду и двинулся на встрѣчу герцогу, не смотря на его несравненно бѣльшія силы; должно быть, что сраженіе кончилось для Шведовъ блестящимъ образомъ, потому что непріятель лишился всей артиллеріи, всего обоза и многихъ знаменъ и штандартовъ; по дошедшимъ до насъ свѣдѣніямъ должно приписать успѣхъ преимущественно бѣльшей подвижности шведскихъ войскъ и ихъ отмѣнной храбрости,

а потому нельзя не сожалѣть, что мы не находимъ въ современныхъ писателяхъ подробнѣйшихъ свѣдѣній; даже не обозначено мѣсто, гдѣ происходило сраженіе *.

Только чтобы воспользоваться случаемъ дать сраженіе, король ѣздилъ подъ Демминъ и возвратился тотчасъ опять въ Штетинъ, на укрѣпленіе котораго онъ обратилъ большое вниманіе, чтобы имѣть надежную точку опоры своимъ дѣйствіямъ.

Ночью 6 декабря Густавъ Адольфъ отправился въ Даммъ въ намѣреніи перехватить отрядъ имперскихъ войскъ, шедшій изъ Грейфенгагена къ Кольбергу. Но отрядъ получилъ о томъ извѣстіе и король долженъ былъ воротиться. Теперь все вниманіе его было обращено на Грейфенгагенъ, какъ на единственный пунктъ, остававшійся Имперцамъ на правомъ берегу Одера, служившій имъ мѣстомъ переправы черезъ Одеръ и сообщеніемъ съ Кольбергомъ. Для покоренія Грейфенгагена были сдѣланы всѣ распоряженія; двѣнадцать лодокъ и достаточное число плоскодонныхъ судовъ были изготовлены и вооружены пушками; двѣнадцать тысячъ пѣхоты и осемдесятъ пять эскадроновъ кавалеріи при многочисленной артиллеріи были сосредоточены при Гольновѣ; король приказалъ занять сей городъ для обезпеченія сообщенія съ кольбергскимъ блокаднымъ отрядомъ. При Гольновѣ, войска собирались въроятю, чтобы скрыть цѣль предпріятія.

Не легко было взять Грейфенгагенъ; время года было суровое, да и кромѣ находившагося въ городѣ гарнизона стоялъ вѣкъ онаго еще сильный отрядъ. Король однако жъ могъ надѣяться на успѣхъ, потому что часть имперскихъ войскъ была отправлена въ

* de Prades, писавшій въ послѣдствіи времени, смѣшиваетъ очевидно это сраженіе съ другимъ, говоря, что Ростокъ былъ взятъ Имперцами послѣ этого событія. Онъ и Soldat svedois пишутъ, будто оно происходило между Ростокомъ и Рибницею, что совершенно не сообразно съ обстоятельствами.

Бранденбургію, а другая расположилась на зимнія квартиры.

Двадцать перваго декабря Шведы подступили къ городу и взяли находившійся за онымъ, въ концѣ ведущей къ Одеру долгой плотины, таможенный домъ. Не далеко отъ моста были поставлены суда, вооруженныя орудіями, чтобы разрушить мостъ и чтобы поражать непріятеля, который могъ прійти изъ Гарца на помощь городу.

На другой день Шведы начали обстрѣливать городъ и вскорѣ пробивъ брешь въ стѣну, пошли на приступъ. Должно быть, что гарнизонъ защищался отлично, потому что городъ держался, когда уже ночь наступила и въ пять часовъ утра комендантъ Фердинандъ Капуа могъ еще вывести войска свои изъ города. Отличный сей офицеръ оставался при аріергардѣ, настигнутомъ вскорѣ ворвавшимися черезъ обвалившуюся стѣну Шведами, тогда какъ прочія части гарнизона спаслись, кажется, вдоль праваго берега Одера. Наконецъ послѣ непродолжительнаго боя аріергардъ былъ взятъ, а съ нимъ и комендантъ, который былъ тяжело раненъ, умеръ въ Штетинѣ. Простое описаніе происшествія достаточно доказываетъ, сколько похвальны дѣйствія храбраго Фердинанда Капуа, но слава его была бы еще совершеннѣе, если бы онъ предъ тѣмъ не притѣснялъ городскихъ жителей.

По взятіи Грейфенгагена король позволилъ войскамъ воспользоваться, оставленнымъ въ городѣ, имуществомъ Имперцевъ. Можно однако жъ предполагать, что при семъ случаѣ были соблюдены всѣ мѣры къ отвращенію безпорядка и притѣсненія жителей. Показанія другихъ авторовъ, будто бы городъ былъ разграбленъ, слѣдовательно неосновательны, и могло ли это бытъ при извѣстной строгости дисциплины Густава Адольфа. Шведы до того были приучены къ повиновенію, что по командѣ своихъ офицеровъ, они могли въ самомъ пылу сраженія, и даже во время штурмованія крѣпостей быть устраиваемы

въ сомкнутый порядокъ, если таковой по обстоятельствамъ временно былъ покидаемъ.

Между тѣмъ произошла перемена въ начальствѣ непріятельской арміи въ Помераніи; на мѣсто сложившаго съ себя командованіе генерала Торквато-Конти поступилъ графъ Шаумбургъ.

Послѣ успѣшно произведенной экспедиціи на Грейфенгагенъ, Густавъ Адольфъ не предавался спокойствію, напротивъ онъ намѣревался во время зимы, вытѣснить Имперцевъ изъ квартиръ и въ особенности овладѣть городомъ Гарцемъ, потомъ идти на Франкфуртъ и вторгнуться въ Бранденбургію. Имперскій фельдмаршалъ самъ помогъ ему; видя паденіе Грейфенгагена, онъ оставилъ Гарцъ и сжегъ городъ, чтобы обезпечить свое отступленіе. Между тѣмъ въ послѣдственности такой не было надобности; Густавъ Адольфъ еще не готовился атаковать Гарцъ, хотя уже и перешелъ черезъ Одеръ. Городъ Гарцъ съ укрѣпленіями при ономъ достался Шведамъ безъ трудовъ. Передовыя войска ихъ авангарда, вступая въ покинутыя непріателемъ шанцы, были встрѣчены взрывомъ; Имперцы взорвали порохомъ городскую ратушу, неизвѣстно къ чему. Шведы нашли всѣ мосты сожженными и все разрушеннымъ. Густавъ Адольфъ какъ впоследствии Фридрихъ II въ Кюстринѣ, помогалъ гдѣ могъ и приказалъ опять строить городъ.

Непріятеля быстро преслѣдовали по обѣимъ берегамъ Одера, и арьергардъ его, бывъ настигнутъ, понесъ значительную потерю, часть обоза досталась Шведамъ. Имперцы оставили прилегающія къ новой Мархѣ мѣста и сожгли часть города Пирица, куда вскорѣ потомъ прибылъ король, приказавъ генералу Баудиссину преслѣдовать непріятеля. Баудиссинъ, настигнувъ Имперцевъ между Баномъ и Кенигсбергомъ, взялъ многихъ въ плѣнъ, а прочихъ приказалъ изрубить. Въ эту войну рѣдко давали пардонъ; плѣнныхъ обыкновенно убивали. Триста повозокъ съ награбленнымъ

имуществомъ достались въ руки Шведовъ. Одинъ изъ имперскихъ полковъ бѣжалъ по направленію къ Кюстрину и былъ пропущенъ сквозь сей городъ. Имперцы обязаны этому случаю сохраненіемъ Франкфурта, который иначе, при неожиданномъ появленіи Шведовъ, вѣроятно тотчасъ бы сдался.

Въ Помераніи Имперцамъ оставались только Демминъ, Грейфсвальдъ и Кольбергъ, почему Густавъ Адольфъ и полагалъ ограничиться однимъ тѣснымъ обложеніемъ крѣпости Кольберга, которая не могла надѣяться на помощь. Однако жъ комендантъ держался еще нѣсколько мѣсяцевъ.

Полюбно какъ прежде изъ Помераніи, поступали теперь изъ Бранденбургіи жалобы къ императору о грабежахъ и своевольствахъ, чинимыхъ войсками его. Не понятно, почему противъ такого зла не было принято рѣшительныхъ мѣръ. Буйство имперскихъ войскъ превосходило всякое вѣроятіе, командованіе ими дѣлалось неспособнымъ; графъ Шаумбургъ и другіе начальники просили объ увольненіи, и не хотѣли болѣе предводительствовать подобнымъ войскомъ; сами они вѣроятно были лишены средствъ укротить солдата, иначе почему бы имъ не стараться возстановить порядокъ по прямому и главнѣйшему долгу каждаго начальника. Можетъ быть угрозы оставить службу, идя черезъ министровъ, вовсе не доходили до императора; изъ опыта извѣстно, что всякое посредничество между монархомъ и полководцами губительно, какъ скоро гражданскіе чины берутъ на себя болѣе, нежели простую передачу входящихъ свѣдѣній и исходящихъ повелѣній. Зло крылось весьма глубоко и здѣсь нельзя объяснить всѣхъ причинъ. Потомству однако жъ останется поучительнымъ, что монархи, окруженные неспособными или дурными людьми, могутъ быть вовлечены въ заблужденія вредныя прямымъ ихъ пользамъ, и что тамъ, гдѣ нѣтъ ихъ собственнаго надзора, зло, которое съ вѣдома ихъ никогда не было бы тер-

пимо, какъ въ семь случаѣ своеволюство арміи можетъ достигнуть невѣроятной степени. Курфирсть бранденбургскій былъ даже вынужденъ разрѣшить своихъ подданныхъ, ловить имперскихъ мародеровъ или убивать, если поймать нельзя.

Король шведскій отрядилъ часть войскъ впередъ къ Ландсбергу, что на Вартѣ; комендантъ этой крѣпости убѣдительно просилъ графа Шаумбурга о снабженіи его запасами всякаго рода. Но главнокомандующій находился самъ въ затруднительномъ положеніи; въ полкахъ былъ большой недочетъ въ людяхъ; магазиновъ не имѣлось; весь боевой запасъ заключался въ осьми или девяти центнерахъ пороха, а въ артилеріи считалось не болѣе двѣнадцати орудій. Шаумбургъ извѣщалъ графа Тилли о затрудненіи своемъ и о положеніи крѣпости Ландсберга; весьма замѣчательное его письмо преисполнено горькихъ упрековъ. Горе, кто съ такими войсками и съ ропщущими генералами имѣетъ противникомъ Густава Адольфа! Графъ Тилли столько былъ стѣсненъ въ своихъ дѣйствіяхъ, что надобно удивляться и тому, въ чемъ онъ еще могъ успѣть. Совѣтъ въ другомъ положеніи находился Густавъ Адольфъ, котораго дѣйствіа можно считать результатами личныхъ его качествъ; Тилли, борясь съ собственною арміею и съ совѣтниками своего государя, долженъ былъ не только проникать кабинетныя приговоры министровъ и ихъ критику, но и позволять руководить собою и сносить клеветы и интриги. Можно даже упрекнуть его, что онъ въ такихъ обстоятельствахъ не предпочелъ сложить съ себя званіе, котораго непремѣннымъ условіемъ должны быть величайшая свобода и независимость. Съ такой точки зрѣнія кажется простительнымъ дерзновеніе Валленштейна, писавшаго немного позже условія государю своему, если бы только виды его были благонамѣренны.

Пока эти событія совершались въ Помераніи, обсто-

ательства императора, отставкою Валленштейна и расхищеніемъ арміи, пришли еще въ худшее положеніе. Тилли долженъ былъ собирать войска изъ всѣхъ частей Германіи и въ тоже время воспослѣдовали возстанія администратора магдебургскаго Христіана Вильгельма и герцога саксенъ-лауенбургскаго Франца Карла. Всѣ эти обстоятельства препятствовали Тилли собрать скоро новую армію, тѣмъ болѣе, что надобно было удерживать въ повиновеніи и страну около Эльбы, пока Густавъ Адольфъ ходилъ въ Мекленбургію. Король съ самаго начала не ожидалъ значительной пользы отъ обѣщаній, данныхъ ему администраторомъ еще въ Швеціи, и не считалъ на содѣйствіе зятя своего курфюрста, имѣя объ обоихъ невыгодное мнѣніе, однако жъ онъ не отказался отъ предложенія администратора и требовалъ только, чтобъ сей послѣдній не поднималъ оружія, прежде нежели его поддержать можно будетъ. Администраторъ поторопился и показалъ, что не постигъ важности условія, но при всемъ томъ Густавъ Адольфъ не хотѣлъ его покинуть и послалъ къ нему полковника Фалькенберга, который и былъ назначенъ комендантомъ Магдебурга. При семъ комендантѣ дѣла шли хорошо, но успѣхъ продолжался только пока имперскія войска не усилились и не заставили ограничиться одними оборонительными дѣйствіями. Тоже самое воспослѣдовало съ герцогомъ Францомъ Карломъ; имперскій генералъ Папенгеймъ заставилъ его положить оружіе. Хотя изъ торопливыхъ возстаній и не могло произойти значительной выгоды для Густава Адольфа, но онѣ развлекли непріятеля и держали его въ бездѣйствіи въ теченіи всего 1630 года. Претерпѣвая въ раззоренной странѣ совершенный недостатокъ въ деньгахъ и въ продовольственныхъ и боевыхъ запасахъ, Тилли не прежде января 1631 могъ собрать около двадцати тысячъ, съ которыми переправясь черезъ Эльбу, онъ въ началѣ февраля прибылъ къ Франкфурту на Одерѣ. Здѣсь присоединился къ нему фельдмаршалъ Шаум-

бургъ и вся армія двинулась въ Мекленбургію, оставя въ Франкфуртѣ пятьсотъ человекъ (5).

—

2 ПОХОДЪ ВЪ ГЕРМАНИИ 1631 (6).

Въ Нейбрауценбургѣ находился шведскій генераль Книпгаузенъ съ отрядомъ девяти сотъ человекъ; король послалъ ему повелѣніе, отступить при появленіи непріятеля, оно было, однако жъ, перехвачено непріятелемъ. Почему и случилось, что 6 марта Нейбрауценбургъ былъ атакованъ и взятъ приступомъ. Отрядъ не имѣлъ орудій, потому и нетрудно было совладать съ нимъ; гарнизонъ большею частью былъ истребленъ и самъ Книпгаузенъ попалъ въ плѣнъ. Разграбивъ городъ, непріятель по обыкновенію безчинствовалъ въ немъ ужасно. Густавъ Адольфъ, говорятъ, поклялся отмстить и скоро представился къ тому случаю: посланный изъ Ростока отрядъ тысяча человекъ конницы попалъ Шведамъ въ руки, былъ почти весь истребленъ Рейнграфомъ.

Прежде нежели имперская армія тронулась, предпринялъ Густавъ Адольфъ вышепомянутое движеніе въ Бранденбургію; онъ занялъ города на рѣкѣ Толензе, Клемпеновъ и Трептовъ, равно какъ и Лекницъ на рѣкѣ Рапдовѣ или Ландсграбенѣ, съ тѣмъ, чтобы свободно заняться осадю Деммина; потомъ двинулся онъ къ Кюстрину, надѣясь не безъ основанія тамъ перейти черезъ Варту и Одеръ. Комендантъ однако жъ

не впустилъ его въ крѣпость, а курфирстъ не разрѣшилъ пропуска, почему король долженъ былъ отказаться отъ предпріятія на Франкфуртъ; получивъ тогда же извѣстіе о движеніи графа Тилли, онъ счелъ лучшимъ возвратиться опять въ Померанію и поспѣшать покореніемъ Деммина. Продолжавшаяся строгая зима не могла остановить короля въ предпріятіи, онъ чувствовалъ необходимость владѣть совершенно западною Померанію (7); прибывъ подъ Демминъ и осмотрѣвъ положеніе города, Густавъ Адольфъ видѣлъ, что непріятель постоянно занималъ небольшой городъ Лоицъ на лѣвомъ берегу Пеены, надлежало слѣдовательно первоначально овладѣть Лоицомъ и его замкомъ. Король тотчасъ распорядился атакою и комендантъ Перальта, не смотря на всѣ грозныя мѣры съ жителями, долженъ былъ сдать городъ.

Въ Демминѣ еще въ недавнемъ времени видны были остатки укрѣпленій; городъ былъ обнесенъ бастионнымъ валомъ, имѣвшимъ во времена Густава Адольфа водяной ровъ и гласисъ. Болотистые берега Пеены защищались полевымъ укрѣпленіемъ, расположеннымъ на лѣвомъ берегу, а внутри укрѣпленія еще сохранилась старая башня. Гарнизонъ, бывъ снабженъ всѣмъ необходимымъ, могъ удобно исполнить приказаніе графа Тилли, и держаться по-крайней-мѣрѣ двѣ недѣли, хотя болотистые берега Пеены и самая рѣка покрылись льдомъ; но славившійся скупостью и гнусною страстью къ грабежу герцогъ Савелли былъ плохой комендантъ, не принявшій и обыкновеннѣйшихъ мѣръ къ защитѣ.

Двѣнадцатаго февраля 1631 Густавъ Адольфъ прибылъ къ Деммину съ шестнадцатью тысячами человекъ арміи; 13 числа онъ овладѣлъ укрѣпленіемъ и башнею на лѣвомъ берегу рѣки и открылъ траншею на противоположномъ, гдѣ также устроилъ батарею на высотѣ. Когда взяли рavelинъ, то комендантъ подалъ тотчасъ знакъ, что готовъ сдать крѣпость. Король позволилъ ему отступить свободно и обошелся

съ нимъ весьма милостиво, замѣтилъ, однако жъ, «что если бы Савелли былъ въ шведской службѣ, то голова его была бы въ большой опасности, но что въ службѣ императора онъ можетъ быть спокоенъ.» Король зналъ своихъ противниковъ; не смотря на представленія графа Тилли, Савелли, кромѣ кратковременнаго ареста, не подвергся никакому наказанію и непростительный его поступокъ не препятствовалъ даже избранію его къ важнѣйшимъ должностямъ. Примѣръ такой могъ служить ободреніемъ людямъ, подобнымъ Савелли.

Приобрѣтеніе Деммина было тѣмъ болѣе важнымъ, что въ городѣ хранились большіе запасы артиллерійскихъ орудій, хлѣба и фуража. Въ случаѣ надобности, Демминъ могъ служить хорошею опорой для дѣйствіи шведской арміи.

Надобно еще здѣсь упомянуть объ особой чертѣ, характеризующей Густава Адольфа: въ городѣ было много имущества, которое король также позволилъ вывезти имперскимъ войскамъ, въ томъ числѣ находился экипажъ извѣстнаго Квинти-дель-Понте, посягавшаго на жизнь короля, и наградыя деньги за готовность на преступленіе; успѣвши доложить королю, какъ поступить съ имуществомъ измѣнника-бѣглеца; король приказалъ не задерживать, желая, чтобъ его не могли упрекнуть нарушеніемъ условій капитуляціи.

Послѣ покоренія Деммина, король послалъ ротмистра Мольтке съ тридцатью шестью копыными въ Мальхинъ, гдѣ стояли двѣ роты непріятельскихъ драгунъ. Мольтке, отличный офицеръ, умѣлъ увѣрить непріятеля, что король слѣдуетъ за нимъ со всею арміею. Почему гарнизонъ, положивъ оружіе, выступилъ изъ города и былъ препровожденъ въ главную квартиру короля. Всѣмъ извѣстно, что подобные примѣры нерѣдки, но объ нихъ надобно упоминать въ доказательство, какія послѣдствія могутъ имѣть рѣшимость съ одной, и слабость духа съ другой стороны. Легко понять, чему выгоднѣе держаться, однако жъ будутъ

всегда встрѣчаться люди, теряющіе присутствіе духа; а успѣхъ между тѣмъ на сторонѣ отважнаго.

Взявъ во вниманіе непоколебимую твердость, съ которою Густавъ Адольфъ стремился къ избранной имъ цѣли, нельзя не сожалѣть, что онъ не могъ дѣйствовать съ бѣльшею быстротою, и что бѣдствія Германіи не могли возбудить большаго соучастія и большаго согласія въ ея владѣтеляхъ, потому что теперь обстоятельства представляли случай къ спасенію, и случай этотъ могъ навсегда миноваться. Отступленіе въ Померанію конечно было совершено по поводу приближенія Тилли, однако жъ отказъ въ пропускѣ черезъ Кюстринъ показывалъ ясно, чего король могъ надѣяться отъ первыхъ членовъ имперіи. Мелкіе князья и масса протестантовъ, хотя и начинали покидать страхъ къ власти императора; но тѣ, отъ которыхъ зависѣло дать рѣшительный оборотъ предпріятію, именно курфирсты саксонскіи и бранденбургскіи не понимали своихъ выгодъ, были ослѣплены мелочными расчетами совѣтниковъ своихъ и не могли оцѣнить собственного своего положенія. Вотъ причины странной политики, внушенной курфирсту саксонскому Арнимомъ; столько же страшнымъ предложеніямъ сего курфирста собранію чиновъ въ Торгау, и результату совѣщанія сбиравшихся въ Лейпцигѣ протестантскихъ членовъ имперіи, о которыхъ упоминается въ исторіи того времени.

Густавъ Адольфъ, хотя предпринималъ войну въ собственную защиту, но дѣло его находилось въ тѣсной связи съ благомъ Германіи, въ нѣдрахъ которой ему надлежало сразиться съ врагомъ своимъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ упрочить неприкосновенность вѣры своей и свободы германской. Во всѣхъ отношеніяхъ онъ могъ надѣяться, при вступленіи въ Германію, найти общее соучастіе, но онъ нашелъ его только въ низшемъ классѣ и въ малыхъ владѣльцахъ. Горе! если въ роковое время, величайшая власть находится въ рукахъ слабыхъ и владыки одни не понимаютъ духъ

времени. По счастью Густавъ Адольфъ не обращалъ вниманіе ни на препятствія, противопоставляемыя ему курфирстами, просившими его въ самомъ началѣ возвратиться въ Швецію; ни на отказъ ему въ королевскомъ титулѣ; ни на холодный пріемъ князей и воспрещеніе прохода черезъ Кюстрингъ; что все могло угасить въ немъ желаніе помогать общему бѣдствію и могло рѣшить его ограничиться занятіемъ Помераніи, а предоставить прочую Германію ея судьбѣ. Съ сколь возвышенной точки онъ взиралъ на предпріятое имъ дѣло, онъ доказалъ именно тѣмъ, что продолжалъ дѣйствовать, внимая пользѣ самаго дѣла, а не пользѣ сопричастныхъ лицъ, не заслуживавшихъ его сожалѣнія.

Одинъ только трактатъ Швеціи съ Франціею казался курфирстамъ и членамъ имперіи обстоятельствомъ важнымъ. Этотъ трактатъ убѣждалъ ихъ, что предпріятіе Густава Адольфа находило болѣе соучастія въ чужихъ, нежели они сами по недалковидности находили его полезнымъ; они полагались болѣе на чужое содѣйствіе, нежели на то, которымъ они обязаны были споспѣшествовать Густаву Адольфу, чтобъ помочь своему отечеству. Трактатъ былъ причиною, что начали вникать въ дѣло, и служилъ нѣкоторымъ образомъ щитомъ противъ могущества императора, казавшагося имъ столь ужаснымъ; гораздо дальновиднѣе и соотвѣтственнѣе была политика императора, онъ не внималъ на возраженія курфирста саксонскаго, имѣлъ постоянно цѣль свою въ виду, и успѣлъ бы, можетъ быть, достигнуть оной, если бы не встрѣтилъ противникомъ Густава Адольфа.

По заключенному на пять лѣтъ съ Франціею трактату шведскій король обязывался содержать на свой счетъ тридцать тысячъ пѣхоты и шесть тысячъ кавалеріи. Начатые давно переговоры были наконецъ подписаны 13 января 1631 ст. ст. въ Бервальдѣ, что въ Неймархіи.

Когда наконецъ крѣпость Кольбергъ сдалась, то вся

Померанія, кромѣ только одного Грейфсвальде, была покорена; однако жъ, на случай дальнихъ движеній, надобно было, оставить корпусъ для охраненія сей провинціи. Густавъ Адольфъ созвалъ на сей конецъ сеймъ, и предложилъ, чтобы Померанія, для собственной защиты, сформировала десять тысячъ пѣхоты и три тысячи конницы, чѣмъ самымъ она и освободилась бы отъ содержанія шведской арміи. Чтобъ успѣшнѣе склонить къ удовлетворенію сего требованія, онъ приказалъ возвратитъ чинамъ, взятое съ нихъ имперскимъ полковникомъ Гацфельдомъ и попавшееся въ руки Шведовъ съ разными депешами, обязательство на сто тридцать тысячъ талеровъ. Сеймъ обѣщалъ исполнить предложеніе. Теперь король могъ свободнѣе помышлять о своихъ предпріятіяхъ, и итти, если бы захотѣлъ встрѣчать непріятели, въ Мекленбургію, къ чему и началъ дѣлать всѣ приготовленія. Менѣе искусный генералъ, можетъ быть, и пошелъ бы свѣмъ казалось вѣрнымъ путемъ, но Густавъ Адольфъ вѣроятно имѣлъ болѣе дальновидные замыслы: онъ желалъ ввести непріятели въ заблужденіе, будто опасается оставить Померанію, чтобъ потомъ вдругъ двинуться вверхъ по Одери и вторгнуться въ наслѣдственные владѣнія австрійскія, если обстоятельства не заставятъ принять другое направленіе. Ненадежность образа мыслей курфирста бранденбургскаго, а еще болѣе курфирста саксонскаго, вѣроятно отвлекли короля впоследствии отъ этой операціонной линіи, а другія причины, о которыхъ въ своемъ мѣстѣ говорено будетъ, заставили его и вовсе оставить первоначальную мысль, исполненіе которой между тѣмъ могло вести къ рѣшительному результату. Довольно того, король возвратился сперва въ Штетинъ и казался не обращающаго вниманія на непріятели. Тилли съ своей стороны заботился избрать позицію удобную для предупрежденія шведской арміи, куда бы она ни обратилась: вторично ли въ Мекленбургію или въ Бранденбургію; онъ пошелъ для того къ городу Руппину.

Почему онъ не предпочелъ атаковать Густава Адольфа въ Помераніи, или по-крайней-мѣрѣ задержать его въ сей странѣ, тому могли быть причиною недостатокъ средствъ и необходимость держать въ повиновеніи страну, въ тылу его находившуюся.

Густавъ Адольфъ между тѣмъ занялъ позицію между Шведомъ и Фиррадепомъ, кажется, чтобы только обождать окончаніе непріятельскихъ передвиженій. Позиція была такъ сильна, что Тилли, приказавъ ее обрекогносцировать, не могъ рѣшиться на атаку.

Видя невозможность атаковать шведскаго короля и нанести ему пораженіе въ Помераніи, а можетъ быть и тѣснимый обстоятельствами и нуждаясь владѣть большимъ плацдармомъ, или, чтобъ диверсіею отвлечь Шведовъ отъ вступленія въ Силезію, Тилли рѣшился направиться къ Эльбѣ и принять дѣятельнѣйшія мѣры къ покоренію Магдебурга. Густавъ Адольфъ, узнавъ о томъ, двинулъ и свою армію 25 марта 1631 къ Франкфурту (8).

Крѣпостныя верки Франкфурта были въ худомъ состояніи, однако жъ, гарнизонъ, подъ командою фельд-маршала графа Шаумбурга, состоялъ изъ осьми тысячъ. Двадцать седьмого марта Густавъ Адольфъ прибылъ къ Франкфурту, осмотрѣлъ на другой день укрѣпленія, а на третій начались осадныя работы. Четвертаго апрѣля траншеи были до того доведены, что успѣли пробить брешь близъ губенерскихъ воротъ; король хотѣлъ отложить приступъ до слѣдующаго дня, но одинъ офицеръ *, съ нѣсколькими людьми, бросился отважно сквозь брешь и потѣснилъ непріятели. Король послалъ ему подкрѣпленіе. Открыли ворота и однимъ словомъ, не смотря на сопротивленіе непріятели, Франкфуртъ былъ взятъ штурмомъ. Гарнизонъ

* Саксонецъ поручикъ Ауеръ; король наградилъ его и произвелъ въ слѣдующій чинъ. Въ Histoire etc. de Mauvillon, на стр. 293, покореніе Франкфурга описано обстоятельно.

*

хотѣлъ спастись мостомъ черезъ Одеръ; былъ однако жъ, болѣе чѣмъ на половину побить или взять въ плѣнъ. Многие, кажется, спаслись, въ томъ числѣ и два генерала. Это тѣмъ страннѣе, что шведская армія подходила къ городу по обоимъ берегамъ рѣки; итѣтъ, однако жъ, обстоятельнѣйшихъ свѣдѣній. Должно быть, что бѣгущіе имѣли даже время сломать или зажечь мостъ за собою, потому что Шведы не могли ихъ преслѣдовать.

Покореніе Франкфурта было безъ сомнѣнія важно по пайденнымъ боевымъ и другимъ запасамъ, преимущественно же по положенію города при большой рѣкѣ, что могло представить выгоды, потому что нельзя было предвидѣть, какое возмутъ направленіе дальнѣйшія дѣйствія.

Король позволилъ грабить городъ три часа, за поступокъ непріятеля съ Нейбранденбургомъ. Къ сожалѣнію палъ этотъ жребій на жителей, которые вѣроятно одинаково мыслили съ Нейбранденбургцами; можетъ быть они не подверглись бы наказанію, если бы курфирстъ бранденбургскій былъ союзникомъ короля. Наконецъ Густавъ Адольфъ самъ прекратилъ грабежъ, но тогда вспыхнулъ пожаръ, который съ великимъ трудомъ могли угасить.

Король писалъ о взятіи Франкфурта собравшемуся въ Лейпцигѣ конвенту протестантскихъ имперскихъ чиновъ, и надѣялся, «что они прозрятъ наконецъ и предпримутъ что либо рѣшительное въ пользу своего дѣла.» Съ тою же цѣлью писалъ онъ и курфирсту саксонскому, подстрѣкая его къ дѣятельности, и при-сокупляя, «что началъ войну не изъ тщеславія или видовъ завоеванія, но единственно въ защиту собственную и многихъ тысячъ людей.» Подобныя выраженія, не имѣющія обыкновенно ни какого значенія, должны бы обратить на себя вниманіе въ этихъ обстоятельствахъ; но тотъ, къ которому онѣ были обращены, не понималъ Густава Адольфа.

Густавъ Адольфъ не былъ виновенъ, что владѣтели

германскіе не имѣли яснаго понятія о своемъ положеніи и не постигали отношеній, въ которыхъ онъ находился къ нимъ. Старанія его вразумить ихъ доказываютъ запутанность идей ихъ и ихъ совѣтниковъ, если и предположить, что эти были люди благонамѣренныя.

Въ справедливости сего свидѣтельствуесть самъ исторіографъ Гемницъ; король посылалъ его въ лейпцигскій конвентъ, но онъ долженъ былъ возвратиться безуспѣшно. Утверждаютъ, что курфирстъ саксонскій не рѣшался пристать ни къ императору, ни къ Густаву Адольфу, а намѣревался выждать, обнадеживая обѣ стороны, пока одна изъ нихъ не возьметъ верхъ, къ которой тогда и хотѣлъ присоединиться; хуже политики нельзя было избрать.

Взятіе Франкфурта, кажется, поколебало рѣшимость Тилли, онъ оставилъ Эльбу и двинулъ армію къ Ютербоку, имѣя авангардъ въ Сармундѣ и въ Миттенвальдѣ. Густавъ Адольфъ напротивъ согласно прежнему намѣренію своему обратился къ Ландсбергу, вѣроятно, чтобы овладѣть переправою черезъ Варту для кратчайшаго сообщенія съ Померанією; но удаляясь отъ Одера, онъ приказалъ привести Франкфуртъ въ оборонительное состояніе, снабдилъ его достаточнымъ гарнизономъ и назначилъ комендантомъ извѣстнаго полковника Леслія.

Тилли не могъ надѣяться взять Франкфуртъ безъ чувствительныхъ для себя пожертвованій и счелъ благоразумнѣйшимъ продолжать осаду Магдебурга, чѣмъ надѣялся остановить короля шведскаго въ дальнѣйшихъ предпріятіяхъ. Густавъ Адольфъ съ своей стороны, надѣясь, что Магдебургъ будетъ держаться еще нѣкоторое время, кажется, имѣлъ въ виду другими операціями помѣшать Тилли въ покореніи крѣпости. Онъ писалъ администратору и городу о взятіи Франкфурта и успокаивалъ ихъ на счетъ замѣдляемаго важными обстоятельствами прибытія своего; увѣщевалъ храбро защищаться и дать ему только мѣсяца два времени

и такъ далѣе *; въ два мѣсяца конечно многое могло случиться.

Король пошелъ къ Ландсбергу, охранявшемуся сильнымъ гарнизономъ. Видъ города, окруженнаго нагорнымъ берегомъ, находился редутъ, потеря коего влекла за собою и сдачу города. Король обратилъ первоначально огонь артиллеріи на сей редутъ, а потомъ атаковалъ его съ тыла; отразили вылазку непріятеля и гарнизонъ 15 апрѣля сдался, получивъ свободу, подъ условіемъ, не служить противъ Шведовъ въ теченіи осьми мѣсяцевъ.

Если бы Магдебургъ могъ обороняться, сколько Густавъ Адольфъ желалъ, и сколько ему казалось возможнымъ, то война должна бы принять совершенно другое направленіе. Но къ несчастью встрѣтилось препятствіе въ образѣ мыслей обоихъ курфирстовъ; нельзя было отважиться оставить ихъ въ тылу своемъ, и Густавъ Адольфъ долженъ былъ отказаться отъ намѣренія своего вторгнуться въ наслѣдственныя владѣнія императора и избрать предметомъ дѣйствій непосредственное освобожденіе Магдебурга. По сему поводу онъ послѣ покоренія Ландсберга, снова писалъ въ Магдебургъ, внушалъ жителямъ храбро сопротивляться еще не болѣе трехъ недѣль, обѣщаясь прибыть къ тому времени на помощь. Но и это было сопряжено съ затрудненіями, заключавшимися не въ существѣ предпріятія, но въ образѣ воззрѣнія на оное обоихъ курфирстовъ.

Король шведскій выступилъ изъ Франкфурта въ послѣднихъ числахъ апрѣля и прибылъ 1 мая съ десятию полками пѣхоты и всею кавалеріею въ Кепеникъ. Онъ требовалъ, чтобы курфирстъ бранденбургскій предоставилъ ему крѣпости Шпандау и Кюстрицъ, прежде чѣмъ онъ предприметъ дальнѣйшее движеніе къ Магдебургу, и нельзя осуждать, что онъ въ стра-

* Chemnitz. 1 Th. p. 132.

пѣ ни дружественной ни нейтральной старался утвердиться и прикрыть себя съ тыла.

По поводу этихъ требованій возникли споры и переговоры, которыхъ даже личное свиданіе не могло устранить, Густавъ Адольфъ уже намѣревался возвратиться въ Кѣпеникъ, но по убѣдительному настоянію курфирстинны пріѣхалъ въ Берлинъ, куда послѣдовали за нимъ и войска. Не прежде трехъ дней и только, послѣ нѣкоторыхъ громовыхъ рѣчей короля опомнились Георгъ Вильгельмъ и министръ его графъ Шварценбергъ, и согласились на выдачу Шведамъ крѣпости Шпандау на время, пока не освободится Магдебургъ.

Надобно удивляться затрудненіямъ въ дѣлѣ столь простомъ по нашему уразумѣнію, единственно страшная боязнь предъ могуществомъ императора могла до того затмить понятія, что даже надежда на сильную помощь не могла заставить бросить раболѣпствованіе.

Шведская армія двинулась 6 мая впередъ въ Шпандау и Потсдамъ; а имперскія войска отступили изъ Бранденбурга, Цербста, Ратенова и другихъ мѣстъ. Чтобы переправиться черезъ Эльбу, королю слѣдовало идти черезъ Дессау или Виттенбергъ, гдѣ имѣлись мосты, потому что пельзя было устроить свой мостъ безъ большихъ затрудненій, по немѣнѣію судовъ, которыми завладѣлъ непріятель, идти же черезъ Мекернъ и переправиться ниже Магдебурга онъ не могъ: тѣ мѣста были совершенно раззорены. Наконецъ король считалъ и необходимымъ имѣть твердый пунктъ на Эльбѣ, для обезпеченія доставки продовольствія изъ Саксоніи; а какъ курфирстъ все еще колебался, то и должно оправдать Густава Адольфа въ осторожности перехода черезъ Эльбу: въ случаѣ несчастнаго оборота курфирстъ могъ перейти на сторону императора. Предположивъ все сіе, дѣйствія Густава Адольфа окажутся основательными, хотя можетъ быть и имѣлась возможность двумя или тремя форсированными переходами подступить къ Магдебургу черезъ Дессау,

гдѣ переправу обезпечить мостовымъ укрѣпленіемъ, можно было тотчасъ атаковать непріятеля и такимъ образомъ предупредить несчастный случай 10 мая *. Въ-роятно однако жъ, король полагалъ, что Магдебургъ будетъ держаться еще нѣсколько недѣль.

Занятіе Виттенберга, отъ котораго теперь все зависѣло, требовало новыхъ переговоровъ съ курфирстомъ саксонскимъ, хотя король письменно и изъяснялъ ему необходимость согласиться на предложеніе, для доставленія ему возможности поспѣшить на помощь важной крѣпости Магдебурга, хотя король наконецъ и требовалъ только пропуска черезъ Виттенбергъ и удовольствія за наличную плату, но курфирстъ не соглашался. Онъ страшился единственно императора и не видѣлъ, что съ отказомъ его сопряжена была гибель собственная и протестантскихъ членовъ Имперіи.

Напрасно старался Густавъ Адольфъ вторичнымъ своеручнымъ письмомъ вразумить его, слагая всю отвѣтственность на него. Несчастливая мысль сохранять равновѣсіе между императоромъ и королемъ шведскимъ, утвердилась въ саксонскомъ кабинетѣ. Раздраженный до крайности упорствомъ, Густавъ Адольфъ объявлялъ было намѣреніе оставить людей добровольно ввергающихся въ несчастіе и возвратиться въ Померанію.

Но ограниченность и недалъповидность политики современниковъ, на которую онъ смотрѣлъ съ сожалѣніемъ, могли только временно досадовать сего великаго мужа; мысль, оживлявшая и преисполнявшая его, скоро брала верхъ и онъ восклицалъ: «Нѣтъ! Надобно тушить, когда домъ сосѣда горитъ; Магдебургу, а съ нимъ можетъ быть и остатку германской свобо-

* Однако жъ для сего потребна была поспѣшность и предусмотрительность, изъ Шпанду нужно было отрядить сильный отрядъ кавалеріи и не дать раззорить мостъ, уничтоженный отступавшимъ изъ Цербста кавалерійскимъ отрядомъ Имперцевъ, послѣ вступленія Шведовъ въ Поисдамъ.

ды грозить гибель.» Король рѣшился двинуться вдоль береговъ Гавеля и поспѣшать на помощь городу.

Но уже было поздно! Во время переговоровъ получено было извѣстіе о штурмѣ магдебургскомъ. Исторія осады и несчастія города извѣстны. Ударъ могъ бы еще нѣсколько времени быть отвращенъ, если бы гарнизонъ, состоявшій большею частью изъ гражданъ, не ослабъ въ своей бдительности, хотя наружныя укрѣпленія уже и были потеряны. Но отсутствіе порядка въ такомъ родѣ войскъ, ропотъ на неровное разложеніе тягости службы, утомленіе отъ непомянутыхъ усилій не большаго гарнизона, не превышавшаго двухъ тысячъ, слабый надзоръ за отдѣльными постами и за гражданами вообще неохотно слушавшимися; и наконецъ безпечность, которой предались они, бывъ обмануты предшествующими штурму переговорами, прекращеніемъ пальбы и снятіемъ самыхъ орудій, принявъ это за предвѣщаніе прибытія помощи, — все сіе способствовало непріятелю овладѣть оставленною безъ наблюденія частью вала; конечно городъ не могъ долго сопротивляться по недостатку боевыхъ запасовъ.

Замѣчанія, которыя могутъ быть извлечены изъ сего событія, весьма ограниченны для нашего предмета и объясняются самымъ изложеніемъ дѣла. Участіе Магдебурга, свидѣтельствуя о лютости тогдашнихъ войнъ, останется вѣчнымъ упрекомъ генералу Тилли, и служа доказательствомъ неумѣнія его способности выгоды своего государя, вмѣстѣ свидѣтельствуешь, что онъ вовсе не заслуживалъ присвоенной себѣ похвалы «за разрушеніе, которому послѣ Тронъ не было подобнаго.» Если городъ ему былъ нуженъ, то надлежало стараться и о его сохраненіи. Поступокъ, слѣдовательно безчеловѣчный и неблагоразумный, вдвойнѣ недостоевъ полководца. Пусть это будетъ набожное повѣрье, будто съ того часу прекратилось счастье Тилли, но то справедливо, что если кто слѣпо предается

порывамъ бѣшенства, тотъ не въ состояніи сообразить и взвѣсить своей пользы.

Впечатлѣніе, произведенное паденіемъ Магдебурга, было столь сильно, что Густавъ Адольфъ нашелся вынужденнымъ обнародовать ходъ дѣла и причины, препятствовавшія ему подать помощь осажденному городу (9).

Теперь по условію надлежало ему вывести войска изъ Шпандау, что могло имѣть пагубное вліяніе на дальнѣйшія дѣйствія, ибо онъ лишился бы твердой опоры, необходимой на случай переменъ счастья. Сначала онъ соглашался было, хотя и очень неохотно, но вступилъ потомъ въ переговоры съ курфирстомъ. Когда же представленія Густава Адольфа не были уважены, то онъ наконецъ объявилъ, что отдастъ Шпандау, но тогда уже будетъ считать курфирста непріателемъ и двинулъ свои войска къ Берлину. Посланному къ нему посреднику онъ отвѣчалъ, что требуетъ такого же обращенія съ нимъ, какимъ пользовались Имперцы, которыхъ курфирсть хорошо встрѣчалъ и всѣмъ довольствовалъ. «Я не хочу ничего болѣе, какъ обезпеченія, продовольствія и умѣренной денежной суммы, по требую этого непремѣнно, и курфирсть долженъ рѣшиться, хочетъ ли онъ быть моимъ союзникомъ или видѣть разграбленнымъ Берлинъ.» Угрозы имѣли желаемое дѣйствіе, и послѣ нѣкоторыхъ переговоровъ, курфирсть согласился платить ежемѣсячно тридцать тысячъ талеровъ, оставить Шпандау во власти Шведовъ и дать имъ нѣкоторыя другія льготы. Густавъ Адольфъ былъ весьма доволенъ, поѣхалъ самъ въ Берлинъ и по возвращеніи своемъ приказалъ для торжества произвести пальбу; къ несчастію артиллеристы забыли перемѣнить заряды и нѣсколько тридцати-фунтовыхъ ядеръ пробили крыши въ Берлинѣ, не причинивъ впрочемъ вреда людямъ. Король послалъ извиниться передъ курфирстомъ и выступилъ въ Шпандау. Успѣхъ въ убѣжденіи курфирста бранденбургскаго показываетъ, какъ надлежало бы посту-

пать всегда, чтобы кратчайшимъ путемъ достигать цѣли, но Густавъ Адольфъ не всегда былъ въ состояніи дѣйствовать такимъ образомъ. Надобно сожалѣть, что въ Саксоніи и Бранденбургіи онъ долженъ былъ дѣйствовать медленными переговорами. Онъ былъ созданъ къ тому, чтобы обладая силою, не употреблять ее во зло, а идти твердо къ цѣли, оставляя безъ вниманія мелочныя препятствія. Передъ Берлиномъ онъ испыталъ, что можно произвести угрозами, поддержанными оружіемъ и не подлежить сомнѣнію, что при полномъ убѣжденіи въ пользу своихъ предпріятій, онъ не упустилъ бы употребить такой способъ и въ другихъ случаяхъ, еслибъ позволяли обстоятельства.

Теперь настало время, исторія котораго доказываетъ, что протестантская Германія погибла бы, не имѣя Густава Адольфа посредникомъ; конечно въ то время ни кто о томъ не догадывался, и казалось, что всѣ сопричастныя партіи были безъ сознанія увлекаемы къ неизвѣстной цѣли однимъ стеченіемъ обстоятельствъ, чему императоръ споспѣшествовалъ противъ своей воли. Но достигнуть этой цѣли имъ никогда не удалось бы, еслибъ Густавъ Адольфъ, будучи руководимъ себялюбіемъ и встрѣтивъ нерасположеніе курфирстовъ, не простеръ дѣйствій своихъ во внутренность Германіи. Онъ могъ, вступивъ въ Бранденбургію, ограничиться однимъ наблюденіемъ за непріателемъ, устранить по возможности войну отъ приморскихъ провинцій и предоставить своей судьбѣ важнѣйшій вопросъ благоденствія Германіи. Но одна заботливость о поддержаніи протестантской вѣры, удержала его. Онъ не далъ себя остановить противоборствіемъ курфирста саксонскаго, и это спасло Германію. Надобно удивляться превратности понятій, господствовавшихъ тогда въ умахъ сильнѣйшихъ владѣтелей, исключая Густава Адольфа. Курфирстъ бранденбургскій, напри- мѣръ, извинялъ союзъ свой съ королемъ шведскимъ тѣмъ, что императоръ не защитилъ его владѣній про-

тивъ Шведовъ, хотя безчеловѣчное обращеніе съ краемъ и грозящее уничтоженіе самостоятельности его были, кажется, болѣе уважительнымъ оправданіемъ.

Полагая, что грозный поступокъ съ Магдебургомъ привелъ протестантовъ въ трепеть, императоръ приступилъ теперь къ дѣйствіямъ, которыя совершенно клонились къ тому, чтобъ вселить между протестантами болѣе согласія и тѣмъ самымъ приспособить ихъ еще лучше для цѣли Густава Адольфа. Онъ уничтожилъ постановленія, коими лейпцигскій конвентъ искалъ только обезпечить существованіе протестантовъ, ни сколько не возставая противъ власти императора; онъ приказалъ Тилли раззорить непокорныя страны огнемъ и мечемъ, и набранныя ими войска распустить и собрать большія контрибуціи, что и исполнено было надъ епископствомъ бременскимъ, въ Виртенбергѣ и надъ имперскими городами Ульмомъ и Нюрнбергомъ.

Курфирстъ саксонскій и ландграфъ гессенскій находились въ великомъ опасеніи. Тилли намѣренъ былъ или присоединить ихъ войска къ своимъ или обезоружить и раззорить ихъ владѣнія. Они были въ отчаяніи. Ландграфъ гессенскій отвѣчалъ на требованія Тилли мужественнымъ отказомъ. По счастью послѣдовавшія событія отвлекли отъ него вниманіе Тилли. Наконецъ дѣйствія императора начали открывать глаза и курфирсту саксонскому; не имѣя средствъ защитить своихъ единовѣрцевъ и союзниковъ, онъ вступилъ въ совѣщаніе съ своими чинами, созвавъ ихъ въ Дрезденъ, около половины Іюня. Въ продолженіи сего времени случились нѣкоторыя событія, о которыхъ для связи надобно упомянуть.

Послѣ паденія Магдебурга военныя дѣйствія какъ бы прекратились на время; Густавъ Адольфъ отправился въ Штетинъ, гдѣ ожидалъ его русскій посолъ, пріѣхавшій поздравить его съ успѣшными дѣйствіями и искавшій упрочить сношенія съ Швеціею, предлагая отъ Россіи вспомогательный корпусъ. Ко-

роль привѣтствовалъ и отпустилъ посла очень ласково, наградивъ его щедро, но не принялъ предлагаемой помощи; между тѣмъ дружеское расположеніе Россіи не могло быть ему неприятнымъ. Въ тоже время пришло извѣстіе, что Грейфсвальде наконецъ сдался на капитуляцію, условіемъ которой былъ свободный пропускъ гарнизона въ городъ Лоицъ. Комендантъ Грейфсвальде, полковникъ Перузи, предводительствовавъ нѣсколько дней прежде вылазкою противъ отряда шведской конницы, попалъ въ плѣнъ, а по сдачѣ крѣпости, гарнизонъ ея, направившійся въ Гавельбергъ, вмѣсто того чтобъ идти, какъ условлено было въ Лоицъ, былъ настигнутъ шведскимъ полковникомъ Галлемъ и за отступленія отъ договора, обезоруженъ и размѣщенъ по шведскимъ полкамъ. Король, разгнѣванный симъ поступкомъ, приказалъ конвоировавшаго имперскія войска ротмистра, живаго или мертваго, доставить въ главную квартиру. Ротмистръ нашель спасеніе въ бѣгствѣ; судя по этому, можно заключить, что король былъ вспыльчивъ, но не показывалъ этого. Онъ приказалъ немедленно уволить всѣхъ людей, взятыхъ въ шведскую службу и удержать только оставшихся по доброй волѣ.

Густавъ Адольфъ осмотрѣлъ лично Грейфсвальде. Покореніе Помераніи можно было считать упроченнымъ. Король приказалъ укрѣпить Бранденбургъ, назначая городъ сей сборнымъ мѣстомъ. Между тѣмъ въ арміи не происходило ничего замѣчательнаго, кромѣ нѣсколькихъ удачныхъ для Шведовъ поисковъ на Вербенъ, Гавельбергъ и Бургъ, и для Имперцевъ на Котбусъ.

По приведеніи въ оборонительное положеніе Магдебурга, графъ Тилли, какъ и намѣревался, выступилъ 3 іюня противъ турингскихъ протестантскихъ князей, съ тѣмъ, чтобы обезоружить и разграбить ихъ земли.

При семъ случаѣ ознаменовалась ненависть жителей къ имперскимъ мародерамъ: ихъ безжалостно убивали. За что краю и въ особенности городу Франкеп-

гаузену пришлось дорого заплатить. Эрфуртъ, пунктъ равно важный для обѣихъ воюющихъ сторонъ, отказался впустить Тилли, не хотѣвшаго на сей разъ употребить силы, вѣроятно по той причинѣ, что городъ могъ защищаться, а для осады его не имѣлось средствъ и потратилось бы много времени. Получивъ несоответственный ожиданіямъ отвѣтъ отъ ландграфа гессенскаго, Тилли изъ окрестности Эрфурта посылалъ нѣсколько отрядовъ въ Шмалькальденъ, Вахъ, Зальцунгенъ и въ Крейцбургъ, неисполнившихъ однако же ничего особеннаго. Наконецъ получены были извѣстія о шведской арміи, которая и заставила Тилли прекратить дѣйствія въ Турингін.

Густавъ Адольфъ, сосредоточивъ армію свою въ Бранденбургъ, хотѣлъ, какъ изъ послѣдствій видно, перейти черезъ Эльбу ниже Магдебурга. Опъ рѣшился на такое движеніе вѣроятно съ тѣмъ, чтобы снова не входить въ напрасную переписку о пропускѣ его черезъ Виттенбергъ и въ надеждѣ вынудить этимъ Тилли возвратиться въ Саксонію. Чѣмъ самымъ и рѣшилось бы, будетъ ли курфирстъ саксонскій на его сторонѣ или на сторонѣ императора. Притомъ онъ вѣроятно зналъ, что курфирстъ, тѣснимый обстоятельствами, былъ готовъ измѣнить своему образу мыслей. Слѣдовательно, чтобы не вступать въ Саксонію до выхода изъ нерѣшимости курфирста, главнаго члена имперіи, не худо было предпринять хотя немного и окольное движеніе; этимъ пріобрѣтался другой берегъ Эльбы, съ котораго уже ничто не могло препятствовать дальнѣйшему движенію въ Саксонію и король сближался черезъ то съ своими подкрѣпленіями, и обезпечивъ переправы черезъ Гавель, способствовалъ присоединенію ихъ къ арміи.

Двадцать осьмага іюня король предпринялъ изъ Бранденбурга большую рекогносцировку всею кавалеріею и двумя тысячами пѣхоты къ сторонѣ Эльбы и перешелъ на другой день въ Іериховъ, потомъ онъ двинулся впередъ почти къ самому Магдебургу; въ

то же время имперскія войска, подъ командою Папенгейма, отступили изъ Бурга въ Магдебургъ. Густавъ Адольфъ, производя рекогносцировку внизъ по Эльбѣ, приказалъ переправиться нѣсколькимъ войскамъ на противоположный берегъ и взять Тангермюнде, занять гарнизономъ замокъ, и небольшими командами Стендаль, Арисбургъ и Вербенъ, также приказалъ онъ собрать всѣ суда къ Тангермюнде и тамъ навести мостъ. Третьяго іюля армія перешла черезъ Эльбу и встала лагеремъ ниже города. Имперскіе гарнизоны въ вышепоименованныхъ городахъ были всѣ взяты въ плѣнъ и отправлены въ главную квартиру. Когда король вышелъ къ нимъ, они бросились на колѣни, чего Густавъ Адольфъ терпѣть не могъ; онъ приказалъ тотчасъ встать, сказавъ: «Передъ однимъ Богомъ должно стоять на колѣнахъ; вы дѣйствовали разбойниками и стоите висѣлицы, но я дарую вамъ жизнь.»

Между тѣмъ получены были извѣстія о приближеніи непріятельской арміи. По этому король избралъ близъ Вербена другую выгониѣйшую позицію, казавшуюся ему особенно сильною. Онъ воспользовался плотинами Эльбы; приспособилъ ихъ къ оборонѣ и всталъ за ними лагеремъ, перевелъ мостъ изъ Тангермюнде и устроилъ небольшое укрѣпленіе въ углѣ сліянія Гавеля съ Эльбою. Гавельбергъ былъ, однако жъ, еще занятъ Имперцами, и потому Шведы атаковали его 9 іюля; непріятель тотчасъ покинулъ городъ, потерявъ, однако жъ, болѣе четырехъ сотъ плѣнными.

Если гавельбергскій гарнизонъ имѣлъ приказаніе не оставлять города, пока не будетъ вынужденъ къ тому непріателемъ, или если считали городъ крѣпостью, то можно объяснить себѣ пребываніе Имперцевъ въ Гавельбергѣ, но нельзя извинить ихъ слабого сопротивленія. Если же этихъ причинъ не существовало, то не понятно, почему командовавшій не выступилъ гораздо ранѣе; городъ не могъ обороняться, армія была далеко, на помощь не было надежды, а противъ шведской арміи гарнизону трудно было устоять.

Тилли направилъ путь свой къ Мансфельду, потомъ шелъ черезъ Амерслебенъ и Магдебургъ и прибылъ 17 іюля къ Вольмирштедту; конницу онъ выдвинулъ далеко впередъ и занялъ тремя полками Бургшталь, Ангернъ и Рейндорфъ.

Можетъ быть покажется страшнымъ, что Густавъ Адольфъ не только отступилъ назадъ, но занялъ даже твердую позицію и приспособилъ ее къ оборонѣ, какъ будто хотѣлъ выждать непріятеля, стоя на мѣстѣ. Но на эти мѣры онъ рѣшился не изъ суетнаго желанія урловнаться съ непріятелемъ въ выгодахъ тактическихъ и стратегическихъ, а единственно потому, что непріятель былъ значительно, и почти въ полтора раза сильнѣе его. Слѣдовательно онъ долженъ былъ, до прибытія ожидаемаго подкрѣпленія, избрать надежныя мѣры осторожности, не лишавшія его возможности сопротивляться и напоминать о себѣ непріятелю наступательными дѣйствіями. Это было въ характерѣ его, и вскорѣ представился къ тому случай.

Извѣстясь, что генералъ Тилли выслалъ далеко впередъ три конные полка, король, можетъ быть, сообразилъ, что неосторожностью такою можно воспользоваться и показать непріятелю, что онъ имѣетъ дѣло съ противникомъ, не принадлежащимъ къ числу робкихъ или непредпріимчивыхъ. Рѣшившись атаковать сія полки, не давъ имъ времени оправиться послѣ форсированнаго марша, онъ сосредоточилъ отрядъ конницы въ Арисбургъ и 17 же числа двинулся съ нимъ до Бельгена. Послалъ отсюда разъѣзды и того же числа узналъ, что непріятель успѣлъ двинуться еще впередъ, и находится въ разстояніи не болѣе четырехъ миль. Для бѣльшей достовѣрности, король вторично послалъ въ разъѣздъ штабъ-офицера съ отрядомъ, который, возвратясь вечеромъ съ пятью плѣнными, донесъ, что непріятель уже занялъ вышеупомянутые города. Густавъ Адольфъ тотчасъ выступилъ и прибылъ съ наступленіемъ ночи къ Бургшталу, гдѣ и раздѣлилъ

войска свои на три отряда. Рейнграфу Оттону Людвигу поручилъ съ однимъ отрядомъ атаковать Бургшталь; генерала Баудиссина съ другимъ направилъ на Ангернъ, а съ третьимъ пошелъ самъ между двумя первыми отрядами.

Бургшталь взяли; находившійся тамъ полкъ частью былъ побитъ, частью разбѣжался; обозъ достался Шведамъ.

Направленіе короля навело его на деревню Рейндорфъ; стоявшій тамъ полкъ, бывъ предувѣдомленъ о приближеніи Шведовъ, успѣлъ построиться передъ деревнею; король, не имѣвъ при себѣ болѣе трехъ сотъ конныхъ, стремительно ударилъ на непріятеля, смаялъ его и обратилъ въ бѣгство. При семъ случаѣ Густавъ Адольфъ, ворвавшись самъ въ ряды непріятеля, былъ окруженъ и погибъ бы, если бы не былъ вырученъ однимъ офицеромъ Гаральдомъ Штаке, бывшимъ впоследствии шведскимъ государственнымъ совѣтникомъ. Темнота благопріятствовала бѣгству непріятеля; однако жъ обозы были отбиты. Король велѣлъ зажечь деревню, чтобъ отвлечь людей отъ грабежа. Атака третьяго отряда на Ангернъ удалась также совершенно. Непріятель потерялъ триста человекъ убитыми и много плѣнныхъ.

Король не заблагоразсудилъ преслѣдовать непріятеля; надобно было опасаться, что Тилли встревожится, потому что нѣкоторыя шведскія войска въ первомъ пылу доходили даже до Вольмирштеда. По сей причинѣ Густавъ Адольфъ отступилъ къ Бельгену, однако жъ онъ ожидалъ непріятеля въ Штендалѣ еще 18 числа; потомъ возвратился въ Вербенъ. Можно нѣкоторымъ образомъ представить себѣ впечатлѣніе этихъ дѣйствій на непріятельскаго главнокомандующаго; Тилли, хотя и не пренебрегалъ Густавомъ Адольфомъ, подобно Валленштейну, но полагалъ, говорятъ, что онъ не имѣетъ достаточныхъ силъ, чтобы устоять въ войнѣ съ императоромъ. Теперь онъ по-крайней-мѣрѣ видѣлъ, какимъ образомъ Густавъ Адольфъ умѣлъ за-

щипаться, и долженъ былъ согласиться, что король шведскій не такъ легкомысленно отважился на неравный бой, какъ онъ полагалъ. Блестательный подвигъ доказалъ способность юнаго пылкаго монарха, недостатокъ котораго заключался единственно въ томъ, что онъ не довольно шадилъ себя. Порокъ, которому непричастны были современные ему монархи.

Отважность, обнаруживавшаяся въ Густавѣ Адольфѣ во многихъ случаяхъ, составляла одну изъ главнѣйшихъ особенностей характера его, и не должна быть упущена изъ вида. Онъ обыкновенно былъ кротокъ, уступчивъ, набоженъ и доброжелателенъ ко всѣмъ окружающимъ его, рѣдко предавался порывамъ гнѣва и не легко забывалъ свое королевское достоинство, слѣдовательно на него должно обращать болѣе вниманія и судить о немъ, какъ объ особенномъ явленіи. Отважность не можетъ никогда быть обязанностію царей, подобно прочимъ начальниковъ, долженствующимъ иногда жертвовать собою; случайныя выгоды въ войнѣ не могутъ сравняться съ важностію, сопряженною съ достоинствомъ монарха; чему же можно приписать такой избытокъ личной храбрости въ Густавѣ Адольфѣ, какъ ни врожденной склонности находить удовольствіе въ опасностяхъ, въ отвагѣ, однимъ словомъ, въ борьбѣ со всѣмъ тѣмъ, что можетъ угрожать самостоятельности мужа? По-крайней-мѣрѣ неоспоримо, что въ людяхъ весьма рѣдкое качество предпочитать удовлетвореніе воли своей всѣмъ благамъ въ мірѣ, особенно въ тѣхъ, которые, обладая великими благами міра, подвергаются лишиться многого.

Вѣроятно, что удовольствіе, доставляемое такою организаціею душевныхъ силъ, совершенно иное, нежели то, какое ощущаютъ обыкновенные смертные. Слѣдовательно, можно ли требовать подражанія, да и можно ли ручаться, что расчетливый нашъ умъ не исчезаетъ какъ призракъ при высшемъ напряженіи нашей воли.

Стремясь къ предназначенной цѣли, Густавъ Адольфъ

безъ сомнѣнія забывалъ самъ себя, и въ этомъ состоятъ его оправданіе! Самоотверженіе раждало одушевляющую его предпріимчивость, эту страсть къ войнѣ въ высшемъ смыслѣ, подстрѣкавшую его къ дѣяніямъ, безъ чего справедливое дѣло Германіи осталось бы безъ защитника, и Швеція, можетъ быть, никогда не успѣла бы пріобрѣсть и развить тѣхъ силъ, которыми она навсегда упрочила себѣ мѣсто въ всемірной исторіи.

Послѣ пораженія своего Тилли снялся съ лагеря подѣ Вольмирштедтомъ и двинулся къ Вербену, безъ сомнѣнія съ намѣреніемъ, изгладить боемъ понесенный уронъ. Но должно бытъ онъ нашелъ позицію Густава Адольфа столь сильною, что не рѣшился на атаку, а довольствовался канонадою, слѣдовательно предусмотрительность Густава Адольфа оправдалась; произошли лишь нѣкоторыя кавалерійскія стычки, въ которыхъ начальствовавшіе были по примѣру короля чрезвычайно отважны, отличавшись многими подвигами. Въ особенноти упоминается о генералѣ Баудисинѣ и о герцогѣ Бернгардѣ саксенъ-веймарскомъ, впоследствии извѣстномъ полководцѣ, заслужившемъ при семъ случаѣ особенное вниманіе Густава Адольфа.

Страсть къ отважности не могла не распространиться въ арміи, предводительствуемой столь смѣлымъ вождемъ государемъ. Вліяніе главнокомандующаго уже велико; если же въ немъ соединяется и достоинство государя, то оно чрезвычайно усугубляется. Густавъ Адольфъ считалъ герцога Бернгарда особенно способнымъ, и поручилъ ему вспомошествовать ландграфу гессенскому и предпринять на сей конецъ вербовку людей.

Тилли, не успѣвъ въ своемъ намѣреніи, отступилъ къ Тангермюнде и потомъ къ Вольмирштедту. Армія его весьма уменьшилась отъ побѣговъ. Король шведскій напротивъ получилъ подкрѣпленіе осьми тысячь человекъ, прибывшихъ къ нему съ королевою, супругою его. Въ то же время присталъ къ берегу По-

мераніи маркизь Гамильтонъ съ шестью тысячами человекъ, набранныхъ въ Англіи, которые хотя и были съ четырьмя тысячами Шведовъ посланы подъ командою фельдмаршала Горна въ Силезію, но не принесли большой пользы. При окончаніи кампаніи ихъ число уменьшилось до тысячи пятисотъ, потому что они частью разбѣжались, частью погибли отъ болѣзней; не бывъ приучены къ дисциплинѣ, они были и весьма дурно обучены. Хорошія сношенія съ Англіею вообще прекратились, потому что Густаву Адольфу, какъ говоритъ исторія, были дѣлаемы нѣкоторыя вообще неисполнимыя предложенія; его хотѣли даже принудить къ дѣйствіямъ для возстановленія курфирста пфальцскаго въ его владѣніяхъ.

Напротивъ герцоги мекленбургскіе объявили себя торжественно въ пользу Густава Адольфа, и сей послѣдній поручилъ генералу Тоту очистить мекленбургскія владѣнія отъ непріятеля, что и было исполнено послѣ нѣсколькихъ сраженій. Король отправился въ Гюстровъ и присутствовалъ на приготовленныхъ тамъ празднествахъ, потомъ возвратился опять въ Вербенъ, куда прибылъ ландграфъ гессенскій Вильгельмъ, весьма отличавшійся своею рѣшимостію въ роковомъ тогдашнемъ времени. Заключивъ 12 августа съ королемъ шведскимъ дружественный трактатъ, ландграфъ возвратился въ свои владѣнія.

Вѣроятно по поводу несообразныхъ дѣйствій протестантскихъ членовъ имперіи, Густавъ Адольфъ уже ранѣе предложилъ шведскимъ государственнымъ чинамъ рассмотреть нѣсколько вопросовъ, и отвѣтъ ихъ былъ теперь полученъ. Главнѣйшій вопросъ короля заключался въ слѣдующемъ: «Можетъ ли онъ, въ случаѣ согласія императора на миръ, довольствоваться тѣмъ, что Померанія и Мекленбургія будутъ возвращены древняя свобода, или долженъ онъ требовать возстановленія протестантской вѣры по прежнему и для того продолжить войну?» На это шведскіе чины отвѣчали, что король можетъ довольствоваться пер-

вымъ , потому что поддержаніе протестантизма по истинѣ есть дѣло протестантскихъ членовъ имперіи. Замѣчательное это мнѣніе давало королю полную свободу, и было составлено единовѣрцами. Хотя и не представлялось случая воспользоваться даннымъ совѣтомъ, однако можно усомниться, чтобы король въ состояніи былъ рѣшиться когда либо на сіе: онъ поддерживалъ до сихъ поръ протестантскихъ князей почти противъ ихъ воли. Можно даже утвердительно сказать, что при прощательности своей, онъ навѣрное постигалъ, что съ уничтоженіемъ протестантовъ въ Германіи, возобновятся прежнія покушенія вѣнскаго двора на утвержденіе власти въ Германіи, и не только на покореніе прибрежныхъ земель Балтійскаго Моря, но можетъ быть и на угнетеніе отдаленной протестантской Швеціи.

Послѣ неудачныхъ предпріятій противъ Густава Адольфа, Тилли намѣревался обезоружить курфирста саксонскаго, въ случаѣ же соединенія его съ королемъ шведскимъ, атаковать и разбить обоихъ; это конечно могло бы имѣть рѣшительныя послѣдствія. Онъ надѣялся на превоедство своихъ силъ и присоединилъ къ себѣ корпуса генераловъ Фюрстенберга и Альтрингера, прибывшихъ изъ Италіи съ двадцатью пятью тысячами. Противъ ландграфа гессенскаго былъ посланъ генералъ Фуггеръ съ нѣсколькими тысячами человекъ. Тилли писалъ также грозное письмо къ гессенскимъ чинамъ; оно замѣчательно тѣмъ, что о нѣмецкихъ князьяхъ говорится въ немъ не какъ о независимыхъ, только условно подвластныхъ императору государяхъ, но просто какъ о мятежныхъ вассалахъ. Къ курфирсту саксонскому Тилли послалъ съ нарочнымъ также грозное письмо, увѣщевалъ его и требовалъ, чтобы саксонскія войска были присоединены къ императорскимъ для совокупныхъ дѣйствій противъ Шведовъ; однако отвѣтъ не соотвѣтствовалъ его ожиданіямъ. Курфирстъ просилъ вывести имперскія войска изъ саксонскихъ земель. Генералъ Тилли высту-

пилъ тогда изъ Вольмирштедта и двинулся къ Галле, откуда онъ тщетно повторялъ свои требованія. Курфирстъ уже отправилъ фельдмаршала Арнгейма (Арнима) къ королю шведскому, съ просьбою о помощи. Густавъ Адольфъ, помня дѣйствія курфирста, принялъ Арнгейма очень холодно, но имѣлъ утѣшеніе видѣть, что сей послѣдній былъ наконецъ вынужденъ обстоятельствомъ къ нему же прибѣгнуть подъ покровительство.

Видя холодность короля, Арнгеймъ просилъ его забыть прошлое, и обѣщалъ, что со стороны курфирста всѣ требованія, которыя королю угодно будетъ объявить, будутъ исполнены.

Король требовалъ уступки ему крѣпости Виттенберга, также чтобъ старшій принцъ высланъ былъ къ нему аманатомъ; кромѣ того денежное продовольствіе шведской арміи на три мѣсяца и выдачи всѣхъ измѣнниковъ, засѣдающихъ въ саксонскомъ министерствѣ.

Съ этимъ возвратился Арнгеймъ къ курфирсту, который, выслушавъ условіе, воскликнулъ: «Не только Виттенбергъ, но и вся Саксонія открыта для него; а аманатами дамъ ему всю мою семью и самого себя.»

Отвѣтъ курфирста до того тронулъ короля, что онъ отказался отъ всѣхъ своихъ требованій, объявивъ, что онъ доволенъ будетъ, если курфирстъ будетъ довольствоваться его армію деньгами одинъ мѣсяць, обѣщая вознаграждать и эти издержки. Такимъ образомъ состоялся 1 сентября 1631 трактатъ между королемъ и курфирстомъ.

Исслѣдовать, что могъ или долженъ былъ Тилли въ это время предпринять, хотя и выходитъ по истинѣ изъ предмета сего сочиненія; однако жъ неоспоримо, что онъ долженъ былъ дорожить временемъ: курфирстъ саксонскій не присоединялся къ сторонѣ императора, а уже извѣстно было, что Густавъ Адольфъ шелъ на соединеніе съ нимъ, то благоразумнѣйшимъ

было, не теряя времени, идти противъ Саксонцевъ до соединенія ихъ съ Шведами. Обстоятельство, что Тилли имѣлъ ложныя понятія о Густавѣ Адольфѣ и о силахъ его, не можетъ служить ему извиненіемъ. Не простительно было медлить атакою, которая менѣе требовала средствъ, а при успѣхѣ имѣла бы моральное дѣйствіе на войска. Упустить такой случай не благоразумно даже при величайшемъ превосходствѣ въ силахъ. Нельзя не оправдать вполне генерала Паппенгейма, совѣтовавшаго, какъ говорятъ, предпринять атаку.

Положеніе Густава Адольфа безъ сомнѣнія чрезвычайно улучшилось союзомъ съ Саксоніею. Но силы, имѣвшія поступить въ его распоряженіе, начинали еще только формироваться, и всѣ его союзники, какъ то: курфирстъ бранденбургскій, герцоги померанскій и мекленбургскіе, равно какъ и ландграфъ гессенскій не могли на первый случай принести ему значительной пользы. Слѣдовательно надобно было въ управленіи дѣйствіями руководствоваться великою осторожностію и смѣлостію: не упускать изъ виду возможность неудачи, но и не предаваться излишнему опасенію. Тутъ Густавъ Адольфъ явился великимъ мастеромъ своего дѣла и лучшимъ образомъ: генералу необходимо обладать этою способностію, чтобы надѣяться на себя.

Всѣ писатели увеличивали опасность положенія короля, утверждая, что съ потеряннымъ сраженіемъ Германія подверглась бы пораженію; что Пруссія подчинилась бы владычеству Польши, а король датскій вторгнулся бы въ Швецію, однимъ словомъ, будто бы все пропадало при малѣйшемъ несчастіи*. Совершенное пораженіе было не вѣроятно: можно было вести дѣйствія съ осторожностію и такой переворотъ не могъ совершиться вдругъ. Мнѣніе этихъ писателей является слѣдовательно мечтою восторженнаго

* Mauvillion Histoire etc. стр. 367.

воображенія, которое не может имѣть мѣсто въ сужденіяхъ о дѣлѣ военномъ. Пока имѣется армія, хотя и гораздо слабѣйшая непріятельской, до тѣхъ поръ еще ничего не потеряно; только мнѣніе о возможности совершеннаго пораженія вредно и опасно. Густавъ Адольфъ терпѣть не могъ подобнаго образа мыслей, обнаруживающагося въ затруднительныхъ обстоятельствахъ, словами: «все пропало, ни что не поможетъ *». Воинственность его питала всегда надежду въ немъ, и научала его въ отчаяннѣйшихъ обстоятельствахъ отыскивать благопріятствующую сторону. Эта способность споспѣшествовала много его успѣхамъ и заслуживаетъ особеннаго вниманія.

Присоединивъ къ себѣ подкрѣпленіе изъ Помераніи, король расположилъ войска свои въ Вербенѣ, Ратеновѣ и Бранденбургѣ и двинулъ армію, когда состоялся наконецъ трактатъ съ курфирстомъ саксонскимъ къ Виттенбергу, гдѣ 3 сентября перешелъ черезъ Эльбу и на другой день при Дюбенѣ соединился съ Саксонцами. Тилли, занимавшій города Наумбургъ, Мерзебургъ и Галле, двинулся къ Скеудицу и 2 сентября расположился лагеремъ между Эйтричемъ и Меккерномъ, близъ Лейпцига, который онъ послѣ нѣкоторыхъ переговоровъ занялъ. Имѣвшіяся въ тылу сей позиціи дефилеи были кажется причиною, что Тилли колебался, приять ли здѣсь сраженіе или пройти сквозь Лейпцигъ и расположиться такъ, чтобъ городъ былъ впереди фронта. Если бы онъ это исполнилъ, то королю шведскому досталось бы разрѣшить гораздо труднѣйшій вопросъ и результаты были бы вѣроятно совсѣмъ иные. Что Тилли находился въ нерѣшимости, обнаруживается кажется и неопредѣленностью распоряженій его; главная же невыгода занимаемой позиціи заключалась въ трудности обозрѣть поле сраже-

* Подобныя выраженія выводили изъ себя Блюхера въ 1806 году, при отступленіи его къ Любеку; воспоминанія о нихъ заставляли его и въ поздніе годы еще забывать приличіе въ своихъ рѣчахъ.

нія, отъ чего утрачивалась связь между частями войскъ и не возможно было соразмѣрять ихъ движенія.

Описанія послѣдовавшей за симъ битвы составлены большею частію людьми не военными; самый ходъ сраженія излагается неудовлетворительно, сбивчиво и неправдоподобно. Они только старались представить живописную картинну, и самъ Шиллеръ, не удовлетворяя читателя въ семь случаевъ, служитъ доказательствомъ, что и великимъ умамъ случается имѣть сбивчивыя понятія и употреблять выраженія, дающія поводъ къ ложнымъ заключеніямъ о важнѣйшихъ военныхъ событіяхъ. Шиллеръ говоритъ: «два величайшіе полководца своего времени и такъ далѣе, должны были теперь въ послѣдній разъ испытать другъ друга; одинъ изъ двухъ долженъ былъ оставить славу свою на полѣ сраженія и такъ далѣе.» Какой читатель, въ особенности изъ молодыхъ, не представитъ себѣ изъ этихъ словъ битву отважнѣйшихъ во-банкомъ, гдѣ на одну карту ставится вся трудами пріобрѣтенная слава, предпочитаемая самой жизни! На самомъ же дѣлѣ оно бываетъ не такъ и военному полезно смотрѣть на этотъ предметъ съ вѣрной точки зрѣнія.

Когда генераль здраво обсудилъ причины, побуждающія его дать сраженіе, когда всѣ его распоряженія таковы, что все кажется предусмотрѣннымъ, что на все обращено вниманіе, и что слѣдовательно не остается чѣмъ упрекнуть его: тогда онъ имѣетъ полное право предоставить счастлию самую развязку сраженія; иначе онъ никогда не пересталъ бы распоряжаться и впавъ черезъ то еще въ большія ошибки, заслужилъ бы справедливое порицаніе. Дѣйствительно! Сомнительна слава полководца, когда простой оборотъ счастья можетъ его лишить оной. Никто изъ смертныхъ не можетъ управлять счастьемъ, а потому никто и не можетъ быть виновенъ, что счастье ему болѣе не улыбается. Это доказывается многими сраженіями, проигранными дѣйствительно отличными генералами, не помрачившими славы своей неудачами,

бываютъ даже случаи, въ которыхъ полководецъ въ несчастіи выигрываетъ еще въ общемъ мнѣніи. А потому желательно, чтобъ вывелись всѣ заблужденія о жертвованіи въ сраженіяхъ славою; они вредятъ всякой предпринимчивости. Должно бы принять за непреложную истину, что слава полководца, дѣйствительно заслуженная, зависитъ не отъ счастья, но отъ благо-разумныхъ распоряженій и удачнаго ихъ выполненія, сколько отъ главнокомандующаго зависѣть можетъ. Въ этомъ случаѣ общее мнѣніе ничего не доказываетъ и преобладаетъ обыкновенно только короткое время; истинная слава, сохраняющаяся и въ позднѣйшемъ потомствѣ, не можетъ страдать отъ молвы.

По соединеніи съ курфирстомъ саксонскимъ, коего армія состояла почти изъ шестнадцати тысячъ, силы Густава Адольфа простирались до сорока тысячъ человекъ; король шведскій, не приступая еще къ распоряженіямъ, предшествующимъ бою, собралъ военный совѣтъ, въ которомъ присутствовали курфирсты саксонскій и бранденбургскій. Король не скрывалъ отъ нихъ, что въ генеральномъ сраженіи участь королевства и двухъ курфиршествъ будетъ зависѣть отъ успѣха оружія и напоминалъ имъ, что счастье непостоянно. Между тѣмъ нельзя сомнѣваться, чтобъ онъ не постигалъ неизбежности сраженія. Что было бы, еслибъ союзники теперь еще хотѣли уклониться отъ рѣшительнаго сраженія? А потому вѣроятно, что Густавъ Адольфъ, рѣшившись самъ на бой, представлялъ дѣло отважнымъ, чтобы только выиграть во мнѣніи присутствовавшихъ союзниковъ и князей, и явить себя полководцемъ осторожнымъ, заслуживающимъ во всѣхъ отношеніяхъ полного довѣрія своимъ умомъ и осмотрительностью; вывѣдывая вмѣстѣ съ тѣмъ и образъ мыслей присутствующихъ, онъ даже не скрывалъ, что находился въ выгоднѣйшемъ положеніи, нежели оба курфирста.

Курфирстъ саксонскій являлъ образъ мыслей, совершенно отвѣтствовавшей желаніямъ короля. Онъ дока-

зываетъ необходимость атаковать непріятеля, чтобъ прекратить наконецъ бѣдственность настоящаго положенія дѣлъ; и хотѣлъ даже идти одинъ съ своимъ войскомъ къ Лейпцигу, чтобъ атаковать Тилли; слѣдовательно дѣло не подлежало долгому пренію; король требовалъ только, чтобъ немедленно атаковать непріятеля и до прибытія генераловъ Альтрингера и Тифенбаха, слѣдовавшихъ къ Тилли съ подкрѣпленіемъ.

Седьмого сентября шведско-саксонская армія выступила двумя колоннами, съ авангардами впереди. Колонны построены были справа, Шведы шли правѣе большой дороги изъ Дюбена въ Лейпцигъ, а Саксонцы по большой дорогѣ; въ такомъ порядкѣ они перешли небольшою ручей Лобербахъ при деревнѣ Шелькау.

Узнавъ о приближеніи непріятельской арміи, Тилли оставилъ свой лагерь при Эйтричѣ, двинулся впередъ двумя колоннами и построился правымъ крыломъ передъ деревнею Зегаузенъ, а лѣвымъ передъ деревнею Брейтенфельдъ. Обѣ арміи были почти равны. Описание сраженія въ тактическомъ отношеніи не можетъ входить въ предметъ сего сочиненія, однако же надобно упомянуть о его главнѣйшихъ моментахъ, потому что ими выражаются личныя качества Густава Адольфа и его противника; при этомъ можно придерживаться сочиненія * одного прусскаго офицера, при которомъ имѣется и планъ, составленный по мѣстнымъ изслѣдованіямъ. Изъ всѣхъ описаній брейтенфельдскаго сраженія это вѣрнѣйшее и надежнѣйшее.

Авторы обыкновенно описываютъ поле сраженія при Лейпцигѣ очень гористымъ и утверждаютъ, что нѣкоторыя высоты командуютъ окрестностью на значи-

* Discours d'un officier prussien sur les batailles de Breitenfeld et de Lutzen avec les plans levés sur le terrain par l'auteur du discours, помѣщенное въ Histoire des dernières campagnes de G. A. traduit de l'Italien par Mr. de Francheville, сочиненіе, приписываемое, какъ уже упомянуто было, покойному полковнику Штам-орту.

тельномъ разстояніи, между тѣмъ какъ волнообразность мѣстности представляетъ только весьма пологія покатости и крутыхъ высотъ вовсе нѣтъ. Превратное понятіе о мѣстоположеніи дало писателямъ поводъ къ ложнымъ мнѣніямъ и заключеніямъ, искажающимъ все дѣло. Такъ напримѣръ многіе пишутъ, что Густавъ Адольфъ расположилъ артиллерію на горахъ, а пѣхоту передъ нею при подошвахъ горъ, такъ что орудія дѣйствовали черезъ головы пѣхоты. Подобное утвержденіе заключаетъ въ себѣ уже пелѣность: артиллерія была бы лишена возможности производить наступательныя движенія; однако жъ ученые не преминули приписать потерю сраженія Имперцами именно сему распоряженію. Между тѣмъ причина тому была другая. Также мало основательно мнѣніе писателей, будто бы имперская армія была построена только въ одну линію. По достовѣрнымъ извѣстіямъ истина заключается въ слѣдующемъ.

Тилли построился въ двѣ боевыя линіи между Зегаузенемъ и Брейтенфельдомъ, имѣя кавалерію по флангамъ, а резервъ на отлогомъ возвышеніи за фронтомъ; подъ прикрытіемъ сего резерва были двѣ большія батареи. Авторъ сочиненія, принятаго нами въ руководство, замѣчаетъ, что Тилли въ отношеніи къ мѣстности, избралъ самое выгодное расположеніе для принятія генеральнаго сраженія, позиція была удободоступна, отсюду открыта и представляла всѣ способы, могущіе споспѣшествовать искусному генералу и хорошему войску одержать блистательную побѣду, и что слѣдовательно Тилли искалъ боя, и произвольно оставилъ выгодную позицію при Эйтричѣ, гдѣ онъ могъ выждать атаку непріятеля.

Густавъ Адольфъ занималъ авангардомъ переправу черезъ Лоберъ; Тилли послалъ генерала Паппенгейма съ двумя тысячами конницы, чтобъ задержать его въ этомъ мѣстѣ; надобно было подкрѣпить Паппенгейма другими двумя тысячами конницы. Наконецъ онъ отступилъ и зажегъ часть Подельвица, что заставило

короля дѣлать обходъ около деревни. Въ это время началась пальба изъ орудій, во время которой король построилъ свои войска правымъ крыломъ, состоявшимъ изъ шведскихъ войскъ, противъ деревни Подельвицъ, а лѣвымъ, составляемымъ Саксонцами, за деревнею Гсшпельвицъ, въ двѣ боевыя линіи съ резервомъ. У Шведовъ конница находилась на обонхъ флангахъ; у Саксонцевъ она составляла, за пѣхотою, вторую линію; посреди арміи на холмѣ находилась огромная батарея. По этому кажется, что Густавъ Адольфъ строилъ армію свою подъ неприятельскимъ огнемъ; между тѣмъ какъ, судя по плану, разстояніе было все еще болѣе двухъ тысячъ шаговъ.

Король двинулъ армію впередъ, такъ что обѣ вышеупомянутыя деревни остались за боевою линіею. Такимъ образомъ фланги обѣихъ сражающихся армій не примыкали болѣе къ какимъ-либо препятствіямъ, но были совершенно открыты, это обстоятельство и послужило поводомъ къ тому, что Имперцами были предприняты нѣкоторыя движенія, которыя могли быть удачны только при хорошемъ ихъ соображеніи и если бы были надлежащимъ образомъ поддержаны.

Паппенгеймъ командовалъ лѣвымъ крыломъ Имперцевъ, находившимся нѣсколько ближе къ шведскому правому крылу, нежели остальные части боевой линіи. Замѣтивъ, что при движеніи шведской арміи впередъ открылся правый ихъ флангъ, примыкавшій къ деревнѣ Подельвицъ, Паппенгеймъ стремительно атаковалъ его, произведя захожденіе на право. Генералъ Баннеръ противопоставилъ ему кавалерію праваго крыла и второй линіи, произведя въ свою очередь захожденіе на право и назадъ, чтобы загнувъ флангъ глаголемъ, встрѣтить неприятеля фронтомъ; Имперцы были семь разъ опрокидываемы. Посему надо полагать, что противодѣйствія генерала Баннера Паппенгейму были произведены въ надлежащій моментъ.

Между тѣмъ кавалерія праваго крыла Имперцевъ

пошла въ атаку на Саксонцевъ, опрокинула ихъ и обратила въ совершенное бѣгство. Тогда, чтобы совсѣмъ охватить непріятельскую армію, Тилли двинулъ вторую линію въ интервалы первой, и сформировалъ изъ всѣхъ войскъ огромныя массы, которыя состояли каждая изъ нѣсколькихъ бригадъ, вѣроятно съ тѣмъ, чтобы ими разорвать непріятельскій центръ. Его резервъ и артиллерія остались на возвышеніи, а кавалерія Имперцевъ атаковала въ это время лѣвый флангъ Шведовъ.

Но въ это мгновеніе на правомъ флангѣ Шведовъ сраженіе приняло уже невыгодный оборотъ для Паппенгейма, и король могъ оттуда отрядить значительную часть войска для прикрытія своего лѣваго фланга; эти войска вѣроятно ударили на правый непріятельскій флангъ. Самъ король поспѣшилъ на свой лѣвый. Говорятъ особенно полезно было здѣсь, что шведскіе эскадроны имѣли за собою пѣхоту: при атакахъ непріятеля они раздавались въ стороны и наводили его неожиданно на ружейный огонь пѣхоты, потомъ врубались опять въ него. Слѣдовательно пѣхота тогда замѣняла нѣкоторымъ образомъ пынѣшнюю нашу конную артиллерію; и этимъ нѣсколько объясняется причина смѣшенія родовъ войскъ.

Огромныя массы Тилли были не поворотливы и тяжелы въ сравненіи съ ловкими и удобовиджимыми баталіонами и эскадронами Шведовъ онѣ не могли также и владѣть оружіемъ своимъ съ такимъ удобствомъ, какъ противники ихъ. Паппенгеймъ, разбитый Баннеромъ, отступалъ черезъ Брейтенфельдъ, чтобы выдти на дорогу въ Гальберштатъ. Король приказалъ преслѣдовать его по сему направленію и обезпечивъ тѣмъ свое правое крыло, произвелъ всею арміею движеніе, требовавшее въ тѣхъ обстоятельствахъ высокой степени стойкости и навыка войскъ, чѣмъ и рѣшилось все сраженіе.

Сіе движеніе состояло въ перемѣнѣ фронта правымъ

флангомъ впередъ въ одну-осьмую круга *; слѣдствіемъ его было, что король вскорѣ овладѣлъ большими батареями, стоявшими за среднюю имперской арміи и начавшими тогда дѣйствовать. Атака на лѣвый флангъ непріятельской арміи привела ее въ весьма опасное положеніе, потому что въ то же время лѣвый флангъ Шведовъ, подъ командою фельдмаршала Горна, атаковалъ ихъ справа, а пѣхота шведская съ фронта, такъ, что Имперцы только отличнымъ мужествомъ могли открыть себѣ отступленіе. Безпорядокъ сдѣлался общимъ. Шведы сильно тѣснили бѣгущихъ, и Тилли, едва не попавшійся въ плѣнъ, отступилъ въ Галле съ малыми остатками своей арміи и въ сопровожденіи генераловъ Фюрстенберга и Кроненберга. Ночь благоприятствовала побѣгу и только въ Гальберштатѣ Тилли соединился съ Паппенгеймомъ.

Такъ кончилось важное брейтенфельдское сраженіе, замѣчательное тѣмъ, что армія Густава Адольфа, будучи сильно атакована съ обоихъ фланговъ, тѣмъ не менѣе одержала совершенную побѣду; чѣмъ и доказывается, что фланговые атаки не влекутъ за собою

* Въ новѣйшія времена не хотѣтъ вѣрять этому захожденію правымъ плечомъ, но какъ же объяснить причины мгновеннаго рѣшенія сраженія? взятіе батарей за непріятельскою арміею? и безпорядка, въ который приведена была имперская армія? Такъ ли произведено было это движеніе, какъ дѣлается на плацъ-парадѣ или иначе — это не измѣняетъ дѣла. Должно полагать, что захожденіе было произведено потому, что шведскому королю нужно было, во 1-хъ, принять опять параллельное Имперцамъ положеніе, когда сіи послѣдніе разбили саксонскую армію и взяли его во флангъ, и во 2-хъ, чтобы овладѣть батареями, которыя оставались не прикрыты и находились за лѣвымъ непріятельскимъ крыломъ, но гораздо лѣвѣе ихъ лѣваго фланга. Возраженіе, будто бы нельзя производить захожденія въ шести шереножномъ строѣ, ничего не опровергаетъ; Пруссаки удобно производятъ ихъ въ баталіонныхъ колоннахъ.

Падобно замѣтить, что перемѣна фронта не прежде была предпринята Шведами, какъ послѣ пораженія лѣваго крыла Имперцевъ, потому что Густавъ Адольфъ именно по сей же причинѣ и могъ прежде подкрѣпить свой лѣвый флангъ войсками, взятыми съ праваго, потому что тамъ они были лишніи.

неизбѣжной гибели, въ особенности если непріятель, производя атаку, нарушаетъ связь частей своихъ войскъ.

Однако жъ надобно и признаться, что атаки имперской арміи были предпринимаемы безъ надлежащей связи между собою; онѣ производились, кажется, на удачу, что лишало главнокомандующаго средствъ управлять боемъ. Онъ невольнымъ образомъ долженъ былъ дѣлать погрѣшности, когда разбивъ Саксонцевъ, видѣлъ пораженіе своего лѣваго фланга. Если Тилли увлекся, какъ говорятъ, чрезмѣрною запальчивостію и горячностію въ пораженіи бѣгущихъ Саксонцевъ, то это была также большая погрѣшность съ его стороны тѣмъ болѣе, что онъ тутъ же видѣлъ ошибку Паппенгейма, нарушившаго такимъ же дѣйствіемъ связь частей боевой линіи. Тилли очевидно довершилъ ошибку Паппенгейма своимъ дѣйствіемъ, и каждый изъ нихъ могъ упрекнуть другаго. Паппенгеймъ тѣмъ могъ упрекнуть Тилли, что не былъ во время поддерживаемъ въ своихъ атакахъ, а Тилли Паппенгейма, что послѣдній не примкнулъ къ арміи во время. Главнѣйшая же ошибка Тилли заключалась въ томъ, что онъ обратилъ всѣ свои главные силы единственно противъ Саксонцевъ и лишилъ себя тѣмъ своей второй боевой линіи.

Густава Адольфа распоряженія показываютъ напротивъ прозорливость и хладнокровіе. Онъ всегда присутствовалъ тамъ, гдѣ могъ всѣмъ управлять и является полководцемъ, вполне заслуживающимъ удивленія потомства. Образъ дѣйствій шведскаго короля показываетъ намъ его такимъ, какимъ онъ былъ дѣйствительно; слѣдовательно критическое изслѣдованіе онаго дѣлается излишнимъ.

Почти вся имперская армія, состоявшая подъ предводительствомъ Тилли, была уничтожена. Говорятъ, что въ Галле онъ привелъ только шестьсотъ человѣкъ, а въ Гальберштатѣ онъ нашелъ въ отрядѣ Паппенгейма не болѣе тысячи четырехъ сотъ человѣкъ. Обозы, вся артиллерія и больше ста знаменъ были поте-

ряны, убитыхъ было до семи тысячъ, въ плѣнъ взятыхъ и раненыхъ до шести тысячъ, многіе разсѣялись во всѣ стороны, самъ Тилли былъ раненъ. Саксонцы потеряли двѣ тысячи; Шведы, какъ говорятъ, не болѣе семи сотъ человѣкъ.

Густавъ Адольфъ, проникнутый свойственнымъ ему благоговѣніемъ и чувствомъ благодарности къ Всевышнему, по разбитіи непріятеля, преклонилъ колѣно на самомъ полѣ сраженія и молился въ слухъ.

Это обстоятельство такъ ясно выражаетъ образъ мыслей сего мужественнаго и великаго полководца, что не можетъ быть упущено въ сочиненіи, посвященномъ изображенію его характера. Такимъ чувствамъ соотвѣтствовала и скромность его въ отношеніи собственныхъ заслугъ; удачу въ семъ сраженіи онъ приписывалъ болѣе помощи свыше и храбрости войскъ, нежели своимъ распоряженіямъ. Это давало ему средство оставаться неувоеннымъ счастіемъ и пользоваться тѣмъ болѣе съ хладнокровіемъ своими великими дарованіями.

Послѣ сраженія курфирстъ саксонскій прибылъ къ шведскому королю, который благодарилъ его за совѣтъ, атаковать непріятеля и, какъ говорятъ, увѣрялъ, что онъ будетъ преслѣдовать стараго капрала (подразумѣвая Тилли) до конца свѣта*. Курфирстъ, тронутый обращеніемъ короля, клялся употребить все, чтобы доставить ему римскую корону. Это усердіе было принято королемъ благосклонно, и по-крайней-мѣрѣ могло возродить въ немъ мысли, бывшія чуждыми ему до того времени. Густавъ Адольфъ провелъ ночь на полѣ сраженія; на слѣдующій день онъ поручилъ курфирсту саксонскому осаду Лейпцига, а самъ преслѣдовалъ непріятеля съ тысячею пятьюстами человѣкъ до Мерзбурга; дорогою онъ разбилъ встрѣтившійся ему значительный непріятельскій отрядъ, и взялъ въ плѣнъ три тысячи человѣкъ, которые поступили

* Soldat Svedois, p. 78.

большою частию въ шведскую службу. Такимъ приращеніемъ вознаградилась не только убыль людей, но вскорѣ армія сдѣлалась даже многочисленнѣе, нежели она была до сраженія.

Мерзебургъ, Галле и Морицбургъ покорились Шведамъ и гарнизоны ихъ пополнили также ряды шведской арміи. Между тѣмъ Тилли отступалъ черезъ Гальберштатъ въ Гильдесгеймъ и наконецъ въ Корвей, гдѣ его подкрѣпили три пѣхотные и одинъ конный полкъ, кромѣ того онъ имѣлъ корпусъ генерала Алтрингера, который во время сраженія дошелъ до Эрфурта, послѣ же сраженія получилъ повелѣніе соединиться съ корпусомъ генерала Фуггера и слѣдовать въ графство геннебергское*.

По покореніи Лейпцига курфирстъ саксонскій прибылъ къ Густаву Адольфу въ Галле, гдѣ они совѣтовались о дальнѣйшихъ своихъ дѣйствіяхъ.

Теперь имъ очевидно представлялись три главныхъ предмета дѣйствій, на которые нужно было обратить вниманіе: 1) преслѣдовать генерала Тилли, 2) вооружить протестантскихъ князей имперіи и совокупить ихъ силы, 3) итти въ наслѣдственныя владѣнія австрійскія и поражать непріятели въ сердце его могущества. На первое они не рѣшились потому, что хотѣли шадить нижне-саксонскій округъ, который былъ чрезвычайно разоренъ. Въмѣсто втораго пункта положили обратить дѣйствія противъ владѣній, принадлежащихъ князьямъ Лиги, а исполненіе третьяго пункта возложено было на курфирста саксонскаго, который хотя и предпочиталъ дѣйствовать на Рейнѣ, но Густавъ Адольфъ опасался, что Тилли успѣетъ на Везерѣ собрать значительную армію, а курфирстъ и фельдмаршалъ его Арнимъ не будутъ ему надежными противниками. Такимъ образомъ рѣшили, чтобъ курфирсту итти въ Силезію, королю же въ Турингію, къ верхнему Рейпу, въ Франконію и Баварію.

* См. *Soldat Svedois*, p. 79.

Это распоряженіе уже многократно было порицаемо. Фолардъ, своимъ образомъ воззрѣнія, и весьма неудачно сравниваетъ короля шведскаго съ Ганнибаломъ, послѣ битвы при Каннахъ. Миѣніе канцлера Уксеншерны кажется въ семь случаѣ разрѣшаетъ вопросъ; канцлеръ, встрѣтясь съ королемъ въ первый разъ послѣ сраженія, сказалъ: «Я радъ видѣть Ваше Величество побѣдителемъ и увѣнчаннымъ лаврами, по радовался бы еще болѣе, если бъ видѣлъ васъ въ Вѣнѣ.» Двадцать лѣтъ спустя этотъ государственный человѣкъ былъ еще того же миѣнія. «Что, если бъ король послѣ лейпцигскаго сраженія, не ходя за Рейнгъ, пошелъ бы прямо въ австрійскія владѣнія, то императоръ нашелся бы вынужденнымъ согласиться на миръ, какія бы ни были условія его.» Уксеншерна говорилъ это публично передъ сенатомъ въ Стокгольмѣ.

Мовильонъ * хотя старается оправдать короля, но его доводы слабы; онъ говоритъ: что если бъ Фердинандъ II и былъ вынужденъ оставить на время свою столицу, то это еще не заставило бы его заключить миръ и довольствоваться условіями, какія бы ему были предложены; далѣе, что какъ курфирсты саксонскій и бранденбургскій многимъ были обязаны Густаву Адольфу, то можно было надѣяться, что и другіе не отказались бы содѣйствовать къ избранію его въ римскіе короли; наконецъ, напомнивъ о малочисленности шведскихъ войскъ въ то время, онъ присовокупляетъ, что никто не можетъ считать себя прощательнѣе короля шведскаго, а слѣдовательно никто и не можетъ судить о его дѣйствіяхъ.

При всемъ должномъ уваженіи къ памяти Густава Адольфа, потомство, однако жъ, въ правѣ судить о дѣяніяхъ его по историческимъ фактамъ и даже обязано для собственнаго поученія, изслѣдовать образъ дѣйствій великихъ мужей; не съ тѣмъ, чтобы осуж-

* Histoire de G. A., p. 388.

*

дать ихъ, но чтобы открывать истину и пользоваться примѣромъ.

На семъ основаніи мы позволимъ себѣ слѣдующія замѣчанія:

Тилли, хотя и былъ разбитъ на голову, имѣлъ, однако жъ, кромѣ корпусовъ Альтрингера и Фуггера, еще много средствъ, и присоединивъ къ себѣ гарнизоны городовъ и набравъ рекрутъ, онъ могъ снова явиться въ поле, если бъ ему дали время; какъ это дѣйствительно впоследствии и было. Следовательно надлежало преслѣдовать его, не позволяя пробывать въ какой либо странѣ и не останавливаться до тѣхъ поръ, пока всѣ его войска будутъ истреблены или разсѣяны. Для того достаточно было осьми тысячъ человекъ, король могъ назначить корпусъ собственно только для сей цѣли, поручивъ его одному изъ отличныхъ генераловъ, какъ-то Баннеру или Горну. Если бъ удалось еще разъ разбить Тилли, съ его остаткомъ изнуренныхъ войскъ, тогда вторичное появленіе его въ Баваріи сдѣлалось бы почти невозможнымъ. Этотъ преслѣдовавшій корпусъ могъ бы впоследствии присоединиться къ войскамъ, дѣйствовавшимъ въ Турингіи, Франконіи или и на Рейнѣ, смотря по обстоятельствамъ. Что же касается до поддержанія и вооруженія протестантскихъ князей, то это могъ исполнить курфирстъ саксонскій, двинувшись съ половиною своихъ войскъ въ Турингію и оттуда во владѣнія гессенскія, или въ Франконію, гдѣ очистивъ страну отъ непріятеля, онъ присоединилъ бы къ себѣ герцоговъ саксонскихъ эрнестинской линіи, а также и ландграфа гессенскаго. Утверждаютъ, что Густавъ Адольфъ, послѣ лейпцигскаго сраженія, набравъ охотниковъ, увеличилъ тѣмъ свою армию болѣе, нежели она была до сраженія. Но хотя бы численность ея осталась прежняя, то есть, сорокъ тысячъ человекъ, то, взявъ осемь тысячъ для преслѣдованія Тилли и столько же для отряда курфирста саксонскаго, у короля осталось бы двадцать четыре тысячи,

которыхъ было бы весьма достаточно, тѣмъ болѣе, что не имѣлось имперской арміи для прикрытія австрійскихъ владѣній, и не было возможности наскоро набрать и вооружить таковой.

Королю шведскому открыта была дорога въ Богемію, гдѣ, весьма вѣроятно, онъ бы нашелъ поддержку въ протестантахъ; большая часть ихъ добровольно присоединилась бы къ нему. Даже можно полагать, что въ Богеміи, какъ и въ Австріи, приближеніе шведской арміи, предводимой Густавомъ Адольфомъ, защитникомъ протестантизма, заставило бы всѣхъ притѣсненныхъ единовѣрцевъ прибѣгнуть къ оружію. Слѣдовательно король увидѣлъ бы себя обезпеченнымъ съ фланговъ и тыла, получалъ бы правильное продовольствіе и могъ бы черезъ Моравію проникнуть къ Вѣнѣ, тогда императору осталось бы къ побѣгу одна дорога въ Италію и надобно предположить большую неудачу, чтобы шведскому королю не удалось такимъ образомъ достигнуть мира на справедливыхъ и выгодныхъ условіяхъ.

Курфирстъ баварскій не былъ бы въ состояніи остановить движеніе короля, а войскамъ Лиги былъ бы противопоставленъ союзъ протестантскихъ членовъ имперіи, составленный подъ предводительствомъ курфирста саксонскаго. Тогда только Густавъ Адольфъ могъ бы надѣяться на германскую корону; если онъ когда либо помышлялъ о ней, и эта мысль не принадлежала единственно курфирсту саксонскому. Только надобно было бы дѣйствовать съ возможною поспѣшностію, чтобы отнять у императора всѣ средства къ дальнѣйшему сопротивленію.

Движеніемъ Густава Адольфа въ Богемію сдѣлался бы невозможнымъ наборъ арміи, которую тамъ сформировалъ впоследствии Валленштейнъ, а вѣроятные успѣхи курфирста саксонскаго доставили бы Густаву Адольфу вооруженныя силы всей протестантской Германіи, и нѣтъ ничего невѣроятнаго, что наконецъ Густавъ Адольфъ при успѣшныхъ дѣйствіяхъ также не

находилъ бы себѣ болѣе противниковъ, какъ не находилъ ихъ императоръ до прибытія шведскаго короля въ Германію.

Послѣ пораженія при Лейпцигѣ, генералу Тилли запрещено было покушаться на большое сраженіе. Слѣдовательно онъ не очень бы мѣшалъ дѣйствіямъ Шведовъ, еслибъ значительный корпусъ былъ тотчасъ ему противопоставленъ. Даже сомнительно, удалось ли бы Тилли удалиться изъ окрестности Везера.

Послѣдствія доказали исполнимость такихъ предположеній и что важнѣе было преслѣдовать и поражать главныя силы непріятеля, нежели ходить въ отдаленныя католическія земли для споспѣшествованія совокупному возстанію протестантскихъ членовъ имперіи.

Король нашелся выпужденнымъ приняться за первое, когда уже обстоятельства далеко не были столь выгодны. Важность вліянія брейтенфельдской побѣды на протестантовъ, возставшихъ безъ дальнѣйшихъ стараній Густава Адольфа, доказывается тѣмъ, что на сеймѣ, собранномъ въ Франкфуртѣ на Майнѣ, они уже гласно требовали совершеннаго уничтоженія реституціоннаго эдикта и тѣмъ разрушили виды вѣнскаго двора, почему сеймъ и былъ распушенъ. На это они не отважились бы прежде; теперь же ни что имъ болѣе не препятствовало сопротивляться общими силами и слѣдовательно не подлежитъ сомнѣнію, что и курфирстъ саксонскій успѣлъ бы ихъ къ тому соединить. Читатель можетъ судить о семъ, сравнивъ эти доводы съ вышепоказанными слабыми возраженіями*.

* Направитъ дѣйствія къ Рейну значило отклониться отъ главнаго предмета дѣйствій. Но избравъ однажды этотъ путь, Густаву Адольфу слѣдовало придерживаться его, пока обстоятельства не указали иного. Это и было исполнено королемъ, и съ этой точки зрѣнія ничего нельзя возразить. Но результаты сего предпріятія не могли соответствовать ожиданіямъ и привели короля къ Дунаю, гдѣ представился случай къ сраженію, которое еслибъ произошло ранѣе, имѣло бы рѣшительнѣйшія послѣдствія. Слѣдовательно и не имѣя намѣренія, порицать искуснаго полковод-

Густавъ Адольфъ сдѣлалъ распоряженія для формированія войскъ въ епископствахъ магдебургскомъ и гальберштатскомъ для собственной ихъ защиты и назначилъ князя Людовика ангальтскаго намѣстникомъ, заключивъ предварительно трактатъ съ князьями его дома и опредѣливъ сколько имъ слѣдовало внести вспомогательной суммы. Потомъ онъ выступилъ 17 сентября черезъ Кверфуртъ въ Турингію. Эрфуртомъ овладѣли хитростью и заняли городъ войсками; однако жъ съ магистратомъ заключили справедливый договоръ, изъ котораго, равно какъ и изъ выраженій короля, потребовавшаго депутатовъ, видны скромность образа мыслей короля и благочестіе его. Католическому духовенству опъ оказалъ отличную вѣротерпимость. Наконецъ онъ назначилъ герцога Вильгельма веймарскаго намѣстникомъ въ Турингенѣ и главнокомандующимъ арміи, имѣвшей тамъ формироваться, и опредѣлилъ, чтобы королевѣ, его супругѣ, оставаться на время въ Эрфуртѣ, который приводился въ оборонительное положеніе.

Двадцать шестаго сентября, король выступилъ изъ Эрфурта и направился лѣсами черезъ Готу и Арнштадтъ въ окрестности города Ильменау и тамъ далъ арміи день отдыха. 1 октября король уже прошелъ турингскіе лѣса и овладѣлъ замкомъ Унтеръ-Массфельдомъ. Кенигсгофенъ заняли безъ затрудненія, не смотря на хорошее его укрѣпленіе. Швейпфуртъ также сдался, гарнизонъ города Вюрцбурга заперся въ замокъ, но самый городъ не сопротивлялся и сдался тотчасъ по заключеніи договора. Противъ замка же надобно было употребить орудія и брать его приступомъ. Причемъ большая часть гарнизона погибла. Найдено было много запасовъ разнаго рода, особенно оружія; въ нѣсколько дней вся Франконія была по-

ца, нельзя не пристать къ мнѣнію Уксеншерна, признавая впрочемъ великое мастерство прочихъ наступательныхъ дѣйствій короля.

корена. Страна тѣмъ болѣе важная, что имперскія войска, шая князей Лиги, не раззоряли ихъ владѣній. Епископъ вюрцбургскій бѣжалъ и подданные присягнули Густаву Адольфу. Епископъ бамбергскій напротивъ вступилъ въ переговоры, но уклонился отъ утвержденія ихъ, когда король выступилъ къ Рейну.

Собравъ остатки своей арміи и присоединивъ къ себѣ всѣ отдѣльные отряды, Тилли опять явился теперь хотя еще и въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ театра дѣйствій. Кромѣ того, онъ уже 12 октября соединился въ Ашафенбургѣ съ корпусомъ, набраннымъ герцогомъ лотарингскимъ; Тилли намѣревался идти на встрѣчу королю шведскому, чтобъ защитить Вюрцбургъ. Но какъ этотъ городъ сдася Шведамъ и притомъ ему рѣшительно запрещена была наступательная оборона (active defensive), то онъ занялъ города Вертгеймъ и Ротенбургъ на Тауберѣ, перешелъ при Зелигенштатѣ черезъ Майнъ и продолжалъ движеніе вверхъ по Рейну по дорогѣ, извѣстной подъ названіемъ Бергштрассе.

Густавъ Адольфъ отрядилъ противъ него генерала Баудиссина, который, настигнувъ при Бишофсгеймѣ вспомогательный корпусъ, предводительствуемый самимъ герцогомъ лотарингскимъ, атаковалъ его и взялъ въ плѣнъ шесть сотъ человекъ. Герцогъ возвратился въ свои владѣнія и армія его разошлась. Король не могъ допустить, чтобы непріятель владѣлъ Вертгеймомъ и Ротенбургомъ, почему и освободилъ опять эти города.

Густавъ Адольфъ наконецъ велѣлъ подполковнику Гаубальду атаковать Ганау; этотъ офицеръ не только завладѣлъ городомъ, но и отличился при семъ случаѣ, такъ, что король произвелъ его въ слѣдующій чинъ. Полковничій чинъ имѣлъ тогда значеніе, котораго онъ въ наши времена не могъ сохранить при многочисленности генералитета. Подвигъ, подобный совершенному полковникомъ Гаубальдомъ, заслуживалъ особеннаго поощренія, награда его никому не могла казаться

ся чрезмѣрною; самый подвигъ говорилъ за себя; здѣсь была награждена истинная заслуга.

Легко можно представить себѣ, какое впечатлѣніе должны были произвести успѣхи Густава Адольфа при всѣхъ дворахъ: императоръ, опасавшійся въ тоже время разрыва съ Портою оттоманскою, тщетно старался отклонить Францію отъ союза съ Швеціею. Курфирстъ баварскій напротивъ присоединился къ Франціи; изъ чего и можно заключить, что весьма могло случиться, что сама Баварія стала бы искать нейтралитета или согласилась бы принять таковой, еслибъ о томъ было предложено Густавомъ Адольфомъ изъ Вѣны. Это расположеніе курфирста баварскаго служитъ тоже подтвержденіемъ мнѣнія канцлера Уксеншерны и заставляеть опять сожалѣть, что король далъ другое направленіе своимъ дѣйствіямъ. Шведы хотя и казались недовольными союзомъ Баваріи съ Франціею, однако жъ въ трактатѣ семъ не имѣлось ничего невыгоднаго для протестантовъ.

По покореніи Ганау, король немедленно пошелъ къ сему городу и къ Франкфурту съ отрядомъ, состоявшимъ изъ семнадцати или осемнадцати тысячъ чело-вѣкъ. Опасаясь близкаго сосѣдства Баваріи, онъ оставилъ фельдмаршала Горна, съ остальною частью арміи въ Франконіи для охраненія сей страны и овладѣлъ въ оной нѣсколькими городами, гарнизоны которыхъ хотя получили свободу, но большею частію перешли въ шведскую армію. Съ графомъ ганаускимъ онъ обошелся очень ласково и былъ имъ принятъ какъ освободитель.

На обоихъ противоположныхъ концахъ театра войны оружіе Густава Адольфа было побѣдоносно. Генералъ Тоттъ покорилъ Ростокъ; Баннеръ, блокировавшій Магдебургъ, принудилъ ростокскій гарнизонъ въ Ванцлебенѣ сдаться на капитуляцію; этимъ гарнизономъ намѣревались снять блокаду Магдебурга. Кромѣ того Баннеръ взялъ Кальбе и Мансфельдъ. Висмаръ былъ взятъ, гарнизонъ же его, преступившій условія

капитуляціи, былъ достигнутъ и взятъ въ плѣнъ; наконецъ взяли еще Демиць, а съ тѣмъ вмѣстѣ и вся Мекленбургія была очищена отъ непріятели. Все это ободрило ниже-саксонскихъ князей, которые и взялись за оружіе.

Курфирстъ саксонскій, овладѣвъ снова Лейпцигомъ, имѣлъ между тѣмъ также нѣкоторый успѣхъ въ своихъ дѣйствіяхъ. Императоръ вывелъ войска изъ Лузаціи и курфирсту были дѣлаемы даже мирныя предложенія, оставшіяся однако жъ безуспѣшными. Курфирстъ вошелъ въ Богемію, дѣйствовалъ тамъ съ великимъ успѣхомъ, и занялъ безпрепятственно Прагу; только при Лимбургѣ произошелъ значительный бой, послѣ котораго имперскія войска оставили городъ.

Ландграфъ гессенскій дѣятельно началъ дѣйствовать, какъ скоро Тилли выступилъ въ Франконію, а герцогъ Бернгардъ веймарскій послѣдовалъ его примѣру. Сей послѣдній преслѣдовалъ отрядъ Фуггера и нанесъ ему большой уронъ, а ландграфъ напалъ печально на Вахъ, взялъ при Корбахѣ большой обозъ съ продовольствіемъ, слѣдовавшій къ арміи графа Тилли, и двинулся съ корпусомъ болѣе чѣмъ въ восемь тысячъ человѣкъ противъ Мюндена, а потомъ на Гокстеръ (Höxter) и овладѣлъ сими обоими городами. Изъ всей Вестфаліи депутаты добровольно собирались въ Кассель для заключенія съ ландграфомъ договоровъ о зимнихъ квартирахъ и преимущественно о слѣдуемыхъ ко взносу вспомогательныхъ суммахъ.

Дѣла Густава Адольфа въ остзейскихъ провинціяхъ, Саксоніи, Богеміи, Вестфаліи, Гессенѣ, Тюрингенѣ и наконецъ въ Франконіи шли чрезвычайно успѣшно; императоръ напротивъ былъ въ затруднительныхъ обстоятельствахъ. Въ арміяхъ его считалось не болѣе пятидесяти тысячъ человѣкъ, большая часть Германіи ему не повиновалась болѣе; Венгріи угрожала опасность со стороны Турціи; протестанты верхней и нижней Австріи возстали, а въ первой взбунтовались и

сельскіе жители ; образъ мыслей курфирста баварскаго былъ весьма не надеженъ , а сверхъ всего побѣдоносный непріятель готовъ былъ внести оружіе свое въ предѣлы наслѣдственныхъ владѣній . Кто же не согласится теперъ , что послѣдствія могли бы быть чрезвычайныя , если бы Густавъ Адольфъ даже еще и въ этотъ важный моментъ , далъ направленіе дѣйствіямъ своимъ изъ Вюрцбурга черезъ Нюрнбергъ , Регенсбургъ и далѣе вдоль Дуная ? Могъ ли бы Тилли , слѣдуя за нимъ и въ свою очередь бывъ преслѣдуемъ ландграфомъ гессенскимъ и герцогомъ Бернгардомъ веймарскимъ , устоять противъ ударовъ арміи Густава Адольфа , которая безпрестанно усиливалась бы въ Франконіи и въ Австріи прибѣгающими подъ шведскія знамена протестантами ? Конечно нельзя отвергнуть возможности сопротивленія , однако жъ на это можно возразить , что король шведскій и при менѣе благоприятныхъ обстоятельствахъ разбивалъ непріятеля и что курфирстъ баварскій , имѣвшій вліяніе на Тилли , какъ на баварскаго подданиаго , едва ли согласился бы рисковать только что пріобрѣтеннымъ курфирстскимъ достоинствомъ , въ сраженіи , которое могло кончиться хуже брейтенфельдскаго . По крайней мѣрѣ это былъ благоприятнѣйшій моментъ , для дѣйствій на Вѣну , и подобнаго не представлялось Густаву Адольфу никогда , даже и послѣ брейтенфельдской побѣды . Нельзя полагать , чтобъ Валленштейнъ даже и при неудачныхъ дѣйствіяхъ допустилъ бы когда либо уменьшиться имперскимъ войскамъ до такой малочисленности ; сомнительно также , владѣлъ ли бы при немъ Густавъ Адольфъ силами столь многихъ странъ такъ безпрепятственно , счастье сего монарха полководца какъ будто хотѣло показать высшій моментъ своей благосклонности ; его нельзя упрекнуть тѣмъ , что онъ имъ не воспользовался : выборъ дѣйствій зависѣлъ безусловно отъ его произвола и отъ его образа воззрѣнія на предметы и очень можетъ быть , что

цѣль была бы имъ достигнута и на томъ пути, который преградила ему смерть.

Теперь было время, въ которое обѣ воюющія стороны должны были заняться рѣшеніемъ важнѣйшихъ вопросовъ: обстоятельства императора тоже не могли оставаться въ томъ положеніи, необходимо надобно было набрать войска, въ которыхъ былъ совершенный недостатокъ и надобно было прискаты имъ способнаго главнокомандующаго. Послѣ брейтенфельдскаго сраженія Тилли потерялъ довѣріе, и надо признаться, что онъ самъ былъ тому виною. Никто такъ строго не отвѣчаетъ за ошибки, какъ главнокомандующій, хотябы они даже были невольныя; разница только та, что въ послѣднемъ случаѣ, современники или по крайней мѣрѣ потомство, оправдаютъ его. Эти обстоятельства пробудили снова надежду или довѣріе къ Валленштейну; извѣстно, какими средствами достигъ онъ до командованія и собралъ армію. Трудно рѣшить, былъ ли онъ одинъ въ состояніи занять мѣсто главнокомандующаго: впечатлѣніе, произведенное вторичнымъ его воззвѣщеніемъ, на Германію, на коллегію курфирстовъ и въ особенности на курфирста баварскаго по крайней мѣрѣ не говоритъ въ его пользу.

Городъ Франкфуртъ выслалъ депутацію на встрѣчу шведскому королю, стараясь уклониться отъ пріема шведскихъ войскъ. Густавъ Адольфъ отослалъ депутацію съ насмѣшкою, напомнивъ о цѣли своего прібытія въ Германію и грозно совѣтуя не навлекать непріятностей городу. Слѣдствіемъ сего было, что 17 ноября король вступилъ въ Франкфуртъ съ большою цермонією, продолжавшеюся нѣсколько часовъ; однако жъ онъ въ тотъ же день выступилъ въ Гехстъ (Höchst). Городъ сей сдался и гарнизонъ его, силою въ триста челоуѣкъ перешелъ почти весь въ шведскую службу. Города Кёнигштейнъ, Костгеймъ и Флёрсгеймъ подверглись той же участи; при послѣднемъ король приказалъ построить мостъ черезъ Майнъ. Три дня спустя король возвратился въ Франкфуртъ,

чтобъ условиться съ союзниками о необходимыхъ распоряженіяхъ. Для чего съѣхались многіе члены имперіи: герцогъ Бернгардъ веймарскій, несчастный Фридрихъ V пфальцскій, ландграфъ Георгъ гессенъ-дармштадтскій и посланники многихъ державъ.

Виды, желанія и характеры этихъ князей были весьма различны, но все это менѣе любопытно, нежели образъ обхожденія съ ними самаго Густава Адольфа.

Фридриху V оказывалъ онъ величайшія почести, бравъ дѣйствительно участіе въ несчастіяхъ его, между тѣмъ онъ ничего не могъ предпринять въ пользу его: для того надобно было бы дать всѣмъ дѣйствіямъ совсѣмъ противоположное направленіе, а тѣмъ самымъ упустить изъ виду главнаго непріятеля и навлечь себѣ новаго врага, Испанцевъ, стоявшихъ на Мозелѣ и въ при-рейнской странѣ Рейнгау; и Испанцевъ надлежало бы отгѣснить назадъ до самыхъ Нидерландовъ, чтобъ ввести курфирста въ свои владѣнія. Шведскій король не могъ исполнить этого, не вредя собственнымъ дѣламъ, потому что англійскій король не принималъ даже дѣятельнаго участія въ своемъ зятѣ и не содѣйствовалъ ни чѣмъ предпріятію Густава Адольфа. По этой причинѣ сей послѣдній и отклонилъ отъ себя представленіе англійскаго посланника и предложилъ условія, на которыя тотъ не соглашался, почему король объявилъ желаніе, не быть болѣе обезпокоиваему его домогательствами.

Фридриху V надлежало бы самому стараться содѣйствовать видамъ Густава Адольфа и склонить къ тому короля англійскаго, или набрать армію, и лично принять участіе въ войнѣ, какъ бывало Мансфельдъ, а теперь Бернгардъ веймарскій, или ландграфъ гессенскій. Такимъ образомъ онъ могъ бы при благоприятныхъ обстоятельствахъ предпринять что-либо и въ собственную пользу. Но онъ былъ къ тому неспособенъ, король видѣлъ это; а потому и не могло существовать согласія въ образѣ мыслей обоихъ. Духъ

времени и обстоятельства, въ которыхъ находился Фридрихъ V, требовали чрезвычайной твердости духа и воинственности, которыхъ онъ не имѣлъ. Слѣдовательно ему не должно бы и помышлять о своихъ владѣніяхъ и бросить притязанія на корону. Это отклонило отъ него Густава Адольфа, помогавшаго охотно притѣсненному.

Совѣтъ въ другихъ сношеніяхъ былъ Густавъ Адольфъ съ преданнымъ императорскому двору ландграфомъ гессенъ-дармштадтскимъ; король не могъ имѣть къ нему довѣрія: ландграфъ старался предтѣмъ отклонить отъ лейпцигскаго конвента тестя своего курфирста саксонскаго и искалъ помирить Густава Адольфа съ императоромъ, отъ котораго пользовался пенсіономъ. Король зналъ о томъ и называлъ его смѣючись, «мирителемъ» или выигрывая у него въ карты, замѣчалъ, «что пользуется двойнымъ удовольствіемъ: играетъ въ карты и выигрываетъ императорскіе червонцы.» На представленія ландграфа, король не обращалъ вниманія, далъ однако жъ обстоятельное объясненіе и даже заключилъ съ нимъ договоръ.

Густавъ Адольфъ не былъ мпительнъ, пренебрегалъ предательствомъ и былъ доступенъ для каждаго; но однажды въ поздній вечеръ задержалъ въ прихожей священника, у котораго нашли кинжалъ, почему и просили короля принять мѣры осторожности, ибо кромѣ того получены были извѣстія о заговорѣ шести іезуитовъ, посягавшихъ на жизнь его и знали, что въ Аугсбургѣ даже бились объ закладъ, что онъ не проживетъ и шести мѣсяцевъ. Объяснившись при семъ случаѣ соответственно свойственному ему благочестію, онъ еказалъ окружающимъ его: «Вы хотите поколебать мое вѣрованіе въ Провидѣніе.»

Изреченія короля доказываютъ, что онъ считалъ нужнымъ продолжать войну, потому что видѣлъ въ ней единственное средство пособить общему несчастію. Однажды за столомъ, въ присутствіи короля

богемскаго Фридриха V, ландграфа дармштадтскаго и многихъ князей, говорили о мирѣ; король сказалъ: «Я не менѣе другихъ люблю спокойную жизнь и не ищу смерти, оставалось бы только найти дорогу къ миру, а императоръ, желая отъ меня избавиться, согласится на отдѣльный миръ со мною. Но я не могу рѣшиться предать на жертву столько невинныхъ.» Эти слова произвели сильное впечатлѣніе на присутствовавшихъ, особенно на пылкаго старика пфальцграфа Лаутербахскаго, который съ жаромъ выразилъ чувство преданности своей и всѣхъ протестантовъ къ королю, отвѣтствовавшему: «Не надобно унывать, а надѣяться на Бога; я знаю, что императоръ мало уважаетъ короля шведскаго, но и я съ моей стороны не забочусь о немъ.» Последнія слова онъ сказалъ съ нѣкоторымъ волненіемъ, бывъ весьма раздражителенъ во всемъ, что касалось до королевскаго достоинства.

Король склонилъ франкфуртскій магистратъ присягнуть ему въ вѣрности и присоединиться къ лейпцигскому конвенту. По духу благочестія тѣхъ временъ, это событіе праздновалось даже и въ шведской арміи постомъ и молебствіями.

Потомъ Густавъ Адольфъ приказалъ вытѣснить изъ городовъ праваго берега Рейна испанскія и лотарингскія войска, стѣснявшія его въ дѣйствіяхъ; ему не нужно было предварительно объявлять войны Испаніи, находившейся въ союзѣ съ его врагами (13).

Около сего времени прибыла въ Франкфуртъ супруга его, королева шведская, что однако жъ не имѣло вліянія на ходъ военныхъ дѣйствій, продолжавшихся и въ суровое время зимы.

Перваго декабря король выступилъ изъ Франкфурта въ Дармштатъ, занялъ города по дорогѣ Бергштрассе и рекогносцировалъ противоположный берегъ Рейна, причемъ онъ едва опять не погибъ отъ руки непріятельской.

За симъ все вниманіе короля было обращено на Майнцъ, овладѣніемъ котораго онъ вѣроятно надѣялся

дать протестантамъ преобладаніе на Рейнѣ; Майнцъ съ принадлежавшимъ ему округомъ былъ главнымъ городомъ Лиги. Осьмого декабря Густавъ Адольфъ съ большимъ трудомъ переправился черезъ Рейнъ между Гернсгеймомъ и Штокшлатомъ, потому что не имѣлъ судовъ, и взялъ приступомъ Оппенгеймъ; потомъ обложилъ Майнцъ и сдѣлалъ всѣ распоряженія къ правильной осадѣ. Ландграфъ гессенъ-кассельскій обложилъ Майнцъ съ праваго берега Рейна.

Въ Майнцѣ было не болѣе двухъ тысячъ человѣкъ гарнизона. Комендантъ Донъ Сильва увѣрялъ однако жъ заботившагося курфирста майнцскаго, «что войскъ его достаточно будетъ для разбитія трехъ шведскихъ королей.» Между тѣмъ онъ уже 13 декабря сдалъ крѣпость на условіе свободнаго отступленія гарнизона. Тогда Густавъ Адольфъ заложилъ, при сліяніи Майнца съ Рейномъ, шести бастіонный фортъ Густавсбургъ, котораго однако жъ не осталось и слѣдовъ.

Теперь только король далъ нѣсколько отдохнуть войскамъ; расположивъ ихъ по квартирамъ около Майнца, онъ возвратился въ Франкфуртъ, гдѣ имѣлъ свиданіе съ канцлеромъ, привѣтствовавшимъ его, какъ выше было упомянуто. Странно, что король не намѣренъ былъ Рейномъ ограничить движеніе свое къ западу, но вѣроятно простеръ бы его далѣе, еслибъ не встрѣтилъ препятствій; при дворахъ католическихъ возникли опасенія. Франція безпокоилась, что онъ возметъ Гугенотовъ подъ свое покровительство, а въ другихъ странахъ распространился слухъ, что онъ ведетъ войну не противъ императора, а противъ католицизма, и что даже намѣренъ оставить Уксеншерну въ Германіи для дѣйствій противъ императора и Лиги, а самъ пойдетъ черезъ Альпы противъ папы. Слухи были неосновательны, но противники пользовались ими ко вреду Густава Адольфа, въ особенности епископъ вюрцбургскій, бѣжавшій изъ своихъ владѣній въ Парижъ. Одинъ только кардиналъ Ришелье оста-

вался непоколебимымъ въ своемъ мнѣніи о королѣ шведскомъ (14).

=

3 ПОХОДЪ ВЪ ГЕРМАНИИ 1632.

При переходѣ Шведовъ черезъ Рейнъ, вормскій гарнизонъ лотарингскихъ войскъ поспѣшилъ оставить городъ и отступилъ въ свои предѣлы, но жегъ и опустошалъ страну во время слѣдованія. Густавъ Адольфъ, наблюдавшій строгій порядокъ въ своей арміи, былъ раздраженъ этимъ и рѣшился наказать герцога лотарингскаго за содѣйствіе императору, а отъ того движеніе его къ западу простерлось бы еще дальше къ предѣламъ Франціи. Предваривъ письменно герцога о начатіи дѣйствій, и оговоривъ, что предпринимаетъ ихъ не изъ ненависти къ католицизму, король требовалъ отъ герцога, чтобъ онъ немедленно отдѣлилъ свои войска отъ императорскихъ, если желаетъ быть его союзникомъ. Герцогъ долженъ былъ отречься отъ императора и движеніе въ Лотарингію не состоялось.

Слухи о намѣреніяхъ Густава Адольфа хотя еще не имѣли вліянія на сношенія его съ французскимъ дворомъ, однако жъ сей послѣдній просилъ его не простираť дѣйствій въ ландграфство эльзасское, которое сама Франція намѣревалась занять. Сіе предложеніе было непріятно Густаву Адольфу. Съ рѣдкою откровенностію, ему свойственною, онъ отвѣчалъ, «что при-

былъ не угнетать, но защищать германскую имперію, что намѣренъ возстановить ее въ первоначальномъ ея видѣ, а не раздроблять на части и не допустить отторгнуть какую-либо провинцію.» Можетъ быть, онъ понималъ это и не совсѣмъ безусловно и почему бы ему не требовать возмездія за защиту германской свободы, стоившей отечеству его большихъ жертвовацій; онъ могъ помышлять о доставленіи Швеціи съ окончаніемъ войны нѣкоторыхъ выгодъ, могущихъ возвысить славу и благоденствіе ея, вмѣстѣ съ благоденствіемъ Германіи. Вся исторія жизни его свидѣтельствуетъ, что онъ не дѣйствовалъ изъ корыстолюбія, или изъ тщеславія, или наконецъ изъ враждебныхъ видовъ къ Германіи; великодушный даже и въ минуты изступленія, онъ не могъ быть лицемеромъ. А потому Мовильонъ и другіе сочинители несправедливы, если они утверждаютъ, что въ объясненіи, данномъ Франціи, Густавъ Адольфъ скрывалъ не безкорыстные виды.

Что онъ хотѣлъ присоединить себѣ австрійскую часть маркграфства Бургау, что хотѣлъ переименовать названіе города Гюнцибурга на Адольфсбургъ, или что онъ имѣлъ виды на Магдебургъ, всѣ эти доводы ничтожны и не убѣдительны. Германія находилась въ положеніи, въ которомъ она могла лишиться древней своей свободы и обратиться въ провинцію неограниченной монархіи, причемъ исчезли бы всѣ права ея князей и городовъ. Густавъ Адольфъ спасъ Германію, нельзя же требовать, чтобъ онъ совершилъ это безъ всякаго вознагражденія; неужели не заслуживалъ онъ владѣть частью сей обширной страны. Если бы Густаву Адольфу удалось довершить этотъ подвигъ, то въ то время не излишнимъ было бы собраться всѣмъ единовѣрцамъ и признать своимъ главою того, кому они были обязаны политическимъ существованіемъ! Если возражать, что этимъ нарушилось бы единство Германіи, то спрашивается: существовало ли оно дѣйствительно послѣ 1648 года? не давно ли уже начали постепен-

но исчезать эти частицы, входившія въ составъ германской конфедераціи? и не было ли это естественнымъ слѣдствіемъ реформаци, при всемъ благотворномъ вліяніи ея на Германію? Миротлюбивое отдѣленіе южной Германіи отъ сѣверной, имѣло бы можетъ быть только благія послѣдствія: страны эти ни въ какомъ отношеніи не сходствуютъ между собою и нельзя предвидѣть, какое имъ предстоитъ измѣненіе въ будущемъ. Слѣдовательно есть точка зрѣнія, съ которой можно оправдать, такъ называемые честолюбивые виды Густава Адольфа; этотъ упрекъ писателей, по крайней мѣрѣ извинителенъ, какъ основанный на ложныхъ понятіяхъ. Густавъ Адольфъ заслуживалъ бы порицаніе, еслибъ хотѣлъ разсѣчь мечемъ государственное учрежденіе Германіи. Но сдѣлавшись владѣтелемъ въ этой странѣ, уступкою или приобрѣтеніемъ земель, упразднившихся вліяніемъ реформаци, или однимъ словомъ являсь съ окончаніемъ войны владѣтельнымъ членомъ Германіи, Густавъ Адольфъ не могъ найти никакихъ законныхъ препятствій къ избранію своему въ главы имперіи. Можетъ быть курфиреть саксонскій подразумѣвалъ нѣчто подобное, когда послѣ лейпцигскаго сраженія, онъ говорилъ о римской коронѣ. Что въ то время было внушено благодарностію одному, то впослѣдствіи легко могло быть высказано всею сѣвernoю Германіею и тогда бы ни одинъ писатель въ потомствѣ не нашелъ никакого возраженія.

Объясненіе, данное королемъ шведскимъ Франціи, хотя противно было видамъ ея на Эльзасъ, однако жъ не произвело кажется дурнаго впечатлѣнія: Франція предложила Густаву Адольфу двинуть въ Германію армію, которую она имѣла въ Лотарингіи. Густавъ Адольфъ нашелъ это неудобнымъ и совѣтовалъ обратить сія войска въ Каталонію противъ Испанцевъ, надѣясь, что въ Германіи онъ одинъ справится съ неприятелемъ. Рিশелье долженъ былъ довольствоваться такимъ отвѣтомъ, что и доказываетъ, на бакую ногу

Густавъ Адольфъ умѣлъ поставить себя въ отношеніи къ Франціи и какъ Франція имъ интересовалась.

Ришелье, проникая намѣреніе Лиги присоединиться къ императору подь религіознымъ предлогомъ, и желая оставить Фердинанда II безъ посторонней помощи, послалъ маркиза Брезе къ Густаву Адольфу въ то время, когда король шведскій отправилъ въ Мецъ посланника къ Людовику XIII съ предложеніемъ съѣхаться для личнаго свиданія; маркизь Брезе извинился именемъ своего государя, и свиданіе не состоялось. Порученіе посланника состояло преимущественно въ домогательствѣ получить согласіе короля на объявленіе князей Лиги нейтральными. Сначала не могли согласиться, наконецъ король шведскій приказалъ сообщить посланнику условія, на которыхъ онъ соглашался утвердить нейтралитетъ. Требования его не были чрезмѣрны; однако жъ проектъ трактата былъ писанъ перомъ побѣдителя, требующаго совершенной покорности за обѣщаніе не пользоваться принадлежащимъ ему правомъ. Этимъ трактатомъ обнаруживается согласіе, существовавшее между Швеціею и Франціею и уступчивость кардинала Ришелье въ дѣлахъ второстепенной важности.

Но курфирстъ баварскій продолжалъ тайно готовиться къ войнѣ, и согласился только на двухъ-недѣльное перемиріе. Удостоверясь изъ перехваченныхъ писемъ, что Баварія желаетъ лишь выиграть время, Густавъ Адольфъ прекратилъ домогательства французскаго посланника, и проектъ нейтралитета рушился.

Онъ старался сколько можно развлечь вниманіе императора диверсіями и съ другихъ сторонъ, и входилъ въ сношенія съ семиградскимъ княземъ Рагоци и съ венеціанскою республикою, находившеюся уже въ ссорѣ съ императоромъ. Но старанія его не имѣли успѣха и ему оставалось только непосредственно разить князей Лиги.

Курфирстъ трирскій, пользуясь покровительствомъ Франціи, объявилъ себя нейтральнымъ, чѣмъ швед-

скій король былъ не доволенъ, потому что онъ самъ предлагалъ ему неутралитетъ подъ нѣкоторыми условіями. Курфирстъ долженъ былъ разрѣшить Шведамъ свободный проходъ черезъ свои земли и не могъ препятствовать имъ, изгнать Испанцевъ изъ своихъ владѣній съ содѣйствіемъ Французовъ.

Между тѣмъ испанскія войска сосредоточивались на Мозелѣ, и Густавъ Адольфъ двинулся противъ нихъ съ частью арміи. Рейнграфъ Отто Людовикъ, командовавшій авангардомъ, атаковалъ Испанцевъ въ окрестности Крейцнаха и разбилъ ихъ; Испанцы потеряли семь сотъ человекъ убитыми, много плѣнныхъ и осемь штандартовъ. Крейцнахъ * и многіе другіе укрѣпленные города покорились Шведамъ.

Полагають, что въ это время король шведскій имѣлъ намѣреніе идти въ Нидерланды, чтобы съ содѣйствіемъ Генеральныхъ Штатовъ совершенно изгнать Испанцевъ. Если бы онъ могъ еще противопоставить армію графу Тилли въ Баваріи, и не встрѣтилось бы препятствій со стороны Франціи и Англіи, то предпріятіе сіе могло бы имѣть успѣхъ. Но безъ удвоенныхъ силъ, кажется, нельзя было не обратить вниманія на Тилли, командовавшаго опять значительною арміею въ Баваріи. Это намѣреніе, если оно дѣйствительно было, не состоялось и по другой причинѣ: Голландцы поручились, что достаточно займутъ Испанцевъ въ Нидерландахъ и не позволятъ имъ содѣйствовать императору, сверхъ того получены были извѣстія объ арміи графа Тилли, заставившія прекратить дѣйствія противъ Испанцевъ.

Король хотѣлъ теперь атаковать курфирста кельнскаго и предпринялъ всѣ нужныя къ тому приготовленія. Но обстоятельства болѣе важныя заставили отложить сіе намѣреніе.

* См. Chemnitz, I Th. p. 286. Мовильонъ излагаетъ это событіе гораздо позже; однако жъ историографъ Густава Адольфа безъ сомнѣнія лучше могъ знать истину.

Во время этих военных действий, в началѣ 1632 года, король неожиданно сдѣлалъ предложеніе о мирѣ, условія котораго дѣйствительно должны были изумить дворы противныхъ державъ, если взять во вниманіе современное положеніе дѣлъ. Какъ средство выпѣдать образъ мыслей противниковъ, эти условія были слишкомъ рѣзки; ими опредѣлялись вещи, о которыхъ еще спорили и сражались. Кромѣ того здѣсь обнаруживались виды, подлежавшіе до времени тайнѣ, или которые приличнѣе было предложить иначе и въ видѣ объявленія отъ протестантскихъ членовъ имперіи (15).

Содержаніе условій * мира было въ сущности слѣдующее: совершенное уравненіе протестантовъ съ католиками въ Германіи, отмѣненіе реституціоннаго эдикта; возстановленіе курфирста пфальцскаго; изгнаніе іезуитовъ, и сверхъ того еще многое, что въ послѣдствіи дѣйствительно было утверждено вестфальскимъ миромъ; но были и другіе предметы, которые и въ 1648 не вошли въ статьи договора, въ особенности же замѣчательнѣе пунктъ, въ которомъ сказано: «Его Величество король шведскій долженъ быть избранъ въ римскіе короли, потому что имъ спасена имперія отъ гибели.» Слѣдовательно эта мысль не считалась болѣе тайною, и была высказана самимъ Густавомъ Адольфомъ. Если онъ не совершенно былъ увѣренъ въ образѣ мыслей протестантскихъ членовъ имперіи, то ему надлежало опасаться, что откровенность такая скорѣе могла причинить вредъ, нежели принести пользу: государственное учрежденіе Германіи искони почитали святынею, на которую наложить руку считалось святотатствомъ; почему протестанты, какъ всегда слабѣйшіе и не помышляли видѣть императорскую коро-

* Всѣ сіи условія помѣщены въ Mauvillon Histoire de G. A., p. 448, въ Theatrum europaeum 2-й части (съ 1629 по 1635 годъ), на стр. 592, въ замѣчаніи «Postulata des Königs von Schweden an Chur-Baiern und andere katholische Reichstände» и въ Soldat Svedois, p. 242.

пу на одномъ изъ князей ихъ вѣроисповѣданія. Этотъ вопросъ былъ совершенно не согласенъ съ государственнымъ учрежденіемъ и казался безбожнымъ католическимъ членамъ. Слѣдовательно подобное требованіе должно было поразить современниковъ и удвѣляетъ даже потомство! Могъ ли иностранный монархъ домогаться высшаго христіанскаго достоинства, какъ бы велики ни были его заслуги, будь онъ даже спасителемъ Германіи. Вотъ чего не могли простить Густаву Адольфу, и это навлекло ему упрекъ въ неограниченномъ честолюбіи.

Многое объ этомъ остается еще сказать, но мы должны ограничиться изслѣдованіемъ, какое вліяніе должно было произвести обнаруженіе такихъ видовъ, и въ этомъ отношеніи надобно сожалѣть, что Густавъ Адольфъ не обождалъ объявить по-крайней-мѣрѣ въ тѣхъ обстоятельствахъ, что требуетъ римской короны какъ возмездіе за свои усилія. Кажется, этою политическою ошибкою раздражались католики и удалялось время исполненія его желаній, если не предположить особенно счастливаго переворота. Далъ ли Густавъ Адольфъ это объясненіе съ согласія Уксеншерны — не извѣстно: вѣроятно, что нѣтъ. Во всякомъ случаѣ оно вредило довѣрью къ королю и должно было произвести невыгодное впечатлѣніе на курфирстовъ, не только католическихъ, но и на саксонскаго и бранденбургскаго, въ особенности, если пунктъ о римской коронѣ былъ помѣщенъ въ предложеніи о мирѣ безъ вѣдома сихъ послѣднихъ. Изъ того могли произойти весьма непріятныя сношенія, и потому не понятно, какъ могъ провинцательный Густавъ Адольфъ упомянуть о такомъ требованіи, когда власть его еще не была достаточно утверждена. Предположивъ сіе послѣднее и прочіе политическіе виды Густава Адольфа могли бы исполниться, но такъ условія его предложенія мира заслуживаютъ только въ томъ отношеніи вниманіе, что ими обнаруживается характеръ Густава Адольфа. Однако жъ надобно замѣтить, что хотя эти

условія и были начертаны съ великою самонадѣянностію, но при всемъ томъ ни чѣмъ не доказаны выведенныя изъ оныхъ невыгодныя послѣдствія для Густава Адольфа, слѣдовательно и не могутъ уменьшить заслугъ его въ дѣлѣ за Германію.

На Рейнѣ и въ прилежащей странѣ король приобрѣлъ совершенное преобладаніе; Майнцъ, Франкфуртъ и нѣкоторые другіе значительные города служили владѣчеству его твердымъ основаніемъ, къ чему присовокуплялось и то, что эта страна оставалась занятою сокзниками, именно войсками ландграфа гессенскаго и корпусомъ шведскихъ войскъ, подъ начальствомъ канцлера Уксеншерны, которому совершенно извѣстны были виды государя его. Какъ уже было упомянуто, фельдмаршалъ Горнъ находился въ Франконіи съ осемью или десятию тысячами; этихъ войскъ было недостаточно для противодѣйствія значительно теперь усилившейся арміи графа Тилли. Присутствіе короля сдѣлалось тамъ необходимымъ, почему онъ и сосредоточилъ двадцать пять тысячъ войскъ при Ашафенбургѣ, въ томъ числѣ осемь тысячъ конницы, и 6 марта выступилъ изъ тѣхъ странъ. Королева, супруга его и многіе князья провожали Густава Адольфа до Штейнгейма.

Тилли двинулся наконецъ въ Франконію; нельзя не осуждать поздняго выступленія его противъ слабого корпуса фельдмаршала Горна, ему слѣдовало бы скорѣе избавиться первоначально отъ сего противника. Но вѣроятно его удерживали разныя препятствія, какъ-то двухъ-недѣльное перемиріе, или можетъ быть и данная ему инструкція. Движеніе Тилли въ Франконію было по обыкновенію сопровождаемо чрезвычайными насильствами; въ протестантскихъ земляхъ не щадили даже покойниковъ, разграбили гробницу графа Аншпахскаго. Это должно было вести къ такому ожесточенію, какового въ наши времена нельзя и представить себѣ.

Фельдмаршалъ Горнъ началъ свои дѣйствія осадюю

Гехштата, что на Айшѣ, опрокинулъ не большой непріятельскій отрядъ въ пять сотъ человѣкъ пѣхоты и пять сотъ конницы, шедшій изъ Форхейма и взялъ Гехштатъ. Опъ занялъ Бамбергъ, причемъ граждане во время капитуляціи поступили измѣннически, и по истинѣ городъ достался фельдмаршалу Горну безъ договора. Если бы Бамбергцы осмѣлились поступить подобнымъ образомъ съ имперскимъ начальствомъ, то вѣроятно повторились бы и надъ ними ужасы Магдебурга; а потому поступокъ Горна заслуживаетъ вниманіе, онъ довольствовался тѣмъ, что продержалъ войска всю ночь подъ ружьемъ, а на слѣдующее утро далъ имъ на расхищеніе дома зачинщиковъ, іезуитовъ и пѣкоторыхъ отсутствующихъ духовныхъ особъ; кромѣ сего Шведы не помрачили имени своего ни малѣйшимъ своевольствомъ. Тилли стоялъ около Недерлингена и въ исполненіе даннаго ему приказанія, сосредоточивалъ свою армію въ Неймаркѣ, откуда онъ двинулся съ двадцатью тысячами къ Бамбергу.

Горнъ приводилъ Бамбергъ въ оборонительное положеніе, но работы его еще были не окончены, какъ 28 февраля уже показалась непріятельская кавалерія. По недоумѣнію одинъ изъ конныхъ полковъ Горна завязалъ дѣло съ непріателемъ, былъ опрокинутъ и при стремительномъ отступленіи смялъ вновь сформированный шведскій полкъ. Безпорядокъ сдѣлался общимъ, и войска, защищавшія укрѣпленія, бросились бѣжать черезъ мостъ на рѣкѣ Редницѣ и въ городъ, неся, такъ сказать, на своихъ плечахъ непріателя. Горнъ подвергался опасности потерять свою артиллерію и обозы, а что хуже всего, онъ могъ быть постыднымъ образомъ вытѣсненъ изъ укрѣпленій и изъ Бамберга однимъ непріятельскимъ авангардомъ. Въ такихъ обстоятельствахъ начальствующій обязанъ самъ обнажить мечъ и лично вести свои войска противъ непріателя. Горнъ взялъ полкъ пѣхоты и полкъ конницы, ударилъ на непріателя, оттѣснилъ его опять за мостъ и удерживалъ его до того времени, пока мостъ былъ

достаточно разрушенъ. Тогда онъ выслалъ обозъ, нагружилъ артиллерію на суда и отступилъ къ Элтману, гдѣ перешелъ черезъ Майнъ и занялъ позицію на противоположномъ берегу; потеря съ обѣихъ сторонъ простиралась до трехъ сотъ человѣкъ.

Этотъ случай ускорилъ выступленіе короля, предпринявшаго тотчасъ движеніе къ Детельбаху (16).

Горнъ отступилъ до Гасфурта, а Тилли слѣдовалъ за нимъ черезъ Майнъ, выслалъ кавалерійскіе полки впередъ до Цейла, что въ одной милѣ отъ Гасфурта. Горнъ, узнавъ о томъ, рѣшился воспользоваться и отплатить за Бамбергъ подобнымъ образомъ, какъ Густавъ Адольфъ поступилъ при Вольмиришетѣ; получивъ подробнѣйшія извѣстія, что непріятель имѣлъ четыре конные полка въ Гальштатѣ и два въ Обергейтѣ, онъ напалъ на сіи послѣдніе, какъ на болѣе отдаленные, почти совершенно уничтожилъ оба полка, взялъ два штандарта, и сжегъ весь обозъ. Въ то же время онъ вогналъ вблизи стоявшій отрядъ Кроатовъ въ Майнъ и возвратился безъ значительной потери.

Такой подвигъ, доказывавшій предпримчивость, побудилъ непріятеля къ большей дѣятельности. Тилли направилъ всю свою армію на Гасфуртъ, чтобы съ превосходными силами атаковать Шведовъ. Но бдительный Горнъ ушелъ отъ бѣды. Онъ отправилъ тяжести въ Швейнфуртъ и съ надлежащею осторожностію слѣдовалъ за ними со всѣми войсками. Онъ приказалъ привести Швейнфуртъ въ возможно лучшее оборонительное положеніе, оставилъ въ городѣ три полка пѣхоты, а съ остальною пѣхотою пошелъ въ Гельдерсгеймъ. Горнъ расположилъ кавалерію въ кантониръ-квартирахъ за Швейнфуртомъ и ожидалъ въ этомъ положеніи прибытія короля.

Густавъ Адольфъ, прибывъ 11 марта въ Детельбахъ, приказалъ фельдмаршалу Горну присоединиться къ нему, что и состоялось при Кицингенѣ. Густавъ Адольфъ имѣлъ теперь тридцать двѣ тысячи войскъ. Кромѣ того онъ ожидалъ подкрѣпленія и корпуса гер-

пога Вильгельма веймарскаго, почему и рѣшился обож-
дать ихъ прибытія въ занимаемой имъ позиціи. Тил-
ли съ своей стороны также оставался спокойно на
мѣстѣ въ епископствѣ бамбергскомъ.

Генераль Баннеръ, дѣйствовавшій съ осемью тыся-
чами въ Нижней Саксоніи, склонилъ магдебургскаго
коменданта сдаться на капитуляцію, однако жъ пе-
реговоры были прерваны приближеніемъ генерала
Паппенгейма, который намѣревался атаковать Шве-
довъ; случайно узнали о его намѣреніи и генераль
Баннеръ занялъ близъ Кальбе весьма выгодную пози-
цію; послѣ чего Паппенгеймъ вывелъ всѣ войска изъ
Магдебурга, но велѣлъ сжечь мосты черезъ Эльбу и
нѣсколько домовъ, чтобы быть въ готовности отразить
герцога Георга люнебургскаго, находившагося тогда въ
слѣдованіи. Баннеръ занялъ Магдебургъ, пошелъ по-
томъ въ слѣдъ за Паппенгеймомъ и соединился съ
герцогомъ Вильгельмомъ веймарскимъ, послѣ чего не-
пріятель потянулся въ Вестфалію. Тогда герцогъ по-
корилъ Геттингенъ, занялъ Дудерштатъ и послѣ сего
получилъ повелѣніе присоединиться къ арміи швед-
скаго короля. Въмѣсто того поручено было ландграфу
Вильгельму гессенъ-кассельскому очистить отъ непріа-
теля земли верхне-гессенскія и содѣйствовать герцогу
люнебургскому, епископу бременскому и войскамъ
округа Нижней Саксоніи, для той же цѣли генералы
Баудиссинъ и Тоттъ имѣли прибыть изъ Мекленбургъ
къ берегамъ Везера. Паппенгеймъ различными
способами препятствовалъ исполненію этихъ распоря-
женій, не давалъ союзникамъ соединяться, заставилъ
генерала Тотта снять осаду Штаде, но былъ нако-
нецъ вынужденъ отступить и пошелъ въ Вестфалію
и гессенскія владѣнія, гдѣ, утвердившись въ окрестно-
сти Касселя, одерживалъ верхъ въ нѣсколькихъ сча-
стливыхъ битвахъ и потомъ уже былъ отозванъ въ
Саксонію. Герцогъ люнебургскій и генераль Бауди-
синъ, принявшій начальство на мѣсто генерала Тот-

та, дѣйствовали чрезвычайно успѣшно въ гессенскихъ владѣніяхъ въ Нижней Саксоніи и Вестфаліи.

Канцлеръ Уксеншерна хотя и имѣлъ между тѣмъ успѣхъ противъ Испанцевъ, намѣревавшихся занять нижне-пфальцскія земли, но не могъ отстоять Шпейера, который они заняли. Впослѣдствіи дѣйствія принца оранскаго заставили непріятеля выйти изъ Шпейера. Уксеншерна занялъ этотъ городъ, преслѣдовалъ Испанцевъ и отступилъ потомъ опять къ Рейну и къ Майну.

Наконецъ сбилось еще одно событіе важное для короля; герцогъ виртембергскій объявилъ себя противникомъ императора. Герцогъ набралъ армію въ восемь тысячъ человекъ, которые хотя и слыли не завидными солдатами, но могли съ пользою быть употреблены для диверсій. Къ этимъ войскамъ король приказалъ набрать нѣсколько полковъ въ Эльзасѣ, и придалъ нѣсколько старыхъ войскъ изъ корпуса Уксеншерны; весь отрядъ, поступившій подъ начальство фельдмаршала Горна, получилъ назначеніе занять владѣнія маркграфа баденъ-дурлахскаго, преданнаго императору. Послѣ того Горнъ пошелъ въ Эльзасъ и удачно исполнилъ цѣль экспедиціи, снова занявъ Имперцевъ.

Нѣтъ надобности объяснять, что такими дѣйствіями императоръ въ началѣ 1632 года былъ приведенъ въ самое затруднительное положеніе. Король шведскій былъ побѣдителемъ отъ Балтійскаго моря до границъ Франціи и Швейцаріи и армія его находилась въ сердцѣ Германіи. Франція ополчалась и казалась готовою ринуться съ многочисленною арміею въ архіепископство трирское; курфирстъ майнцскій и епископы вюрцбургскій и бамбергскій, вынужденные отказаться отъ него, удалились изъ своихъ владѣній; курфирстъ трирскій прибѣгнулъ къ неутралитету. Всѣ протестанты вооружились, жители Верхней Австріи взбунтовались. Нельзя было полагаться на курфирста баварскаго; Испанцы были разбиты и почти совершенно изгна-

ны изъ нижняго Пфальца; Турція казалась готовою объявить Австріи войну, и даже Швейцарцы были преданы Шведамъ, допустивъ наборъ рекрутовъ въ кантонахъ.

Императоръ Фердинандъ могъ бы найти себѣ спасеніе, если бы самъ былъ въ состояніи предводительствовать своими арміями. На что онъ было и рѣшился, но министры отсовѣтовали ему принять начальство надъ войсками; и такъ не было другаго средства, какъ согласиться на дерзкія условія Валленштейна. Исторія сохранила намъ всѣ обстоятельства принятія его въ службу и показываетъ, на что можетъ рѣшиться человекъ, сдѣлавшійся необходимымъ, и имѣющій безстыдство пользоваться бѣдственнымъ положеніемъ своего монарха. Утверженіемъ требованій его *, императоръ лишался своихъ правъ и подчинялся власти измѣнника. Читая заключенный съ Валленштейномъ договоръ, мы остаемся въ неизвѣстности, которая изъ сторонъ явила себя въ болѣе невыгодномъ свѣтѣ. Валленштейнъ самъ подписалъ свой смертный приговоръ: неограниченность дарованныхъ ему правъ была причиною, что избавиться отъ него можно было только преступленіемъ.

Новый диктаторъ, набравъ нѣкоторое число войскъ, тотчасъ началъ вытѣснять Саксонцевъ изъ Богеміи и

* Въ оправданіе Валленштейна говорятъ, что обнародованныя условія принятія его въ службу подложны. Но онъ не принималъ отъ императора повелѣній, оставлялъ ихъ часто неисполненными; входилъ въ переговоры съ державами безъ разрѣшенія своего двора, и не признавалъ высочайшихъ повелѣній, данныхъ кому-либо безъ его согласія; въ силу условій своихъ съ императоромъ, онъ освободилъ графа Туриз, попавшаго въ 1635 году въ плѣнъ; хотя императоръ приказалъ доставить его въ Вѣну, какъ зачинщика мятежа въ Богеміи 1618; изъ этого видно, что власть его была неограниченна; правительству не прилично было офиціально объявить условія и обличить свою слабость. Обвиненіе, что онъ преступилъ данную ему власть, должно было оставаться необъясненнымъ; все это подтверждается насильственною его смертію. Онъ сдѣлался столь опаснымъ самому государю, что нельзя было судить его по законамъ.

въ то же время вступилъ съ ними въ переговоры, которые однако жъ остались безуспѣшны. Въ началѣ мая онъ взялъ Прагу, вскорѣ успѣлъ покорить всю Богемію и хотѣлъ заставить курфирста саксонскаго заключить миръ, но успѣхи Густава Адольфа вынудили его поспѣшить въ Верхній Пфальцъ на помощь курфирсту баварскому.

По приближеніи короля шведскаго, Тилли пошелъ изъ епископства бамбергскаго въ Форхгеймъ, чтобы, по желанію курфирста, двинуться оттуда къ Дунаю и охранять Баварію. Онъ избѣгалъ сближенія съ шведскою арміею, направился изъ Эрлангена обходомъ около Нюрнберга черезъ Неймарктъ въ Ингольштадтъ, гдѣ перешелъ черезъ Дунай и расположился за Лехомъ.

Дѣйствія Густава Адольфа зависѣли теперь отъ движеній непріятеля, за которымъ надлежало слѣдовать, чтобы нанести ему поражение, покорить Баварію и потомъ продолжать дѣйствія противъ Австрій. Въ то время еще можно было дѣлать подобныя предположенія, потому что нельзя было знать, скоро ли Валленштейнъ успѣетъ явиться въ поле съ арміею, и можно было надѣяться, что Саксонцы задержатъ его въ Богеміи; хотя король шведскій, по присоединеніи герцога Вильгельма веймарскаго и генерала Баннера и имѣлъ около сорока пяти тысячъ человѣкъ, но онъ долженъ былъ держать ихъ въ совокупности, чтобы имѣть возможность нанести рѣшительный ударъ. Согласно съ этимъ предположеніемъ, онъ уже 18 марта выслалъ въ Виндсгеймъ фельдмаршала Горпа съ авангардомъ и 20 послѣдовалъ за нимъ до Фюрта.

Изъ Фюрта Густавъ Адольфъ съ большою свитою и въ сопровожденіи короля богемскаго Фридриха V, ѣздилъ въ Нюрнбергъ, гдѣ былъ великолѣпно принятъ. Онъ поручилъ городскимъ депутатамъ, передать согражданамъ, чтобы они твердо держались союза, къ которому присоединились за справедливое дѣло и представлялъ имъ въ продолжительной рѣчи, какую услу-

гу Нюренбергъ можетъ оказать протестантизму, если подастъ собою похвальный примѣръ своимъ едино-вѣрцамъ. Король обѣщаль городу свое покровительство и помощь. Вечеромъ онъ возвратился къ арміи, дошедшей въ тотъ день до Швабаха. Оттуда онъ слѣдовалъ за движеніемъ непріятели до Неймаркта, и обратился потомъ къ Донауверту, который былъ занятъ непріятеlemъ; командовавшій въ Донаувертѣ герцогъ лауенбургскій намѣренъ былъ защищаться; но отступилъ за Дунай, когда Шведы овладѣли укрѣпленіями на горѣ Шеленбергѣ. Приказаніе его разрушить мостъ на Дунаѣ было вѣроятно худо исполнено, потому что Шведы преслѣдовали его, хотя слабо, и вскорѣ вся армія Густава Адольфа перешла на правый берегъ Дуная. Укрѣпленный Донаувертъ не держался и двадцати четырехъ часовъ; герцогъ лауенбургскій потерялъ пять сотъ человѣкъ убитыми при оборонѣ города и во время отступленія.

Не далеко было идти Густаву Адольфу для отысканія непріятельской арміи; Тилли занялъ позицію на правомъ берегу Леха, при слияніи сей рѣки съ Дунаемъ, къ которому онъ примкнулъ правымъ флангомъ. Фронтъ былъ прикрытъ рѣкою, а лѣвый флангъ примыкалъ къ городу Райну, въ тылѣ позиціи протекала рѣчка Аха. Для большей сохранности, Тилли приказалъ разрушить всѣ мосты вверхъ по Леху и занялъ города, лежащіе при сей рѣкѣ до Аугсбурга; сей послѣдній былъ особенно укрѣпленъ и у жителей отобрали оружіе.

Позиція геперала Тилли была чрезвычайно выгодна и крѣпка, къ тому же курфюрстъ баварскій привелъ къ нему сколько могъ собрать людей способныхъ носить оружіе.

Густавъ Адольфъ тотчасъ приказалъ исправить укрѣпленія на горѣ Шеленбергѣ при Донаувертѣ и занялъ всѣ города, находящіеся въ пространствѣ между Дунаемъ и Лехомъ отъ Донауверта до Ульма, которые и доставили ему большое число рогатаго скота и про-

довольствія. Шведская армія расположилась лагеремъ при Нордгеймѣ вблизи Леха, откуда король тщательно осмотрѣлъ позицію противниковъ.

Теперь надлежало вытѣснить непріятеля изъ занимаемой имъ позиціи и войти въ Баварію. Это кажется удобно можно было исполнить, перейдя черезъ Лехъ выше Райна и ставъ между позиціею противниковъ и Мюнхеномъ, чѣмъ самымъ Тилли и курфирстъ баварскій нашлись бы принужденными отступить, если не хотѣли отдать Шведамъ столицы безъ боя; въ тѣсномъ пространствѣ между Дунаемъ и Лехомъ они кромѣ того встрѣтили бы затрудненіе въ продовольствіи и должны бы были принять сраженіе въ невыгодномъ положеніи. Путь отступленія Шведовъ не подвергался опасности^{*}; напротивъ Баварцы, долженствовавшіе отступать черезъ Нейбургъ, встрѣтили бы многія препятствія въ мѣстоположеніи той страны.

Густавъ Адольфъ предпочелъ однако жъ атаковать непосредственно непріятельскія укрѣпленія, и когда въ военномъ совѣтѣ фельдмаршалъ Горнъ говорилъ о сопряженныхъ съ тѣмъ затрудненіяхъ и совѣтовалъ идти въ Богемію и уничтожить тамъ заготовленія Валленштейна, причемъ надлежало бы оставить на Дунаѣ корпусъ для наблюденія за арміею Тилли, то король сказалъ, какъ нѣкогда Александръ при Граникѣ, «переплывъ море и перейдя множество рѣкъ, убоимся ли малаго ручья?» Слѣдовательно оставалось только сообразить нужныя распоряженія. Обстоятельства споспѣшествовали нѣсколько сему предпріятію. Лѣвый берегъ Леха былъ не многими футами выше праваго, и рѣка образовала колѣно, обращенное къ сторонѣ Шведовъ, что способствовало устроить на этомъ мѣстѣ мостъ съ двумя большими батареями по сторонамъ; нѣсколько выше отыскали бродъ, удобный для прохода кавалеріи.

^{*} Расположенными вдоль Дунаа малыя постами, можно было скоро овладѣть. Самый Аугсбургъ не могъ бы долго сопротивляться.

Распоряженія сдѣланы были сообразно съ мѣстными выгодами: устроили на берегу двѣ большія батареи въ семьдесятъ два орудія, перекрестный огонь коихъ обстрѣливалъ лѣвый флангъ и центръ расположеннаго въ лѣскѣ непріятеля, а для скрываетія постройки моста жгли сырую солому; густой дымъ мѣшалъ непріятелю что-либо видѣть.

Въ два дня мостъ уже былъ почти готовъ, тогда король переправилъ триста человѣкъ на судахъ, приказавъ устроить на противоположномъ берегу флешъ въ видѣ мостоваго укрѣпленія. Между тѣмъ не умолкалъ огонь изъ орудій и ружей; король самъ присутствовалъ на батареяхъ и, какъ говорятъ, стрѣлялъ своеручно. Когда же мостъ и укрѣпленіе передъ нимъ были окончены, то король послалъ на противоположный берегъ нѣкоторую часть пѣхоты и артиллеріи, которые хотя и были тотчасъ атакованы непріятелемъ, но при всемъ томъ потѣснили его назадъ.

Между тѣмъ переправлялась кавалерія имѣвшимся выше моста бродомъ, а пѣхота шла по мосту. Въ это время генералъ Тилли лично повелъ лучшія свои войска противъ Шведовъ, предводительствуемыхъ самимъ королемъ, но уже не могъ воспрепятствовать окончательному ихъ построению. При семъ случаѣ преимущественно кажется дѣйствовала кавалерія, успѣвшая раньше построиться и потому имѣвшая случай атаковать и опрокидывать отдѣльно прибывавшіе отряды непріятельской кавалеріи.

Сраженіе продолжалось уже нѣкоторое время съ большимъ ожесточеніемъ, когда смертельно были ранены: Тилли ядромъ въ правое колѣно, а вслѣдъ за тѣмъ и генералъ Альтрингеръ въ голову. Имперская пѣхота пришла въ безпорядокъ и должна была отступить въ укрѣпленія. Насталъ вечеръ: шведскія войска были утомлены, и вѣроятно не могли быстро слѣдовать за непріятелемъ и съ нимъ вмѣстѣ ворваться въ укрѣпленія или тотчасъ атаковать ихъ. По сей

причинѣ король не преслѣдовалъ непріятеля, но остановился на полѣ сраженія.

Генералы и войска противниковъ упали духомъ; имъ казалось, какъ часто въ такихъ обстоятельствахъ бываетъ, что опасность дальнѣйшаго сопротивленія не вознаграждалась пользою, которую можно было извлечь изъ удержанія за собою позиціи. Густавъ Адольфъ не могъ овладѣть безъ большихъ пожертвованій оставшимися въ цѣлости укрѣпленіями, если бы не нашелъ средства обойти ихъ частью арміи и долженъ бы былъ рѣшиться на фронтальную атаку. Но моральное состояніе противниковъ не обѣщало упорной обороны и это обстоятельство было такой важности, что твердость укрѣпленій дѣлалась бесполезною. Этимъ примѣромъ подтверждается вліяніе предшествовавшихъ успѣховъ или неудачъ на готовность къ бою солдата. Курфирсть баварскій и прочіе генералы разсчитывали, что при несчастіи могла погибнуть большая часть арміи, а съ нею и вся Баварія и верхняя Австрія; слѣдовательно они должны были заключить, что надлежало отступать и стараться сохранить сообщеніе съ Богеміею и съ Валленштейномъ, чтобы впоследствии имѣть возможность дѣйствовать противъ короля шведскаго совокупными силами. Уронъ соединенной австро-баварской арміи простирался до тысячи двухъ сотъ человекъ; со стороны Шведовъ потеря была не менѣе значительна (17).

Говорятъ, что Густавъ Адольфъ, обозрѣвая на слѣдующій день лагерь противниковъ, удивлялся тому, что курфирсть такъ скоро оставилъ укрѣпленія; и это понятно, если изъ того заключить, что онъ намѣреющъ былъ въ тотъ день, 6 апрѣля, вторично атаковать непріятеля и взять лагерь приступомъ. Онъ разсчитывалъ, чего ему бы это стоило, не сообразивъ въ ту минуту, что упадокъ духа противниковъ лишилъ ихъ возможности надлежащимъ образомъ обороняться и что это самое и вынудило курфирста немедленно сняться съ позиціи. Если бы имѣлись сред-

ства внушить бодрость въ арміи, то безъ сомнѣнія отступление могло бы такъ быть устроено, что и по взятіи лагеря, армія не могла бы подвергнуться совершенному пораженію. Но какъ чувство опасенія сдѣлалось преобладающимъ въ понятіяхъ и начальниковъ и войска, то ни какія распоряженія не могли быть сдѣланы и надобно было рѣшиться отступать; къ чему тотчасъ и было приступлено въ направленіи къ Нейбургу и Ингольштату; умирающей Тилли особенно совѣтовалъ занять Регенсбургъ *.

Король шведскій не преслѣдовалъ непріятеля; по крайней мѣрѣ нѣтъ никакихъ свѣдѣній о томъ. Между тѣмъ, сколько теперь можно судить, надлежало бы и возможно было слѣдовать всею арміею по пятамъ непріятеля и вынудить его принять вторичное сраженіе въ невыгодныхъ обстоятельствахъ и прежде прибытія его въ Нейбургъ или Ингольштатъ. Сраженіе имѣло бы пагубнѣйшія послѣдствія для курфирста баварскаго, и какъ онъ не имѣлъ подъ рукою другой арміи, то все курфиршество и съ столицею достались бы побѣдителю, хотя и оставалось покорить еще нѣсколько укрѣпленныхъ пунктовъ; для наблюденія или занятія городовъ около Леха, охранявшихся гарнизонами по распоряженію Тилли, въ особенности Аугсбурга, Густавъ Адольфъ имѣлъ достаточно войскъ, чтобъ отдѣлать особый корпусъ.

Ничего подобнаго не было предпринято и ни одинъ авторъ не объясняетъ, почему король, позволивъ непріятелю отступить безпрепятственно, занялся покореніемъ Райна и другихъ небольшихъ городовъ, направился потомъ къ Легаузену, откуда требовалъ сдачи Аугсбурга, и только изъ Легаузена послалъ полковника Ландсбергера съ пятьюстами кавалеріи въ Нейбургъ, откуда прислана была ему депутація.

Съ Аугсбургомъ вступили въ переговоры, окончившіеся тѣмъ, что гарнизонъ, получивъ свободу, былъ

* См. Chemnitz. 1. Т. р. 311.

препровожденъ въ Ингольштатъ. Городъ охотно принялъ шведскій гарнизонъ и жители должны были присягнуть, что останутся вѣрными дѣлу, защищаемому королемъ, въ замѣнъ того имъ была обѣщана неприкосновенность ихъ правъ. Вотъ въ чемъ состояла худо истолкованная присяга Аугсбурга королю, желавшему, кажется, имѣть нѣкоторое ручательство въ образѣ мыслей горожанъ. Если бы король имѣлъ въ виду упрочить за собою свои завоеванія, то опъ вѣроятно началъ бы не съ Аугсбурга.

Пятнадцатаго апрѣля Густавъ Адольфъ выступилъ изъ Легаузена къ крѣпости Ингольштату, гдѣ курфирстръ баварскій стоялъ въ укрѣпленномъ лагерѣ на лѣвомъ берегу Дуная. Утверждаютъ, что Густавъ Адольфъ полагался на содѣйствіе полковника Фаренбаха, находившагося въ крѣпости и состоявшаго предъ тѣмъ въ шведской службѣ, который однако жъ по подозрѣнію былъ арестованъ.

Вскорѣ по обложеніи крѣпости, король началъ траншею на правомъ берегу Дуная и овладѣлъ передовымъ отдѣльнымъ укрѣпленіемъ, понесъ однако жъ значительный уронъ при атакѣ другаго отдѣльнаго верка. Обозрѣвая мѣстоположеніе около крѣпости, король чуть было опять не погибъ, это произвело глубокое впечатлѣніе на приближенныхъ и на армію: лошадь подъ нимъ была убита; ядро пролетѣло мимо самаго колѣна и онъ упалъ обогранный кровью; перемѣнивъ лошадь, онъ однако жъ продолжалъ спокойно обозрѣніе. Должно быть, что король былъ подъ самыми стѣнами крѣпости, потому что осажденные могли втащить къ себѣ лошадь и сохранили кожу ея въ арсеналѣ. Вскорѣ за симъ былъ убитъ ядромъ принцъ баденскій, пользовавшійся особымъ расположеніемъ короля; эти два случая дали поводъ Густаву Адольфу

* Время, проведенное Густавомъ Адольфомъ въ Аугсбургѣ, показывается авторами весьма различно. Однако жъ повѣроятно, чтобы онъ долго оставался тамъ, Гемницъ и Soldat svedois оба утверждаютъ, что онъ выступилъ оттуда 15 апрѣля.

обратиться съ замѣчательною рѣчью къ собравшимся къ нему въ лагерь генераламъ; въ словахъ, выражавшихъ чувство благоговѣнія, преисполнявшее его послѣ избѣжанія смерти, король обнаружилъ свой образъ мыслей на счетъ тѣхъ честолюбивыхъ видовъ, въ которыхъ упрекали его, какъ ему извѣстно было. Онъ объявилъ, что намѣренъ привести Германію въ прежнее ея состояніе и значеніе. Можно ли сомнѣваться въ чистотѣ видовъ Густава Адольфа, сего набожнаго, храбраго монарха, сказавшаго при семъ случаѣ, «что въ оправданіе свое онъ беретъ въ свидѣтели Бога и совѣсть свою,» исчислившаго потомъ всѣ свои дѣянія, надежды и пожертвованія. Могъ ли онъ скрывать коварныя виды въ минуту столь торжественную? Это было бы совершенно противно характеру его. Утвердительно можно сказать, что какіе бы ни были его виды и въ какое бы положеніе онъ ни былъ поставленъ стеченіемъ обстоятельствъ, онъ всегда бы увѣнчалъ свое поприще достойнымъ образомъ, какъ монархъ, гениі котораго носилъ уже на себѣ печать безсмертія. Въ заключеніе рѣчи своей Густавъ Адольфъ присовокупилъ: «мои совѣты, предпріятія, труды понесенные и будущіе, могутъ свидѣтельствовать въ томъ, что я оставилъ свое отечество и все, что дорого мнѣ, не столько для собственной моей сохранности, сколько для прекращенія зла тиранства, для возвращенія прежнихъ правъ протестантскимъ князьямъ Германіи и наконецъ для достиженія прочнаго мира.» *.

Ингольштатъ былъ обложенъ, но кажется не со всѣхъ сторонъ: курфирстъ баварскій снялся 22 апрѣля

* Вся рѣчь помѣщена въ Гемницѣ I части на стр. 316. Густавъ Адольфъ имѣлъ привычку говорить при случаѣ публично и продолжительно, почему нельзя сомнѣваться въ смыслѣ словъ, по крайней мѣрѣ онъ вѣролѣенъ. По свидѣтельству другаго писателя, король еще присовокупилъ: «кто живетъ для чести, тотъ долженъ быть готовымъ умереть за общее благоденствіе.» Что совершенно соответствуетъ его образу мыслей.

и пошелъ въ Регенсбургъ; въ Ингольштатѣ оставленъ былъ графъ Тилли, племянникъ главнокомандующаго, съ достаточнымъ для сильной обороны гарнизономъ. Нѣтъ никакихъ свѣдѣній, чтобы Шведы старались препятствовать отступленію курфирста баварскаго *. Слѣдовательно можно заключить, что со стороны лѣваго берега Ингольштатъ былъ худо или и вовсе не обложенъ. Густавъ Адольфъ вѣроятно не могъ устроить моста черезъ Дунай, а не имѣя прямого сообщенія, онъ опасался перевести корпусъ на другую сторону черезъ переправу при Нейбургѣ. Фельдмаршалъ Горнъ получилъ приказаніе двинуться съ отрядомъ вдоль Дуная къ Регенсбургу, но узнавъ во время слѣдованія, что городъ уже занятъ непріателемъ, возвратился.

Во время пребыванія короля при Ингольштатѣ, происходили нѣкоторые дипломатическіе переговоры: курфирстъ баварскій поручилъ находившемуся при немъ французскому посланнику Сентъ-Этіенну предложить королю нейтралитетъ и даже миръ. При семъ для насъ замѣчательно только, какимъ образомъ Густавъ Адольфъ отказалъ посреднику въ искѣ; догадываясь тотчасъ, что курфирстъ желаетъ только выиграть время, чтобы вѣрнѣе соединиться съ Валленштейномъ. Король отказалъ дипломату въ короткихъ словахъ. Когда же тотъ не довольствовался этимъ, то король высказалъ ему въ сильныхъ выраженіяхъ поступки курфирста, но какъ и за сямъ посланникъ не прекращалъ своего домогательства, то король прямо объявилъ ему, что онъ хочетъ обмануть его; посланникъ просилъ уважить, что король французскій союзникъ Швеціи; на что Густавъ Адольфъ отвѣчалъ, «что онъ вѣритъ дружественному расположенію короля французскаго, но что Франція, если хочетъ, можетъ дать

* Слѣдуя Мовильону, выступленіе баварской арміи изъ подъ Ингольштата послѣдовало 22 мая, но переводчикъ его обозначаетъ 22 апрѣля, что и вѣроятно по расчету времени и согласіе съ показаніемъ, что король въ началѣ мая и послѣ осады Ингольштата былъ въ Мюнхенѣ.

курфирсту баварскому вспомогательный корпусъ въ сорокъ тысячъ, а что ему все равно, съ какою націею воевать *.»

Занятіе Регенсбурга обезпечивало соединеніе курфирста баварскаго съ Валленштейномъ, имѣвшимъ въ концѣ апрѣля уже значительную армію. Чтобы понудить курфирста возвратиться въ свои владѣнія, Густавъ Адольфъ снялъ обложеніе Ингольштата и рѣшился вторгнуться далѣе во внутренность Баваріи. Шведы заняли Мосбургъ, Ландсгутъ и Фрейзингентъ. Ингольштатъ оставался между тѣмъ подъ непрерывнымъ наблюденіемъ достаточно сильнаго отряда.

Занятіе Баваріи было сопряжено съ большими затрудненіями; Баварцы ненавидѣли Шведовъ, нападали на одиночныхъ солдатъ и на малыя команды, увѣчили и измучивали ихъ безчеловѣчнымъ образомъ, въ церквахъ даже молились: «избавь насъ Господи отъ шведскаго дьявола.» Однако жъ король не мстилъ за то; онъ грозно привѣтствовалъ бургомистра города Ландсгута, но пощадилъ городъ, наложивъ только контрибуцію въ сто тысячъ талеровъ. То же самое воспослѣдовало и съ Мюнхеномъ, приславшимъ депутацію къ королю, которая была принята весьма милостиво. Король сказалъ: «я могъ бы мстить за Магдебургъ, но городъ можетъ быть спокоенъ. Слово мое значитъ болѣе нежели капитуляція.»

Король перевелъ главную квартиру въ Мюнхенъ, куда былъ сопровождаемъ Фридрихомъ пфальцскимъ и многими другими князьями. Пѣхота стояла лагеремъ недалеко отъ города, а кавалерія была размѣшена по деревнямъ. Говорятъ, что Фридрихъ V и другіе князья просили короля взорвать дворецъ курфирста и это подтверждается многими доказательствами. Но достоверно, что Густавъ Адольфъ былъ неспособенъ къ

* Въ Мовильонѣ помѣщена длинная рѣчь короля, но въ переводѣ упоминаются вышеприведенныя слова, взятыя изъ записокъ королевы Христины, что и соответствуетъ болѣе пылкому характеру шведскаго короля.

такому поступку. Найденныя же въ арсеналѣ сто сорокъ орудій онъ приказалъ взять. Еще можно замѣтить какъ отличительную черту того времени и самаго Густава Адольфа, что когда ректоръ іезуитской коллегии привѣтствовалъ его рѣчью на латинскомъ языкѣ, то король не только отвѣчалъ ему также полатыни, но и вошелъ съ нимъ въ преніе о различіи вѣроисповѣданій, при чемъ обнаружилъ глубокія познанія въ этомъ предметѣ. Онъ обращался съ духовенствомъ весьма милостиво и строго наблюдалъ за дисциплиною. Но при всемъ томъ обращеніе поселянъ съ его солдатами не измѣнялось; поселяне убивали ихъ при удобныхъ случаяхъ безъ всякой жалости.

Подобное обращеніе съ Шведами было причиною, что когда король приказалъ ловить виновныхъ, то разъяренные солдаты зажгли болѣе ста деревень и перевѣшали большое число жителей. Озлобленіе распространилось и по епископству бамбергскому и стоило многихъ жертвъ. Ненависть жителей и дѣйствія баварскихъ войскъ составляли родъ малой войны, которая причиняла Шведамъ много хлопотъ, но отъ которой они избавились довольно счастливо. Были покушенія на нѣкоторые гарнизоны въ городахъ, но бдительность Шведовъ спасала ихъ каждый разъ.

Успѣхи шведскаго короля въ Баваріи, и въ особенности пораженіе и смерть генерала Тилли, обратили на себя всеобщее вниманіе; даже Франція встревожилась и какъ говорятъ, послала спросить Густава Адольфа, «гдѣ будетъ предѣлъ его завоеваній?» На что будто бы онъ отвѣчалъ: «тамъ, гдѣ это будетъ соотвѣтствовать моимъ видамъ.» Хотя Мовильонъ, слѣдуя запискамъ Архенгольца, и утверждаетъ, что о томъ упоминается въ актахъ шведскаго сената, но при всемъ томъ не вѣроятны ни вопросъ ни отвѣтъ: могъ ли успѣхъ Густава Адольфа озаботить Францію? Лѣтописи свидѣтельствуютъ напротивъ, что въ то время вѣнскій дворъ возымѣлъ опасенія и намѣревался расторгнуть союзъ Франціи съ Швеціею. Фердинандъ II тшетно

старался вовлечь въ войну даже самого папу. Столь же безуспѣшны остались старанія Валленштейна, дѣйствовавшаго посредствомъ фельдмаршала Арнима на курфирста саксонскаго. Курфирстъ не имѣлъ духа отказывать себѣ въ придворныхъ развлеченіяхъ и ощущалъ всегда непреодолимую скуку, коль скоро надобно было заняться какимъ-либо серіознымъ дѣломъ. Будучи не расположенъ къ старшей веймарской линіи, а слѣдовательно и къ Швеціи и въ особенности къ сей послѣдней, какъ къ державѣ ему чуждой, и ревнуя притомъ за такъ называемыя права Германіи, хотя безъ яснаго сознанія, онъ охотно бы присталъ къ сторонѣ императорской, но помощь Густава Адольфа во время нужды и брейтенфельдское сраженіе не изгладились изъ его памяти, да и самое рвеніе къ протестантизму не позволяло ему не уважить убѣдительныхъ писемъ короля шведскаго. Болѣе же всего поощрала курфирста саксонскаго быть постояннымъ, мысль о возвращеніи Густава Адольфа въ Саксонію.

Между тѣмъ Валленштейнъ уже имѣлъ большой успѣхъ въ Богеміи, почему и надлежало бы кажется дорожить временемъ и поспѣшать противопоставить армію сему новому противнику. Но Густавъ Адольфъ вѣроятно не считалъ это необходимымъ, по крайней мѣрѣ писатели о томъ не упоминаютъ и надобно сожалѣть, что ни кто изъ нихъ не показалъ причинъ, побудившихъ короля, оставя Баварію, предпринять походъ въ Швабію; говорятъ, что возникшіе тамъ мятежи, впрочемъ не имѣвшіе послѣдствій, заставили его предпринять дѣйствія такого рода. Какъ бы то ни было, король приказалъ устроить магазины, и собрать контрибуціи и перешелъ въ Аугсбургъ; Мюнхенъ остался однако жъ занятымъ Шведами. Изъ Аугсбурга Густавъ Адольфъ съ частию арміи двинулся въ Мемингенъ, а остальные войска были между тѣмъ собраны въ лагерь при Донаувертѣ.

Курфирстъ баварскій хотѣлъ тотчасъ воспользоваться отсутствіемъ короля и приказалъ полковнику Кра-

цу занять Мюнхенъ, но это не могло быть исполнено по случаю приближенія шведскаго отряда. Чтобы не возвратиться безъ всякаго успѣха, Крацъ на обратномъ пути пошелъ черезъ Ингольштатъ, перешелъ черезъ Дунай и атаковалъ Вейсенбургъ. Небольшой гарнизонъ сего города защищался храбро, но былъ наконецъ вынужденъ, за неимѣніемъ боевыхъ запасовъ, сдать и получилъ позволеніе отступить. Но полковникъ Крацъ измѣнилъ своему слову и всѣ не соглашавшіеся вступить въ баварскую службу, были изрублены.

Этотъ успѣхъ Баварцевъ заставилъ шведскаго короля отмѣнить свое движеніе въ Мемингенъ и Ульмъ; отрядивъ герцога Вильгельма веймарскаго съ двумя тысячами человекъ для наблюденія за Имперцами и Баварцами на лѣвую сторону Дуная, онъ тотчасъ возвратился черезъ Аугсбургъ въ Баварію, и присоединилъ къ себѣ гарнизоны городовъ Фрейзинга, Ландсгута и Мюнхена, потомъ онъ двинулся къ Донауверту, взявъ съ собою болѣе сорока аманатовъ за невыплату контрибуцій.

Подъ Донаувертомъ Густавъ Адольфъ оставался до первыхъ чиселъ іюня мѣсяца; въ это время герцоги Бернгардъ и Вильгельмъ веймарскіе производили нѣсколько удачныхъ поисковъ въ Швабію; а курфирстъ баварскій укрѣпилъ Регенсбургъ, обезпечивъ тѣмъ соединеніе съ Валленштейномъ, который, по дарованнымъ ему правамъ, требовалъ званія главнокомандующаго соединенною арміею. Герцогъ, находясь въ столь тѣсныхъ обстоятельствахъ, долженъ былъ наконецъ уступить командованіе Валленштейну, и тогда оба согласились соединить свои арміи въ Эгерѣ, что и состоялось 17 іюня.

Теперь Валленштейнъ имѣлъ армію въ шестьдесятъ тысячъ, такими силами онъ могъ подавить Густава Адольфа. Говорятъ, что, сдѣлавъ смотръ войскамъ, онъ сказалъ: «Скоро рѣшено будетъ, кому владѣть міромъ: мнѣ или королю шведскому.» Но главно-

командующій союзною армією не показалъ особенной дѣятельности въ отысканіи своего противника. Мы не можемъ судить о мѣрахъ Густава Адольфа для воспрепятствованія соединенію обѣихъ непріятельскихъ армій, потому что не имѣемъ ни какихъ о томъ свѣдѣній. Одна изъ главнѣйшихъ причинъ, удерживавшихъ короля, была вѣроятно малочисленность его войскъ въ сравненіи съ армією противниковъ. Онъ долженъ былъ соблюдать величайшую осторожность, чтобы не попасть между арміями; при Донаувертѣ онъ имѣлъ не болѣе шестнадцати тысячъ.

Съ этимъ числомъ войскъ король выступилъ въ Зульбахъ, что въ Верхнемъ Пфальцѣ, и отрядилъ въ Вейденъ нѣсколько кавалерійскихъ полковъ. Сначала не извѣстно было, пойдетъ ли Валленштейнъ въ Саксонію или въ Баварію; но движеніе черезъ Тиршенрейтъ на Вейденъ объяснило, что онъ идетъ противъ шведской арміи. Тогда королю шведскому представлялись два пункта къ отступленію: Донаувертъ и Нюренбергъ; въ обѣихъ онъ могъ выждать прибытія подкрѣпленій, оба имѣли свою относительную важность. Первый обезпечивалъ переправу черезъ Дунай и сообщеніе съ оставленными войсками и Швабією, но не представлялъ тѣхъ способовъ продовольствія, которые имѣются частью въ готовности, въ большомъ городѣ, слѣдовательно необходимо было бы заготовлять магазины. Кромѣ того можно было опасаться, что Нюренбергъ какъ городъ, представлявшій много способовъ и чрезвычайно преданный Густаву Адольфу, подвергнется участи Магдебурга; а какъ король обѣщалъ Нюренбергу свое покровительство, то Густаву Адольфу и было выгодно съ небольшимъ своимъ войскомъ выждать подъ стѣнами сего важнаго города окончательнаго обнаруженіе намѣреній противника. Нюренбергцы предвидѣли опасность, угрожавшую ихъ городу, и послали депутацію къ королю, который обѣщалъ имъ дѣятельнѣйшую помощь и, давъ нужныя наставленія, отступилъ уже 16 іюня въ Герсбрукъ, откуда немедленно перешелъ въ

Нюренбергъ и занялъ лагерь такимъ образомъ, что городъ находился въ центрѣ лагеря. Тотчасъ начали рыть укрѣпленіе съ бастіонами значительнаго профиля, и устроили нужное число мостовъ на рѣкѣ Пегницѣ, протекающей черезъ городъ. Ежедневно работали семь тысячъ солдатъ, гражданъ и поселенъ изъ окрестности и въ нѣсколько дней укрѣпленія были почти готовы (18).

Какъ скоро не оставалось болѣе сомнѣнія, что дѣйствія непріятеля будутъ обращены на Нюренбергъ, то король тотчасъ послалъ приказанія герцогу Бернгарду, Уксеншернѣ и нѣкоторымъ другимъ отряженнымъ генераламъ присоединиться къ нему. Для развѣдыванія же о движеніяхъ непріятеля, командировалъ онъ полковника Дюбателя съ драгунскимъ полкомъ и нѣсколькими эскадронами кирасиръ; Дюбатель, извѣстясь, что императорская артиллерія, съ прикрытіемъ четырехъ тысячъ челоуѣкъ, прибыла въ Неймаркъ, вознамѣрился атаковать сей отрядъ, но потерялъ почти все свое войско и самъ былъ взятъ въ плѣнъ. Король, узнавъ о томъ, тотчасъ взялъ большую часть своей кавалеріи и лично пошелъ къ Неймарку. Но дѣло было уже копчено и надобно было возвратиться.

Валленштейнъ перешелъ черезъ Редницъ при Швабахѣ. Король наблюдалъ за его движеніемъ, и выступивъ ему на встрѣчу съ кавалеріею за рѣчку Биберъ близъ Фюрта, занялъ позицію при Кадольцбургѣ въ довольноомъ разстояніи отъ той рѣчки. Позиція его, говорятъ, была обезпечена отъ обхода, но отрядъ былъ несоразмѣрно малъ. Вызывать непріятеля такимъ образомъ, значило пренебрегать имъ; но Валленштейнъ не показывалъ охоты атаковать Шведовъ, отозвавшись, какъ говорятъ, «что довольно было сраженій, пора испытать другую методу.»

Если движеніе короля основывалось единственно на свойствѣ нрава его, то врядъ ли можно похвалить равнодушіе генералиссимуса, не имѣвшаго надобности уклоняться отъ подобныхъ вызововъ, и обнаружив-

шаго тѣмъ, что перевѣсъ моральной силы былъ не на его сторонѣ. Главнокомандующій, имѣющій такого противника, можетъ безнаказанно пренебрегать имъ; въ такомъ случаѣ надлежитъ только остерегаться лукавства противника, а не предпримчивости его, потому что, если бъ онъ обладалъ ею, то не упустилъ бы случая наказать его за излишнюю отважность. Но не предпринявъ ничего противъ дѣйствій Шведовъ, Валленштейнъ спокойно занялъ лагерь на высотахъ близъ Нюренберга, примыкая флангами, правымъ къ городу Штейну, а лѣвымъ къ рѣчкѣ Биберъ, и имѣя рѣку Редницъ передъ фронтомъ.

Валленштейнъ, основываясь на ложномъ понятіи о способахъ продовольствія шведской арміи, надѣялся, какъ говорятъ, выморить ее голодомъ. Точно также неосновательно полагалъ онъ, что обложеніемъ Нюренберга пресѣчены сообщенія города съ Швабією, Франконією и Турингією, но все обложеніе состояло въ одномъ слабомъ кордонѣ, который не трудно было прорвать. Въ чистомъ полѣ силы Валленштейна конечно превосходили числительностію силы Густава Адольфа, но какъ шестьдесятъ тысячъ было недостаточно, чтобъ совершенно запереть городъ, котораго окружность простиралась на нѣсколько миль, то, занятіемъ лагеря при Нюренбергѣ, король нѣкоторымъ образомъ уравнилъ свои средства съ средствами противника. Оставалось только обезпечить положеніе шведской арміи искусственными способами и бдительностію, то есть, соблюденіемъ всей точности службы, наблюденіемъ за непріателемъ и дѣятельностію. Король заботился о всемъ, и армія его могла быть спокойна. Каждый зналъ свою обязанность; только чрезвычайные случаи подлежали распоряженію самого короля. Эту выгоду доставляютъ подобныя убѣжища противъ превосходныхъ силъ противника, надобно только, чтобы продовольствіе было достаточно обезпечено на все нужное по расчету время. Та изъ двухъ армій, которая будетъ имѣть продовольствія на большее время,

останется въ выгодѣ и достигнетъ цѣли своей, потому что большое количество войскъ не можетъ оставаться долгое время на одномъ пунктѣ безъ совершеннаго изнуренія окрестной страны.

Валленштейнъ укрѣпляетъ тоже и свой лагерь и говорятъ, полагалъ дѣйствительно, что король шведскій въ скоромъ времени будетъ доведенъ до крайности и склонится къ миру. Это доказывается тѣмъ, что онъ возвратилъ нѣкоторыхъ плѣнныхъ * взятыхъ подъ Неймаркомъ и просилъ ихъ изъяснить королю совершенное свое уваженіе. Полагаютъ, что Валленштейнъ надѣялся болѣе угодить своему государю выгоднымъ миромъ, нежели продолженіемъ войны, за результаты которой нельзя было ручаться. Если это справедливо, то Валленштейнъ худо зналъ своего противника. Густавъ Адольфъ скорѣе рѣшился бы на отчаяннѣйшее средство, нежели на условія, могущія хотя сколько нибудь коснуться его чести. Вообще Валленштейнъ имѣлъ ложное понятіе о положеніи Шведовъ; недостатокъ въ продовольствіи долго еще не водворился бы въ арміи короля, еслибъ не прибыли къ нему значительныя подкрѣпленія, а съ прибытіемъ сихъ послѣднихъ исчезала и несоразмѣрность обѣихъ армій.

Желаніе Валленштейна заключить миръ подтверждается еще догадками самого короля, который приказалъ собраться городскому совѣту и объявилъ, «что не будетъ противиться благому дѣлу заключенія мира, подъ условіемъ однако жъ, что союзникамъ его будутъ вознаграждены понесенныя потери и обезпечится ихъ будущность, въ противномъ же случаѣ онъ не хочетъ и слышать о мирѣ. Если же городъ Нюренбергъ, не смотря на то, войдетъ въ переговоры по сему предмету, то онъ удалится съ своею арміею.» Городской совѣтъ безусловно предоставилъ судьбу Нюренберга королю и клялся, что всѣ граждане, въ случаѣ нужды, готовы жертвовать для общей пользы

* Въ томъ числѣ и полковника Дюбателля.

жизнью и имуществом и просят соизволенія вооружиться всѣмъ поголовно. Король принялъ предложеніе и въ двое сутокъ сформировалась милиція въ тридцать тысячъ человѣкъ, изъ коей были избраны двѣнадцать баталіоновъ лучшихъ людей, а изъ сихъ послѣднихъ ежедневно вступали въ караулъ четыре баталіона вмѣстѣ съ Шведами для охраненія городскихъ стѣнъ. Кромѣ того городъ дѣлился съ шведскою арміею въ значительныхъ продовольственныхъ запасахъ, почему въ продолженіи всей блокады и не было недостатка въ зерновомъ хлѣбѣ. Другія потребности вздорожали, но въ хлѣбѣ не было недостатка и нечего было опасаться голода.

Валленштейнъ, по собственному его выраженію не ожидалъ такого, «постоянства.» Лагерь короля онъ считалъ неприступнымъ, и былъ осыпанъ похвалами за то, что не жертвовалъ своими войсками. Мы не будемъ разсматривать, была ли основательна сія похвала и дѣйствительно ли онъ ее заслуживалъ? (19).

Однако Валленштейнъ, обманутый донесеніями лаутчиковъ, 5 іюля атаковалъ укрѣпленіе, въ указанномъ слабѣйшемъ мѣстѣ, но былъ отбитъ съ потерей трехъ сотъ человѣкъ. Валленштейнъ все еще оставался при прежнемъ образѣ мыслей, и послалъ къ Густаву Адольфу взятаго при фуражировкѣ шведскаго ротмистра, пригласивъ его прежде къ обѣденному столу, съ порученіемъ объяснить его величеству королю шведскому, что онъ считаетъ его первымъ полководцемъ въ мірѣ и искренно желаетъ устроить прочный миръ между имъ и императоромъ.

Потомъ Густавъ Адольфъ узналъ отъ плѣннаго офицера, что на будущій день ожидаютъ въ неприятельскомъ лагерѣ транспортъ болѣе нежели изъ тысячи повозокъ; король поручилъ взять транспортъ полковнику Дюбателью.

Дюбатель выступилъ въ Фрейштетлейнъ съ драгунскимъ полкомъ и командою кирасиръ, взялъ городъ приступомъ, истребилъ конвой и завладѣлъ всѣмъ

транспортомъ. Король самъ слѣдовалъ за нимъ до Бургтапа съ пятьюстами пѣхоты и нѣсколькими эскадронами. Тамъ встрѣтилъ онъ непріятельскій отрядъ генерала Спарре, состоявшій изъ четырехъ эскадроновъ, двадцати ротъ кроатовъ и пяти сотъ пѣхоты; Спарре имѣлъ порученіе провести транспортъ изъ Фрейштетлейна въ лагерь дорогою, менѣе опасною. Король видя, что его авангардъ атакованъ, тотчасъ опрокинулъ непріятельскую кавалерію своими эскадронами; но пѣхота противника оборонялась мужественно и нѣскольکو офицеровъ изъ королевской свиты были убиты, это усугубило гнѣвъ короля и — отрядъ непріятельскій былъ опрокинутъ, а большая часть его изрублена; генералъ Спарре и нѣскольکو офицеровъ были взяты въ плѣнъ. Король наградилъ своихъ офицеровъ золотыми медалями и приказалъ выдать по сту талеровъ за каждое изъ взятыхъ трехъ знаменъ, а каждому солдату по талеру.

Потеря транспорта была весьма чувствительна для Валленштейна; въ лагерь оказался недостатокъ, надобно было фуражировать въ разстояніи многихъ миль, и брать продовольствіе съ оружіемъ въ рукахъ. Болѣе нельзя было требовать отъ Густава Адольфа при большемъ превосходствѣ въ силахъ непріятеля.

Въ это время фельдмаршалъ Горнъ покорилъ Кобленцъ и другіе города на Рейнѣ и король могъ поручить ему совершенно очистить Нижній Пфальцъ отъ испанскихъ войскъ. Въ слѣдствіе того фельдмаршалъ пошелъ вверхъ по Рейну, а Рейнграфъ Отто Людвигъ изгналъ Имперцевъ изъ Эльзаса; въ этой передавшейся совершенно Шведамъ странѣ формировались войска, и были покорены города Бенфельтъ, Шлетштатъ, Тюркгеймъ, Кольмаръ и другіе, а въ началѣ ноября покорили еще Франкенталь (въ Пфальцѣ) и обложили Гейдельбергъ.

Теперь можно было помышлять о введеніи Фридриха V во владѣнія, но онъ нѣсколькими только днями пережилъ шведскаго короля.

Паппенгеймъ нашелся вынужденнымъ обратиться въ Верхнюю Саксонію, а Нижняя Саксонія и Вестфалія были теперь большею частию освобождены генераломъ Баудиссиномъ. Онъ завладѣлъ всѣми пунктами на Везерѣ, вошелъ въ герцогство бергское и принудилъ Кельнъ объявить себя нейтральнымъ.

Въ Саксоніи дѣла были не въ столь хорошемъ положеніи. Фельдмаршалъ Аригеймъ, хотя имѣлъ успѣхъ въ Силезіи, но Валленштейнъ приказалъ изъ Силезіи двинуть войска въ Верхнюю Лузацію, которые покорили Герлицъ и Цитау и раззорили страну. Имперскій генералъ Голькъ былъ потомъ отряженъ съ шестью тысячами въ Саксонію, раззорилъ страну Фохтландъ, при Фрейбергѣ соединился съ генераломъ Галласомъ и покорилъ Фрейбергъ, а курфирстскія гробницы должно было откупить отъ разграбленія огромною суммою. Всѣ города въ Саксоніи были сожжены и разграблены или подвержены ужаснымъ насильствамъ; городъ Мейсенъ подвергся той же участи. Чтобы довершить бѣдствіе несчастной страны, Валленштейнъ послалъ еще и Паппенгейма въ Саксонію. Положеніе сей союзной державы сдѣлалось наконецъ столь несчастнымъ, что имѣло рѣшительное вліяніе на дѣйствія короля и должно было остановить его успѣхи въ непріятельскихъ земляхъ.

Тогда уже можно было ожидать скорого прибытія значительныхъ подкрѣпленій, и это замедляло дѣйствія короля. Подкрѣпленія состояли изъ гарнизоновъ многихъ городовъ, собранныхъ герцогомъ Вильгельмомъ веймарскимъ въ Нижней Саксоніи и Турингіи, а кромѣ того изъ двухъ пѣхотныхъ и двухъ конныхъ полковъ курфирста саксонскаго и изъ гессенскихъ и пфальцскихъ войскъ; надъ всѣми сими войсками принялъ начальство канцлеръ Уксеншернъ. Онъ нашелъ войска собранными при Кинцигѣ, перешелъ 6 августа черезъ Майнъ и направился на Виндсгеймъ, гдѣ присоединились къ нему генералъ Баннеръ и герцогъ Бернгардъ веймарскій. Эта армія составляла болѣе

пятидесяти тысячъ войскъ. По приказанію короля движеніе было направлено черезъ Нейштатъ на Айшъ; Уксеншернъ взялъ въ Герцогенаурахъ значительный транспортъ съ продовольствіемъ и соединился въ половинѣ августа, безъ всякихъ препятствій, съ арміею короля подъ Нюренбергомъ. Странно, что Валленштейнъ допустилъ соединиться арміямъ Густава Адольфа безъ всякаго съ своей стороны покушенія воспротивиться тому. Онъ могъ предвидѣть, что не будетъ въ состояніи устоять противъ усилившейся шведской арміи и что найдется вынужденнымъ отступить куда-либо. Предпримчивый генералъ попытался бы вынудить раздѣленные еще войска противника къ бою; при счастіи, это пожертвованіе могло бы быть вознаграждено выгодами въ послѣдствіи; если бы Валленштейну и не удалось нанести поражение противнику, то онъ при всемъ томъ не лишился бы пути отступленія, если бы только умѣлъ обезпечить его надлежащимъ образомъ приготовительными дѣйствіями.

Эта мѣра осторожности, какъ и вообще осмотрительность въ дѣйствіяхъ, была бы условіемъ, безъ котораго онъ конечно могъ попасть въ большія затрудненія. Но изъ боязни рѣшиться на что-либо, оставаться въ совершенномъ бездѣйствіи, былъ выборъ, который никакъ не можетъ быть оправданъ.

Генералиссимусъ не обращалъ кажется вниманія на всѣ эти обстоятельства, старался только укрѣпить свою позицію, какъ можно лучше, и присоединилъ къ себѣ изъ Баваріи генерала Фуггера съ семью тысячами войскъ *.

Напротивъ Густавъ Адольфъ хотѣлъ атаковать непріятели и собралъ военный совѣтъ, конечно не съ тѣмъ, чтобы основываться на мнѣніяхъ другихъ, къ чему онъ не привыкъ, но единственно для того, что-

* Шведы не могли препятствовать присоединенію Фуггера къ Валленштейну, и этотъ случай нельзя сравнивать съ тѣмъ, которымъ упустилъ воспользоваться Валленштейнъ; обстоятельства были совершенно другія.

бы сличить разныя мнѣнія съ собственнымъ. Когда разсуждали о томъ, какъ вытѣснить противника изъ занимаемаго имъ лагеря, то совѣтъ полагалъ, что надобно выждать выступленія Валленштейна, къ которому онъ по недостатку въ продовольствіи принужденъ будетъ. Но король предвидѣлъ, что увеличившаяся его армія также скоро будетъ нуждаться въ продовольствіи, какъ и непріятельская; а потому не соглашаясь съ общимъ мнѣніемъ, объявилъ генераламъ, что намѣренъ атаковать непріятеля, сообщилъ имъ главные пункты диспозиціи, и 21 августа вторично осмотрѣлъ позицію непріятеля.

Послѣ чего онъ сдѣлалъ опытъ выманить противника изъ лагеря демонстраціею. Когда однако жъ это осталось безуспѣшнымъ, тогда онъ приступилъ къ болѣе рѣшительнымъ дѣйствіямъ, приказалъ заложить на правомъ берегу Редницы три большія батареи и началъ изъ оныхъ сильно обстрѣливать непріятельскій лагерь. Но и это еще не вывело непріятеля изъ терпѣнія. Упорствуя въ своемъ намѣреніи, король атаковалъ городъ Фюртъ, изгналъ оттуда непріятеля и перешелъ съ арміею черезъ Редницъ. Онъ имѣлъ извѣстіе, что противникъ оставитъ лагерь свой занятымъ небольшимъ числомъ войскъ, а выступитъ съ главными силами. Но это не оправдалось, хотя часть арміи Валленштейна и отступила нѣсколько для избѣжанія дѣйствія орудій, занявъ двѣ высоты Альтебергъ и Бургшталь и укрѣпившись засѣками и окопами.

Густавъ Адольфъ избралъ лагерь при Фюртѣ, такъ, что городъ находился за лѣвымъ его флангомъ, и укрѣпилъ свою позицію. Долго однако жъ онъ не могъ оставаться въ такомъ положеніи, потому что окрестность была истощена и не было фуража. Но непріятельская армія претерпѣвала еще больше нужды, не имѣя ни хлѣба, ни хорошей воды, ни корма, особенно же несносны ей были стада сарапчи, тьма большихъ мухъ и множество насѣкомыхъ, которыя

причиняли многимъ людямъ даже ужаснѣйшую смерть. По счастью бѣдствіе это не распространилось на Шведовъ, вѣроятно по мѣстнымъ причинамъ.

Двадцать четвертаго августа король выступилъ изъ своихъ линій и выдвинулъ артиллерію большими батареями. Онъ хотѣлъ атаковать высоту Бургшталь; однако жъ не лзя было имѣть доступъ къ ней иначе, какъ подъ непріятельскимъ огнемъ. Говорятъ, что нѣкоторые изъ старшихъ генераловъ совѣтывали не предпринимать атаки, сопряженной съ большою потерей людей. Но король, выслушавъ ихъ доводы, остался при своемъ намѣреніи. Артиллерія начала дѣйствовать и двѣсти орудій съ обѣихъ сторонъ поддерживали живѣйшій огонь во все время наступленія шведской арміи. Когда же она приблизилась къ тому мѣсту непріятельскихъ укрѣпленій, гдѣ слѣдовало произвести атаку, то нашла столь крутыя высоты и ущелья, что подняться по нимъ было весьма трудно и во многихъ мѣстахъ даже невозможно. Кавалерія вообще не могла дѣйствовать и кромѣ одного дѣла съ кирасирскимъ непріятельскимъ полкомъ, въ которомъ шведская атака была отбита, сей родъ войска вовсе не былъ въ дѣйствіи. Король хотя и взошелъ съ особенною помощію герцога Бернгарда веймарскаго на высоту противъ горы Альтебергъ, откуда можно было обстрѣливать гору Бургшталь и непріятельскій лагерь, но туда нельзя было везти орудія. Однимъ словомъ, наступившая ночь прекратила долго продолжавшійся бой*. Большой уронъ, или можетъ быть и невозможность сохранить связь между находившимися въ бою войсками, побудили короля остановить ихъ въ тѣхъ мѣстахъ, въ которыхъ они находились, и только съ разсвѣтомъ слѣдующаго дня предпринялъ онъ от-

* Можно читать въ *Histoire militaire etc. traduit par Mr. de Francheville* (перев. съ итальянскаго Гвальдо Приорато) замѣчанія на стр. 400, авторъ коихъ, какъ выше упомянуто, былъ прусскій офицеръ; онъ содержитъ описанія мѣстности и много любопытныхъ замѣчаній.

ступленіе. Шведы потеряли двѣ тысячи человѣкъ, въ томъ числѣ и многихъ начальниковъ. Самому королю была отстрѣлена ядромъ подошва праваго сапога, но безъ поврежденія ноги. Число раненыхъ было весьма большое. Потерю непріятельской арміи считаютъ въ тысячу человѣкъ убитыми и еще большее число раненыхъ и взятыхъ въ плѣнъ. Подъ Валленштейномъ была убита лошадь.

Двадцать пятаго августа король всталъ лагеремъ между Пегницею и Редницею и приказалъ устроить передъ фронтомъ редутъ. Въ такомъ положеніи стояли обѣ арміи двѣ недѣли, въ продолженіи которыхъ ничего значительнаго не случилось.

Это послѣднее дѣло подъ Нюрнбергомъ ясно выказываетъ неограниченную смѣлость Густава Адольфа. Нельзя упрекнуть его тѣмъ, что онъ хотѣлъ невозможнаго, предпріятіе его было только отважное. Онъ вѣрно зналъ позицію непріятеля, какъ нельзя лучше, но онъ полагался на храбрость своихъ войскъ, которыя уже часто подъ его предводительствомъ превозмогали величайшія трудности. Шведская армія образовалась по своему главнокомандующему, это видно изъ примѣровъ Бернгарда веймарскаго, Горна, Баннера, Баудиссина, Дюбателя и многихъ другихъ. Трудно рѣшить, чтò такимъ людямъ невозможно. И если бы герцогъ Бернгардъ могъ ранѣе овладѣть высотой, съ которой можно было обстрѣливать непріятельскій лагерь и въ особенности лѣвое его крыло, находившееся на горѣ Бургштадт, чему были препятствія, о которыхъ можетъ быть не знали даже и въ шведской арміи, то Валленштейнъ подвергся бы, можетъ быть, такой же участи, какая постигла Тилли на Лехѣ. Но одно ничтожное обстоятельство спасло императорскую армію отъ вѣроятнаго пораженія: вышеупомянутою высотой овладѣли только передъ вечеромъ, и нельзя было ввезти артиллерію на нее, потому что слишкомъ круты были подъемы, а въ ночь передъ тѣмъ, утверждаютъ современные писатели, выпалъ

дождь, отъ чего высота сдѣлалась вовсе недоступною. Если же бы поражение Валленштейна дѣйствительно сбылось, то окупилась бы первоначальная потеря Шведовъ, и тѣ, которые теперь осуждаютъ короля шведскаго, не сказали бы, что побѣда была искуплена слишкомъ дорого. Слѣдовательно нельзя было предвидѣть, что предпріятіе будетъ тщетное. По крайней мѣрѣ можно утвердительно положить, что Густавъ Адольфъ былъ убѣжденъ въ противномъ, когда соображалъ свою атаку. Но конечно такого рода экспедиціи сродны не каждому главнокомандующему, и это естественно, особливо тому, кто уже имѣлъ случай испытать непостоянство счастья. Надобно также и особый даръ, чтобъ видѣть какъ видѣлъ Густавъ Адольфъ и успѣвать въ томъ, въ чемъ онъ имѣлъ успѣхъ. Мы ограничимся этими замѣчаніями и признаемъ, что великому сему полководцу надобно удивляться и въ самыхъ неудачахъ его, хотя многіе главнокомандующіе и ужаснулись бы, когда бъ имъ пришлось рѣшиться на подобный подвигъ. Не бывъ къ тому рождены, они вѣрно имѣли бы худой успѣхъ, хотя бъ впрочемъ и были искусными полководцами и достойными воинами.

Увеличившаяся шведская армія начинала болѣе и болѣе чувствовать недостатокъ въ продовольствіи; и какъ тогда уже не имѣлось никакой необходимости оставаться долѣе подъ Шюренбергомъ, то Густавъ Адольфъ и рѣшился перенести военныя дѣйствія опять въ Баварію. Въ случаѣ, если бы Валленштейнъ послѣдовалъ за нимъ, то этимъ самымъ обезпечились бы земли союзниковъ шведскаго короля и вся война тяготѣла бы на первомъ изъ князей Лиги. Въ случаѣ же противномъ Густавъ Адольфъ могъ надѣяться при постоянномъ успѣхѣ въ дѣйствіяхъ, вторгнуться въ самые предѣлы Австріи и тѣмъ самымъ заставить Валленштейна возвратиться; а можетъ быть удалось бы и рѣшить войну. На основаніи, кажется, этихъ причинъ были предпріяты слѣдующія движенія, къ

которымъ однако жъ надобно было приступать съ большою осмотрительностію, чтобъ не подвергнуть великой опасности городъ Нюренбергъ, на защиту котораго было употреблено уже столько времени.

Густавъ Адольфъ оставилъ въ Нюренбергѣ четыре тысячи пять сотъ человекъ подъ начальствомъ генерала Кинцгаузена, поручилъ канцлеру Уксеншернѣ главное управленіе во всѣхъ важныхъ случаяхъ, и выступилъ 8 сентября въ виду непріятеля, который оставался спокойно въ лагерѣ и не препятствовалъ движению Шведовъ. Въ Нейштатѣ король пробылъ до 13 сентября, наблюдая, не предприметъ ли непріятель что-либо противъ Нюренберга. Но Валленштейнъ, опасаясь навлечь на себя шведскаго короля, выступилъ самъ 13 сентября и пошелъ въ Форхгеймъ.

Это отступленіе противниковъ было произведено съ такою торопливостію и въ такомъ безпорядкѣ, будто бы Шведы слѣдовали по пятамъ за ними. Запасы, оружіе, даже больные были покинуты и множество отсталыхъ людей не попали болѣе черезъ рѣку Редницъ. Нюренбергскій гарнизонъ попалъ на арьергардъ Валленштейна и нанесъ ему большой уронъ.

Въ слѣдствіе сего король отрядилъ герцога Бернгарда веймарскаго въ Кинцингенъ для наблюденія за непріятелемъ на Майнѣ, а самъ выступилъ съ арміею и пошелъ черезъ Ротенбургъ, Дюнкельшиль и Пердлингенъ въ Донаувертъ, куда и прибылъ 25 сентября. Городъ Райнъ былъ взятъ Баварцами, почему и надобно было опять овладѣть имъ; въ чемъ и успѣли къ 30 сентября. Король приказалъ судить военнымъ судомъ и казнить прежняго коменданта полковника Митшефала худо оборонявшагося.

Движеніе короля заставило курфирста баварскаго, въ Бамбергѣ, отдѣлиться отъ Валленштейна и послѣшить на защиту собственныхъ своихъ владѣній. Соединенная австро-баварская армія уменьшилась до того, что Валленштейнъ остался съ шестнадцатью ты-

счами, когда курфирсть увелъ своихъ семь или осемь тысячъ Баварцевъ.

Армія Валленштейна продолжала слѣдовать черезъ земли байрейтскія въ кобургскія, разоряла по обыкновенію города и села и безчинствовала ужаснымъ образомъ. Естественно, что приближеніе такой орды привело въ страхъ и трепетъ Саксонію, и курфирсть долженъ былъ убѣдительно просить Густава Адольфа поспѣшить на помощь своей бѣдной странѣ.

Шведскій король могъ въ это время обратить оружіе свое противъ курфирста баварскаго и могъ надѣяться покорить Баварію. Уксеншерна совѣтовалъ не ходить въ Саксонію, а воспользоваться мятежемъ въ Верхней Австріи и вторгнуться наконецъ въ наследственныя австрійскія владѣнія; тамъ король не встрѣтилъ бы препятствій и неизвѣстно, какой результатъ могли бы имѣть такого рода дѣйствія. Валленштейнъ нашелся бы вынужденнымъ возвратиться въ Австрію, потому что важнѣе было защищать владѣнія императора, нежели разорять Саксонію; но до того времени союзники и единовѣрцы Густава Адольфа могли подвергнуться ужаснымъ бѣдствіямъ и можно было опасаться, что отказъ въ помощи заставитъ курфирста саксонскаго заключить миръ съ императоромъ. Всѣ эти уваженія побудили Густава Адольфа возвратиться въ Саксонію (20).

Онъ сосредоточилъ армію свою при Швейцфуртѣ и двинулся черезъ турингскій лѣсъ въ Арнштатъ, гдѣ присоединился къ нему герцогъ Бернгардъ веймарскій. Двадцатьдевятого октября армія перешла въ Эрфуртъ, отдѣливъ сперва нѣсколько отрядовъ къ Дунаю, въ Баварію и на Рейнъ. Силы главной арміи простирались только до двадцати тысячъ, когда король 1 ноября вступилъ въ Наумбургъ.

Въ Эрфуртѣ король въ послѣдній разъ видѣлся съ своею супругою и, какъ говорятъ, былъ необыкновенно тронутъ, изъ чего современные писатели заключили, что онъ предчувствовалъ свою кончину,

какъ они при всѣхъ важныхъ случаяхъ не упускаютъ упоминать о знаменіяхъ и пророчествахъ. И въ наши времена случается, что предчувствія сбываются, но чаще бываетъ это наоборотъ; дѣло состоитъ въ томъ, что всѣ случаи, которые сбылись, дѣлаются гласными, изъ страсти къ чудесному, а все, что не сбылось, тотчасъ и забывается. Благоразуміе требуетъ устраненія всякаго вѣрованія въ предчувствія, которое только можетъ быть вреднымъ потому, что еслибъ мы и знали, что предчувствіе сбудется, то что же бы намъ оставалось дѣлать, какъ не выждать его спокойно. Кого же боязнь предчувствія можетъ беспокоить, тотъ по истинѣ не созданъ быть воинемъ.

Валленштейнъ овладѣлъ Лейпцигомъ и намѣревался идти въ Дрезденъ, чтобы сначала кончить дѣло съ курфирстомъ саксонскимъ, стоявшимъ близъ Торгау съ осемнадцатю тысячами, для сего онъ направился на Эйленбургъ, гдѣ получилъ извѣстіе о прибытіи Густава Адольфа въ Эрфуртъ, почему и сталъ готовиться, чтобъ идти ему на встрѣчу. Онъ вступилъ въ Лейпцигъ, присоединилъ къ себѣ графа Паппенгейма и занялъ лагерь при Вейсенфельсѣ, отрядивъ въ то же время часть войскъ въ Наумбургъ, чтобъ занять при Кезенѣ дефиле и переправу черезъ рѣку Заале. Но Шведы уже заняли Кезенъ.

Изъ этого видно, что Густавъ Адольфъ выступилъ въ надлежащее время изъ Эрфурта, и уже оттуда, или по-крайней-мѣрѣ изъ Бутштета, куда онъ прибылъ 29 октября *, занялъ кезенскіе дефиле, которые и въ наше время прославились. Безъ этой предосторожно-

* Въ большомъ сочиненіи *Naumburg in den Tagen vor und nach der Lützner-Schlacht*. Naumb. 1826., выписано изъ стараго сочиненія, что король 29 занялъ Наумбургъ, и 30 двинулся первоначально къ кезенскимъ высотамъ, обождалъ тамъ извѣстія о неприятелѣ и на другой день пошелъ черезъ Заале въ Наумбургъ. Это достаточно показываетъ осторожность короля при этомъ движеніи. Онъ даже приказалъ занять и укрѣпить нѣкоторые пункты на рѣкѣ Заале, чтобъ обезпечить себѣ переправы на случай отступленія.

сти ему довелось бы дѣлать большой обходъ, чтобъ перейти черезъ рѣку Заале, и спрашивается еще, могло ли бы тогда состояться сраженіе подъ Люценомъ. Слѣдовательно нѣтъ надобности выказывать важность этого обстоятельства; опытный полководецъ никогда не оставитъ дефиле передъ собою не занятыми, когда они находятся на его пути. Впрочемъ шведская армія переправилась черезъ рѣку Заале двумя колоннами: пѣхота шла по мосту при Кёзенѣ, а кавалерія черезъ бродъ при деревнѣ Альтенбургѣ, въ полумили отъ Наумбурга.

Король шведскій усилилъ лагерь свой подъ Наумбургомъ нѣсколькими укрѣпленіями, а Валленштейнъ былъ въ нерѣшимости, что начать; собралъ военный совѣтъ, въ которомъ большая часть присутствовавшихъ объявили, что опасно атаковать шведскаго короля въ выгодной его позиціи, и что позднее время года требуетъ расположенія войскъ на квартирахъ. Совѣтъ нашель, однако жъ, необходимымъ ограничить успѣхи противниковъ въ Вестфалии и на Нижнемъ Рейнѣ, гдѣ графъ бергскій осаждалъ Кельнъ, также согласились, что остающіяся въ Саксоніи войска могутъ быть расположены на тѣсныхъ квартирахъ, чтобъ, въ случаѣ надобности, можно было ихъ скоро собрать. Валленштейнъ, согласно съ этимъ, поручилъ графу Панпенгейму командованіе корпусомъ, получившимъ назначеніе дѣйствовать въ Вестфалии противъ генерала Баудиссина *. Четвертаго ноября главная армія Валленштейна отступила изъ Вейсенфельса назадъ къ Мерзебургу, гдѣ и встала лагеремъ между рѣками Заале и Флосграбеномъ. Вейсенфельскій замокъ оставался занятымъ генераломъ графомъ Колоредо,

* Этотъ корпусъ имѣлъ отъ восьми до десяти тысячъ человекъ. По слыханнымъ достовернѣйшимъ извѣстіямъ главная армія, по выступленіи Панпенгейма, состояла еще изъ пятнадцати или семнадцати тысячъ человекъ. Шведская армія пылала болѣе двадцати тысячъ. Послѣ сраженія она 7 ноября вступила въ Вейсенфельсъ въ числѣ отъ пятнадцати до шестнадцати тысячъ человекъ.

также отряжены были нѣкоторыя войска въ Альтенбургъ и Цвикау для наблюденія за Шведами (21).

Густавъ Адольфъ не могъ имѣть другаго намѣренія, какъ вытѣснить имперскую армію изъ Саксоніи, помочь тѣмъ самымъ союзнику своему и присоединить къ своимъ войскамъ саксонскую армію. Этого достигнуть можно было только рѣшительнымъ сраженіемъ, хотя и наступило уже суровое время года. Слѣдовательно виды обоихъ полководцевъ были совершенно противоположны, и если бы Валленштейнъ предвидѣлъ, что будетъ вынужденъ дать сраженіе, то онъ вѣрно не рѣшился бы ослабить армію свою отряженіемъ значительнаго корпуса, чѣмъ онъ очевидно сподѣшествовалъ цѣли шведскаго короля*.

Густавъ Адольфъ какъ скоро узналъ о выступленіи Паппенгейма, рѣшился тотчасъ воспользоваться симъ случаемъ и атаковать Валленштейна. Почему и перешелъ немедленно изъ Наумбурга къ Вейсенфельсу. Хотя Паппенгеймъ и выступилъ дѣйствительно, но онъ остановился въ Галле и занялся тамъ осадю замка Морицбурга, которая могла задержать его нѣсколькими днями. Слѣдовательно обождать атакою не многими днями, не принесло бы шведскому королю, въ этомъ отношеніи, ни какой пользы, или надлежало бы ему уже выждать прибытія ожидаемыхъ подкрѣпленій. Онъ говорилъ на этотъ счетъ своимъ генераламъ, что пока придутъ къ нему Саксонцы, Гессенцы и Люнебургцы, Паппенгеймъ можетъ возвратиться къ Вал-

* Въ сочиненіи *Discours sur la bataille de Lutzen, par un officier prussien*, помѣщенномъ въ *Histoire de G. A. traduite par Francheville*, хотя и сказано, что король хотѣлъ соединиться съ курфирсомъ при Гриммѣ и выступилъ 5 ноября изъ Наумбурга въ направленіи къ Пегая; но Паппенгеймъ пошелъ уже 4 въ Галле, и въ *Soldat Svedois*, на стр. 170 сказано, что король, получивъ извѣстіе о выступленіи непріятеля изъ Вейсенфельса, рѣшился идти въ слѣдъ за нимъ, тѣмъ болѣе, что, по показанію пѣвннхъ, Паппенгеймъ съ шестью полками уже выступилъ въ Галле, вслѣдствіе чего и отданъ былъ приказъ о выступленіи арміи на слѣдующій день тремя часами прежде разсвѣта.

ленштейну, который так же какъ и Шведы можетъ получить подкрѣпленіе, и что лучше рѣшить дѣло до прибытія Паппенгейма; къ сему король присовокупилъ: «что никогда непріятель не бываетъ такъ слабъ, какъ во время неожиданной атаки; Валленштейнъ находится, кажется, въ нерѣшимости, слѣдовательно онъ не ожидаетъ атаки;» въ заключеніе же король сказалъ: «что онъ ихъ король и генераль пойдетъ впередъ и укажетъ каждому, кто послѣдуетъ за нимъ, дорогу къ чести.» Слова сіи, произнесенныя съ необыкновенною самоувѣренностію и веселіемъ, одушевили всѣхъ присутствовавшихъ и показываютъ, какъ судилъ король о своемъ положеніи, и какія причины побудили его вступить безотлагательно съ непріателемъ въ необходимый и славный бой

Какъ скоро Колоредо, находившійся въ замкѣ вейсенфельскомъ, открылъ головы шведскихъ колоннъ, то онъ тотчасъ подалъ условленный знакъ тремя пушечными выстрѣлами, и извѣстилъ главнокомандующаго о собранныхъ имъ свѣдѣніяхъ. Валленштейнъ вторично собралъ военный совѣтъ, въ которомъ общимъ мнѣніемъ рѣшили, что надобно итти на встрѣчу шведскому королю, чтобы не допустить его приблизиться къ Лейпцигу, и не дать ему соединиться съ курфирстомъ саксонскимъ, и что надобно воротить Паппенгейма. Согласно сему рѣшенію, для котораго, кажется, не нужно было собирать совѣтъ, были сдѣланы и распоряженія.

Армія Валленштейна выступила тотчасъ утромъ 5 ноября по старому стилю, прибыла къ Люцену и построилась правымъ флангомъ за Люценомъ, а лѣвымъ къ рѣкѣ Флюсграбену, загнувъ этотъ флангъ не много назадъ, и имѣя передовой постъ на Риппахѣ, подъ начальствомъ генерала Изолани. По свѣдѣніямъ о мѣстности той страны, кажется, что мнѣніе, помѣщенное въ *Discours sur le bataille de Lützen**, осно-

* Par un officier prussien, на стр. 452, переведеннаго Францискомъ Гвидо Приорато.

вательно; тамъ сказано, что Валленштейпъ поступилъ бы благоразумнѣе, если бы менѣе полагался на превосходство своихъ силъ, и построился бы непосредственно за рѣчкою Рипахъ, представлявшею лучшую оборону, нежели рвы большой дороги, находившіеся передъ фронтомъ императорской арміи. По-крайней-мѣрѣ надлежало бы принять мѣры для болѣе сильной обороны рипахскаго дефиле. Густавъ Адольфъ хотя и былъ вынужденъ вступить въ бои для вытѣсненія непріятели изъ дефиле, и черезъ то самое хотя Валленштейна армія при Люценѣ необходимо должна была встать подъ ружье; однако же, сколько извѣстно, ни какихъ значительныхъ распоряженій не было сдѣлано для подкрѣпленія генерала Изолани, и онъ долженъ былъ отступить передъ несоразмѣрными силами шведской арміи.

По овладѣніи дефилею, Густавъ Адольфъ провелъ остальную часть дня (5 ноября) на бивакахъ, имѣя передъ собою рѣчку Рипахъ*. Ночью онъ далъ диспозицію для будущаго дня герцогу Бернгарду веймарскому и другимъ генераламъ. Всѣ собрались около кареты, въ которой король провелъ ночь, и говорили болѣею частію о будущемъ боѣ. Нѣкоторые изъ присутствовавшихъ замѣчали о силѣ непріятели, и что выгоднѣе было бы обождать прибытія курфирста саксонскаго. Король выслушалъ ихъ спокойно и, сказавъ свое мнѣніе, о которомъ выше было говорено, присовокупилъ громко: «что ему несносно видѣть Вал-

* Почти во всехъ описаніяхъ люценскаго сраженія утверждается, что король уже 5 ноября вечеромъ прибылъ на позицію подъ Люценюмъ, изъ которой онъ 6 атаковалъ непріятели. По всѣмъ обстоятельствамъ доказываютъ, что этого не могло быть, и что по овладѣніи дефилею рипахскимъ въ полдень или въскорѣ по полудни 5 числа онъ тамъ оставался: люценская позиція была слишкомъ близка къ непріятели, а атаковать въ тотъ же день уже было поздно. Надобно предполагать, что остальную часть дня король употребилъ для осмотра страны, гдѣ на слѣдующій день онъ намѣревался сражаться, потому что въ полбръ мѣсяцъ дни уже довольно коротки

ленштейна такъ близко передъ собою, и онъ хотеть показать ему, что онъ отлагалъ до сихъ поръ свою встрѣчу съ нимъ не по собственному желанію, и что надобно испытать способности Валленштейна въ открытомъ сраженіи.» Услышавъ эти слова, всѣ должны были умолкнуть, и каждый старался воспользоваться случаемъ завѣрить короля въ совершенной своей преданности и готовности умереть за него. Король, знавшій своихъ генераловъ, былъ послѣ этого весьма веселъ и одѣлся къ будущему дню въ простой кожаный коллетъ. Герцогъ Бернгардъ и другіе убѣдительно просили, чтобы король надѣлъ шлемъ и кирасъ, но онъ не согласился; старая пуля, находившаяся у него въ плечѣ, не позволяла ему носить кираса. Густавъ Адольфъ намѣревался атаковать непріятеля съ разсвѣтомъ, но густой туманъ препятствовалъ видѣть войска передъ собою и первые выстрѣлы не могли быть обмѣнены ранѣ девяти часовъ утра.

Мы опять не можемъ входить въ подробное описаніе мѣстоположенія; впрочемъ это и менѣе важно, потому что окрестности Люцена почти совершенно ровныя, и самая рѣчка Флосграбенъ, по незначительности своей глубины, почти не представляетъ никакого препятствія. Единственное замѣчаніе, которое мы себѣ позволимъ сдѣлать, состоитъ въ томъ, что Густавъ Адольфъ, можетъ быть, не атаковалъ бы фронтомъ, а воспользовавшись туманомъ, обошелъ бы непріятеля и атаковалъ бы съ праваго его фланга, если бы тогдашнія свойства мѣстности позволили ему сдѣлать обходъ. Низкія луговыя окрестности Люцена могутъ и въ наши времена представить затрудненія, въ особенности между городомъ и деревнею Цвешвицъ. Почва земли и позднее время года, кажется, не дозволили произвести такого рода атаки*.

*Примѣромъ достоинства военныхъ замѣчаній историковъ, можетъ служить сужденіе Мовильона. Онъ говоритъ: «что король не обошелъ фланга непріятельской арміи, потому что хотѣлъ разбить всю армію, а не одинъ флангъ ея.

Когда армія встала подъ ружье, до совершеннаго восхожденія солнца, и готова была выступить, то король приказалъ служить молебствіе, потомъ объѣхалъ по объѣмъ боевымъ линіямъ и ободрялъ войска краткими привѣтствіями. Наконецъ построившись съ права и имѣя головы обѣихъ боевыхъ линій на равной высотѣ, армія пошла къ Люцену. Кавалерія праваго фланга составляла авангардъ.

Валленштейнъ въ вышеописанной позиціи имѣлъ передъ фронтомъ большую дорогу, ведущую изъ Люцена въ Лейпцигъ. Онъ приказалъ углубить канаву дороги, обращенную къ непріятельской сторонѣ, чтобы за насыпью помѣстить пѣхоту и артиллерію. Эту работу слѣдовало бы начать тогда еще, когда Шведы овладѣли рипахскимъ дефилеомъ, потому что въ то время нельзя уже было сомнѣваться, что воспослѣдуетъ атака.

За этою дорогою Валленштейнъ поставилъ двѣ большія батареи въ семь и четырнадцать орудій, одну батарею передъ своимъ правымъ флангомъ, а другую передъ серединою. Люценскія предметія были заняты пѣхотою, главнѣйшая часть которой составляла средину боеваго порядка и была построена въ четыре большія массы, изъ коихъ одна составляла первую линію; двѣ вторую линію и одна резервъ. Кавалерія, какъ обыкновенно, находилась на обоихъ флангахъ; стоявшей на правомъ флангѣ было придано нѣсколько пѣхоты.

Шведская армія направилась къ рѣчкѣ Флосграбенъ, перешла черезъ нее близъ кустарника Скельцигеръ-бушь и построилась такъ, что этотъ кустарникъ остался за правымъ флангомъ ея кавалеріи, а передъ лѣвымъ находились въ тысячѣ шагахъ люценскіе сараи. Слѣдовательно боевыя линіи были почти параллельны. Обозы были помѣщены близъ Мейхена за незначительною рѣчкою Флосграбенъ, находившейся вообще въ недалекомъ разстояніи за пѣхотою и кавалеріею лѣваго крыла. Шведская армія строилась въ

тысячъ пятистахъ шагахъ отъ непріятеля. Туманъ еще не исчезъ, когда кавалерія уже открыла непріятеля. Густавъ Адольфъ поставилъ двѣ большія батареи въ двадцать шесть орудій большого калибра передъ флангами пѣхоты и кромѣ того еще по пяти орудій передъ каждою бригадою и по двадцати на ихъ флангахъ.

Капонада началась въ одиннадцать часовъ, король двинулъ пѣхоту къ занятой непріятелемъ канавѣ большой дороги, и находясь на правомъ крылѣ, первый повелъ атаку съ бригадами того крыла, вытѣснилъ непріятеля изъ канавы и взялъ нѣсколько орудій. Послѣ того кавалерія праваго крыла бросилась на стоявшихъ противъ оной кроатовъ, опрокинула ихъ и привела тѣмъ въ безпорядокъ стоявшихъ по близости непріятельскихъ кирасирь. Кроаты бѣжали къ Маркранштету.

Теперь обѣ бригады шведскаго праваго крыла атаковали открывшіяся непріятельскія массы пѣхоты и обратились для того не много въ лѣво, ворвались въ полубыя эти каре и вступили съ ними частію въ рукопашный бой. Но тѣмъ самымъ они сами подвергли свой флангъ атакѣ другихъ непріятельскихъ войскъ и были вынуждены отступить, причемъ взятыя орудія опять достались непріятелю. Однако король собралъ эти войска, подкрѣпилъ ихъ свѣжими и снова повелъ атаку. Шведы опять овладѣли непріятельскою батареею, но при этомъ король былъ тяжело раненъ въ лѣвую руку.

Большая часть писателей показываютъ согласно, что король былъ раненъ въ то время, когда онъ вѣдъ подкрѣпленіе, скакалъ въ головѣ кавалерійскаго полка, взятаго съ праваго крыла и не успѣвавшего за нимъ. Опасаясь, что разгласившійся слухъ о постигшемъ его несчастіи, могъ имѣть худое вліяніе, король сказалъ къ подоспѣвшей кавалеріи: «моя рана незначительна, слѣдуйте за мною,» но должно быть, что онъ тяжело былъ раненъ, потому что тогда же сказалъ герцогу

лауенбургскому «выведите меня отсюда.» Такъ пишутъ Soldat Svedois, Гемницъ и Мовильонъ*, основываясь на рукописяхъ Архенгольца. Далѣе же встрѣчается въ сочинителяхъ столько противорѣчія, что не стоитъ труда слѣдить ихъ, въ особенности для нашего предмета. Достоверно только, что герцогъ лауенбургскій поѣхалъ съ королемъ не назадъ, а на лѣвое крыло, и что дорогою король вторично былъ раненъ и упалъ съ лошади.

Мовильонъ упоминаетъ о реляціи графа Кевенгиллера, въ которой сказано, что король прибылъ къ лѣвому крылу, и вѣроятно уже раненый; это согласуется съ преданіемъ, что король скончался не далеко отъ извѣстнаго шведскаго камня, лежащаго близъ большой дороги, за тѣмъ мѣстомъ, гдѣ было лѣвое крыло шведской пѣхоты. Тѣло короля, искаженное многими ранами, было отыскано между убитыми и свезено въ Вейссенфельсъ.

Кончина монарха сдѣлалась скоро извѣстною арміи; удивительно однако жъ, что причинивъ великую скорбь войску, она не имѣла вреднаго вліянія на ходъ самаго боя. Съ великимъ духомъ герцогъ Бернгардъ пеймарскій принялъ командованіе, и генералы на перерывъ старались точнымъ выполненіемъ его распоряженій, отметить кончину своего боготворимаго монарха.

Дѣйствія на лѣвомъ крылѣ шведской арміи были слѣдующія: герцогъ приказалъ сначала атаковать обо-

* Le Soldat Svedois p. 476. Chemnitz p. 462. Histoire de G. A. p. M. d. M. (Mauvillon) p. 560. Въ Theatrum Europaeum во 2 части на стр. 748, сказано, что поутру передъ сраженіемъ, когда туманъ еще не разсвѣлъ, король, въ сопровожденіи только двухъ рейткнехтовъ, хотѣлъ осмотрѣть расположеніе непріятеля, поналъ на команду непріятельской конницы и изрубленъ ею съ обоими провожатыми; послѣ чего герцогъ Бернгардъ повелъ армію противъ непріятеля. Это сочиненіе писано сорокъ семь лѣтъ послѣ кончины короля и можетъ служить доказательствомъ, какъ мало достовернаго во всѣхъ разказахъ о семъ важномъ происшествіи.

роняемыя непріятелемъ каменные садовыя ограды, потомъ занятый непріятелемъ ровъ дороги, наконецъ вытѣснить противника изъ сада и дома мельника, а въ слѣдъ за тѣмъ атаковать находившуюся, близъ вѣтреныхъ мельницъ, непріятельскую батарею, которою однако жъ не могли овладѣть. Все это уже было сдѣлано, когда король вторично повелъ правое крыло въ атаку.

Въ продолженіи этого времени Изолани собралъ бѣжавшихъ Кроатовъ, обошелъ правый флангъ Шведовъ и началъ на стоявшій въ Мейхенѣ обозъ, однако жъ онъ былъ отраженъ частию войскъ второй линіи.

Когда кончина короля сдѣлалась извѣстною и герцогъ Бернгардъ опять уже шелъ въ атаку, тогда онъ произвелъ движеніе, отъ котораго зависѣла судьба сраженія. Онъ взялъ одну бригаду пѣхоты лѣваго крыла и три конныхъ полка и повелъ эти войска между Люценомъ и вѣтреными мельницами, противъ непріятельскаго праваго фланга, въ то время, когда прочія войска занимали непріятеля съ фронта. Такъ какъ это дѣйствительно было, и командовавшій правымъ крыломъ императорской арміи неминуемо узналъ бы о томъ заравѣ, если только была возможность открыть движеніе герцога, то вѣроятно сему послѣднему способствовало какое нибудь особенное обстоятельство. Авторъ сочиненія, «*Discours sur la bataille de Lützen,*» говоритъ, что отлогая покатость мѣстности могла скрыть это движеніе, но такой покатоости на снятомъ имъ же планѣ не показано.

Однимъ словомъ, это распоряженіе имѣло хорошія послѣдствія, хотя герцогъ Бернгардъ и долженъ былъ поспѣшить на правое крыло, гдѣ послѣ смерти короля возникли новыя затрудненія, однако жъ противостоявшія тому крылу войска были опрокинуты въ то самое время, когда и правое непріятельское крыло уже видимо отступало. Нѣсколько пороховыхъ ящиковъ взлетѣли на воздухъ за непріятельскимъ фронтомъ и около двухъ или трехъ часовъ по полудни побѣда кло-

нилась на сторону Шведовъ, когда генералъ Паппенгеймъ явился на полѣ сраженія въ головѣ своей кавалеріи. Валленштейнъ собиралъ разсѣявшіяся войска, а Паппенгеймъ прибылъ съ осемью свѣжими полками къ лѣвому крылу императорской арміи, которая теперь снова перешла къ наступательнымъ дѣйствіямъ *.

Паппенгейма свѣжіе полки потѣснили назадъ шведское правое крыло, но лѣвое удержалось. Теперь шведская пѣхота оказала чрезвычайное усиліе, о которомъ хотя много было писано, но ничего положительнаго сказать нельзя. Одни утверждаютъ, что вторая линія двинулась въ интервалы первой; другіе говорятъ, что первоначальный боевой порядокъ не измѣнялся. Вѣроятнѣе всего, что постоянство, мужество и ловкость Шведовъ въ бою взяли верхъ надъ воинскими способностями противниковъ; что произошла остановка въ распоряженіяхъ, когда Паппенгеймъ былъ раненъ; и что наконецъ смятеніе непріятеля сдѣлалось общимъ, къ тому же наступилъ вечеръ и сохранившіе порядокъ Шведы удержали за собою поле сраженія.

Непріятель отступилъ частію въ Мерзебургъ, частію въ Лейпцигъ. Шведы остались на мѣстѣ битвы. Валленштейнъ потерялъ всю артиллерію, множество знаменъ и штандартовъ; самъ онъ прибылъ въ Лейпцигъ, но вскорѣ опять выступилъ оттуда и съ остатками войскъ пошелъ въ Богемію. Въ императорскихъ владѣніяхъ служили молебствія за побѣду, хотя и не было сомнѣнія, что сраженіе было проиграно, оно стоило каждой изъ сражавшихся сторонъ отъ десяти до двѣнадцати тысячъ убитыми.

* Страшно, что Паппенгеймъ не прибылъ ранѣе. Галле находится отъ Люцена въ пяти миляхъ; кавалерія дѣлаетъ такой переходъ въ шесть часовъ. Паппенгеймъ или поздно получилъ приказаніе, или поздно выступилъ, ибо могъ прибыть удобно къ началу сраженія или по крайней мѣрѣ въ полдень, а одна только кавалерія прибыла къ концу дѣла. Если бы прибыла и пѣхота, то она рѣшила бы побѣду. Но она только прикрыла отступленіе арміи, ибо сраженіе было уже потеряно, императорская армія находилась въ полномъ отступленіи, и Паппенгеймъ былъ уже смертельно раненъ.

Наконецъ герцогъ Бернгардъ то же возвратился въ Вейсенфельсъ, чтобы дать нѣкоторый отдыхъ шведской арміи. Онъ предводительствовалъ арміею и въ дальнѣйшихъ подвигахъ ея, согласуясь съ мнѣніемъ государственнаго канцлера Уксеншерны.

ЗАМЪЧАНІЯ.

Густавъ Адольфъ былъ убѣжденъ, что съ поддержаніемъ протестантскаго вѣроисповѣданія сопряжено счастье Швеціи. Эта мысль одушевляла шведскаго короля во всѣхъ предпріятіяхъ и составляла цѣль его жизни. Природа надѣлила его всѣми дарами нужными для успѣшнаго достиженія сей цѣли и его воспитанію было дано соотвѣтственное направленіе. Чтобъ нѣсколько постигнуть сего великаго человѣка, надобно вникнуть въ духъ его времени; это весьма трудно, потому что понятіе тѣхъ временъ въ дѣлахъ политическихъ и религіозныхъ отличались совершенно отъ нынѣшнихъ; между тѣмъ величіе Густава Адольфа является именно въ соотношеніи его личныхъ качествъ съ окружавшимъ его міромъ.

Стремленіе къ реформаціи еще было въ полной силѣ, когда явился Густавъ Адольфъ; въ поборникахъ новыхъ религіозныхъ понятій надобно предположить мужество и неустрашимость. Къ этому присовокуплялось еще и то, что Шведы находились въ необходимости оборонять свои права и вѣру противъ короля

Сигисмунда. Подъ вліяніемъ этихъ обстоятельствъ возрасло новое поколѣніе и это должно было отразиться въ направленіи общаго мнѣнія и особенно въ образѣ мыслей Густава Адольфа, главы народа протестантскаго.

Если бы Густавъ Адольфъ былъ изъ числа обыкновенныхъ людей, то онъ не предался бы всею душою главнѣйшему вопросу его времени и довольствовался бы исполненіемъ обыкновенной обязанности. Но съ его гениемъ, онъ казался какъ бы судьбою избраннымъ на предопредѣленное ему поприще и можно сомнѣваться, достигла ли бы Европа ея нынѣшняго состоянія безъ сего великаго человѣка, имѣвшаго всѣ способности и соотвѣтственное образованіе для успѣха.

Ему были внушены съ юныхъ лѣтъ благочестіе и неограниченное вѣрованіе въ высшую невидимую силу. Къ этому присоединялось убѣжденіе въ правотѣ дѣла Швеціи и увѣренность въ обладаніи силами, достаточными во всѣхъ отношеніяхъ для защиты народа и престола. При такихъ условіяхъ и въ обстоятельствахъ, гдѣ дѣло шло о благоденствіи народномъ, смѣлость была обязанностію, но Густавъ Адольфъ находилъ еще и особенное удовольствіе въ отвагѣ, и ощущалъ радость, когда могъ сражаться за отечество; безъ этой врожденной склонности онъ безъ сомнѣнія обращалъ бы болѣе вниманія, при соображеніи предпріятій, на сопряженныя съ ними опасности, которыми онъ совершенно пренебрегалъ, надѣясь всегда на успѣхъ съ свойственнымъ ему упованіемъ на высшій промыслъ. Такое основаніе рѣшимости доступно рѣдкому человѣку, но понятно, что тому, кому оно досталось въ удѣлъ, оно даетъ средство поколебать міръ; подобно какъ каждая высокая мысль можетъ вести человѣка далеко. Но объ этомъ властенъ судить каждый по своему разумнію; по крайней мѣрѣ не подлежитъ сомнѣнію, что умъ, озаренный высокою истиною, можетъ исполнить дѣянія непостижимыя для другихъ,

и что тщательный наблюдатель можетъ открыть начала, объясняющія эти дѣянія.

Человѣкъ и съ посредственными способностями, въ состояніи постигать истины, на которыхъ основаны великіе подвиги, но самъ не способенъ произвести подобныхъ: потому что лишенъ способности присвоить себѣ высокую идею столь совершенно, сколько нужно, чтобъ привести ее въ дѣйствіе. Это самое и объясняетъ, почему великіе люди видятъ обширное поле дѣйствія тамъ, гдѣ обыкновенные люди остаются равнодушными, не ощущая никакого побужденія къ дѣйствію. Быть же пропикнутымъ одною истиною и слѣдовать ей въ продолженіи цѣлой жизни, могутъ только одни гени.

На десятомъ году жизни Густава Адольфа государственныя сословія избрали отца его на царство и лишили престола Сигисмунда за преданность къ католицизму. Народъ и король соединены были однимъ общимъ интересомъ, сохранить независимость свою, защитивъ протестантскую Вѣру. Всѣ войны съ Сигисмундомъ были, при политической ихъ цѣли, вмѣстѣ и войнами религіозными, ибо будучи покорены, Шведы лишились бы свободы въ ихъ вѣроисповѣданіи, о которой они спорили съ Сигисмундомъ уже двѣнадцать лѣтъ до его отрѣшенія. Это обстоятельство было основаніемъ счастливаго согласія между Густавомъ Адольфомъ и его народомъ, который, ревнуя за вѣру свою, видѣлъ въ своемъ монархѣ ея единаго защитника. Никогда Густавъ Адольфъ не встрѣчалъ противоборствія въ государственныхъ чинахъ, хотя имъ и случалось, въ свѣтскихъ дѣлахъ, быть разнаго мнѣнія съ королемъ. Государственные чины, какъ равно и всѣ Шведы, питали неограниченное довѣріе къ правительству и къ способностямъ гениальнаго ихъ монарха и доказали это тѣмъ, что уже при восшествіи Густава Адольфа на престолъ, не подчинили его регентству. Король вскорѣ показалъ въ начертанныхъ имъ постановленіяхъ, сколько онъ дорожилъ счастіемъ Швеціи,

и онъ могъ положительно считать на усердіе и полное содѣйствіе Совѣта и Сейма, когда требовались необыкновенныя средства, потому что цѣль его всегда была благая, высокая, спасительная. Это доброе согласіе не нарушалось въ продолженіе всего его царствованія. И мы видѣли, что онъ даже изъ Германіи еще переписывался съ государственнымъ совѣтомъ о продолженіи войны. Это свидѣтельствуегъ въ его довѣріе къ совѣтникамъ и въ ихъ расположеніи къ нему, потому что онъ не стуждался въ чужомъ совѣтѣ и могъ спрашивать о мнѣніи чиновъ единственно изъ расположенія къ нимъ, а не изъ надобности. Сила ума его и благонамѣренность давали ему всѣ средства управлять государствомъ, и онъ могъ довольствоваться такою почти неограниченною свободою въ дѣйствительно обширномъ кругу его дѣйствій, и не имѣлъ причинъ помышлять объ увеличеніи своихъ правъ, хотя онѣ и были ограничены коренными государственнымъ законами. Отъ него зависѣло устранить и послѣднія препоны, но онъ самъ не хотѣлъ касаться ихъ, потому что проницательный его умъ и праведность давали ему средства видѣть въ этихъ учрежденіяхъ преимущества, соотвѣтствовавшія совершенно положенію, въ которомъ онъ и государство находились.

Успѣшное дѣйствіе въ семь направленія и открывшаяся въ 1618 году религіозная война заставили всѣхъ протестантовъ присоединиться къ дѣлу Швеціи, потому что всѣ имѣли одного общаго врага; хотя этотъ союзъ и не былъ въ началѣ признанъ. Къ этому присовокупилась ошибочныя дѣйствія и несогласіе пѣмецкихъ князей, немѣвшихъ предводителя, а наконецъ и несчастный походъ датскаго короля. Но еще не наступило время для появленія Густава Адольфа въ Германіи. Если бы онъ ранѣе вступилъ на это поприще, то былъ бы менѣе опытенъ и его армія не имѣла бы тѣхъ достоинствъ, которыя она приобрѣла преимущественно въ Пруссіи; кромѣ того онъ имѣлъ бы тогда дѣло съ первою арміею Валленштейна, съ кото-

рою онъ нисколько не могъ равняться въ силахъ. Слѣдовательно хорошо было, что польскій король не ранѣе согласился на шестилѣтнее перемиріе.

Мы уже имѣли случай многое замѣтить на счетъ образа веденія войны Густава Адольфа. Но это столь богатый предметъ, что нельзя не обратиться вторично къ нему, притомъ же, этимъ средствомъ объяснятся еще болѣе личныя качества и чувства, одушевлявшія шведскаго короля во всѣхъ предпріятіяхъ.

Густавъ Адольфъ обнаруживалъ уже съ юныхъ лѣтъ воинскія дарованія, но въ этомъ нѣтъ еще ничего необыкновеннаго, особенно въ молодомъ государѣ, находящемся въ необходимости посвятить себя военному дѣлу. Яснѣе показывается геній Густава Адольфа въ первой войнѣ въ 1612 году, въ которой онъ участвовалъ бывъ уже королемъ. Планъ этой кампаніи и употребленныя диверсіи обличаютъ способность, хотя дѣйствія и были неудачны. Юный король не упывалъ и спасъ Стокгольмъ. Но какъ эта борьба была опасная при обстоятельствахъ того времени и онъ въ другой странѣ могъ болѣе выиграть, то онъ и заключилъ миръ съ Даніею въ 1613 году.

Не показывая тогда чрезмѣрнаго желанія начать войну, и заключивъ сперва перемиріе съ Польшею, Густавъ Адольфъ предпринялъ въ 1615 году походъ въ Россію. Сообразивъ положеніе дѣлъ того времени, нельзя не признаться, что умѣренность, показанная Густавомъ Адольфомъ въ отношеніи къ Польшѣ во время сомнительныхъ сношеній сей послѣдней съ Турціею, доказываетъ проницательность политики его и знаніе соотношеній другихъ державъ и собственныхъ выгодъ. Покореніе Ингерманландіи уже является предпріятіемъ, предварительно хорошо соображеннымъ и искусно выполненнымъ. Эти дарованія весьма рѣдки въ двадцати-лѣтнемъ полководцѣ монархѣ; а если и приписать часть заслугъ генералу де ла Гарди, то все же Густавъ Адольфъ былъ душею всего, что до-

казываютъ улучшения, которыя онъ въ то время ввелъ въ своихъ войскахъ.

Шесть лѣтъ спустя (1621) король въ третьемъ своемъ походѣ (въ первомъ польскомъ) вынужденъ былъ ограничиться покореніемъ Риги и части Лифляндіи. При вторичномъ заключеніи перемирія съ Польшою обнаружилась болѣе и болѣе виды Сигисмунда, который никогда не соглашался на миръ, но старался лишить престола своего противника и въ чужихъ дворахъ находилъ поддержку. Черезъ это получила вновь открывшаяся война еще болѣе религіозный характеръ, и на Густава Адольфа начали взирать, какъ на опаснѣйшаго изъ протестантскихъ князей, которому не доставало только власти, чтобъ объявить себя ихъ главою. Съ этимъ сообразовалась политика вѣнскаго двора. Король начерталъ тогда новую организацію и новую систему пополненія арміи; предвидя, вѣроятно, продолжительную войну, въ которой будетъ настоять надобность охранять самостоятельность Швеціи. Такимъ учрежденіемъ еще не могла похвалиться ни одна изъ прочихъ державъ.

Приготовившись такимъ образомъ, предпринялъ онъ четвертый свой походъ въ 1625, и далъ первое значительное сраженіе въ открытомъ полѣ при Вальгоффъ въ Семгаліи.

Пользовавшись предшествовавшими успѣхами, король далъ въ пятомъ походѣ еще большее развитіе своимъ стратегическимъ соображеніямъ, овладѣвъ городомъ Пиллау и утвердившись въ Пруссіи, хотя страна сія и принадлежала курфирсту бранденбургскому. Такимъ способомъ король подвелъ дѣйствія свои гораздо ближе къ Польшѣ, нежели можно было изъ Курляндіи, и надобно оправдать его въ томъ, что онъ не обращалъ вниманія на политическія отношенія, которыя въ военномъ дѣлѣ рѣдко могутъ быть соблюдены. Это доказываетъ, что король умѣлъ искусно выбирать предметы дѣйствій, какъ вообще въ этомъ же походѣ усовершенствовались его способности и до-

стоинства шведскихъ войскъ: доказательствомъ этому дѣло подъ Меве, въ которомъ обнаружилась и врожденная его страсть къ отвагѣ, безъ удовлетворенія которой онъ не пропускалъ почти ни одного боя. Мы имѣли уже нѣсколько разъ случай говорить объ этомъ свойствѣ Густава Адольфа. Но повторяемъ еще разъ, что именно такой предводитель нуженъ былъ его войскамъ, особенно въ то время и при тѣхъ обстоятельствахъ, чтобъ возвысить ихъ преданность, довѣріе къ главнокомандующему и набожную самонадѣянность до той степени, какая требовалась для отважныхъ его предпріятій *, и что могло лучше заставить солдата произвольно ограничиться выборомъ одного изъ двухъ смерти или побѣды, какъ не примѣръ, поданный самимъ главнокомандующимъ—монархомъ. Дѣйствительное пораженіе войскъ, предводительствуемыхъ Густавомъ Адольфомъ, должно было наконецъ казаться невозможнымъ, потому что извѣстно было, что ни одинъ шведскій солдатъ не переживетъ такого стыда, и дѣйствительно Густавъ Адольфъ никогда не испыталъ пораженія; случалось ему отступать, но никогда не случалось быть обращеннымъ въ бѣгство, подобно Тилли и Валленштейну.

Шестой походъ Густава Адольфа въ 1627 былъ неудаченъ преимущественно по причинѣ второй опасной раны его. При его склонности, вдаваться въ опасность, надобно приписать особому счастью, что смерть не постигла его ранѣ. Если бъ Густавъ Адольфъ вѣрилъ предопредѣленію, то онъ не могъ бы иначе поступать; но онъ не былъ въ этомъ заблужденіи, и потому является тѣмъ величественнѣе. Мы видѣли, какъ онъ съ полнымъ сознаниемъ помышлялъ о смерти. Что и этотъ случай не поколебалъ рѣшимости Густава Адольфа, онъ доказалъ взятіемъ приступомъ

*Можно почти сказать: «для отчаянныхъ предпріятій», подобныхъ атакамъ непріятельскаго лагеря подъ Нюрнбергомъ.

Вормдита, предводительствовавъ имъ лично, хотя еще и страдалъ отъ раны.

Въ седьмомъ походѣ въ 1628 случились нѣсколько смѣлыхъ битвъ и побѣда подъ Данцигомъ, а также и случайное освобожденіе сего города, съ того времени политика подчиняется болѣе и болѣе вліянію религіозныхъ мнѣній и тогда открывается первый поводъ для Густава Адольфа помышлять о походѣ въ Германію, къ чему содѣйствовала много и неудача датскаго короля. Занятіе Штральзунда, недопущеніе шведскихъ посланниковъ къ любскому конгрессу и реституціонный эдиктъ служили предвѣстниками войны въ Германіи, которую Густавъ Адольфъ долженъ былъ предпринять для охраненія Швеціи и своего престола. За симъ послѣдовало въ осьмомъ походѣ присоединеніе имперскаго корпуса къ польской арміи, что ясно обнаруживало вражескіе виды вѣйскаго двора.

Осьмой походъ замѣчателенъ тѣмъ, что Густавъ Адольфъ не далъ обойти себя сдѣлавшемуся предпримчивѣе противнику, тотчасъ послѣ того король предается совершенно своей врожденной склонности къ отвагѣ. Однако жъ это неудачное кавалерійское дѣло также не имѣло вліянія на рѣшимость короля. Онъ вскорѣ какъ главнокомандующій, одержавъ побѣду, вознаградила то, въ чемъ ему счастье отказало, когда онъ предводительствовалъ нѣсколькими эскадронами. Наконецъ прекратили войну изнеможеніе Поляковъ и посредничество Франціи; но и тогда она не кончилась миромъ, а только шестилѣтнимъ перемиріемъ.

Послѣдующія за симъ дѣянія Густава Адольфа доказываютъ вполне основательность помѣщенной въ началѣ сихъ замѣчаній мысли. Выкинувъ нѣсколько въ дѣло, объяснится до очевидности, что король не могъ избрать другаго рода дѣйствій, для поддержанія Швеціи и протестантскаго вѣроисповѣданія. Этотъ собственно ему принадлежащій способъ возрѣнія до-

казываетъ, что онъ единый былъ изъ смертныхъ, который отвѣчалъ совершенно тѣмъ обстоятельствамъ, въ которыя онъ былъ поставленъ судьбою, и который обладалъ всѣми качествами, необходимыми для отъращения грозившаго несчастья. Съ такимъ убѣжденіемъ никакія постороннія препятствія не могли уже остановить его въ выполненіи своего призванія. Сколь худо ни толковали его намѣренія въ самой Германіи, гдѣ сначала даже пренебрегали великодушными его предложеніями; то убѣжденіе превозмогло всѣ неудобольствія его впоследствии, и онъ почти насильственно покровительствовалъ нѣмецкихъ князей.

Великое счастье было, что въ Швеціи понятія были другія, нежели въ Германіи, хотя канцлеръ Уксеншерна сначала и возражалъ противъ войны въ Германіи. По-крайней-мѣрѣ свидѣтельствуютъ результаты въ томъ, что государственные чины были въ полномъ согласіи съ своимъ государемъ и довѣряли ему. Этимъ Густавъ Адольфъ обязанъ былъ своему продолжительному тогда уже царствованію и походамъ. Между тѣмъ для успѣха предпріятія въ Германіи требовалось много счастья, потому что идти съ пятнадцатью тысячами противъ монарха могущественнаго, каковъ былъ императоръ, было дѣло весьма смѣлое, и протитительно, хотя и неблагоприятно, если съ императорской стороны сначала смѣялись надъ покушеніемъ Густава Адольфа. Правда, что силы императора въ Помераніи были малыя и не имѣлось вблизи болѣе значительной арміи; однако жъ неизвѣстно, имѣлъ ли Густавъ Адольфъ надежду увеличить свои средства въ скоромъ времени для встрѣчи непріятельскихъ массъ, скорое прибытіе которыхъ должно было предположить. Всѣ ученые стратегики сочтутъ это условіе необходимымъ, и они вѣроятно не рѣшились бы ни подъ какимъ видомъ на дѣйствія, основанныя на столь невѣрныхъ данныхъ. Неужели же Густавъ Адольфъ былъ менѣе проницателенъ, или были его предпріятія столь отчаянны, что онъ предпринималъ ихъ на

удачу? Этого никто не можетъ утверждать. Если и ни во что не считать увѣренность короля въ счастіи, то все же онъ владѣль Штральзундомъ, онъ могъ падѣяться, что незапнымъ вторженіемъ овладѣть Помераніею, въ которой непріятель не занималъ даже и столицы, и наконецъ надобно было предполагать, что появленіе его произведетъ хоть нѣкоторое впечатлѣніе на протестаптовъ и онъ пріобрѣтетъ средства значительно умножить свою армію въ Помераніи. Убѣдительно ли покажутся наши сужденія тѣмъ стратегикамъ, можно сомнѣваться, а потому двухсмысленна и похвала, которою они удостоиваютъ образъ веденія войны Густава Адольфа, доказывая тѣмъ самымъ, что ихъ способъ не годится для рѣшенія подобныхъ вопросовъ.

Пунктъ, избранный шведскимъ королемъ для выхода на берегъ, достоинъ замѣчанія, онъ не присталъ въ Штральзундъ, потому что съ острова Рудена ему удобнѣе было овладѣть островами Волпиномъ и Узедомомъ, а отсюда онъ вступалъ прямо въ средину Помераніи. Занятіе Штетина и переговоры съ герцогомъ померанскимъ были безспорно произведены смѣло и во всѣхъ отношеніяхъ искусно. Осторожность короля въ дѣйствіяхъ противъ Торквато-Конти доказываетъ, что онъ тогда былъ вынужденъ поступать осмотрительно, вѣроятно по причинѣ малочисленности войскъ, и потому что одно пошесенное пораженіе могло все испортить. Рекогносцировка его подъ Гарцомъ характеризуетъ Густава Адольфа, и особенно надобно замѣтить малочисленность конвоя, провожавшаго его при семъ случаѣ. Движеніе въ Мекленбургію надо считать опытомъ, предпринятымъ за неимѣніемъ лучшаго предпріятія.

Въ дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ Густава Адольфа при преслѣдованіи непріятеля изъ Гарца особенно примѣчательно, что Кюстринъ былъ запертъ Шведамъ, когда пропустили Имперцевъ. Если бы въ то время

Густавъ Адольфъ не былъ вынужденъ возвратиться въ Померанію, то онъ вѣроятно отыскалъ бы генерала Тилли и послѣдствія были бы совсѣмъ другія. Если бы онъ разбилъ своего противника, какъ подъ Брейтенфельдомъ, тогда не воспослѣдовало бы покоренія Магдебурга, и оба курфирста саксонскій и бранденбургскій были бы вынуждены ранѣе пристать къ Густаву Адольфу. Всѣ эти выгоды надобно было теперь искупить большими несчастіями. Эта остановка была причиною медленности въ началѣ похода и могла дать всей войнѣ другой оборотъ. Густавъ Адольфъ былъ уже дѣйствительно охлажденъ, но оживлявшее его внутреннее убѣжденіе, привязывало его къ предпринятому великому дѣлу. Можетъ быть нѣтъ другаго примѣра такого самоотверженія, съ каковымъ онъ взираетъ на недалководныхъ князей. Одинъ только союзъ съ Франціею былъ ободрителенъ.

Мы ограничимся тѣми замѣчаніями, какія въ своемъ мѣстѣ были помѣщены о причинахъ, побудившихъ короля избрать позиціи при Шведтѣ и Фирраденѣ и касательно движеній его къ Франкфурту и Ландсбергу. Если бы намѣреніе его было итти въ Мархію, то онъ не имѣлъ бы надобности брать Ландсбергъ, слѣдовательно движеніе къ сей крѣпости основывалось на другихъ причинахъ, вѣроятно король намѣревался направиться въ Силезію. Но встрѣтились препятствія, состоявшія въ двухъсмысленномъ образѣ мыслей обоихъ курфирстовъ и въ осадѣ Магдебурга. Густавъ Адольфъ былъ убѣжденъ въ правильности своихъ дѣйствій, какъ видно изъ письма его къ Магдебургу, однако жъ вліяніе тѣхъ препятствій заставило его перемѣнить намѣреніе. Паденіе Магдебурга предупредило его, и съ полובиннымъ успѣхомъ онъ обратился къ Нижней Эльбѣ, гдѣ благоразумно избралъ позицію при Вербенѣ. Здѣсь, когда обстоятельствами онъ былъ лишенъ возможности предпринять что либо въ большомъ размѣрѣ, онъ напомнилъ противнику о своемъ присутствіи въ дѣлахъ при Ангернѣ, Бургшталѣ и Рейндорфѣ, и

не упустилъ этого случая опять лично обнажить свой мечъ.

Получивъ подкрѣпленіе, шведскій король могъ слѣдовать за отступающимъ Тилли. Тогда онъ великодушно помирился съ курфирстомъ саксонскимъ, и воспо слѣдовало брейтенфельдское сраженіе, въ которомъ Густавъ Адольфъ выказалъ себя истинно великимъ полководцемъ. Послѣ сего сраженія можетъ быть въ первый разъ возникла мысль о приобрѣтеніи германской короны, и нельзя въ томъ ручаться, не осуществилось ли бы это, если бъ Густавъ Адольфъ направилъ дѣйствія свои прямо черезъ Богемію.

Нельзя осуждать дѣйствій Густава Адольфа на Рейнѣ, когда, однажды, рѣшено было ихъ предпринять; однако жъ онъ не обращалъ должнаго вниманія на Тилли, который тѣмъ болѣе не впору опять явился, что обстоятельства вторично благопріятствовали обратить дѣйствія къ Дунаю и въ австрійскія владѣнія. Позднѣе король долженъ былъ итти въ Баварію при гораздо менѣе благопріятствующихъ обстоятельствахъ. Но моментъ высшей благосклонности счастья, казалось, миновался.

Отвѣты Густава Адольфа на вопросы Франціи показываютъ, какое онъ въ то время имѣлъ преобладаніе въ политическомъ отношеніи. Если же рассмотримъ условія, предложенныя имъ для неутралитета князей Лиги и особенно предложеніе мира въ 1632 году, то удостовѣрится въ этомъ еще болѣе. Но не видно, почему могли это обратить ему въ упрекъ неограниченнаго честолюбія, такъ же какъ и нисколько не доказано, чтобъ благоденствіе Германіи тѣмъ нарушилось бы, если бы часть оной съ сохраненіемъ своихъ правъ, признала своимъ королемъ великаго, благонамѣреннаго Густава Адольфа? Потому что на другихъ условіяхъ онъ вѣрно не согласился бы принять короны.

Дѣйствія короля до самаго прибытія на Лехъ заслуживаютъ въ полной мѣрѣ удивленія. Переправа

же и сраженіе были весьма смѣлы. Какъ говорятъ, Густавъ Адольфъ сдѣлался послѣ брейтенфельдскаго сраженія еще отважѣе; по крайней мѣрѣ надобно сознаться, что сраженія на Лехѣ, подѣ Нюренбергомъ и подѣ Люценомъ показывали величайшую смѣлость какъ въ соображеніи, такъ и въ исполненіи.

Весьма замѣчательнъ намъ кажется случай, когда подѣ Ингольштатомъ убили лошадь подѣ шведскимъ королемъ, если сличить слова, обращенныя въ то время Густавомъ Адольфомъ къ своимъ генераламъ, съ упреками въ отношеніи видовъ его, то нельзя иначе, какъ либо считать его величайшимъ лицемеромъ, тѣмъ онъ не могъ быть, либо считать тѣ упреки совершенною клеветою. Вѣроятно современники его, которые были очевидцами его дѣяній, судили иначе нежели потомки, потому что не показали никакого подозрѣнія къ нему. Тогда протестанты (прочіе не могутъ быть судьями ему) упрекали его въ дальновидныхъ замыслахъ, но въ благонамѣренности его никто не сомнѣвался. Сколько надобно знать духъ времени, въ которомъ великій человекъ жилъ, если мы хотимъ судить о немъ, столько надобно и обратить вниманіе на впечатлѣніе, произведенное имъ на современниковъ, тогда многое объяснится, что безъ того осталось бы темнымъ.

Если это примѣнить къ Густаву Адольфу и къ видамъ его въ отношеніи къ Германіи, то нельзя сомнѣваться, что впечатлѣніе, произведенное симъ монархомъ на Европу, было весьма сильное. Это доказываютъ многіе факты, которые нами уже были рассмотрѣны: его преобладаніе въ политикѣ, равно какъ и даже смѣшныя слухи, что онъ свои завоеванія хочетъ распространить до предѣла свѣта. Поводомъ къ сему считать можно: дѣятельные походы его, которые по крайней мѣрѣ съ 1618 года, весьма отличались отъ прежнихъ, и въ особенности успѣхъ его противъ остававшихся до того времени непобѣдимыми арміямъ императора. Густавъ Адольфъ поставилъ протестантскихъ

членовъ имперіи, въ другое положеніе въ отношеніи къ императору; первый императорскій генералъ былъ совершенно разбитъ; шведская армія находилась въ центрѣ Германіи; императоръ былъ въ самомъ затруднительномъ положеніи; не доставало только рѣшительнаго событія, и Швеція предписала бы условія мира. Этого ожидали съ великимъ опасеніемъ. Можно ли же удивляться, что тогда враги его распространяли о немъ самыя преувеличенныя мифы или что его истинные приверженцы предавались всевозможнымъ надеждамъ (и что онъ даже самъ думалъ быть въ состояніи уничтожить власть противника, и хотѣлъ ковать желѣзо, пока оно горячо)? Но если Густавъ Адольфъ и дѣйствительно такъ думалъ, то при всемъ томъ нельзя сказать, чтобъ онъ былъ упоенъ счастіемъ. Благочестіе его охраняло его отъ того положительно и всѣ его дѣйствія и дѣланія въ послѣднемъ походѣ показываютъ, что онъ не перемѣнился и совершенно предался судьбѣ своей. И въ этомъ онъ является именно единственнымъ, и во все не подходящимъ подѣ характеръ завоевателей. Владѣнія, которыя онъ хотѣлъ приобрѣсть въ видѣ возмездія за усиліе Швеціи, могли имѣть относительное значеніе. Отдѣльное, отъ Германіи независимое государство, онъ, судя по всему что о немъ извѣстно, вѣрно не образовалъ бы. Слѣдовательно можно заключить, что мифы нѣкоторыхъ писателей, будто бы Густавъ Адольфъ умеръ для славы своей въ надлежащее время, несправедливо. Зная его, можно сожалѣть, что этотъ монархъ скончался слишкомъ рано, жизнь его была бы еще весьма полезна Германіи, потому что страна, управляемая монархомъ, покоряющимъ всѣ сердца дѣяніями своими и праведностію, не можетъ не благоденствовать. Такой монархъ благодѣтельный геній во всѣхъ временахъ, даже и въ наше, потому что высочайшее достоинство состоитъ не въ обширности круга дѣйствія и несчастія непрерывныхъ войнъ, подобно какъ въ первомъ десяткѣ девятнадцатаго столѣтія, а въ дѣятельности благонамѣренной и направлен-

ной къ великой цѣли. Нельзя не сознаться, что въ этомъ духѣ дѣйствовалъ Густавъ Адольфъ.

Начиная отъ движенія въ Швабію предпринятаго послѣ осады Ингольштата и до прибытія подъ Нюренбергъ, шведскій король маневрировалъ съ большою осторожностію и избралъ потомъ позицію при Нюренбергѣ въ видѣ убѣжища, потому что былъ вынужденъ отдѣлнть отъ себя много войскъ и противникъ былъ числительностію гораздо сильнѣе его. Однако жъ онъ и здѣсь не преминулъ сначала (при Кадольцбургѣ) показать непріятелю, чрезвычайно смѣло, готовность свою къ бою. Также не измѣнилъ онъ своему обычаю и въ дѣлѣ подъ Бургтаномъ при отбитіи непріятельскаго транспорта.

По прибытіи подкрѣпленій была предпринята атака непріятельскаго лагеря, которая также доказываетъ непоколебимость короля, потому что всѣ генералы, бывъ вопрошаемы, были противъ атаки. Судить о Густавѣ Адольфѣ, какъ о обыкновенномъ человѣкѣ и разбирать его дѣйствія по обнаружившимся причинамъ, было бы совершенно не у мѣста, какъ мы уже имѣли случай замѣтить. Валленштейнъ по меньшей мѣрѣ научился уважать образъ дѣйствій короля, обнаруживъ это отступленіемъ своимъ отъ Вейсенфельса и дѣйствіями, предшествовавшими люценскому сраженію; но онъ все же худо зналъ Густава Адольфа, если, какъ говорятъ, полагалъ, что король оставитъ его въ покоѣ въ Саксоніи, онъ не ошибся бы такъ, если бы разсудилъ, что Густавъ Адольфъ вѣрно не съ тѣмъ слѣдовалъ за нимъ, чтобы въ предѣлахъ страны притѣсненнаго союзника, оставить непріятеля передъ собою, въ квартирномъ расположеніи, не предпринявъ рѣшительнѣйшихъ мѣръ для вытѣсненія его. Обѣ арміи вообще не могли оставаться въ расположеніи, въ которомъ они угрожали другъ другу отрѣзать путь отступленія; должно слѣдовательно быть, что генералиссимусъ былъ весьма не искусенъ въ соображеніяхъ, что и подтверждается отряженіемъ Цапленгейма къ Везеру. Позднее

прибытіе Паппенгейма подъ Люценъ можетъ быть приписано двумъ причинамъ: или Валленштейнъ забылъ о немъ, или Паппенгеймъ поздно выступилъ; послѣднее вѣроятнѣе: онъ былъ занятъ осадой Морицбурга и расположилъ часть войскъ по квартирамъ, предполагая, что будетъ продолжать слѣдованіе къ Везеру; а можетъ быть онъ и надѣялся, что главная армія довольно сильна, и не нуждается въ его скоромъ прибытіи. Избранная Валленштейномъ позиція подъ Люценомъ также не обличаетъ искусства, потому что онъ могъ занять гораздо лучшую при Риппахъ. Боевой же его порядокъ въ четыре неповоротливыя массы оказался совершенно неудобнымъ и онъ понесъ бы гораздо большее пораженіе, если бы смерть не постигла короля въ самомъ началѣ сраженія.

Смерть короля была конечно во многихъ отношеніяхъ великимъ несчастіемъ; но есть точка зрѣнія, съ которой она показывается по крайней мѣрѣ завидною. Каждому, кто умѣетъ цѣнить столь возвышенный характеръ, долженъ этотъ монархъ казаться тѣмъ болѣе достойнымъ уваженія, что скончался на полѣ чести и пролилъ свою кровь за дѣло великое. Онъ навсегда пребудетъ образцомъ для военнаго человѣка, не цѣнющаго жизнь свою дороже цѣны ея и умѣющаго предпочитать скорую смерть той, которая приближается къ намъ медленно на незавидномъ страдальческомъ одрѣ недуга. Уже Цесарь предпочиталъ неожиданную смерть всѣмъ другимъ; но когда съ смертию скорою сопряжена слава историческая, тогда она имѣетъ все, что можетъ казаться завиднымъ тому, кто знаетъ истинную цѣну кратковременной жизни нашей.

Жаль, что мы такъ мало имѣемъ свѣдѣній объ особѣ Густава Адольфа и о его привычкахъ. Его дѣянія, его правила политики и вообще все, что входитъ въ исторію его царствованія и походовъ, довольно извѣстно; но желающій ближе ознакомиться съ симъ ве-

ликимъ человѣкомъ не имѣеть ничего, чѣмъ бы онъ могъ руководствоваться.

Главныя черты его характера были: пронизательный умъ, обогащенный обширными свѣдѣніями, твердость духа и правило руководствоваться дознаанными истинами, притомъ живой, раздражительный нравъ и чувствительность, равно какъ и великая склонность къ производительной дѣятельности, простиравшейся до того, что онъ съ удовольствіемъ самъ дѣйствовалъ мечь, подвергаясь величайшимъ опасностямъ; ко всему этому присовокуплялось рѣдкое благочестіе, которое хотя соотвѣтствовало духу времени по наружности, но было его искреннимъ чувствомъ сердца.

Занятіе короля въ свободное время состояло въ чтеніи святыхъ книгъ, занимавшихъ его ежедневно по нѣскольکو часовъ, и въ чтеніи Гуго Гроціуса * и старыхъ классиковъ; такого рода сочиненія имѣли большое вліяніе на него, въ чемъ свидѣлствуютъ не большое число сохранившихся его изрѣченій.

До своей арміи онъ былъ чрезвычайно снисходителенъ, милостивъ и заботливъ. Награды его всегда имѣли что нибудь, смотря по обстоятельствамъ, особенное, такъ напримѣръ: въ Пруссіи желая наградить похвальный подвигъ офицера, Ахація Тотта (можетъ быть того самаго, который впоследствии былъ фельд-маршаломъ), онъ вывелъ подъ ружье всю армію, хвалилъ мужество его и пожаловалъ кавалеромъ, опоясавъ своеручно шпагою. Подобныхъ примѣровъ имѣется нѣскольکو **; съ другой стороны онъ былъ очень строгъ и требовалъ величайшую точность въ исполне-

* *De jure belli et pacis*. Однажды онъ, однако жъ, самъ сказалъ: «если бы Гроціусъ былъ на войнѣ, то онъ нанесъ бы, что его почетельныя наставленія не всегда удобопринимны.» См. *Memoires concernant Christine, reine de Suede* T. 1. p. 6.

** Въ изданномъ въ 1802 году сочиненіи господина Филиппа «*Der Tod G. A.*» находится изображеніе медали съ портретомъ короля; этотъ знакъ отличія носили вѣроятно на лентѣ потому, что медаль съ ушкомъ.»

ніи службы, въ особенности вблизи непріятели. Виновныхъ наказывалъ опъ безъ сожалѣнія. Однажды узнавъ, что нѣмецкія его войска грабили, опъ собралъ всѣхъ ихъ генераловъ и офицеровъ и выговаривалъ имъ за такой безпорядокъ. Поѣхалъ потомъ въ лагерь, гдѣ показали ему передъ палаткой одного унтеръ-офицера похищенный скотъ; опъ взялъ виновнаго за волосы и предалъ его наказанію, сказавъ: «пойди мой сынъ, лучше мнѣ тебя наказать, нежели чтобъ за тебя Богъ наказалъ и меня и армію мою.»

Число окружавшихъ ежедневно короля лицъ ограничивалось весьма не многими; канцлеръ Уксеншерна, нѣсколько духовныхъ, нѣкоторые изъ его генераловъ и иностранные князья составляли его общество. Изъ числа послѣднихъ ландграфъ гессенъ-дармштадскій игралъ съ королемъ, во время присутствія его въ Франкфуртѣ на Майнѣ, иногда не извѣстно въ какую игру; но обыкновенно князья собирались только къ обѣду, который по обычаю того времени оканчивался всегда ранѣ полдня. Обращеніе съ богемскимъ королемъ Фридрихомъ V, кажется не выходило изъ границъ обыкновеннаго церемоніала. Канцлеръ Уксеншерна напротивъ зналъ о всѣхъ намѣреніяхъ Густава Адольфа и могъ свободно излагать свое мнѣніе преимущественно предъ всѣми прочими. Такъ опъ представлялъ королю въ 1627 году подъ Данцигомъ, что онъ слишкомъ мало щадитъ себя, на что получилъ въ отвѣтъ «ты слишкомъ хладнокровенъ и одерживаешь меня во всемъ;» Уксеншерна въ свою очередь отвѣчалъ: «Это правда, но Ваше Величество такъ пылки, что еслибъ я не утушалъ огня вашего, вы бы давно сгорѣли.» Справедливъ ли этотъ анекдотъ, неизвѣстно, по крайней мѣрѣ выражаетъ онъ отношеніе канцлера къ королю.

Густавъ Адольфъ въ походахъ былъ весьма дѣятеленъ, ничего не дѣлалось безъ его вѣдома, опъ много рекогносцировалъ и при движеніяхъ вблизи непріятели находимся большей частію въ авангардѣ. Нѣтъ

ни одного примѣра, чтобы онъ когда-либо упустилъ воспользоваться удобствомъ мѣстности, или бы опоздалъ какимъ либо распоряженіемъ *. Въ этомъ свидѣтельствуютъ всѣ его походы. Противника своего король зналъ наилучшимъ образомъ. Паппенгейма онъ цѣнилъ выше всѣхъ генераловъ непріятельской арміи; Паппенгеймъ заслуживалъ это своею рѣшимостію и вѣрнымъ сужденіемъ. Последнее доказалъ онъ въ полной мѣрѣ письмомъ своимъ къ курфирсту баварскому, въ которомъ изобразилъ, въ какомъ находились положеніи имперская и баварская арміи до осады Магдебурга **. Рѣшимость его дѣйствій впрочемъ извѣстна, онъ ей обязанъ смертію подъ Люценомъ. Напротивъ весьма невыгоднаго мнѣнія былъ Густавъ Адольфъ о графѣ Тилли, онъ считалъ его храбрымъ, но ограниченнымъ въ своихъ сужденіяхъ и рабомъ принятыхъ обыкновеній. По сей причинѣ онъ называлъ его «старымъ капраломъ.» Валленштейна онъ еще менѣе уважалъ, и часто говорилъ, что онъ не умѣетъ пользоваться счастіемъ, и что онъ неспособный, вздорный чело-вѣкъ. Особенно противны ему были чванство, роскошь и хвастовство Валленштейна.

Въ кабинетѣ король былъ чрезвычайно дѣятеленъ и неутомимъ. Первые мысли важнѣйшимъ административнымъ учрежденіямъ и другимъ распоряженіямъ были имъ самимъ начертаны и рассмотрѣны потомъ, совокупно съ канцлеромъ. Изъ собственныхъ сочиненій Густава Адольфа помѣщенъ опытъ въ сочиненіи, *Rüsa, Eginneungen an G. A.* Это введеніе къ его жизнеописанію, но сколько помнится, оно не окончено.

Мы уже упоминали о способности сего великаго мо-

* Въ этомъ свидѣтельствуетъ и последнее его движеніе черезъ р. Заале. Распорядившись лагеремъ подъ Наумбургомъ и его укрѣпленіемъ, онъ осмотрѣлъ окрестность, возвратился вечеромъ въ городъ, гдѣ однако жъ не остался, но отправился на ночь въ лагерь. См. *Naumburg in den Tagen vor und nach der Lützener Schlacht.*

** См. *Histoire de G. A. par M. d. M. (Mauvillon)* p. 299.

нарха говорить публично. Онъ обращался часто и къ своимъ генераламъ и войскамъ, и умѣлъ подстрѣкнуть сихъ послѣднихъ убѣдительными, сильными словами. Нѣкоторые писатели утверждаютъ, что передъ люценскимъ сраженіемъ король говорилъ длинную рѣчь (по примѣру древнихъ), но за справедливость этого нельзя ручаться. Вѣроятно не многіе могли слышать его слова и невѣроятно чтобы ихъ списали. Но кажется не подлежатъ сомнѣнію сказанныя имъ подъ Люценомъ послѣднія слова, они коротки и соответствуютъ совершенно и духу времени и характеру Густава Адольфа; идя въ атаку, онъ воскликнулъ: «Теперь пойдемъ, воля Господня! Помоги мнѣ Иисусъ, для славы имени твоего!»

Во всѣхъ сочиненіяхъ описывается король пылкимъ, рѣшительнымъ, скорымъ въ исполненіи, но иногда въ домашнемъ быту и весьма вспыльчивымъ. Онъ это зналъ и однажды сказалъ: «Я терпѣливо сношу ошибки моихъ подданныхъ, и они должны извинить мою горячность.» Случалось ли ему дѣйствительно обидѣть кого, то онъ старался тотчасъ поправить поступокъ свой. Часто онъ былъ чрезвычайно снисходителенъ и часто престоупалъ мѣру въ этомъ отношеніи. Но и въ эти минуты никому не случалось забытья передъ нимъ. Густавъ Адольфъ имѣлъ величавую осанку и дѣянія его увеличивали уваженіе къ нему. По этому ему не надобно было прибѣгать къ искусству въ обхожденіи своемъ. Во многихъ мѣстахъ встрѣчалъ его народъ съ колѣнопреклоненіемъ, что ему весьма не нравилось; когда въ Наумбургѣ, не за долго передъ кончиною его, народъ также встрѣтилъ его съ громкими привѣтствіями и стоя на колѣняхъ, то онъ сказалъ: «Дѣла наши идутъ хорошо, но я боюсь, что Богъ накажетъ меня за дурачество народа.» *

Но главнѣйшее, что привязывало войска къ нему, состояло въ томъ, что онъ не только какъ генералъ, но

* См. мемуары королевы Христины, I част. стр. 13.

и какъ простой солдатъ участвовалъ въ бою. Эта склонность сближала его съ солдатомъ, а неутомимость его въ трудахъ, при которыхъ онъ отстранялъ отъ себя все удобства жизни, какія главнокомандующій и тѣмъ болѣе монархъ можетъ имѣть, и описанныя нами прочія его качества пріобрѣтали ему чрезвычайную преданность войска, обнаруживавшуюся при всѣхъ случаяхъ. Король жилъ въ полномъ смыслѣ слова, въ своей арміи, онъ дорожилъ ею, съ нею онъ совершилъ свои подвиги. Онъ зналъ хорошо своихъ генераловъ, офицеровъ и все войска, которые можетъ быть привыкли видѣть въ немъ болѣе главнокомандующаго, нежели государя, нѣтая неограниченное къ нему довѣріе. Въ послѣднихъ десяти походахъ, войска подъ его начальствомъ никогда не претерпѣли пораженія. Это обстоятельство, о которомъ уже мы упоминали, отличаетъ Густава Адольфа отъ всѣхъ прочихъ великихъ полководцевъ.

Полное описаніе особы сего монарха принадлежитъ въ его біографію. Мы ограничимся тѣмъ, что скажемъ нѣсколько словъ о наружности его.

Онъ былъ довольно высокаго роста, и по словамъ дочери его, королевы Христины *, прекрасный принцъ, но немного толстъ. Въ послѣдніе годы его жизни онъ, говорятъ, еще болѣе пополнился и былъ, если вѣрить Архенгольцу, такъ толстъ, что трудно было найти лошадь, которая бы могла его снести въ полныхъ его латахъ, которыхъ король однако же болѣе не носилъ. Не смотря на то, онъ былъ до того времени весьма ловокъ, и остался до конца жизни хорошимъ ѣздокомъ. Онъ имѣлъ весьма пріятную фізіогномію, большіе, острые свѣтлые глаза, взоръ его былъ нѣженъ, но и гордъ; онъ имѣлъ высокій лобъ и носъ нѣсколько орлиный. Вся наружность обличала достоинство и важность, и

* См. въ вышеупомянутыхъ мемуарахъ въ Том. III, на стр. 19, статью, пишущую самою королевою Христиною подъ заглавіемъ: *La vie de la reine Christine faité par elle même, dediée à Dieu.*

нельзя удивляться, что всё находили, что въ благородствѣ лица его были написаны всё качества, способствовавшія ему въ успѣхѣ дѣяній его. Цвѣтъ волосъ его былъ свѣтлорусый *, и онъ носилъ подбородокъ, какъ на всѣхъ его портретахъ показывается. Онъ былъ сложенія свѣлаго, которое обѣщало долголѣтiе, какъ при вскрытiи тѣла оказалось (22).

* Въ вышепоказанномъ сочиненiи господина Филиппи упоминается, что по поводу цвѣта волосъ называли его: «Златымъ Королемъ», но что большiе его глаза были очень слабы.

К о н е ц ъ .

СТРАТЕГИЧЕСКІЯ ЗАМЪЧАНІЯ
ГЕНЕРАЛА КЛАУЗЕВИЦА
НА ПОХОДЫ ГУСТАВА АДЛЬФА.

(Отъ 1630 до 1632 года.)

—
1.

Канцлеръ Уксеншерпа и нѣкоторые члены государственнаго совѣта, находя, что для Шведовъ было бы полезнѣе вести въ Германіи войну оборонительную, представили Густаву Адольфу, въ подтвержденіе своего мнѣнія, слѣдующія причины:

1) Число католическихъ войскъ простиралось до ста пятидесяти тысячъ. Швеція, по ограниченности средствъ не была въ состояніи выставить армію, которая бы силою равнялась арміи императора и Лиги.

2) Императоръ не имѣлъ флота, а потому онъ могъ дѣйствовать противъ Шведовъ только въ Пруссіи, которая была занята ихъ войсками и гдѣ имъ легко было имѣть перевѣсъ въ физическихъ силахъ.

3) Германія, которая, въ случаѣ наступленія, должна была содѣлаться театромъ войны, казалась уже тогда совершенно истощенною войсками Фердинанда.

4) Шведскій народъ былъ бы весьма недоволенъ, если бы союзъ съ Польшею былъ заключенъ токмо съ тою цѣлю, чтобы въ скоромъ времени открыть новую войну.

5) Предшествовавшія войны значительно уменьшили народонаселеніе Швеціи.

6) Густавъ Адольфъ не могъ бы успѣшно дѣйствовать въ Германіи, не овладѣвъ напередъ постепенно рѣками: Нижнимъ Везеромъ, Эльбою и Одеромъ: этимъ дѣйствіемъ онъ вооружилъ бы противъ себя Данію и Голландію, коихъ торговля могла бы подвергнуться ущербу.

7) При наступательной войнѣ необходимо было бы имѣть двѣ арміи, изъ коихъ одна, въ случаѣ надобности, могла бы защитить Швецію со стороны Россіи и Даніи, а другая имѣла бы цѣлю наступательныя дѣйствія въ Германіи. Последняя должна бы состоять по-крайней-мѣрѣ изъ пятнадцати тысячъ пѣхоты и девяти тысячъ кавалеріи, потому, что дѣлая высадку съ слабымъ отрядомъ, можно бы подвергнуться совершенному уничтоженію прежде, нежели заключеніемъ договоровъ или пріобрѣтеніемъ какихъ-либо важныхъ пунктовъ, вышедшія на берега германскія войска успѣли бы обезпечить свое положеніе.

8) При тогдашнемъ политическомъ разстройствѣ Германіи, и при обстоятельствахъ, въ которыхъ находились другія европейскія державы, нельзя было полагаться на сильное содѣйствіе союзниковъ.

Должно сознаться, что невозможно было поддержать мнѣнія въ пользу оборонительной войны, доказательствами болѣе основательными; а потому весьма любопытно знать опроверженія, которыя, будучи противупоставлены приведеннымъ доводамъ, дали нако-

нецъ перевѣсъ мнѣнію о выгодахъ войны наступательной.

Король съ своей стороны, доказывая пользу наступленія, основывался преимущественно на слѣдующихъ разсужденіяхъ:

1) Вольные имперскіе города и тѣ нѣмецкія области и владѣнія, которыя еще мало потерпѣли отъ войны, охотно оказали бы помощь тому, кто бы принялъ на себя роль ихъ освободителя. Польза же для другихъ постороннихъ державъ отъ ограниченія императорской власти была столь велика, что отъ нихъ нельзя было не ожидать дѣятельной помощи. По этому разсужденію должно было заключить, что вторженіе въ Швецію, по-крайней мѣрѣ, въ описываемое время, казалось совершенно невозможнымъ.

2) Въ Пруссіи недостатокъ былъ столь великъ, что невозможно было предпринять какого-либо дѣйствія въ этой сторонѣ, а потому и присутствіе арміи для ея обороны могло бы покаместъ быть излишнимъ.

3) Одна дѣятельность флота могла бы предохранить отъ высадки; но если бы флотъ былъ разбитъ, или противными вѣтрами приведенъ въ разстройство, тогда конечно можно бы опасаться высадки, тѣмъ болѣе, что Испанцы имѣли бы возможность моремъ подать помощь императору.

4) Помощь, которой Шведы могли ожидать отъ другихъ государствъ, зависѣла бы отъ успѣховъ ихъ оружія. Рѣшительное наступленіе, успешно выполненное, доставило бы немедленно королю множество средствъ къ продолженію войны.

5) Однѣ только наступательныя дѣйствія давали Шведамъ средство пріобрѣсти Стральзундъ, пунктъ чрезвычайно для нихъ важный, по господствованію надъ Балтійскимъ Моремъ и нѣмецкимъ берегомъ.

6) Оборонительная война подвергла бы Швецію гораздо большимъ потерямъ, нежели наступательная.

Къ этимъ разсужденіямъ Густава Адольфа, шведскіе сенаторы присоединили еще слѣдующее:

7) Императоръ оказывался постояннымъ врагомъ Швеціи, слѣдовательно уменьшеніе его власти должно было составлять важнѣйшій предметъ для шведской политики.

8) Для отдаленія императора отъ Балтійскаго Моря, весьма важнымъ приобрѣтеніемъ для Швеціи было бы не токмо Стральзундъ, но даже Висмаръ и островъ Рюгенъ.

9) Если бы Австрійцы завладѣли Стральзундомъ, то Голландцы вѣроятно употребили бы все возможныя средства, чтобы отнять этотъ пунктъ; и въ случаѣ удачи они сдѣлались бы очевидно врагами Шведовъ, которые не должны бы никогда допустить, чтобы Голландцы распространили свою власть на балтійскихъ берегахъ.

10) Уничтоженіе шведской арміи въ Германіи не нанесло существенно вреда ея оборонительнымъ дѣйствіямъ, потому что Швеція имѣла еще въ запасѣ тридцать большихъ кораблей и народное ополченіе.

11) Наконецъ, если бы Шведы оставили на жертву католикамъ своихъ союзниковъ: протестантовъ и герцоговъ мекленбургскаго и померанскаго, то лишились бы уваженія всей Европы.

Невозможно не сдѣлать нѣкоторыхъ замѣчаній на вышеприведенные доводы обѣихъ сторонъ:

Во-первыхъ, правильное и непринужденное возрѣніе шведскаго сената и государственнаго совѣта на предпріятіе короля, возбуждаютъ удивленіе, тѣмъ болѣе, что такая твердость рѣдко встрѣчается въ подобнаго рода собраніяхъ. Это доказываетъ, что между членами сената и совѣта находилось много людей, одаренныхъ высшимъ умомъ, и что ихъ дѣйствіями управляло единодушіе. Въ мнѣніяхъ своихъ они руководствовались чистою любовію къ отечеству и благородною народною гордостію: этими доблестями они заслужили уваженіе самаго поздняго потомства.

Во-вторыхъ, приведенные выше доводы въ пользу и противъ наступательныхъ дѣйствій, раждаютъ за-

мѣчанія, что военныя разсужденія рѣдко бываютъ столь основательны, чтобы невозможно было ихъ опровергнуть или вывести изъ нихъ другой результатъ. Сколь бы убѣдительно ни были разсужденія, обнаруживающія выгоды наступательныхъ дѣйствій, всегда можно извлечь изъ нихъ доказательства въ пользу дѣйствій оборонительныхъ. Есть однако же доводы неоспоримые, а именно послѣдній, то есть, что если бы Швеція оставила своихъ союзниковъ, то лишилась бы уваженія цѣлой Европы. Это доказательство должно полагать однимъ изъ важнѣйшихъ.

Въ-третьихъ, мы считаемъ себя убѣжденными, что на рѣшимость Густава Адольфа въ пользу наступательной войны, не столько подѣйствовали вышеприведенные доводы, сколько увѣренность въ своемъ величїи, въ своихъ военныхъ дарованїяхъ; желаніе снискать себѣ славу великими подвигами, наконецъ честолюбіе; однимъ словомъ все то, чѣмъ отличается великій челоуѣкъ въ политическомъ мїрѣ.

Если бы намъ позволено было извлечь изъ этихъ замѣчаній заключеніе, хотя по наружности и неотносящееся къ нашему предмету, то мы бы сказали: что во всякомъ военномъ разсужденїи надобно болѣе всего избѣгать односторонности, а по возможности разсматривать предметъ съ различныхъ сторонъ, съ тѣмъ, чтобы другихъ избавить отъ этого труда, а себя не покрыть стыдомъ. Въ подобномъ случаѣ легко можно попасть въ лабиринтъ софизмъ, изъ котораго должно стараться выпутаться сколь возможно скорѣе, чтобы не заслужить упрека въ педантизмъ. Все то, что изъ подобнаго умствованія извлекается, не заслуживаетъ вниманія, и не можетъ повести къ рѣшительному предпрїятію; слѣдовательно, должно придерживаться только такихъ твердыхъ и основательныхъ доказательствъ, которыя бы сильно дѣйствовали на наше убѣжденіе, и могли бы послужить источникомъ рѣшительности и стройности въ планѣ. Кто со вниманіемъ читалъ военную исторію, тотъ вѣроятно замѣтилъ, что подоб-

наго рода доводы (равно какъ и вышеприведенные), болѣе основываются на нравственныхъ данностяхъ, нежели на математическомъ расчетѣ физическихъ силъ. Горе тому, кто бы захотѣлъ включить военную науку въ этотъ послѣдній разрядъ! Далѣе, мы обратимъ вниманіе на субъективныя причины, которыя при военныхъ разсужденіяхъ обыкновенно упускаются изъ виду, и которыя подчиняются обстоятельствамъ, не смотря на то, что они однѣ не рѣдко ведутъ къ окончательному рѣшенію. Тотъ, кто ошибочно смотритъ на сердце и характеръ своего противника, никогда не разгадаетъ его намѣреній. Вотъ новое доказательство, до какой степени жалка та военная наука, которая основана на однихъ матеріальныхъ элементахъ, и какъ трудно правила ея подвести подъ теорію. Законы военного искусства такъ быстро соединяются съ обстоятельствами, съ которыми они имѣютъ малѣйшее соприкосновеніе, что разсматривать эти законы независимо отъ обстоятельствъ такъ же, какъ вообразить въ совершенно чистомъ состояніи какой-нибудь легкой летучій газъ, стремящійся во всякое мгновеніе соединиться съ окружающими его воздухообразными тѣлами.

2.

Штетинъ былъ на этомъ театрѣ войны чрезвычайно важнымъ пунктомъ, потому что Шведы приняли его за основаніе для своихъ дѣйствій противъ Мекленбурга и Маркъ-Бранденбурга, и владѣли сверхъ того Нижнимъ Одеромъ и большею частию Помераніи.

3.

Эти дѣйствія противъ Мекленбурга и Нижней Эльбы, основаны были на слѣдующихъ обстоятельствахъ :

- 1) Основаніе дѣйствій Шведовъ обращено было фронтомъ къ Мекленбургу.
- 2) Необходимо было водворить герцоговъ меклен-

бургскихъ въ ихъ владѣнiяхъ, и тѣмъ прiобрѣсти новыхъ союзниковъ для Швеціи.

3) Полезно было отнять у императора города Ростокъ и Висмаръ, чтобы тѣмъ воспрепятствовать плаванію его по Балтійскому Морю.

4) Нужно было завладѣть городами Гамбургомъ и Любекомъ, для полученiя значительныхъ контрибуцій.

5) Полезно было сблизиться съ ландграфомъ гессенскимъ, который съ нетерпѣніемъ ждалъ случая, чтобы возстать противъ императора.

6) Необходимо было также находиться вблизи отъ Магдебурга. Тамъ жилъ отставленный отъ должности администраторъ Христiанъ Вильгельмъ; онъ успѣлъ составить себѣ и Шведамъ такую сильную партію, что не токмо владѣлъ городомъ, который черезъ это присоединился къ союзникамъ Швеціи, но даже при благоприятствующихъ обстоятельствахъ, могъ и въ остальныхъ частяхъ герцогства поднять оружіе противъ Австрійцевъ.

4.

Густавъ Адольфъ долженъ былъ предполагать, что вскорѣ на него обратятся всѣ силы императора и Лиги; на увольненіе же Валленштейна и распушеніе его арміи онъ не могъ ранѣе полагаться, какъ уже тогда, когда эта ошибка была дѣйствительно сдѣлана императоромъ. Король шведскiй видѣлъ, что положеніе его и цѣль дѣйствiй требуютъ того, чтобы по возможности далѣе распространить театръ войны, частью для увеличенiя вспомогательныхъ средствъ и полученiя военныхъ потребностей, а частью для того, чтобы дать возможность протестантамъ сѣверной Германіи присоединиться къ нему. Густавъ Адольфъ привелъ съ собою только двадцать тысячъ человекъ; не смотря на то, онъ возымѣлъ мысль великую начать войну пятью арміями, которыми онъ хотѣлъ обнять все пространство отъ польской Пруссiи до Голландiи,

и при благоприятномъ ходѣ дѣлъ, имѣлъ намѣреніе отгѣснить противниковъ въ самое сердце Германіи. Этотъ планъ хотя и не былъ приведенъ въ исполненіе, но не менѣе того принадлежитъ къ той эпохѣ, и мы не выполнили бы нашей цѣли, если бы не обратили на него вниманіе.

Первая армія долженствовала быть силою въ девять тысячъ пѣхоты и двѣ тысячи пять сотъ кавалеріи (или въ скоромъ времени достигнуть до этого числа), и состоять подъ командою генерала Тейффельфонъ-Кольбергъ, которому приказано было дѣйствовать къ границамъ Пруссіи.

Вторая, (пятнадцать тысячъ шестьсотъ пѣхоты и двѣ тысячи шестьсотъ кавалеріи), подъ командою фельдмаршала Горна, между Стральзундомъ и Кольбергомъ.

Третія, (двадцать одна тысяча шестьсотъ пѣхоты и шесть тысячъ пятьсотъ кавалеріи) подъ предводительствомъ самаго короля, между Стральзундомъ и Нижнею Эльбою.

Четвертая, то есть армія магдебургская администратора, имѣла въ своемъ составѣ десять тысячъ пѣхоты и тысячу кавалеріи; къ ней должны были присоединиться шесть тысячъ Германцевъ, на вербованныхъ въ Голландіи шведскимъ генераломъ Фалкенбергомъ. Этой арміи назначено было дѣйствовать между Везеромъ и Эльбою.

Пятую армію, (шесть тысячъ пѣхоты и тысячу кавалеріи), предполагалъ Густавъ Адольфъ составить изъ людей, набранныхъ въ Швеціи и подкрѣпить ее войсками, которыхъ онъ ожидалъ изъ Англіи. Этой арміи приказано было собраться около Бремена и дѣйствовать въ Вестфаліи.

Густавъ Адольфъ не намѣривался истощать народонаселеніе Швеціи наборами для поддержанія въ полномъ комплектѣ исчисленныхъ армій, превосходившихъ осьмидесять тысячъ человѣкъ; онъ надѣялся пополнить ихъ, частію наборами въ завоеванныхъ об-

лестяхъ Германіи, частью же вербовками въ Голландіи, Франціи, Пруссіи и Польшѣ. Во всѣхъ же другихъ отношеніяхъ, онъ, какъ всѣ генералы того вѣка, и какъ благоразумные полководцы повѣйшихъ временъ, руководствовался правиломъ, что война должна питать войну.

Но политическія ошибки императора и счастье, благопріятствовавшее шведскому оружію, сдѣлали излишнимъ исполненіе этого обширнаго предначертанія.

Незначительныя силы, которыя императоръ послѣ увольненія Валленштейна могъ противопоставить Шведамъ, дали возможность Густаву Адольфу не слишкомъ распространять театръ войны, чтобы тѣмъ не подвергнуть слабую шведскую армію раздробленію; король хотѣлъ довольствоваться тѣмъ, чтобы имѣть въ Мекленбургѣ при Дамгартенѣ и Рибницѣ крѣпкій опорный пунктъ, отъ котораго бы онъ могъ далѣе распространять свои дѣйствія или вдоль морскаго берега или внутрь края. По этому онъ считалъ достаточнымъ оставить тутъ нѣсколько тысячъ человѣкъ, а съ остальными возвратиться въ Штетинъ, и испытать, нѣтъ ли возможности вытѣснить непоколебимаго Торквато-Конти изъ занятаго имъ расположенія.

5.

Разсматривая окончательно послѣдствія описаннаго похода, мы должны удивляться предприимчивости Густава Адольфа и его увѣренности въ собственныхъ дарованіяхъ и въ ошибкахъ непріятеля. Еще болѣе должно насъ удивлять то, что онъ, забывъ несчастный примѣръ короля датскаго, и пренебрегая выводами изъ простаго разсчета численной силы войскъ, рѣшился съ столь малыми средствами на такое великое предпріятіе и возымѣлъ твердое намѣреніе содѣлаться защитникомъ протестантской вѣры и освободителемъ Германіи отъ ига австрійскаго дома; а даже, можетъ быть, надѣялся простереть свои успѣхи еще далѣе. Съ другой стороны обращаетъ на себя вниманіе быстрая пе-

ремѣна обстоятельствъ , въ слѣдствіе которыхъ перевѣсъ императорской власти до такой степени уменьшился , что Фердинандъ вынужденъ былъ оставить безъ всякой помощи единственнаго генерала , который рѣшился твердо противустать смѣлому завоевателю.

Шести-мѣсячное бѣдственное пребываніе арміи Торквато въ гарнскомъ лагерѣ , его неутомимое стараніе поддерживать Кольбергъ и сохранить во власти императора важнѣйшіе города Помераніи , въ то время , когда Австрійцы принуждены были очистить цѣлое герцогство , обнаруживаютъ доблестный духъ того времени , который болѣе заслуживаетъ похвалы , нежели искусство подражанія , господствовавшее въ позднѣйшихъ войнахъ.

Мы вовсе не раздѣляемъ съ нѣкоторыми новѣйшими писателями мнѣніе , что продолжительность тридцати-лѣтней войны была слѣдствіемъ неумѣнія тогдашнихъ генераловъ привести ее къ окончанію ; мы напротивъ того убѣждены , что причиною скорого окончанія новѣйшихъ войнъ , есть недостатокъ духа и твердости , необходимыхъ въ тѣхъ случаяхъ , когда обороняющійся имѣетъ намѣреніе держаться до крайности.

6.

Разсказъ этого похода имѣетъ болѣе цѣлю выказать то , что во время тридцати-лѣтней войны стратегія вовсе не существовала , или по-крайней-мѣрѣ находилась въ совершенномъ младенчествѣ . Мы привыкли заниматься тридцати-лѣтнею войною столько , сколько нужно для общаго ознакомленія съ нею въ историческомъ отношеніи , и для того , чтобы удержать въ памяти нѣсколько знаменитыхъ именъ , прославленныхъ во время этого періода , столь обильнаго происшествіями . Многіе смотрятъ съ презрѣніемъ на событія тридцати-лѣтней войны , считая ихъ лишеными души , то есть , несоснованными на правилахъ усовершенствованнаго искусства вести войну , и желаютъ тѣмъ доказать , что гораздо полезнѣе заниматься изу-

ченіемъ новѣйшихъ войнъ; мнѣше это, по своей ошибочности, должно возбуждать въ насъ удивленіе. Весьма понятно, что духъ тридцати-лѣтней войны слѣдлался для насъ чуждымъ, потому что мы по мѣрѣ возрастающаго образованія отстали отъ варварства и безчеловѣчія сопутствовавшихъ тогдашнимъ военнымъ дѣйствіямъ; но зато съ другой стороны мы лишились нѣкоторыхъ условій необходимыхъ для военнаго величія. Трудно объяснить, почему мы, въ событіяхъ тридцати-лѣтней войны, не хотимъ признавать вліянія благородныхъ и возвышенныхъ чувствъ челоуѣчества.

Операціонные планы Густава Адольфа для похода 1631 года *, можно смѣло сравнить съ планами всѣхъ послѣдовавшихъ войнъ; что же касается до свѣдѣній, которыя мы имѣемъ объ упомянутыхъ (и которыя слѣдуетъ непремѣнно принимать въ соображеніе), то ихъ можно поставить наряду съ лучшими свѣдѣніями, изложенными въ превосходномъ военно-историческомъ сочиненіи Темпельгофа.

Тилли собралъ войска католической Лиги въ продолженіи зимы и среди возраставшихъ побѣдъ Густава Адольфа. Но какъ эти войска были разбросаны во всѣхъ нѣмецкихъ округахъ, то онъ не ранѣе какъ въ началѣ февраля могъ собрать довольно значительную армію, простиравшуюся до двадцати двухъ тысячъ; съ этими силами онъ имѣлъ въ виду противопоставить

* Мы употребили здѣсь съ намѣреніемъ множественное число, потому что стратегическая канва, служащая основаніемъ для подробностей похода и известной подъ названіемъ *плана дѣйствій*, состоитъ обыкновенно изъ ряда послѣдовательныхъ предположеній, которыя должны рождаться постепенно по причинѣ неизвѣстности предстоящихъ событій. Военная исторія мало представляетъ такихъ походовъ, въ которыхъ бы планы дѣйствій не подвергались въ частности многими перемѣнамъ, между тѣмъ какъ главныя ихъ основанія оставались неизмѣнными. Не должно однако же смѣшивать этихъ *необходимыхъ* измѣненій съ тѣми, которыя бывають слѣдствіемъ недостатка рѣшительности или соображеній.

оплотъ стремленію шведскаго оружія, и буде возможно спасти Франкфуртъ и Ландсбергъ.

Въ тридцати-лѣтней войнѣ не должно упускать изъ виду той важности, которую имѣли всѣ города, болѣе или менѣе обширные, и болѣе или менѣе укрѣпленные. Они служили не токмо средствомъ къ тому, чтобы останоить непріятеля, въ особенности же въ то время, когда за каждой каменной стѣною можно было держаться нѣсколько дней, а за небольшимъ валомъ даже цѣлые мѣсяцы; но, что гораздо важнѣе, они служили складачными мѣстами для продовольственныхъ припасовъ, собранныхъ войсками въ окрестныхъ мѣстахъ; слѣдовательно, чтобы владѣть краемъ или точнѣе его продуктами, достаточно было имѣть въ своей власти города. Ни одинъ изъ писателей (даже Мовиллионъ и Гоейеръ, отъ которыхъ этого можно было ожидать), не сдѣлали вышеприведеннаго замѣчанія, которое получаетъ большое вѣроятіе, если примемъ въ соображеніе тѣ огромные запасы продовольствія, которые собираемы были въ городахъ и которые вмѣстѣ съ ними переходили въ руки завоевателей.

7.

Армія Тилли по присоединеніи къ ней корпуса Шаумбурга и нѣкоторыхъ разбросанныхъ отрядовъ, возрасла до тридцати четырехъ тысячъ. Густавъ Адольфъ получилъ также изъ Пруссіи семь тысячъ человекъ подкрѣпленія, такъ, что его главные силы простирались до двадцати пяти тысячъ. Онъ измѣнилъ свой первоначальный планъ, состоявшій въ томъ, чтобы, пройдя черезъ Мекленбургъ, продолжать войну въ южной Германіи, и рѣшился остаться между Эльбою и Одеромъ, съ тѣмъ, чтобы имѣть возможность обратиться или противъ Саксоніи или противъ Силезіи. Весьма вѣроятно, что причиною измѣненій въ планѣ, было бѣдственное состояніе, въ которомъ Густавъ Адольфъ нашелъ мекленбургскія владѣнія.

Обладаніе Ландсбергомъ и Франкфургомъ было не-

обходимо Густаву Адольфу для дальнѣйшихъ его дѣйствій; но какъ близость арміи Тилли препятствовала сдѣлать нападеніе на эти города, то король рѣшился перейти на лѣвый берегъ Одера, и показать видъ, что хочетъ вторгнуться въ Мекленбургъ; успѣвъ же отвлечь Тиллиа отъ Франкфурта и Ландеберга, Густавъ Адольфъ намѣренъ былъ быстро возвратиться опять въ ту сторону. Онъ оставилъ фельдмаршала Горна въ лагерѣ подъ Сальденомъ, съ осемью до девяти тысячами войскъ, для того, чтобы воспользоваться обстоятельствами и сдѣлать покушеніе противъ двухъ упомянутыхъ городовъ, если бы во время отсутствія короля представился къ тому благоприятный случай. Въмѣстѣ съ тѣмъ приказано было Горну уклоняться отъ встрѣчи съ Имперцами, и при нападеніи арміи Тиллиа отступить къ Штаргаду, исключая токмо того случая, когда бы ошибочныя распоряженія непріятеля могли обѣщать вѣрную побѣду. Самъ же Густавъ Адольфъ съ шестнадцатю тысячами двинулся черезъ Штетинъ и Новый-Бранденбургъ, овладѣвъ городами Мальхиномъ и Лейцомъ, (послѣдній былъ важенъ потому, что находился на дорогѣ въ Стральзундъ), и вслѣдъ за тѣмъ осадилъ Демминъ.

8.

Густавъ Адольфъ увидѣвъ, что Австрійцы, согласно его ожиданіямъ, перешли съ главными силами изъ Франкфурта въ Мекленбургъ, выступилъ съ своими войсками 17 февраля обратно къ Франкфурту. Онъ оставилъ половину своей арміи подъ командой генерала Книппгаузена въ Мекленбургѣ на кантониръ-квартирахъ, между Новымъ-Бранденбургомъ и берегомъ моря. Генералъ Баннеръ оставленъ былъ въ Демминѣ, а генералу Тотту приказано было осадить Грейфсвальдъ; самъ же Густавъ Адольфъ пошелъ обходною дорогою на Штетинъ, чтобы тамъ лично сдѣлать нѣкоторыя приготовленія для взятія приступомъ Франкфурта. Онъ оставилъ своимъ генераламъ весьма подробныя

наставленія, которыхъ сущность заключалась въ слѣдующемъ: «если Австрійцы сбѣгаютъ наступленіе черезъ Новый-Бранденбургъ, и захотятъ напасть на находящіяся въ той сторонѣ шведскія войска, то генераль Баннеръ долженъ оставить часть силъ подъ Грейфсвальдомъ, а съ остальными присоединиться къ Кинпгаузену. Если бы Австрійцы стягивали свои войска, расположенныя на квартирахъ въ Мекленбургѣ, съ тѣмъ, чтобы предпринять наступленіе вдоль морскаго берега, то Баннеру поставлено было въ обязанность собрать нужное число войскъ, а въ случаѣ необходимости притянуть часть силъ изъ Стральзунда, и расположиться за рѣкою Требель, правымъ флангомъ къ Дамгартену, а лѣвымъ къ Деммину. Наконецъ, если бы Австрійцы вздумали вторгнуться въ Нижнюю Мархию, съ тѣмъ, чтобы сблизиться къ Штетину и Гарцу, то приказано было генераламъ Баннеру и Кинпгаузену соединиться по возможности скорѣе и произвести диверсію нападеніемъ на Пренцлау.»

Густавъ Адольфъ, получивъ потомъ достовѣрныя извѣстія о наступленіи Австрійцевъ, отправилъ фельдмаршала Горна въ Мекленбургъ для принятія начальства надъ находившимися тамъ войсками. Горнъ получилъ слѣдующее наставленіе: «расположиться съ семью тысячами подъ Фридландомъ при Толлензѣ, и на случаѣ наступленія Австрійцевъ черезъ Новый-Бранденбургъ, оставить гарнизоны въ укрѣпленныхъ городахъ, а съ остальными войсками отступить за рѣку Пеенъ, къ городу Анкламу. За этою рѣкою, равно какъ за рѣками Требель и Рекницъ стараться занять такое расположеніе, чтобы прикрыть города Анкламъ, Вольгастъ, Лойцъ и Демминъ. Если бы по недостатку силъ не было возможности устоять противъ Австрійцевъ, тогда отступленіе должно быть произведено къ Барту и Стральзунду. Если бы наконецъ Австрійцы потянулись вслѣдъ за шведскимъ королемъ, въ такомъ случаѣ Горнъ имѣлъ приказаніе слѣдовать за ними,

оставивъ однако же часть войскъ за рѣками Требель и Рекницъ, чтобы тѣмъ лишить возможности австрійскіе гарнизоны, расположенные въ Мекленбургѣ, сдѣлать нападеніе на осадный корпусъ при Грейфсвальдѣ.» Эти подробныя наставленія Густава Адольфа не были однако жъ приведены въ исполненіе: мы ихъ изложили здѣсь единственно для того, чтобы дать возможность сравнить тогдашнее военное искусство съ нынѣшнимъ.

9.

Пока Тилли былъ занятъ осадой Магдебурга, Густавъ Адольфъ овладѣлъ Кроссеномъ, а 15 апрѣля взялъ послѣ двухъ-дневной осады Ландсбергъ, не смотря на то, что гарнизонъ его состоялъ изъ тысячи пяти сотъ человекъ. Потомъ, въ началѣ мая, онъ хотѣлъ идти на освобожденіе Магдебурга; но какъ путь его пролегалъ черезъ среднюю Мархію, то онъ желалъ сначала обезпечить себя со стороны курфюрста Георга Вильгельма. Въ самомъ дѣлѣ неосторожно было бы, оставивъ за собою съ правой стороны курфюрста бранденбургскаго, а съ лѣвой курфюрста саксонскаго, идти на рѣшительнугу встрѣчу съ непріателемъ. Курфюрстъ бранденбургскій былъ извѣстенъ какъ человекъ не слишкомъ твердаго характера; сверхъ того онъ окруженъ былъ министрами, продавшими себя императору. Курфюрстъ же саксонскій руководствовался до толѣ весьма двусмысленною политикою, и казалось, что онъ вовсе не имѣлъ намѣренія содѣлаться вѣрнымъ союзникомъ Шведовъ, а напротивъ того его министры возымѣли мысль сдѣлать его главою третьей партіи, которая должна была образоваться изъ союза князей, составившагося въ 1631 году въ Лейпцигѣ. Министры сдѣлали ошибку свойственную политикамъ, неимѣющимъ надлежащаго понятія о войнѣ, то есть о самомъ опасномъ оружіи политическихъ предположеній. Придумывая планы, они забывали о средствахъ, которыя ведутъ къ ихъ исполненію.

Послѣ этого необходимаго взгляда на политиче-

скія обстоятельства, мы можем смѣло утверждать, что Густавъ Адольфъ не могъ двинуться къ Магдебургу, доколѣ Георгъ Вильгельмъ не согласился на условія, обезпечивающія положеніе Шведовъ. Эти условія были весьма умѣренны: они состояли въ томъ, чтобы отдать во власть Шведовъ крѣпости Кюстринъ и Шпандау до снятія осады Магдебурга и снабдить шведскую армію мѣсячнымъ жалованьемъ и продовольствіемъ. Курфирстъ откладывалъ исполненіе этихъ требованій, пока наконецъ Густавъ Адольфъ не подступилъ къ самому Берлину съ двадцатью пятью тысячами войскъ. По занятіи крѣпости Шпандау (5 мая), Густавъ Адольфъ отправилъ фельдмаршала Горна въ окрестности Кюстрина и Ландсберга, съ тѣмъ, чтобы составить десяти тысячную армію изъ разныхъ гарнизоновъ, новобранцовъ и войскъ, прибывшихъ изъ Пруссіи. Эта армія назначалась для того, чтобы обезпечить Новую Мархію и Померанію отъ предпріятія императорскихъ войскъ, которыя собирались въ Силезіи и на польской границѣ, и сдѣлать даже диверсію на Силезію, если бы обстоятельства тому способствовали. Послѣ этого, король могъ уже прямо идти къ Магдебургу; но онъ находилъ весьма затруднительнымъ, принудить непріятеля къ снятію осады на правомъ берегу Эльбы, потому что въ этой странѣ, Магдебургцы и Австрійцы вели между собою непрерывно съ самой осени малую войну, и тѣмъ уничтожали всѣ продовольственныя припасы того края. Легче и вѣрнѣе было бы дѣйствовать противъ арміи Тилли, если бы Густаву Адольфу удалось взять Виттенбергъ и Дессау, переправиться черезъ Эльбу и овладѣть ея теченіемъ. Но курфирстъ саксонскій не согласился очистить упомянутыхъ городовъ; начались переговоры и Густавъ Адольфъ хотѣлъ уже, какъ кажется, поддержать ихъ оружіемъ, подобно тому, какъ онъ сдѣлалъ въ Помераніи и Бранденбургѣ, какъ вдругъ получено было имъ извѣстіе, что генералу Тилли удалось 10 мая взять приступомъ Магдебургъ. Слабость

шведскаго гарнизона, можетъ быть отсутствіе доброй воли со стороны городской милиціи, и недостатокъ въ снарядахъ, были главными причинами, доставившими успѣхъ австрійскому генералу. При всемъ своемъ усердіи, Фалкенбергъ не былъ въ состояніи воспрепятствовать этому предпріятію, а храбрость его не была достаточна къ тому, чтобы помѣшать успѣху непріятели. Онъ палъ на стѣнахъ Магдебурга съ оружіемъ въ рукахъ.

Сколько намъ извѣстно, городъ три дни подверженъ былъ грабежу; онъ былъ уничтоженъ до основанія, причемъ около сорока тысячъ жителей предано было смерти.

Само собою разумѣется, что Густавъ Адольфъ не могъ предвидѣть столь неслыханной жестокости; но по самой важности Магдебурга, въ военномъ отношеніи, должно предполагать, что король поспѣшилъ бы на помощь этому городу, если бы могъ предвидѣть близость его паденія. Впрочемъ не вѣроятно, чтобы одинъ недостатокъ продовольствія, даже въ случаѣ крайности, могъ воспрепятствовать снятію осады Магдебурга на правомъ берегу Эльбы. Доколѣ этотъ городъ находился въ опасности, Густавъ Адольфъ могъ болѣе полагаться на доброжелательство курфирста саксонскаго, относительно намѣренія его присоединиться къ Шведамъ. Слѣдовательно мы имѣемъ право предполагать, что Густаву Адольфу представлялась возможность отвратить паденіе Магдебурга: но неблагоприятно и несправедливо было бы приписывать его поступокъ расчетамъ низкой мести.

Всѣ дѣйствія Густава Адольфа доселѣ описанныя доказываютъ, что онъ прѣбылъ въ Германію съ намѣреніемъ доставить успѣхъ своему оружію, совершенно новыми средствами, то есть помощію стратегическихкихъ маневровъ; это доказывается предположеніемъ его, дѣйствовать пятью корпусами съ той цѣлю, чтобы вытѣснить Торквато-Конти изъ Гарца, а Твлли изъ Франкфурта на Одерѣ; далѣе диспозиціями, данными

во время пребыванія на Одерѣ генераламъ, командовавшимъ войсками въ Мекленбургѣ, и тому подобнымъ. Онъ имѣлъ въ виду сначала утвердиться въ занятой имъ странѣ, а потомъ уже предпринять что-либо рѣшительное. Это намѣреніе, совершенно согласное съ духомъ тогдашняго времени, доказывается тѣмъ, что Густавъ Адольфъ занимался овладѣніемъ многихъ городовъ, прежде нежели приступалъ къ сраженію при Брейтенфельдѣ, или къ освобожденію Магдебурга. Въ Кроссенѣ былъ его лѣвый флангъ, а въ Демминѣ правый; все, что находилось между этими двумя городами, за исключеніемъ Кюстрина и Шпандау, принадлежало ему. Желаніе овладѣть двумя послѣдними пунктами, и не довольствуясь тѣмъ, утвердить за собою Эльбу, занятіемъ Виттенберга и Дессау, обнаруживаютъ большую осторожность со стороны Густава Адольфа. Однимъ словомъ, это былъ ученый полководецъ, одаренный въ высшей степени предусмотрительностью и соображеніемъ!

10.

Густавъ Адольфъ ясно понималъ способъ употребленія союзныхъ войскъ. Онъ предоставилъ имъ особый кругъ дѣйствій, подчинивъ имъ даже шведскія войска, и избѣжалъ такимъ образомъ неудобства имѣть на главномъ театрѣ военныхъ дѣйствій армію, которой не доставало необходимой матеріальной связи. Такое войско могло быть сравнено съ ненадежнымъ орудіемъ, которое легко можетъ переломиться въ рукахъ самаго даже искуснаго художника. Подобнаго рода соображенія не требовало особенной смѣтливости; но чтобы оцѣнить надлежащимъ образомъ это простое обстоятельство, и принести ему въ жертву предметы, которые на первый взглядъ казались гораздо важнѣе, для этого необходимо было точное воззрѣніе на военное дѣло, безошибочныхъ соображеній и непринужденность въ сужденіяхъ. Недостатокъ чистыхъ понятій въ военномъ дѣлѣ, въ чемъ, къ сожалѣнію доселѣ

можно упрекнуть большую часть политиковъ, былъ причиною, что еще долгое время послѣ Густава Адольфа составлялись противуестественныя коалиціи; это заставляетъ сознаться, что стратегія позднѣйшихъ временъ находилась не въ самомъ блестящемъ состояніи.

11.

Альтрингеръ получилъ приказаніе, съ осемью тысячами войскъ присоединиться къ графу Фугеру, который съ десятию тысячами двигался отъ Майна къ Гессену; сверхъ того Тилли ожидалъ еще тринадцати тысячъ человѣкъ на вербованныхъ герцогомъ лотарингскимъ; наконецъ курфирстъ кельнскій собралъ также нѣсколько полковъ пѣхоты и кавалеріи.

Бросивъ взглядъ на эту значительную силу, которая вновь собиралась, для прекращенія успѣховъ шведскаго короля, невольно страшишься, чтобы по соединеніи съ Тилли, вся эта масса не обрушилась вдругъ на Густава Адольфа, и отъ души желаешь ему успѣха. Многие могутъ подумать, что это слѣдовало разсматривать какъ счастливый случай, котораго осторожный полководецъ не долженъ принимать въ расчетъ. Но такой взглядъ слишкомъ ограниченъ и уничтожаетъ духъ предпримчивости. Если полководецъ не желаетъ преодолѣть подобнаго рода опасенія, то онъ никогда не будетъ въ состояніи рѣшиться на предпріятіе, которое бы соответствовало вѣрнымъ ему силамъ. Правда, что императоръ, вмѣсто тридцати двухъ тысячъ, могъ выставить противъ шведскаго короля, въ брейтенфельдскомъ сраженіи, болѣе шестидесяти тысячъ, потому что въ скоромъ времени послѣ того, онъ имѣлъ дѣйствительно такое число войска въ своемъ распоряженіи, а въ образѣ сбора и устройствъ этой арміи не было никакой причины, которая бы могла препятствовать приготовить ее нѣсколькими мѣсяцами ранѣе. Но имѣлъ ли императоръ душевное побужденіе къ тому, чтобы приготовить и выставить такую

сильную армию, еще до сраженія подъ Брейтенфельдомъ? Обнаруженная имъ эвергическая воля была ли вынуждена обстоятельствами, которыя должны были быть весьма важны, чтобы произвести подобное дѣйствіе? Не благоразумнѣ ли соображаться съ тѣмъ, что противникъ *можетъ* сдѣлать, нежели заботиться о томъ, что онъ *не можетъ* сдѣлать? Мы не станемъ болѣе углубляться въ этотъ предметъ; но умные читатели согласятся съ нами, что здѣсь открывается для стратегіи болѣе обширное поле, нежели при вычисленіи градусной величины операціонныхъ угловъ.

12.

Всѣмъ извѣстенъ упрекъ, сдѣланный королю канцлеромъ Уксенперною въ томъ, что онъ тотчасъ не пошелъ на Вѣну; извѣстны также и разысканія многихъ писателей на счетъ этой сомнительной статьи операціоннаго плана, составленнаго Густавомъ Адольфомъ. Но какъ этотъ планъ находился въ совершенной зависимости отъ политической цѣли, которую король сохранилъ втайнѣ, то всѣ упомянутыя разысканія не могутъ принести никакой пользы. Если не принимать въ соображеніе политическихъ явленій, которыя могли быть слѣдствіемъ покушенія на Вѣну, тогда безъ сомнѣнія покажется, что этотъ походъ могъ бы представить менѣе трудностей и повести къ болѣе рѣшительнымъ результатамъ, нежели средства, избранныя Густавомъ Адольфомъ. Но возможно ли упускать изъ виду столь важное обстоятельство? Достаточно было бросить взглядъ на тогдашнихъ нѣмецкихъ князей, чтобы убѣдиться, какъ мало они были расположены слѣдовать за колесницею счастливаго завоевателя, какъ дорого они цѣнили свою независимость, и на какія великія предпріятія многіе изъ нихъ рѣшались, съ самыми слабыми силами? Изложеніе трехъ походовъ Густава Адольфа въ Германію ясно убѣждаетъ въ томъ, что онъ не вездѣ оказываетъ себя смѣлымъ полководцемъ, ищущимъ битвъ и вторже-

ній; но болѣе предпочиталъ искусную, систематическую и на маневрахъ основанную войну. Если присоединимъ къ тому вышензложенныя политическія обстоятельства, то легко будетъ объяснить, почему онъ предпочелъ правильныя дѣйствія на избранномъ имъ театрѣ войны, смѣлому движенію къ Вѣнѣ. Взятіе Вѣны доставило бы большія выгоды протестантамъ, но шведскій король не получилъ бы отъ того никакой пользы. Для образованія же правильнаго театра войны, не представлялось лучшаго средства, какъ то, которое было имъ избрано. Вся Померанія находилась въ его власти; въ Маркѣ онъ владѣлъ важнѣйшими городами, курфирстъ былъ его союзникомъ, и въ той странѣ вовсе не было непріязненныхъ ему жителей. Саксонія хотя подвергалась еще нѣкоторой опасности со стороны Силезіи, но курфирстъ имѣлъ достаточныя силы для своей обороны; защита же собственныхъ владѣній, и возможность завоеванія Богеміи, должны были побуждать его къ дѣятельности. Слѣдовательно слабый корпусъ, составленный большею частию изъ Шотландцевъ, былъ достаточенъ для удержанія Саксоніи и Силезіи, тѣмъ болѣе, что въ этихъ странахъ нельзя было ожидать важныхъ происшествій. Магдебургъ находился еще въ рукахъ Австрійцевъ; для осады оставленъ былъ корпусъ подъ начальствомъ Баннера. Мекленбургія была занята Шведами до Ростока и Висмара, а корпусу генерала Тотта поручена была осада этихъ двухъ городовъ. Въ брауншвейгскихъ владѣніяхъ стояли войска ниже-саксонскаго округа, и удерживали въ повиновеніи и безъ того уже слабыхъ непріязненныхъ жителей. Въ Вестфаліи было мало непріятельскихъ войскъ. Ниже-рейнскія католическія области были сами собою слабы, а гессенскія владѣнія приняли сторону Густава Адольфа. Въ этомъ краѣ находился Тилли послѣ сраженія. Франконія, одна изъ богатѣйшихъ провинцій, заключала въ себѣ огромныя сокровища и запасы; она не была защищена ни одною важною крѣпостью, и находилась

подъ властью многихъ мелкихъ князей, которыхъ гораздо легче было привлечь на свою сторону, нежели большихъ владѣтелей. Слѣдовательно для Густава Адольфа было весьма естественно итти изъ Лейпцига въ Франконію, и овладѣвъ ею, отрѣзать генерала Тилли отъ Баваріи и Австріи; потомъ, принудивъ Имперцевъ очистить гессенскія владѣнія, отдѣлить отъ Австріи посредствомъ этого расположенія средне- и нижне-рейнскія союзныя католическія земли, равно какъ и находившіяся еще въ Вестфаліи и Нижней Саксоніи непріязненные Шведамъ народы; короче сказать, Густавъ Адольфъ имѣлъ возможность всю Сѣверную Германію отрѣзать отъ Южной. Изъ Франконіи онъ могъ итти къ Майнцу, завладѣть богатымъ Франкфуртомъ на Майнѣ, и утвердиться въ Майнцѣ или вообще на среднемъ Рейнѣ. Такова была въ самомъ дѣлѣ мысль Густава Адольфа, которую онъ постепенно приводилъ въ исполненіе; но положеніе дѣлъ во Франконіи не дозволило ему овладѣть Филипсбургомъ и Гейдельбергомъ. Безъ этого препятствія онъ бы разтянулъ свою операціонную базу до союзнаго ему Страсбурга. Этотъ маневръ представляетъ стройное стратегическое дѣйствіе, которое показываетъ, въ какой высокой степени Густавъ Адольфъ одаренъ былъ силою соображенія.

На первый взглядъ можетъ показаться ошибкою то, что Густавъ Адольфъ предоставилъ саксонской арміи особенный кругъ дѣйствій противъ австрійскихъ владѣній и тѣмъ далъ курфирсту возможность принудить императора къ заключенію отдѣльнаго мира, на выгодныхъ для Саксоніи условіяхъ. Если бы Густавъ Адольфъ оставилъ саксонскую армію при себѣ, то имѣлъ бы болѣе власти надъ курфирстомъ, или если бы онъ употребилъ эти войска на такомъ театрѣ войны, на которомъ бы онѣ не были въ сопрякосновеніи съ императоромъ, и гдѣ бы они не могли уменьшить своей дѣятельности, не подвергая опасности собственнаго отечества (какъ, напримѣръ, въ дѣйствіяхъ про-

тивъ остальныхъ католическихъ князей), то онъ бы неминуемо предупредилъ отпаденіе курфирста саксонскаго отъ союза со Шведами. Но мы считаемъ это разсужденіе неосновательнымъ, и не можемъ не сдѣлать замѣчанія, которое, по нашему мнѣнію, составляетъ одно изъ существеннѣйшихъ правилъ военнаго искусства. Кто въ минуты спокойнаго сужденія, вполне полагается на выводы, сдѣланные или изъ самаго свойства предмета, или изъ многочисленныхъ опытовъ, тотъ и во время дѣйствія долженъ сохранить къ этимъ выводамъ ту же самую степень довѣрія. Человѣческій умъ легко впадаетъ въ ошибки и заблужденія, а при затруднительныхъ обстоятельствахъ еще болѣе имъ подвергается. Слѣдовательно, въ подобномъ случаѣ, характеръ долженъ служить основаніемъ убѣжденію, и бѣглый взглядъ, брошенный на предметъ, не долженъ имѣть преимущества передъ зрѣло обдуманнымъ выводомъ ; настоящее представляется намъ гораздо живѣе, нежели прошедшее, и часто въ самую минуту дѣйствія мы бываемъ не въ состояніи пробѣжать въ памяти рядъ идей, которыя привели насъ къ настоящему результату. Мы позволяемъ себѣ повторить здѣсь съ большею точностію выводъ, принятый нами выше за правило : « что важнымъ союзникамъ должно предоставить особый театр дѣйствій, и по возможности такой, на которомъ бы опасеніе за собственныя владѣнія побуждало ихъ къ дѣятельной оборонѣ, а надежда на полученіе ошутительныхъ выгодъ подстрекала бы ихъ къ дѣятельному наступленію.» Это правило основывается непосредственно на сущности союза, и слѣдовательно имѣетъ столь высокое значеніе, что всѣ прочія соображенія должны быть ему подчинены. Ни кто не можетъ сомнѣваться, что это не есть расчетъ празднаго ума, а плодъ продолжительнаго и горькаго опыта. Поступки Густава Адольфа были основаны на подобномъ же убѣжденіи, и хотя оно имѣло слѣдствіемъ пирнскій миръ, но происшедшій отъ того ущербъ былъ безъ сомнѣнія менѣе чувствителенъ, нежели стѣс-

неніе дѣйствій въ главныхъ округахъ театра войны. Важнѣйшею причиною могли быть сношенія и связи, существовавшія уже тогда между Густавомъ Адольфомъ и Валленштейномъ, которыя вскорѣ простерлись весьма далеко, по вполнѣдствіи, по разнымъ обстоятельствамъ, подверглись разрыву. Валленштейнъ сдѣлалъ настойчивое предложеніе, чтобы Саксонцы перешли въ Богемію; сверхъ того, онъ требовалъ тысячи двухъ сотъ Шведовъ, которыхъ, однако жъ, осторожный Густавъ Адольфъ ни какъ не соглашался къ нему отправить. Весьма естественно, что король шведскій не могъ имѣть намѣренія идти съ своею арміею въ Богемію, доколѣ Валленштейнъ долженствовалъ играть въ этой странѣ главную роль.

13.

Въ концѣ октября Тилли двинулся отъ Мильтенберга къ Бишофгейму на рѣкѣ Тауберъ, съ намѣреніемъ напасть на Вертгеймъ. Густавъ Адольфъ, узнавъ объ этомъ предпріятіи, скрылъ въ мѣсту близъ города сильную засаду, и когда Австрійцы безъ всякихъ предосторожностей приблизились съ войсками для обложенія Вертгейма, то комендантъ встрѣтилъ ихъ съ фронта, а войска, находившіяся въ засадѣ, сдѣлали нападеніе съ тыла: Австрійцы были разбиты и лишлись двухъ тысячъ человекъ. Вслѣдъ за тѣмъ Густавъ Адольфъ напалъ на четыре непріятельскіе полка, расположенные въ двухъ деревняхъ, разсѣялъ ихъ, уничтоживъ большую часть людей. Послѣ того онъ возвратился въ Вирцбургъ. Тогда только Тилли выступилъ въ походъ, и 28 октября утромъ прибылъ въ Ротенбургъ на рѣкѣ Тауберъ; онъ поручилъ блокаду этого города генералъ-коммисару Осса, который привелъ ему четырнадцать тысячное подкрѣпленіе изъ эльзасскихъ крѣпостей, и изъ пфальцскихъ и виртембергскихъ владѣній. Гарнизонъ, состоявшій изъ трехъ сотъ человекъ, защищался только до вечера; 30 октября Тилли двинулся къ Винцгейму и вслѣдъ за тѣмъ овла-

дѣлъ Оксенфуртомъ. Эти предпріятія клонились къ тому, чтобы сдѣлать перемѣну фронта, упереться тыломъ въ Баварію и войти въ соединеніе съ епископами бамбергскимъ и эйхштадскимъ, которые въ это время прекратили всѣ переговоры, дотоѣ вѣденные ими съ Густавомъ Адольфомъ. Курфирсть баварскій, не смотря на то, что это расположеніе войскъ Тилли прикрывало его владѣнія, собралъ на правомъ берегу Дуная двѣнадцаті тысячную армію, назначенную преимущественно для защиты Баваріи. Онъ приказалъ также во всѣхъ городахъ запасти продовольствіемъ на шесть мѣсяцевъ; а для увеличенія арміи до двадцати тысячъ, назначилъ новый наборъ по одному человѣку съ десяти. Но, не столько расположеніе арміи Тилли и крутыя мѣры непоколебимаго Максимилиана, сколько различныя другія обстоятельства заставили Густава Адольфа вдругъ повернуться вправо къ Рейну, гдѣ Майнцъ и другіе важные города были слабо обезпечены. Владѣя ими, Густавъ Адольфъ могъ прикрыть правый флангъ театра войны, имѣвъ средства держать въ повиновеніи католическихъ князей на Рейнѣ, дать сильный отпоръ Испанцамъ, если бы они вздумали приблизиться къ театру его дѣйствій, и наконецъ обезпечить союзъ съ Франціею. Сверхъ того страна при-рейнская есть самая обильная изъ германскихъ земель, и потому она болѣе могла облегчить предпріятіе короля шведскаго, нежели Баварія и Австрія, въ которыхъ богатство торговли имѣло еще въ то время мало сбыта. Когда наконецъ Густавъ Адольфъ убѣдился, что въ оборонительныхъ дѣйствіяхъ его противниковъ не было надлежащей связи и единства, и что армія его ежедневно увеличивалась множествомъ плѣнныхъ, добровольно вступавшихъ подъ его знамена, тогда онъ счелъ перевѣсъ свой въ физическихъ и нравственныхъ силахъ достаточнымъ къ тому, чтобы одною частію своей арміи привести предначертанный планъ въ исполненіе, а другую употре-

бить для уничтоженія безсвязныхъ предпріятій противника въ Франконіи.

Прежде нежели Густавъ Адольфъ выступилъ съ арміею, посланъ былъ полковникъ Гаубальдъ съ семьюстами кавалеріи и тысячею пятьюстами драгунъ, для сдѣланія поиска на городъ Ганау, занятый тремя ротами Австрійцевъ. Быстрота и скрытность движенія доставили этому предпріятію совершенный успѣхъ: 1 ноября отрядъ Гаубальда овладѣлъ стѣнами города посредствомъ эскалады, и захватилъ въ плѣнъ весь гарнизонъ. Это дѣло можно назвать образцовымъ. Девятаго ноября, Густавъ Адольфъ, оставивъ шестнадцать тысячъ подъ командою Горпа въ Франконіи, самъ двинулся съ осемнадцатію тысячами внизъ по лѣвому берегу Майна; между тѣмъ особый отрядъ шелъ по правому берегу, а артиллерія и обозы спущены были на лодкахъ по рѣкѣ; это средство Густавъ Адольфъ употреблялъ вездѣ, гдѣ представлялась къ тому возможность. Многіе города по Майну отпирали королю свои ворота, а гарнизоны, въ нихъ находившіеся, вступали большею частію въ шведскую службу. Въ числѣ покоренныхъ городовъ былъ также и Франкфуртъ, въ который Густавъ Адольфъ вступилъ 17 ноября, и оттолъ продолжалъ безостановочно двигаться къ Майнцу, оставивъ только шесть сотъ человѣкъ въ предмѣстіи Саксенгаузенъ. Въ Гёхстѣ присоединился къ Шведамъ ландграфъ гессенскій съ четырнадцатію тысячами человѣкъ, вслѣдствіе прежде сдѣланнаго ему королемъ предложенія. Когда Густавъ Адольфъ прибылъ со всею этою соединенною арміею къ Майнцу, то не нашелъ уже тамъ курфирста, но городъ былъ приведенъ въ довольно сильное оборонительное положеніе и защищаемъ двумя тысячами Испанцевъ, подъ командой маркиза Сильвы. Густавъ Адольфъ расположился на обоихъ берегахъ Майна, сколько возможно было удобнѣе.

Тилли полагалъ, что онъ не можетъ ничего важнѣе предпринять во Франконіи, какъ идти къ Анспаху,

гдѣ онъ видѣлъ возможность произвести новыя грабежи и опустошенія. Его сорока тысячная армія значительно уменьшилась. Герцогъ лотарингскій, предвидя опасность со стороны Франціи, возвратился въ свои владѣнія съ остатками арміи, которая почти вся пришла въ уничтоженіе отъ болѣзней. Генераль-коммисаръ Осса принужденъ былъ итти съ корпусомъ въ Швабію и въ Эльзасъ, для удержанія этихъ провинцій въ зависимости отъ Лиги, потому что онѣ начинали уже склоняться на сторону протестантовъ.

Но, съ другой стороны, Густавъ Адольфъ принужденъ былъ также, для подкрѣпленія Баннера, отозвать изъ Франконіи герцога Вильгельма веймарскаго, котораго онъ намѣренъ былъ присоединить къ Горну съ войсками, намерованными въ Тюрингенъ. Причиной этой перемѣны было то, что Паппенгеймъ отдѣлился отъ главныхъ непріятельскихъ силъ, съ тѣмъ, чтобы собрать въ Вестфалии и Саксоніи армію изъ разбросанныхъ католическихъ войскъ.

Густавъ Адольфъ построилъ мостъ на Майнѣ и началъ дѣлать укрѣпленія на правомъ берегу Рейна прямо противъ Майнца; но онъ вскорѣ убѣдился, что ему невозможно овладѣть этою крѣпостію безъ правильной осады, и что для этого ему необходимо перейти на лѣвый берегъ рѣки. Сначала онъ избралъ было для расположенія своихъ войскъ рейнскую долину ниже Майнца, потому что эта страна, по плодородію своему, могла облегчить ему содержаніе арміи; это обстоятельство, въ тогдашнее позднее время года, заслуживало особеннаго вниманія. Но вся страна, прилегавшая къ Рейну, была защищена испанскими войсками и вооруженными майнскими поселенцами; они хотя и отступили передъ шведскою арміею на лѣвый берегъ Рейна, но образовали тамъ десяти-тысячный корпусъ, который могъ препятствовать Шведамъ перейти черезъ рѣку, тѣмъ болѣе, что переправа не могла быть произведена иначе, какъ посредствомъ небольшого числа лодокъ. Это заставило короля швед-

скаго перейти въ страну, лежащую выше Майнца, съ тѣмъ, чтобы сдѣлать попытку переправиться тамъ черезъ Рейнъ: по прибывъ къ Майну, опъ получилъ извѣстіе, что Тилли обложилъ 19 ноября Нюренбергъ и угрожаетъ осадою. Тамошній гарнизонъ состоялъ изъ трехъ тысячъ пяти сотъ человѣкъ; къ нему присоединилось пять тысячъ вооруженныхъ жителей; комендантомъ города былъ графъ Генрихъ Вильгельмъ фонъ-Сольмсъ. Густавъ Адольфъ торжественно обѣщаль помогать Нюренбергу въ случаѣ опасности, а граждане, полагаясь на королевское слово, сдѣлались союзниками Шведовъ. Потому-то, Густавъ Адольфъ, не теряя ни минуты, двинулся 29 ноября къ Франкфурту, заставилъ этотъ городъ присоединиться къ лейпцигскому союзу, и чтобы на время отсутствія болѣе обезпечить себя, потребовалъ отъ жителей присяги на вѣрность. Опъ хотѣлъ-было, 30 ноября, продолжать идти къ Нюренбергу, какъ вдругъ получилъ извѣстіе, что Тилли опять снялъ осаду. Этотъ напрасно сдѣланный маршъ далъ бы время Испанцамъ и вооруженнымъ майнскимъ жителямъ приготовиться къ оборонѣ переправы черезъ Рейнъ выше Майнца, если бы они не сочли этого движенія чистою демонстраціею. Когда Густавъ Адольфъ двинулся 1 декабря назадъ, и прибылъ 3 числа въ Штокштадъ, (между Вормсомъ и Оппенгеймомъ), то не встрѣтилъ никакого другаго препятствія къ переправѣ, кромѣ прежняго недостатка въ лодкахъ. Опъ овладѣлъ городами: Штокштадомъ, Гернигеймомъ, Штейномъ, и многими другими вверхъ по Рейну до Гейдельберга. Около Герисгейма (въ окрестностяхъ Оппенгейма), рыбакъ указалъ Шведамъ потопленную барку. Приказавъ ее вытащить изъ воды и починить, Густавъ Адольфъ отправился между тѣмъ въ маломъ челнокѣ, въ сопровожденіи четырехъ человѣкъ рекогноспировать противулежащій берегъ. Потомъ, ночью съ 6 на 7 декабря, Шведы переправили черезъ рѣку триста человѣкъ при Герисгеймѣ, занявъ между тѣмъ канонадою оппенгейм-

скій гарнизонъ. Этотъ отрядъ вышелъ на берегъ въ лѣсу и подвергся нечаянно нападенію девятьюстами человекъ неприятельской кавалеріи: Шведы упорно защищались до прибытія къ нимъ подкрѣпленія семисотъ человекъ, съ которыми самъ король послѣшилъ къ нимъ на помощь, переправившись въ нѣсколькихъ лодкахъ, съ трудомъ собранныхъ. Въ продолженіи цѣлаго дня, невозможно было переправить болѣе осьми тысячъ человекъ. Король возвратился на правый берегъ, и уже 8 числа перешелъ черезъ Рейнъ съ остальной арміею. Девятаго декабря сдался городъ Оппенгеймъ, въ которомъ, кромѣ разныхъ другихъ запасовъ, король нашелъ также матеріалы для постройки моста. Потомъ онъ возвратился къ Майнцу, между тѣмъ какъ ландграфъ гессенскій облюбилъ его съ праваго берега Рейна. Растянутыя, дурно устроенныя укрѣпленія и слабость гарнизона не представляли никакихъ средствъ къ упорной оборонѣ; уже 13 числа Шведы достигли до края рва, и заложили фугасъ у самыхъ воротъ города. Велѣдъ за тѣмъ, Сильва подписалъ капитуляцію, и получилъ свободный выходъ съ двумя тысячами пятьюстами человекъ; большая часть изъ нихъ вступила въ шведскую службу. Густавъ Адольфъ приказалъ привести городъ по возможности въ сильное оборонительное положеніе, и построилъ на правомъ берегу Майна, при впаденіи его въ Рейнъ, извѣстный Густавсбургъ; это укрѣпленіе, господствуя надъ Майнцомъ, назначалось для того, чтобы затруднить осаду города съ южной стороны, и облегчить ее Шведамъ. Послѣ паденія Майнца, покорились безъ сопротивленія многіе другіе города по Рейну до Страсбурга; только Крейцнахъ и Франкенталь, обложенные Шведами, продолжали еще держаться.

14.

Въ концѣ этого года, силы обѣихъ воюющихъ сторонъ расположены были слѣдующимъ образомъ:

Армія Тилли, едва доходившая до тридцати тысячъ человекъ, размѣшена была между Нордлингеномъ и Дунаемъ; нравственный ея духъ находился на весьма низкой степени. Собственная армія курфирста баварскаго, состоявшая изъ двѣнадцати тысячъ, большею частию рекрутъ, расположена была на границахъ Баваріи. Богемскія войска стояли въ окрестностяхъ Табора; сила ихъ доходила до четырнадцати тысячъ. Въ Силезіи было пять тысячъ человекъ, разбросанныхъ по гарнизонамъ. Въ Нижней Саксоніи и Вестфаліи находилось подъ командою генераловъ: Рейнахера, Бениксгаузена, Фирмонда и Грансфельда около десяти тысячъ, которые съ трудомъ держались противъ протестантовъ. Сверхъ того небольшіе отряды католическихъ войскъ разбросаны были по разнымъ германскимъ областямъ. Во всѣхъ упомянутыхъ войскахъ происходили необыкновенно частые и многочисленные побѣги.

Со стороны протестантовъ, кромѣ многочисленныхъ гарнизоновъ, могли быть противопоставлены силамъ католической Лиги слѣдующія войска: осемнадцать тысячъ при Майнцѣ, подъ командою Густава Адольфа; четырнадцать тысячъ въ рейнской долинѣ подъ начальствомъ ландграфа гессенскаго; шестнадцать тысячъ подъ предводительствомъ Горна во Франконіи; десять тысячъ въ Турингіи подъ командою герцога Вильгельма воймарскаго; осемь тысячъ подъ начальствомъ Тотта въ Мекленбургіи; у Баннера подъ Магдебургомъ осемь тысячъ; въ брауншвейгскихъ владѣніяхъ шесть тысячъ пять сотъ человекъ, подъ предводительствомъ герцога Георга люнебургскаго, фельдмаршала нижне-саксонскаго округа; въ Богеміи стоялъ курфирстъ саксонскій съ двадцатью четырьмя тысячами, которыхъ усилены были еще пятью тысячами браденбургскихъ войскъ.

Такимъ образомъ, вся сила католиковъ, за исключеніемъ гарнизоновъ, доходила до шестидесяти тысячъ; изъ нихъ около пятидесяти тысячъ расположено было

лѣвымъ флангомъ въ Швабіи, правымъ въ Богеміи (къ граицамъ Моравіи), а тыломъ къ Дунаю. Сила протестантовъ превосходила сто тысячъ; изъ нихъ бѣльшая часть (а именно около осмидесяти тысячъ), расположены были противъ католической арміи въ одну линію, которой правый флангъ достигалъ почти до Кобленца; далѣе эта линія шла вдоль Рейна до Майнца, а оттоль простиралась черезъ нижнюю Франконію до Богеміи и оканчивалась въ Прагѣ. Протестанты отрѣзали этимъ расположеніемъ всю сѣверную половину Германіи и имѣли въ ней основаніе своихъ дѣйствій. Правда, что этотъ обширный театръ войны не былъ еще совершенно очищенъ отъ непріятельскихъ войскъ: но сопротивленіе, котораго протестанты могли ожидать на этомъ пространствѣ, было вовсе не опасно потому, что кромѣ численнаго перевѣса въ частныхъ встрѣчахъ, они имѣли еще въ резервъ армію герцога Вильгельма веймарскаго.

До этой поры театръ войны Густава Адольфа ежедневно увеличивался. Его положеніе, дѣлаясь болѣе и болѣе грознымъ для Австріи и даже для самой Германіи, имѣло весьма прочное основаніе. Какъ слабая вѣтвь, постепенно развиваясь, растетъ и становится большимъ деревомъ, такъ и незначущая сила нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ, освѣщенная лучами гевія, свершила исполинскій подвигъ. Казалось, что при этомъ положеніи, Густаву Адольфу легко было испровергнуть однимъ ударомъ изнеможенную Австрію. Если бы императоръ не принялъ лучшихъ мѣръ къ отвращенію грозившей ему опасности, то протестантамъ не много стоило бы труда поколебать власть его, потому, что отъ такой арміи, какова была армія Тилли, уничтоженная болѣе дурнымъ и боязливымъ употребленіемъ, нежели мечемъ непріятеля, нельзя было ожидать ничего важнаго. Католическія войска, совершенно разбитыя Густавомъ Адольфомъ въ генеральномъ сраженіи, почти въ теченіе всего похода не осмѣливались встрѣтиться съ непріятелемъ, и смотрѣли на

ежедневно увеличивавшіяся его пріобрѣтенія, не имѣя рѣшимости препятствовать его успѣхамъ. Защита переправъ черезъ Лехъ составляетъ единственное оборонительное дѣйствіе, которое впоследствии предпринято было Тылліемъ. Исторія указываетъ намъ, что Густавъ Адольфъ владѣлъ уже тогда всею Баваріею, когда приведены были въ дѣйствіе тѣ мѣры, которыя, безспорно, однѣ могли повести къ спасенію Фердинанда II. Употребленіе этихъ мѣръ возобновило борьбу Густава Адольфа, отдалило пораженіе императора и открыло новое поле случайностямъ причудной судьбы.

15.

Чтобы составить себѣ точное понятіе о положеніи Фердинанда II, должно къ потерѣ Богеміи, Силезіи и всей остальной Германіи (за исключеніемъ Баваріи и части Швабіи), присоединить еще послѣдствія политическихъ событій, и не упускать изъ виду, что Баварія имѣла намѣреніе приступить къ нейтралитету черезъ посредничество Франціи; почему курфирстъ уже въ 1631 году не отваживался присоединить свои войска къ католической арміи. Сверхъ того должно припомнить слѣдующее: что курфирстъ трирскій еще прежде объявилъ себя нейтральнымъ и отдался подъ защиту Франціи; что герцогъ лотарингскій, по настоянію Франціи принужденъ былъ отказаться отъ союза съ императоромъ; что политическое существованіе курфирста майнскаго прекратилось, и что черезъ это колебались сильнѣйшія подпоры австрійскаго дома, а именно курфирстъ баварскій, и двое духовныхъ владѣтельныхъ князей; что Турки опустошали венгерскую границу и угрожали вторженіемъ; что Французы препятствовали Испанцамъ подать сильную помощь императору; и наконецъ, что крайнее истощеніе, въ которомъ находились австрійскія провинціи, могло сдѣлаться источникомъ опасныхъ возмущеній, если бы

императоръ захотѣлъ произвести новый насильственный наборъ для пополненія своей арміи.

Отказъ, сдѣланный императоромъ на предложеніе мира, заслуживаетъ дань удивленія, если разсмотримъ, въ какой крайности онъ тогда находился, до какой степени были разстроены его военныя силы, и какъ онъ былъ связанъ въ своихъ дѣйствіяхъ: въ тогдѣшнемъ положеніи, онъ могъ заключить миръ только на унижительныхъ для Австріи условіяхъ. Фердинандъ не упустилъ изъ виду ни одного изъ тѣхъ пособій, которыя могли быть ему доставлены политическими сношеніями; онъ употребилъ всѣ старанія, чтобы снова привлечь на свою сторону курфирста саксонскаго, чтобы возбудить опять герцога лотарингскаго противъ Франціи, чтобы возжечь въ этомъ королевствѣ релігіозныя смуты, и чтобы возобновить переговоры съ королемъ англійскимъ; вмѣстѣ съ тѣмъ отправлены были посольства къ папѣ и другимъ италіянскимъ владѣтелямъ для полученія денежныхъ субсидій. Наконецъ, когда всѣ исчисленныя мѣры принесли мало пользы, императоръ видѣлъ себя вынужденнымъ искать средствъ къ спасенію собственныхъ своихъ владѣній.

16.

Густавъ Адольфъ утвердился такимъ образомъ на среднемъ Рейнѣ и въ Веттерави; а чтобы обезпечить себя въ этой странѣ, онъ овладѣлъ Мангеймомъ, Майнцомъ и другими укрѣпленными пунктами, и прервалъ тѣмъ сообщеніе между испанскими войсками, находившимися въ Пфальцѣ и Нидерландами: тогда только онъ снова обратилъ вниманіе на Франкоцію и Баварію. Тамъ Гилли дѣйствовалъ съ большимъ искусствомъ, и Горнъ, котораго силы были менѣе значительны, подвергся чувствительному урону, 28 февраля подъ Бамбергомъ. Густавъ Адольфъ рѣшился собрать большую часть войскъ во Франконіи, съ тѣмъ, чтобы напасть на Баварію, и для этого распредѣлилъ свои силы слѣ-

дующимъ образомъ: ландграфъ гессенскій получилъ назначеніе, прикрывать собственныя владѣнія въ сѣверной Германіи, а по соединеніи съ епископомъ бременскимъ, герцогомъ люнебургскимъ и фельдмаршаломъ Тоттомъ, ударить на Паппенгейма, окружить его со всѣхъ сторонъ и взять надъ нимъ верхъ. Баннеру и герцогу Вильгельму веймарскому приказано было присоединиться къ Густаву Адольфу во Франконіи; для этого король двинулся туда немедленно, соединился 11 марта съ Горномъ, и тогда армія его возрасла до тридцати двухъ тысячъ. На Рейнѣ оставленъ былъ съ частію войскъ канцлеръ Уксеншерна: онъ счастливо велъ войну противъ Испанцевъ, которые, между тѣмъ, успѣли получить новыя подкрѣпленія.

17.

Съ перваго взгляда нельзя съ точностію понять, какое стратегическое значеніе имѣла эта переправа черезъ Лехъ? Отъ чего Густавъ Адольфъ не переправился выше, или отъ чего онъ, по крайней мѣрѣ, не сдѣлалъ къ тому попытки? Всѣ писатели говорятъ, что позиція Тилли закрывала входъ въ Баварію, и что по этому Густаву Адольфу необходимо было взять ее силою. Но какимъ образомъ одинъ пунктъ могъ закрывать входъ въ цѣлое государство? этого никто изъ писателей не объясняетъ, потому что они, одинъ за другимъ, слѣпо повторяли эту мысль, не входя въ ея изслѣдованіе. Смѣшно было бы утверждать, что въ то время не знали еще искусства дѣлать обходы. По врожденному инстинкту, человѣкъ старается всегда обойти встрѣчаемое имъ на дорогѣ препятствіе, и одни только жалкіе созидатели теорій считаютъ обходы гениальнымъ изобрѣтеніемъ. Вѣроятно Густавъ Адольфъ нашелъ, что позиція непріятели была слаба, и что убѣжденіе Тиллія въ ея неприступности не имѣло никакого основанія: слѣдовательно, по мнѣнію короля, это представляло самый благопріятный случай разбить австрійскаго главнокомандующаго, прежде, нежели бы

онъ могъ успѣть соединиться съ Валленштейномъ. Многимъ можетъ быть покажется весьма страшнымъ мнѣніе, что позиція, занятая генераломъ Тилли, была слаба; хотя и не кстати было бы входить здѣсь въ подробный разборъ этого чисто тактическаго предмета, но мы постараемся вкратцѣ изложить нашу мысль.

Занятіе оборонительной позиціи за рѣкою можетъ имѣть двоякую цѣль: *стратегическую* и *тактическую*. Въ первомъ случаѣ, мы располагаемся такъ, чтобы посредствомъ передвиженій, вверхъ или внизъ по рѣкѣ, имѣть возможность собрать потребное число войскъ на томъ пунктѣ, на которомъ непріятель захочетъ переправиться. Кажется, что позиція, занятая Тиллиемъ, не имѣла этого назначенія. Если же мы становимся за рѣкою такъ, что рѣка входитъ въ составъ занимаемой нами позиціи, то такое расположеніе есть *тактическое*. Въ первомъ случаѣ, позиція обороняетъ рѣку, а во второмъ, рѣка прикрываетъ позицію. Въ последнемъ расположеніи могутъ еще встрѣтиться два случая: 1) поле сраженія можетъ находиться между рѣкою и позиціею, и тогда войска, занимающія послѣднюю, выступаютъ на встрѣчу непріятелю, въ то время, когда онъ переправляется черезъ рѣку, и атакуютъ его, прежде нежели онъ успѣетъ устроиться для боя; 2) рѣка можетъ быть обстрѣливаема съ позиціи сильнымъ картечнымъ и ружейнымъ огнемъ. Кто безъ надлежащей прозорливости, не принявъ ни одной изъ этихъ мѣръ, захочетъ избрать средину, того оборона окажется слабою и недействительною. Кажется, что Тилли впалъ именно въ эту ошибку, потому что всѣ сочинители описываютъ исключительно силу его позиціи: въ этомъ отношеніи она принадлежитъ ко второму разряду тактическихъ оборонительныхъ позицій. Но Тилли выступилъ изъ нее, чтобы остановить Шведовъ: по этому дѣйствию, она должна быть причислена къ первому разряду. По словамъ Гуальда, Густавъ Адольфъ не токмо перешелъ черезъ Лехъ въ двухъ мѣстахъ, но еще сверхъ того послалъ свою кавалерію,

на флангахъ, въ бродъ. Всѣ изложенныя подробности, равно какъ и многія другія, заключающіяся въ описаніи этого событія, обнаруживаютъ духъ половинныхъ мѣръ, принятыхъ Тилліемъ, при оборонѣ переправы черезъ Лехъ.

18.

Мысль, расположиться въ укрѣпленномъ лагерѣ, весьма оригинальна, и по обыкновеннымъ понятіямъ можетъ даже показаться странною. Такъ какъ Густавъ Адольфъ имѣлъ въ Баваріи и Швабіи около двадцати тысячъ человѣкъ, то гораздо естественнѣе было бы для него отступить въ эти провинціи, нежели предпринимать защиту обширнаго города съ столь несоответственно слабою арміею, которою онъ хотѣлъ окружить Нюренбергъ, какъ китайскою стѣною: при такомъ расположеніи онъ не токмо лишился возможности производить сильную оборону, но сверхъ того неминуемо подвергался голоду. Впрочемъ, если устранить обыкновенныя сужденія, то легко найти такія причины, которыя болѣе или менѣе могутъ оправдать дѣйствія короля въ глазахъ безпристрастнаго судьи. *Во-первыхъ* это было бы первое отступательное движеніе Густава Адольфа въ продолженіи всей войны, веденной имъ въ Германіи, и онъ могъ справедливо опасаться вреднаго вліянія на духъ войска и народа; *во-вторыхъ*, онъ принужденъ былъ отдать на жертву Нюренбергъ со всѣми сокровищами, и не сдержатъ даннаго имъ обѣщанія защищать городъ въ случаѣ опасности; *въ-третьихъ*, онъ слишкомъ удалился бы отъ Саксоніи, которая со всѣхъ сторонъ была открыта. *Въ-четвертыхъ*, большіе запасы продовольствія, находившіеся въ Нюренбергѣ, уничтожали опасенія на счетъ голода. *Въ-пятыхъ*, народонаселеніе въ Нюренбергѣ было столь значительно, что прежде не могли выставить около тридцати тысячъ человѣкъ, способныхъ носить оружіе, и такимъ образомъ сильно подкрѣпить шведскую армію и замѣпить тѣ войска, кото-

рыя король имѣлъ возможность притянуть изъ Баваріи и Швабіи. По расчету Густава Адольфа, можно было придать лагерю весьма значительную силу посредствомъ полевыхъ укрѣпленій, и потому онъ потребовалъ отъ нюрнбергскихъ гражданъ не болѣе шести или осьми тысячъ подкрѣпленія. Если разберемъ источники, изъ которыхъ въ то время обыкновенно происходили войны, если примемъ въ соображеніе важность Нюрнберга, какъ вольнаго имперскаго города, и если припомнимъ ту силу, которую тогда вообще приписывали укрѣпленнымъ позиціямъ, то нельзя не примириться съ намѣреніемъ Густава Адольфа. Но одно прямое разсужденіе не могло бы никогда довести до столь рѣшительнаго поступка. Смѣлость, которая въ немъ обнаруживается, увѣренность въ счастіи долѣе постоянно сопутствовавшемъ, вотъ черты генія, вотъ свойства души великой, которыхъ нельзя ни взвѣсить ни измѣрить, и которыя, однимъ словомъ, не каждому даются въ удѣлъ.

19.

Причины, по которымъ Валленштейнъ, не смотря на перевѣсъ въ силахъ, не атаковалъ шведскаго короля, объясняются двусмысленною преданностію его къ императору. Онъ разсчитывалъ, что посредствомъ искуснаго употребленія своей многочисленной кавалеріи ему удастся отрѣзать Густава Адольфа отъ окрестныхъ мѣстъ и поставить его въ необходимость довольствоваться тѣми запасами, которые находились въ городѣ. Онъ надѣялся, что тогда голодъ сдѣлаетъ короля шведскаго сговорчивѣе и заставитъ его приступить къ переговорамъ. Валленштейнъ вообще болѣе былъ склоненъ къ переговорамъ, нежели къ употребленію рѣшительныхъ мѣръ: доказательствомъ тому служить его несчастная кончина. Совершенная побѣда, одержанная имъ надъ врагами Австріи, привела его уже однажды въ опасность лишиться своего политическаго существованія: по этому теперь онъ

имѣлъ въ предметѣ не одну токмо побѣду, но и заключеніе мира, смотря по тому, что болѣе могло соотвѣтствовать его видамъ.

Въ теченіи первыхъ шести недѣль, когда обѣ арміи стояли другъ противъ друга, Валленштейнъ сдѣлалъ попытку напасть на шведскій лагерь въ такомъ пунктѣ, который, по его мнѣнію, былъ защищенъ слабѣе другихъ: это нападеніе, окончившееся неудачей, стоило ему только трехъ сотъ человѣкъ убитыми. Въ открытомъ полѣ возникали между войсками обѣихъ сторонъ частыя и упорныя стычки за фуражъ, при которыхъ Шведы, къ удивленію, оставались большею частию побѣдителями. Важнѣйшимъ предпріятіемъ этого рода было взятіе и уничтоженіе значительнаго австрійскаго магазина въ Фрейштатѣ; Шведы удачно овладѣли имъ 29 іюня.

20.

Густавъ Адольфъ, имѣя сильное желаніе вести войну въ южной Германіи, хотѣлъ сначала обложить Ингольштатъ, а потомъ слѣдовать черезъ Баварію въ Австрію; но какъ Валленштейнъ, не обративъ вниманія на эту диверсію, продолжалъ бити противъ курфирета саксонскаго, то Густавъ Адольфъ счелъ полезнымъ не упорствовать болѣе въ своемъ намѣреніи и не жертвовать сѣверною Германіею для того, чтобы дѣлать завоеванія въ южной. Хотя недовольные императоромъ Австрійцы готовы были помогать королю шведскому, и хотя осада Вѣны, какъ казалось, не представляла большихъ затрудненій, но нельзя было вовсе упускать изъ виду и другихъ обстоятельствъ. Взятіе столицы не прекратило бы войны, а пока бы Густавъ Адольфъ былъ занятъ дѣйствіями на югѣ, дѣла въ Саксоніи могли принять неблагопріятный оборотъ и тогда плоды всѣхъ прежнихъ его успѣховъ были бы вдругъ уничтожены. Французы, нѣмецкіе дипломаты и Валленштейнъ составили трехъ-главое

чудовище, порожденное смертельнымъ ударомъ, который нанесенъ былъ австрійскому дому.

Мы не приводимъ этого примѣра въ доказательство, что Густавъ Адольфъ вездѣ дѣйствовалъ по самымъ основательнымъ соображеніямъ, но говоримъ объ этомъ предметѣ потому, что положили себѣ правиломъ излагать всѣ событія въ такомъ видѣ, въ какомъ онѣ должны представляться непринужденному взгляду читателя, не увлекающагося одностороннимъ сужденіемъ. Въ погрѣшность послѣдняго рода впадаютъ къ сожалѣнію многіе военно-историческіе писатели: они основываютъ свои сужденія на софизмахъ, и дѣлаютъ изъ нихъ такіе выводы, какіе имъ заблагоразсудится. Изложенныя нами причины при первомъ взглядѣ обращаютъ на себя вниманіе; но онѣ, можетъ быть, не были важнѣйшими въ числѣ тѣхъ, которыя заставили Густава Адольфа принять рѣшительное намѣреніе. Кто не привязывается педантически къ наружнымъ формамъ, а болѣе вникаетъ въ сущность или духъ войны, тотъ не можетъ не сдѣлать замѣчанія, что безконечное множество причинъ имѣетъ вліяніе на выборъ тѣхъ дѣйствій, на которыя полководецъ рѣшается; но изъ этихъ причинъ самая только малая часть переходитъ потомству въ настоящемъ не искаженномъ видѣ, и то въ такомъ токмо случаѣ, когда или самъ полководецъ или кто-либо изъ его приближенныхъ передаетъ ихъ въ запискахъ, заслуживающихъ довѣріе. Изъ числа многихъ причинъ, заставившихъ Густава Адольфа отказаться отъ предначертанной имъ диверсіи, мы приводимъ только нѣкоторыя, предполагая, что остальные къ намъ не дошли; но изложенныя нами обстоятельства доказываютъ слѣдующее: причиною рѣшительности Густава Адольфа не была мысль, что *для противодѣйствія непріятелю должно непременно расположиться прямо противъ него*: еще менѣе вліянія могло имѣть *неумѣніе сдѣлать диверсію*. Но въ наше время нѣкоторые военные сочинители были такъ недальновидны, что приписывали подобнымъ причинамъ вліяніе на измѣненіе плана дѣйствій многихъ полко-

водцевъ. Не рѣдко два генерала, дѣйствуя одинъ противъ другаго, стараются взять верхъ другъ надъ другомъ посредствомъ взаимныхъ диверсій: этотъ случай такъ часто встрѣчается и въ теоріи военнаго искусства и на самой войнѣ, что врядъ ли найдется кто-нибудь, которому бы онъ не былъ извѣстенъ. Посредственный генераль обыкновенно охотнѣе одолеваетъ своего противника прямыми фронтальными дѣйствіями, нежели помощію диверсій. Причина этого предположенія заключается не въ недостаткѣ прозорливости, но въ томъ, что диверсія имѣетъ свойства дѣйствія наступательнаго, которое требуетъ гораздо болѣе дѣятельности и предприимчивости, нежели прямое дѣйствіе съ фронта *.

21.

Валленштейнъ имѣлъ намѣреніе предупредить короля шведскаго и занять пересѣченную мѣстность вдоль рѣки Заале выше Наумбурга, чтобы тѣмъ отчасти заградить ему путь въ Саксонію. Но какъ Шведы успѣ-

* Наше мнѣніе въ этомъ случаѣ совершенно согласно съ мнѣніемъ сочинителя. Полководецъ, для нанесенія чувствительнаго удара своему противнику, избираетъ иногда такой театръ войны, на который непріятель не дѣйствуетъ; чтобы сдѣлать подобнаго рода выборъ, необходимо имѣть прощцательное, и во всѣхъ отношеніяхъ здравое сужденіе. Еще болѣе нужна твердость характера, чтобы удержаться при своемъ планѣ, не смотря на первоначальныя жертвованія, и не обращая вниманія на возгласы толпы тѣхъ недалковидныхъ стратегиковъ, которые, часто увлечаясь неважными предметами, упускаютъ изъ виду существенныя. Употребленіе рѣшительной диверсій, о которой мы здѣсь говоримъ, будетъ правильна и полезна въ такомъ только случаѣ, когда мы тѣмъ принудимъ противника къ отступленію, и лишимъ его возможности сдѣлать противъ насъ диверсію. Правда, что бывають иногда не весьма значительныя диверсій, при которыхъ мы подвергаемъ непріятеля болѣе чувствительному урону, нежели себя, и заставляемъ его дѣлать большія жертвованія. Но мы здѣсь вовсе не намѣрены говорить о диверсіяхъ, предлагаемыхъ такими писателями, которые считаютъ, что верхъ искусства въ военномъ дѣлѣ состоитъ въ избѣжаніи боя.

(Примѣч. прусскаго генерала графа фонъ-дербъ-Гребель, издателя сочиненій генерала Клаузевица.)

ли ранѣе Имперцевъ дойти до Наумбурга, то Валленштейнъ, по совѣту своихъ генераловъ, призналъ вреднымъ идти далѣе и собралъ 4 полбря свою армию на тѣсныя квартиры около Мерзебурга. Въ этомъ положеніи, онъ находился съ одной стороны между Саксонцами, стоявшими на Эльбѣ, а съ другой между Шведами и тѣми войсками, которыя подъ командою герцога люнебургскаго шли усиленными маршами изъ ниже-саксонскаго театра войны на соединеніе съ Саксонцами. Это обстоятельство вѣроятно заставило Валленштейна, по всеѣмъ разсчетамъ благоразумія, избрать упомянутое стратегическое расположеніе, потому что объ основаніи дѣйствій бесполезно было бы въ то время заботиться. Казалось, что Валленштейнъ подвергался большой опасности, расположившись въ центрѣ такого круга, по котораго радіусамъ со всеѣхъ сторонъ двигались корпуса непріятельскихъ войскъ. Дѣйствительно, такое расположеніе было опасно, но нельзя его назвать ошибочнымъ, потому что оно не рѣдко представляетъ единственное средство дать отпоръ нѣсколькимъ противникамъ въ одно время. Главная цѣль Валленштейна состояла въ томъ, чтобы вступить въ бой съ Густавомъ Адольфомъ до соединенія всеѣхъ непріятельскихъ корпусовъ. Такимъ образомъ все зависѣло отъ соображеній: по правильны ли были соображенія Валленштейна, объ этомъ мы не можемъ разсуждать, не имѣя для этого достаточныхъ данныхъ; судя однако же по *последствіямъ*, должно полагать, что разсчеты Валленштейна были основательны. Возьмемъ самый неблагоприятный результатъ, то есть, что Валленштейнъ подвергся разбитію: то и въ такомъ случаѣ, онъ имѣлъ довольно времени къ тому, чтобы уклониться отъ концентрическаго дѣйствія непріятельскихъ корпусовъ, и обратиться въ Богемію. Далѣе, Валленштейнъ расположился въ Мерзебургѣ, съ тѣмъ, чтобы открыть непріятелю дорогу въ Лейпцигъ, и если бы Густавъ Адольфъ двинулся туда со своею арміею, напасть на него неожиданно, на открытой и ровной мѣстности.

Онъ ꙗкже отрядилъ изъ Мерзебурга Паппенгейма къ Галле, приказавъ ему овладѣть этимъ пунктомъ. Черезъ это открылся главный путь въ Сѣверную Германию, по которому Валленштейнъ принужденъ былъ бы отступить, если бы Густаву Адольфу удалось соединиться съ своими союзниками до вступленія въ рѣшительный бой съ Имперцами. Тогда, можетъ быть, король шведскій попытался бы перенести войну въ Вестфалию и Нижнюю Саксонію, и такимъ образомъ отдалился бы отъ австрійскихъ родовыхъ земель, и совершенно удовлетворилъ бы личнымъ выгодамъ Валленштейна. Впрочемъ Паппенгеймъ, стоя въ Галле, находился въ такомъ близкомъ разстояніи отъ главныхъ имперскихъ силъ, что на случай сраженія, могъ безъ труда поспѣть къ нимъ на помощь.

22.

Густавъ Адольфъ возымѣлъ мысль устроить театръ войны, на которомъ бы онъ имѣлъ возможность противупоставить достаточно длинный фронтъ огромному базису, составленному изъ всей массы австрійскихъ владѣній. Это намѣреніе согласовалось съ его политическими видами, требовавшими продолжительнаго и постоянного пребыванія Шведовъ въ Германіи. Самый ходъ предпріятій Густава Адольфа явственно обнаруживаетъ эту мысль. Король постоянно ею руководствовался, и она-то вѣроятно подала ему поводъ избрать главнымъ предметомъ дальнѣйшихъ дѣйствій овладѣніе Альзациею, чтобы тѣмъ обезпечить себя на Верхнемъ Рейнѣ. Вѣроятно, все его вниманіе было уже устремлено на достиженіе этой цѣли, когда онъ направился съ главными силами изъ окрестностей Майнца во Франконію, и не хотѣлъ допустить, чтобы Французы овладѣли Альзациею.

Изслѣдовавъ эту великую мысль, объясняющую единство разнообразныхъ дѣйствій, въ трехъ походахъ Густава Адольфа, можно сказать, что онъ находился на той точкѣ, на которую насъ поставило развитіе

этого рода понятій, полтора вѣка спустя. Мы уже однажды объяснили, какое преимущество имѣлъ передъ нами Густавъ Адольфъ и его вѣкъ; оно состояло въ обширномъ и высокомъ возрѣніи на военныя силы и ихъ дѣйствія, столь рѣзко отличающіяся отъ обыкновеннаго разсчета физической массы войскъ; при такомъ возрѣніи духъ предпріимчивости разгарается, подобно искрѣ огня, окруженной чистымъ кислотворомъ.

Великое дѣло, предпріятое Густавомъ Адольфомъ, не было dokonчено, и по его смерти распалось на части. Валленштейнъ усердно дѣйствовалъ въ пользу австрійскаго дома, только въ началѣ новаго періода своей жизни; впоследствии онъ сдѣлался менѣе дѣятельнымъ: слѣдовательно разрушеніе военно-политическаго зданія, воздвигнутаго Густавомъ Адольфомъ, не могло произойти отъ ударовъ оружія. Смерть короля была единственною тому причиною. Всѣ нити этой огромной ткани связаны были его волею, и съ той минуты, когда эта воля перестала творить и дѣйствовать, связь между частями исчезла и слѣдствія ея только изрѣдка обнаруживались въ частныхъ дѣйствіяхъ.

Хотя тутъ причины и послѣдствія весьма близки другъ къ другу, и взаимныя ихъ отношенія объясняются удовлетворительно, но мы сдѣлаемъ еще одно замѣчаніе. Густавъ Адольфъ имѣлъ такихъ достойныхъ преемниковъ, что немногіе изъ знаменитыхъ государей могли льстить себя надеждою оставить по себѣ подобныхъ. Оксеншернъ по своимъ качествамъ и по мѣсту, которое онъ занималъ при тогдашнихъ обстоятельствахъ, былъ въ особенности способенъ къ тому, чтобы замѣнить Густава Адольфа, какъ главу всѣхъ частей; побѣдоносный же мечъ короля перешелъ въ руки, достойныя владѣть имъ, то есть въ руки герцога Бернгарда, Банпера и Горна. За всѣмъ тѣмъ, эти раздробленныя силы не были въ состояніи произвести что-либо важное, въ сравненіи съ тѣмъ, что могъ

сдѣлать Густавъ Адольфъ. Отъ чего? Отъ того, что одна мысль о величинъ Густава Адольфа уже чрезвычайно сильно дѣйствовала на умы нѣмецкихъ князей. Онъ, однимъ своимъ кредитомъ, выполнялъ такія предпріятія, которыя далеко выходили изъ предѣловъ его силъ и средствъ. Смертію Густава Адольфа прекратилось вѣрованіе въ силу Шведовъ, и не смотря на дѣйствительное ея существованіе, ходъ цѣлой машины остановился. Легко усмотрѣть цѣль сдѣланнаго нами замѣчанія: мы желаемъ показать, до какой степени мы убѣждены въ томъ, что предубѣжденіе имѣетъ часто весьма сильное вліяніе на ходъ военныхъ и политическихъ событій.

Дѣла Шведовъ въ Германіи, по смерти Густава Адольфа, были такъ слабо поддерживаемы, что связь между частями, на общемъ театрѣ войны, совершенно уничтожилась. Генералы принуждены были сами заботиться о собственной безопасности, и не могли уже помышлять о томъ, чтобы поддерживать другъ друга; такимъ образомъ исчезла вся польза *систематическихъ завоеваній*, какъ слѣдуетъ назвать походы Густава Адольфа. Не смотря на то, Баннеръ, герцогъ Беригардъ веймарскій, Торстенсонъ и Врангель, одинъ за другимъ, еще въ продолженіи шестнадцати лѣтъ удерживались въ Германіи. Война приняла опять тотъ самый видъ, который данъ былъ ей Мансфельдомъ и Христіаномъ Брауншвейгскимъ до прибытія Шведовъ: генералы производили набѣги съ отдѣльными отрядами отъ одного конца Германіи до другаго.

Доселѣ существовало постоянно мнѣніе, что искусство вести войны безъ настоящаго театра дѣйствій, и можно сказать, безъ всякихъ военныхъ учрежденій, принадлежало исключительно тому времени, когда арміи были весьма малочисленны. Это отчасти справедливо; но не менѣе справедливо и то, что недостатокъ базиса приводилъ арміи въ крайнее ослабленіе, такъ что онѣ съ трудомъ могли двигаться, и принуждаемы бывали наконецъ, вовсе отказываться отъ по-

ложительной дѣятельности. Не смотря однако же на то, что тогдашнія арміи въ сложности, едва равнялись третьей доли теперешнихъ, содержаніе ихъ сопряжено было съ такими же издержками, какъ и содержаніе арміи въ новѣйшія времена. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно вспомнить о тогдашней многочисленной кавалеріи (которой число у Австрійцевъ обыкновенно равнялось числу пѣхоты), о множествѣ лишнихъ лошадей и людей въ конницѣ, потому что каждый фронтовой всадникъ имѣлъ еще заводную лошадь и при ней конюха. Не должно забывать также объ огромныхъ обозахъ, слѣдовавшихъ за арміями, и о томъ, что тогда не извѣстно еще было искусство продовольствовать людей и лошадей съ большою бережливостію, которая въ новѣйшее время доведена до крайности, такъ, что войска нерѣдко претерпѣваютъ недостатокъ. Но если бы даже вышеприведенная мысль (до излишества многими военными писателями повторяемая), осталась въ полной силѣ, то и въ такомъ случаѣ изъ нее можно бы было вывести токмо то заключеніе, что тогдашнія арміи при бѣльшей численности представляли бы еще больше труда въ управленіи; но не менѣе того они могли бы существовать и продовольствоваться. Никто не можетъ оспоривать, что армія, продовольствуемая изъ обезпеченныхъ магазиновъ, имѣетъ большой перевѣсъ надъ такою арміею, которая принуждена сама заботиться о добываніи продовольствія; но это преимущество существуетъ до тѣхъ поръ, пока упомянутыя отношенія продолжаются. Армія, неимѣющая магазиновъ, будетъ стараться вести войну въ той странѣ, гдѣ бы непріятель, относительно продовольствія, принужденъ былъ находиться въ одинаковомъ съ нею положеніи. Но здѣсь рождается вопросъ: можетъ ли она всегда это сдѣлать? Мы скажемъ въ отвѣтъ, что она не въ состояніи этого достигнуть, если театры дѣйствій противника расположены такимъ образомъ, что каждый ударъ, направленный на непріятельскія владѣнія, можетъ быть отклоненъ. Одни только на педан-

тизмѣ основанныя предразсудки, могли породить мнѣніе, что армія, дѣйствующая безъ базиса и магазиновъ, не можетъ производить такихъ движеній, не подвергаясь опасности вскорѣ погибнуть отъ голода. Стоитъ только бросить взглядъ на Германію, чтобы замѣтить, сколько она представляетъ вездѣ удобныхъ пространствъ для вторженія, потому что малое число крѣпостей и недостаточное обезпеченіе границъ въ военномъ отношеніи, представляютъ самое слабое сопротивленіе. Нельзя не признать, что въ войнѣ подобнаго рода, вліяніе моральной силы на физическія массы бываетъ чрезвычайно велико. Слѣдовательно, государь, который хочетъ защитить безопасность своихъ подданныхъ и поддержать свободу, достоинство и самостоятельность своихъ владѣній; который увѣренъ въ мужественной силѣ и доблестяхъ своего народа; который имѣетъ дѣло съ непріателемъ, непривыкшимъ быть побѣжденнымъ; который въ состояніи предложить противнику борьбу, облеченную въ новый видъ, посредствомъ внутренняго образованія войскъ и посредствомъ точности, быстроты и порядка въ ихъ употребленіи; который чувствуетъ недостатокъ въ способныхъ полководцахъ, только въ чрезвычайныхъ случаяхъ, когда онъ не захочетъ уклониться отъ обыкновеннаго пути; наконецъ, государь, который обнаживъ мечъ на защиту своей земли, находитъ, что каждый мирный и довольный своимъ бытомъ гражданинъ готовъ охотно ему содѣйствовать, простираетъ къ нему руку, въ залогъ вѣрности, и оставляетъ домашнія занятія съ тѣмъ, чтобы взяться за дѣдовское оружіе, покоившееся полстолѣтія въ ржавчинѣ и подъ защитою заслуженнаго уваженія всей Европы, — такой государь не можетъ опасаться войны.

Конецъ IV-го тома.

